Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

1898. № 4

АПРѢЛЬ.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. ПЕРЕПИСКА И. С. ТУРГЕНЕВА СЪ П. В. АННЕНКОВЫМЪ (1871—1883). Съ предисловіемъ и примѣчаніями **Л. Н. Майкова**..... 365

II. НЕВИННАЯ ИГРА. Повѣсть. Гл. XXII—XXVIII. (*Окончаніе*). **А. В. Стернъ**..... 380

III. УЧИТЕЛЯ И УЧИТЕЛЬНИЦЫ. **Проф. С. А. Рачинскаго**..... 422

IV. ПОДЪ РАЗНЫМИ ФЛАГАМИ. Романъ. Часть вторая. Гл. I—VI. **Ѳ. Э. Ромера**..... 437

V. КЛАССИЦИЗМЪ, КАКЪ НЕОБХОДИМАЯ ОСНОВА ГИМНАЗИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ. Часть вторая. Историческій очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи. Гл. VI. **Графа П. А. Капниста**..... 480

VI. ДВѢ ЛЕГЕНДЫ. Стихотвореніе. **Ѳедора Сологуба**.... 524

VII. ГОДЫ СЛУЖБЫ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА ВЪ МОСКОВСКОМЪ ЦЕНЗУРНОМЪ КОМИТЕТѢ. 1859 годъ. Гл. VI. **Князя Н. В. Шаховскаго**..... 526

VIII. ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. VI. Изъ тревожной эпохи. Гл. III. Заговоръ. **П. П. Суворова**..... 540

IX. КНИГА ОСОБЕННО ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЙ СУДЬБЫ. Гл. IV. **В. В. Розанова**..... 557

X. ВЪ ДВОРЯНСКОМЪ ГНѢЗДѢ. (Изъ записокъ судебнаго пристава). Разсказъ. **Б. А. Добротворскаго-Зассъ**.... 574

XI. ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ И СТАРО-КАТОЛИЦИЗМЪ. (Рѣчь въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ). **А. А. Кирѣева**..... 593

XII. НЕРАВНЫЙ БРАКЪ. Повѣсть. (*Окончаніе*). **Ф. Эварта**. (Переводъ съ нѣмецкаго **О. А. Прибытковой**)..... 609

XIII. СОТРУДНИКИ КНЯЗЯ АДАМА ЧАРТОРЫЙСКАГО ВЪ ДѢЛѢ УСТРОЙСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ (*Продолженіе*). **Ю. Ѳ. Крачковскаго**..... 623

XIV. „ПУСТЬ МИМО ВСЯ ПЕЧАЛЬ СКОЛЬЗИТЪ ЗЕМНАЯ!“... Стихотвореніе. **Н. Ѳ. Плахово**..... 638

XV. ПУТЕШЕСТВІЕ АНТІОХІЙСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ ВЪ РОССІЮ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII В., ОПИСАННОЕ СЫНОМЪ ЕГО АРХИДІАКОНОМЪ ПАВЛОМЪ АЛЕППСКИМЪ. Книга X. Гл. I—III. (Переводъ съ арабской рукописи. **Проф. Г. А. Муркоса**)..... 639

XVI. ВАХТАНГЪ. Грузинская легенда. **А. Эмге**..... 653

XVII. ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ АЛЬФОНСѢ ДОДЭ. **Леона Додэ**. (Переводъ съ французскаго **А. Ч.**)..... 685

XVIII СЕМЕЙСТВО КНИ. Разсказъ. **Эдуарда Рода**. (Переводъ съ французскаго. **О. П.**)..... 706

XIX. „СЛОВНО ГОСТЬ ИЗЪ НАДЗВѢЗДНАГО КРАЯ.“... Стихотвореніе. **В. Ѳ. Саводника**..... 719

(См. слѣдующую страницу обертки).

Digitized by Google

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

Russkoe obozrenie

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

АПРѢЛЬ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

Digitized by Google

UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

AP50
.R95
v.9
Apr
1898

The UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

Digitized by Google

ПЕРЕПИСКА И. С. ТУРГЕНЕВА СЪ П. В. АННЕНКОВЫМЪ

СЪ 1871 ПО 1883 ГОДЪ [1].

1872 годъ.

XV.

Анненковъ—Тургеневу.

10 января 1872 (Спб.).

Я давно не писалъ вамъ по нездоровью, да и теперь не охотно пишу, но надо же сказать, что повѣсть ваша имѣетъ большой, даже восторженный успѣхъ въ публикѣ, который не отражается въ литературѣ, гдѣ все толкуютъ, что въ ней нѣтъ никакого вопроса. Желающіе имѣть серьезный видъ тоже выражаютъ эту новую мысль, но заглушены энтузіастами, а послѣднихъ много. Таковы почти всѣ мои знакомые безъ исключенья, особенно женщины. Хоръ похвалъ и восхищеній все еще растетъ—вы можете быть спокойны. Рукопись вашу мнѣ обѣщалъ возвратить Стасюлевичъ. Я не теряю надежды, что когда-нибудь изъ нея пропадетъ омерзительная груша, которую Санинъ очищаетъ для мужа любовницы своей. Заключаю повтореньемъ, что и философы, жаждущіе вопроса, сознаются, что мастерство изложенія и рельефность характеровъ и положеній врядъ ли далѣе могутъ быть усовершенствованы.

Я внесъ въ литературный фондъ 25 р. и подписался на всѣ журналы; только не знаю, получаете ли вы *даровой Русскій Вѣстникъ*, или слѣдуетъ подписаться тоже.

Впрочемъ, все по старому. Молодой князь Кантакузенъ присоединяетъ къ своей фамиліи титулъ графа Сперанскаго. „Заслуги въ гробѣ созрѣваютъ“, сказалъ кто-то. Стало-быть, дѣло въ бездѣлицѣ, только имѣть ихъ.

Весь вашъ П. Ан.

[1] *Русское Обозрѣніе*, 1898 г., № 3.

Digitized by Google

XVI.

Анненковъ—Тургеневу.

18 января с. с. 1872 года. Итальянская, домъ Овсянникова.

Добрый другъ Иванъ Сергѣевичъ! Я тоже намѣренъ прислужиться вамъ посылкой *Московскихъ Вѣдомостей* № 9, гдѣ повѣсть ваша разругана *безчестнымъ* образомъ. Авторъ — нѣкій Антроповъ. Хотя вы добрымъ вѣстямъ вообще плохо вѣрите, предпочитая имъ ядовитыя извѣстія, но все-таки долженъ вамъ сказать, что ругательство это возбудило общее омерзѣніе, даже у молодежи, распознавшей-де въ немъ разчеты Каткова и давно пѣнившуюся у него желчь за оставленіе вами *Русскаго Вѣстника*. Писемскій, имѣющій сношенія черезъ сыновей съ московскими студентами, поспѣшилъ мнѣ написать, для передачи вамъ, что университетъ *in corpore* возмущенъ этимъ цинническимъ поступкомъ, а я прибавлю отъ себя, что имъ возмущены и здѣшніе хладнокровные и Каткову благоволящіе индивиды. Кстати еще: оказалась разновидность въ мнѣніяхъ, довольно курьезная, о повѣсти: нѣкоторые не похваляютъ исторіи съ итальянкой и восхищаются таковою же съ Полозовой. Общее мнѣніе окончательно слагается такъ: недостаетъ созерцанія, но мастерство еще возросло. Если вы уже прочли и прежде моей посылки рецензію Антропова, то все-таки не мѣшаетъ имѣть вырѣзку для храненія.

А о дѣлахъ слѣдующее: о m-me Гериттъ справлюсь у Ге, которые съ ней дружны. „Каменный гость“ еще не выходилъ. Онъ печатается въ Лейпцигѣ, и проще было бы, кажется, адресоваться туда, если у васъ есть знакомый музыкальный магазинъ. Впрочемъ, какъ хотите.

Авдѣева нѣтъ, Григоровичъ есть, и стало быть, ваше письмо получилъ... Странно, что онъ да Боборыкинъ дѣйствуютъ на мою хладнокровную природу противно, точно bisque d' écrevisses, котораго я никогда ѣсть не могъ.

Все остальное по времени будетъ исполнено. Вы не должны роптать на позднее полученіе журналовъ. Нѣкоторые изъ нихъ (*Отечественныя Записки, Дѣло*) выходятъ только 15-го каждаго мѣсяца, да у меня еще дней 3—5 гостятъ. Это единственный процентъ, который я беру съ комиссіи отъ васъ, но можно и его уничтожить.

Digitized by Google

Здѣсь Іохимъ. Это своего рода чудо, какъ покойный Таузигъ. Ужь какихъ скрипокъ мы ни слыхивали, но такой задушевности безъ жеманства, какъ у Ауэра, и такихъ нѣжнѣйшихъ звуковъ и кружевъ на замирающемъ piano мы еще и не чувствовали. Отъ того и ошалѣли.

Желаніе ваше исполнилось. Шнейдершу ошпкали въ „Периколѣ", гдѣ она изволила сморкаться въ руку, толкать локтями въ брюхо любовника, икать отъ голода и прочее. За то бѣшенствующую Паску носили на рукахъ. Баба однообразная, но съ душкомъ.

П. Ан.

XVII.

Анненковъ—Тургеневу.

7 февраля ст. ст. 1872 г. С.-Петербургъ.
Итальянская, домъ Овсянникова.

Я могу написать вамъ теперь, любезный другъ, нѣсколько строкъ о г-жѣ Гериттъ. Она не состоитъ болѣе при консерваторіи и не имѣетъ никакого дѣла съ дирекціей, которая, ангажировавъ ее на 7 спектаклей, не пожелала возобновить съ ней контракта. Но, какъ слышно, она, т. е. Гериттъ, не вовсе отказалась отъ мысли поступить на сцену и думаетъ осуществить свой планъ на какомъ-либо итальянскомъ театрѣ въ самой Италіи, куда даже собиралась ѣхать. Покамѣсть она живетъ между многочисленными своими знакомыми, которые ее очень любятъ: должно быть, въ этомъ взбалмашномъ характерѣ есть черты оригинальныя и привлекательныя для людей, не связанныхъ съ нимъ серьезными жизненными узами. Что услышу далѣе—сообщу, но справки о ней затруднительны, ибо она умѣла поселить въ своихъ знакомыхъ подозрѣніе, что любопытство по отношенію къ ней не можетъ быть дружественнаго и благорасположеннаго характера.

Я къ вамъ послалъ „Каменнаго гостя", по почтѣ, и фотографію со статуи Антокольскаго чрезъ комиссію.

Итакъ, Николая Милютина болѣе нѣтъ на свѣтѣ, но въ исторіи онъ будетъ жить не малое число лѣтъ. Кавелинъ хочетъ разсказать свое знакомство съ нимъ въ *Вѣстникѣ Европы*, а Арапетовъ — послѣдніе дни его жизни въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Не знаю, почему мы ожидаемъ здѣсь съ каждою почтой извѣстій о какомъ-либо кавардакѣ во Франціи. Бѣдная страна, по-

Digitized by Google

хожая на плохаго писаку, который сочиняетъ пять или восемь трагедій и романовъ въ одно время.

Въ прошлую ночь Краевскій долженъ былъ представлять фигуру, достойную кисти Ге по своему выраженію. Онъ получилъ извѣщеніе о закрытіи его газеты на 4 мѣсяца, т. е. объ извлеченіи изъ его кармана 30, а нѣкоторые утверждаютъ—50 тысячъ рублей. И поводомъ къ этому были пять строчекъ изъ статьи о министерскомъ проектѣ реальныхъ училищъ, гласившія, что одинъ только врагъ отечества и государства могъ таковый придумать. Никому не понятно, какъ онъ могъ просмотрѣть эти 5 строчекъ съ его чутьемъ всякаго воровскаго шороха, направленнаго на его бумажникъ. Онъ объясняетъ дѣло тѣмъ, что не считаетъ и теперь эту фразу оскорбительною для кого-либо, такъ какъ она употребляется въ нашемъ литературномъ мірѣ ежедневно и ежечасно, какъ bon jour или bon soir. Прощайте.

П. Анненковъ.

XVIII.

Анненковъ—Тургеневу.

24 февраля 1872 г. С.-Петербургъ.
Итальянская, домъ Овсянникова.

Я къ вамъ не писалъ, другъ Иванъ Сергѣевичъ, потому что не могъ. Я имѣлъ несчастіе потерять 13-тимѣсячнаго моего Аркадія, который изъ красавца, просившагося въ картину, превратился черезъ 3 недѣли страданій въ старушку старую. Ну, и Христосъ съ нимъ!

Если Беренсъ явится, то мы такъ или иначе устроимъ переводъ „Вешнихъ водъ“ къ удовольствію автора, впрочемъ весьма тяжело и трудно удовлетворяемаго.

Будущность Маріи Дюма въ Петербургѣ еще не опредѣлилась. Удочки закинуты по всѣмъ направленіямъ, но будетъ ли клевать рыба — вопросъ. Все рѣшится при первомъ появленіи ея въ публикѣ, а первое появленіе сдѣлается не иначе, какъ въ антрактахъ живыхъ картинъ. Не смотря на ея любезное предложеніе показать себя предъ моимъ обществомъ друзей и знакомыхъ, я еще не слыхалъ ея мастерства, поглощенный моею домашнею катастрофой, но скоро услышу. Впрочемъ, баба славная, маленько петролезка снаружи, но артисткѣ, пробивающей себѣ дорогу, это къ лицу.

Digitized by Google

„Каменный гость“—чепуха, но форшпиль къ нему Кюи—нѣчто большее чепухи, сумасбродство. Онъ состоитъ изъ диссонансовъ, выбранныхъ изъ партитуры и такъ оставленныхъ безъ разрѣшенья, рядкомъ другъ подлѣ друга. Громадное шиканье вознаградило автора за эту выдумку, по истинѣ неимовѣрную. Даргомыжскій погибъ отъ кружка своего, бѣдняга, а былъ человѣкъ недюжинный!

Знаменитый маскарадъ при дворѣ отложенъ до Святой. Всѣ *звѣзды*, которыя должны были въ немъ фигурировать, *радуга*, которая должна была на немъ явиться послѣ *солнца* въ образѣ Петра I, залитаго брилліантами, припрятали свои тысячные костюмы. А что костюмы сдѣланы тысячные и помноженные еще на тысячи, довольно сказать, что соболья шуба у боярина (Скобелева) стоитъ 1500 р., что даже венеціаны и домино на генералахъ предполагались обшитые настоящими кружевами. Шуваловъ Петръ отдалъ на свое домино всѣ фамильныя кружева, ведущія начало чуть не съ Елизаветы... Праздникъ будетъ историческій.

Весь вашъ П. Анненковъ.

Русскій Вѣстникъ—вы получаете *gratis* отъ Каткова, какъ и я.

XIX.

Анненковъ—Тургеневу.

14 марта 1872 г. С.-Петербургъ.

Добрѣйшій мой Иванъ Сергѣевичъ!

Благодарю васъ за участіе къ нашему горю, которое все что-то не позабывается. Кажется, камень упалъ въ глубь, зыбь прекратилась, а между тѣмъ и не читается, и не пишется, и даже не пьется. Рѣшились съ женой по веснѣ захватить всѣхъ остальныхъ ребятъ и уѣхать въ Дрезденъ на лѣто. А то боимся, въ Петербургѣ перемретъ все около насъ. Съ чѣмъ же мы останемся?

Васъ мы все-таки дождемся. Кстати, не дадите ли какой-либо хорошій совѣтъ относительно выбора пансіона и мѣстности около Дрездена или даже индѣ. Если есть таковой, то сообщите немедленно.

Семья Милютина въ Москвѣ, и старшій его, уже 16-ти лѣтній, сынъ готовится въ университетъ. Вѣроятно, вдова его оставитъ его на рукахъ Черкасскаго и Самарина, а сама уѣдетъ за границу. Ужасть что народу отсюда ѣдетъ на западъ, да

Digitized by Google

какъ и не ѣхать. Вопросъ за вопросомъ такъ и лѣзутъ здѣсь одинъ за другимъ: былъ вопросъ квартирный, потомъ дровяной, теперь мясной. Малороссія не имѣетъ говядины въ достаточномъ числѣ. Завтра можетъ народиться вопросъ: воздуха, воды, жизни. Не хватаетъ болѣе силъ отвѣчать на эти вопросы.

За исключеніемъ ихъ — ничего важнаго. Мы стараемся, что есть мочи, выдумывать важныя явленія для своего развлеченія, но въ глубинѣ совѣсти всѣ сознаемся, что ничего важнаго нѣтъ и не будетъ. Эпоха важныхъ явленій кончилась. Остаются ихъ подобія или суррогаты, за то и много же ихъ у насъ, начиная съ Мясниковскаго дѣла и кончая сказками Кота-Мурлыки, написанными профессоромъ физіологіи въ Казани Вагнеромъ и очень бездарными, но которыя имѣютъ успѣхъ.

Я получилъ на ваше имя письмо, которое пересылаю. Вы мнѣ ни слова не сказали о полученіи фотографіи Іоанна Грознаго.

Жена кланяется. Тютчевъ уже въ Римѣ. Прощайте.

П. Анненковъ.

XX.

Анненковъ—Тургеневу.

30 марта 1872 г. Итальянская, домъ Овсянникова.

Добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ! очень доволенъ, что одобряете заявленіе благодарности кіевлянамъ, но въ этомъ свѣтѣ одни благодарятъ (и это лучшіе люди), а другіе языкъ кажутъ и грязью кидаютъ. Такой комокъ грязи, пущенный въ васъ, но вѣроятно, не долетѣвшій до васъ, изготовила *Искра*, напечатавшая мерзѣйшую пародію, подъ названіемъ: „Пирожница береговъ Рейна или русскій дворянинъ за границей. Тургеневская повѣсть“. Она такъ гадка и невесела, что никакой цѣли не достигла, да будь и поумнѣе, никакого толка не произвела бы, ибо золотое время *Искры* прошло, и я не встрѣтилъ еще ни одной человѣческой души, которая бы упомянула о статьѣ. Гораздо остроумнѣе карикатура, появившаяся въ *Малярѣ*, которая изображаетъ васъ по колѣна въ водѣ и удящимъ длиннымъ перомъ разныя гадости въ „Вешнихъ водахъ“—старые сапоги, дохлыхъ кошекъ и проч. Тутъ и подпись: „Странный, право, народъ—теперешніе писаки: все гоняются за какими-то живыми источниками! Между тѣмъ, какъ въ потокѣ „Вешнихъ водъ“ столько истасканнаго старья, полнаго новизны, сколько

Digitized by Google

отжившихъ организмовъ, полныхъ жизни!" Все это глумленіе пискуновъ и литературныхъ штукарей можете узрѣть сами по пріѣздѣ, если оно только не охладитъ еще вашего зензухта по Россіи, который, кажется, и безъ того не великъ.

Кстати привезите съ собой ваши англійскія статьи о Крыловѣ и Щедринѣ.

Полная тишина и апатія кругомъ насъ, прерываемая стономъ и плачемъ бѣдной Маріи Дюма, едва успѣвшей отыскать залу для своего вечера. Успѣхъ ея въ нашемъ обществѣ болѣе чѣмъ сомнительный, не смотря на всѣ наши усилія. Да оно и понятно: не знаю, мы ли не дожили до нея, или въ Европѣ выжили изъ всего живаго, только *декламація* имѣетъ здѣсь ровно такое же значеніе и такую же привлекательность, какъ „Господи помилуй" для дьячка на 42 разъ.

Весь вашъ **П. Анненковъ.**

XXI.

Тургеневъ—Анненкову.

Москва. На Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ Удѣльной Конторы. Середа $^{14}/_{26}$-го іюня 1872 года.

Милый Павелъ Васильевичъ, письмо ваше, котораго я все поджидалъ, застало меня еще здѣсь. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я вернулся изъ деревни, но изъ московскихъ удовольствій на мою долю выпало немного: сперва меня схватила сильная холерина и продержала дня четыре, а теперь я вотъ уже шестой день лежу какъ пластъ по милости подагрическаго припадка въ ногѣ, котораго я никакъ не могъ ожидать такъ скоро послѣ моей сентябрьской передряги. Къ счастью, припадокъ не очень силенъ, и я, какъ только буду въ состояніи надѣть туфлю, удеру изъ Россіи, которая что-то совсѣмъ какъ мачиха принимаетъ меня въ этотъ разъ. Я прямёхонько проѣду въ Парижъ, а оттуда въ Valery sur Somme, на берегъ Нормандіи. Къ первымъ числамъ октября я вернусь въ Парижъ, куда, надѣюсь, и вы прибудете, и мы заживемъ припѣваючи.

Надѣюсь, что лѣченіе ваше пойдетъ вамъ въ прокъ; а скучать... почти вездѣ приходится.

Не знаю, дошло ли до васъ печальное извѣстіе о кончинѣ бѣдной Ольги Александровны Сомовой ($^{9}/_{21}$ іюня, въ Петербургѣ). Однимъ прекраснымъ, чистымъ существомъ на свѣтѣ меньше.

Digitized by Google

Многое мнѣ вспомнилось... вспомнилось горько. Набѣгаютъ... набѣгаютъ тѣни на жизнь, и падаютъ онѣ не на одно настоящее или будущее, но и на прошедшее. И то становится тусклѣе и туманнѣе. Бѣдныя, оставленныя ею сироты должны искать опоры въ старушкѣ Еропкиной!

Признаюсь, нѣтъ большой охоты разсказывать вамъ то немногое, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ. Кажется, все ползетъ по старому: Самаринъ, Черкасскіе—съ одной стороны, Кетчеръ, Коршъ и т. д.— съ другой. Довольно интересенъ былъ народный театръ. Выставка [1], кажется, является чѣмъ-то въ родѣ фіаско. Перовъ опять съ меня рисуетъ портретъ, и опять неудачно. Я видѣлъ Марію Агеевну Милютину и долженъ былъ съѣздить къ ней въ деревню, но подагра помѣшала. Братъ огорченъ, но уже начинаетъ успокаиваться: изъ него выработался Гарпагонъ № 1, и въ жизни уже другого наслажденія онъ видѣть не будетъ, какъ трясеніе и корпѣніе надъ деньгами. Масловъ все также милъ. Здѣсь въ эту минуту Аранетовъ, Языковъ, Фетъ; промелькнулъ Полонскій. Островскій въ деревнѣ; Писемскій уѣхалъ на дачу. Вотъ и все!

Передайте мой усердный поклонъ вашей женѣ и поцѣлуйте дѣтокъ. Какъ нравится Вѣрочкѣ Нѣмечина?

Въ деревнѣ я провелъ цѣлыхъ три дня безвыходно въ саду; я ничего не знаю прелестнѣе нашихъ орловскихъ старыхъ садовъ, и нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такого запаха и такой зелено-золотистой сѣрости (вотъ вамъ новое слово) подъ чуть-чуть лепечущими липами, въ этихъ узкихъ и длинныхъ аллеяхъ, заросшихъ шелковистою травкой и земляникой. Чудо! Обнимаю васъ и—до свиданья.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

P. S. Я получилъ отъ Маслова 300 р. сер. для васъ. Напишите мнѣ въ Парижъ—48, rue de Douai, что мнѣ съ ними дѣлать? Я ихъ съ собой повезу за границу.

XXII.

Анненковъ—Тургеневу.

Kissingen. Villa Hoffmann. 20 іюня новаго стиля 1872 года.

Улучаю минуту, добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, между глотками Ракоція и послѣдующимъ молніеноснымъ ихъ дѣйствіемъ для

[1] Политехническая.

Digitized by Google

того, чтобы сказать вамъ, что вотъ уже недѣля, какъ я въ Киссингенѣ, въ превосходной виллѣ Hofmann, садъ которой исполненъ розъ, гвоздикъ, лилій, и изъ которой открывается видъ на всѣ горы, окружающія городъ. Здѣсь я пробуду не менѣе шести недѣль, довольный, что нашелъ уголокъ, гдѣ можно успокоиться отъ волненій. Здѣсь я нашелъ m-me Станкевичъ и Тютчевыхъ, возвращающихся восвояси. Между тѣмъ, докторъ предписалъ мнѣ въ формѣ лѣченья непремѣнно *скучать*, ибо говоритъ, все, что̀ васъ займетъ умственно, повредитъ желудку, который здѣсь единственный богъ, ему же служатъ и покланяются. Да еслибы и не предписывалъ, то дѣло само собой совершилось бы. Въ библіотекахъ, кромѣ романовъ, и притомъ наистарѣйшихъ, даже Клаурена, ничего нѣтъ. Въ *Indépandance Belge* валяютъ „Короля Лира“ вашего. Я не нашелъ ни малѣйшаго признака родомонтадства патріотическаго и военнаго, которое мнѣ сулили въ Германіи; напротивъ, всѣ говорятъ, что за Германію противъ Франціи дрался Наполеонъ, а не будь этого, Вильгельмъ никакъ не вытащилъ бы изъ Франціи всѣ толпы свои, которыя туда ввелъ. А любопытнѣе этого то, что въ Киссингенѣ живутъ разсказы о рѣзнѣ между своими, происшедшей въ 1866 году. Дома сохраняютъ съ гордостію прусскія ядра, врѣзавшіяся въ стѣны, и пятна прусскихъ и баварскихъ пуль на штукатуркѣ. Охотно и пространно повѣствуютъ о неистовствахъ солдатчины при этомъ, и все это въ такомъ дружелюбномъ, веселомъ и мирномъ тонѣ, какъ будто дѣло идетъ о привѣтствіяхъ и юбилейныхъ встрѣчахъ двухъ друзей, сошедшихся на праздникъ. Вотъ какъ идетъ исторія, и какъ быстро идетъ она! Пишите же ко мнѣ, что̀ вы и какъ вы. Маслову, моему благодѣтелю, привѣтъ и любовное цѣлованіе.

П. Анненковъ.

XXIII.

Анненковъ—Тургеневу.

15 іюля новаго стиля, 1872 г. Киссингенъ, Villa Hofmann.

Вотъ вы наконецъ, добрый другъ Иванъ Сергѣевичъ, у себя дома со своею здоровою болѣзнію и съ разнообразными планами жизни, какихъ мы уже не дѣлаемъ. Живемъ мы просто, хорошо въ уголкѣ Германіи и проживемъ въ немъ весь іюль, прося не забывать насъ тамъ и снабжать извѣстіями о себѣ. Туда же можете переслать и 300 р., полученныхъ отъ Маслова. Скажу

Digitized by Google

вамъ по секрету, что я пріѣхалъ къ Ракоцію совершенно здравый, а познакомился съ нимъ, по русскому обыкновенію, откровенно и на распашку, получилъ головокруженіе, біеніе сердца и т. п. гадости, но онъ же и долженъ исцѣлить меня на манеръ Ахиллесова копья. Здѣсь множество русскихъ обжоръ и питуховъ, которые выгоняютъ изъ себя продукты своего жизненнаго труда, но между ними есть и молодые администраторы, на дорогѣ къ директорству, сенаторству и проч. Типъ замѣчательный! Какая походка, какой голосъ, какой взглядъ! Здѣсь все это рѣзче и виднѣе, оторванное отъ сплошной толпы соотчичей и единокорытниковъ. Каждая рожа такъ и говоритъ: „Мы нашли дорожку съ крестами, пенсіями и столовыми и смѣемся надъ всѣмъ міромъ, какія бы тамъ затѣи у него ни были“. Ужасть, какъ противны! Въ Москвѣ вы видѣли обломки двухъ старыхъ нашихъ партій, которыя только шипятъ другъ на друга, но все же это лучше, чѣмъ петербургская схватка либераловъ *Отечественныхъ Записокъ* съ либералами *Петербургскихъ Вѣдомостей*. Вотъ мерзостныя-то, хотя и ново. Я еще не знаю, гдѣ поселюсь на зиму; можетъ быть, и въ Парижѣ, если успѣю преодолѣть свое отвращеніе къ полицейскому и вмѣстѣ нахальному государству, въ которомъ вы живете. Прощайте, другъ.

Весь вашъ П. Анненковъ.

XXIV.

Тургеневъ — Анненкову.

St. Valery sur Somme, maison Ruhaut.
Суббота, 19 іюля 1872 г.

Любезнѣйшій другъ Павелъ Васильевичъ! На устьѣ Соммы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Аббевиля и желѣзной дороги, ведущей изъ Парижа въ Булонь, лежитъ прелестный приморскій городокъ, гдѣ я нахожусь вотъ уже 5-ый день, но которымъ я до сихъ поръ мало могъ насладиться, ибо со мной повторился припадокъ подагры, начавшійся въ Москвѣ, и я пока брожу съ трудомъ на костыляхъ. Но воздухъ здѣсь удивительный, окрестности, говорятъ, прелестныя, и я, какъ только справлюсь, намѣренъ ожесточенно работать. Остаюсь я здѣсь во всякомъ случаѣ до конца сентября.

Я получилъ ваше письмо изъ Киссингена; радуюсь, что вамъ съ вашимъ семействомъ тамъ хорошо живется, и очень бы желалъ, чтобы вы рѣшились на зиму пріѣхать въ Парижъ. Опасенія ваши на счетъ здѣшняго вамъ не совсѣмъ симпатичнаго

Digitized by Google

духа преувеличены; повѣрьте, все будетъ тихо, да такъ тихо, что чудо, да на долгіе годы! Франція догадалась, что республика—самая смирная и смиренная форма правленія, республика à la Thiers, и ухватилась за нее и руками, и ногами. Пріѣзжайте, отличную мы проживемъ зиму!

Пересылкой вамъ вашихъ 300 руб. вы мнѣ, какъ говорятъ французы, посадили „блоху въ ухо". Иначе нельзя послать вамъ отсюда, какъ lettre chargée, и дойдетъ ли она—Богъ вѣсть! Напрасно вы мнѣ не написали раньше, куда вамъ ихъ переслать: я бы изъ Берлина ихъ отправилъ. Рѣшаюсь послать вамъ завтра двѣ сторублевыя бумажки. Какъ только вы ихъ получите, извѣстите немедленно, куда вамъ переслать третью; въ случаѣ же, если, Боже сохрани, застрахованное письмо не достигнетъ своего назначенія, извѣстите столь же немедленно. У меня семейная радость: дочь моя третьяго дня родила благополучно дочку, такъ что я теперь дѣдушка.

А прочли вы новый указецъ о замѣненіи у насъ въ дѣлѣ запрещенія книгъ и журналовъ судебнаго порядка административнымъ? Шуваловъ и Толстой работаютъ отлично.

За симъ обнимаю васъ, кланяюсь вашей женѣ, бунтовщицу Вѣру и смирнаго Павла цѣлую и остаюсь преданный вамъ

Иванъ Тургеневъ.

XXV.

Тургеневъ—Анненкову.

St. Valery sur Somme, maison Ruhaut.
Вторникъ, 23 іюля 1872.

Дорогой Павелъ Васильевичъ, отправка прилагаемыхъ 200 р. сер. опоздала двумя днями: я все надѣялся, что буду въ состояніи отправиться лично на почту, но подагра окончательно пригвоздила меня къ постели; никогда она не была такъ упорна, и я рѣшаюсь попросить Віардо отправить это письмо вмѣсто меня. Не забудьте, что я жду вашихъ инструкцій на счетъ остальныхъ ста рублей.

Увѣдомьте меня о полученіи этихъ 200 и будьте здоровы и благополучны со всѣми вашими домочадцами. Преданный вамъ

Иванъ Тургеневъ.

Digitized by Google

XXVI.

Тургеневъ—Анненкову.

St. Valery sur Somme, maison Ruhaut. Четвергъ 25/13-го іюля 1872.

Драгоцѣнный Павелъ Васильевичъ, 200 цѣлковыхъ отправлены къ вамъ третьяго дня *par lettre recommandée*, за пятью печатями. Оказывается, что это письмо было первое, отправленное согласно новымъ узаконеніямъ, и потому я ощущаю нѣкоторое сомнѣніе и ажитацію: пожалуйста, увѣдомьте меня о полученіи. Деньги отправлены въ двухъ радужныхъ билетахъ съ физіономіей Екатерины.

Подагрѣ моей легче, то есть, мнѣ отъ нея легче, но она все еще не прошла, и я принужденъ сидѣть дома. Жары продолжаютъ стоять страшныя. Если бы не эти жары, да не эта подагра, я бы, кажется, принялся за работу. Кое-какія мыслишки вертятся въ головѣ. Обнимаю васъ всѣхъ.

Преданный вамъ Иванъ Тургеневъ.

XXVII.

Анненковъ—Тургеневу.

29 іюля 1872 г. Кисингенъ. Villa Hofmann.

Двѣ радужныя бумажки, 200 р. сер., я получилъ здѣсь такъ вѣрно и скоро, какъ нѣкогда знаменитый Тюря посылалъ бильярдный шаръ въ лузу къ восторгу публики. Остальная радужная бумажка пускай идетъ сюда тѣмъ же путемъ, вмѣстѣ съ вашимъ отвѣтомъ на это письмо, котораго буду ожидать на моей прекрасной виллѣ. А за все благодарю и цѣлую.

Пора выздоравливать, государь мой. Я тоже двѣ мучительныхъ недѣли провелъ съ жабой и другими посѣтителями, а теперь изумляю знакомыхъ свирѣпымъ выраженіемъ аппетита, будто завладѣвшаго физіономіей моей. Но работать нисколько не собираюсь, а вамъ очень и очень совѣтую. Помните, что вамъ уже 54 годка и, стало быть, остались только минуты для труда, послѣ которыхъ уже не сочинять приходится, а писать свои записки. Пользуйтесь же послѣдними цвѣтками изъ урны творчества, которая такъ много сыпала на васъ свои дары, при чемъ вы больше еще отряхали ихъ съ себя, чѣмъ пользовались ими.

Зной адскій! Къ намъ пріѣхалъ недѣли на двѣ Т. И. Музы-

Digitized by Google

кантовъ [1]. Вѣсти изъ Россіи пошлы, но не страшны. Новая мѣра книгопечатанія поставляетъ писателей въ зависимость отъ комитета министровъ и по крайней мѣрѣ дастъ имъ возможность знать, что̀ нужно ему и что̀ думаетъ администрація, чего теперь никто не вѣдаетъ положительно.

Я собираюсь остальные мѣсяцы лѣта провести въ Швейцаріи, въ Люцернѣ, напримѣръ, или на Тунскомъ озерѣ, и объ этомъ планѣ вы въ свое время получите удовлетворительное извѣстіе.

Бѣдный Утинъ, бѣдный Гильфердингъ! Оба были очень бездарны, а поэтому очень прилежны и консеквентны до абсурда, но честны и благородны неизмѣнно.

Гончаровъ въ Маріенбадѣ былъ, объявивъ мнѣ при отъѣздѣ, что поѣздка за границу нынѣшнимъ лѣтомъ была бы для него банкротствомъ, его финансовымъ „Седаномъ“, послѣ котораго ему оставалось бы сдаться въ тюрьму! Прелестно!

Въ Германіи чрезвычайно любопытно движеніе университетовъ на встрѣчу соціализму. Старыя знаменитости, экономическіе профессора, толковавшіе всю жизнь о Смитѣ и проч., признаютъ необходимость вмѣшательства правительства въ обузданіе капитала и въ регламентацію работы, отказываясь отъ всѣхъ прежнихъ догматовъ; школа молодыхъ профессоровъ, ими созданная, прямо говоритъ, что во многихъ случаяхъ и Марксъ, и Ласаль совершенно правы. Кто знаетъ, можетъ быть, новый Бисмаркъ овладѣетъ этимъ движеніемъ и пересоздастъ экономическое положеніе Европы, безъ содѣйствія славянофиловъ.

П. А.

XXVIII.

Анненковъ — Тургеневу.

10 августа 1872. Frankfurt a/m Main. Westendhalle.

Я вамъ писалъ, любезный другъ Иванъ Сергѣевичъ, изъ Киссингена о полученныхъ мною 200 р. сер., адресовавъ въ St. Valery sur Somme, но вѣроятно, цидула моя пропала, ибо никакого отвѣта на нее отъ васъ я не дождался въ Киссингенѣ и выѣхалъ сюда. Повторяю это извѣщеніе теперь еще разъ для вашего успокоенія и вмѣстѣ съ тѣмъ для предупрежденія. Въ означенной цидулѣ именно я просилъ васъ о высылкѣ остальныхъ 100 р. тоже въ Киссингенъ, но если вы были такъ геніи-

[1] Врачъ, понынѣ здравствующій.

Digitized by Google

альны, что этого не сдѣлали, то уже и не дѣлайте, а придержите ихъ у себя. Если же они высланы, то я уже получу ихъ, такъ или иначе. Но во всякомъ случаѣ прошу васъ неотложно: телеграфировать мнѣ сюда, по вышеозначенному адресу, высланы или не высланы деньги, и въ первомъ случаѣ когда, а за тѣмъ еще, гдѣ вы и куда вамъ писать теперь. Больше ничего не прибавляю къ этой комиссіи, чтобъ не сбить съ толку васъ, а издержки по оной будутъ возмѣщены съ благодарностію.

Весь вашъ П. Анненковъ.

XXIX.

Анненковъ—Тургеневу.

21 августа новаго стиля. Bad-Soden. Villa F. Keller.

Я получилъ вашу телеграму, милѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, во Франкфуртѣ, гдѣ имѣлъ несчастіе, по случаю разныхъ заказовъ жены и дѣтскихъ нуждъ, прожить 10 дней и заплатить 150 m., даже не обѣдая, въ Hôtel Westend. NB. Сей hôtel есть разбойничій, и слѣдуетъ отъ него остерегаться. Теперь я опять въ великолѣпной виллѣ, съ превосходнымъ садомъ, коврами, цвѣтами, зеркалами и дешево—40 гульденовъ въ недѣлю, а прекрасный воздухъ, красивыя горы, божественная тишина и лѣто—даромъ. Здѣсь я останусь до половины сентября и приглашаю отписать ко мнѣ по вышеозначенному адресу. Я не вхожу съ вами въ счеты и охотно прощаю числящуюся за вами недоимку въ нашей перепискѣ—отвѣтъ на мое киссингенское письмо, ибо считаю это хорошимъ знакомъ. Я замѣтилъ, что вы умолкаете и перестаете быть аккуратнымъ въ почтовомъ отношеніи, когда принялись за какое-либо литературное дѣло. Если это и теперь такъ, то весьма радуюсь молчанію, которое на этотъ разъ должно оправдать глупѣйшее изреченіе: слово—серебро, а молчаніе—золото.

Раскланивается и отходитъ отъ насъ все то поколѣніе, которое мы видѣли молодымъ и бойкимъ: вотъ Пекарскій и Садовскій умерли. Первый умеръ своего рода геройски, какъ солдатъ на своемъ посту, продолжая работать съ двумя нервными ударами въ кости. Холера тутъ случайность. Не такую роль играетъ въ смерти втораго — наша сивуха, на которой, если разсмотрѣть поближе, зиждется и величіе Россіи. Засосала она его, злодѣйка.

Digitized by Google

Скажите, не прочли ли вы отрывки изъ романа молодаго Саліаса, о которомъ такъ кричали въ Москвѣ, и которые, кажется, печатаются въ *Бесѣдѣ*. Что́ это такое? Я видѣлъ его мамашу въ Киссингенѣ, и, узнавъ стороной, что она не желаетъ никакого возобновленія старыхъ русскихъ знакомствъ, посторонился. Слышалъ, что она тоже пишетъ съ утра до ночи: ужъ не свои ли созданія выдаетъ она подъ прикрытіемъ новаго и молодаго имени?

Да въ какомъ настроеніи вы находитесь? Я просто благодушествую и обвороженъ нѣмцами, которые съ нѣкоторыхъ поръ чрезвычайно милостивы къ намъ. Мнѣ часто приходитъ на умъ, что не осмѣлься они побить французовъ, а дай, какъ слѣдовало бы образованнымъ націямъ, побить себя французамъ, въ Европѣ просто нельзя было бы жить. А впрочемъ чортъ ихъ разберетъ.

Весь вашъ П. Анненковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

НЕВИННАЯ ИГРА.[1]

Повѣсть.

(*Окончаніе*).

XXII.

Прошло нѣсколько дней послѣ визита доктора.

Несмотря на его утѣшительныя слова, Левъ Сергѣевичъ былъ сильно встревоженъ; Нина была нервна, имѣла усталый видъ и главное рѣшительно не вѣрила Ивану Лаврентьевичу и скептически улыбалась, когда мужъ приводилъ его слова.

— Съѣздимъ въ Москву, говорилъ Левъ Сергѣевичъ.

Но Нина была противъ московскихъ знаменитостей.

— Зачѣмъ я стану совѣтоваться въ Москвѣ, когда въ Петербургѣ есть докторъ, изучившій мою натуру съ дѣтства?

— Но Петербургъ потребуетъ и больше времени и больше денегъ,—нерѣшительно замѣтилъ Патулинъ.

— Ничуть, денегъ не потребуется—я остановлюсь у матери, что касается до времени—что же мнѣ особенно дорожить имъ?

— Тебѣ, положимъ,—съ нѣкоторою горечью замѣтилъ Левъ Сергѣевичъ,—но я дорожу своимъ, я не имѣю уже права брать отпускъ.

— Милый мой, я не маленькая, могу ѣхать одна.

Но эта мысль—отпустить жену больную одну,—совсѣмъ возмутила Льва Сергѣевича.

— Если тебѣ нельзя ѣхать со мной, а Сеничку ты считаешь слишкомъ легкомысленнымъ спутникомъ, выпишемъ маму. Она давно рвется посмотрѣть наше гнѣздо, а „мы“ не пускаемъ ее. Медовый мѣсяцъ миновалъ, мы, кажется, вполнѣ уже насладились

[1] См. *Русское Обозрѣніе* №№ 1, 2 и 3.

Digitized by Google

нашимъ одиночествомъ вдвоемъ, пусть пріѣдетъ, а ты черезъ нѣсколько дней отпустишь меня съ нею.

— А я-то какъ же?

— Ты пріѣдешь за мной.

— За тобой? Хмъ, такъ я за тобой пріѣду?

Эта комбинація совсѣмъ не нравилась Льву Сергѣевичу, однако ему самому пришлось написать Надеждѣ Михайловнѣ и просить ее пріѣхать въ Нагорное. Письмо было послано съ Сеничкой, который словесно долженъ былъ объяснить положеніе дѣла и поторопить Боровскую.

Съ тѣхъ поръ, какъ все это рѣшилось, и онъ самъ написалъ приглашеніе Надеждѣ Михайловнѣ, Левъ Сергѣевичъ чувствовалъ какое-то постоянное сосаніе подъ ложечкой, точно будто предчувствіе несчастія.

Черезъ два дня по отъѣздѣ Сенички, ночью Левъ Сергѣевичъ былъ разбуженъ какимъ-то неистовымъ лаемъ собакъ, стукомъ въ дверь и т. п. проявленіями какого-то необычайнаго свойства; Левъ Сергѣевичъ всегда боялся пожара и потому вскочилъ, какъ безумный; къ счастію еще, Нина спала такъ крѣпко, что ничего не слыхала. Оказалось, телеграмма - отъ Надежды Михайловны:

„Поспѣшу выѣхать. Надѣюсь второго".

Левъ Сергѣевичъ мало понялъ телеграмму и мысленно обругалъ свою belle mére.

Черезъ два дня опять телеграмма: „Выѣзжаю сейчасъ, остановлюсь Москва".

Потомъ опять телеграмма: „Буду шесть часовъ суббота".

Такъ какъ было два поѣзда—одинъ приходящій въ шесть три четверти утра, другой въ пять три четверти вечера, то возникъ вопросъ, съ какимъ же поѣздомъ пріѣдетъ Надежда Михайловна—съ утреннимъ или вечернимъ. Супруги даже поспорили по этому поводу; Нина утверждала, что шестичасовымъ поѣздомъ надо считать скорѣй утренній поѣздъ, Левъ же Сергѣевичъ утверждалъ, что ближе къ 6-ти вечерній.

Лошади были посланы къ утреннему и вернулись безъ Надежды Михайловны, пришлось къ вечернему набирать другую тройку: дорога была адская, совсѣмъ осенняя, и два раза гонять одну и ту-же тройку было немыслимо.

Нина ждала мать съ нетерпѣніемъ и волновалась, что ей придется ѣхать въ самую темноту. Навстрѣчу Надеждѣ Михайловнѣ были посланы два работника верхомъ съ фонарями, но и этого оказалось мало, ночь дѣйствительно была непроглядная.

Digitized by Google

Но вотъ наконецъ явилась Надежда Михайловна. Левъ Сергѣевичъ, заслышавъ, что ѣдутъ, вышелъ на крыльцо встрѣтить belle mère.

— А, mon cher, quelle route, quelle route! воскликнула она, опираясь всею своею тяжестью, почти падая, на Льва Сергѣевича.

При свиданіи съ дочерью она заплакала.

— Такъ давно, такъ давно не видала, и какъ приходится свидѣться!

Что было собственно такого трагическаго въ этомъ свиданіи, Левъ Сергѣевичъ не умѣлъ себѣ уяснить.

Черезъ четверть часа, впрочемъ, Надежда Михайловна вполнѣ оправилась послѣ дороги и потрясеній встрѣчи, съ аппетитомъ кушала котлетку и картинно разсказывала о своемъ путешествіи, о фонаряхъ, мелькавшихъ dans les tenèbres, подобно погребальнымъ факеламъ „des torches funeraires!“

При этомъ разсказѣ она вращала глазами, стараясь дѣлать взглядъ ихъ страшнымъ, и трагически протягивала руки.

— Представьте себѣ эти факелы, фантастическія фигуры, кучера и лакея на козлахъ, les croupes des chevaux et moi dans la véhicule. Я непремѣнно опишу все это въ Петербургъ.

Надежда Михайловна гордилась своимъ style épistolair и очень любила писать друзьямъ.

Потомъ, спохватившись, она спрашивала дочь:

— Какія же проявленія твоей болѣзни? Что ты чувствуешь, дитя?

Характеръ матери, во время разлуки стушевавшійся въ воспоминаніяхъ Нины, сразу ярко выступилъ и вызвалъ въ ней ея прежнее презрительно насмѣшливое настроеніе, сдержанное только присутствіемъ мужа.

— Вѣдь ты не докторъ, мамахенъ, и не поможешь мнѣ, если стану разсказывать.

— Она все та же, не правда ли, она все та же, Левъ Сергѣевичъ?

Надежда Михайловна смѣялась. Настроеніе Боровской было свѣтлое. Осматривая домъ, она говорила:

— Право, очень, очень мило. Я не ожидала, что домъ такъ комфортабеленъ.

Приготовленною для нея комнатой она осталась тоже довольна, но на другое утро настроеніе Боровской совсѣмъ уже измѣнилось; это зависѣло отчасти отъ пасмурнаго дождливаго утра, но

Digitized by Google

болѣе всего отъ продолжительнаго разговора съ Наташей, присутствовавшею при туалетѣ Надежды Михайловны.

Она вышла къ утреннему кофе пасмурная, со слезой въ глазу, и почти трагически протянула дочери обѣ руки—падай, молъ, въ мои объятія, несчастное дитя!

— Какъ, моя дочь, Нина Боровская, эта блестящая звѣзда, обязана жить—est condamnée á vivre—въ этой трущобѣ, въ этой дырѣ, въ этомъ болотѣ, нѣтъ, это ужасно, это ужасно! И главное, никто не цѣнитъ ея жертвы, ея жертва принимается какъ должное.

Такъ восклицала Надежда Михайловна въ отсутствіи Льва Сергѣевича, его она трусила, прямо его физическая сила, его ростъ внушали ей нѣкоторую робость, а его молчаливый взглядъ повергалъ ее въ трепетъ, ему она рѣшалась только бросать самыя незамѣтныя шпилечки, которыхъ онъ и не замѣчалъ. Нину же хотя и смѣшили возгласы отчаянія „мамахенъ", но тѣмъ не менѣе въ соединеніи съ ея разсказами о Петербургскихъ сплетняхъ, объ увеселеніяхъ, обо всей этой милой тормошнѣ, къ которой такъ тянуло Нину съ наступленіемъ осени, дѣйствовали сильно. Ей казалось, что жизни въ Нагорномъ нѣтъ и не можетъ быть, что это могила, что самая пламенная любовь не можетъ вызвать къ жизни погребенныхъ въ этомъ ужасномъ мѣстѣ. Увлеченная возгласами матери, она стала сама вызывать въ себѣ грустныя впечатлѣнія осени въ деревнѣ.

— Вѣдь каждый падающій листъ,—говорила она,—за которымъ я слѣдила глазами, былъ точно часть моей уходившей души. Все рушилось вокругъ меня. Я могла находить утѣшеніе только въ шуршаніи этихъ листьевъ, частицъ моей души, подъ ногами. И сначала я ходила, ходила до одурѣнья, ходила одна со своими невеселыми думами. Ты спросишь, гдѣ былъ мужъ. Онъ служитъ, онъ хозяйничаетъ que sais-je, прежде я бѣгала за нимъ, теперь мнѣ это надоѣло. Потомъ полилъ дождь, я слышала стукъ его по крышѣ; окна плакали, - и сквозь слезы я видѣла оголенныя деревья, черныя поля—тоскливую, однообразную картину. И я не могла жаловаться Льву Сергѣевичу, онъ не понималъ моей жалобы. Нервы не выдержали—я заболѣла.

— Я удивляюсь, какъ не пойметъ онъ этого; удивляюсь, какъ онъ можетъ держать тебя тутъ; давно бы надо переѣхать въ городъ.

— Городъ... Ты не знаешь, что это за городъ нашъ городъ—это хуже деревни!

Digitized by Google

— Пусть броситъ службу и переѣзжаетъ въ Петербургъ.

— Мы, оказывается, не можемъ жить безъ службы, у насъ мало средствъ.

— Mais c'est un cercle vicieux, ma chère!—воскликнула Надежда Михайловна и замяла разговоръ, не желая болѣе говорить о средствахъ; ей совсѣмъ не хотѣлось удѣлять дочери болѣе полутора тысячъ, которыя ей были опредѣлены.

Несмотря на всю свою легкомысленность, Надежда Михайловна никогда не забывала собственной выгоды.

Послѣ четырехъ дней, проведенныхъ въ Нагорномъ—les terribles jours—какъ впослѣдствіи называла ихъ Надежда Михайловна, она увозила дочь въ Петербургъ. Нина наканунѣ отъѣзда, забывъ о своей болѣзни, весело укладывалась: въ спальнѣ стояли два открытыхъ сундука, и Наташа заполонила всю мебель бѣльемъ и вынутыми изъ шкафовъ платьями.

Левъ Сергѣевичъ въ этотъ день не ѣздилъ въ свою управу, а какъ маятникъ ходилъ по залѣ и гостиной и черезъ нѣкоторые промежутки времени отворялъ дверь въ спальню. Постоитъ, посмотритъ молча, иной разъ поцѣлуетъ жену въ голову и уйдетъ опять шататься по комнатамъ.

— Фу, устала! вымолвила Нина, садясь на диванчикъ, заваленный платьями, въ то время какъ Левъ Сергѣевичъ въ десятый разъ отворялъ дверь спальни.

Левъ Сергѣевичъ отстранилъ нѣсколько вещей и, очистивъ себѣ мѣстечко, тоже присѣлъ около жены и обнялъ ее.

— Не могу себѣ представить, что ты ѣдешь, не могу сродниться съ этою мыслью, вымолвилъ онъ.

— О, милый, не надолго же уѣзжаю отъ тебя!

Въ этомъ возгласѣ Нины, какъ и въ томъ, какъ нѣжно она прижалась къ нему, было что-то прежнее, утраченное съ нѣкотораго времени; это ободрило его.

— Ты не повѣришь, я самъ не свой, цѣлый день эти сундуки все нутро мнѣ выворачиваютъ, и зачѣмъ ты столько набираешь на одну недѣлю!..

— На недѣлю? Врядъ ли можно успѣть въ одну недѣлю, мой милый, и ласкаясь къ нему, какъ кошечка—почемъ я знаю, отпуститъ ли меня докторъ черезъ недѣлю; удвоимъ срокъ, мой милый, двѣ недѣли пройдутъ незамѣтно.

— Для тебя быть можетъ, но не для меня. Какъ-то страшно тяжело отпускать тебя!.. Уговоръ лучше денегъ, Нина: черезъ

Digitized by Google

двѣ недѣли изо дня въ день, изъ часа въ часъ я являюсь за тобой--хорошо? Обѣщаешь не заставлять меня ждать?

— Обѣщаю, обѣщаю, мой повелитель.

И она протянула ему губы. Этотъ поцѣлуй долгій и страстный придалъ ему храбрости.

— Нина, я хочу серьезно поговорить съ тобою на прощанье; меня давно мучаетъ одинъ вопросъ, который надо намъ уяснить съ тобой.

Онъ всталъ, заперъ дверь на ключъ, опять присѣлъ на диванчикъ и притянулъ жену къ себѣ.

— Изъ нѣкоторыхъ словъ Надежды Михайловны я понялъ; что не только она надѣется на наше переселеніе въ Петербургъ, но что и ты серьезно думаешь объ этомъ. Переѣхать въ Петербургъ мы никогда, никогда не будемъ въ состояніи, моя милая, ты должна это знать. Не имѣю понятія о томъ, какими средствами располагаетъ Надежда Михайловна, но знаю, что ты привыкла къ роскоши; мы же располагаемъ маленькими средствами; жить въ Петербургѣ на наши средства—это жить по нищенски, какъ вы же говорите. Жить не служа было бы немыслимо, да и служить я могу только такъ, какъ служу здѣсь, вполнѣ самостоятельно, зная, что не даромъ беру деньги, осязая, такъ сказать, ту пользу, что приношу обществу. Кромѣ того не могу оставить имѣнья, ты видишь сама, какъ много оно беретъ времени и работы.

— Такъ и будемъ знать, вымолвила Нина, надувъ губки,— хотя мнѣ кажется, можно было бы взять управляющаго.

— Нина! Нина! воскликнулъ Левъ Сергѣевичъ,—вѣдь брать управляющаго безъ денегъ нельзя, я же тебѣ сейчасъ говорилъ, что намъ надо быть очень осторожными. Живя одинъ, я былъ доволенъ своими средствами только потому, что былъ скроменъ въ своихъ требованьяхъ. Мое Нагорное не заложено, и я разсчитываю незаложеннымъ оставить его моимъ дѣтямъ.

Нина разсмѣялась.

— Дѣтямъ, которыхъ еще нѣтъ.

— Но они будутъ, надѣюсь. Да, будутъ, будутъ. Слушай, Нинокъ, ты точно не совсѣмъ поняла меня или не хочешь понять, но разъ навсегда намъ надо выяснить положеніе.

— Не понимаю, зачѣмъ это нужно.

— Какъ не понимаешь? Вѣдь не на шутку же мы соединились съ тобой, вѣдь это на всю жизнь, и разъ я началъ этотъ

Digitized by Google

разговоръ, я хочу довести его до конца. Возьми карандашъ, мы разсчитаемъ, что можемъ тратить, и по твоемъ возвращеніи изъ Петербурга ты будешь кассиромъ; мое жалованіе, деньги, присылаемыя Надеждой Михайловной—все перейдетъ въ твои руки.

— Кромѣ того, что ты получаешь съ Нагорнаго.

Онъ съ укоромъ взглянулъ на жену.

— Ты, кажется, не довѣряешь мнѣ, Нина? Съ Нагорнаго за послѣдніе годы я получаю немного, и если этого немногаго не передамъ въ твои руки, то только потому, что для веденія хозяйства мнѣ необходимы деньги и мнѣ не разъ придется занимать у тебя.

Разсчеты Льва Сергѣевича ни въ чемъ, кажется, не убѣдили Нину, она осталась равнодушною къ нимъ быть можетъ потому, что слишкомъ была занята отъѣздомъ въ Петербургъ.

XXIII.

Слегка морозило. День былъ безвѣтренный и ясный; наканунѣ снѣжокъ запорошилъ землю, и Левъ Сергѣевичъ по первопутку въ легкихъ саночкахъ на четырехлѣтнемъ сѣромъ Васькѣ ѣхалъ въ городъ, переговариваясь изрѣдка съ кучеромъ.

— Онъ еще рыси не набралъ, Левъ Сергѣевичъ, говорилъ Никита,— вотъ годика черезъ два посмотрите, что это за конь будетъ, а подъ верхъ барынѣ Птичку можно выѣздить, сама верховая лошадка, легонькая.

— На рыси будетъ пожалуй тряска.

— Да что вы, баринъ, у насъ и во всемъ заводѣ нѣтъ тряскихъ лошадей, а Птичка картинка была бы подъ барыней.

Никита хорошо зналъ, что можетъ угодить барину только тѣмъ, что упомянетъ о барынѣ, и всякій день не упускалъ этого случая. Сегодня баринъ былъ въ духѣ, онъ ѣхалъ въ послѣдній разъ въ управу передъ отъѣздомъ въ Петербургъ за женой— дни искуса миновали. Оставались еще четыре-пять дней въ Петербургѣ—онъ уже заявилъ кому слѣдуетъ, что болѣе пяти дней не пробудетъ въ отсутствіи — объ этихъ дняхъ въ обществѣ тещи, въ средѣ самой ужасной петербургской суеты, онъ безъ ужаса не могъ подумать, но онъ постарается какъ можно скорѣй увезти Нину, и начнется опять блаженство вдвоемъ. За эти недѣли одиночества онъ о многомъ передумалъ и рѣшилъ во многомъ переработать себя, переломать, чтобы быть достойнымъ выпавшаго на долю его счастья.

Digitized by Google

— На почту прикажете повернуть? въѣзжая въ городъ, спросилъ кучеръ.

— На почту.

Съ тѣхъ поръ, какъ барыня уѣхала, Никита зналъ, что почта получила преимущество передъ управой.

На этотъ разъ Льву Сергѣевичу на почтѣ вручили довольно объемистый конвертъ съ Петербургскимъ штемпелемъ; въ своемъ нетерпѣніи узнать, что пишетъ жена, онъ на почтѣ же распечаталъ письмо.

Первое, что поразило его, это длинный реэстръ, изъ котораго онъ сначала совершенно ничего не понялъ, нетерпѣливо отложилъ его и принялся за письмо, которое собственно было не особенно длинно.

„Съ нетерпѣніемъ жду тебя, мой милый, пожалуйста безъ всякихъ отнѣкиваній пріѣзжай, я страшно соскучилась безъ тебя, такъ хочется взглянуть на моего толстяка, расцѣловать его. Да и самъ ты найдешь вѣроятно, что намъ надо повидаться, когда узнаешь, что докторъ мой не такъ-то скоро отпуститъ меня въ твои Палестины. Климатъ Нагорнаго, il paraît, совсѣмъ нездоровъ для твоей чахленькой супруги. Тысячу разъ цѣлую тебя и жду, жду. Прилагаю на особомъ листѣ реэстръ тѣхъ вещей, что ты долженъ привезти мнѣ изъ Нагорнаго“.

Гроза среди зимы не такъ бы поразила Льва Сергѣевича, какъ поразило его это письмо. Остаться, не ѣхать въ Петербургъ, написать грозное письмо Надеждѣ Михайловнѣ, онъ былъ убѣжденъ, что все это ея происки, требовать возвращенія жены— таковы были первыя мысли его. Но, уже будучи въ управѣ, онъ сталъ колебаться и, прощаясь съ сочленами, подтвердилъ, что завтра ѣдетъ, но возвратится быть можетъ еще скорѣй, чѣмъ предполагалъ.

Онъ былъ возмущенъ, разсержёнъ, онъ рѣшительно не вѣрилъ тому, что воздухъ Нагорнаго вреденъ Нинѣ, все это были выдумки мамаши и доктора. Возвратился Левъ Сергѣевичъ въ Нагорное съ твердымъ намѣреніемъ уже ѣхать въ Петербургъ и хоть насильственно, но вырвать Нину изъ пагубной среды.

Съ вечера онъ уложилъ только самыя необходимыя вещи въ маленькій чемоданчикъ и твердо рѣшилъ не смотрѣть въ реэстръ Нины—зачѣмъ ей нужны эти вещи въ Петербургѣ, когда черезъ три дня она найдетъ ихъ здѣсь. Но какъ только онъ легъ въ постель, его сталъ мучить этотъ реэстръ и „изъ-за него“, какъ онъ думалъ, онъ не спалъ цѣлую ночь. Въ 6 часовъ онъ уже

Digitized by Google

всталъ и при свѣтѣ лампы искалъ въ указанныхъ листахъ—что въ шифоньеркѣ, что въ шкафахъ, розыскалъ поименованныя вещи, ихъ набралось столько, что пришлось уложить ими изрядной величины сундукъ.

— Что же развѣ барыня не вернутся еще? спрашивала Прасковья Васильевна, помогая барину укладывать.

— Какъ не вернется—вернется, черезъ три дня вернется, отвѣчалъ сердито баринъ.

Въ Петербургъ онъ прибылъ утромъ; когда еще поѣздъ, едва умѣривъ скорость, входилъ подъ навѣсъ вокзала и Левъ Сергѣевичъ, намѣтивъ одного изъ артельщиковъ, стучалъ ему въ окно, онъ вдругъ увидѣлъ Нину.

Въ открытой шляпкѣ подъ вуалью, въ модной плюшевой шубкѣ, она показалась ему очаровательною, но точно иною, не его Ниной, а прежнею свѣтскою барышней; но какъ бы то ни было, его сердце сильно забилось, онъ забылъ объ артельщикѣ, о своихъ вещахъ, о своемъ неудовольствіи и рванулся къ ней всѣмъ существомъ своимъ.

Она тоже бѣжала около его вагона и что-то кричала ему, чего онъ разслышать не могъ, онъ видѣлъ только ея поднятое къ нему лицо, ея улыбающійся ротикъ, въ которомъ такъ и сверкали бѣленькіе зубки.

Черезъ секунду онъ уже цѣловалъ ея губы, ея теплыя, пахнувшія ирисомъ руки, которыя онъ поочередно вытаскивалъ изъ муфты; она точно нарочно для его поцѣлуевъ не надѣла на нихъ перчатокъ.

— Гдѣ же твои вещи? Ахъ, вотъ онѣ, уже внесены, болтала она, кладя свою руку на его рукавъ,—ѣдемъ же... у тебя нѣтъ багажа?.. Есть? Отдай билетъ артельщику, онъ привезетъ потомъ.

— Только сундукъ съ твоими вещами, моя безцѣнная! какъ я сердился, какъ я сердился на тебя,—и онъ смѣялся уже и заглядывалъ ей въ глаза и крѣпко прижималъ ея руку. Боже, какое блаженство чувствовать эту ручку въ своей рукѣ.

— Мой сундукъ? Отлично, я дамъ ему мой адресъ, онъ доставитъ его. Тебѣ я наняла отличный № въ Европейской—это два шага отъ насъ.

— Какъ, ты не со мной?

— Мамахенъ не пускаетъ меня, и дѣйствительно дома мнѣ удобнѣе. Je suis une malade veritable, mon cher. Александръ Ѳедоровичъ me trouve fort reprouvée. Тебѣ было бы неудобно у мамахенъ въ проходной комнатѣ, и мы рѣшили взять номеръ,

Digitized by Google

вѣдь это такъ близко! Я буду приходить къ тебѣ на свиданія—est-ce drole, est-ce romanesque!

Она привезла его въ гостиницу, устроила все въ номерѣ по своему, чтобы ему было удобнѣе; они какъ два настоящихъ влюбленныхъ, свидѣвшихся послѣ долгой разлуки, наслаждались присутствіемъ другъ друга. Она пила кофе вмѣстѣ съ мужемъ: это было такъ мило съ ея стороны, что она ничего не кушала дома, чтобы выпить эту чашку вмѣстѣ съ нимъ; каждое ея движеніе была радость для него, новый восторгъ. Невозможно было видѣть, какъ она держитъ чашку съ этимъ мизинцемъ на отлетѣ, чтобы не расцѣловать всей этой маленькой ручки.

— И ты хочешь, чтобы я тебя оставилъ здѣсь,—говорилъ онъ,—ни за что, я увожу тебя черезъ три дня, беру тебя на руки какъ младенца и увожу.

Она кокетливо мотнула головкой.

— И увози!—только что скажетъ Александръ Ѳедоровичъ!

Неудовольствіе обѣдать у Надежды Михайловны и проводить вечеръ въ обществѣ цѣлой толпы постороннихъ, все это сглаживалось въ первый день пріѣзда счастьемъ свиданья съ любимою женщиной; Левъ Сергѣевичъ даже примирился съ мыслью о жизни въ № гостиницы вдали отъ жены; она такъ мило сулила часто посѣщать его. И эти часы, проводимые вдвоемъ, когда никто изъ постороннихъ не могъ мѣшать имъ, представлялись Льву Сергѣевичу полными очарованія. Вотъ когда, болѣе даже чѣмъ дома, онъ могъ переговорить съ нею обо всемъ, что за послѣдній мѣсяцъ волновало и мучило его.

Передъ разставаньемъ Нина увела мужа къ себѣ. Съ замужествомъ дочери Надежда Михайловна перемѣнила квартиру, такъ что могла предоставить Нинѣ только очень маленькую комнатку—свой кокетливый будуаръ, куда на ночь вносилась походная кровать.

— Развѣ не безпокойно тебѣ тутъ? воскликнулъ Левъ Сергѣевичъ, оглядывая комнату, полную бездѣлушекъ, въ которой, казалось ему, повернуться нельзя, чтобы не опрокинуть какой-нибудь куколки или вазочки.

— О, ничуть!—вѣдь спальня и уборная мамахенъ у меня подъ рукой, тамъ я умываюсь и одѣваюсь, а тутъ только милаго гостя принимаю. И молодая женщина съ милымъ лукавствомъ посмотрѣла на него. Не весело ли это,—сказала она,—сегодня ты у меня, завтра утромъ я у тебя? Никакихъ ссоръ, недоразумѣній, будемъ ходить другъ къ другу въ гости.

Digitized by Google

— Глупый ребенокъ,—воскликнулъ Левъ Сергѣевичъ, — ты рада поиграть.

— И ты знаешь,—сказала она,—завтра я надѣну вуаль погуще, чтобы такъ въ гостиницѣ не узнали меня...

Льва Сергѣевича какъ варомъ обдало отъ этихъ словъ. Мысль, что его обожаемую чтимую жену могутъ принять Богъ знаетъ за кого, возмутила его.

— И какъ не стыдно говорить это. Неужели тебя бы не возмутило, если бы тебя приняли за...

— За кокотку?—невозмутимо произнесла она,—это было бы очень забавно.

— Забавно, забавно! Нина, да какъ же можно говорить это, какъ не понимаешь ты, какое оскорбленіе это для тебя, для меня..

— Ah, mais sur quel ton vous le prenez, mon cher, я вѣдь могу и не являться къ вамъ, если не желаете.

— Да лучше ужь не надо!

И онъ хотѣлъ уже уходить раздосадованный и оскорбленный, однако не ушелъ, а долго еще на диванчикѣ сидѣлъ съ женой; поссорившись, они примирились и бесѣдовали о будущемъ и прошломъ, и онъ блаженствовалъ, упиваясь ея лаской.

Однако, придя въ свой №, Левъ Сергѣевичъ опять сталъ волноваться и возмущаться, но не жена возмущала его, а теща, общество, которымъ она окружала Нину. Вѣдь всѣ эти дамы, думалъ онъ, эти пріятельницы мамахенъ, если онѣ и не кокотки, то притворяются ими, а мужчины, притворяясь почтительными, презираютъ этихъ дамъ... И въ этомъ-то обществѣ вращается его молодая жена; ихъ разлучили... Его принудительное одиночество возмущало его. Какъ они смѣютъ, кто смѣетъ ихъ разлучать?

— Завтра я покончу съ этимъ,— говорилъ онъ самъ себѣ раздѣваясь,—никакіе доктора меня не увѣрятъ, что жить здѣсь полезно, я увезу Нину. Вліяніе маменьки уже сказывается на ней даже въ преобладаніи французскаго языка. Левъ Сергѣевичъ проснулся рано на слѣдующее утро и почти такой же возбужденный какъ былъ съ вечера. Нину онъ долго и тревожно ждалъ, она не приходила утромъ. Проволновавшись до двѣнадцати часовъ въ одиночествѣ, Левъ Сергѣевичъ рѣшилъ еще переждать немного и явиться на квартиру Боровской къ своей женѣ только послѣ ихъ завтрака, разсчитывая застать Нину одну. Однако онъ ошибся въ разсчетѣ; явившись въ исходѣ второго часа,

Digitized by Google

онъ именно засталъ дамъ за завтракомъ. Нина поздоровалась съ мужемъ какъ-то вяло, нехотя, точно она дулась на него, а Надежда Михайловна язвительно воскликнула:

— Vous voilà enfin, нельзя сказать, чтобы крылья любви носили васъ особенно скоро.

Патулинъ не отвѣчалъ ей, а сказалъ женѣ:

— Почему же ты не пришла? я ждалъ тебя.

Она сдѣлала маленькую гримаску ртомъ, онъ не любилъ этой гримаски, она напоминала ему Надежду Михайловну—и сказала коротко:

— Я проспала.

— Нинѣ нельзя вставать такъ рано каждое утро; вы забываете—она больной человѣкъ, ей нуженъ покой,—замѣтила Надежда Михайловна съ напускною важностью,—а вотъ васъ мы ждали,—прибавила она, дѣлая любезное лицо,—я даже ваше любимое кушанье—rognons sautés au madère, заказала, Николай хорошо приготовляетъ.

— Я и не разсчитывалъ придти къ завтраку; я думалъ, вы уже отзавтракали.

— А, Боже мой, это совсѣмъ не любезно съ вашей стороны! Слышишь, Нина, твой мужъ не хочетъ завтракать съ нами?

Нина пожала плечиками, продолжая кушать.

Вскорѣ между матерью и дочерью завязался разговоръ, очевидно прерванный приходомъ Льва Сергѣевича; говорилось о какой-то princesse Catherine, о ложѣ въ оперу, возникали какіе-то вопросы по этому поводу. Левъ Сергѣевичъ слушалъ, ничего не понимая, и его брала досада, въ немъ желчь поднималась.

— Позвольте васъ прервать на одну минуту,—вдругъ неожиданно для самого себя вымолвилъ онъ,—мнѣ надо сказать одно слово женѣ.

— Наединѣ? или я могу остаться?—съ усмѣшкой спросила Надежда Михайловна.

— О, пожалуйста останьтесь, это не секретъ. Нина, я по прошу тебя,—съ нѣкоторою дрожью въ голосѣ произнесъ онъ,—приготовить твои сундуки. Мы ѣдемъ послѣзавтра.

— Что ты сказалъ—*мы ѣдемъ* послѣ завтра? Нина широко открыла глаза и показалась Льву Сергѣевичу похожею на мать.—Дѣйствительно, мы ѣдемъ въ оперу, если княгиня достанетъ ложу, но никуда болѣе.

Что-то въ родѣ бѣшенства охватило Патулина, холодный потъ выступилъ на лбу, онъ весь поблѣднѣлъ.

Digitized by Google

— Мы ѣдемъ въ Нагорное, прошу быть готовою къ скорому поѣзду..

— Это новая фаза супружеской жизни,—вымолвила Нина, гордо выпрямляясь,—тиранство? Вы забыли, съ кѣмъ имѣете дѣло, я не позволю мудрить надъ собой, Левъ Сергѣевичъ.

Надежда Михайловна уже дрожала отъ страха.

— Taisez-vous, ma chère,—шептала она,—taisez-vous, и обращаясь къ зятю:—вы не можете такъ увезти ее, вы должны поговорить съ докторомъ. Это ужасно, нѣтъ, это ужасно, такая тиранія невозможна!

Она закрыла лицо руками и, зарыдавъ, оставила комнату. Нина бросила салфетку и тоже выбѣжала изъ столовой.

Бѣшенство угомонилось въ груди Льва Сергѣевича, онъ понялъ, что былъ грубъ, невыносимо грубъ, что надѣлалъ какихъ-то страшныхъ, невозможныхъ дѣлъ, и раскаяніе стало душить его.

Черезъ полчаса онъ уже покорно выслушивалъ укоры тещи, не пускавшей его къ женѣ, съ которою была истерика, первая истерика въ жизни, которую вызвалъ онъ, онъ—своею грубостью, своимъ недостойнымъ образомъ дѣйствій. Убитый видъ Льва Сергѣевича воодушевлялъ Надежду Михайловну, она сыпала страшными словами на русскомъ и французскомъ языкѣ, и Левъ Сергѣевичъ самъ привезъ того самаго доктора, котораго ненавидѣлъ и называлъ шарлатаномъ.

Съ помощью доктора удалось успокоить Нину, и потомъ почтеннѣйшій Александръ Ѳедоровичъ имѣлъ со Львомъ Сергѣевичемъ долгое объясненіе. Нервная система Нины Павловны потрясена, ей нужно разсѣяніе, а никакъ не уединенная деревенская жизнь. Самая мѣстность деревни нездорова для такого субъекта, какъ Нина Павловна—постоянные вѣтры Нагорнаго дѣйствуютъ раздражающимъ образомъ на ея нервы.

— Какіе вѣтры?—съ недоумѣньемъ спросилъ Левъ Сергѣевичъ.

— Вѣтры, господствующіе въ вашей мѣстности.

— Но они не больше, чѣмъ гдѣ-либо въ средней Россіи и во всякомъ случаѣ меньше петербургскихъ.

— Тутъ воздухъ влажный, а у васъ сухой, это имѣетъ большое значеніе,—мягко, какъ больного, убѣждалъ докторъ, — я очень чувствую, насколько ваше положеніе непріятно, но чтобы выйти скорѣй изъ этого положенія, надо принести маленькую жертву. Останьтесь здѣсь, скажемъ, до января—самое опасное переходное время. Вамъ нельзя? Въ сущности тѣмъ лучше; оставьте жену на время, и тѣмъ пріятнѣе будетъ свиданіе.

Digitized by Google

Левъ Сергѣевичъ ненавидѣлъ этого маленькаго самонадѣяннаго человѣчка, но онъ уже не смѣлъ спорить, не смѣлъ возражать, приходилось смириться передъ авторитетомъ науки.

Онъ сознавалъ, что Нина больна, она такъ легко раздражалась теперь, совершенно было невозможно говорить съ нею, а такъ нужно было бы, такъ необходимо поговорить серьезно.

Онъ жилъ въ Петербургѣ уже цѣлую недѣлю, тратя въ Европейской гостиницѣ много денегъ и переживая мучительные дни. Онъ рѣшилъ уѣхать одинъ.

Наканунѣ отъѣзда Левъ Сергѣевичъ явился къ тещѣ къ обѣду и, къ своей радости, засталъ Нину одну.

Она казалась ему дѣйствительно измѣнившеюся, поблѣднѣвшею, встрѣтила мужа какъ-то нервно, кинулась ему на шею и расплакалась.

Льву Сергѣевичу пришлось утѣшать ее, хотя онъ самъ былъ не менѣе ея разстроенъ. Касаться вопроса ихъ совмѣстной жизни онъ боялся, она сама начала его.

— До сихъ поръ не могу понять, почему ты уѣзжаешь,—сказала она.

Левъ Сергѣевичъ слегка вспыхнулъ, но, давъ себѣ слово не раздражаться, сдержанно отвѣтилъ:

— Я не взялъ отпуска и не могу взять, такъ какъ имѣлъ уже его въ этомъ году, къ тому же проживаться здѣсь я нахожу безсмысленнымъ...

Въ свою очередь вспыхнула Нина.

— Все деньги, деньги,—сказала она,—ты думаешь только о деньгахъ, а не о женѣ, другой бы не оставилъ такъ жену.

Онъ забылъ предписанную сдержанность.

— Кто кого оставилъ, это еще вопросъ, — воскликнулъ онъ.

— Ты все еще не вѣришь, что я больна?!

— Я вѣрю, вѣрю, не раздражайся ради Бога! Но я бы хотѣлъ видѣть другого человѣка въ моемъ положеніи, что бы онъ сталъ дѣлать!—и онъ схватился за голову.

— Я тебѣ скажу: онъ вышелъ бы въ отставку и взялъ бы мѣсто въ Петербургѣ.

— Легко сказать, душа моя— взялъ, кто дастъ это мѣсто?

— А! еслибы ты только согласился; мама имѣетъ полную возможность хлопотать.

— О чемъ?

— Это зависитъ отъ тебя, у Заринскаго столько знакомыхъ, онъ играетъ каждый день чуть не съ министрами.

Digitized by Google

— Нина, что ты говоришь, образумься! Чтобы я сталъ хлопотать черезъ любовника твоей мамахенъ...

— Какъ это грубо, Левъ Сергѣевичъ! Побереги ваши выраженія для Нагорновской прислуги. Въ сущности, мой другъ, учить меня нечему, я не маленькая и отлично знаю, что просить Зарницкаго, одолжаться ему—совсѣмъ непріятно, но надо же искать выхода, надо же какъ нибудь устроиться. Вѣдь не хочешь же ты моей смерти, не повезешь же меня въ Нагорное, когда самый климатъ его дѣйствуетъ на меня пагубно?

Какая-то горечь подступила къ губамъ Льва Сергѣевича, онъ забылъ всякую осторожность.

— Оставимъ климатъ, Нина. Признайся, что климатъ въ твоей болѣзни не причиненъ, что во мнѣ ты разочаровалась. Скажи, что щадишь меня, я съ самаго начала боялся этого, я ждалъ удара, и вотъ онъ грянулъ...

Его голосъ, въ которомъ звучало такъ много грусти, манера говорить—все представилось Нинѣ въ томъ иномъ, прежнемъ свѣтѣ, съ нѣкоторыхъ поръ утраченномъ. Онъ показался ей опять тѣмъ неловкимъ по манерамъ, но искреннимъ, сильнымъ, не похожимъ на другихъ гигантомъ, любовь котораго стоитъ завоевать и, завоевавъ, удержать, и съ полною искренностію она воскликнула: „Я люблю тебя!“ и бросилась къ нему на грудь.

XXIV.

Левъ Сергѣевичъ покинулъ Петербургъ грустный, но не безнадежный; онъ вѣрилъ, что Нина еще любитъ его, и надѣялся, что рядомъ уступокъ устроитъ свою совмѣстную жизнь съ женой. Всю ночь отъ Петербурга до Москвы онъ не спалъ и думалъ. Возможность занять мѣсто предсѣдателя Управы въ губернскомъ городѣ ему казалась желаннымъ исходомъ. Уже не разъ его просили балотироваться въ губернскую, но онъ всегда отказывался, такъ какъ мѣсто это нѣсколько трехлѣтій занималъ прекрасный и вполнѣ полезный человѣкъ, нѣкто Коринъ. Но Коринъ покидалъ занимаемую должность, говорили, что онъ получаетъ административное назначеніе; первое препятствіе было устранено. Оставалось узнать, насколько сильна партія приверженцевъ. Несомнѣнно, его любили, считали въ губерніи дѣятельнымъ и полезнымъ. Онъ понималъ, что главная причина болѣзни Нины была скука, скука въ деревнѣ, которую онъ рѣшительно не признавалъ, но что же дѣлать—жена его не выносила де-

Digitized by Google

ревни, надо было считаться съ этимъ и какъ нибудь устроить жизнь иначе. Петербургъ, т. е. Нининъ Петербургъ съ маменькой, Заринскимъ, безцѣльнымъ трепаньемъ по магазинамъ, былъ ему противенъ, но можно было устроиться въ губернскомъ городѣ. Это тоже былъ противный городъ, вообще городская жизнь была не по душѣ Патулину, но все же лучше Петербурга.

Съ этою заботой на душѣ, заботой о ломкѣ жизни, прибылъ Патулинъ въ Москву. Нѣсколько часовъ, что оставались ему до отхода его провинціальнаго поѣзда, онъ употребилъ на поѣздку къ Липгарту, гдѣ досконально осмотрѣлъ жнею—онъ уже давно мечталъ о пріобрѣтеніи усовершенствованной жнеи, но все никакъ не могъ собраться съ деньгами. И теперь жнея осталась въ области мечтаній, денегъ было меньше, чѣмъ когда-либо.

Мысли о хозяйствѣ, о плугахъ, жнеяхъ и т. п. отвлекли нѣсколько Льва Сергѣевича отъ главной грызущей его мысли, и въ менѣе угнетенномъ состояніи духа онъ пріѣхалъ на вокзалъ и сѣлъ позавтракать. Публики, ожидавшей поѣзда, было уже много, и она все прибывала.

Наскоро глотая поданное ему кушанье, Левъ Сергѣевичъ равнодушно оглядывалъ эту толпу одинаково озабоченныхъ, торопящихся куда-то людей.

Зовя лакея, чтобы расплатиться за завтракъ, и ударяя ножомъ о стаканъ, онъ вдругъ былъ пораженъ знакомымъ, необыкновенно знакомымъ видомъ одной дамской ротонды со старымъ повытертымъ песцовымъ воротникомъ. Дама стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и что-то говорила артельщику, внесшему за нею вещи.

Неужели Софья? Да, да, это ея ротонда, еще прошлаго года онъ смѣялся надъ ней и просилъ къ свадьбѣ сшить новую. Дама повернула голову, сомнѣнія не могло быть—это была Софья, еще нѣсколько похудѣвшая, съ еще болѣе одухотвореннымъ, точно отсутствующимъ лицомъ. Она скользнула взглядомъ по залѣ, но не видала Патулина, который находился въ трехъ шагахъ отъ нея и смотрѣлъ на нее. Она поправила шляпку, тоже старую, черную бархатную „дорожную“, какъ она ее называла, и онъ увидалъ такъ хорошо знакомое ему движеніе ея руки съ длинными худыми пальцами.

Поправивъ шляпку, она сѣла спиной къ нему, немного по привычкѣ сгорбившись.

Какъ странно было все знакомо ему, въ этой чужой ему женщинѣ!

Digitized by Google

Онъ ничего не жалѣлъ, онъ не хотѣлъ вернуть прошлаго, теперь онъ не могъ представить себѣ Софью женой своею, но какое-то волненіе, жалость не къ ней собственно, а ко всему прошлому, къ себѣ больше, чѣмъ къ ней, овладѣла имъ.

Раздался первый звонокъ; зала пришла въ движеніе, всѣ бросились къ дверямъ. Софья привстала, но, дожидаясь артельщика вѣроятно, не двигалась со своего мѣста. Ровно годъ тому назадъ они вмѣстѣ уѣзжали изъ Москвы.

Въ залѣ почти никого уже не было кромѣ Софьи.—Подойти? мелькнуло у него въ головѣ. Онъ былъ увѣренъ, что она обрадовалась бы ему, что онъ не только не услышалъ бы отъ нея укора, но что она смущенную душу его сумѣла бы успокоить. Но что-то удерживало его подойти къ дѣвушкѣ, что-то нехорошее, себялюбивое; онъ чувствовалъ, что будь онъ счастливъ въ эту минуту, не будь онъ одинокъ, не представляйся будущее какою-то загадкой, онъ скорѣй бы подошелъ къ ней. Теперь же ему хотѣлось скрыться отъ всѣхъ. Только когда артельщикъ принесъ ей билетъ, и она торопливо пошла къ вагонамъ, всталъ и онъ.

Ѣхали они въ разныхъ вагонахъ, и Софья не знала, что Патулинъ въ одномъ поѣздѣ съ нею. Патулинъ надѣялся избѣжать встрѣчи и на станціи, куда поѣздъ прибывалъ вечеромъ, онъ вышелъ изъ вагона и прямо прошелъ на крыльцо, у котораго уже дожидался его Никита въ маленькихъ одиночныхъ саночкахъ. Случаю угодно было однако, чтобы Софья сдѣлала то же самое: прежде чѣмъ получать багажъ, она хотѣла освѣдомиться, тутъ-ли лошади, и вышла на крыльцо. При звукѣ отворявшейся двери Левъ Сергѣевичъ, не успѣвшій еще сойти со ступеней, невольно обернулся; свѣтъ фонаря прямо ударилъ ему въ лицо, Софья узнала его и слабо ахнула.

Онъ снялъ шапку и нѣсколько растерявшійся не смѣлъ протянуть ей руку, она первая подала свою.

— Мы и не знали, что ѣдемъ въ одномъ поѣздѣ,—сказала она.

Ея голосъ, мягкій, нѣжный, трепетный, вслѣдствіе внезапнаго волненія, поразилъ, взволновалъ Патулина, онъ слегка пожалъ руку Софьи, еще ниже наклонилъ голову, не зная, что сказать, и, пока она еще освѣдомлялась о лошадяхъ, онъ сошелъ съ крыльца, держа шапку въ рукахъ, какъ бы не смѣя надѣть ее въ ея присутствіи.

„Мы ѣхали въ одномъ поѣздѣ, не зная этого“, звучали слова

Digitized by Google

Софьи въ его ушахъ, пока Никита болталъ что-то о Сафоновскихъ лошадяхъ и о разныхъ деревенскихъ новостяхъ. „Бѣдная Софья! . Не возвращался бы я въ безпріютный домъ, въ одиночество, еслибы я съ тобой ѣхалъ въ одномъ жизненномъ поѣздѣ. Эта не оставила бы, нѣтъ, не оставила бы одного".

И за это невольное сравненіе онъ вдругъ разсердился на себя, на Софью. „И за всю твою любовь, за все счастье, которымъ бы ты старалась окружить меня, я не отдалъ бы одной минуты моей жизни съ Ниной. Чудная моя, твое присутствіе освѣтило мой домъ, онъ дорогъ мнѣ не потому только, что ты въ немъ, но и потому, что ты въ немъ „была".

Взойдя въ домъ и встрѣченный Прасковьей Васильевной, которая не преминула разъахаться, узнавъ, что барыня и къ Рождеству не пріѣдетъ, онъ продолжалъ пребывать въ какомъ-то грустно восторженномъ настроеніи.

Найдя любимую кушетку Нины въ гостиной приставленною къ стѣнѣ, онъ переставилъ ее такъ, какъ она любила, принесъ столикъ, нашелъ романъ, послѣдній, который она читала и не окончила за пріѣздомъ матери, и открылъ на неразрѣзанной страницѣ.—Пусть будетъ такъ эта пустынная комната, какъ будто ждетъ ее.

Найдя постель Нины прикрытою только одѣяломъ, онъ разсердился, велѣлъ постелить чистыя простыни, надѣть наволоки на подушки. Несмотря на усталость послѣ дороги, онъ чувствовалъ, что спать не можетъ, и сѣлъ писать женѣ.

„Сейчасъ возвратился въ свой опустѣлый домъ", писалъ онъ. „Я страшился этого возвращенія, оно мнѣ казалось такимъ ужаснымъ, но, вообрази, этотъ пустынный домъ уже не такъ пустыненъ. Ты была въ немъ. Каждая вещь, къ которой ты прикоснулась, получила жизнь, значенье, котораго не имѣла прежде, и мой домъ не пустыня теперь, ты населила его твоимъ милымъ, дорогимъ присутствіемъ. Мои старики разсердили меня — они осмѣлились переставить кушетку твою, приткнули ее къ стѣнѣ, какъ будто не знаютъ, что ты этого не любишь, они не оправили твоей постели. Теперь все приведено въ порядокъ. Твой домъ ждетъ тебя, дышитъ тобою, моя дорогая. Спасибо тебѣ за оставленное воспоминаніе, за любовь, которую ты поселила въ сердцѣ моемъ. Вернись скорѣй, скорѣй вернись, я такъ люблю тебя, что выразить словами не умѣю, но душа моя полна тобою".

Digitized by Google

XXV.

Наканунѣ Рождества Надежда Михайловна дѣлала у себя елку. Дѣтей было немного, салонъ наполняли взрослые веселые, безъ-заботные люди. Все это былъ совершенно чуждый Льву Сергѣевичу людъ, говорящій на какомъ-то непонятномъ ему языкѣ; онъ усѣлся особнякомъ въ уголку и смотрѣлъ больше на дерево, освѣщенное электрическими лампочками, и трехъ-четырехъ малолѣтокъ, бѣгающихъ вокругъ него, удивляясь, какъ и въ этихъ маленькихъ существахъ отражается настроеніе отцовъ и матерей: ужъ и эти больше заботились о томъ, что̀ о нихъ подумаютъ; въ ихъ играхъ не было естественности, непосредственной веселости; бѣгая и рѣзвясь, они какъ-то исподтишка поглядывали, какой производятъ эффектъ.

И Левъ Сергѣевичъ предавался грустнымъ размышленіямъ.

Патулинъ уже болѣе недѣли какъ былъ опять въ Петербургѣ. За нѣсколько дней до своего отъѣзда онъ получилъ письмо отъ Надежды Михайловны, въ которомъ она въ отборныхъ выраженіяхъ, очевидно переведенныхъ съ французскаго, умоляла его не пытаться увозить Нину изъ Петербурга. Нина плохо поправляется, „ужасная“ жизнь въ Нагорномъ надорвала всю ея нервную систему, и если онъ опять увезетъ ее въ ссылку, то нельзя ручаться за ея разсудокъ.

Несмотря на свое презрѣнье къ Надеждѣ Михайловнѣ, несмотря на то, что онъ считалъ ее способною на ложь и всякую „пакость“, какъ сильно выражался мысленно Левъ Сергѣевичъ, онъ испугался и въ тотъ же день полетѣлъ въ губернскій городъ, чтобы устроить себѣ продолжительный отпускъ. Во время же безсонной ночи, проведенной въ № гостиницы, онъ написалъ женѣ слѣдующее письмо:

„Не удивляйся, мой другъ, получивъ письмо изъ N-ска: я пріѣхалъ за отпускомъ и прямо отсюда ѣду къ тебѣ. Ты знаешь, насколько у меня мало вѣры въ слова твоей матери, но сегодняшнее письмо ея—ты знаешь, конечно, что она мнѣ писала, можетъ быть знаешь и содержаніе этого письма—такъ ужасно, что если вѣрить только половинѣ, оно уже и тогда могло повергнуть меня въ отчаяніе. Твоя болѣзнь меня не пугаетъ,— позволь мнѣ быть откровеннымъ — нервная болѣзнь въ такомъ молодомъ и сильномъ существѣ, какъ ты, не можетъ долго продолжаться. Сила воли много значитъ въ нервной болѣзни, и ты,

Digitized by Google

когда захочешь, поборешь свою. Что меня особенно удручаетъ, это твоя ненависть къ этому „ужасному“ Нагорному. Побороть эту ненависть, я чувствую, будетъ труднѣе, чѣмъ твою болѣзнь. Между тѣмъ какъ же быть, Нина, что дѣлать намъ? Вѣдь Нагорное—мой *домъ*, это почти живое существо, старое, быть можетъ отжившее, безобразное, но существо, которое для меня было бы и постыдно и безумно покинуть, какъ постыдно покинуть отца въ старости; вѣдь Нагорное не измѣняло мнѣ долгіе годы, было нянькой моею, было моимъ кормильцемъ и поильцемъ. Съ Нагорнымъ связаны всѣ воспоминанія моей жизни, печальныя и радостныя... Да, и радостныя. Не въ Нагорномъ ли мы полюбили другъ друга? Въ Нагорномъ мы были счастливы... Или быть можетъ ты никогда не чувствовала себя счастливою со мной? Нина, Нина, неужели ты не любила меня? Иногда мнѣ приходитъ эта мысль... Но тогда зачѣмъ же, зачѣмъ... Нѣтъ, этого быть не можетъ; скажи, увѣрь меня, что ты любила и любишь еще. Скажи, чѣмъ мнѣ удержать любовь твою? Разстаться съ Нагорнымъ, покинуть навсегда?—Я сдѣлаю все, что ты прикажешь, чтобы вернуть то счастье, уголокъ котораго ты показала мнѣ Я говорилъ сейчасъ о томъ, какъ дорого мнѣ Нагорное,—не вѣрь—дорога мнѣ только ты, одна ты. Пусть же все погибаетъ и рушится, не отнимай у меня твоей любви!“

Получивъ отпускъ, Левъ Сергѣевичъ поскакалъ въ Петербургъ. На этотъ разъ онъ не давалъ знать Нинѣ о своемъ пріѣздѣ, явился прямо въ извѣстныя ему меблированныя комнаты и, переодѣвшись, полетѣлъ къ женѣ. Нина приняла его холодно и не замедлила объяснить почему. Все письмо его изъ N-ска было рядомъ оскорбленій. Его презрительное отношеніе къ матери было оскорбленіемъ ей: какое грубое непониманіе чувствъ дочери это обвиненіе матери ея во лжи! Онъ смѣетъ утверждать, что она сама была невысокаго мнѣнія о нравственной сторонѣ матери, пусть такъ, нужно понимать, что сказано въ раздраженіи, и никогда, никогда она не позволитъ постороннему бросать грязью въ бѣдную мамахенъ. Его недовѣріе къ ея, Нины, болѣзни—другое оскорбленіе. Его эгоизмъ такъ и сквозитъ въ этомъ отношеніи къ ея болѣзни. Да, конечно, болѣзнь ея не главное, это второстепенное дѣло, главное дѣло въ Нагорномъ, которое ему такъ трудно покинуть!

Левъ Сергѣевичъ былъ ошеломленъ нападками жены, сознался свой эгоизмъ, просилъ прощенія и былъ какъ бы прощенъ, но съ однимъ непремѣннымъ условіемъ — онъ оставитъ не только

Digitized by Google

Нагорное, но всю N-скую губернію и возьметъ мѣсто въ Петербургѣ; онъ не можетъ не согласиться, что при страшномъ нервномъ разстройствѣ она не можетъ вернуться въ Нагорное, гдѣ дуютъ вѣтры и вообще...

Левъ Сергѣевичъ, разстроенный, пришибленный, согласился на все, даже на то, чтобы принять какое-то мѣсто изъ рукъ любовника мамахенъ. Только при условіи этого вырваннаго согласія дамы начали искать меблированную маленькую квартирку для молодыхъ на остатокъ зимы; Левъ Сергѣевичъ былъ ужъ и этимъ доволенъ. Въ тотъ же день, какъ вопросъ о меблированной квартирѣ былъ рѣшенъ, онъ нашелъ одну, по его понятіямъ, очень подходящую, но оказалось, что, по понятіямъ Нины и Надежды Михайловны, она совсѣмъ не подходитъ, и до сихъ поръ Патулины жили—онъ въ меблированныхъ комнатахъ, она у матери, и вопросъ объ общемъ помѣщеніи все осложнялся дороговизной. Но Левъ Сергѣевичъ уже боялся запкнуться о деньгахъ; уѣзжая изъ N, онъ занялъ значительную сумму, не имѣя другой надежды отдать долгъ, какъ продать участокъ лѣса, который собственно рано было продавать. Надежда Михайловна браковала болѣе дешевыя квартиры и очевидно не намѣревалась взять менѣе чѣмъ на 1500 р. Предстоялъ новый заемъ, но Левъ Сергѣевичъ махнулъ на все рукой и мечталъ лишь объ одномъ—вырвать Нину изъ дома матери, что бы то ему ни стоило. Теперь, глазѣя на блистательное дерево и на дѣтей, онъ думалъ все объ одномъ и томъ же, когда голосъ Надежды Михайловны вывелъ его изъ задумчивости.

— Левъ Сергѣевичъ, пожалуйте сюда.

Надежда Михайловна, вся въ бархатѣ и драгоцѣнныхъ кружевахъ, граціозно кивала ему все еще хорошенькою головкой, украшенною ослѣпительно сверкавшею брилліантовою эгреткой, и улыбаясь манила его. Рядомъ съ нею стоялъ пожилой господинъ съ гладко, волосокъ къ волоску причесанною головой, подернутою сѣдиной, съ гладко выбритыми худыми щеками и небольшою бородкой. Одѣтый во фракъ съ чуть замѣтно изъ-за борта выступающею звѣздой, онъ представлялъ собой нѣчто изящное и внушительное.

— M-e r le comte de *** желаетъ познакомиться съ вами, mon cher; мой зять,—представила она Патулина, не называя его даже по фамиліи графу.

Льва Сергѣевича передернуло.

— Патулинъ, назвалъ онъ себя.

Digitized by Google

Графъ подалъ ему руку, но не сдѣлалъ даже вида, что желаетъ пожать его руку, онъ только слегка коснулся ея.

— Вотъ я взяла слово съ графа, онъ обѣщалъ все сдѣлать, что отъ него зависитъ. Je vous laisserai, n'est ce pas.

Шурша своимъ шлейфомъ, Надежда Михайловна удалилась, оставивъ Льва Сергѣевича съ графомъ ***, который довольно безцеремонно своимъ прищуреннымъ глазомъ, вооруженнымъ моноклемъ, оглядывалъ высокую и плотную фигуру Патулина.

— Мнѣ говорила Надежда Михайловна, что вы желали бы получить назначеніе въ *** министерствѣ, но какое же собственно мѣсто? Вѣдь вы, кажется, въ провинціи служите, земскій начальникъ, такъ кажется говорила Надежда Михайловна? Вѣдь это собственно отличное мѣсто.

— Я служу въ земствѣ по выборамъ,—перебилъ графа Патулинъ,—я предсѣдатель уѣздной земской управы.

— A-a! mais c'est parfait. Зачѣмъ же собственно вамъ мѣнять такое прекрасное положеніе?.. Конечно, ваша супруга Нина Павловна должна скучать, elle n'est pas faite pour la province— графъ еще разъ оглядѣлъ Патулина, какъ бы говоря этимъ взоромъ—но вѣдь и ты, mon cher, не для нея сотворенъ—и слегка усмѣхаясь:—я понимаю, но вѣдь послѣ предсѣдателя довольно трудно найти что нибудь здѣсь. И вы знаете—тутъ онъ сдѣлался нѣсколько болѣе фамиліаренъ — напрасно Надежда Михайловна обратилась ко мнѣ, что я — que puis-je? Конечно, я поговорю, но мнѣ кажется, вамъ несравненно было бы лучше обратиться къ Николаю Тимофѣевичу... вотъ это всемогущій человѣкъ и дамскій угодникъ, о!

И какъ бы совершенно покончивъ съ дѣловымъ разговоромъ или желая показать, что если что сдѣлано будетъ, то исключительно ради дамъ, молодой сановникъ прибавилъ:

— Ваша супруга обворожительна, я зналъ ее еще дѣвочкой, и тогда это былъ многообѣщающій ребенокъ.

Льву Сергѣевичу оставалось только сдѣлать „эхмъ!“ и поклониться; графъ тоже мотнулъ головой снизу вверхъ, выбросилъ монокль изъ глаза и веселою походкой, немного улыбаясь, направился къ группѣ дамъ, ожидавшей его за карточнымъ столомъ.

„Чортъ знаетъ что такое,—подумалъ Левъ Сергѣевичъ,—и зачѣмъ эта дурища сунула меня къ этому графу, вѣдь онъ кажется и вѣдомства совсѣмъ иного, да и я хорошъ—молчалъ какъ убитый“. Онъ уже было хотѣлъ опять занять свое мѣсто въ углу, какъ подошла къ нему Нина.

Digitized by Google

Она была въ необыкновенно простомъ бѣломъ суконномъ платьѣ съ собольею оторочкой, стоившемъ Льву Сергѣевичу бѣшеныхъ денегъ. Соболій воротничекъ прекрасно оттѣнялъ бѣлизну ея лица и темный цвѣтъ его чудно гармонировалъ съ бѣлокурыми волосами. Она имѣла нѣсколько томный видъ и была прелестна съ своею загадочною улыбкой.

— Графъ говорилъ съ тобой?—спросила она, кладя свою руку на его,—что онъ обѣщалъ тебѣ?

— Что можетъ онъ обѣщать, Нина! Удивляюсь, какая охота твоей „мамахенъ“ безпокоить людей; что можетъ графъ для меня, когда и служитъ-то онъ въ другомъ вѣдомствѣ!

— Во-первыхъ, мой милый, я просила бы тебя не называть мать мою „мамахенъ“.

— Но ты же сама...

— Это до тебя не касается! не знаю, какъ у меня, но у тебя это выходитъ грубо и неизящно. Во-вторыхъ, скажу тебѣ, что графъ большая сила и даромъ, что онъ не принадлежитъ къ настоящему вѣдомству (я и не знала этого), онъ все можетъ, коли захочетъ. Надо только ему понравиться. Пеняй на себя, мой милый, если ничего не извлечешь изъ его знакомства.

Они вышли изъ большой гостиной, гдѣ сосредоточилось общество, и Нина, вынувъ руку изъ подъ руки мужа, присѣла на низенькій диванчикъ въ кабинетѣ матери.

— Другихъ легко обвинять,—продолжала она, барабаня по столу,—но когда самъ палецъ о палецъ не ударилъ, чтобы устроить домъ для жены, странно обвинять другихъ, когда они хлопочутъ!

— Ты права, я дѣйствительно растерялся; я не знаю, что мнѣ дѣлать. Ну, что же, дѣлайте для меня, суйте куда хотите— онъ улыбался почти болѣзненною улыбкой—приказывайте, я покорно пойду на всякое униженіе, только отдайте мнѣ мое счастье.— И онъ протягивалъ руки къ женѣ.

— Оставь, могутъ войти. Не вижу ничего унизительнаго въ нашихъ хлопотахъ.

— Ничего унизительнаго? Но вѣдь онъ, твой графъ, на носъ мнѣ вѣшалъ, что ему дѣла нѣтъ до моихъ достоинствъ, что онъ дѣлаетъ это для васъ, pour vos beaux yeux.

— Вотъ чудесно—чего обижается человѣкъ! Конечно, если онъ что сдѣлаетъ, то ради мама и меня, а не ради васъ, котораго не знаетъ ни съ Адама, ни съ Евы, перевела она съ французскаго.

— Ты не понимаешь, что говоришь, Нина, не ради же до-

Digitized by Google

стоинствъ женъ даютъ мѣста мужьямъ, ты обвиняешь все общество—дающихъ, принимающихъ, просящихъ.

— Э, мой милый, это уже пошла философія, терпѣть ее не могу. Мама насъ ищетъ, вставайте! Если разсуждать по твоему, то выйдетъ, что протекціи никакой не нужно, а подп-ка проберись безъ протекціи. Въ рукахъ женщинъ большая сила, и я буду пользоваться ею, пока могу.

Она встала, вполнѣ увѣренная, что спорить съ ней нельзя, и, не слушая возраженій мужа, вошла опять въ освѣщенный салонъ. Тамъ раздавались подарки. Всѣ, рѣшительно всѣ, большіе и малые, получили „un petit rien", какъ говорила Надежда Михайловна. Льву Сергѣевичу она сама поднесла изящную игрушку—маленькій серебряный плужекъ.

— Олицетвореніе вашей спеціальности,—выговорила она улыбаясь,—искала, искала, едва могла найти.

Онъ тоже хихикнулъ, принимая вещицу; теперь, когда все дѣлали, чтобы оторвать его отъ прошлаго, этотъ плужекъ являлся настоящею насмѣшкой.

XVI.

— Я говорила, что графъ все можетъ! такъ Нина однажды встрѣтила мужа,—во-первыхъ, цѣлуй мою ручку въ знакъ покорности, а во-вторыхъ, прочти.

Левъ Сергѣевичъ поцѣловалъ ручку и взялъ безъ радостнаго содроганія большой конвертъ съ крупною монограмой.

За двѣ недѣли праздниковъ Левъ Сергѣевичъ замѣтно измѣнился, осунулся, цвѣтъ лица его сдѣлался желтымъ, точно онъ перенесъ сильную болѣзнь. Онъ дѣйствительно мучительно былъ боленъ; онъ чувствовалъ, что земля уходитъ изъ подъ ногъ его. До сихъ поръ онъ не имѣлъ еще возможности вытащить Нину отъ матери; подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ она отказывалась отъ предлагаемыхъ квартиръ, ей нравилось ихъ существованіе врозь, она находила въ немъ нѣчто романтичное. Ей нравилось явиться къ нему неожиданно вечеромъ подъ густою вуалью, написать, что матери нѣтъ, la porte est condamnée à tout le monde, и она ждетъ его

Все то, что нравилось ей, онъ находилъ недостойною игрой: ему казалось, что она точно хотѣла еще подогрѣть утраченное чувство этими романтичными свиданіями.

Являясь въ домъ къ Надеждѣ Михайловнѣ, Левъ Сергѣевичъ

Digitized by Google

почти постоянно находилъ молодого дипломата Рублевскаго, давнишняго поклонника Нины.

Онъ не ревновалъ, онъ былъ убѣжденъ, что Нину не увлечетъ напыщенный, недалекій, только нахватавшій верховъ человѣкъ, но ему противна была эта игра въ любовь, которою она очевидно хотѣла возбудить его ревность.

Къ чему? зачѣмъ?—спрашивалъ онъ себя. Что же будетъ дальше? Каждый день, проведенный въ Петербургѣ въ этой погонѣ за женой, въ мечтаніяхъ какого-то устройства, утомлялъ его, какъ не утомилъ бы день настоящей работы.—Я старѣю, думалъ Левъ Сергѣевичъ.

Сегодня съ утра онъ чувствовалъ уже утомленіе, какую-то невозможность борьбы, покорность, если можно такъ выразиться, передъ судьбой. Онъ пересталъ негодовать на то, что ищутъ для него какого-то мѣста, что Заринскій хлопочетъ за него, что графу напоминаютъ о немъ, что женщины вторглись въ его мужскую, ему одному принадлежащую жизнь и распоряжаются ею. Онъ пассивно переносилъ все это.

Левъ Сергѣевичъ развернулъ твердый листокъ бумаги и прочелъ слѣдующее:

„Chère madame!

„Я говорилъ съ Николаемъ Тимофѣевичемъ о вашемъ зятѣ и „съ удовольствіемъ могу сообщить, что онъ согласился принять „его. Я не умѣлъ сказать Николаю Тимофѣевичу, чего ищетъ „вашъ протеже, и совѣтовалъ бы ему во избѣжаніе ошибокъ со„ставить маленькую докладную записку.

„Николай Тимофѣевичъ очень помнитъ васъ и вашу чаровницу„дочь, которой и отъ меня прошу передать мое почтительное вос„хищеніе ею.

„Онъ принимаетъ по четвергамъ отъ 11 до часу".

„Прочтя письмо, Левъ Сергѣевичъ передалъ его женѣ.

— Чему же ты радуешься?—спросилъ онъ.

— Какъ чему—Николай Тимофѣевичъ всесиленъ, онъ помнитъ насъ; онъ навѣрное исполнитъ твою просьбу. Пожалуйста только не будь тупъ, мой милый—не прерывай меня, я отлично понимаю, что просить ты не привыкъ, тебѣ тяжело все это, я понимаю, но вѣдь наше счастье невозможно безъ этого, подумай только: одно усиліе, одно какое нибудь непріятное свиданіе, и мы получимъ возможность жить въ Петербургѣ

Онъ хотѣлъ спросить: но развѣ ты будешь отъ этого больше любить меня? и вмѣсто этого спросилъ:

Digitized by Google

— Такъ мнѣ нужно опять являться, опять просить?

— Само собою, мой дорогой, и какъ будто бы ты проспалъ уже такъ много, это мы съ мама кляньчемъ за тебя. Она прижалась къ мужу, ласкаясь, какъ кошечка.—Завтра четвергъ; надо заблаговременно составить записку, какъ тамъ сказано, въ письмѣ-то. Ты составишь, мое сердце? Только бы мнѣ выхватить тебя изъ этой трущобы, въ которой ты погрязъ!

Левъ Сергѣевичъ обидѣлся.

— Помилуй, я уважаю свою дѣятельность, никакое учрежденіе, въ которомъ могу служить здѣсь, не дастъ мнѣ того, что дало земство—чувства несомнѣнной полезности. Кромѣ того, я былъ у себя, дома. Тутъ же у меня нѣтъ почвы.

— Ты опять хочешь доказывать, что я дѣлаю тебя несчастнымъ!—воскликнула Нина,—никто тебя не принуждаетъ, ты можешь оставаться въ твоемъ земствѣ, можешь возвратиться въ Нагорное, но я не жена тебѣ, не жена...

Она заплакала.

— Успокойся, Нина, Нина! я подамъ въ отставку.

— Ахъ, мои нервы такъ стали плохи, не обращай вниманія.

Но рыданія дѣлались сильнѣй, прибѣжала Надежда Михайловна, явились на свѣтъ успокоительныя капли, эѳиръ и т. п. Левъ Сергѣевичъ съ отчаяньемъ въ сердцѣ и на лицѣ совался безъ толку.

— Ахъ, оставьте, m-eur Leon, она безъ васъ лучше успокоится. Я такъ и знала, что это милое письмо графа приведетъ только къ неудовольствіямъ, и кромѣ непріятности ничего изъ этого не выйдетъ. M-eur Leon est trop egoiste.

Льву Сергѣевичу пришлось оправдываться передъ Надеждой Михайловной. Онъ ни отъ чего не отказывался, онъ поѣдетъ къ Николаю Тимофѣевичу, если этого требуетъ Нина. Онъ все сдѣлаетъ, что угодно; онъ не знаетъ только, при чемъ тутъ Николай Тимофѣевичъ, вѣдь онъ совсѣмъ не причастенъ къ тому вѣдомству, въ которомъ Левъ Сергѣевичъ ищетъ мѣста.

— Положимъ, что такъ,—съ ангельскимъ терпѣніемъ на лицѣ произноситъ Надежда Михайловна и кладетъ ласково руку на руку зятя и, стараясь не возвышать голоса, со всѣмъ христіанскимъ смиреніемъ, ниспосланнымъ ей свыше, продолжаетъ:—но, другъ мой, не можемъ же мы съ вами прямо адресоваться къ министру, который насъ не знаетъ. Министръ посмотритъ на насъ съ удивленіемъ. Николай же Тимофѣевичъ, хотя и не причастенъ къ министерству, но друженъ съ—она назвала съ кѣмъ

Digitized by Google

онъ друженъ—очень друженъ, а тотъ огромное имѣетъ вліяніе на министра.

— Такъ, произнесъ съ убитымъ видомъ Левъ Сергѣевичъ,— но ни одинъ изъ нихъ такъ же, какъ и министръ, не знаетъ меня...

— Васъ, мой милый, не знаетъ, но меня—она постучала указательнымъ пальцемъ въ планшетку своего корсета—меня знаетъ Николай Тимофѣевичъ и для меня все сдѣлаетъ. Онъ и Нину тоже помнитъ, читали вы въ письмѣ? Вѣдь отъ васъ, мой несравненный Левъ Сергѣевичъ, ничего особеннаго не требуютъ. Напишите докладную записку, докладную, докладную, сказала она внушительно, надѣньте фракъ и представьтесь Николаю Тимофѣевичу, вотъ и все, что отъ васъ требуется; надѣюсь, это немного, а тамъ ужъ предоставьте намъ дѣйствовать.

Въ четвергъ къ 10 часамъ Левъ Сергѣевичъ во фракѣ съ осунувшимся и блѣднымъ лицомъ сидѣлъ въ пріемной Николая Тимофѣевича. Собственно постороннихъ, кромѣ Льва Сергѣевича, въ пріемной не было. Въ комнату входили какіе-то господа съ портфелями, озабоченные, торопливые, обмѣнивались привѣтствіями, говорили о какихъ-то ихъ общихъ дѣлахъ, входили въ таинственныя двери кабинета и вновь выходили съ тою же торопливою озабоченностью. Между этими господами, имѣющими совершенно домашній видъ, Левъ Сергѣевичъ въ своемъ фракѣ чувствовалъ себя какъ-то неловко; съ непривычки къ фраку ему было холодно. Изрѣдка онъ вставалъ и дѣлалъ нѣсколько шаговъ отъ своего стула къ двери передней; на него оглядывались вскользь, но никто не подходилъ, никому до него не было дѣла, а когда къ 12 часамъ пріемная опустѣла, онъ, оставшись одинъ, подумалъ, что о немъ забыли, и уже съ облегченнымъ сердцемъ собирался во-свояси. Въ это самое время молодой человѣкъ неслышно на модныхъ остроконечныхъ лыжахъ подошелъ къ нему и почти шепотомъ сказалъ что-то, что онъ понялъ только потому, что молодой человѣкъ дѣлалъ жестъ по направленію кабинета.

Таинственная дверь отворилась и поглотила его. Онъ очутился въ огромной комнатѣ, полъ которой былъ устланъ персидскими коврами, а стѣны заставлены дубовыми шкафами съ книгами. Посреди комнаты находился монументальный письменный столъ, заваленный бумагами, папками, корректурами. Небольшой лысый человѣчекъ въ сѣренькой тужуркѣ стоялъ, опираясь одною рукой о столъ, поджидая посѣтителя. Его бритое

Digitized by Google

лицо съ прищуренными глазами, полунасмѣшливою улыбкой на тонкихъ губахъ дышало надменностью.

Онъ не подалъ руки посѣтителю, а только кивнулъ головой снизу вверхъ и, продолжая стоять опираясь о столъ, спросилъ, отчетливо и рѣзко отчеканивая слова:

— Кого имѣю честь?..

— Патулинъ, предсѣдатель N. земской управы.

— Чѣмъ могу служить?

Этотъ первый вопросъ озадачилъ и смѣшалъ Льва Сергѣевича.

— Графъ *** говорилъ вамъ обо мнѣ.

Человѣчекъ въ тужуркѣ продолжалъ прищурившись пристально снизу вверхъ смотрѣть въ глаза Патулину и чуть-чуть улыбаться; смущеніе этого огромнаго сравнительно съ нимъ человѣка доставляло ему очевидное удовольствіе, онъ пожалъ плечами.

— Мало ли о комъ говорилъ мнѣ графъ, извините, вашего имени не помню, извольте пояснить, и кратче, пожалуйста, кратче, время дорого.

Уже злоба и возмущеніе поднимались въ душѣ Льва Сергѣевича, но застѣнчивость, эта прирожденная, не покидавшая его съ годами застѣнчивость, надъ всѣмъ брала верхъ. Онъ сталъ путанно объяснять, чего онъ добивается, и изъ боковаго кармана фрака досталъ записку. Сѣрый человѣчекъ смотрѣлъ на него, явно наслаждаясь его смущеніемъ, какъ казалось Льву Сергѣевичу. Онъ далъ ему высказаться вполнѣ и только тогда проговорилъ, усмѣхаясь, съ разстановкой.

— Но, господинъ... господинъ Патулинъ, я не раздаю мѣстъ. И онъ опять поднялъ плечи.

Левъ Сергѣевичъ вспыхнулъ. Онъ ни за что не хотѣлъ упоминать имени тещи, но тутъ, чтобы опровергнуть сѣраго человѣка, котораго ненавидѣлъ, не пожалѣлъ себя.

— Однако графъ именно объ этомъ писалъ Надеждѣ Михайловнѣ Боровской.

— Ахъ! такъ вы зять старой чаровницы? Онъ засмѣялся,—къ кому относился этотъ смѣхъ—къ нему ли, Патулину, къ чаровницѣ ли?—съ этого надо было начать. И видя, что онъ мнетъ въ рукѣ какую то записку,—не надо, не надо, буду помнить безъ всякихъ записей, скажите Надеждѣ Михайловнѣ: желаніе ея—законъ. И онъ, продолжая улыбаться, поклонился, давая тѣмъ знать, что аудіенція кончена.

Digitized by Google

Съ туманомъ въ головѣ, почти качаясь, вышелъ Левъ Сергѣевичъ изъ кабинета знаменитаго человѣка. Никогда въ жизни своей онъ не испытывалъ болѣе унизительнаго чувства, чувства безсильной злобы передъ человѣкомъ, котораго безъ особеннаго усилія могъ бы придавить ладонью, только бы мокренько стало. И на этотъ срамъ, на это униженіе послала его жена, его обожаемая Нина! Нѣтъ, все онъ можетъ вытерпѣть черезъ нея, ради нея, но только не это, не это. Не вернуться ли побить этого сѣраго человѣка! Посмотрѣть бы, какъ бы онъ сталъ улыбаться подъ этимъ кулакомъ!

Первая мысль послѣ свиданія съ Николаемъ Тимофѣевичемъ была прямо отправиться къ женѣ и вылить передъ нею всю степень своего негодованія и отказаться разъ на всегда отъ этихъ хожденій за мѣстами. Онъ даже сказалъ извозчику: на Моховую, но, нѣсколько отрѣзвившись и отдышавшись, онъ поѣхалъ къ себѣ и тамъ у себя въ уединеніи онъ написалъ Нинѣ:

„Мой милый другъ, писалъ онъ ей, я пишу тебѣ, потому-что, чувствую, не могъ бы говорить, я слишкомъ взволнованъ, возмущенъ. Я сейчасъ испытывалъ самое унизительное чувство приниженности передъ человѣкомъ, который глумился надо мной, издѣвался, чувствуя, что я безсиленъ передъ нимъ. Нѣтъ, Нина, если ты сколько-нибудь любишь или только жалѣешь меня, ты избавишь меня отъ этихъ хожденій за мѣстами. Я слишкомъ старъ, слишкомъ привыкъ уважать свое человѣческое достоинство, чтобы такъ безнаказанно выносить то, что я вынесъ. Я не стану возмущать тебя разсказомъ о томъ, что я выслушалъ и что перенесъ въ тѣ 10 минутъ, что стоялъ (онъ не посадилъ меня) передъ вашимъ пресловутымъ Николаемъ Тимофѣевичемъ; скажу только, что я вышелъ дрожа отъ негодованія и до сихъ поръ не понимаю, какъ достало у меня силы характера, чтобы не сказать ему подлеца. Нина, умоляю тебя, не отнимай у меня моей свободы, ты сама станешь презирать меня, если я унижусь до того, что приму мѣсто изъ рукъ глумившихся надо мною. Моя сила когда-то восхищала тебя, но ты сама обрѣзала волосы твоему Самсону, и теперь... теперь... боюсь я выговорить это слово... теперь ты не любишь меня.

„Прошу, на колѣняхъ прошу у тебя прощенья, если я не правъ. Впрочемъ, это выяснится не нынче-завтра. Что охлажденіе можетъ быть съ твоей стороны, я это понимаю; я видѣлъ, что ты ослѣплена на мой счетъ, и ждалъ реакціи. Это испытаніе намъ обоимъ, которое надо пережить съ достоинствомъ. Мы дали

Digitized by Google

другъ другу клятву въ любви и вѣрности не на время, а на всю нашу жизнь, долга она будетъ или коротка; постараемся же пережить испытаніе и устроимъ жизнь нашу такъ, чтобы она была не въ тягость ни тебѣ, ни мнѣ. Утраченное тобою чувство не вернется, быть можетъ, но замѣнится инымъ, болѣе прочнымъ—дружбой и уваженіемъ къ человѣку, который всѣми силами души полюбилъ тебя. Выслушай меня спокойно, безъ раздраженія: я не хочу жить съ тобою розно, ты должна вернуться ко мнѣ. Поручишь ли мнѣ найти квартиру или сама найдешь ее, но съ будущей недѣли мы живемъ вмѣстѣ. Ты скажешь, что мы до сихъ поръ жили не розно, но, Нина, ты не любовница мнѣ, а жена, которую я люблю, уважаю, чту; не хочу я тайныхъ свиданій, противны они мнѣ. Я хочу жить съ тобою неразрывною жизнью, хочу дѣлиться съ тобою ежеминутно каждою своею мыслью, хочу имѣть свой очагъ, у котораго мы могли бы сидѣть съ тобою съ глазу на глазъ; не хочу я посторонняго вмѣшательства. Я дѣлаю тебѣ уступку—мы живемъ всю эту зиму въ Петербургѣ, я слоняюсь безъ дѣла. Но затѣмъ и ты должна уступить. Такъ какъ я не могу и не хочу жить празднымъ, во-первыхъ, потому, что мнѣ необходимо заработать деньги, чтобы дать тебѣ необходимый комфортъ, а во-вторыхъ, просто потому, что буду считать себя несчастнымъ, не имѣя дѣла—то слѣдующею осенью я балотируюсь на одну изъ губернскихъ должностей. Жизнь въ N—скѣ, конечно, не будетъ походить на жизнь въ Петербургѣ, но ты постараешься примѣниться къ ней. Нашъ N—скъ не пустыня, въ немъ ты найдешь и людей, и дѣло, и развлеченія.

„Вотъ съ какимъ предложеніемъ, съ какою просьбой я обращаюсь къ тебѣ, моя дорогая жена. Прочти безъ гнѣва, безъ предубѣжденія, поразмысли и дай отвѣтъ, совѣтуясь только со своимъ собственнымъ чувствомъ справедливости, съ твоимъ свѣтлымъ разумомъ.

„Я не надѣюсь, чтобы утраченное тобою чувство могло вернуться. Нѣтъ во мнѣ той силы, тѣхъ блестящихъ качествъ, которыя могли бы возвратить мнѣ твою любовь; ослѣпленіе прошло, но не имѣю ли я права на дружбу, на уваженіе, на полное довѣріе—пусть же эти тихія чувства замѣнятъ пылкую любовь; при помощи ихъ мы воспитаемъ дѣтей нашихъ, если они будутъ".

Письмо свое Патулинъ отправилъ съ посыльнымъ, а самъ рѣшилъ не видаться съ Ниной; мысль очутиться опять на Моховой въ домѣ Надежды Михайловны, видѣть опять эту противную

Digitized by Google

ему старую чаровницу—была ему невыносима. Чтобы сколько-нибудь разсѣять себя, онъ отправился въ Царское къ старому своему пріятелю, котораго уже давно не видалъ.

Солнце, дѣвственная бѣлизна снѣга, прогулка въ чудномъ паркѣ, покрытомъ густымъ инеемъ, и воспоминанія далекаго прошлаго съ пріятелемъ нѣсколько отвлекли его отъ злобныхъ и грустныхъ мыслей. Онъ возвратился въ Петербургъ съ окрѣпшими силами, съ надеждой устроить жизнь свою, измѣнить ее къ лучшему.

Едва войдя въ еще неосвѣщенную комнату, служащую ему кабинетомъ, онъ при помощи уличнаго фонаря увидѣлъ на столѣ конвертъ и понялъ, что это письмо Нины. Сердце его сжалось—что то принесло ему это письмо? Онъ не сомнѣвался, что жена поймета его, пожалѣетъ, онъ боялся только одного, что перспектива жизни въ губернскомъ городѣ не понравится ей, но и тутъ онъ надѣялся на доброту ея сердца.

— Она добрая, добрая,—повторялъ онъ, — душа въ ней настоящая, она не Надежда Михайловна.

Онъ самъ зажегъ лампу, сѣлъ къ столу и распечаталъ конвертъ, и первыя же слова письма поразили его.

„Вотъ какъ — вы первый посылаете мнѣ вызовъ, Левъ Сер-„гѣевичъ, вы первый бросаете перчатку — что жъ я поднимаю „ее. Да, лучше открытая война, чѣмъ тайная злоба. Такъ вы „не хотите больше унижаться, просить и жлать какого-то мѣ-„ста, которое бы обезпечило ваше семейное счастье, вы хотите „остаться въ вашей трущобѣ и требуете меня къ себѣ. Если „бы вы знали, какъ вы обнаружили весь эгоизмъ вашего ха-„рактера, всю его грубость вашимъ письмомъ! Вы предписы-„ваете мнѣ законы, какъ верховный судья, не желая знать, на-„сколько они мнѣ любезны—ваши законы.—Я хочу, я не хочу, „я страдаю, и этимъ все сказано. Ну, а если *я* не хочу? Вы „допускаете, что чувство мое къ вамъ ослабѣло, но что за бѣда— „разъ въ васъ живетъ страсть, вы подчините меня ей; что за „бѣда, если я больна, если воздухъ вашего N-ска пагубенъ для „моего здоровья, разъ *вы* не можете жить безъ дѣла, я должна „слѣдовать за вами.

„Такъ нѣтъ же, Левъ Сергѣевичъ, я не послѣдую за вами; „ни завтра, ни послѣзавтра я не переѣду къ вамъ ради вашего „каприза; N-ска вашего я не хочу знать, и такъ довольно я „натерпѣлась въ Нагорномъ.

„Вы не ошиблись—чувство мое къ вамъ ослабѣло, вы сдѣлали

Digitized by Google

„все, чтобы ослабить его, свести на нѣтъ; дружбой же, ко-„торою вы мнѣ предлагаете довольствоваться, я довольство-„ваться не могу и не желаю.

„Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ: разойдемся. Семьи, о „которой вы такъ заботитесь, у насъ еще нѣтъ, на ваши пред-„ложенія я несогласна, мои желанія вы не хотите знать—чего „же ждать, чего ломать себя? Дайте мнѣ свободу и будьте сво-„бодны, оставайтесь въ вашемъ Нагорномъ, служите N-скому „земству, съ меня довольно, довольно этой жизни!“

XXVII.

Левъ Сергѣевичъ совсѣмъ обезумѣлъ. Чѣмъ могъ онъ вызвать это жестокое письмо? Онъ писалъ свое посланіе слишкомъ взволнованный, разстроенный; не надо, не надо было посылать этого письма, надо было обдумать, взвѣсить... Боже, Боже, что онъ надѣлалъ!

Левъ Сергѣевичъ не зналъ уже, куда положилъ шапку, перчатки, и, какъ угорѣлый, тыкался по комнатѣ, отыскивая ихъ. Задыхаясь, онъ вышелъ на улицу, сѣлъ на перваго извозчика, но ему казалось, что лошадь двигается точно черепаха, что онъ никогда не достигнетъ до Моховой. „Скорѣй, скорѣй“, погонялъ онъ. Вотъ наконецъ и подъѣздъ. Швейцаръ почтительно кланяется.

— Ихъ превосходительство изволили уѣхать, докладываетъ онъ.

— Нина Павловна?!

— Именно-съ уѣхали вмѣстѣ съ мамашей, кажется въ Маріинскій театръ.

— Уѣхали?!

Тѣмъ не менѣе онъ входитъ, летитъ по лѣстницѣ, звонитъ, увѣренный, что онъ можетъ что-то такое узнать, чѣмъ-то успокоиться.

Отворяетъ ему Наташа; въ улыбкѣ, съ которою она встрѣчаетъ его, нѣчто торжествующее.

— Развѣ Иванъ вамъ не докладывалъ—Нина Павловна уѣхали съ генеральшей.

— Куда? Ничего не велѣла сказать мнѣ?

Онъ знаетъ, что вопросъ этотъ нелѣпъ. Наташа улыбается своею скверненькою улыбочкой, и, видя, что онъ хочетъ снять пальто:

— Онѣ не скоро вернутся, въ театръ поѣхали.

Digitized by Google

— Ничего, я подожду.

Наташа едва замѣтно пожимаетъ плечиками и зажигаетъ лампу въ гостиной. Левъ Сергѣевичъ ходитъ по комнатѣ, мечется изъ угла въ уголъ, беретъ книгу, найденную на столѣ. Она читала эту книгу, не могутъ ли эти печатныя строки сказать ему, о чемъ думала его Нина, когда читала ихъ. Онъ лихорадочно открываетъ книгу, ищетъ чего-то. Но черныя строки спокойно и таинственно чередуются другъ за другомъ, ничего не говоря ему.

Онъ бросаетъ книгу и схватываетъ ея работу. Но и изящный клочекъ вышивки съ воткнутою въ него иглой ничего не говоритъ ему. И стѣны, украшенныя разными пано, картинами, полочками съ изящными бездѣлушками, равнодушно смотрятъ, какъ терзается человѣкъ. Левъ Сергѣевичъ вынимаетъ свою записную книгу и пишетъ Нинѣ. Это и жалоба, и страстное признаніе, и укоръ, и просьба о прощеніи. Онъ пишетъ листокъ за листкомъ и разрываетъ ихъ на мелкіе кусочки. Нѣтъ, это все не то, не то! Онъ вздрагиваетъ, услыша какое-то шуршаніе, поднимаетъ голову, Наташа передъ нимъ въ почтительной позѣ съ наглою улыбкой.

— Не угодно ли чаю?—спрашиваетъ она,—барынь вы не дождетесь, онѣ не велѣли готовить, послѣ театра онѣ гдѣ-то въ гостяхъ.

— Не возвратятся послѣ спектакля?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Онѣ поѣхали въ Маріинскій?

— Точно я слышала во французскій.

— Пожалуйста проводите меня, Наташа.

Левъ Сергѣевичъ ѣдетъ въ Михайловскій театръ: гдѣ бы ни была Нина, онъ найдетъ ее. И покуда Левъ Сергѣевичъ ѣдетъ, беретъ билетъ, входитъ въ зрительную залу и лихорадочнымъ взоромъ оглядываетъ ее, Наташа сидитъ въ гостиной передъ лампой и терпѣливо оглядываетъ кусочки разорванныхъ Львомъ Сергѣевичемъ листковъ. Потѣха! восклицаетъ она иногда. — Ишто тебѣ, съ суконнымъ рыломъ не суйся въ калашный рядъ. Поищи, поищи свою кралю теперь въ Михайловскомъ-то! потѣха!

Когда около 12 часовъ возвратились дамы—мать и дочь, Наташа съ серьезнымъ и невиннымъ видомъ спросила, не видали ли онѣ Льва Сергѣевича въ театрѣ.

— Они пріѣзжали, сидѣли тутъ, ждали, я имъ сказала, что вы во французскій изволили уѣхать,—даже усмѣшка не тронула ея губъ.

Digitized by Google

— И впредь будьте такъ же точны, Наташа,—тоже серьезно замѣтила Нина, сбрасывая ей на руки ротонду и проходя къ себѣ.

Нина была уже въ постели, когда Надежда Михайловна постучалась къ ней.

— Войдите. Ахъ это ты, мамахенъ?

Мамахенъ вошла въ бѣломъ пудромантелѣ, съ папильотками на лбу и закрученною небольшою косичкой на затылкѣ. Въ ночномъ туалетѣ она казалась своихъ лѣтъ, если не старше.

— Что тебѣ, мама?

— Бѣдная, несчастная моя Нина, патетически воскликнула Надежда Михайловна,—что станемъ мы дѣлать?

Она обхватила Нину и стала цѣловать ее.

— Ахъ, мама, оставь.

— Нѣтъ, Нина, я мать, я все, все понимаю, понимаю, какъ трудно разочароваться въ человѣкѣ, которому отдала первое чувство.

— Мамахенъ, не говори страшныхъ словъ на ночь.

— Ты всегда рада скрыть, но молодое чувство твое уязвлено, оскорблено,—говорила она патетически со слезой въ голосѣ и въ глазу и вдругъ прибавила дѣловито:

— Что ты намѣрена дѣлать?

— Разойтись.

— Сейчасъ?

— Чего же ты думаешь, не очевидно ли, что я не могу жить съ нимъ? Покуда я видѣла еще любовь съ его стороны — это было возможно, но когда онъ показалъ весь чудовищный эгоизмъ свой - нѣтъ, съ меня довольно.

— И я тоже говорю „довольно“, но боюсь, что у тебя не хватитъ мужества бороться.

— Какое же особенное мужество?

— Ахъ, ты не знаешь, онъ пойдетъ на все, на все. Наташа говоритъ, онъ былъ такъ взволнованъ, сначала все ходилъ, ходилъ, потомъ началъ писать... писалъ, рвалъ на мелкіе кусочки.

— Пусть пишетъ— я не стану читать.

— Но онъ краснорѣчивъ, онъ влюбленъ, онъ можетъ убѣдить тебя.

Нина закинула руки за голову, потянулась и, улыбнувшись, вымолвила:

— Не пустословь, мама, иди-ка лучше спать, утро вечера мудренѣе.

Digitized by Google

Сама Надежда Михайловна, выходя отъ дочери, удивлялась ея хладнокровію.

„Все это прекрасно,—говорила она себѣ, ложась въ постель,—но вѣдь у женщины не рыбья кровь. Можно быть твердою, принимать какое угодно рѣшеніе, и одинъ какой нибудь взглядъ, одно какое нибудь страстное слово, я не говорю о большемъ, и вдругъ конецъ... Нѣтъ, они еще не разошлись; охъ, я боюсь, я очень боюсь за Нину".

XXVIII.

На другой день утромъ, когда Наташа явилась сказать Надеждѣ Михайловнѣ, что пріѣхалъ Патулинъ, она полуодѣтая бросилась къ Нинѣ.

— Онъ уже тутъ, задыхаясь вымолвила Надежда Михайловна. Что намъ дѣлать?

Нина причесывалась передъ зеркаломъ. Она обернулась къ матери, не выпуская косы изъ рукъ:

— Ты выйдешь къ нему и скажешь, что я больна, что не могу его принять.

— Но если онъ будетъ требовать, вѣдь это же скандалъ, скандалъ!..

— Ничего онъ не потребуетъ, никакого скандала не сдѣлаетъ. Одѣнься и выходи.

Левъ Сергѣевичъ, не подавая руки, поклонился Надеждѣ Михайловнѣ. Онъ былъ блѣденъ, взволнованъ, даже сердце тещи было тронуто его измѣнившимся видомъ.

— Прошу извиненія, что пріѣхалъ такъ рано, я боялся не застать жену. Я могу пройти къ ней?

— Нѣтъ,—взволнованно вымолвила Надежда Михайловна,—она нездорова.

— Тѣмъ болѣе я пойду къ ней. Нездорова!

Онъ сдѣлалъ шагъ къ двери, Надежда Михайловна загородила ему дорогу.

— Нѣтъ, нѣтъ, она не желаетъ васъ видѣть! Вы разстроите ее, вы убьете.

— Что вы дѣлаете со мной! воскликнулъ онъ и схватилъ ее за руки повыше локтя,—вы сводите меня съ ума, я хочу, слышите ли, я хочу, я долженъ видѣть Нину.

— Боже мой, не ломайте мнѣ руку, я сейчасъ пойду, я скажу. Быть можетъ она согласится, я буду просить...

Digitized by Google

Тяжело дыша, она освободилась изъ его рукъ и такъ скоро ретировалась, что это скорѣй походило на бѣгство, чѣмъ на отступленіе.

— Il m'aurait tué, ma parole, il m'aurait tué,—говорила она впослѣдствіи,—еслибы я осталась: въ глазахъ у него было что-то такое ужасное... ужасное...

Съ полчаса Левъ Сергѣевичъ одинъ шагалъ по комнатамъ, безпрестанно закуривая папиросы, которыя оставлялъ тухнуть не куря. Внутреннее чувство его было очень смутно и походило на начало безумія: то все въ немъ возмущалось противъ женщины, которая такъ ужасно заставляла его страдать, и онъ чувствовалъ, какъ пробуждались въ немъ худшіе инстинкты, онъ былъ способенъ въ этотъ мигъ учинить насиліе; то отчаяніе и смиреніе, да, полное смиреніе овладѣвало имъ—онъ все вынесетъ, на все согласится, пусть только она вернется къ нему. Зачѣмъ, зачѣмъ она ввела его въ рай, чтобы такъ скоро затворить передъ нимъ двери. Но вѣдь это не можетъ же быть, она его жена, никакія мамахенъ не могутъ вырвать ее изъ его объятій. „Подлая тварь, твоихъ рукъ дѣла! попадись только мнѣ!“ И опять онъ вспыхивалъ негодованьемъ, возмущался.

Въ 20-й разъ дрожавшею рукой чиркалъ онъ спичкой, чтобы закурить папиросу, когда услышалъ легкій шорохъ. Онъ обернулся и увидѣлъ Нину.

Затянутая въ свѣтло коричневое платье, серьезная и спокойная, да, совершенно спокойная, хотя нѣсколько блѣдная, она стояла передъ нимъ.

Онъ бросилъ зажженную спичку, папиросу и весь поблѣднѣвшій, съ протянутыми руками бросился къ ней.

Она отстранилась отъ него.

— Пожалуйста, безъ трагическихъ движеній, сказала она. Вамъ надо поговорить со мною—отлично, я готова выслушать. Но постарайтесь успокоиться.—Она какъ-то мелькомъ взглянула въ его лицо, на его дрожащія руки, подняла брошенную имъ папиросу, положила въ пепельницу, сѣла въ кресло и жестомъ пригласила и его сѣсть:

— Нина!—воскликнулъ Левъ Сергѣевичъ, довольно этой комедіи, ты достаточно наказала меня.—Онъ ударилъ себя въ лобъ и расхохотался, и смѣхъ его былъ очень похожъ на смѣхъ безумца.—Какъ раньше я не догадался, что ты хочешь наказать меня. Я наказанъ, видишь—я достаточно наказанъ. Теперь уже пора простить, помиловать грѣшника, онъ будетъ покоренъ, онъ

Digitized by Google

поступить такъ, какъ желаетъ его повелительница. Нина, у меня нѣтъ воли, дѣлай со мною, что хочешь.

Онъ сѣлъ на стулъ около нея, взялъ ея руку и сталъ цѣловать.

Нина не отнимала руки, но равнодушно смотрѣла на склоненную голову, удивляясь, какъ мало отчаянье этого человѣка, такъ недавно еще любимаго ею, какъ мало трогаетъ ее.

— Послушайте,—сказала она, тихонько освобождая руку,—право, мнѣ кажется, вы не способны еще сегодня говорить серьезно и выслушать меня.

— Я готовъ все выслушать, всему покориться, если ты оставишь этотъ тонъ.

Она усмѣхнулась.

— Я не играю никакой комедіи, Левъ Сергѣевичъ, прощать мнѣ васъ не въ чемъ, вы можете дѣлать все, что вамъ заблагоразсудится...

— Но въ чемъ же я прегрѣшилъ передъ тобою? Неужели это письмо, это жалкое письмо, написанное въ минуту истиннаго отчаянія, униженія, испытаннаго впервые, способно такъ разсердить тебя? Ты не хочешь ѣхать въ провинцію?—я беру назадъ свое рѣшеніе... Нина, вѣдь ты любила меня.

— О да, сказала она, я любила васъ, любила такъ сильно, какъ только могла любить, но вы позаботились уничтожить эту любовь.

Левъ Сергѣевичъ покорно склонилъ голову.

— Я всегда зналъ, что недостоинъ твоей любви, но вѣдь ты должна признаться, что я не притворялся, не старался казаться лучше.

— О нѣтъ, вы даже не постарались притворяться; передъ женой не стоитъ, вы высказали себя во всей вашей грубости, во всемъ вашемъ эгоизмѣ.

— Ты приняла за эгоизмъ чувство возмущеннаго достоинства. Я былъ оскорбленъ этимъ Николаемъ Тимофѣевичемъ болѣе, чѣмъ ты можешь себѣ представить, но я готовъ потерпѣть тысячу худшихъ униженій, только бы ты... ты...

— Поздно, Левъ Сергѣевичъ; мое разочарованіе началось не со вчерашняго дня, кумиръ мой давно уже разрушенъ, ваше пресловутое письмо было каплей, переполнившею сосудъ...

— Нина, Нина, но что же дѣлать намъ? Какъ быть?

— Разстаться.

Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и, схвативъ ея руку, сжалъ какъ въ тискахъ.

Digitized by Google

— Разстаться намъ послѣ 6-мѣсячнаго супружества, когда мы еще толкомъ не узнали другъ друга—это безумство, Нина! Это безумство, грѣхъ, преступленіе, насмѣшка надъ таинствомъ. Что же произошло такого, какая причина нашего разрыва? Мое письмо? предложеніе жить въ провинціи? но ты уже опровергла это предложеніе, я беру его назадъ. Твое разочарованіе? Но, дорогая, вѣдь ты любила не меня, а образъ, созданный твоимъ воображеніемъ. Нина, дорогая моя, дай улечься горькому чувству, я заставлю тебя забыть это чувство, я вѣрю, что ты вновь полюбишь меня иною болѣе прочною любовью. Это испытаніе надо пережить, ничего не произошло такого... Вѣдь сердце твое свободно? ты не любишь другого?

Онъ со страхомъ смотрѣлъ въ ея лицо.

Она повела только плечами.

— О нѣтъ, съ меня довольно, не люблю! Слушайте, Левъ Сергѣевичъ, что я скажу вамъ: ломать себя я не намѣрена изъза какихъ-то будущихъ благъ, которыя вы мнѣ сулите. Я не обвиняю васъ ни въ чемъ, не кляну, не жалуюсь, я только прошу, умоляю васъ разойтись безъ сценъ, мы не подходимъ другъ къ другу. Вы привыкли къ одинокой жизни, не можете и не хотите думать о другомъ, хотя и любимомъ вами, существѣ, я же привыкла къ холѣ, къ заботѣ о себѣ... Да что говорить— я не обвиняю васъ, я только прошу: отпустите меня, отпустите.

— Но это невозможно, Нина, дорогая моя; неужели ты не сжалишься надо мною? Подумай, поразмысли. Вѣдь два дня еще тому назадъ мы думали, какъ устроиться вмѣстѣ. Ты слушаешь голосъ раздраженія, и это она, твоя мать поддерживаетъ его.

— Не говорите ничего противъ моей матери. О, какъ она была права, когда удерживала меня!..

— Зачѣмъ же, зачѣмъ ты не послушалась ея, зачѣмъ ты стала между мною и Софьей?

— А, вы укоряете меня! Вы жалѣете!

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо за твою любовь, я ничего не жалѣю.

И онъ опять умолялъ ее одуматься, отрезвиться, онъ не навязывалъ ей своей любви, онъ просилъ только не принимать никакого рѣшенія, повременить.

Но онъ говорилъ съ глухою.

Явилась Надежда Михайловна; круглые глаза ея сначала выражали страхъ, но передъ нею былъ уже усмиренный, покорный звѣрь, она могла взглянуть на него съ высокомѣріемъ и насмѣшливымъ тономъ предложить ему позавтракать.

Digitized by Google

— Не позавтракаете ли съ нами, Левъ Сергѣевичъ, у насъ, правда, завтракъ не по вашему желудку, очень легкій, мы не ждали... но тѣмъ не менѣе сейчасъ можно бифштексъ изготовить. Нинокъ, не правда ли?

Левъ Сергѣевичъ взглянулъ на Нину, у нея былъ скучающій, утомленный видъ, она ждала его ухода.

Левъ Сергѣевичъ отказался отъ завтрака.

Онъ вышелъ одурманенный, не понимая, что съ нимъ сдѣлали и что ему нужно дѣлать.

„Вѣдь это же жена,—говорилъ онъ себѣ, моя жена, церковь соединила меня съ нею на всю нашу жизнь. Я люблю ее, я ничѣмъ не прегрѣшилъ передъ нею и она невиновата передо мною, мы оба, кажется, честные, недурные люди, у насъ вышло недоразумѣніе, но вѣдь не расходиться же людямъ изъ-за маленькаго недоразумѣнія. Не капризъ ли это молодого, неопытнаго въ жизни существа, поддержанный безумною матерью! Нѣтъ, я не долженъ поддаться ея первому порыву, я буду бороться, я не уступлю такъ дешево своего счастья“.

А Нина, когда ушелъ Левъ Сергѣевичъ, вдругъ разразилась истерическими рыданіями.

— Это слишкомъ,—говорила она,—онъ измучаетъ меня такимъ образомъ, мои нервы не выдержатъ, я не хочу больше его видѣть.

— Мы не будемъ принимать его—вотъ и все,—замѣтила Надежда Михайловна,—успокойся, успокойся. Не извергъ же онъ, не будетъ же онъ преслѣдовать тебя...

И Льва Сергѣевича перестали принимать въ домѣ тещи. Онъ приходилъ утромъ и вечеромъ, унижался, подкупалъ швейцара, ему неизмѣнно говорили:

— Нины Павловны нѣтъ дома, только-что уѣхали.

Онъ написалъ.

Письмо было отчаянное, полное любви и мольбы, стараній спасти свое и ея счастье. Нина отвѣчала безпощадно холодно.

„Если есть у васъ права на меня и вы хотите ими пользоваться, требуйте меня судомъ, добровольно я не пойду къ вамъ. По моему, видѣться намъ излишне, свиданіе намъ принесетъ напрасное волненіе, не лучше ли разстаться, не терзая другъ друга. Ваша забота обо мнѣ совершенно не нужна теперь, единственно чѣмъ вы можете облегчить мое существованіе—это дать мнѣ видъ на жительство,—срокъ того вида, что у меня имѣется, истекаетъ на-дняхъ. О разводѣ же мы поговоримъ впослѣдствіи—время терпитъ, не думаю, чтобы вы при вашемъ благородствѣ

Digitized by Google

мыслей не приняли на себя вину. Право, кажется, я довольно пострадала за свое легкомысліе и меня слѣдовало бы отпустить, не подвергая ненужнымъ и излишнимъ мученіямъ".

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ было получено и письмо отъ Надежды Михайловны.

„Уважаемый Левъ Сергѣевичъ, писала она, взываю ко всѣмъ вашимъ лучшимъ чувствамъ состраданія и справедливости, моя бѣдная дочь измучена, больна, не терзайте ее болѣе, пожалѣйте несчастное дитя, она изстрадалась. Повѣрьте, я сдѣлала все, чтобы убѣдить Нину не расходиться съ вами, хотя вы вѣдь были несправедливы ко мнѣ, но надѣюсь не усомнитесь, что я не желала окончательнаго разрыва между вами, но что я ни говорила дочери, она и слышать не хочетъ о примиреніи. Ахъ, Левъ Сергѣевичъ, пеняйте на себя, не умѣли вы удержать ея большого, очень большого чувства, и вотъ наступила реакція! Что дѣлать, я плачу надъ разбитою жизнью моего ребенка— такъ молода и уже столько испытала! Умоляю васъ, пожалѣйте и вы ее и вѣрьте, что письмо это диктовано самыми священными чувствами матери, обожающей свою дочь.

Полная надеждъ и упованій на справедливость вашу

Н. Боровская".

Никогда ничего болѣе горькаго не испытывалъ Левъ Сергѣевичъ, какъ получивъ эти два письма. Въ продолженіе этихъ недѣль, что шла борьба, онъ испыталъ чувства болѣе сильныя гнѣва, отчаянія, любви безъ отвѣта, но ни разу не испытывалъ той горечи сознанія, что ни у одной изъ этихъ женщинъ, у которыхъ, очевидно, была одинаковая душа, онъ сознавалъ это теперь, не промелькнуло сознанія, что и онъ страдаетъ, не промелькнулъ хоть проблескъ состраданія къ нему. Ему бы казалось легче было отказаться отъ Нины, если бы хоть разъ она сказала: прости меня за страданіе, которое причинила тебѣ, я не люблю тебя, но мнѣ жаль, что я изъ-за каприза разбила твою жизнь. Она говорила только о себѣ.

Получивъ эти два письма, онъ ощутилъ въ себѣ спокойствіе человѣка, безповоротно рѣшившагося на самоубійство. Онъ уже даже не хотѣлъ болѣе видѣть жену и спѣшилъ только уѣхать изъ Петербурга, надо было лишь позаботиться о видѣ.

Видъ этотъ онъ выправилъ и послалъ Нинѣ Павловнѣ безъ всякаго письма.

Современемъ, если она захочетъ, она такъ же легко получитъ разводъ, онъ не станетъ оспаривать своего счастья, того

Digitized by Google

счастья, котораго въ сущности и не было никогда. Свободой своею онъ тоже не дорожитъ, зачѣмъ она ему теперь.

Черезъ три дня онъ уже ѣхалъ въ свое захолустье. Левъ Сергѣевичъ представлялъ изъ себя остовъ прежняго Патулина. Похудѣвшій, осунувшійся, посѣдѣвшій, онъ не имѣлъ вида прежняго широкоплечаго гиганта, а смотрѣлъ подточеннымъ смертнымъ недугомъ старикомъ.

Ночью въ вагонѣ онъ не спалъ, прижавшись въ уголокъ; чтобы не мѣшать сосѣдямъ, онъ сидѣлъ съ открытыми глазами и думалъ. Эти думы не были тѣ страстныя отчаянныя думы, которыя нѣсколько дней тому назадъ тѣснили еще голову, это были старческія, горькія, тягучія, но почти спокойныя думы человѣка, покончившаго счеты съ жизнью, и на себя, и на Нину Павловну онъ смотрѣлъ какъ посторонній, со стороны.

„Что же это было такое?—размышлялъ онъ,—что заставило ее выбрать меня, преодолѣть препятствія почти цѣной жизни и завладѣть мною? Да, Левъ Сергѣевичъ, тобою завладѣли и играли какъ пѣшкой—но что же заставляло ее дѣйствовать? Любовь? Нѣтъ, нѣтъ, то не была любовь, развѣ можно назвать любовью капризно вспыхнувшее и такъ же капризно, мгновенно исчезнувшее чувство? Ты никогда не былъ любимъ, бѣдный Патулинъ... Быть можетъ, если бы ты не былъ тѣмъ безыскусственнымъ человѣкомъ, которымъ она первоначально увлекалась, если бы ты взялъ на себя сложную и интересную роль, то удержалъ бы ее дольше, да, нѣсколько дольше... Дѣло все въ роли, она не живетъ, а играетъ. Сегодня она играетъ одну роль, завтра другую и, какъ истая артистка, увлекается своею игрой, играетъ съ жизненною искренностью, а ты, глупецъ, принялъ эту игру за настоящую жизнь, за настоящее чувство. Что ей до твоего страданія? Къ мукамъ другого человѣка, когда онъ не на сценѣ, она относится хладнокровно. Кульминаціонный пунктъ—она, о, она пуще всего боится скуки, будничнаго существованія съ будничнымъ человѣкомъ. Увлеченіе ея продолжается, пока говорятъ объ этомъ... Она можетъ терпѣть лишенія, охотно принесетъ всякую жертву, но взамѣнъ ей надо восхищеніе толпы, апплодисменты, вызовы... Ты играла, Нина, и тяжело игра твоя отозвалась на твоемъ партнерѣ, онъ игру твою принялъ за истину“.....

....

Выходя изъ вагона на своей станціи, Патулинъ неожиданно передъ собой увидѣлъ Софью. Она встрѣчала мать и озабоченно оглядывала окна вагоновъ; онъ думалъ, было, проскольз-

Digitized by Google

нуть мимо нея, но она его замѣтила, краска бросилась ей въ лицо, и она кивнула ему головой почти съ дружескою улыбкой.

Въ буфетѣ они опять встрѣтились.

Марья Сергѣевна, увидавъ его, отвернулась; Софья же, которая сама получала багажъ, была такъ близко отъ него, что онъ не могъ не подойти къ ней.

И видя враждебное отношеніе къ нему Марьи Сергѣевны, жалкую, какъ будто виноватую, улыбку Софьи, краску, опять бросившуюся ей въ лицо, ему болѣзненно, неистово захотѣлось сказать ей: „торжествуй, ты отомщена“, но, пожимая протянутую руку, онъ вымолвилъ только: „опять встрѣтились“.

И она повторила, улыбаясь:

— Да, опять встрѣтились.

И, какъ тотъ разъ, ея голосъ точно что повернулъ въ его душѣ, и ему захотѣлось плакать, броситься къ ней, прильнуть къ потертому воротнику ея ротонды и выплакать свое одиночество, свое горе, свою вину передъ нею.

Но онъ приподнялъ шапку и, сказавъ: „прощайте-съ“, пошелъ садиться въ сани.

— Какъ не стыдно тебѣ кланяться, руку подавать этому, прости Господи,—сказала Марья Сергѣевна дочери, когда та подошла къ ней.

Вмѣсто оправданія ты вымолвила:

— Онъ очень измѣнился, точно боленъ былъ... Что такое съ нимъ?

— Тебѣ-то какое дѣло, матушка?

Софья не возражала.

Она усадила мать въ сани и, усѣвшись сама рядомъ съ нею, задумчиво всю дорогу смотрѣла въ сверкающую даль, не проронивъ ни слова.

— Что это, Софья, ты точно языкъ проглотила, даже о братѣ, о племянникахъ ничего не спросишь?

— Вамъ нехорошо говорить на морозѣ, мама.

— Да ты бы сама, матушка, хоть слово вякнула.

Но Софья только грустно улыбнулась.

КОНЕЦЪ.

А. В. Стернъ.

Digitized by Google

УЧИТЕЛЯ И УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

Быстро, въ крестьянскомъ мірѣ и въ разрастающемся въ его средѣ мірѣ школьномъ, смѣняются поколѣнія. Сельскія наши школы переполнены сыновьями тѣхъ дѣтей, которыя учились въ нихъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Всѣ мальчики духовнаго званія, четверть вѣка тому назадъ посѣщавшіе эти школы, и весьма многіе мальчики сословія крестьянскаго, нынѣ уже—служители алтаря.

Учителямъ же, на моихъ глазахъ приступавшимъ къ азбукѣ, и счетъ потерянъ.

И не мудрено. Мало осталось, въ средней полосѣ Россіи, сельскихъ церквей, при коихъ не имѣлось бы школы того или иного наименованія. Наличность, въ одномъ приходѣ, двухъ, трехъ и болѣе школъ перестала быть рѣдкостію. Уже теперь можно сказать, что совокупность нашихъ сельскихъ учителей и учительницъ, по численности своей, приближается къ сословію духовному, и въ близкомъ будущемъ его превыситъ. Учителя и учительницы, какъ и всѣ прочіе смертные, женятся и выходятъ замужъ, при чемъ, впрочемъ, учительницы, по большей части, выбываютъ изъ строя. Но и семейныхъ учителей достаточно, чтобы, вмѣстѣ со своими дѣтьми, составить цѣлое сословіе, совершенно новое, зародившееся на нашихъ глазахъ.

Сословіе это, по составу крайне пестрое, по матеріальному своему положенію крайне обездоленное, еще не выработало своего окончательнаго типа, еще не нашло своихъ рамокъ. Быстро возрастающая его численность, громадная роль, которую призвано оно играть въ жизни народной, возлагаетъ на насъ обязанность посвящать его судьбамъ самое дѣятельное вниманіе.

Digitized by Google

Пока внимательное наблюденіе обнаруживаетъ слѣдующее. Стоя всего ближе, по происхожденію, къ сословію крестьянскому, въ коемъ родилось огромное большинство нашихъ учителей, они отъ этого сословія отдѣлились безвозвратно. Мнѣ неизвѣстно ни одного случая добровольнаго *возвращенія* сельскаго учителя къ труду земледѣльческому. Продолжаютъ заниматься имъ лишь учителя школъ грамотности, никогда его не покидавшіе.

Тяготѣетъ же учительское сословіе несомнѣнно и очевидно къ сословію духовному. На это есть множество причинъ, помимо общности жизненныхъ задачъ и характера дѣятельности, общности, столь наглядно подчеркиваемой возрожденіемъ церковной школы. Весьма замѣтный контингентъ учительскаго персонала составляютъ воспитанники духовныхъ семинарій и воспитанницы епархіальныхъ училищъ, несмотря на кратковременность ихъ учительскаго служенія, и это, въ средѣ учителей,—единственныя лица, получившія образованіе разумное и законченное. Для семейнаго сельскаго учителя изъ крестьянъ единственный исходъ изъ нужды, единственный способъ пріобрѣсти общественное положеніе, опредѣленное и почетное, обезпечить своимъ дѣтямъ возможность образованія, заключается въ полученіи званія діакона или даже псаломщика: ибо даже псаломщикъ средняго сельскаго прихода несравненно лучше обезпеченъ матеріально, чѣмъ средній учитель. Посвященіе сельскихъ учителей въ діаконы—явленіе заурядное. Епископы наши, озабоченные развитіемъ церковно школьнаго дѣла, весьма охотно возводятъ въ этотъ санъ учителей, доказавшихъ на дѣлѣ свою умѣлость и нравственную благонадежность, и дѣятельность діаконовъ-учителей въ школахъ церковно-приходскихъ вполнѣ оправдываетъ подобныя посвященія. Впрочемъ, не прибѣгая къ таковымъ, невозможно было бы и замѣстить всѣхъ діаконскихъ ваканцій. Молодые люди, окончившіе полный семинарскій курсъ, діаконства избѣгаютъ даже въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ, по многолюдству семинарскихъ выпусковъ, священническаго мѣста приходится ждать долгіе годы. Предпочитаютъ они оставаться холостыми, въ должности учителя или псаломщика. Происходитъ это отъ того, что de facto въ полной силѣ сохраняется наслѣдственность, въ женской линіи, священническихъ мѣстъ. Порядокъ этотъ, въ экономическомъ отношеніи столь благодѣтельный, нарушать невозможно, да и нежелательно, пока матеріальное обезпеченіе нашихъ причтовъ не достигнетъ степени

Digitized by Google

столь значительной, что позволитъ устроить обильныя пенсіонныя кассы для вдовъ и сиротъ. Тотъ епископъ, который вздумалъ бы этотъ порядокъ преждевременно на дѣлѣ отмѣнить, немедленно погибъ бы подъ бременемъ неисчерпаемыхъ кляузъ и доносовъ.

Трудно достаточно оцѣнить то нравственное значеніе, которое имѣетъ для учителей эта возможность примкнуть, по заслугамъ очевиднымъ, къ служителямъ алтаря. Возможность эта вліяетъ на весь строй ихъ жизни, на кругъ ихъ нравственныхъ и умственныхъ интересовъ. Она ограждаетъ ихъ отъ тлетворнаго вліянія того мнимо образованнаго, подчасъ неблагонамѣреннаго люда, съ коимъ безпрестанно приходится имъ сталкиваться. Она, помимо наименованія школъ, поддерживаетъ живую связь ихъ съ Церковью.

На ряду съ этимъ обстоятельствомъ, и въ связи съ нимъ, на нравственную окраску учительскаго сословія дѣйствуетъ другое, въ высшей степени важное. Это — браки нашихъ сельскихъ учителей. Весьма рѣдко женятся они на крестьянкахъ: слишкомъ удалился ихъ жизненный строй отъ быта деревни. Столь же рѣдко женятся они на учительницахъ: человѣку бѣдному нужна жена работящая и хозяйственная. Замѣчательно же часты браки между учителями и дѣвицами духовнаго званія (дочерьми псаломщиковъ, діаконовъ, рѣже священниковъ). Только въ этой средѣ находятъ они то сочетаніе элементарнаго образованія съ трудовою подготовкой, тотъ уровень внутренней и внѣшней порядочности, при коемъ для нихъ возможна нормальная семейная жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ такіе браки связываютъ ихъ съ опредѣленнымъ общественнымъ кругомъ, имѣющимъ свой твердый строй, свои преданія, съ кругомъ, къ которому имъ возможно въ будущемъ пріобщиться вполнѣ. Если нерѣдко послѣднимъ обстоятельствомъ и обусловливается исканіе учителями невѣстъ въ кругу духовномъ, то столь же часто, наоборотъ, свойство ихъ браковъ возбуждаетъ въ нихъ стремленіе къ должностямъ церковнымъ.

Само собою разумѣется, что тяготѣніе это всего сильнѣе сказывается въ области школы церковной, учителя коей ближе стоятъ къ духовенству, болѣе на виду у епархіальныхъ начальствъ. Но настаиваю на томъ, что оно весьма сильно между учителями школъ всякихъ наименованій, ибо оно вытекаетъ изъ самой сущности школьнаго дѣла, изъ общественнаго строя сель-

Digitized by Google

ской жизни. Явленіе это, какъ всѣ явленія естественныя и жизненныя, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Указываетъ, между прочимъ, это явленіе на тотъ путь, коимъ могло бы быть обезпечено безбѣдное существованіе нашихъ быстро размножающихся сельскихъ учителей и упроченъ нравственный строй слагающагося изъ нихъ сословія. Какъ всѣмъ извѣстно, школьныхъ бюджетовъ земскихъ не хватаетъ, за предѣлами губерній столичныхъ, на достаточное вознагражденіе учителей, и настоятельная нужда въ умноженіи количества школъ не позволяетъ надѣяться на близкое повышеніе этого вознагражденія. Устраиваемыя земствами пенсіонныя кассы несомнѣнно спасутъ отъ голодной смерти выбывающихъ изъ строя учителей, но не позволятъ имъ сдѣлать чего-либо для образованія своихъ дѣтей. Вопросъ же о послѣднихъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе настоятельную важность. Выростающія внѣ сферы сельскаго труда, лишенныя возможности какого-либо профессіональнаго или научнаго образованія, эти несчастныя дѣти обречены на самую печальную участь—на участь пролетаріевъ, абсолютно бездомныхъ и безрукихъ.

Между тѣмъ мы видимъ, что наши діаконы и псаломщики пользуются существованіемъ хотя скуднымъ, но безбѣднымъ, и притомъ имѣютъ возможность дать своимъ дѣтямъ прочное образованіе, доводящее ихъ, по крайней мѣрѣ, до должности причетника или званія учителя, не говоря уже о томъ, что лучшимъ изъ нихъ открывается возможность достигнуть и священства, и высшихъ ступеней духовной іерархіи: духовныя наши училища наполняются преимущественно дѣтьми причетниковъ и діаконовъ, ибо большинство священниковъ предпочитаетъ помѣщать своихъ дѣтей въ иныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ надеждѣ, слишкомъ часто обманчивой, на лучшую для нихъ будущность.

Всякій діаконъ или псаломщикъ, получающій, сверхъ обычныхъ доходовъ, хотя бы самое скромное вознагражденіе за труды школьные, уже оказывается въ положеніи вполнѣ удовлетворительномъ.

При этомъ, во избѣжаніе недоразумѣній, необходима существенная оговорка. Діаконъ, при священникѣ, относящемся къ школѣ съ должнымъ вниманіемъ, можетъ учительствовать, не пропуская ни единаго учебнаго часа. Нельзя сказать того же объ единственномъ при церкви причетникѣ. Обязательное его

Digitized by Google

участіе въ требахъ и заказныхъ службахъ лишаетъ его возможности преподавать съ тою правильностью, безъ коей невозможенъ успѣхъ школьнаго дѣла. Для того, чтобы пользоваться услугами псаломщика въ качествѣ учителя, церковь должна имѣть не одного причетника, а *двухъ*. За то, при такомъ четырехчленномъ составѣ, церковный причтъ можетъ удовлетворять всѣмъ школьнымъ нуждамъ прихода, даже обширнаго, имѣющаго, сверхъ школы при церкви, двѣ-три школы грамотности, въ коихъ бы трудились, по преподаванію русскаго языка и ариѳметики воспитанники школъ второклассныхъ.

Ничего неисполнимаго въ предположеніи о такомъ усиленіи нашихъ сельскихъ причтовъ не заключается. На памяти людей еще живыхъ, всѣ наши сельскія церкви имѣли по два причетника, къ немалому повышенію стройности церковной службы. Земельный надѣлъ нашихъ церквей весьма часто, сверхъ причта, прокармливаетъ еще одну, иногда и двѣ-три семьи вдовъ и сиротъ. Въ приходахъ малоземельныхъ и бѣдныхъ второй причетникъ могъ бы въ школьномъ отношеніи замѣнить діакона. Въ приходахъ многолюдныхъ и богатыхъ, надѣленныхъ значительнымъ количествомъ земли (а таковыхъ не мало), четырехчленный причтъ никому не былъ бы въ тягость.

Вотъ единственное разрѣшеніе общественнаго вопроса, надвигающагося на насъ съ разростаніемъ школьнаго дѣла. Рѣчь идетъ тутъ не только о матеріальномъ обезпеченіи нашихъ безчисленныхъ учителей. Еще важнѣе этой насущной потребности—твердая постановка ихъ общественнаго положенія, укрѣпленіе въ ихъ семьяхъ добраго нравственнаго строя, невозможнаго безъ естественнаго развитія способностей трудовыхъ. Здравая семья—корень и ограда всякой общественной дѣятельности, тѣмъ паче дѣятельности воспитательной, и въ средѣ нашего сельскаго духовенства сохранились добрыя семейныя преданія. Младшіе члены нашихъ причтовъ — земледѣльцы. Ихъ дѣти съ самыхъ раннихъ лѣтъ участвуютъ въ трудахъ отцовъ и пріобрѣтаютъ на всю жизнь запасъ навыковъ и знаній незамѣнимыхъ. Сверхъ того, они столь же рано, почти невольно, знакомятся съ практикой богослуженія, представляющаго, при руководствѣ разумнаго отца-учителя, столь могучее орудіе развитія умственнаго и нравственнаго; знакомятся и съ тысячью сторонами практики житейской, безпрестанно соприкасающейся съ жизнью церковною, и имъ открытъ доступъ къ образованію законченному, расчлененному на три послѣдовательныя ступени, изъ

Digitized by Google

коихъ и низшая можетъ обезпечить имъ существованіе безбѣдное и полезное.

Что касается до учительницъ, то онѣ весьма мало участвуютъ въ умноженіи зараждающагося учительскаго сословія. Большинство изъ нихъ, послѣ немногихъ годовъ учительства, выходитъ замужъ, и притомъ весьма рѣдко за учителей. Характеръ браковъ, весьма разнообразный, гораздо болѣе опредѣляется ихъ семейнымъ положеніемъ, ихъ личными свойствами и наклонностями, чѣмъ учительскою ихъ профессіей. Но тѣмъ болѣе вниманія и участія заслуживаетъ ихъ личная судьба, несравненно болѣе печальная, чѣмъ судьба нашихъ сельскихъ учителей. Такъ какъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, приготовляющихъ сельскихъ учительницъ, у насъ весьма мало, и элементарное образованіе только что начинаетъ прививаться къ дѣвицамъ крестьянскаго сословія, то большинство нашихъ сельскихъ учительницъ приготовлено плохо и принадлежитъ къ сословіямъ городскимъ. Это—дочери мѣщанъ, бѣдныхъ торговцевъ и чиновниковъ, бѣднѣйшихъ безземельныхъ дворянъ, прошедшія лишь неполный гимназическій курсъ (3—4 класса прогимназіи) и затѣмъ выдержавшія весьма не хитрый экзаменъ на учительское званіе. Приладиться къ сельской средѣ, совершенно имъ чуждой, имъ чрезвычайно трудно. Рѣдко удается имъ примкнуть къ сельскому духовенству, еще рѣже къ прочимъ слоямъ сельскаго населенія. Систематическое предпочтеніе, оказываемое многими земствами учительницамъ передъ учителями, встрѣчаетъ дружный отпоръ въ средѣ крестьянской. Это нерасположеніе крестьянъ къ учительницамъ имѣетъ разнообразныя причины. Изъ нихъ, конечно, немалую роль играетъ то обстоятельство, что учительница—барышня, учитель же свой братъ, мужикъ или церковникъ. Но есть и причины, болѣе основательныя. Учительницы, почти поголовно, крайне слабы именно въ тѣхъ предметахъ, объ умѣломъ преподаваніи коихъ могутъ судить и малограмотные родители учениковъ. Читать истово по церковнославянски онѣ не умѣютъ и поэтому такому чтенію выучить не могутъ. Преподавать пѣніе онѣ рѣдко пытаются, за недостаткомъ подготовки, подчасъ и физическихъ силъ. Составить сносный хоръ изъ однихъ дѣтскихъ голосовъ, безпрестанно мѣняющихся, трудно. Привлекать на спѣвки взрослыхъ пѣвцовъ для дѣвицы неудобно. Притомъ учительницы во всѣ великіе праздники, по мѣрѣ возможности и по воскресеньямъ, отсутствуютъ, стараясь эти дни проводить въ кругу своей семьи. Церковный

Digitized by Google

хоръ, руководимый учительницею, составляетъ явленіе совершенно исключительное. За все это учительницъ винить невозможно, но результатомъ являются крайне тягостныя отношенія къ крестьянской средѣ и сельскимъ властямъ, отъ коихъ въ значительной мѣрѣ зависитъ благосостояніе учителей, — нерѣдко прямое выживаніе учительницы, въ видахъ замѣны ея учителемъ.

Всего лучше еще приживаются къ учительской дѣятельности воспитанницы епархіальныхъ училищъ. Имѣютъ онѣ за собою скромное, но законное образованіе, церковные навыки, знакомство съ сельскимъ бытомъ, въ коемъ онѣ родились, и съ сельскою школой, въ коей получили начальное обученіе. Находятъ онѣ поддержку въ сельскомъ духовенствѣ, съ коимъ связаны по рожденію. Нужно присовокупить, что онѣ же всего быстрѣе выходятъ замужъ, именно по опредѣленности своего сословнаго положенія.

Въ виду всего этого едва ли не преждевременно искусственное привлеченіе женщинъ къ учительству въ сельскихъ школахъ, пока оправдываемое лишь тѣмъ, что онѣ—*дешевле* мужчинъ. Роль ихъ въ школьномъ дѣлѣ—впереди. Начинающійся приливъ дѣвочекъ въ смѣшанныя школы и переполненіе этихъ школъ ставитъ на очередь размноженіе особыхъ школъ для дѣвочекъ, пока слишкомъ рѣдкихъ. Такъ какъ подобныя школы, по условіямъ климата и разбросанности населенія въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, безъ правильно устроенныхъ общежитій немыслимы, то въ близкомъ будущемъ понадобится многочисленный женскій персоналъ для преподаванія и надзора въ этихъ школахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ понадобится повсемѣстное распространеніе женскихъ учительскихъ школъ, безукоризненный типъ коихъ уже созданъ въ Петербургѣ школой Свято-Владимірскою.

Какъ бы то ни было, въ заботахъ нашихъ о судьбахъ слагающагося учительскаго сословія и впредь, какъ и нынѣ, нужно намъ будетъ имѣть въ виду именно учителей, а не учительницъ, личная судьба коихъ требуетъ самого внимательнаго участія, но которыя, пока не упраздненъ бракъ, постоянно будутъ переходить въ сословія иныя.

Возвращаясь къ учителямъ, нужно присовокупить, что въ указанномъ мною направленіи духовнымъ вѣдомствомъ уже сдѣланъ шагъ величайшей важности. По правамъ на освобожденіе отъ платы за обученіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ дѣти

Digitized by Google

учителей церковно-приходскихъ школъ сравнены съ дѣтьми членовъ церковныхъ причтовъ. Конечно, это — только первый шагъ. Плата за обученіе (около 25 р.) составляетъ лишь малую долю издержекъ по обученію дѣтей, напримѣръ, въ духовныхъ училищахъ. Гораздо дороже обходится ихъ содержаніе въ общежитіи (не менѣе 60 р.). Отъ этой послѣдней издержки, вполнѣ или отчасти, освобождаются многіе члены причтовъ (по бѣдности, по многосемейности, по успѣхамъ ихъ дѣтей). Эти льготы однѣ и даютъ многимъ бѣднымъ причетникамъ возможность дать своимъ дѣтямъ надлежащее образованіе.

Какъ видитъ читатель, несравненно дальше этого перваго шага идутъ мои желанія. Хотѣлось бы мнѣ видѣть учителей во всемъ сравненными съ младшими членами причтовъ: и въ надѣленіи землей, и въ участіи въ причтовыхъ доходахъ, и въ льготахъ по воспитанію ихъ дѣтей.

Само собой разумѣется, что осуществленіе этихъ желаній предполагаетъ объединеніе всего дѣла начальной школы въ рукахъ духовнаго вѣдомства.

Едва ли кто-либо изъ внимательныхъ радѣтелей школьнаго дѣла разойдется со мною въ желаніи видѣть это дѣло объединеннымъ въ рукахъ умѣлыхъ и твердыхъ. Для всякаго освѣдомленнаго наблюдателя ясно, что простая координація наличныхъ денежныхъ средствъ и духовныхъ силъ, посвящаемыхъ начальному образованію, удвоила бы результаты нынѣ разъединенныхъ, часто противорѣчивыхъ усилій.

Изъ трехъ факторовъ, нынѣ въ этой области первенствующихъ, конечно, при этомъ могутъ быть приняты въ разсчетъ только два правительственныя вѣдомства—синодальное и министерство Народнаго Просвѣщенія. Третье—министерство Внутреннихъ Дѣлъ—вліяетъ на школу лишь черезъ посредство нашихъ земствъ, которыя дѣла объединить не могутъ, а развѣ только раздробить его, во времени и пространствѣ, на тысячу оттѣнковъ, въ крайнихъ своихъ предѣлахъ доходящихъ до діаметральной противоположности.

Казалось бы, что министерству Народнаго Просвѣщенія, по свойству его задачъ, всего сподручнѣе это дѣло. Но существенно разнятся нужды школы начальной отъ нуждъ всѣхъ прочихъ учебныхъ заведеній. Громадная повсемѣстная ихъ численность, необходимость сообразовать ихъ строй съ безчисленными мѣстными бытовыми особенностями и оттѣнками обусловливаютъ необходимость постоянной иниціативы, мѣстной и лич-

Digitized by Google

ной, мѣстнаго же надзора, постояннаго и умѣлаго. Ни одно-гражданское вѣдомство въ мірѣ не въ силахъ создать армію чиновниковъ, потребную для руководства дѣломъ на мѣстахъ, въ живой дѣйствительности, а не путемъ бумажнымъ. Обладаетъ же искони такою арміей Церковь, и организація этой арміи осуществляется вѣдомствомъ духовнымъ, нынѣ, по обстоятельствамъ времени, еще болѣе озабоченнымъ задачами просвѣтительными, чѣмъ административными. Армія эта за послѣднее десятилѣтіе существенно усиливается повсемѣстнымъ возобновленіемъ діаконства, можетъ въ будущемъ, по мѣрѣ нужды, получить и дальнѣйшее усиленіе.

Что сельское наше духовенство къ широкой школьной дѣятельности способно, доказывается результатомъ двѣнадцати лѣтъ, истекшихъ со времени обновленія церковной школы. Не стану повторять цифръ, которыя у всѣхъ на виду.

Противъ этихъ цифръ, разумѣется, и не спорятъ противники школы церковной. Стоятъ они на почвѣ, по своей неопредѣленности, болѣе удобной. Осуждаютъ они *качества* школьной дѣятельности духовенства, отрицаютъ они наличность, въ его рядахъ, достаточнаго количества дѣятелей, нравственно благонадежныхъ, педагогически умѣлыхъ, къ школьному дѣлу усердныхъ.

Замѣчу, прежде всего, что эти ходячія мнѣнія создаются и поддерживаются, главнымъ образомъ, людьми, школьному дѣлу чуждыми, церковному элементу въ школѣ и жизни враждебными, а именно представителями нашей столичной прессы, не лишенной вліянія и на составъ нашихъ правительственныхъ канцелярій и на настроенія столичныхъ обществъ. Къ тому же всѣ эти люди имѣютъ передъ глазами лишь духовенство столичное, во многомъ, и не къ выгодѣ своей, разнящееся отъ духовенства сельскаго. На ряду съ этимъ, они имѣютъ передъ глазами школьную дѣятельность столичныхъ же земствъ, располагающихъ совершенно исключительнымъ обиліемъ и денежныхъ средствъ, и личныхъ силъ. Весьма естественно, что, въ глазахъ наблюдателей поверхностныхъ и предубѣжденныхъ, численность и обстановка земскихъ школъ епархій столичныхъ затмеваетъ школьную дѣятельность сельскаго духовенства, тѣмъ болѣе, что въ этихъ епархіяхъ оно отчасти заражено саддукейскою закваской священниковъ городскихъ.

Что касается прессы провинціальной, то она въ огромномъ большинствѣ случаевъ ограничивается пересказомъ, въ

Digitized by Google

формахъ болѣе грубыхъ разсужденій, прессы столичной и сообщеніемъ школьныхъ анекдотовъ, болѣе или менѣе сомнительныхъ.

Другой разрядъ враговъ церковной школы составляетъ большинство нашихъ земскихъ дѣятелей,—лицъ, повидимому, въ школьномъ дѣлѣ несравненно болѣе компетентныхъ, чѣмъ писатели столичные. Но компетентность эта—мнимая, и увѣренность въ ней нашихъ земцевъ — плодъ самообольщенія, слишкомъ естественнаго, но очевиднаго.

Заслуга нашихъ земствъ, въ дѣлѣ размноженія начальныхъ школъ въ Россіи, громадна. Инстинктъ, совершенно вѣрный, подсказываетъ имъ пользоваться своимъ правомъ обложенія уѣздныхъ имуществъ, чтобы расширять, до предѣловъ крайней возможности, свои школьные бюджеты. Къ сожалѣнію, успѣхъ этой дѣятельности породилъ и усиливаетъ въ земскихъ дѣятеляхъ чудовищное представленіе, усердно поддерживаемое прессой, будто они способны и призваны руководить школьнымъ дѣломъ и въ отношеніи педагогическомъ. Заблужденіе это питается и тѣмъ обстоятельствомъ, что министерская инспекція, коей поручено закономъ руководство учебнымъ дѣломъ, въ земскихъ школахъ, по малочисленности своего состава, лишена физической возможности исполнять свое назначеніе. Земства привыкли смотрѣть на дѣло начальной школы, какъ на область, всецѣло подлежащую ихъ вѣдѣнію.

Между тѣмъ, въ дѣлѣ руководственнаго надзора за школами, они еще болѣе безсильны, чѣмъ инспекція министерская. Инспектора училищъ по крайней мѣрѣ—люди съ немалымъ педагогическимъ опытомъ. Члены же земскихъ управъ, члены отъ земства училищныхъ совѣтовъ лишь въ рѣдчайшихъ случаяхъ имѣютъ хотя бы элементарное понятіе о школьной практикѣ. Всѣ они, безъ изъятія, обременены иными заботами, служебными и хозяйственными, позволяющими имъ удѣлять лишь весьма мало времени тому дѣлу, коего они считаютъ себя хозяевами. Сверхъ заботъ матеріальныхъ, школьная дѣятельность ихъ ограничивается присутствіемъ, въ качествѣ предсѣдателей, въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, на выпускныхъ испытаніяхъ немногихъ сельскихъ школъ. Многочисленность этихъ школъ и краткость экзаменаціоннаго періода заставляетъ прибѣгать къ содѣйствію лицъ иныхъ категорій: предводителя дворянства и его помощниковъ по дѣламъ народнаго образованія, земскихъ начальниковъ и т. д.

Digitized by Google

Эта отчужденность отъ сути школьнаго дѣла и объясняетъ въ земскихъ дѣятеляхъ ту самонадѣянность, по коей они силятся ограничивать школьную дѣятельность лицъ, болѣе въ этомъ дѣлѣ компетентныхъ, но официально къ земству не причисленныхъ, хотя они составляютъ одну изъ существенныхъ силъ земства историческаго, дѣйствительнаго, и между коими первое мѣсто нынѣ заняло сельское духовенство. Этотъ лучшій изъ союзниковъ земскаго школьнаго дѣла разсматривается какъ лагерь враждебный, какъ сонмъ опасныхъ соперниковъ. Постоянно указывается на священниковъ небрежныхъ и порочныхъ, наличность коихъ неоспорима и, при численности нашего сельскаго духовенства и условіяхъ его состава, неизбѣжна. Упорно умалчивается о дѣятеляхъ выдающихся, по истинѣ доблестныхъ. Не обращается никакого вниманія на тѣ измѣненія, которыя на нашихъ глазахъ совершаются въ общемъ уровнѣ нашего сельскаго духовенства.

По этому послѣднему поводу буду повторяться. Но долгіе годы интенсивной школьной дѣятельности и письменнаго общенія съ самыми разнообразными углами Россіи даютъ мнѣ право, налагаютъ на меня обязанность настаивать на томъ, что я считаю истиной.

Изъ всѣхъ общественныхъ процессовъ, за послѣднюю четверть вѣка развертывающихся предъ нашими глазами, одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ и отрадныхъ — постепенный подъемъ нравственнаго уровня нашего сельскаго духовенства, подъемъ, обусловленный непрестанными заботами о повышеніи его образованія, подъемъ, коему служитъ могучею поддержкой возрожденіе церковно-школьнаго дѣла, который все яснѣе обрисовывается по мѣрѣ развитія этого послѣдняго.

Оцѣнка общественныхъ явленій новыхъ и спорныхъ требуетъ наблюденій внимательныхъ и близкихъ. Характеристика ихъ не исчерпывается статистическими цифрами, но нуждается въ поясненіяхъ качественныхъ. Таковыя, разумѣется, для всей Россіи можетъ дать лишь цѣлый сонмъ прилежныхъ наблюдателей. Полагая, что самымъ вѣрнымъ показателемъ нравственнаго и умственнаго уровня духовенства можетъ служить успѣхъ именно его просвѣтительной дѣятельности, я ограничусь тутъ частнымъ примѣромъ, въ надеждѣ, что число таковыхъ будетъ умножаться.

Въ Бѣльскомъ уѣздѣ (Смоленской губерніи) дѣло начальной школы представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Digitized by Google

Въ уѣздѣ имѣется пятьдесятъ земскихъ школъ, съ 3564 учащимися. На нихъ, за 1897 г., издержано изъ разныхъ источниковъ (земскихъ, казенныхъ, общественныхъ, частныхъ)—34,420 рублей.

Въ томъ же уѣздѣ имѣется школъ церковныхъ 85 (въ томъ числѣ второклассныхъ — 2, церковно-приходскихъ — 26, школъ грамотности — 57) съ 3077 учащимися. Израсходовано на нихъ, за 1897—98 учебный годъ, изъ разныхъ источниковъ—11,491 р.

Одно сопоставленіе этихъ цифръ показываетъ громадную разность, существующую между средствами сбереженія школъ земскихъ и церковныхъ. Каждый ученикъ первыхъ обходится приблизительно, въ годъ, въ 9 руб. 65 коп., каждый ученикъ вторыхъ—въ 3 р. 74 коп.

Эту разность въ средствахъ содержанія необходимо имѣть въ виду при качественной оцѣнкѣ школъ обѣихъ категорій.

Наблюденія надъ этими школами показываютъ, что процентъ школъ слабыхъ (по отношенію къ успѣхамъ въ русскомъ языкѣ и ариѳметикѣ) между школами церковно-приходскими больше, чѣмъ между школами земскими; что, тѣмъ не менѣе, большинство школъ церковно-приходскихъ достигло средняго уровня школъ земскихъ; что между ними можно насчитать десятокъ школъ превосходныхъ.

Результатъ этотъ, въ виду недавняго существованія и крайней бѣдности церковныхъ школъ, нельзя не признать блистательнымъ и дѣлающимъ величайшую честь умѣлости нашего духовенства.

Что касается школъ грамотности, то уровень ихъ въ высшей степени неровенъ. Многія изъ нихъ съ успѣхомъ приготовляютъ своихъ учениковъ къ экзамену на льготу по воинской повинности, и лишь по скудости и случайности средствъ содержанія не могутъ быть возведены на степень школъ церковно-приходскихъ. Весьма многія изъ нихъ доводятъ своихъ учениковъ лишь до знаній и умѣній самыхъ элементарныхъ. Тѣмъ не менѣе всѣ онѣ уже теперь приносятъ пользу громадную. По самому свойству своихъ способовъ обученія, онѣ абсолютно предотвращаютъ такъ называемые рецидивы безграмотности. Онѣ постоянно увеличиваютъ число учениковъ старшихъ отдѣленій въ школахъ болѣе высокаго типа, церковныхъ и земскихъ. Онѣ вносятъ начатки знанія въ тѣ малонаселенныя захолустья, въ коихъ устройство школъ болѣе дорогихъ пока невозможно.

Digitized by Google

Въ близкомъ будущемъ типъ этихъ школъ долженъ опредѣлиться точнѣе и значительно повыситься, благодаря предстоящимъ выпускамъ школъ второклассныхъ, изъ коихъ ни одна еще не достигла полнаго своего состава.

Нужно замѣтить при этомъ, что, по развитію дѣла церковно-школьнаго, Бѣльскій уѣздъ далеко не занимаетъ въ Смоленской губерніи перваго мѣста. Значительно опередили его уѣзды Гжатскій и Рославльскій. На сколько могу я судить по доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, уѣздъ нашъ относительно участія въ школьномъ дѣлѣ духовенства долженъ быть причисленъ къ уѣздамъ среднимъ.

Вообще при сравненіи всѣхъ цифръ, выражающихъ численныя отношенія между школами разныхъ наименованій и производимыми на нихъ тратами, необходимо принимать въ соображеніе слѣдующія обстоятельства. Недавнее возрожденіе церковной школы застало волостные школьные сборы уже закрѣпленными за школами земскими и министерскими. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и съ величайшимъ трудомъ удается сельскимъ обществамъ выдѣлять изъ этихъ сборовъ какую-либо долю въ пользу позже возникшихъ школъ церковныхъ. Приговоры въ этомъ смыслѣ постоянно передѣлываются подъ давленіемъ крестьянскаго начальства, долгомъ считающаго не отставать въ противодѣйствіи церковной школѣ отъ мѣстной *интеллигенціи*, къ коей, разумѣется, причисляютъ себя и волостные писаря. Волостное самоуправленіе – величина столь же мнимая, какъ и самоуправленіе уѣздное. Добавочные сборы съ сельскихъ обществъ, уже платящихъ на одну школу, а посылающихъ своихъ дѣтей въ другую, конечно, крайне обременительны и осуществляются весьма рѣдко. Въ значительной мѣрѣ поглощены земскими школами и пожертвованія мѣстныхъ ревнителей народнаго образованія, болѣе состоятельныхъ. Именно при ихъ содѣйствіи въ ихъ приходахъ и при ихъ усадьбахъ возникли первыя земскія школы и естественнымъ образомъ продолжаютъ пользоваться ихъ поддержкой.

Настаиваю на этой скудости матеріальныхъ средствъ, коими располагаетъ наше сельское духовенство для осуществленія своей просвѣтительной миссіи, чтобы подчеркнуть ту несомнѣнную жизненность, которую обнаружила церковная школа за недолгій періодъ своего обновленнаго существованія. Очевидно, что достигнутые результаты были бы немыслимы безъ упорнаго труда, безъ дѣйствительной умѣлости нашихъ причтовъ. Доста-

Digitized by Google

точно вспомнить о томъ, что жалованье учителей въ школахъ церковно-приходскихъ рѣдко доходитъ до десяти рублей въ мѣсяцъ, что, слѣдовательно, они, по большей части—люди крайне молодые и неопытные, требующіе постояннаго руководства, безпрестанно переходящіе на должности болѣе прибыльныя. Въ лучшихъ изъ этихъ школъ учатъ діаконы, и эти школы ничѣмъ не уступаютъ лучшимъ школамъ земскимъ. И не мудрено: эти діаконы—тѣ же учителя, по большей части именно школъ земскихъ, заслужившіе діаконскій санъ своею педагогическою опытностью и добрымъ церковнымъ строемъ своей жизни, и притомъ имѣющіе возможность довольствоваться вознагражденіемъ совершенно ничтожнымъ. Таковыми могли бы быть и псаломщики изъ учителей, еслибы при сельскихъ церквахъ ихъ имѣлось по два, какъ въ весьма недавнее прошлое.

Поэтому полагаю, что всякому будетъ понятно мое желаніе видѣть въ этомъ положеніи учителей школъ церковно-приходскихъ, самыхъ обездоленныхъ изъ всѣхъ сельскихъ учителей. Пойду далѣе. Утверждаю, что и для учителей школъ министерскихъ и земскихъ переходъ на положеніе вторыхъ псаломщиковъ былъ бы громаднымъ выигрышемъ въ смыслѣ экономическомъ и нравственномъ. Въ этомъ положеніи самое скромное добавочное вознагражденіе за учительскій трудъ обезпечивало бы имъ существованіе безбѣдное. И, что еще несравненно важнѣе, положеніе ихъ пріобрѣло бы опредѣленность и прочность и высокій, въ своей скромности, нравственный характеръ. Обезпечивалась бы для нихъ возможность своевременныхъ разумныхъ браковъ, упразднялся бы въ значительной мѣрѣ грозный вопросъ о будущности ихъ дѣтей...

И было бы ошибочно думать, чтобы подобный порядокъ равнялся огульному неосторожному причисленію къ служителямъ алтаря всѣхъ наличныхъ сельскихъ учителей. Уже теперь количество полноправныхъ школъ значительно превышаетъ въ средней полосѣ Россіи количество сельскихъ приходовъ. Почти при каждой сельской церкви уже имѣется школа того или иного наименованія. Началось и быстро ускоряется размноженіе полноправныхъ школъ отъ церквей удаленныхъ, ибо ни одна школа, стоящая при церкви, не можетъ вмѣстить всѣхъ дѣтей ея прихода, достигшихъ школьнаго возраста. Вотъ эти-то школы, учителя коихъ къ клиру причислены быть не могутъ, дадутъ полный просторъ какъ для учительницъ, такъ и для учителей неустановившихся и слишкомъ юныхъ, непризванныхъ къ полному

Digitized by Google

церковному служенію, имѣющихъ въ виду иную будущность. Съ каждымъ годомъ строгій выборъ учителей-псаломщиковъ будетъ облегчаться.

Еще важнѣе, конечно, чѣмъ вліяніе такого порядка на судьбы нашихъ учителей было бы его вліяніе на характеръ школы. Прежде всего онъ твердо опредѣлилъ бы нравственный строй учительскаго сословія, устранилъ бы изъ него массу элементовъ непризванныхъ и неустойчивыхъ, входящихъ въ него по разнымъ случайностямъ. Постоянно охранялъ бы онъ учителей отъ тысячи вліяній зловредныхъ, коимъ подвергаетъ ихъ отсутствіе руководства и надзора, оторванность отъ всѣхъ окружающихъ общественныхъ группъ и слоевъ. Людей, гораздо болѣе чѣмъ учебныя заведенія, воспитываютъ условія жизненныя Учительскія семинаріи и школы, умноженіе коихъ необходимо, лишь тогда пріобрѣтутъ характеръ опредѣленный и плодотворный, когда ясно опредѣлится будущій жизненный строй ихъ воспитанниковъ и, сообразно съ нимъ, будетъ направляться ихъ умственное и нравственное развитіе. Изъ всѣхъ вопросовъ школьныхъ самый существенный и важный—вопросъ объ учителяхъ. Только имѣя это въ виду возможно упрочить кореннную, присущую нашей начальной школѣ связь съ Церковью, нынѣ затемняемую и колеблемую, подчасъ нарушаемую пестрымъ надъ нею многоначаліемъ, уже нынѣ приведшимъ, внѣ сферы церковной, къ полному упраздненію всякаго надъ нею руководящаго надзора.

Никакая государственная мудрость не властна создавать живыя силы, охраняющія и двигающія здоровый ростъ поколѣній. Но она въ силахъ познать ихъ, направить ихъ дѣятельность и, опираясь на нихъ, творить возможное въ данное время добро. Изъ этихъ силъ единственная, несокрушимая и вѣчная, есть сила вѣры, воплощенная въ Церкви. Этому учитъ и опытъ вѣковъ, и современный опытъ людей, способныхъ вникать въ сущность развертывающихся передъ ихъ глазами явленій.

Остается пожелать, чтобы вопросы, затронутые въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ—вопросы, конечно, не мало озабочивающіе и людей, власть имущихъ, были разрѣшены ими безъ неумѣстной поспѣшности, но и безъ дальнѣйшихъ отсрочекъ, становящихся съ каждымъ днемъ болѣе опасными.

С. Рачинскій.

Digitized by Google

ПОДЪ РАЗНЫМИ ФЛАГАМИ.

Романъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Интимная прогулка.

Установилась ясная, но поздняя осень. Хотя дни еще выдавались теплые, даже не по сезону теплые, но утренній морозъ на травѣ все-таки держался часовъ до десяти, до одиннадцати; послѣдній звукъ жизни замиралъ на поляхъ, и даже недавняя красота лѣсовъ какъ-то вдругъ исчезла. Еще на дняхъ, въ золотомъ блескѣ солнца и на голубомъ фонѣ неба, радовали они глазъ яркою пестротой своихъ одеждъ; но теперь эти цвѣтистые покровы, валяясь на землѣ въ видѣ кучи побурѣвшихъ листьевъ, уныло шуршали подъ ногами случайнаго путника, а лѣсъ, съ патетическимъ, но безплоднымъ протестомъ, простиралъ свои обнаженные сучья къ солнцу и къ небу. Что могли однако сдѣлать эти могучіе его друзія, если дни собственной ихъ власти были уже сочтены, и скоро, скоро приходилось имъ уступить дорогу печальной вереницѣ сумраковъ и метелей? Съ обычною небрежностью всѣхъ, кто дотягиваетъ послѣдній срокъ служебной лямки, солнце каждый день появлялось все позднѣе, а уходило раньше. Пролетѣли вальдшнепы, утки; протянули даже журавли и гуси. Опустѣли послѣдніе уголки изрытыхъ и обезображенныхъ огородовъ; поснимали капусту. Прикончилась барская молотьба машинами. А по деревнямъ, то и знай, позвякиваютъ бубенцы да колокольчики свадебныхъ поѣздовъ: со свѣжаго урожая завелись у мужика хлѣбъ, деньги,—значитъ, пора и дѣвокъ пропивать.

Digitized by Google

Въ одно прекрасное осеннее утро Ольга Сергѣевна проснулась въ обычномъ полусумракѣ своей просторной спальни, окна которой были завѣшены гардинами изъ очень плотной и темной матеріи.

Ольга Сергѣевна вспомнила, что сегодня утромъ ждутъ Надежду Александровну изъ Москвы, гдѣ ей пришлось пробыть цѣлую недѣлю у больной тетки,—вспомнила, что, ради этого обстоятельства, она, Ольга Сергѣевна, еще съ вечера приказала своей любимицѣ-горничной—хорошенькой и ловкой Дашѣ — разбудить себя не позднѣе семи часовъ, а потому сообразила, что должно быть еще очень рано, и повернулась на другой бокъ, съ цѣлью доспать положенное время.

Однако, не спалось.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ тщетнаго старанія, Ольга Сергѣевна лѣниво протянула руку къ своимъ карманнымъ часамъ, лежавшимъ на ночномъ столикѣ, и съ нѣкоторымъ усиліемъ разглядѣла на крошечномъ циферблатѣ двадцать пять минутъ десятаго.

— Какъ, десятаго!—воскликнула она даже вслухъ, и живо поднесла часы къ уху.

Нѣтъ, она не забыла ихъ завести. Крошечная вещица дѣлала свое дѣло исправно и продолжала тикать съ самымъ похвальнымъ усердіемъ

— Что-жъ это значитъ?—опять воскликнула Ольга Сергѣевна, вскочила съ постели, скользнула ножками въ просторныя туфли и почти побѣжала къ окну.

Темныя гардины были быстро откинуты. Въ комнату тотчасъ же ворвались золотыя волны веселаго утренняго солнца. Заиграло оно на серебряномъ рукомойникѣ, на бездѣлушкахъ туалетнаго столика, легло красивою, широкою полосой на полу и протянулось черезъ кровать, даже побѣжало отчего-то зайчикомъ по потолку и по стѣнамъ.

Сомнѣнья нѣтъ: позднее, совсѣмъ позднее утро.

Ольга Сергѣевна подавила пуговицу электрическаго звонка, и черезъ минуту, на зовъ ея, явилась Екатерина Ивановна, пожилая и почтенная особа изъ бывшихъ дворовыхъ, заправлявшая у Незнамовыхъ всѣмъ домомъ, на правахъ давней и преданной экономки.

— Что вамъ угодно, Ольга Сергѣевна?

— А гдѣ же Даша?

— Сегодня ужъ позвольте мнѣ послужить вамъ. Алексѣй

Digitized by Google

Петровичъ приказали доложить вамъ, что еще раннимъ утромъ они Дашу уволили изъ дома вовсе и отправили обратно въ городъ. Они просятъ васъ не гнѣваться: очень, молъ, нужно было, необходимо!.. Такъ что же изволите приказать?

— Да пока ничего, благодарю... Только нельзя ли принести юбку, которую я было отдала Дашѣ выглалить? Вѣрно она тамъ гдѣ-нибудь... Пусть хоть неглаженая покуда.

— Юбка у меня съ, выглажена и зашита.

— Ну, вотъ спасибо! Такъ пришлите мнѣ ее, пожалуйста, хоть съ дѣвчонкой. Сами не безпокойтесь.

— Какое же тутъ безпокойство!

Торопливо одѣвшись, Ольга Сергѣевна прямо отправилась къ дядѣ въ кабинетъ—просить объясненій.

Она застала его съ палкой въ рукахъ и въ порыжевшемъ зеленомъ картузѣ съ огромнымъ козырькомъ,—слѣдовательно, на выходѣ ради обычной прогулки.

— Дядя,— взмолилась она,—погодите нѣсколько минутъ. Разскажите мнѣ, что случилось. Почему уволили Дашу, да еще такъ спѣшно?

Старикъ немного замялся.

— Пила ты чай, егоза? Видѣла Надю?

— Нѣтъ еще.

— Ну, такъ ступай, повидайся, напейся... Маршъ!—шутливо пригрозилъ старикъ въ отвѣтъ на умоляющій жестъ племянницы.—Безотговорочно! А потомъ—потомъ мы отправимся вмѣстѣ гулять. Не очень-то ты балуешь меня своею компаніей... но нынѣче все-таки подари мнѣ часокъ.

— Дядя, что вы говорите!—бросилась къ нему на шею Ольга Сергѣевна.—Вы не смотрите, что я такая... неумѣлая... Я дѣйствительно могу казаться холодною, я... именно не умѣю какъ-то выразить свое чувство. Но я васъ очень, очень люблю, всею душой, и рада быть съ вами цѣлые дни, цѣлую жизнь, только бы вамъ нравилось такое глупое общество.

— А не пройдетъ и тридцати минутъ, какъ юная стрекоза соскучится въ моей умной компаніи до слезной зѣвоты.

— Вотъ ужъ нѣтъ!

Старикъ поцѣловалъ головку, приникшую къ его груди.

— Ну, иди чай пить, а я тебя подожду, газеты прочитаю, что-ли... Да не торопись: надъ нами не каплетъ.

Въ столовой, за чайнымъ столомъ, Ольга Сергѣевна застала чету молодыхъ Незнамовыхъ, изъ которыхъ мужъ былъ, очевидно,

Digitized by Google

чѣмъ-то возбужденъ или разсерженъ, а жена старалась, повидимому, его успокоить. По крайней мѣрѣ, Ольга Сергѣевна при входѣ успѣла поймать слѣдующую фразу, выраженную женой съ обычною мягкостью и всепримиряющимъ тономъ:

— Полно, Жоржъ! Можно ли придавать такое значеніе словамъ старика? А главное, вспомни, ты у него одинъ...

Появленію Ольги Сергѣевны Надя очень обрадовалась. Поцѣловавъ дѣвушку съ явною нѣжностью и наливъ ей чашку чая, она тотчасъ заявила просьбу:

— Милая Оля! Уговори ты моего медвѣдя, чтобъ онъ успокоился. Тебя онъ скорѣе послушаетъ.

— Въ чемъ же дѣло?—тревожно спросила Ольга Сергѣевна, на которую хмурый видъ молодаго Незнамова видимо произвелъ впечатлѣніе непріятное.—Какая-нибудь исторія?—обратилась она уже прямо къ Георгію Алексѣевичу.

Но отвѣта не послѣдовало.

Дѣвушка перевела свой вопрошающій взглядъ на Надю.

— Mais rien de trop grave, сказала та чуть слышно.—Просто обыкновенный горячій разговоръ... ну, можетъ быть, чуточку перешедшій извѣстныя границы... Ну, что́ же дѣлать? Нужно вѣдь кое-когда и снести, и извинить.

— Съ кѣмъ разговоръ?

— Съ папой.

— Ничего не понимаю. Георгій Алексѣевичъ, удостойте меня хоть парой словъ объясненія, если это вамъ не слишкомъ противно.

— Что́ тутъ объяснять?!—угрюмо и неохотно пробурчалъ молодой Незнамовъ.—Все дѣло во взглядахъ моего достойнѣйшаго и столь высокоизвѣстнаго фатера. Вѣроятно, по старой профессорской привычкѣ, онъ до сихъ поръ видитъ во мнѣ мальчишку, который никакъ „не долженъ смѣть свои сужденія имѣть“... Я-же себѣ иногда эту роскошь позволяю.

— Изъ-за чего у васъ вышло?

— Ахъ, Господи! совсѣмъ ни изъ-за чего... просто обыкновенный принципіальный споръ... Но, согласитесь, странно требовать, чтобы мущина моихъ лѣтъ и моего характера непремѣнно думалъ по чужой указкѣ! Сознаюсь, что я взбѣсился...

Ольга Сергѣевна насупилась и покачала головой. Она уже достаточно знала своего двоюроднаго брата, чтобы не повѣрить его озлобленію изъ-за принципіальнаго только спора. Конечно, подъ этимъ внѣшнимъ предлогомъ крылось что-либо болѣе серьезное.

Digitized by Google

— Кажется—сказала она—это именно отъ васъ я слышала, будто гнѣвъ есть лучшій признакъ слабости, и будто человѣкъ, твердо увѣренный въ себѣ или въ своемъ правѣ, никогда не сердится.

— Я вовсе не претендую на непогрѣшимость!—еще пуще нахмурился Георгій Алексѣевичъ.

— Я только сейчасъ видѣла дядю,—невозмутимо продолжала дѣвушка.—Онъ такъ же тихъ, ласковъ и спокоенъ, какъ всегда,—показался мнѣ даже ласковѣе обыкновеннаго. Почему же ваше противорѣчіе не разсердило его, а именно наоборотъ?

— Очень просто. Потому что я никому не навязываю свои мысли, и тѣмъ болѣе не требую, чтобы отецъ думалъ по моему. Онъ же...

— Ну-съ?

— Позволяетъ себѣ лекціи читать.

Ольга Сергѣевна раздумчиво покачала головой.

— Дядя въ глубинѣ души такъ добръ, такъ неисчерпаемо добръ по характеру, что въ этомъ отношеніи, если не считать Надю, я не знаю ему равныхъ. Да и вамъ это извѣстно еще лучше меня... Какимъ образомъ могъ онъ, при этомъ условіи, до такой степени возбудить ваше негодованіе—не понимаю. Но если даже и случилось ему задѣть васъ заживо—все же я отказываюсь понять, какъ можно отъ *такого* отца и *такъ* принять это къ сердцу.

Надя умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на Ольгу Сергѣевну. „Это слишкомъ жестоко!“ говорили ея испуганные голубые глаза. „Зачѣмъ? зачѣмъ?“

Георгій Алексѣевичъ, не торопясь, но двумя большими глотками допилъ свой полуостывшій чай, а затѣмъ спокойно всталъ.

— Я привыкъ самъ себѣ быть судьей,—проговорилъ онъ ровнымъ голосомъ, и вышелъ изъ комнаты.

— Vous l'avez froissé!—воскликнула Надя.—Ахъ, зачѣмъ ты это, душенька! Онъ и такъ сегодня разстроенъ.

Дѣвушка отвѣтила не сразу. Вмѣсто того она съ искреннимъ, хотя, по обстоятельствамъ, и необъяснимымъ порывомъ бросилась передъ Надей на колѣни, охватила ее руками, спрятала свою красивую головку въ мягкихъ складкахъ ея одежды, и глубокимъ, почти страстнымъ шепотомъ проговорила:

— Надя, скажи, ты на меня не сердишься?... ты... еще любишь меня хоть немного?

— Quelle idée, mon Dieu! Что съ тобой?—воскликнула скон-

Digitized by Google

фуженная и перепуганная Надежда Александровна.— Откуда приходятъ тебѣ въ голову подобныя мысли?

Но дѣвушка, не отвѣчая, съ тѣмъ же порывомъ цѣловала захваченныя ею руки своей кузины.

— Помни, Надя,—вдругъ сказала она, поднимая свои заплаканные глаза на молодую женщину, — помни: если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, я ни секунды о ней не пожалѣю и не задумаюсь.

Теперь и Надежда Александровна, вся въ слезахъ, горячимъ поцѣлуемъ припала къ дѣвушкѣ.

— Что́ тебѣ вдругъ вздумалось?—воскликнула она было громко; но затѣмъ почти шепотомъ добавила: —и на что́ мнѣ твоя жизнь? чему это поможетъ? Вѣрь мнѣ, всякій человѣкъ въ самомъ себѣ носитъ свою судьбу, и никто ничѣмъ измѣнить ее не въ силахъ. — да, никто и ничѣмъ!

Вошла Екатерина Ивановна.

— Надежда Александровна! Георгій Алексѣевичъ васъ на одну минуту къ себѣ просятъ,—доложила она.

— Сейчасъ!—покорно вставая, отвѣтила Надя.

„Ужъ именно эта Надя—ангелъ Божій, какъ называетъ ее Кощилинъ", сказала себѣ Ольга Сергѣевна, оставшись одна.

Но въ глубинѣ сознанія что-то нашептывало дѣвушкѣ, что слезы этого ангела были вызваны не одною ея любящею выходкой и представляли собою далеко не розовую только волнцу разнѣженнаго чувства и перелившаго черезъ край благополучія. Ольга Сергѣевна была смущена.

„Что́ у нихъ за странная исторія вышла"? невольно подумала дѣвушка, и тутъ же вспомнила, что дядя все еще поджидаетъ ее въ кабинетѣ.

Она торопливо принялась пить чай.

Черезъ нѣсколько минутъ старый профессоръ съ племянницей медленно и степенно шли по ковру грязножелтыхъ листьевъ, между двумя рядами голыхъ липъ старинной и длиннѣйшей аллеи, которая перерѣзывала весь садъ и выводила прямо въ открытое поле.

Не убранные садовые диванчики еще торчали кое-гдѣ на своихъ мѣстахъ; но, сырые, грязные, заваленные листомъ и загаженные птицами, они отнюдь не манили на отдыхъ или мечтательное созерцаніе. Давно облюбованныя тѣнистыя мѣстечки, съ непроницаемыми для глазъ уголками, вдругъ засквозили на всѣ четыре стороны самымъ безнадежнымъ образомъ. Красивыя

Digitized by Google

группы деревьевъ и кустарника, всегда прельщавшія глазъ искусно подобраннымъ сочетаніемъ красокъ и оттѣнковъ зелени, теперь превратились въ совершенное единообразіе голыхъ прутьевъ, довольно нелѣпо торчавшихъ то правильными кучками, то въ одиночку. А развеселое солнце на почти безоблачномъ небѣ, яркое, но весьма мало пригрѣвающее, какъ будто задалось злорадною мыслью какъ можно рельефнѣе и безпощаднѣе выставить на видъ печальную картину разрушенія... разрушенія всего, что, казалось-бы, такъ еще недавно было исполнено жизни, красоты, силы и неодолимаго обаянія.

Однако, Незнамовъ и Ольга Сергѣевна оба вышли изъ дома на столько занятые своими собственными мыслями и интересами, что на первыхъ порахъ не обратили ни малѣйшаго вниманія на давно знакомую картину всего ихъ окружавшаго. Ноги старика, какъ-то сами собой, по привычкѣ и безъ всякаго участія размышляющей головы, свернули на обычную аллею, которая выводила въ поле. А Ольгѣ Сергѣевнѣ было рѣшительно все равно куда ни идти; она даже едва ли сразу замѣтила, въ какомъ именно направленіи повелъ ее старикъ... Головка ея усиленно работала, но надъ соображеніями, не имѣвшими ничего общаго съ дорогой.

Минуты двѣ или три наши спутники шли въ полномъ молчаніи, даже не глядя другъ на друга, при чемъ лица ихъ, особливо стараго профессора, далеко не свидѣтельствовали о бодрости духа или, по крайней мѣрѣ, о блаженномъ отсутствіи заботливыхъ, мрачныхъ мыслей. Затѣмъ, однако, Алексѣй Петровичъ, хотя и съ явнымъ для наблюдателя усиліемъ, повелъ разговоръ въ шутливомъ тонѣ:

— Ну-съ, о, дщерь Евы!—ибо даже высшіе женскіе курсы не въ состояніи разорвать ближайшую связь вашу съ этою интересною пробабушкой,—ну-съ!—воскликнулъ онъ.—Почему-же, сгорая отъ любо...о...о...знательности, по поводу Даши, вы меня до сихъ поръ не разспрашиваете?

— Потому что весьма терпѣливо ожидаю вашей собственной доброй воли. Но съ моей стороны, право, дѣло не столько въ любо...о...о...знательности—честно и открыто подняла она свои удивленные глаза на дядю—сколько въ томъ, что я просто очень люблю Дашу.

— И хорошо дѣлаешь, мое дитя! Даша въ самомъ дѣлѣ милая, добрая дѣвушка... Вообще я очень радуюсь на твои отношенія къ прислугѣ. Способность видѣть человѣка, признавать умъ и сердце даже въ самомъ зависимомъ изъ ближнихъ—пре-

Digitized by Google

красная черта, которой, къ сожалѣнію, часто недостаетъ... недостаетъ у многихъ.

Дѣвушка поняла, о комъ думалъ въ это время старый профессоръ, и поспѣшила защитить Георгія Алексѣевича хотя косвеннымъ образомъ.

— Отчего-же непремѣнно недостаетъ?—замѣтила она.—Человѣку, свободному отъ дѣлъ, легко быть ровнымъ. Но у иного столько думъ, хлопотъ, можетъ быть и непріятностей, что не удивительно, если иногда вырвется рѣзкое слово или даже дѣло. Самъ не чаешь, какъ вырвется.

— У кого сердце на мѣстѣ,—проворчалъ старикъ,—такихъ нечаянностей не бываетъ, или онѣ тотчасъ же, по возможности, исправляются.

„Да, но не тѣми, кто увѣренъ въ своей непогрѣшимости", хотѣла сгоряча возразить Ольга Сергѣевна. Однако, вовремя спохватившись, что подобное заступничество едва ли выгодно для ея кліента, она предпочла молчать.

— Ну-съ, revenons à nos moutons!—воскликнулъ старикъ.—Серьезно, Оля, не будь на меня въ претензіи, что я самъ и одинъ, безъ твоего согласія, распорядился такъ быстро... Повѣрь, что безъ крайней, крайней надобности я-бы этого никогда себѣ не позволилъ; и не подумай, чтобы я...

— Полноте, дядя!—тихо перебила его Ольга Сергѣевна.—Если-бы даже это просто былъ вашъ капризъ, я все-таки покорилась бы ему съ полною охотой, и никакихъ дальнѣйшихъ объясненій, кромѣ вашей воли, мнѣ не нужно. Такъ и знайте! Мнѣ дѣйствительно жаль Дашу, и не столько ради себя, сколько ради самой Даши, такъ какъ она потеряла мѣсто, которымъ, я знаю, была очень довольна и счастлива. Но не стану-же я мое случайное расположеніе къ этой дѣвушкѣ ровнять съ моею привязанностью къ вамъ.

Алексѣй Петровичъ даже пріостановился на минуту; въ голосѣ его звучало волненіе:

— Это... это—добрыя и великодушныя слова, добрая и великодушная ласка, которая теплою волной охватываетъ старое сердце... Я умѣю цѣнить подобное баловство, тѣмъ болѣе, что... что... меня не слишкомъ пріучали къ нему... въ послѣдніе годы. Я, конечно, понимаю, что навязывать тебѣ свою личную волю, распоряжаться безъ спроса тѣмъ, что тебя касается—невозможно, немыслимо, и повѣрь, я себѣ этого никогда болѣе надѣюсь не позволить. Но за нынѣшнюю ласковую уступку все-таки спасибо тебѣ, спасибо и тысяча разъ спасибо!

Digitized by Google

Незнамовъ взволнованно пошелъ дальше.

— Полноте, дядя! Какъ можно придавать такое значеніе пустякамъ? Притомъ же—раздумчиво замедлила свои слова Ольга Сергѣевна—кого мнѣ еще любить? а главное, кому мнѣ больше вѣрить, чѣмъ вамъ?

Старикъ опять круто остановился на всемъ ходу и даже ухватилъ дѣвушку за руку.

— Вѣрить?—воскликнулъ онъ.—Именно. Ты умна, понимаешь. Въ самомъ дѣлѣ, могу-ли я имѣть какой-нибудь личный интересъ, болѣе для меня значительный, чѣмъ твое благо? Могу-ли я самъ, непосредственно, добиваться еще чего-нибудь отъ жизни? А если нѣтъ — зачѣмъ мнѣ хитрить съ тобой, таить заднія мысли? Проникнись убѣжденіемъ, что ты близка мнѣ и дорога, какъ родная дочь. Тогда мнѣ легче будетъ говорить съ тобой откровенно; тогда и въ разногласіяхъ нашихъ ты услышишь голосъ горячей любви и заботы, а не надоѣдливое брюзжанье отставного отъ жизни доктринера. Поразсуди объ этомъ, Оля!

— Дядя!—воскликнула Ольга Сергѣевна съ навернувшимися на глазахъ слезами.—Какъ можете вы думать, что я до сихъ поръ не сумѣла полюбить васъ всею душой, помимо всякихъ разсужденій? Я вѣдь не камень!

Незнамова глубоко тронулъ этотъ видимо искренній порывъ чувства. Онъ молча, но долгимъ поцѣлуемъ прильнулъ къ рукѣ племянницы.

Ольга Сергѣевна очень было сконфузилась и старалась высвободить руку; но старый профессоръ не допустилъ этого.

— Оставь, Оля,—сказалъ онъ тихо,—будь выше этихъ мелочей!.. А въ отвѣтъ тебѣ скажу, что жизнь и опытъ—отличные учителя по части скромности. Сомнѣваюсь-то я не въ тебѣ, а въ себѣ, не въ твоей способности или готовности любить, а въ томъ, можно-ли и стóитъ-ли любить меня. Это двѣ вещи разныя.

Старикъ побрелъ далѣе, и оба замолчали. Но какъ различны были ихъ думы!

Ольга Сергѣевна съ недоумѣніемъ спрашивала себя:

„Неужто дядя рисуется? Какъ странно со стороны такого серьезнаго и давнымъ-давно знаменитаго человѣка!“

А отставной профессоръ думалъ:

„Эхъ, молодость, молодость! Дерзостная и самоувѣренная... Въ своемъ пылкомъ самомнѣніи, она не можетъ даже допустить, чтобы человѣкъ, уже ставшій лицомъ къ лицу съ грознымъ вопросомъ объ итогахъ прожитой жизни, вынужденъ былъ убѣ-

Digitized by Google

диться въ ничтожествѣ или суетности своего дѣла, въ позорной ограниченности своего цикла идей, въ грубой ошибочности либо сомнительности своихъ будто бы знаній. Она еще не извѣдала горькимъ опытомъ, что даже цѣлая жизнь труда и усилій не обезпечиваетъ человѣку его внутренняго спокойствія или уравновѣшенности... А впрочемъ, дивиться-ли этому? Пылкая, беззаботная, самой себѣ довлѣющая юность, разумѣется, спѣшитъ, сломя голову, растоптать всѣ розы на своемъ пути, разумѣется, усердно подстегиваетъ кнутомъ свою тройку, которая и безъ того несется съ головокружительною быстротой, разумѣется, съ радостнымъ торжествомъ возглашаетъ громовое „ура“ при видѣ всякой новой станціи. Она вѣдь, эта молодость, хотя слыхала, но не понимаетъ ясно, не сознаетъ нутромъ, что въ концѣ ея спѣшнаго пути имѣется только непроѣздный обрывъ, темный, страшный, неизслѣдованный и непостижимый, какъ безконечность; что именно къ этому-то обрыву подъѣзжаетъ на искалѣченныхъ лошадяхъ бывшій юноша, растерявшій, пока длилась бѣшеная скачка, весь свой багажъ силъ, энергіи, надеждъ и безстрашія; что роковой обрывъ вдругъ оказывается цѣлью, концомъ концовъ, ultima ratione всей головокружительной поѣздки... А впрочемъ! Этотъ упорный отказъ внутренняго сознанія повѣрить „концу концовъ“ не есть-ли самъ по себѣ достаточный залогъ надежды или возможности, что, вопреки близорукимъ выводамъ разсудка, на днѣ неизслѣдованнаго обрыва окажется новая дорога, усмотрѣнная высшею познавательною способностью вѣры, и по ней, по этой новой дорогѣ, опять полетитъ наша тройка къ новымъ и новымъ станціямъ? Кто въ самомъ дѣлѣ до конца понялъ и точно опредѣлилъ истинное значеніе странной скачки, которая называется жизнью?“..

— Дядя! А что, если я поймаю васъ въ неискренности?—робко заявила Ольга Сергѣевна.

— Меня?!—очень удивился старикъ.

— Да! И я даже уличу васъ въ неискренности... если только логика человѣческая чего-нибудь стоитъ.

— А ты,—о, счастливая курсистка,—еще полагаешься на эту хрупкую вещицу, словно на каменную гору?—усмѣхнулся Алексѣй Петровичъ.—Ну, и благодари Провидѣніе, что тебѣ покуда даются такія радости.

— Нельзя однако не вѣрить въ человѣческую логику, по крайней мѣрѣ примѣнительно къ людямъ же. Вы, дядя, тоже человѣкъ. И вотъ по логикѣ выходитъ, что вы—рисуетесь... да, позируете!

Digitized by Google

— Рисуюсь?!

— Да.

— Гм! не ожидалъ... А впрочемъ все на свѣтѣ бываетъ. Ну, выкладывай, когда это, какъ и при какихъ обстоятельствахъ отличился я столь живописно?

— Не далѣе, какъ сейчасъ. Посудите сами, ну, кто повѣритъ, чтобы вы—именно вы—серьезно сомнѣвались, въ самомъ дѣлѣ, можно ли и стóитъ ли васъ любить?

— Ну?—совсѣмъ ужъ удивился Алексѣй Петровичъ.—А почему же нѣтъ? Ахъ, да! Понимаю. Постой. Конечно, я выразился не съ полною точностью. Только всетаки при чемъ здѣсь рисовка? Ты хочешь сказать, что есть, молъ, факты, доказывающіе на опытѣ, что меня можно любить, или по крайней мѣрѣ *было* можно, и что эти факты, разумѣется, лучше всѣхъ извѣстны мнѣ самому. Такъ вѣдь? Дѣйствительно, любили же меня покойница-жена и твой отецъ... крѣпко любили... Да я этого и не отрицаю. Но изъ того, что нашлись два лица, которыя искренно простили всѣ мои недочеты и удовольствовались тою долей хорошаго, какая во мнѣ оказалась,—изъ того еще никакъ не слѣдуетъ, что найдется непремѣнно третье такое же лицо, четвертое, и такъ далѣе. Право, мнѣ кажется, даже по курсовой логикѣ именно такъ выходитъ. Или я всетаки ошибаюсь?

— Да ужъ не изворачивайтесь, лукавый дядюшка! Какія тамъ два лица! Позвольте-съ. Вѣдь вы соглашаетесь, что людей и любятъ, и можно любить? что любовь вообще вещь совсѣмъ не рѣдкая, а встрѣчается на каждомъ шагу?

— Разумѣется.

— Ну-съ, теперь вы тоже отлично знаете, что вы—человѣкъ, по меньшей мѣрѣ настолько же добрый, честный и хорошій, какъ большинство людей, то-есть, вы стоите никакъ не ниже средняго уровня человѣческихъ достоинствъ. Надѣюсь, это достаточно скромное предположеніе?

— Пожалуй.

— Но вѣдь фактъ, что вы затѣмъ еще и человѣкъ особливо полезный, сдѣлавшій много услугъ цѣлому обществу, одаренный совершенно исключительными способностями, словомъ—великій ученый, слава котораго гремитъ по цѣлому свѣту. Позвольте-съ! Кого же любить—а мы согласились, что любятъ часто, сплошь да рядомъ—кого же, спрашиваю, любить, если васъ „не можно и не стóитъ“ при всѣхъ этихъ условіяхъ?!... Ну-съ, вывертитесь-ка, дядюшка, посмотримъ!

Digitized by Google

— Фью!—насмѣшливо свистнулъ старый профессоръ.—Вотъ тебѣ и курсовая логика! Ну, я былъ о ней всетаки лучшаго мнѣнія... Во-первыхъ, о, строгая дѣвица, человѣкъ полезный, умный и даже добрый, еще вовсе не обязательно и симпатичный человѣкъ, въ чемъ однако вся суть. Во-вторыхъ, даже самый симпатичный актеръ житейской сцены, если не сойдетъ съ нея во-время, рискуетъ съ амплуа героевъ перейти на исполненіе тѣни Банко, либо всякаго другого пугала, не исключая воробьинаго. Наконецъ, въ-третьихъ, что касается пресловутой славы...—Алексѣй Петровичъ пріостановился, чтобъ отворить калитку, выводившую въ поле, — ... до этой погремушки-то всесвѣтной... Да вотъ, чего лучше — смотри, вглядись хорошенько!

И онъ широкимъ движеніемъ руки указалъ на развернувшуюся передъ ними картину.

Это была огромная, безмолвная пустыня полей, ровныхъ, однообразныхъ и давно оголенныхъ. Вся залитая солнечнымъ сіяніемъ и густо одѣтая блестящею сѣткой осенней паутины, она сливалась вдали со мглистымъ краемъ горизонта. Лѣтомъ, когда равнина эта пестрѣла уборомъ пышныхъ нивъ, она какъ будто суживалась, мельчала: вниманіе останавливалось на отдѣльныхъ клочкахъ чудесной растительности, и эта же растительность заслоняла собой довольно многое вдали. Но теперь, когда глазъ, за оголенными жневьями, чуть не на десять верстъ впередъ, легко различалъ каждый отдѣльный кустъ, каждое мельничное крыло или случайный выступъ оврага—площадь оказывалась необычайно огромною. За то тѣмъ поразительнѣе дѣйствовала на созерцателя ея мертвая пустынность. Было что-то подавляющее и глубоко унылое въ этомъ полномъ безмолвіи, въ совершенной оцѣпенѣлости такого необъятнаго пространства. Ни человѣка, ни даже птицы на цѣлыя версты кругомъ! Хотя бы со стороны деревни донесся какой-нибудь обрывокъ пѣсни, стукъ топора, перекличка звонкихъ бабьихъ голосовъ... Хоть бы ужъ корова замычала, что ли .. ну, грачъ бы пролетѣлъ... Ничего! Кое-гдѣ летучая тѣнь облаковъ скользитъ на ярко освѣщенной полянѣ, и это—самое живое во всей картинѣ: всетаки движется.

Выйдя изъ калитки, Ольга Сергѣевна, по указанію дяди, очень внимательно посмотрѣла на блестящее паутиной жневье, на голубое, блѣдное небо, на какой-то дымокъ и рядъ приземистыхъ деревьевъ въ туманномъ далекѣ, а затѣмъ съ недоумѣніемъ подняла свой взглядъ на Алексѣя Петровича.

Digitized by Google

— Нравится тебѣ этотъ видъ?—спросилъ онъ съ усмѣшкой, неопредѣленно указывая рукой впередъ.—Полюбился? Манитъ онъ тебя и влечетъ къ себѣ силою естественной, неодолимой симпатичности?

Дѣвушка сдѣлала очень выразительную гримассу:

— Вотъ ужъ нѣтъ! Да и что въ немъ хорошаго? Такъ .. однообразіе... даже мертвечина какая-то.

— Между тѣмъ— пожалъ плечами Алексѣй Петровичъ—полетo это огромное, не въ примѣръ другимъ, и съ необыкновенною щедростью осыпано лучами славы... то бишь, солнца! а кромѣ того припаряжено въ почетный мундиръ изъ самой блестящей паутины. Какъ же его не любить? Какъ оно можетъ не нравиться?

Ольга Сергѣевна, въ недоумѣніи, еще разъ подняла свой взглядъ на стараго профессора, который съ задумчивою унылостью смотрѣлъ вдаль, и—вдругъ поняла.

— Дядя,—воскликнула она, густо краснѣя и невольно ухвативъ его за руку.—Курсовая логика—провались она! Курсовая логика—глупость!.. Но вамъ-то, вамъ какъ не стыдно имѣть подобныя мысли, приравнивать себя—Богъ знаетъ къ чему. Вѣдь въ вашей головѣ, въ вашемъ сердцѣ хватитъ ума и чувства на цѣлую сотню юношей. Васъ цѣнятъ, васъ любятъ, горячо любятъ...

Она прильнула своими свѣжими губками къ его блеклой рукѣ.

— Вѣрю, вѣрю, милая дѣвочка! вѣрю и благодарю... А все же мы, старики, можемъ быть дѣйствительно слиты душой только со старыми же людьми, то есть, съ тѣмъ, кто вмѣстѣ съ нами прожилъ, продумалъ и прочувствовалъ свои лучшіе годы. Неразрывное сліяніе душъ у стараго съ молодымъ немыслимо, неумѣстно, да и не нужно, наконецъ—уродливо. Мы, старики, въ самомъ дѣлѣ любимъ иногда васъ, своихъ дѣтей, до обожанія—и это понятно: потерявъ всякій личный интересъ, всякій raison d'être, мы только вами и цѣпляемся за жизнь. Но вы, молодые, вы еще до краевъ полны собой! Вы можете только благосклонно переносить нашу привязанность, не слишкомъ тяготиться ею—и это все, это maximum! Первая приглянувшаяся наружность заставитъ васъ отодвинуть на самый задній планъ двадцатилѣтнюю беззавѣтную преданность отца или матери; первая горячая фантазія неустойчиваго ума понудитъ васъ бросить ихъ въ уныломъ одиночествѣ. Да иначе и не можетъ быть: вы живете сами, за свой счетъ и ради себя лично. Къ чему возставать противъ законовъ природы?

Digitized by Google

— Жестокіе и неразумные это законы!—горячо воскликнула дѣвушка.—Правду говоритъ Георгій Алексѣевичъ, что въ природѣ, какъ будто на зло человѣку, все идетъ какъ разъ напротивъ или въ разрѣзъ съ самыми дорогими для него вѣрованіями и сочувствіями...

Въ эту минуту вдоль огорожи сада зашуршали сухіе листья подъ чьими-то шагами.

Оба, и старикъ Незнамовъ, и Ольга Сергѣевна, оглянулись.

Откуда-то—вѣроятно изъ-за угла, который образовывали здѣсь густо посаженныя на окопахъ сада березы—появилась невзрачная фигура не то попа, не то причетника, судя по крайней бѣдности костюма. Шелъ человѣкъ средняго роста, лѣтъ сорока пяти на видъ, довольно благообразной, но очевидно загрубѣвшей отъ труда или лишеній наружности. Крайне потертая широкополая шляпа, совсѣмъ заношенный, шитый гарусомъ поясъ да ветхій, хотя и весьма чистый подрясникъ, который недостаточно прикрывалъ порыжѣлые, заплатанные сапоги,—вотъ убогій нарядъ одного изъ сельскихъ представителей церкви... хотя представитель этотъ, судя по мозолистымъ рукамъ и характерно сутулой спинѣ, отнюдь не брезгалъ тяжелымъ трудомъ пахаря.

Увидѣвъ стараго профессора и его племянницу, попикъ сначала пріостановился, словно оробѣвъ; потомъ сдѣлалъ движеніе, будто хочетъ подойти и заговорить; но наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, только прошелъ мимо, раскланявшись самымъ униженнымъ образомъ.

— Кто это, дядя?

— Право, не знаю. Вѣроятно, кто-нибудь изъ приходскихъ... Вѣдь наша церковь въ Лукьяновѣ, верстахъ въ четырехъ—откуда же мнѣ знать ихъ?

— Разумѣется.

Глава II.

Отецъ діаконъ.

Незнамовъ и Ольга Сергѣевна прогуляли еще довольно долго, часа полтора.

Оказалось, что старый дядя, въ виду приближающейся зимы, озабоченъ былъ вопросомъ, гдѣ и какъ хотѣлось-бы провести эту зиму племянницѣ. Онъ настойчиво просилъ ее сдѣлать выборъ между Петербургомъ, Москвой или поѣздкой за границу, утверждая, будто для него лично совершенно одинаково удобно и пріятно будетъ первое, второе или третье изъ ея рѣшеній.

Digitized by Google

За то не мало онъ былъ удивленъ спокойнымъ, но твердымъ отказомъ племянницы и ея намѣреніемъ перезимовать просто въ деревнѣ, „никого собой не затрудняя“.

— Помилуй! восклицалъ Алексѣй Петровичъ, — что̀ это за фантазія? Что ты, волчьихъ пѣсенъ не слыхала, что-ли? О затрудненіяхъ—это ужъ совершенный вздоръ! Какія тамъ трудности? Я и самъ, послѣ трехлѣтняго сидѣнія въ деревнѣ, чувствую потребность освѣжиться... и ни за что здѣсь не останусь на зиму,—ни за что!

— Вотъ это другое дѣло!—повидимому спокойно, но съ невольною внутреннею улыбкой замѣтила Ольга Сергѣевна.—Куда вы поѣдете, туда и меня съ собой возьмете.

— Но если тебѣ говорятъ, чтобы ты выбирала, что мнѣ рѣшительно все равно...

— Это вотъ именно и доказываетъ, что вамъ въ сущности никуда не хочется.

— Опять курсовая логика! Пойми наконецъ, что я даже обязанъ—слышишь?—обязанъ предоставить тебѣ случай и возможность.. Въ этомъ мой долгъ!

— Возможность чего? Ужъ не жениха-ли найти?

— А еслибы и такъ? Да, и жениха найти! Да, присмотрѣться ближе къ людямъ, къ условіямъ ихъ быта, къ требованіямъ различнаго положенія въ свѣтѣ,—словомъ, къ жизни, какъ она есть, чтобы затѣмъ, хотя сколько-нибудь сознательно, выбрать и устроить себѣ будущность.

— Дядя! Позвольте мнѣ хоть одинъ годокъ пожить спокойно, на всей своей волѣ или глупости.

— Что это значитъ: спокойно?

— Не таскайте вы меня никуда... Развѣ ужъ въ самомъ дѣлѣ почувствуете необходимость въ перемѣнѣ мѣста для себя лично. Ну, тогда я буду вашею усердною сидѣлкой.

— Господи! Да что ты станешь дѣлать зимой въ деревнѣ? Ты понятія не имѣешь о такой жизни. Ты себѣ зѣвотой челюсти повывихнешь, упрямица! Двадцать второй годъ отроду—и желанье зимовать въ сугробахъ...

— Надя не старше меня.

— Сравнила! У Нади мужъ. Да и то я не понимаю Жоржа. Конечно, у него какіе-то свои особые планы и расчеты, но что могло-бы ему помѣшать устроиться на зиму въ Москвѣ, гдѣ вся родня его жены, а самому наѣзжать сюда по мѣрѣ надобности? Отъ Москвы до насъ одиннадцать часовъ ѣзды по желѣз-

Digitized by Google

ной дорогѣ; кажется, ни Богъ вѣсть какое затрудненіе! А между тѣмъ наружность и состояніе духа Нади мнѣ въ послѣднее время даже совсѣмъ не нравятся... совсѣмъ, совсѣмъ не нравятся... Еще здорова-ли она?

— Наружность и состояніе духа!—чрезвычайно изумилась Ольга Сергѣевна.—Помилуйте, дядя! Да что-же у Нади можетъ быть? Всегда ровная, кроткая, тихая, вседовольная...

Но дѣвушка вдругъ запнулась на срединѣ фразы. Припомнились ей крохотныя сценки, или незначительныя, случайно и вскользь брошенныя слова... а главное, припомнилась ей та-же Надя, но четыре или пять мѣсяцевъ тому назадъ. Замѣчаніе старика словно бросило свѣтъ на рядъ собственныхъ впечатлѣній Ольги Сергѣеоны, и она не могла не воскликнуть въ душѣ: „Въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ! какъ-же это я не замѣтила“!

Да, Надя была кроткая, тихая, вседовольная... и все-же это была уже не та, не прежняя Надя,—словно ее подмѣнили.

Старый профессоръ печально улыбнулся на возвраженіе племянницы:

— Такъ-то вотъ всѣ вы, очень молодые люди: до того полны и заняты собственнымъ міркомъ, что ужъ въ наблюдатели-то совсѣмъ не годитесь.

Незнамовъ и Ольга Сергѣевна возвращались домой очень медленно и еще болѣе молчаливо, оба погруженные въ собственныя думы. Дѣвушка вообще успѣла замѣтить, что ея спутникъ какъ бы взволнованъ или разстроенъ чѣмъ-то, помимо разговора, и чѣмъ-то очевидно болѣе серьезнымъ. Ей даже почудилось одно время, будто Алексѣй Петровичъ порывается объяснить ей свою тревогу, будто слова уже готовы сорваться у него съ языка... Но, передумавъ, старикъ подавилъ въ себѣ потребность высказаться и замолкъ еще угрюмѣе.

Возвращались они домой, сдѣлавъ обычный кругъ, и подходили уже не садомъ, а съ другой стороны, отъ большой дороги, такъ что имъ пришлось позвонить у главнаго подъѣзда.

Дверь имъ отворила Екатерина Ивановна.

— А васъ тутъ о. діаконъ давно уже дожидается,—доложила она Незнамову.

— Діаконъ? Какой?

— Нашъ, приходскій.

— Что-же ему угодно?

— А ужъ не знаю

Digitized by Google

— Онъ гдѣ?

— Съ задняго крыльца, въ сѣняхъ...

Алексѣй Петровичъ всполохнулся.

— Ахъ, Екатерина Ивановна, какъ-же вамъ не стыдно!—воскликнулъ онъ съ упрекомъ.—Развѣ можно такъ дѣлать? Надо было пригласить въ комнаты.

— Помилуйте, я и приглашала. Такъ онъ—ни за что. Очень ужъ робкій,—улыбнулась экономка.

— Ну... проведите его ко мнѣ въ кабинетъ.

— Слушаю-съ.

— Дядя, и я съ вами! воскликнула Ольга Сергѣевна:—мнѣ любопытно посмотрѣть и послушать...

— Еще-бы! Не изволили-бы вы быть правнучкою своей достоуважаемой прарабушки.. Впрочемъ, что-жъ, пойдемъ, коли охота. Не секреты-же онъ явился разсказывать!

— Сюда-съ, пожалуйте!—послышался добродушный голосъ Екатерины Ивановны.

На порогѣ кабинета, съ самымъ смиреннымъ и униженнымъ поклономъ, появился тотъ самый жалко одѣтый попикъ, котораго, полтора часа тому назадъ, Незнамовъ и Ольга Сергѣевна встрѣтили у садовой ограды.

— Не угодно-ли, прошу покорно!—пригласилъ его Алексѣй Петровичъ, вѣжливо указывая рукой на кресло.

Но о. діаконъ только еще болѣе смутился.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, помилуйте-съ! Я только на одну секунду... Я съ превеликою и преслезною просьбой къ вашему превосходительству... Дерзаю...

— Очень хорошо, и радъ служить. А все-таки присядьте. Такъ намъ удобнѣе будетъ объясниться... Ваше имя позвольте узнать?

— Василій Негропонтовъ.

— А по батюшкѣ?

— Павловъ.

— Ну-съ, такъ пожалуйте, Василій Павловичъ, сядемте и поговоримъ. А то мнѣ, на старости лѣтъ, въ стоянку-то трудненько.

— Ахъ, помилуйте, ваше превосходительство!.. Да развѣ смѣлъ бы я подумать...

Что именно подумать — осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ о. діаконъ совсѣмъ уже переконфузился и замолчалъ. Онъ, однако, съ величайшею осторожностью, почти на цыпочкахъ, сдѣ-

Digitized by Google

лалъ шага три по паркету, выступивъ наконецъ изъ дверной рамы, и присѣлъ на кончикъ стула, ближайшаго къ двери, при чемъ порыжѣлые и заплатанные сапоги оказались даже хуже, чѣмъ можно было предполагать.

Алексѣй Петровичъ тоже сѣлъ.

— Ну-съ, вотъ теперь позвольте узнать, въ чемъ дѣло?

— Я... задрожалъ голосъ у о. діакона,—я... разумѣется, крайне это съ моей стороны дерзостно... Но если бы въ другихъ обстоятельствахъ—видитъ Богъ! никогда не посмѣлъ-бы... Люди мы, разумѣется, ничтожные; чѣмъ можемъ возблагодарить? Но я—во имя Божіе, ради Христа, Который превыше даже царей земныхъ, и... и ..

О. діаконъ не докончилъ. Слезы вдругъ неудержимо покатились по его щекамъ и бородѣ.

Очевидно, самъ очень перепугавшись „такой оказіи“ (какъ называлъ онъ впослѣдствіи это обстоятельство), бѣднякъ вскочилъ со стула, торопливо сунулъ свое мокрое лицо въ ситцевый карманный платокъ и, пятясь къ двери, сталъ бормотать какія-то извиненія.

Незнамовъ тоже всталъ. Взявъ за руку взволнованнаго гостя, онъ мягко усадилъ его на прежнее мѣсто.

— Василій Павловичъ! сказалъ онъ.—У васъ горе, а я—человѣкъ не молодой, слѣдовательно тоже повидалъ его на своемъ вѣку довольно, чтобы понимать и сочувствовать. Зачѣмъ-же вы стѣсняетесь?

— Благослови васъ Господь! Горе, ваше превосходительство, тяжелое горе. Иначе развѣ-бы я осмѣлился...

Онъ только рукой махнулъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Жена!.. почти, можно сказать, умираетъ... Ваше превосходительство! вдругъ всталъ Негропонтовъ и поклонился почти до земли,—мы люди маленькіе, но, ради Христа, посѣтите болящую!

Незнамовъ чрезвычайно удивился.

— Здѣсь вѣрно какое нибудь недоразумѣніе! Почему вы именно ко мнѣ обратились?

— Знаю, что, какъ служителю Церкви, мнѣ можетъ быть и не слѣдовало-бы... не подобало бы именно къ вамъ прибѣгать. Пожалуй, и о. настоятель попеняетъ.. Колебался я довольно... Но жена не отстаетъ: сходи да сходи, покланяйся въ ноги. Такой, говоритъ, знаменитый докторъ въ четырехъ верстахъ живетъ, а мнѣ здѣсь такъ и пропасть безъ помощи, какъ собакѣ

Digitized by Google

какой нибудь! Думаю себѣ: а что если это перстъ Божій, указаніе свыше, эти ея слова? Мнѣ ли молъ, червю земному судить о святомъ Промыслѣ? И пошелъ...

— Но, позвольте, я-же совсѣмъ не докторъ!

— Какъ не докторъ!—удивился въ свою очередь о. діаконъ.

— Никогда и не учился медицинѣ, могу васъ увѣрить.

— Господи! Откуда же взяла моя Марья Савельевна. Три раза, говоритъ, докторъ—тройной—отъ вѣрныхъ людей знаю. Вотъ тебѣ и вѣрные люди!

Послѣ минутнаго недоумѣнія, Алексѣй Петровичъ не могъ воздержаться отъ улыбки.

— Здѣсь вышла ошибка, Василій Павловичъ,—сказалъ онъ.

— Я дѣйствительно докторъ и, пожалуй, три раза докторъ; но—докторъ химіи, физики и астрономіи. Это просто ученая степень, какъ вамъ извѣстно. Въ духовныхъ академіяхъ точно такъ же профессорствуютъ доктора богословія, философіи и пр., но конечно лѣчить они не умѣютъ.

Горькое разочарованіе можно было прочесть на лицѣ у бѣднаго отца діакона. Очевидно,—самъ, можетъ быть, того не сознавая,—онъ въ глубинѣ души пламенно и много надѣялся на помощь „знаменитаго“ врача; теперь же ускользнула и эта послѣдняя соломенка упованія.

Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ безмолвно, словно оглушенный сокрушившимъ его ударомъ. Но затѣмъ истово и набожно перекрестился.

— Ну, значитъ, такъ Богу угодно!—сказалъ онъ, тяжело вздыхая, но уже твердымъ голосомъ.—Да будетъ же и въ семъ пресвятая и преславная воля Его!.. Извините, ваше превосходительство, ради Господа! Обезпокоилъ васъ только по своему, можно сказать, необразованію. Простите и не осудите. А за милосердый вашъ пріемъ ничтожнаго просителя, вѣрую, и Господь не оставитъ васъ Своею милостью.

Съ низкими поклонами отецъ діаконъ ретировался къ двери, неловко пятясь назадъ, чтобы не повернуться спиной.

— Отчего же вы не подошли ко мнѣ, когда мы встрѣтились возлѣ садовой калитки?—полюбопытствовалъ Алексѣй Петровичъ.—Пришлось вамъ ждать такъ долго...

— Помилуйте, было-бы черезчуръ съ моей стороны дерзко... такъ, на дорогѣ... и при томъ прогулкѣ вашего превосходительства помѣшалъ бы... Я и то ужъ не знаю, какъ могъ до такой степени осмѣлиться... Еслибъ еще хотя великодушнѣйшая и

Digitized by Google

христолюбивая Надежда Александровна находилась дома—ну, все-таки попредстательствовала-бы сколько нибудь... А то вдругъ такъ, никому неизвѣстный наглецъ... Простите великодушно!

— Прощайте, прощайте, Василій Павловичъ! Очень сожалѣю, что не въ моихъ силахъ оказать больной какую-либо помощь. Очень, очень сожалѣю!.. А Надежда Александровна, если вамъ понадобится, теперь дома: она именно сегодня утромъ вернулась къ намъ изъ Москвы.

Въ эту минуту послышались легкіе, но быстрые шажки, почти бѣгъ, и въ комнату, съ необычайнымъ оживленіемъ и съ озабоченнымъ видомъ, влетѣла Надя.

— Вы здѣсь давно, отецъ діаконъ,—ухватила она его за руку,—а я и не знала! Что такое? Говорятъ, Марья Савельевна нездорова, уже шестой день. Правда это?

— Правда, Надежда Александровна. Мы уже почти отчаялись.— И слезы опять полились у бѣднаго діакона.

— Ахъ, ты, Господи, какъ-же такъ!.. Однако, тутъ не отчаиваться, а дѣйствовать нужно. Гдѣ она лежитъ? Помѣщеніе-то у васъ... шумъ этотъ дѣтскій...

— Лежитъ-то хорошо! Многомилосердная наша Анна Семеновна, съ согласія отца настоятеля, уступила больной свою собственную комнату и постель, а сама переселилась въ нашу хижину для надзора за дѣтьми: кормитъ ихъ, одѣваетъ, обмываетъ, даже веселитъ подчасъ, играетъ съ ними въ свободное время... Ну, матушку Анну Семеновну сами изволите знать, какова она!

— Надя, когда же ты познакомилась съ Василіемъ Павловичемъ?—вмѣшался удивленный Незнамовъ.

— Вотъ тебѣ разъ!—удивилась Надежда Александровна въ свою очередь.—Всякій праздникъ въ церкви, а то и чаще... Какъ же мнѣ не знать?

— И то правда. Въ голову не пришло.

— Надежда Александровна даже до трехъ разъ осчастливили жену мою,—объяснилъ Негропонтовъ,—посѣтивъ ее въ убогомъ нашемъ жилищѣ. А теперь вотъ...

Онъ безнадежно развелъ руками.

— Не унывайте, отецъ діаконъ!—воскликнула Надя.—Что вы ужъ такъ заживо хороните въ самомъ дѣлѣ! Сейчасъ приемъ мѣры, а Богъ милостивъ. Оля, голубушка, позвони, возлѣ тебя колокольчикъ. Да составь ты получше, поубѣдительнѣе—ты умѣешь!—телеграмму въ городъ къ доктору Свищову, чтобъ

Digitized by Google

онъ непремѣнно сегодня же потрудился пріѣхать,—непремѣнно и сегодня же,—а экипажъ, молъ, будетъ для него на станцію высланъ. Пожалуйста!

Надежда Александровна обернулась къ появившемуся на звонъ колокольчика служителю.

— Никита! вели мнѣ сейчасъ заложить маленькую коляску, да поскорѣе. Слышишь?—Отецъ діаконъ, покуда пойдемте ко мнѣ; вы разскажете обо всемъ поподробнѣе. А потомъ сейчасъ и поѣдемъ. Ахъ, бѣдная Марья Савельевна! Какъ мнѣ васъ обоихъ жалко!

И Надя увлекла съ собою совершенно растерявшагося, но уже замѣтно подбодреннаго діакона.

— Что-жъ, Господь все видитъ, Онъ воздастъ!—лепеталъ умиленный, но и сконфуженный Негропонтовъ.

Незнамовъ и Ольга Сергѣевна, оставшись вдвоемъ, молча переглянулись.

— Вотъ тебѣ, Оля, иллюстрація въ лицахъ!—замѣтилъ старикъ.—Я—и Надя; мудрость разума—и мудрость чувства... Кто изъ двоихъ выходитъ лучше, полезнѣе, даже просто умнѣе наконецъ? И что вся моя пресловутая „слава“ въ сравненіи съ непосредственною высотой и прелестью всѣхъ душевныхъ движеній этого смиреннѣйшаго существа!

Ольга Сергѣевна задумчиво промолчала. Въ головѣ ея бурно кипѣлъ потокъ собственныхъ мыслей и соображеній, задѣвавшихъ ее очень больно и вносившихъ грозную путаницу въ душевный строй, и безъ того смутный, и безъ того шаткій, исполненный всякихъ противорѣчій и столкновеній...

„Можно ли къ Надѣ относиться такъ снисходительно свысока, или даже просто презрительно, какъ это дѣлаетъ Жоржъ?“ спрашивала себя дѣвушка. „Справедливо ли называть ее „дѣтскою кашкой на молокѣ?“ Въ самомъ ли дѣлѣ „ничего она не понимаетъ, не видитъ, а если и пойметъ, и увидитъ, то поплачетъ розовою водицей, но, пососавъ конфетку завѣреній, раскаянія и клятвъ—утѣшится совершенно“? Въ самомъ ли дѣлѣ подобная „картонная буря“ доставитъ ей въ сущности только „великое наслажденіе романтическихъ слезъ и восторговъ“?.. Но вѣдь еслибы Надя была такимъ „сладенькимъ ничтожествомъ“,—отчего бы такъ тянуло къ ней сердце? Господи! Иной разъ чувствуешь себя предъ ней такою... такою“...

Ольга Сергѣевна даже теперь, при одномъ воспоминаніи, вспыхнула густымъ румянцемъ.

Digitized by Google

„И я не одна поддаюсь невольному влеченію!“ думала смущенная дѣвушка. „Я даже меньше другихъ. Прислуга, знакомые, напримѣръ Кощплинъ, даже Сербинъ и вотъ этотъ жалкій дьяконъ, наконецъ самъ дядя,—всѣ, кто только ее знаетъ,—всѣ готовы на нее молиться. Возможно ли это, если въ ней нѣтъ „ни характера, ни убѣжденій, ни сильнаго чувства,—одна слащавая размазня“, какъ выражается Жоржъ? А если онъ ошибся? Молчать еще не значитъ быть слабымъ. Напротивъ, именно за спокойною сдержанностью очень часто таится высшая сила и непоколебимая твердость“...

— Дядя!—вдругъ воскликнула взволнованная Ольга Сергѣевна,—скажите мнѣ, ради Бога, есть ли у Нади какой-нибудь характеръ, кромѣ великой ея доброты? Я хочу сказать: есть ли воля, сила, выдержка, что-нибудь свое, особенное?

Незнамовъ съ большимъ удивленіемъ вскинулъ свой серьезный взглядъ на разгорѣвшееся лицо дѣвушки.

— Вотъ странный вопросъ!—сказалъ онъ.—Ты умница. Неужто же ты не поняла до сихъ поръ, что въ своемъ внутреннемъ міркѣ Надя глубже, цѣльнѣе и несокрушимѣе всѣхъ насъ вмѣстѣ. Это—алмазъ!

— Алмазъ! Надя? Но въ чемъ же у нея выразилась подобная твердость? какъ вы ее подмѣтили?

— Зачѣмъ подмѣчать, что̀ само на глаза проспится? Да вотъ тебѣ хоть первый примѣръ. Надя уже два года замужемъ за такимъ человѣкомъ, какъ Жоржъ, и въ такой семьѣ, какъ наша. Однако, безусловно покорная мужу и готовая на всѣ личныя жертвы, она не поступилась до сихъ поръ ни единою пядью своихъ вѣрованій и убѣжденій. Все такъ же въ праздничные дни она неизмѣнно ѣдетъ въ церковь, никому съ этимъ не навязываясь, но и не скрываясь; все такъ же любовно надѣляетъ милостыней даже завѣдомыхъ пьяницъ; все такъ же признаетъ своею „второю матерью“ какую-то сухую и чопорную гувернантку, которая будто бы „учила ее всему хорошему и доброму... Только подумать: мужъ, человѣкъ выдающагося ума и характера, притомъ почти боготворимый, несмотря на всѣ свои усилія—а вѣдь онѣ были!—не могъ вызвать въ Надѣ не только тѣни сомнѣнія по какому либо рѣшенному для нея вопросу — ну, хоть напримѣръ о соблюденіи постовъ — но даже простаго любопытства, естественнаго желанія узнать: какъ же, молъ, въ данномъ случаѣ думаютъ и поступаютъ другіе люди?.. „Ученіемъ Церкви не шутятъ, это не игрушка!“ рѣшила Надя разъ навсегда—и кон-

Digitized by Google

чено! Ничто ужъ не собьетъ ее съ этой точки зрѣнія. Кажется, ужъ довольно вѣская черта въ характерѣ. Но вѣдь и вообще, въ самыхъ даже обыденныхъ обстоятельствахъ, какъ только понадобится быстрая рѣшимость, а главное быстрая помощь—развѣ Надя колеблется, выжидаетъ, сваливаетъ на другихъ? Вотъ хоть бы сейчасъ: не плакать же она поѣхала къ этому бѣдному дьякону, не вытирать раздушеннымъ кружевнымъ платочкомъ собственную слабонервную слезинку, а помогать, дѣйствовать, служить больной. Погоди, она тамъ весь домъ въ руки возьметъ; я ужъ видалъ ее въ работѣ: ничѣмъ не побрезгуетъ и ни передъ чѣмъ не отступитъ. Какими уговорами, либо насмѣшками оттянешь ее теперь отъ кровати больной? Попытайся. Поинтересовалась ли она хоть узнать, съ чѣмъ ей придется имѣть дѣло: съ тифомъ, оспой, дифтеритомъ или еще какою-нибудь заразой? Ей все равно.. хотя ружья и бойкихъ лошадей боится. Великое сердце у Нади! Но великаго сердца, вѣрь мнѣ, не бываетъ у людей безхарактерныхъ.

Ольга Сергѣевна поблѣднѣла, какъ полотно, слушая дядю. Этотъ человѣкъ большого ума и большого опыта, со спокойною ясностью непререкаемаго убѣжденія, раскрылъ предъ нею лишь ту же истину, которую уже давно предчувствовала она сама. Но смутно догадываться или знать и видѣть — большая разница. Ольга Сергѣевна испытала это теперь.

„Боже мой!“ съ ужасомъ восклицала она въ душѣ. „Но если такъ... если такъ... что́ же мы-то съ Жоржемъ дѣлаемъ? Вѣдь это... чудовищно! Это... этому даже имени нѣтъ! Господи, Господи!.. *Не трудитесь взывать, Онъ все равно не услышитъ*, почудился дѣвушкѣ насмѣшливый голосъ молодаго Незнамова. — Въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, что не услышитъ... *И ничего ни чудовищнаго, ни нечудовищнаго на свѣтѣ нѣтъ. А есть лишь простое, логическое право всякаго человѣка просуществовать, какъ можно пріятнѣе, не интересуясь безсмысленными химерами этики, но за то твердо памятуя, что своя шкура непремѣнно болитъ больнѣе всякой чужой*... Да! да! Логически и это такъ, конечно“...

Но отчего же все существо Ольги Сергѣевны, для нея самой безсознательно, возставало противъ этой „высшей логики?“ Или „курсы“ еще не достаточно укрѣпили ея вѣру въ непогрѣшимость разума и его выводовъ?

— О чемъ такъ задумалась моя дѣвочка?—ласково провелъ рукой по ея волосамъ Алексѣй Петровичъ.

Она даже вздрогнула отъ нечаянности.

Digitized by Google

— Такъ, дядя... о Надѣ.

— Что-же именно?

— Да вотъ... Еще давеча вы замѣтили, и это вѣрно... Словно она какъ-то измѣнилась въ послѣднее время... А въ чемъ—я не могу дать себѣ отчета.

— Да, конечно измѣнилась. Я тебѣ, пожалуй, подскажу даже въ чемъ. Неужто ты не замѣчаешь, что исчезла ея недавняя, милая наивность? Нѣтъ и веселаго щебетанья, которымъ она такъ напоминала весеннюю птичку... Жоржъ самъ, собственными руками закапываетъ въ могилу счастіе своей жизни, или по крайней мѣрѣ ея лучшій цвѣтокъ.

— Дядя!.. Дядя!..—въ ужасѣ воскликнула Ольга Сергѣевна почти коснѣющимъ языкомъ,—что вы хотите сказать?

— Только правду. Можетъ быть, и спохватится Жоржъ, да будетъ поздно... А вѣрнѣе, что никогда не пойметъ!—махнулъ рукой старикъ.

— Не пойметъ... Жоржъ?..

Алексѣй Петровичъ молча и серьезно посмотрѣлъ на племянницу.

— Да, не пойметъ!—подтвердилъ онъ затѣмъ тихо, но вѣсско.—Потому что есть вещи, которыхъ нельзя понять умомъ, а только сердцемъ.

Въ эту минуту самъ Георгій Алексѣевичъ торопливо вошелъ въ кабинетъ.

— Кто боленъ? Зачѣмъ телеграфировали Свищову?—спросилъ онъ встревоженнымъ тономъ.

— Не волнуйся, никто изъ своихъ, успокоилъ его отецъ. — Больна жена нашего приходскаго дьякона.

Георгій Алексѣевичъ только присвистнулъ.

— Узнаю мою Надежду Александровну! Это ужъ конечно она изволила распорядиться.

— Дьяконица, говорятъ, въ самомъ дѣлѣ при смерти.

— А главное, вѣдь непремѣнно къ Свищову! Точно нѣтъ другихъ врачей, подешевле. Свищову-то меньше пятидесяти рублей не дашь; и то еще, пожалуй, гримасу состроитъ... А платить придется намъ, будьте увѣрены: дьяконишка этотъ голъ, какъ соколъ.

— Ты развѣ его знаешь?

— Конечно. Болванъ, ханжа... вѣрный послѣдователь своего рехнувшагося „отца настоятеля“.

— Рехнувшагося?

Digitized by Google

— Несомнѣнно. Очень богатый приходъ; а попъ и самъ живетъ хуже нищаго, и прячтъ свой тому-же научаетъ.

— Зачѣмъ?

— Ну, спастись тамъ, что-ли, хочетъ. Я почемъ знаю?—презрительно улыбнулся Георгій Алексѣевичъ.—Надѣется свою козлиную бороду еще и на тотъ свѣтъ переправить, не довольствуясь этимъ. Самую вѣчность желаетъ своею особой украсить... Кто установитъ предѣлы тупоумія?

И, нервно насвистывая какой-то мотивъ, молодой Незнамовъ вышелъ изъ комнаты.

Глава III.

Исповѣдь.

Проводивъ Георгія Алексѣевича взглядами, старый профессоръ и дѣвушка промолчали минуты двѣ въ явномъ смущеніи.

— Оля!—сказалъ наконецъ, Алексѣй Петровичъ какимъ-то неувѣреннымъ тономъ,—мнѣ вообще казалось бы... можетъ быть, я ошибаюсь конечно...

— Что, дядя? въ чемъ?

— Казалось бы, что выгоднѣе для тебя и осторожнѣе... подальше держаться отъ Жоржа.

У Ольги Сергѣевны отъ испуга поблѣднѣло лицо и задрожали руки.

— Что вы этимъ хотите сказать, дядя?

— О, ни единаго слова, ни единой мысли у меня нѣтъ противъ тебя, моя дорогая!—воскликнулъ старый профессоръ.—Но онъ... онъ—человѣкъ безнравственный и безпринципный. Вліяніе его опасно или даже пагубно.

Въ первую минуту дѣвушка онѣмѣла отъ изумленія. Какъ! „Безнравственный и безпринципный!“ И это говоритъ, во-первыхъ, родной отецъ Жоржа, во-вторыхъ, человѣкъ, вообще крайне снисходительный, а въ третьихъ, онъ—именно онъ—дядя, которому Ольга Сергѣевна привыкла вѣрить почти безусловно.

Но удивленіе дѣвушки вскорѣ смѣнилось другимъ чувствомъ. Вмѣсто блѣдности, яркій румянецъ вспыхнулъ на красивомъ лицѣ, глаза засверкали опаснымъ огонькомъ... Ольгой Сергѣевной овладѣли сознаніе обиды и потребность боя въ защиту своихъ божковъ.

— Дядя!—воскликнула она,—вы-ли это говорите? вы—всегда добрый, мягкій... А про кого? Про человѣка, который стоитъ

Digitized by Google

выше всѣхъ, его окружающихъ, который полонъ энергіи, воли, ума и своеобразныхъ, можетъ быть, но во всякомъ случаѣ не пошлыхъ, не низменныхъ стремленій. Въ двадцать семь лѣтъ отроду онъ доказалъ, что для него нѣтъ въ жизни вещей недоступныхъ или неодолимыхъ. Помилуйте, дядя! Какъ же вы не замѣчаете, что онъ—достойный преемникъ вашей собственной геніальности! даже тѣмъ болѣе достойный, что, выросши подъ вліяніемъ великаго ума, онъ все таки умѣлъ остаться самимъ собою?!

— Я не думаю отрицать большой умъ и характеръ въ Жоржѣ, —тихо возразилъ Алексѣй Петровичъ.—Напротивъ. Онъ—крупная, очень крупная личность, и дѣйствительно можетъ добиться многаго. Я, напримѣръ, нисколько не удивлюсь, если онъ пролѣзетъ въ ряды государственныхъ дѣятелей и будетъ играть тамъ даже выдающуюся роль. Онъ и теперь умѣетъ вертѣть почти по произволу такими людьми, которые въ томъ или другомъ смыслѣ несравненно выше его. Кощилинъ, даже Сербинъ совершенно поддались его вліянію... Самъ Вадимскій поздравляетъ меня въ письмѣ и называетъ счастливымъ отцомъ такого сына, который обѣщаетъ быть выдающимся подвижникомъ народнаго блага... Угодилъ, значитъ, и Сербину, и Вадимскому въ одно время! Въ томъ-то и дѣло, что человѣкъ безпринципный чѣмъ умнѣе, тѣмъ опаснѣе.

— Пусть. Но не слишкомъ-ли это жесткое опредѣленіе: безпринципный! Почему именно безпринципный? Можетъ быть, только логичный, безпощадно, до конца логичный?

— Нельзя безнравственные поступки оправдывать ихъ логичностью. Каждый разбойникъ съ большой дороги по своему логиченъ.

— Безнравственные поступки—да! Но если человѣкъ, ихъ совершившій, не признаетъ вашей нравственности? Если, въ силу благородной и гордой смѣлости великаго ума, онъ пришелъ къ совершенному убѣжденію, что вся современная этика есть только сплошная ошибка, сплошной самообманъ человѣчества, цѣпи, которыми оно добровольно себя опутало? Можно, конечно, вообразить, будто субъективныя наши фантазіи превыше всѣхъ законовъ природы и самыхъ очевидныхъ заключеній науки; но выгодно-ли, умѣстно-ли поддерживать такое странное самообольщеніе! И если кто либо стремится его разсѣять, стремится примѣромъ и убѣжденіемъ пропагандировать между людьми трезвую истину, освѣтить темную область ихъ неосмысленныхъ вѣрова-

Digitized by Google

ній,—можно-ли поведеніе такого человѣка признать безнравственнымъ, хотя бы оно сто разъ погрѣшило противъ общепринятой, но очень условной этики?

Старый профессоръ съ изумленіемъ и видимою печалью слушалъ горячую рѣчь дѣвушки.

— Ого!—сказалъ онъ.—Вотъ какъ глубоко проникнулъ уже ядъ тонкаго софизма. А я... я, старая мумія, даже не подозрѣвалъ ничего! Оля, милая! Я не стану обращаться къ логикѣ; я вообще о ней не высокаго мнѣнія... Но неужто твое непосредственное чутье не заставляетъ тебя иной разъ... брезговать—да, именно брезговать—фактическими проявленіями новой нравственности?

Ольга Сергѣевна густо покраснѣла.

— Позвольте, однако, дядя!—воскликнула она, поспѣшно отвиливая въ сторону.—Вы не высокаго мнѣнія о логикѣ. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ долженъ руководствоваться человѣкъ въ своихъ поступкахъ? Религіей, велѣніями Бога? Такъ вы сами ихъ не признаете. А что остается затѣмъ?.. Согласитесь, что логика все-таки надежнѣе какихъ-то условныхъ лоскутковъ морали, ни на чемъ не обоснованныхъ, или даже прямо несостоятельныхъ, въ виду ихъ очевиднаго разлада съ законами природы. Вѣдь если ужь принимать подобную дребедень на вѣру, то не лучше-ли просто вѣровать въ Бога и въ Церковь, какъ это дѣлали и дѣлаютъ милліоны людей?

Оба замолчали. Старый профессоръ былъ печаленъ и какъ-бы въ нѣкоторомъ затрудненіи; но Ольга Сергѣевна горѣла нервною тревогой.

— Дядя!—воскликнула она какимъ-то вдругъ зазвенѣвшимъ голосомъ, явно выдававшимъ ея возбужденіе.—Дядя! Одинъ вопросъ меня давно интересуетъ, и я все хотѣла поговорить съ вами... да не хватало смѣлости... Серьезный вопросъ.

— А именно?

— Вы... знаете, какъ васъ называетъ Жоржъ?

— Ну?

— Архиидеалистомъ. Онъ говоритъ: идеализмъ вѣрующаго я еще понимаю: это—ошибка, но ошибка, все-таки основанная на совершенно логическихъ соображеніяхъ. Я-де стѣсняю и мучаю себя въ короткой земной жизни, однако, лишь для того, чтобы заполучить благополучіе вѣчное. Не очень солидный расчетъ, конечно, но вполнѣ понятный; въ немъ даже архижидовскій процентъ предусматривается. Однако, этотъ разсчетъ хорошъ

Digitized by Google

только для умовъ, зараженныхъ микробами вѣры. А васъ-то, васъ—что побуждаетъ связывать себя какими-нибудь этическими ограниченіями? Въ личнаго Бога, стоящаго всторонѣ и превыше природы, въ загробное существованіе души—вы не вѣрите. Идея справедливости, добра, пользы и т. п.? Но кто же установилъ, гдѣ именно и въ чемъ встрѣчаются эти прекрасныя вещи? Природа ихъ не вѣдаетъ. Да и какой въ нихъ толкъ, если сами вы признаете, что даже все человѣчество представляетъ собой лишь одинъ изъ случайныхъ, мимолетныхъ пузырей на океанѣ мірозданія? Вѣдь если самое человѣчество—нуль, то всѣ его фантазіи и подавно. Согласитесь, что это ужъ не „курсовая“ логика.

У Алексѣя Петровича мелькнуло въ глазахъ грустное, почти страдальческое выраженіе.

— Нѣтъ, дитя, это ужъ не твоя собственная, а дѣйствительно сильная, очень сильная логика... даже, пожалуй, какъ логика, едвали покуда опровержимая. Я, по крайней мѣрѣ, сознаю свое безсиліе предъ нею, пока стою на чисто-разсудочной почвѣ... Но, дорогая Оля, можетъ быть, для тебя еще не слишкомъ поздно выслушать со вниманіемъ старика, который въ свое время тоже умѣлъ разсуждать довольно связно.. Дѣло именно въ томъ, что логика—не альфа и омега, не все, чѣмъ можетъ человѣкъ руководствоваться; это, напротивъ, самый хрупкій и малонадежный познавательный инструментъ, съ очень ограниченною притомъ компетентностью, такъ какъ онъ примѣнимъ лишь къ работѣ надъ готовыми данными непосредственнаго опыта. Можетъ быть, величайшею ошибкой въ исторіи человѣчества было именно признаніе излишнихъ правъ за логикой... О, какъ трудно это высказать и уяснить существу молодому, исполненному самоувѣренности и эгоизма. О, какъ трудно, трудно!..

Алексѣй Петровичъ на минуту понурилъ голову и закрылъ лицо руками.

— Постой... Я разскажу тебѣ, какъ и когда я впервые усомнился въ логикѣ. Ты, можетъ быть, знаешь, что у меня въ жизни были два человѣка, которыхъ я беззавѣтно любилъ и которые честно отвѣчали мнѣ тѣмъ же. Это—моя покойная жена и твой отецъ. Оба они умерли почти въ одно время. И вотъ по смерти ихъ, послѣ первыхъ порывовъ отчаянія, я сталъ себя спрашивать,—что́ же такое вся эта любовь, вся сила чувства,—вся эта святая святыхъ, то есть, самая суть человѣка? Какимъ образомъ кусокъ истлѣвшаго легкаго или случайная язва въ желудкѣ могутъ навсегда уничтожить фактъ — несомнѣннѣйшій

Digitized by Google

фактъ—моего ума и чувства? Какъ! Вся эта безконечная любовь моей жены, вся ея геройская преданность, вся изумительная ясность духа, неистощимая доброта и снисходительность,—весь необычайный умъ твоего отца, его несокрушимая энергія, его страстное отношеніе къ вопросамъ права и чести—какъ! все это лишь проявленіе добропорядочности ихъ желудковъ? А случилась съ этими желудками бѣда, перестали они переваривать, какъ слѣдуетъ, кусочки гуся и капусты—adieu! Весь дивный, прекрасный, полный высокаго благородства и одушевленія нравственный ликъ человѣка разсѣялся, какъ дымъ, какъ ночной призракъ при свѣтѣ утренняго солнца... Все это, изволите видѣть, былъ просто—кусочекъ гуся съ капустой!..

Алексѣй Петровичъ остановился, чтобы перевести духъ и вытереть свой влажный лобъ. А дѣвушка, молча, впилась въ него тревожными глазами.

— Да, выводъ дикій, возмутительный, противъ котораго инстинктъ и чувство прямо встаютъ на дыбы, однако логически несомнѣнно вытекающій изъ общей суммы нашего знанія, логически непреложный, какъ непреложны и твои заключенія, высказанныя конечно со словъ Жоржа. Вѣдь я угадалъ?

Ольга Сергѣевна молча кивнула головой.

— Другого вывода я самъ не могу и не умѣю сдѣлать, ибо таковы мои данныя. Но вѣрны ли, достаточно ли полны эти данныя? Но мирятъ ли они и объясняютъ ли вопіющія противорѣчія? Вотъ въ этомъ я сомнѣваюсь! Позвольте, я десятки разъ видѣлъ, что одна сравнительно ничтожная искорка моей мысли облетала чуть не весь земной шаръ, влiяла на сотни другихъ умовъ, двигала тысячи рукъ и милліоны пудовъ мертвой матеріи. Какъ подобный фактъ могъ явиться только потому, что мой желудокъ переварилъ полфунта гуся съ капустой? Я самъ умру и исчезну; но искорка моей мысли, давшая, напримѣръ, толчокъ къ устройству нефтеочистительныхъ заводовъ, будетъ еще работать въ видѣ безчисленныхъ колесъ, цистернъ, вагоновъ и пр., и пр. Какъ же такъ? Ничтожный осколокъ моей умственной силы, или даже выдѣленіе ея, будетъ очень замѣтнымъ факторомъ въ общемъ водоворотѣ жизни, а сама эта сила, вся цѣликомъ, превратится въ то же время въ ничтожество, въ небытіе! Мало того: ея и не было никогда, этой умственной силы, она—только отводъ глазъ, забавный пуфъ, она—просто кусочекъ гуся! Какъ ни смотри, а и съ логической точки зрѣнія выходитъ тутъ непроходимая путаница.

Digitized by Google

Алексѣй Петровичъ пріостановился.

— Господи!—въ тоскѣ и тревогѣ воскликнула дѣвушка.—Въ такомъ случаѣ, къ чему же вся наука? что̀ она такое?

— Все. Вся будущность человѣчества. Хотя, разумѣется, теперь мы не можемъ даже гадать о томъ, какія новыя силы и познавательныя способности разовьетъ въ себѣ нашъ отдаленнѣйшій потомокъ.

— Познавать можно только разумомъ.

— Кто это доказалъ? А инстинкты, а воображеніе? а непосредственное знаніе? и мало ли что̀ еще въ будущемъ... Разумъ только прекрасный контролеръ и бухгалтеръ добытаго знанія; но піонеръ весьма посредственный.

— За то инстинкты или, по крайней мѣрѣ, фантазіи человѣка прямо врутъ. Гдѣ въ природѣ оказываются идеи справедливости, равенства, альтруизма, и такъ далѣе? Чистая небывальщина.

— Какой вздоръ! Инстинкты могутъ вырости и формироваться только подъ вліяніемъ окружающихъ условій; даже фантазія наша безсильна изобрѣсти что-либо, выходящее за предѣлы извѣстныхъ намъ формъ и явленій. Попробуй, напримѣръ, представить себѣ хоть четвертое измѣреніе—и у тебя ничего не выйдетъ; между тѣмъ возможность такого измѣренія даже вовсе не отрицается математикой. Ясно, стало-быть, что наши инстинктивныя стремленія, если не подходятъ къ видимой природѣ, то находятъ свое полное оправданіе въ невидимой. Это и понятно, такъ какъ они сами принадлежатъ къ невидимой, духовной природѣ человѣка. Мы ежедневно можемъ убѣдиться, что даже у животныхъ есть инстинкты, которые ихъ не обманываютъ. Почему же должны быть непремѣнно обманчивы инстинкты человѣчества, которые, пройдя чрезъ сотни вѣковъ и народовъ, выработались наконецъ въ идеалъ вѣры и этики современнаго поколѣнія?

— Дядя! Однако что̀ же изо всего этого слѣдуетъ? – воскликнула совершенно сбитая съ толку Ольга Сергѣевна.

— Слѣдуетъ, голубчикъ, почти совершенная безпомощность логики въ вопросахъ такого рода, и необходимость крайней, щепетильной осторожности въ выводахъ, особенно имѣющихъ какое-либо разрушительное значеніе... Мы, люди XIX вѣка, исповѣдуя исключительный матеріализмъ, такъ сказать, играли въ жмурки съ собственною совѣстью. Мы и сами вѣрили, и другихъ убѣждали, будто простой расчетъ да высота культурной гуман-

Digitized by Google

ности достаточно ограждаютъ развитого человѣка отъ искушенія сдѣлать мерзость. На дѣлѣ же отъ низкихъ поступковъ воздерживало насъ просто воспитаніе въ преданіяхъ чести, долга и добра,—воспитаніе, сформировавшее въ насъ извѣстные инстинкты этической требовательности. Зато нынѣшнее юное поколѣніе, воспитанное уже на нашихъ теоріяхъ, тотчасъ всѣмъ фронтомъ повернуло къ логикѣ, не стѣсняясь ничѣмъ... Я не въ правѣ винить Жоржа, потому что самъ прежде всѣхъ виноватъ и передъ нимъ, и передъ сотнями ему подобныхъ. Но безпринципность и безнравственность все-таки остаются безпринципностью и безнравственностью, какъ бы извинительно, или даже законно, ни было ихъ происхожденіе.

— Господи, какая путаница! Голова кругомъ идетъ...

— Да, какъ видишь, споръ вѣры съ разумомъ рѣшается не такъ просто, какъ этого хотѣлось бы многимъ.

— Дядя! Не можетъ быть, чтобы вы не составили себѣ хоть какое-нибудь, хоть самое маленькое рѣшеньице, хоть лазейку изъ этого лабиринта!

Алексѣй Петровичъ разсмѣялся.

— Узнаю ужъ не курсистку даже, а просто достойную преемницу симпатичныхъ свойствъ прабабушки Евы. Коли-де у тебя настоящаго рѣшенія задачи не имѣется, такъ ты хоть какою-нибудь мошеннической игрой словъ, хоть явно несостоятельною догадкой, только успокой и утоли алчное любопытство.

— Дядя! Неужто и это только любопытство?

— А ты думала что́ же? Курсы дали тебѣ одну лишнюю потребность и, слѣдовательно, одно лишнее наслажденіе, когда ее можно удовлетворить. Потребность эта называется щекотаніемъ мозговъ ..

— Ахъ, ужъ эти курсы! Вы смѣетесь надъ ними, и въ самомъ дѣлѣ—ну, чему насъ тамъ научили? что́ мы знаемъ? Хорошее „высшее“ образованіе, нечего сказать!

— Я смѣюсь надъ курсами? Избави меня, Боже. Подшучивать надъ моею милою курсисткой, поддразнивать ее—это другое дѣло: люблю, грѣшный человѣкъ. Но курсы — великое, святое дѣло! Не бѣда, что они покуда очень молоды... Зато тѣмъ горячѣе ненавижу я и презираю тѣхъ профессоровъ, которые, изъ-за популярничанья, франтовства или фанатическаго политиканства, позволяютъ себѣ догадки ученыхъ выдавать за истины науки. Фраза: „научныя разслѣдованія еще не успѣли вполнѣ раскрыть (то, что́ пріятно г. профессору)... но, очевидно, это лишь вопросъ

Digitized by Google

времени"— слышится чуть не съ большинства русскихъ ученыхъ каѳедръ. Но чѣмъ она въ сущности благороднѣе шулерскаго вольта?.. Это впрочемъ относится не къ однимъ женскимъ курсамъ, а ко всѣмъ нашимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ.

— Богъ съ ними, дядя! Вы мнѣ давайте рѣшеніе.

— Ахъ, рѣшеніе! Гдѣ мнѣ его взять? И когда его отыщутъ?.. А маленькую, частичную свою *догадку*, изволь, я тебѣ изложу, какъ сумѣю, разумѣется вкратцѣ...

Алексѣй Петровичъ помолчалъ.

— Ну, вотъ въ чемъ суть,—началъ онъ затѣмъ, слегка сдвигая брови,—я не только признаю возможнымъ, но даже совсѣмъ почти увѣренъ, что все наше, такъ называемое, точное знаніе, кромѣ одной математики,—все наше знакомство съ природой,—допускаетъ одинъ существеннѣйшій и громадный промахъ, вслѣдствіе котораго мы и дѣлаемъ столь же существенно-неправильные выводы, какъ только касаемся не частныхъ явленій природы, а посягаемъ на философскія обобщенія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое внѣшній міръ для насъ? Узнаемъ ли мы его непосредственно, въ его дѣйствительной сущности? Конечно, нѣтъ. Мы знаемъ только то, какъ все, воспринятое нашими чувствами,—другими словами, все, прикоснувшееся къ нашему *я* и возбудившее наши нервы къ извѣстной работѣ — отразилось въ нашемъ сознаніи. Такимъ образомъ, наука знакомится не съ явленіями, какъ они есть, не съ самою природой вещей, а лишь съ отраженіями внѣшней ихъ стороны, и въ такомъ зеркалѣ, котораго правдивость мы ни опредѣлить, ни провѣрить не можемъ. Такъ это?

Ольга Сергѣевна молча кивнула головой.

— Ясно, что, при такихъ условіяхъ, мы можемъ изучать лишь ту сторону внѣшняго міра, которою онъ на насъ воздѣйствуетъ. Но гдѣ ручательство, что никакихъ иныхъ сторонъ въ немъ и не существуетъ вовсе? Откуда мы знаемъ, что въ природѣ нѣтъ такихъ свойствъ и силъ, которыя матеріально на насъ *не* воздѣйствуютъ? Наконецъ, почему мы увѣрены, что органы нашихъ чувствъ способны воспринимать и передавать сознанію *всѣ* явленія природы? Напротивъ! Даже наше жалкое знаніе уже обнаружило, что такія, сравнительно грубыя, явленія, какъ, напримѣръ, темнофіолетовый цвѣтъ въ спектрѣ или очень высокіе звуки, совсѣмъ не воспринимаются органами нашихъ чувствъ. Кто же мнѣ скажетъ, сколько милліоновъ явленій еще болѣе недоступнаго характера слѣдуютъ за этими двумя?

Старый профессоръ опять пріостановился.

Digitized by Google

— Понятно ли? спросилъ онъ коротко.

— Да!—кивнула головой Ольга Сергѣевна.

— Хорошо, я продолжаю. Выводъ изъ сказаннаго доселѣ самъ собою ясенъ. Умомъ, логикой мы не только не въ силахъ опредѣлить истинную сущность явленій природы, но даже, легко можетъ быть, вовсе не знаемъ о существованіи цѣлаго новаго порядка этихъ явленій, или нѣсколькихъ порядковъ, игнорируемъ цѣлыя области мірозданія. Поясню это впрочемъ примѣрами. Эффекты свѣта достаточно воспринимаются органами нашихъ чувствъ; и вотъ теорія колебаній свѣтоноснаго эѳира разработана нами до такой степени, что мы даже способны съ полною достовѣрностью предсказать то или другое явленіе въ области свѣта. Но что̀ такое свѣтъ въ сущности? Какъ воздѣйствуетъ онъ и въ чемъ выражается, помимо человѣческаго зрѣнія? Существуетъ ли свѣтоносный эѳиръ въ дѣйствительности? или это только остроумное приспособленіе, ради улобствъ пониманія,— только вилка, которою мы кладемъ кусокъ въ ротъ, но которая ничего общаго съ этимъ кускомъ не представляетъ? Пусть мнѣ отвѣтитъ на эти вопросы хотя самая геніальная логика! Она можетъ лишь смущенно пролепетать, что, на сто шансовъ противъ одного, пресловутый свѣтоносный эѳиръ есть дѣйствительно лишь приспособленіе, вилка.. Обратимся къ другому примѣру. Ты встрѣчаешь человѣка, то есть, явленіе или предметъ, который, подобно всякому другому, вліяетъ на органы твоихъ чувствъ и въ той же мѣрѣ постигается осязаніемъ—ибо зрѣніе и слухъ, въ существѣ дѣла, суть то же осязаніе. Итакъ, человѣкъ дѣлается объектомъ твоего опредѣленія, разслѣдованія и логическаго заключенія. Посредствомъ своихъ чувствъ, ты узнала цвѣтъ волосъ и форму тѣла своего объекта, его способность къ движенію и колебанію воздуха звуками, строеніе тканей его тѣла, роль крови въ его организмѣ, даже, пожалуй, подробно опредѣлила всѣ сорты вредныхъ для здоровья микробовъ и научилась излѣчивать туберкулозъ вѣрнѣе Коха. Словомъ, я допускаю, что въ познаніи физіологическихъ свойствъ твоего объекта ты далеко опередила науку. Но далѣе? Все-таки въ зеркалѣ твоего разума болѣе или менѣе вѣрно отразился лишь внѣшній человѣкъ, и не будь ты сама человѣкомъ, не суди ты по аналогіи, тебѣ не могло бы даже прійти въ голову, что твой объектъ способенъ чувствовать укоры совѣсти, составлять себѣ представленія, наблюдать свой собственный внутренній міръ, впадать въ экстазы чувства, и пр., и пр., Скажи сама: достаточно ли

Digitized by Google

было бы подобное знаніе? А вѣдь аналогія далеко не всегда къ твоимъ услугамъ! Вѣрнѣе сказать, ты могла воспользоваться ею только въ одномъ случаѣ: изучая себѣ подобныхъ. Но въ другихъ-то сотняхъ и тысячахъ случаевъ того же порядка, что могутъ для тебя сдѣлать опытъ и логика, то есть факторы нашей матеріалистической науки? Разумѣется, ничего: ибо они безсильны тамъ, гдѣ безсильно осязаніе. Ясно ли это для тебя, вполнѣ ли ясно?

— Да.

— А если такъ, то мы благополучно пришли къ выводу. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно отрицать, что въ природѣ существуютъ явленія, нашему осязанію недоступныя. Невозможно это уже потому, что въ насъ самихъ таковыя несомнѣнно присутствуютъ, слѣдовательно откуда-нибудь да взялись же. Затѣмъ столь же необходимо признать, что неосязательныя или такъ называемыя сверхчувственныя явленія внѣшней природы непремѣнно находятся въ связи и взаимодѣйствіи съ нашими такими же сверхчувственными свойствами; а поэтому всякія теоріи и обобщенія, игнорирующія эту сторону дѣла, могутъ быть только дѣтски-нелѣпыми и наивными. Между тѣмъ логика и опытъ, въ вопросахъ даннаго порядка, безсильны до очевидности, играютъ самую жалкую, подчиненную роль. Единственно же возможными, дѣйствительно могучими орудіями познанія въ области сверхчувственнаго являются воображеніе, инстинктъ и, какъ высшее его развитіе, вѣра. Такимъ образомъ издѣвательства знанія надъ вѣрой очень похожи на издѣвательство крота надъ зрячими; и такой выводъ совсѣмъ неожиданно подсказывается именно самою же логикой, какъ только она позволитъ себѣ поднять носъ чуточку повыше тлѣннаго праха, въ которомъ вѣчно копается... Ну, довольна ты? Какъ видишь, это даже не совсѣмъ ужъ плохое рѣшеньице, не простая игра словами, а нѣчто посерьезнѣе. Прикидывать нравственное чувство человѣка на аршины либо фунты мы покуда не имѣемъ права.

Ольга Сергѣевна молчала.

Ни довольно жалкія курсовыя ея тетрадки, ни даже частыя бесѣды съ Жоржемъ—безспорно очень умнымъ и многосторонне образованнымъ, но слишкомъ прямолинейнымъ, а главное, неискреннимъ собесѣдникомъ—не пріучили ее быстро, а тѣмъ болѣе критически воспринимать сложную послѣдовательность совершенно новыхъ для нея идей, какія только что высказалъ старый ученый. Пораженная, изумленная и сбитая со всѣхъ

Digitized by Google

своихъ позицій, на которыя всего крѣпче надѣялась, она молчала, думая про себя, чисто по-женски:

„Дура я, и больше ничего! Куда мнѣ равняться съ настоящими умницами! Жоржъ увлекается. Онъ считаетъ меня своимъ товарищемъ, единомышленникомъ—и разочаруется—и полечу я со слишкомъ высокаго пьедестала внизъ"...

Бѣдная, глупенькая дѣвушка, отуманенная самолюбіемъ, не задавалась даже такимъ вопросомъ: правдивъ ли Жоржъ? Вѣроятно ли, чтобъ онъ, самомнящій до насмѣшливаго отношенія къ своему знаменитому отцу, въ самомъ дѣлѣ признавалъ своимъ другомъ и товарищемъ по мысли—кого же?—очень зеленую курсисточку? Не грубая ли это лесть съ его стороны? Не слишкомъ ли дешевая плата за...

Глава IV.

Часъ насталъ.

Впрочемъ, объ отношеніяхъ Жоржа и Ольги Сергѣевны необходимо сказать подробнѣе.

Они, эти отношенія, еще съ лѣта, съ одного памятнаго вечера, переступили границу дозволеннаго...

Но была ли это любовь? была ли хоть страсть?

Да, пожалуй. Жоржъ дѣйствительно вспыхнулъ короткою, но довольно кипучею горячкой крови. За то со стороны Ольги Сергѣевны ни любви, ни страсти не было,—ничего, кромѣ нѣсколькихъ минутъ опьянѣнія, которое вслѣдъ затѣмъ ей же самой казалось противнымъ и грязнымъ,—кромѣ еще нѣсколькихъ минутъ польщеннаго тщеславія, да старательнаго самообмана, да вѣчныхъ страховъ, глухой тоски и даже отчаянія.

Противъ этой тоски и отчаянія она боролась, сколько могла, подавляя ихъ въ себѣ всѣми силами духа. Она оправдывала свое положеніе и осмѣивала свой страхъ всѣми возможными софизмами, занятыми на прокатъ у Жоржа, у нѣкоторыхъ писателей, у знакомыхъ ей ораторовъ изъ учащейся молодежи, которая всегда такъ щедра на оправданіе самыхъ рискованныхъ опытовъ, во имя протеста противъ „буржуазныхъ предразсудковъ". Ольгѣ Сергѣевнѣ дѣйствительно удавалось подтасовать себѣ какую-нибудь оправдательную теорійку и затуманить собственное сознаніе. Но на долго ли? прочно ли?

Вѣдь у нея не было главныхъ союзниковъ для подобной борьбы съ собственною совѣстью, не было ни любви, ни стра-

Digitized by Google

сти. Все кое-какъ держалось покуда большою вѣрой въ умъ и чрезвычайныя достоинства Жоржа, въ непогрѣшимость его сужденій и поступковъ...

А если вдругъ измѣнитъ и эта послѣдняя опора?

Ольгу Сергѣевну погубила та легкомысленная самоувѣренность, то тщеславное желаніе блистать умомъ и знаніями, которыя теперь нерѣдко проявляются у нашихъ женщинъ, и часто замѣняютъ у нихъ былое стремленіе блистать туалетами, свѣтскою любезностью и физическою красотой. Конечно, подобныя эволюціи представляютъ собой шагъ впередъ, и даже не малый шагъ: лучше потратить время на чтеніе, чѣмъ на придумываніе одного какого-нибудь бантика позатѣйливѣе. Однако, нельзя не замѣтить, что наши дамы часто смотрятъ на себя и на свой умственный трудъ сквозь увеличительное стекло. Вѣдь изъ того, что г-жа Ковалевская была женщиной, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы каждая учащаяся барыня непремѣнно выходила тоже Ковалевской. Можно читать, думать, учиться и все-таки оставаться самымъ обыденнымъ, будничнымъ человѣкомъ. Но наши дамы этого секрета еще не постигли...

Георгій Алексѣевичъ хорошо подмѣтилъ слабую струнку Ольги Сергѣевны и воспользовался ею съ полнымъ успѣхомъ. Онъ безсовѣстно кадилъ не красотѣ дѣвушки, дѣйствительно замѣчательной, а ея быстрому, бойкому, показному, но въ сущности довольно поверхностному и нетвердому уму. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень беззастѣнчиво прибѣгалъ къ извѣстному пріему убѣжденія: онъ впередъ и безапелляціонно вѣрилъ въ согласіе своей собесѣдницы съ нѣкоторыми нужными ему теоріями и выводами, такъ какъ „не могъ же онъ допустить, чтобы столь высоко развитая дѣвушка, со своимъ широкимъ и смѣлымъ умомъ, продолжала бы до сихъ поръ коснѣть въ устарѣвшихъ и нелѣпыхъ предразсудкахъ“. Noblesse oblige! Ради поддержанія репутаціи этой умственной своей смѣлости бѣдная дѣвушка соглашалась безропотно даже съ такими заключеніями, которыя втайнѣ претили ея натурѣ; но потомъ понемногу свыкалась съ ними, находила имъ оправданіе, даже дѣлалась ихъ защитницей...

Какъ и всѣ, привыкшіе думать по книгѣ да по указкѣ, Ольга Сергѣевна вообще не отличалась большою самостоятельностью и довольно легко подлавалась чужому вліянію, частенько смѣшивая послѣдній аргументъ съ лучшимъ. А Георгій Алексѣевичъ, человѣкъ вообще недюжинныхъ способностей, благодаря своей ловкой, хотя и не новой тактикѣ, совершенно овладѣлъ

Digitized by Google

умомъ и волею бѣдной дѣвушки, сдѣлавъ ее—подъ лестнымъ титуломъ друга и товарища по мыслямъ—почти безотвѣтною рабой своихъ фантазій.

И всетаки любви, настоящей любви, не было въ сердцѣ Ольги Сергѣевны ни капли! Да врядъ ли и добивался ея Георгій Алексѣевичъ, человѣкъ страстный и пылкій по темпераменту, но весьма холодный и разсчетливый по чувству. Зачѣмъ ему эта любовь? Даже въ моментъ самой пылкой горячки, онъ ни на минуту не допускалъ и мысли связать себя какимъ-либо обязательствомъ, сдѣлать гласный скандалъ, разсориться съ женой и ея родными. Болѣе того: изнывая отъ страсти еще неудовлетворенной, онъ уже хладнокровно разсчитывалъ и предвидѣлъ, что эта вспышка пройдетъ у него такъ же скоро, какъ и другія подобныя, что не худо бы поэтому заранѣе устроить себѣ лазейку, для выхода изъ „неудобнаго положенія", когда оно уже потеряетъ свою прелесть. Понятно, что при такихъ условіяхъ серьезное чувство со стороны дѣвушки могло быть только лишнею опасностью или даже помѣхой для Георгія Алексѣевича, и совсѣмъ не того онъ добивался...

Ольга Сергѣевна, можетъ быть, легче помирилась бы съ невыгодами своего положенія, если бъ оно не грозило великимъ горемъ ея старику-дядѣ и Надеждѣ Александровнѣ. Вопреки собственному мнѣнію, сердце дѣвушки было несравненно лучше и шире ея ума. Профессоръ, Надя были ей дѣйствительно дороги и милы, несравненно дороже и милѣе, въ сущности, чѣмъ Георгій Алексѣевичъ. Она съ ужасомъ, а иногда даже съ безграничнымъ отчаяніемъ представляла себѣ, что можетъ выйти, если эти два горячо любимые человѣка вдругъ узнаютъ объ ея низкой измѣнѣ.

Да! Про себя лично, она, вопреки всѣмъ софизмамъ молодаго Незнамова, не переставала честить свой проступокъ „низкою измѣной", не переставала сознавать, какъ глубоко провинилась она предъ Надей.

Бодрость ея поддерживалъ до сихъ поръ Георгій Алексѣевичъ своимъ рѣшительнымъ утвержденіемъ, будто жена его слѣпа, ограничена, ничего не замѣчаетъ, а главное, такъ слаба, слащаво-добра и безхарактерна, что если бы даже какимъ нибудь чудомъ правда всплыла наружу,—она была бы только восторженно счастлива случаемъ и возможностью лишній разъ повеликодушничать, простить, примириться и забыть.

Убаюкивая свои опасенія съ одной стороны этою пріятною

Digitized by Google

надеждой, а съ другой—софизмами и этическими теоріями Георгія Алексѣевича, Ольга Сергѣевна кое-какъ находила въ себѣ силы жить попрежнему, не слишкомъ терзаясь, и даже принимала иной разъ самое искреннее участіе въ забавахъ и развлеченіяхъ, которыя такъ свойственны ея возрасту.

Однако, изъ всего вышесказаннаго можно судить, какое громовое впечатлѣніе произвелъ на бѣдную дѣвушку разговоръ съ дядей, когда старикъ спокойно, но вѣско уничтожилъ всѣ ея упованія на непроницательность и слабохарактерность Нади, а также вѣру ея въ непогрѣшимость и „научную разумность“ теорій Георгія Алексѣевича. И щитъ, и оружіе были разомъ выбиты изъ рукъ Ольги Сергѣевны; она осталась ни съ чѣмъ предъ гнѣвнымъ призракомъ собственной совѣсти.

Ударъ былъ такъ неожиданъ и жестокъ, что дѣвушка даже не сразу поняла все его значеніе. Умъ ея отказывался тотчасъ же признать вѣрность замѣчаній стараго профессора. „Такъ-ли это, кто знаетъ? Дядя могъ ошибаться или преувеличивать“, говорила она себѣ баиальныя фразы. Но тѣмъ не менѣе она знала, что въ существѣ дѣла дядя правъ; она именно знала это—сердцемъ. Мало этого, она вдругъ поняла или, вѣрнѣе, почувствовала, что Надя—эта будто-бы „слащавая размазня“—давно догадалась объ отношеніяхъ ея къ Жоржу, что Надя даже въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, и простила ихъ... Только это было не то прощеніе, на которое разсчитывалъ Жоржъ. Оно состоялось бы безъ слезъ, безъ сценъ, безъ завѣреній, оставивъ лишь неизгладимый, страшный слѣдъ на лицѣ и въ душѣ простившаго существа. Да, неизгладимый, страшный! Ольга Сергѣевна теперь глазами души видѣла этотъ слѣдъ, понимала „перемѣну“ въ Надѣ, легко уясняла себѣ сотни подробностей, еще недавно пропущенныхъ безъ вниманія, а теперь глубоко значительныхъ...

И, какъ раненый на смерть звѣрь спѣшитъ укрыться отъ всѣхъ въ привычной берлогѣ или въ самомъ глухомъ уголкѣ лѣсной чащи, такъ Ольга Сергѣевна чувствовала потребность убѣжать, запереться, отбросить всѣ мелкія заботы дня, чтобы, оставшись глазъ на глазъ съ собственною совѣстью, дать себѣ полный отчетъ въ значеніи всего, уже совершившагося, разобраться въ нестройномъ хаосѣ своихъ мыслей и желаній, принять наконецъ какое-нибудь рѣшеніе для будущаго. Она дѣйствительно заперлась въ своей комнатѣ и, послѣ перваго потока страстныхъ, неудержимыхъ слезъ, вызванныхъ горечью минуты, заставила себя успокоиться настолько, чтобы думать, не теряя

Digitized by Google

нить собственныхъ мыслей. Но неотвязная, ноющая тоска такою огромною тяжестью лежала у нея на сердцѣ, что выражалась даже чисто-физическимъ угнетеніемъ: Ольга Сергѣевна то и дѣло должна была глубоко вздыхать, чтобы набраться воздуха. Горькія мысли и чувства приходится переживать каждому изъ насъ, въ минуты подобнаго угнетенія, хотя бы даже вызваннаго недостаточными или совсѣмъ ничтожными мотивами... Каково-же достались онѣ, эти минуты, моей бѣдной героинѣ!

Увы! чѣмъ долѣе размышляла Ольга Сергѣевна, тѣмъ ярче и выпуклѣе выступалъ предъ ней весь ужасъ ея положенія, и не только ужасъ, а вѣчный позоръ, жгучая постыдность ея непоправимой ошибки. Надобно, впрочемъ, отдать справедливость дѣвушкѣ: даже мысль объ этомъ личномъ стыдѣ и позорѣ не въ такой степени ее терзала, какъ мысль о неизбѣжномъ крушеніи всѣхъ радостей жизни для Нади и стараго профессора. „Наля ужъ знаетъ, знаетъ"!—говорила себѣ Ольга Сергѣевна. Но что въ томъ, еслибы даже оба они и не подозрѣвали до сихъ поръ о своемъ несчастіи? Вѣдь несчастіе все-таки уже фактъ; оно тутъ, съ ними, и когда-нибудь дастъ имъ почувствовать свою сокрушающую мощь. Истина откроется завтра, черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ—не все-ли равно?—благодаря какой-нибудь ничтожнѣйшей, но именно потому и неотвратимой случайности. А затѣмъ?

Ольга Сергѣевна понимала, что обоимъ людямъ, которые ей дороже всѣхъ на свѣтѣ, нанесенъ ударъ непоправимый, смертельный, нанесенъ именно ею... И ради чего-же? Извѣдала-ли хоть сама-то она опьянѣніе настоящаго блаженства? Испытала ли хоть безумныя, мимолетныя, но жгучія волненія страсти? Что такое для нея „кузенъ Жоржъ"?

Несчастная дѣвушка съ отвращеніемъ и отчаяніемъ говорила себѣ, что кромѣ преступнаго легкомыслія, кромѣ пошлыхъ радостей мелочнаго тщеславія—ничто, ничто не влекло ее къ этому человѣку, котораго она теперь вдругъ почти возненавидѣла. Гдѣ были ея глаза? Какъ не замѣтила она до сихъ поръ его черствости, односторонности и „пошлой самовлюбленности?" Какъ не поняла, что это его яко-бы „смѣлое и благородное" всеотрицаніе въ сущности очень удобно для самого отрицателя, а большую смѣлость предполагаетъ только въ лицахъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло. Наконецъ, какъ она не видѣла всей оскорбительности, всей грубой и чувственной требовательности въ его отношеніяхъ къ ней самой?..

Digitized by Google

О, позоръ! о, мерзость! о, отчаяніе!

Разумѣется, съ этой минуты все и навсегда кончено между ними: она прямо, ясно, даже рѣзко и жестко заявитъ объ этомъ Жоржу. Съ нимъ она не постѣснится, буде окажется надобность. Не его-ли еще жалѣть, въ самомъ дѣлѣ! Но что дальше? Что исправитъ и предотвратитъ этотъ разрывъ? Безумное дѣло сдѣлано, и не вернешь этого никакими мольбами, никакими жертвами, никакимъ раскаяніемъ. Страшная, зловѣщая туча нависла надъ печальною, но мирною старостью много потрудившагося профессора, надъ невиннымъ счастіемъ вѣчно доброй, всепрощающей Нади, и достаточно одной молніи—неизбѣжной, неотвратимой молніи—чтобы разомъ сокрушить и уничтожить оба ни въ чемъ неповинныя существа... Да! А кто именно скопилъ эту молнію зла?

Мало-по-малу, глубокое, страстное отчаяніе овладѣло сердцемъ Ольги Сергѣевны,—отчаяніе безвыходности.

„Не лучше-ли покончить сразу?“ пришла ей въ голову новая мысль.—„Такъ-ли трудно умереть? Нѣсколько мгновеній—и всему конецъ“. Между тѣмъ это единственная возможность, единственная разумная надежда спасти дорогихъ сердцу людей и искупить предъ ними свою вину. О себѣ тутъ думать нечего: все равно, ставка проиграна; и какъ, и чѣмъ теперь отыграешься?

Какъ это всегда бываетъ съ людьми, пока смерть является предъ ними лишь въ видѣ теоретической возможности, какъ разрѣшеніе мучительныхъ задачъ и послѣдній рессурсъ—мысль о добровольномъ концѣ нѣсколько подбодрила и утѣшила Ольгу Сергѣевну. Всегда пріятно сказать себѣ: выходъ изъ даннаго положенія найденъ, онъ въ моихъ рукахъ! Но только въ самыя послѣднія минуты, когда этотъ выходъ дѣлается дѣйствительно необходимымъ и неизбѣжнымъ, становится предъ человѣкомъ лицомъ къ лицу, опредѣляетъ часъ и мѣсто,—только тогда начинаешь ясно понимать, какою именно цѣной приходится купить его! Какъ ни храбрись, цѣна эта крупная до ужаса...

Размышленія Ольги Сергѣевны кончились тѣмъ, что голова у нея стала трещать отъ боли, пульсъ забился съ горячечною быстротой, она почувствовала, что задыхается, и, накинувъ на себя теплый платокъ, торопливо пошла черезъ садъ въ поле. Она не могла болѣе выдержать молчаливой и сосредоточенной бесѣды со своимъ отчаяніемъ. Ей нуженъ былъ просторъ, нужно было двигаться, остановить на чемъ нибудь взглядъ, а главное—

Digitized by Google

нужно было дышать, дышать, дышать... Но ей все-таки еще хотѣлось побыть одной, еще подумать, еще сообразить все окончательно, чтобы встрѣтиться съ людьми, уже имѣя наготовѣ твердое рѣшеніе. Поэтому она рада была, миновавъ садовыя аллеи безъ встрѣчъ и выйдя въ пустынное поле.

Злѣсь она пріостановилась, сознавая себя внѣ опасности, прислонилась къ садовой оградѣ, осмотрѣлась кругомъ и—чуть не вскрикнула отъ боли и удивленія.

Господи! Она столько пережила и перемучилась за эти короткіе часы, что они показались ей чуть не цѣлымъ вѣкомъ. Все, все перевернулось вверхъ дномъ и въ ней самой, и вокругъ нея. Цѣлая жизнь разбилась... И что-же! Здѣсь солнце свѣтитъ такъ-же весело и ясно, какъ свѣтило доселѣ; такъ же безоблаченъ блѣдно-голубой куполъ неба; такъ-же спокойно мглится красивая даль; такъ же нарядна блестящая сѣть бѣлой паутины. . Какой-то полупьяный крестьянинъ, лежа на телѣгѣ, оретъ развеселую пѣсню... Ничто, ничто не измѣнилось въ этой безжалостно, безпощадно-мирной картинѣ природы! Человѣкъ успѣлъ сдѣлаться мучительно-несчастнымъ, потерять все, стать на краю могилы, ужасной, самосудной могилы... А солнце все такъ же горитъ на ничтожныхъ былинкахъ да паутинкахъ мертваго поля!..

— Ха-ха-ха!—сама того не замѣчая, вслухъ разсмѣялась и заговорила Ольга Сергѣевна.—Кто-же сказалъ, что между природой и человѣкомъ есть нѣчто общее? Гдѣ этотъ Богъ, всепримиряющій и всемплосердный? Какая забавная, дѣтская глупость!

— И рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ!—вдругъ произнесъ совсѣмъ близко отъ Ольги Сергѣевны чей-то голосъ, негромкій и спокойный, но глубокій, какъ звукъ органа.

— Что такое? Кто вы?—отпрянула въ испугѣ замечтавшаяся дѣвушка.

Предъ нею стоялъ человѣкъ, еще совсѣмъ молодой—лѣтъ тридцати или тридцати двухъ на видъ—очень худощавый, съ незначительною, заурядною наружностью, съ грубыми руками, явно привычными къ тяжелой работѣ, и плохо одѣтый. На немъ была шапка съ облѣзлою мѣховою выпушкой, потертая и слишкомъ по сезону легкая ряса, да валенки вмѣсто сапоговъ, вслѣдствіе чего, можетъ быть, ему и случилось незамѣтно подойти къ Ольгѣ Сергѣевнѣ.

— Я мѣстный священникъ, сударыня,—сказалъ онъ очень

Digitized by Google

спокойнымъ тономъ.—Простите, что обезпокоилъ; но я два раза обращался къ вамъ съ рѣчью, и вы, въ задумчивости, меня не слыхали... Не вы-ли, позвольте спросить, Ольга Сергѣевна Незнамова?

— Я.

— Такъ вотъ письмецо къ вамъ отъ Надежды Александровны. Я было думалъ въ усадьбу занести,—мнѣ по дорогѣ,—но увидѣвъ здѣсь богато-одѣтую даму, догадался, что кромѣ васъ некому быть, и подошелъ. Еще разъ простите.

Священникъ съ вѣжливымъ поклономъ хотѣлъ уйти.

— Отецъ Николай!—остановила его дѣвушка, хотя съ явною нерѣшительностью.—Кажется, вѣдь такъ?

— Да. Что вамъ угодно?

— Говорятъ... говорятъ, будто вашъ покойный дядя творилъ чудеса и помогалъ даже отчаявшимся. Такъ это?

— Чудесъ онъ не творилъ, да это и не во власти человѣческой; а молился, по мѣрѣ силъ, дѣйствительно за всякаго, кто прибѣгалъ къ нему во имя Божіе.

Священникъ усиленно оттѣнилъ послѣднія три слова.

— Я хотѣла-бы, искренно хотѣла-бы вѣрить, отецъ Николай! Я заблудилась въ потемкахъ и ищу выхода.

На одно мгновеніе простой и какъ-бы разсѣянный взглядъ священника вдругъ загорѣлся такимъ внутреннимъ свѣтомъ, такою глубиной мысли, что Ольга Сергѣевна почти испугалась. Но этотъ свѣтоносный взглядъ исчезъ такъ же быстро, какъ и появился; дѣвушкѣ могло казаться, будто ей померещилось.

— Потемки зла и лжи разсѣиваются молитвой и покаяніемъ. Прежде всего, повинитесь не только предъ Богомъ, но и предъ тѣми, кто вами обиженъ. Только тогда вы получите возможность молиться не словами, а сердцемъ.

— А если своею откровенностью я сдѣлаю обиженнымъ новое, непоправимое зло?

— Правда и любовь — ибо безъ любви нѣтъ покаянія — не могутъ творить зло; а сокрытый грѣхъ непремѣнно грязнитъ душу.

Дѣвушка поникла въ раздумьи головой... А священникъ съ вѣжливымъ поклономъ удалился.

— Да пребудетъ надъ вами неисчерпаемая милость Господа!— сказалъ онъ на прощанье, и Ольгѣ Сергѣевнѣ почудилась въ этихъ простыхъ словахъ, или въ голосѣ, которымъ они были произнесены, какая-то особенная мягкость и грусть. Но когда

Digitized by Google

она подняла голову, чтобы отвѣтить чѣмъ-нибудь на привѣтъ, отецъ Николай уже былъ въ нѣсколькихъ шагахъ, спиной къ ней.

— Фу!—провела она рукой по своимъ глазамъ, точно просыпаясь.—Можетъ-же человѣкъ довести себя до этого! Толковала съ какимъ-то сельскимъ попомъ, чуть не благоговѣя; видѣла въ его словахъ какой-то особенный внутренній смыслъ... А вѣдь и фразы-то все были такія казенно-поповскія, прописныя... Кажется, я съ ума схожу... Это не мудрено въ моемъ положеніи, конечно; но нужно взять себя въ руки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ѳ. Ромеръ.

Digitized by Google

КЛАССИЦИЗМЪ, КАКЪ НЕОБХОДИМАЯ ОСНОВА ГИМНАЗИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.[1]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Историческій очеркъ развитія средней школы въ Германіи.

VI.

Дальнѣйшее развитіе и послѣдствія происшедшаго въ Германіи преобразованія школы. Отношенія церкви и государства къ школѣ (въ особенности въ Пруссіи). Причины, вызвавшія обостреніе въ спорѣ о системахъ образованія. Вліяніе на школу волненій 1848 г. Реакція пятидесятыхъ годовъ. Измѣненія въ учебномъ планѣ гимназій, предпринятыя въ 1856 г. Изданіе положенія о реальныхъ училищахъ 1859 г. Петиціи о расширеніи правъ реальныхъ училищъ. Мѣры, предпринятыя правительствомъ для выясненія вопроса о томъ, какія права могутъ быть предоставлены реальнымъ учебнымъ заведеніямъ. Вліяніе 1866 г. и 1870 г. на объединеніе школьнаго дѣла въ Германіи. Все усиливающееся возбужденіе общественнаго мнѣнія по школьному вопросу. Возрастающее значеніе „вопроса о правахъ“. Реформа 1882 г.

Мы видѣли такимъ образомъ, что въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія не въ одной только Пруссіи, но и во всей Германіи завершилась, хотя въ разныхъ формахъ, но въ тожественномъ направленіи, учебная реформа, начавшаяся въ концѣ XVIII вѣка, съ одной стороны въ зависимости отъ измѣнившихся условій государственной и общественной жизни, а съ другой стороны подъ вліяніемъ новаго разцвѣта гуманизма, совпадающаго съ быстрыми успѣхами наукъ во всѣхъ областяхъ знаній.

[1] См. *Русское Обозрѣніе* №№ 1, 2 и 3.

Digitized by Google

Реформа эта безспорно представляетъ собой одинъ изъ важнѣйшихъ фазисовъ развитія германской культуры и знаменуетъ для средняго образованія въ Германіи переходъ къ эпохѣ новѣйшей ея исторіи. Школа наконецъ вышла изъ того расшатаннаго, почти близкаго къ погибели, положенія, въ которое она была приведена столько же сторонниками всевозможныхъ новыхъ, часто фантастическихъ мечтаній и педагогическихъ теорій, желавшихъ порвать всякую связь съ историческимъ прошлымъ, какъ и обветшалостью старыхъ пріемовъ воспитанія, удержавшихся по рутинѣ въ большинствѣ школъ, несмотря на то, что они давно не соотвѣтствовали требованіямъ времени. Лучшимъ же доказательствомъ того, что путь, избранный реформой, то-есть укрѣпленіе гуманитарнаго образованія, былъ вѣренъ, служатъ столько же результаты новаго, какъ и прошлаго времени, ибо точно также какъ и въ былое время, все, что было выдающагося въ самыхъ различныхъ областяхъ просвѣщенія, выросло на почвѣ подготовительнаго гуманитарнаго образованія, такъ точно всѣ, или во всякомъ случаѣ громадное большинство блестящихъ представителей безпримѣрнаго научнаго прогресса, составляющаго гордость и славу нашего времени, получили свое первоначальное образованіе и подготовку къ дальнѣйшей научной дѣятельности въ той именно классической школѣ, которую въ наши дни столь многіе стремятся разрушить, чуть ли не съ бо́льшимъ легкомысліемъ, чѣмъ того желали болѣе ста лѣтъ тому назадъ пресловутые филантропы и множество другихъ мечтателей, бредившихъ о совершенной ломкѣ всего существующаго просвѣщенія, безъ всякой связи съ прошлымъ, на основаніи однихъ ихъ теоретическихъ умствованій. Между тѣмъ казалось бы несправедливо относиться столь безразлично къ тому несомнѣнному факту, что въ исторіи новаго времени съ эпохой упроченія въ школѣ гуманитарнаго образованія уже дважды совпадалъ періодъ высшаго и наиболѣе быстраго успѣха просвѣщенія, ибо едва ли кто либо станетъ отрицать, что подобно тому, какъ со временами первыхъ гуманистовъ совпадаетъ эпоха возрожденія наукъ и искусствъ, точно также періодъ постепеннаго обновленія гуманитарнаго образованія въ теченіе XVIII и въ началѣ нашего столѣтія, совпадаетъ съ самою блестящею эпохой разцвѣта литературы и наукъ,—эпохой, въ которой открытіе слѣдуетъ за открытіемъ, когда возникаютъ цѣлыя новыя науки, а старыя (въ области исторіи, юриспруденціи, математики и естествознанія, филологіи и т. д.) обогащаются не

Digitized by Google

только драгоцѣннымъ матеріаломъ, но и новыми способами и методами изслѣдованія, открывающими человѣчеству новые горизонты и новые міры. [1]

Позднѣйшая исторія средней школы въ Германіи представляетъ собою повсемѣстное развитіе тѣхъ же явленій и принциповъ, о которыхъ мы говорили по поводу реформы прусскихъ гимназій. Всюду государственная власть пріобрѣтаетъ господствующее положеніе въ школѣ и окончательно принимаетъ въ свои руки наслѣдіе церкви, сословій и разныхъ корпорацій, отъ которыхъ въ прежнее время главнымъ образомъ зависѣла школа, но которыя въ теченіе XVIII столѣтія уже утратили прежнее вліяніе и значеніе. При чемъ по мѣрѣ усиливающагося стремленія къ объединенію Германіи, постепенно сглаживается и различіе въ организаціи школъ разныхъ частей Германіи, и сохранятся лишь нѣкоторыя,—хотя впрочемъ не маловажныя,—мѣстныя особенности, которыми отдѣльныя государства продолжаютъ дорожить и понынѣ. Пруссія начинаетъ играть все болѣе и

---

[1] Мы далеки отъ мысли приписывать какому бы то ни было среднему образованію чудодѣйственную силу и утверждать, будто бы новѣйшая цивилизація обязана всѣмъ своимъ прогрессомъ господству въ школѣ классической системы образованія. Мы полагаемъ, напротивъ, что думать, будто среднее образованіе можетъ двигать науку и создавать цивилизацію, болѣе чѣмъ ошибочно. Мы не сомнѣваемся, что общій прогрессъ человѣчества и культуры народовъ зависитъ отъ гораздо болѣе глубокихъ и сложныхъ условій, чѣмъ организація средней школы, и думаемъ, что задача этой школы гораздо болѣе скромная и что сама по-себѣ она ничего еще не создаетъ, а можетъ только служить подготовкой для дальнѣйшаго образованія; но тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что правильная постановка этой подготовки представляетъ собою вопросъ первостепенной важности, и что отъ способа его рѣшенія зависитъ многое—хотя разумѣется далеко не все—въ культурной жизни народа, въ чемъ, мы надѣемся, съ нами согласятся и противники классицизма, такъ какъ иначе имъ не стоило бы тратить такъ много силъ на созданіе новыхъ теорій образованія и на попытки разрушить существующее. Разсматривая дѣло съ этой точки зрѣнія, мы и рѣшаемся обратить вниманіе на то, что классическая школа, при самыхъ различныхъ условіяхъ, съ успѣхомъ выполняла въ теченіе столѣтій и нынѣ столь же успѣшно выполняетъ задачу школы, подготовляющей къ высшему образованію, чѣмъ безспорно, мы думаемъ, доказала, что языкознаніе, и притомъ именно систематическое, научное изученіе языковъ, не только является превосходнѣйшимъ образовательнымъ средствомъ, но обладаетъ сверхъ того еще такою гибкостью и способностью приспособляться къ самымъ разнообразнымъ воспитательнымъ требованіямъ, что едва ли разумно было бы отказываться отъ изученія языковъ какъ главной основы общаго средняго образованія

Digitized by Google

болѣе руководящую роль, и въ ней типичнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проявляются результаты и послѣдствія новыхъ порядковъ, а потому исторія школьнаго вопроса въ этомъ именно государствѣ получаетъ наибольшее значеніе для предпринятаго нами изслѣдованія, почему мы и обратимъ особое вниманіе на дальнѣйшее развитіе прусскихъ гимназій.

Прежде всего заведеніямъ этимъ пришлось испытать на себѣ, даже еще до полнаго завершенія реформы, послѣдствія измѣнившихся отношеній къ ней церковнаго вѣдомства, и новаго положенія, занятаго по отношенію къ школѣ правительствомъ.

Пока учительскій персоналъ состоялъ изъ теологовъ, духовенство смотрѣло на преподавателей, какъ на собратьевъ, всегда могущихъ вступить въ его среду, и благосклонно относилось къ нимъ; съ установленіемъ же новыхъ порядковъ, ставящихъ учительское званіе въ зависимость отъ особыхъ испытаній и дающихъ тѣмъ самымъ преимущество свѣтскимъ элементамъ, прежнія отношенія духовенства къ школѣ существенно измѣнились; оно стало относиться къ секуляризированной школѣ съ недовѣріемъ, тѣмъ болѣе, что оно долго не могло забыть, что еще недавно школа, находясь подъ надзоромъ и въ вѣдѣніи ея органовъ, то-есть духовныхъ консисторій, занимала по отношенію къ церковному управленію подчиненное мѣсто. Послѣдствіемъ такихъ измѣнившихся отношеній духовенства къ школѣ явилось недоброжелательство къ свѣтскимъ учителямъ и обвиненіе ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой школы, въ уклоненіи отъ духа христіанства и въ увлеченіи языческими идеалами древнихъ грековъ и римлянъ. Подобныя обвиненія, примѣнимыя развѣ въ видѣ исключенія къ нѣкоторымъ фанатикамъ новаго гуманизма, получили тѣмъ не менѣе, несмотря на всю свою неосновательность, по отношенію къ общему направленію средней школы, широкое распространеніе и проникли въ правящія сферы, подрывая авторитетъ школы и довѣріе къ ней. Къ этому присоединились невыгодныя для школы послѣдствія политической реакціи, начавшейся послѣ вѣнскаго конгресса, проникнутой недовѣріемъ и страхомъ передъ новыми и философскими и политическими ученіями, и склонной всюду и во всемъ видѣть проникновеніе этихъ идей въ школу. Къ какимъ послѣдствіямъ для школы вело господство среди правительства подобнаго направленія, можно лучше всего видѣть изъ того, что еще во время министерства Алтенштейна, въ 29-хъ годахъ (и подъ вліяніемъ Камптца (Kamptz), совмѣщавшаго должность министра

Digitized by Google

полиціи съ управленіемъ отдѣломъ просвѣщенія въ министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ), былъ изданъ рядъ предписаній, вмѣнявшихъ провинціальнымъ правительственнымъ учрежденіямъ въ обязанность слѣдить за благонадежнымъ образомъ мыслей и поведеніемъ преподавателей и, подъ опасеніемъ отвѣтственности, немедленно доносить министерству о всякомъ уклоненіи учителей отъ добраго пути. [1] Рядомъ съ этимъ въ прусскомъ правительствѣ стала усиливаться нетерпимость къ выраженію мыслей, несогласныхъ съ его видами, не только въ политическихъ вопросахъ, но и въ области чисто педагогическихъ воззрѣній; такъ, напримѣръ, когда въ 1828 г. профессоръ Раумеръ коснулся въ брошюрѣ о городскомъ управленіи вопроса объ организаціи прусскихъ гимназій и высказалъ мнѣнія, сходныя съ взглядами Тирша, отзывавшагося, какъ мы знаемъ, не вполнѣ одобрительно о прусскихъ школьныхъ порядкахъ, то министерство сперва сдѣлало Раумеру выговоръ, а когда онъ осмѣлился возражать, оштрафовало его десятью талерами. Нѣсколько позднѣе тотъ же Раумеръ чуть было не лишился профессорскаго мѣста вслѣдствіе полученныхъ въ Берлинѣ изъ Петербурга свѣдѣній о томъ, что изъ переписки одного изъ слушателей Раумера, проживавшаго въ Польшѣ, усмотрѣно, что Раумеръ въ своихъ лекціяхъ рѣзко осуждаетъ политику, поведшую къ раздѣлу Польши. Только благодаря тщательному разслѣдованію, которое обнаружило, что сообщенныя свѣдѣнія основаны на недоразумѣніи, Раумеръ сохранилъ свое положеніе.

Суровое и недовѣрчивое отношеніе къ учебнымъ заведеніямъ еще усилилось во время министерства Эйхгорна, особенно со вступленіемъ въ должность члена совѣта-докладчика по университетскимъ и гимназическимъ дѣламъ, Эйлерса. Въ это время офиціозныя газеты, стоявшія въ близкихъ отношеніяхъ къ министерству, примкнувъ къ духовенству, переполнились рѣзкими изобличеніями гимназій въ упадкѣ христіанскаго духа, благодаря будто бы господству въ нихъ языческихъ воззрѣній. Въ это же время, при ревизіяхъ, производимыхъ Эйлерсомъ и его сотрудниками, на разслѣдованіе образа мыслей учителей и учениковъ обращалось едвали не больше вниманія, чѣмъ на самое преподаваніе, причемъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ из-

[1] Распоряженія эти можно найти въ книгѣ Нейгебауера: Die preussischen Gymnasien und höheren Bürgerschulen. Neihebauer. Berlin 1835 г.

Digitized by Google

слѣдованія признавалась повѣрка темъ, задаваемыхъ для сочиненій, и ознакомленіе съ самыми сочиненіями. Нерѣдко самые почтенные директора стали получать отъ министерства выговоры, по поводу замѣченной при ревизіи излишней, по мнѣнію ревизоровъ, склонности къ критикѣ и разсужденію, даже въ сочиненіяхъ на чисто литературныя темы. Для характеристики общаго направленія, котораго прусское правительство держалось въ 40-хъ годахъ, во время министерства Эйхгорна, приведемъ выписку, изъ брошюры Эйлерса, главнаго сотрудника Эйхгорна, появившейся уже послѣ его паденія въ 1849 году подъ заглавіемъ „Zur Beurtheilung des Ministeriums Eichhorn, von einem Mitgliede dess elben", долженствовавшей служить оправданіемъ образа дѣйствій министерства. Въ брошюрѣ этой Эйлерсъ высказываетъ взглядъ свой на положеніе университетовъ, ясно характеризующій отношеніе министерства къ дѣлу образованія. „Задача ихъ (университетовъ)", между прочимъ говоритъ Эйлерсъ (стр. 130), „должна была бы заключаться въ томъ, чтобы доводить ввѣренныхъ ихъ попеченію учащихся до той степени религіозно-нравственнаго развитія и до той степени теоретическихъ и практическихъ знаній, а равно укрѣплять ихъ въ томъ добромъ и благомъ образѣ мыслей, которые дѣлали бы ихъ способными къ службѣ церкви и государству, а равно и ко всякой другой дѣятельности, требующей высшаго образованія. Никакой здравомыслящій человѣкъ не станетъ утверждать, чтобы подобная задача не соотвѣтствовала назначенію университетовъ, или была недостаточно возвышена и недостойна ихъ. Нація имѣла поэтому право ожидать хотя бы приблизительнаго достиженія этой цѣли. Образъ мыслей и направленіе молодаго чиновничества (der jüngeren Beamtenwelt), а равно мысли, высказанныя въ литературныхъ произведеніяхъ и молодыми учеными, доказываютъ, однако, что университеты не оправдали этихъ ожиданій. Ибо въ нихъ зародился и подъ вліяніемъ ихъ историческихъ и политическихъ ученій возросъ тотъ духъ волненія, копошащійся въ нѣдрахъ общества (der in den Tiefen wülende Geist), который, въ случаѣ продолжительнаго его господства, грозитъ въ скоромъ времени погибелью всему существующему строю и самимъ университетамъ".

Не трудно себѣ представить, какъ подобные взгляды правительства на университеты должны были отразиться на его отношеніяхъ къ среднеучебнымъ заведеніямъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что все усложняющееся требованіе фор-

Digitized by Google

мальнаго образовательнаго ценза и связанная съ симъ система правъ, даруемыхъ учебнымъ заведеніямъ, дали въ руки правительства могущественное средство для подчиненія своимъ требованіямъ всѣхъ школъ, не исключая частныхъ и общественныхъ, въ учрежденіи и содержаніи коихъ оно или вовсе, или очень мало участвовало; ибо конкурренція школъ, не пользующихся правами, съ тѣми, которыя ихъ получали, становилась все затруднительнѣе, а въ концѣ-концовъ стала почти невозможною [1].

Вообще, начиная со второй четверти нашего столѣтія, значеніе „вопроса о правахъ", присвоиваемыхъ дипломамъ учебныхъ заведеній (das Berechtigungswesen), постоянно возрастаетъ. Требованіе свидѣтельства объ окончаніи курса школы той или другой категоріи, установленное первоначально преимущественно для опредѣленія льготъ по воинской повинности, получило постепенно широкое примѣненіе во всѣхъ вѣдомствахъ и образовало—особенно въ Пруссіи—цѣлую сложную систему правъ, затрогивающихъ интересы всѣхъ классовъ населенія и всѣ области государственной, общественной и, въ значительной мѣрѣ, даже частной дѣятельности, такъ какъ полученіемъ диплома того или другого средне-учебнаго заведенія сталъ обусловливаться, какъ доступъ ко всѣмъ безъ исключенія видамъ высшаго образованія, такъ и возможность не только поступленія на какую бы то ни было службу, но и дальнѣйшаго движенія въ ней [2].

Не подлежитъ сомнѣнію, что первоначально въ основу тре-

---

[1] Въ настоящее время въ законодательныхъ собраніяхъ, въ преніяхъ по школьному вопросу, постоянно встрѣчаются прямыя указанія на то, что существованіе различныхъ типовъ школъ возможно лишь настолько, насколько правительство даетъ имъ права, безъ которыхъ самое существованіе учебныхъ заведеній стало немыслимо.

[2] Нужно имѣть въ виду, что въ Германіи существуетъ нѣсколько ступеней служебныхъ экзаменовъ, при чемъ низшіе экзамены открываютъ доступъ къ извѣстной, довольно ограниченной, категоріи низшихъ должностей; для занятія же высшихъ служебныхъ положеній требуется высшій экзаменъ; между тѣмъ для самаго допущенія къ тому или другому служебному экзамену требуется представленіе опредѣленнаго диплома учебнаго заведенія. Очень долго отъ полученія аттестата зрѣлости классической гимназіи зависѣло не только право поступленія въ университетъ,—что было бы вполнѣ естественно, такъ какъ назначеніе гимназій и есть приготовленіе къ университету,—но и возможность поступленія и въ большую часть другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а равно и право быть допущеннымъ къ высшимъ служебнымъ экзаменамъ. Такъ, напри-

Digitized by Google

бованія образовательнаго ценза и установленія системы правъ, связанныхъ съ дипломами, легли самыя благія намѣренія. Въ требованіи формальнаго образовательнаго ценза отъ лицъ, желающихъ посвятить себя государственной службѣ, или нѣкоторымъ родамъ общественной и даже частной дѣятельности, государство выразило просвѣщенное сочувствіе и уваженіе къ образованію, официально признавъ высокую цѣну, которую оно придаетъ ему. И дѣйствительно, нельзя не признать, что требованіе для поступленія на службу формальнаго образовательнаго ценза, то-есть дипломовъ и свидѣтельствъ учебныхъ заведеній, на первыхъ порахъ принесло существенную пользу, значительно повысивъ общій уровень служащихъ на всевозможныхъ поприщахъ, но очень скоро стала обнаруживаться обратная сторона дѣла и такія неблагопріятныя послѣдствія, которыя едвали искупались достигнутыми выгодами: получивъ такое значеніе, отъ котораго стала зависѣть самая возможность существованія учебныхъ заведеній, вопросъ о правахъ, даруемыхъ правительствомъ той или другой категоріи школъ, будучи перенесенъ, такъ сказать, въ самое сердце школы, вмѣсто того, чтобы стоять внѣ ея, неизбѣжно повлекъ за собою искаженіе отношенія школы къ самому существу учебнаго дѣла, извратилъ отношеніе общества къ образованію вообще и къ школѣ въ особенности и въ концѣ-концовъ повелъ къ общему пониженію образовательнаго уровня школы. Съ одной стороны учебныя заведенія, не будучи въ состояніи существовать безъ правъ, попали въ такое положеніе, при которомъ они, ради полученія привилегій, ставились въ необходимость отказываться отъ самыхъ существенныхъ сторонъ своей учебной организаціи и включать въ свой курсъ новые предметы, или ослаблять преподаваніе другихъ, хотя бы таковые имѣли первенствующее значеніе для достиженія образовательныхъ цѣлей, намѣченныхъ

мѣръ, еще въ 60-хъ и даже частью въ 70-хъ годахъ гимназическій аттестатъ зрѣлости составлялъ необходимое условіе занятія высшихъ должностей по такимъ вѣдомствамъ, какъ почтовое, лѣсное, строительное и т. д. По отношеніи къ послѣднему (Baufach) происходили даже любопытныя колебанія, и въ 1886 году права, ранѣе предоставленныя въ этомъ вѣдомствѣ воспитанникамъ высшихъ реальныхъ училищъ (Ober Realschulen съ 9-тилѣтнимъ курсомъ), были у нихъ отняты. Въ настоящее время перечисленіе правъ, даваемыхъ аттестатами объ окончаніи курса учебныхъ заведеній разныхъ категорій, или свидѣтельствъ о прохожденіи нѣкоторыхъ классовъ, составляетъ тетрадку въ нѣсколько печатныхъ страницъ.

Digitized by Google

данною школой [1]. Съ другой стороны система правъ, связанныхъ съ дипломами, затрогивая самые разнообразные, жизненные интересы общества (которое при томъ, какъ мы видѣли выше, утратило возможность собственными силами удовлетворять свои образовательныя потребности), обратила погоню за правами въ такую необходимость, которая, постепенно затмевая для огромнаго большинства общества пониманіе истинныхъ интересовъ просвѣщенія, отодвинула ихъ на второй планъ. Въ то же время значеніе подобнаго отношенія общества къ образованію усугубилось еще тѣмъ, что получило развитіе въ такую эпоху, когда по весьма сложнымъ причинамъ (соціальнаго, экономическаго и общегосударственнаго свойства) по отношенію къ школѣ получили преобладаніе узко-утилитарные взгляды, подъ вліяніемъ которыхъ среди юношества все болѣе и болѣе укоренялось мнѣніе, будто все, изъ чего нельзя извлечь непосредственной выгоды, все, изъ чего, какъ говорится, сейчасъ же шубы сшить нельзя,— безполезно, и не заслуживаетъ вниманія. Понятно, что подобное настроеніе общества могло лишь самымъ пагубнымъ образомъ отозваться на школѣ, давъ положительный перевѣсъ надъ стремленіемъ къ серіозному образованію желанію получить какъ можно легче сколь возможно болѣе льготъ и преимуществъ.

Ко всему этому присоединилось еще то обстоятельство, что при трудности конкурировать съ правительственными заведеніями и вообще съ школами „установленнаго типа“, получившими права, число и разновидность частныхъ учебныхъ заведеній съ теченіемъ времени стали все болѣе и болѣе сокращаться (мы причисляемъ къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ и общественныя школы, организованныя безъ участія правительства и съ отступленіемъ отъ общепринятаго образца), постепенно утрачивая то значеніе, которое подобныя заведенія въ прежнее время имѣли для школьнаго дѣла въ Германіи, какъ, напримѣръ, на распространеніе въ области начальнаго образованія возвышенныхъ идей Песталоцци, въ каковомъ отношеніи частная иниціатива играла первенствующую роль. Въ прежнее время такого рода заведенія давали съ одной стороны обществу возможность удовлетворять свои менѣе общія, частныя или спеціальныя потребности, а съ другой стороны служили какъ

[1] Этимъ въ значительной степени объясняется включеніе латинскаго языка въ программы прусскихъ реальныхъ училищъ, получившихъ первоначально наименованіе училищъ 1-го разряда, а впослѣдствіи реальныхъ гимназій.

Digitized by Google

бы полезными опытными станціями, въ которыхъ въ сравнительно ограниченныхъ размѣрахъ испытывались и провѣрялись новыя педагогическія идеи и воспитательные пріемы, при чемъ въ случаѣ успѣха они получали широкое примѣненіе, а при неудачѣ вредъ, который они могли бы принести, оставался частнымъ и, при своевременномъ принятіи должныхъ мѣръ, могъ, въ большинствѣ случаевъ, быть устраненъ или умаленъ, даже по отношенію къ тѣмъ, которые отъ него пострадали. При новыхъ же порядкахъ положеніе дѣла совершенно измѣнилось: всякій опытъ, получающій высшую санкцію, являлся,—въ особенности, если съ нимъ связывалось предоставленіе правъ (безъ чего обыкновенно и самое произведеніе опыта было бы невозможно)—какъ бы правительственною мѣрой, которая неизбѣжно получала преждевременное значеніе, а нерѣдко и обобщеніе, даже помимо прямого желанія власти, уже въ силу одного того, что въ самомъ разрѣшеніи опыта выражалось какъ бы одобреніе. Подобное же обобщеніе въ свою очередь вредно вліяло на общій ходъ и правильное развитіе школьнаго дѣла, внося въ него смуту и сбивчивость понятій [1]. Еще болѣе чувствительнымъ для общества явилось то обстоятельство, что затрудненіе

[1] Само собою разумѣется, что во всѣ времена возможны были, и дѣйствительно встрѣчались, колебанія во взглядахъ на школу, и наступали періоды неустойчивости и склонности къ поспѣшнымъ и недостаточно обоснованнымъ требованіямъ (примѣромъ можетъ служить движеніе, вызванное филантропинистами, о которыхъ мы говорили), но въ наше время положеніе осложняется тѣмъ, что въ разрѣшеніи возникающихъ вопросовъ первенствующую роль стала играть всесильная государственная власть, благодаря чему всякое неудачное мѣропріятіе, или примѣненіе неудачной идеи, отзывается на школѣ болѣе чувствительно и болѣе роковымъ образомъ, въ особенности въ виду того, что „система правъ“ создала для правительства заколдованный кругъ, изъ котораго ему очень трудно выйти. Такъ, напр., нельзя съ одной стороны не сочувствовать направленію, принятому въ послѣднее время Прусскимъ правительствомъ, сознавшимъ необходимость дать бо́льшій просторъ развитію новыхъ типовъ школъ, отступающихъ отъ общеустановленныхъ образцовъ, но въ то же время нельзя закрывать глаза на то, что правительственная санкція придаетъ каждому разрѣшенному опыту такое значеніе, при которомъ быстро создается *мода на новые виды школы* и возникаетъ поспѣшное подражаніе такимъ начинаніямъ, результаты которыхъ еще неизвѣстны. Такъ, напримѣръ, опытъ съ „Reformgymnasium во Франкфуртѣ на Майнѣ, потребовавшій огромной затраты матеріальныхъ средствъ и педагогическихъ силъ—вызвалъ уже подражаніе со стороны многихъ городовъ (ихъ, насколько намъ извѣстно, 11), несмотря на то, что новая гимназія еще не довела ни одного выпуска до конца курса.

Digitized by Google

въ образованіи новыхъ типовъ школъ стало возрастать въ то именно время, когда образовательныя потребности общества усложнились, требуя все большаго и большаго разнообразія средствъ для своего удовлетворенія. Между тѣмъ, возможность удовлетворенія возникающихъ въ обществѣ новыхъ стремленій почти всецѣло перешла въ руки правительства, которое, благодаря сложности государственнаго механизма, можетъ сообразоваться лишь съ болѣе общими нуждами и не въ состояніи идти навстрѣчу болѣе частнымъ потребностямъ, которыя, не получая удовлетворенія, порождаютъ въ обществѣ чувство стѣсненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неудовольствія противъ школы.

Въ совокупности этихъ обстоятельствъ кроется одна, хотя, разумѣется, не единственная причина той страстности, съ которою ведется въ наше время споръ по поводу разныхъ системъ образованія. Такой взглядъ нашъ находитъ себѣ вѣское подтвержденіе въ томъ, что борьба между разными системами достигаетъ наибольшаго ожесточенія въ тѣхъ именно государствахъ, правительства коихъ съ наибольшею настойчивостью подчиняютъ школу своимъ требованіямъ, давая возможно меньшую свободу самостоятельному ея развитію. Такъ мы видимъ, что школьный вопросъ наиболѣе обострился въ Пруссіи (и въ находящейся подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ сѣверной и центральной Германіи), особенно склонной, по характеру всей своей государственной организаціи, къ регламентаціи и неуклонному подчиненію своимъ требованіямъ всѣхъ сторонъ и всѣхъ подробностей школьной жизни, въ то время какъ тотъ же споръ въ южной Германіи вызываетъ несравненно меньшее озлобленіе и ведется гораздо болѣе мирнымъ образомъ.

Въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ указываемыя нами стороны жизни школы получили полное развитіе и въ смутное время 1848 и 1849 года выступили наружу съ особою рѣзкостью, ясно обнаруживъ при этомъ, насколько при данныхъ условіяхъ школьный вопросъ сталъ въ зависимость и въ связь съ политикой и политическими движеніями.

Съ самаго начала волненій 1848 года рядомъ съ многочисленными политическими собраніями появилось подъ разными наименованіями множество педагогическихъ конференцій, съѣздовъ и т. п., стремившихся играть роль маленькихъ парламентовъ и до такой степени подражавшихъ пріемамъ сихъ послѣднихъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ принято было, напримѣръ, дѣленіе членовъ собраній на правую, центръ, лѣвую и т. д.

Digitized by Google

Съѣзды и конференціи эти возникали частью по созыву правительства, частью по иниціативѣ педагогическаго персонала, разныхъ кружковъ, обществъ и частныхъ лицъ. Обсужденію подвергались не только вопросы учебнаго и педагогическаго свойства, или касающіеся организаціи школы, но и вопросы о высшемъ управленіи дѣлами просвѣщенія. Такъ, напримѣръ, собраніе учителей королевства Саксонскаго высказало требованіе, чтобы члены совѣта министерства Народнаго Просвѣщенія, завѣдывающіе дѣлами средняго образованія, назначались не иначе, какъ изъ числа лицъ, признанныхъ большинствомъ голосовъ учительскаго сословія во всемъ королевствѣ, заслуживающими особаго довѣрія. Въ Галле было, между прочимъ, предложено образовать для управленія учебнымъ дѣломъ провинціальныя коллегіи, составляемыя на половину по избранію учителей данной провинціи. По отношенію къ административному устройству самихъ учебныхъ заведеній на томъ же съѣздѣ высказывалась мысль о необходимости ограничить права и власть директоровъ, которые въ качествѣ primi inter pares должны были бы только предсѣдательствовать въ педагогическихъ совѣтахъ, облеченныхъ какъ бы Верховною властью (im suveränen Lehrercollegium präsidiren) и исполнять ихъ велѣнія.

Но само собою разумѣется, что, наряду съ вопросами о порядкѣ общаго управленія дѣлами просвѣщенія, возникли и вопросы, касающіеся непосредственно организаціи гимназій, и того мѣста, которое онѣ должны занимать въ общей системѣ средняго образованія; обсуждалось устройство учебной части, а равно вопросъ о значеніи, которое долженъ занимать въ учебномъ планѣ каждый предметъ, и въ особенности древніе языки. По всѣмъ этимъ вопросамъ было высказано не мало дѣльныхъ мыслей, но въ общемъ собранія отличались страстностью и склонностью увлекаться, въ чисто учебномъ дѣлѣ, общими государственными и политическими соображеніями; притомъ число и разнообразіе предложеній было всюду такъ велико, что собранія не были въ состояніи прійти къ какимъ либо окончательнымъ и практическимъ рѣшеніямъ.

Засимъ, хотя, за немногими исключеніями, постановленія и рѣшенія многочисленныхъ собраній 1848 года не получили осуществленія на дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя обойти молчаніемъ, такъ какъ они представляютъ несомнѣнный интересъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ обнаружились стремленія общества и педагогическія воззрѣнія, которыя, продолжая раз-

Digitized by Google

вваться, дошли и до нашихъ дней и проявляются съ нѣкоторыми лишь видоизмѣненіями въ тѣхъ пожеланіяхъ и требованіяхъ, которыя и нынѣ высказываются по вопросу о преобразованіи системы средняго образованія.

По вопросу о значеніи древнихъ языковъ въ курсѣ гимназій съ особою энергіей высказался Кёхли, одинъ изъ лучшихъ классиковъ того времени, который впослѣдствіи, когда онъ по политическимъ соображеніямъ долженъ былъ покинуть Германію, дѣятельно участвовалъ въ преобразованіи учебной организаціи въ Цюрихскомъ кантонѣ. Это былъ человѣкъ пылкаго темперамента, увлекающійся и потому часто впадающій въ крайности, но занявшій, благодаря своему таланту и образованію, видное положеніе среди педагогическихъ дѣятелей описываемой нами эпохи. Кёхли еще ранѣе возставалъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій противъ односторонне филологическаго характера, которое приняло преподаваніе древнихъ языковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ. Онъ указывалъ на то, что упражненія въ разговорѣ на латинскомъ языкѣ и чрезмѣрное развитіе стилистическихъ работъ потеряли значеніе въ виду того, что какъ устная, такъ и письменная латинская рѣчь вышла изъ употребленія, а потому онъ настаивалъ на устраненіи изъ курса гимназій разговорныхъ упражненій и писанія сочиненій на латинскомъ языкѣ. Въ основу изученія древнихъ языковъ Кёхли клалъ, какъ онъ выражался, историческій принципъ, т. е. изученіе древняго міра и его литературы по содержанію и въ связи съ ихъ значеніемъ для дальнѣйшаго развитія просвѣщенія. Кёхли не сумѣлъ однако указать практическіе способы для осуществленія этихъ общихъ принциповъ, и рекомендуемое имъ распредѣленіе занятій древними языками по классамъ страдало тѣмъ, что въ низшихъ и среднихъ классахъ оно не давало учащимся возможности достаточно укрѣпиться въ знаніи собственно языковъ, а въ высшихъ нагромождало такую массу занятій и въ особенности чтенія, съ которыми ни учащіе, ни учащіеся справиться не могли бы. Тѣмъ не менѣе взгляды Кёхли не прошли безслѣдно, и многіе изъ указанныхъ имъ пріемовъ оказали значительное вліяніе на измѣненіе постановки преподаванія древнихъ языковъ.

Затѣмъ, говоря о педагогическомъ движеніи, обнаружившемся въ 1848 году, по отношенію къ классическому образованію, нельзя не указать на сильную реакцію противъ преобладанія въ школѣ латинскаго языка надъ греческимъ, при чемъ нѣко-

Digitized by Google

торые требовали лишь уравненія преподаванія обоихъ языковъ, какъ по объему, такъ и по отношенію къ методамъ изученія, и въ этихъ видахъ настаивали на уничтоженіи упражненій въ латинскомъ разговорѣ и письмѣ, другіе же желали даже дать первенство изученію греческаго языка и его литературы, къ чему отчасти склонялся и Кёхли.

Переходя затѣмъ къ вопросу объ организаціи гимназій, мы видимъ, что въ 1848 году особымъ сочувствіемъ пользовалась система бифуркаціи въ разныхъ ея видахъ, въ особенности же организація, которую въ позднѣйшее время принято называть partielle Einheitschule, т. е. системою „частью объединенной школы", характерною чертой устройства коей служитъ организація общаго младшаго отдѣленія (allgemeiner Unterbau), долженствующаго служить основаніемъ для дальнѣйшаго курса гимназіи, развѣтвляющагося на два или болѣе отдѣленія, съ различнымъ направленіемъ; при чемъ большинство желало, чтобы это общее отдѣленіе обнимало собою три младшихъ класса (съ преподаваніемъ въ нихъ латинскаго языка), для дѣтей отъ 9 до 12 лѣтъ, а затѣмъ уже на этомъ общемъ основаніи должна была возвышаться 6-ти классная гимназія, распадающаяся въ свою очередь на реальное и классическое отдѣленія. Что касается до ближайшей организаціи этихъ высшихъ отдѣленій, то въ этомъ отношеніи высказывались довольно разнообразныя пожеланія, такъ, напр., съѣздъ въ Галле желалъ, чтобъ оба отдѣленія составляли части одного и того же заведенія, представляющаго одно органическое цѣлое, въ виду чего преподаваніе общихъ для обоихъ отдѣленій предметовъ должно было бы происходить совмѣстно. На конференціи же, созванной министромъ Ладенбургомъ въ Берлинѣ, большинство высказалось за совершенно самостоятельное существованіе каждаго изъ высшихъ отдѣленій. Далѣе, коммиссія, образованная саксонскимъ министромъ фонъ-деръ-Пфортеномъ, предлагала, чтобы гуманистическія и реальныя гимназіи, несмотря на однородность программъ въ младшихъ классахъ, являлись въ виду различія ихъ цѣлей и духа—совершенно отдѣльными заведеніями, при чемъ въ первыхъ, съ самаго начала, надлежало бы имѣть въ виду, что центромъ преподаванія должны служить классическіе языки, а во вторыхъ главное мѣсто должны занимать математика, естественныя науки и новые языки, преподаваніе коихъ должно было однако опираться на предварительное изученіе латинскаго языка. Въ Нассауѣ, напротивъ, съѣздъ высказался за

Digitized by Google

устройство въ классическихъ гимназіяхъ младшихъ отдѣленій съ четырьмя классами, изъ которыхъ ученики могли бы переходить въ реальныя гимназіи (съ 5-ю классами), организованныя однако отдѣльно, въ видѣ самостоятельныхъ учрежденій [1].

Совершенно на другую точку зрѣнія стали педагогическіе съѣзды въ Ганноверѣ, гдѣ подъ вліяніемъ извѣстнаго педагога Стефенгагена обнаружилось стремленіе къ образованію вполнѣ объединенной школы (Einheitschule), въ которой классическое и реальное направленіе сливались бы безъ всякихъ подраздѣленій въ одно цѣлое.

Въ основу идеи о подобной „единой школѣ“ легла мысль, что будто бы существованіе различныхъ видовъ средняго образованія порождаетъ въ обществѣ раздвоеніе и рознь, вредно отзывающіяся на интересахъ просвѣщенія и нарушающія въ особенности единство національной культуры. Несмотря на то, что подобная мысль прямо противорѣчитъ историческому опыту, ясно доказывающему, что успѣхи просвѣщенія, а тѣмъ болѣе національное единство, вовсе не стоятъ въ зависимости отъ полученія всѣми образованными классами воспитанія въ школахъ исключительно одного типа, проекты Стефенгагена нашли себѣ, правда только въ теоріи, нѣкоторыхъ сторонниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что осуществленіе на дѣлѣ предположеній Стефенгагена должны были имѣть своимъ послѣдствіемъ перерожденіе гимназій въ такія училища, въ которыхъ былъ бы нанесенъ явный вредъ какъ классическому, такъ и реальному образованію, ибо съ одной стороны, хотя предполагалось затрачивать на древніе языки довольно много времени, но далеко недостаточно для достиженія сколько-нибудь серьезныхъ и полезныхъ результатовъ, а съ другой стороны, хотя имѣлось въ виду усилить преподаваніе естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ, но въ размѣрахъ, недостаточныхъ для удовлетворенія требованій серьезнаго реальнаго училища. Такимъ образомъ, проектированная Стефенгагеномъ школа не могла бы достичь ни цѣлей классическаго, ни цѣлей реальнаго образованія, а въ то же время являлась бы крайне обременительною для учащихся, такъ какъ число уроковъ предположено было довести до $37\frac{1}{2}$ часовъ въ недѣлю.

Очевидною нецѣлесообразностью предположеній Стефенгагена

[1] Эта организація близко подходитъ къ устройству Баварскихъ гимназій, о которыхъ мы говорили выше.

Digitized by Google

объясняется то, что по отношенію къ нимъ даже не было сдѣлано серьезной попытки къ осуществленію, тѣмъ не менѣе высказанная имъ мысль послужила, хотя уже много позднѣе, исходною точкой для разработки въ разныхъ направленіяхъ вопроса о „единой школѣ“ (Einheitsschule), съ каковою цѣлью въ Ганноверѣ образовалось особое общество[1] Einheitsschulverein.

Наконецъ не можемъ не упомянуть еще объ одномъ педагогическомъ направленіи, возникшемъ въ Шлезвигѣ и встрѣтившемъ не малое сочувствіе на собиравшихся въ 1848 году съѣздахъ и конференціяхъ по школьному вопросу. Это направленіе, не отвергая пользу изученія древнихъ языковъ, требовало однако первенства (по времени начала изученія) для новыхъ языковъ (Priorität der modernen Sprachen). Сторонники его желали, чтобы изученіе языковъ начиналось съ французскаго или англійскаго и уже впослѣдствіи переходило къ древнимъ языкамъ. Что могло бы, по ихъ мнѣнію, облегчить переходъ къ системѣ частично объединенной школы съ общимъ младшимъ отдѣленіемъ. Однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ этого направленія (съ признаніемъ первенства за англійскимъ языкомъ) явился Клоппъ изъ Оснабрюка, въ основаніе предположеній котораго легло желаніе прежде всего пойти навстрѣчу потребностямъ Шлезвигскаго населенія, для котораго, по мѣстнымъ условіямъ, знаніе англійскаго языка являлось особенно важнымъ. Къ Клоппу примкнулъ отчасти Кёхли, о которомъ мы только что говорили, но примѣняя принципъ первенства новыхъ языковъ только къ реальнымъ гимназіямъ и отдавая, въ противоположность Клоппу, предпочтеніе французскому языку. Попытка осуществить на дѣлѣ проекты Клоппа была сдѣлана учрежденіемъ въ Лейпцигѣ, въ видѣ частнаго учебнаго заведенія, общей гимназіи съ первенствомъ новѣйшихъ языковъ (Gesamtgymnasium mit Priorität des neuen Sprachen). Мысль

[1] Терминъ Einheitsschule правильнѣе было бы отнести только къ типу школы, о которой мечтаетъ Ганноверское общество, т. е. къ такой школѣ, которая одна удовлетворяла бы всѣмъ нуждамъ средняго образованія, и однимъ же единственнымъ путемъ вела къ высшему образованію. При чемъ такую „единую школу“ не слѣдовало бы смѣшивать съ частично объединенною школой (partielle Einheitsschule), имѣющею только общее основаніе (allgemeiner Unterbau), но затѣмъ распадающеюся на отдѣленія съ различнымъ направленіемъ. Но въ послѣднее время для краткости и школы послѣдняго типа стали нерѣдко называть просто Einheitsschulen (т. е. единою или объединенною школой) въ каковомъ смыслѣ терминъ „единая школа“ проникъ и въ нашу педагогическую литературу.

Digitized by Google

Клоппа въ видоизмѣненныхъ формахъ получила затѣмъ дальнѣйшее развитіе гораздо позднѣе, сперва въ примѣненіи къ реальной гимназіи (въ Алтонѣ), а затѣмъ и къ классической гимназіи (въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, и въ нѣсколькихъ другихъ городахъ), о чемъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже.

Этого краткаго перечня, мы полагаемъ, достаточно, для ознакомленія нашихъ читателей съ главнѣйшими теоріями и направленіями, высказанными на съѣздахъ и въ литературѣ 1848 г. и къ которымъ намъ придется еще вернуться при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи развитія школьнаго вопроса въ Германіи.

Быстро пролетѣлъ тревожный 1848 годъ, и въ школьномъ дѣлѣ точно такъ же, какъ и въ другихъ областяхъ общественной жизни, возстановилось сравнительное спокойствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ вновь укрѣпилось положеніе классической системы образованія [1], но тѣмъ не менѣе, такъ какъ причины, вызвавшія въ

[1] Примѣромъ отношенія къ классическому образованію не однихъ только педагоговъ, но и выдающихся представителей науки и государственныхъ людей можетъ служить мнѣніе извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля Роберта Моля, который въ сочиненіи своемъ „Polizeiwissenschaft“ (1855, в. 1) слѣдующимъ образомъ характеризуетъ роль, которую должны играть въ государствѣ интеллигентные классы, въ силу полученнаго ими образованія, а затѣмъ опредѣляетъ необходимую связь, въ которой культура этихъ классовъ должна находиться съ классическою системой образованія. На стр. 479 Р. Моль говоритъ: „Diese Klasse von Bürgern (т. е. высшій образованный классъ) ha die Bestimmung den Wissenschaften sich zu widmen, sei es durch Anwendung, derselben an das Leben, namentlich auf Staat und Kirche, sei es durch ihre rein theoretische Aus-und Weiterbildung die geistige Bildung des Volkes zu erhalten und zu steigern. Ihre Erziehung muss also eine gelehrtesein. Und da namentlich die Bildung der neuern Völker in ihren letzten grundlagen und selbst in manchen ihrer näheren Mittel und Theile auf der qesittung der Alten, d. h. der Griechen und Römer beruht, so ist es natürlich, dass auch die Erziehung von dieser grundlade ausgehen muss. Затѣмъ далѣе на стр. 504 Р. Моль, входя въ ближайшее разсмотрѣніе вопроса о научномъ, среднемъ образованіи, пишетъ: unsere gelehrte Bildung beruht in ihren wichtigsten Theilen auf der grundlage der grigechischen und römischen Qesittigung. Da nun aber nur derjenige eine Wissenschaft recht auffassen und durcharinden kann, welcher ihre Entwickelung von der Entstehung an kennt, da eine von ihrem geschichtlichen Boden lossgerissene Kentniss nur in oberflachlichkeit ausartet auch der Erfahrung früherer bereits begangener und erkannter Missgriffe entbehrt: so kann Kein Zweifel unterliegen, dass die einzige gründiche Vorbereitung zum Studium der wissenschaften eine genaue Bekantsschaft mit der Kultur der klassischen Völker erfordert. Allerdings findet hierbei zwischen den verschiebenen Wissenschaftskreisen insofern eine Verschiedenheit statt, als bei einigen die jetzige Gessittung bedeutender bei anbern dagegen nur weniger

Digitized by Google

школьномъ дѣлѣ борьбу разныхъ направленій продолжали существовать, то и дѣйствіе ихъ не замедлило проявиться, что, въ связи съ общею политическою реакціей, наступившею въ пятидесятыхъ годахъ, вскорѣ выразилось по отношенію къ гимназіямъ, въ возобновленіи, съ большею даже противъ прежняго силой, обвиненій гимназій въ томъ, что онѣ недостаточно проникнуты духомъ христіанскаго ученія. Въ этомъ нападеніи на гуманитарное направленіе гимназій на этотъ разъ приняло дѣятельное участіе „германское евангелическое общество“ (evangelische Geselschaft für Deutschland), пользовавшееся во многихъ мѣстностяхъ Германіи большимъ вліяніемъ. Общество это обратилось къ своимъ сторонникамъ съ воззваніемъ объ оказаніи матеріальнаго содѣйствія учрежденію „христіанскихъ гимназій“, долженствующихъ по своему направленію (обезпеченному соотвѣтствующимъ составомъ преподавателей, преимущественно съ теологическимъ образованіемъ) служить примѣромъ для подражанія и противодѣйствовать языческому духу, будто бы господствующему въ существующихъ гимназіяхъ. Результатомъ этой агитаціи явилось учрежденіе христіанской гимназіи въ Гютерсло (Gütersloh) въ Вестфаліи [1] и подобнаго же частнаго учебнаго заведенія въ Штутгартѣ. Но на этомъ впрочемъ дѣло остановилось. Обвиненіе гимназій въ противу-христіанскомъ на-

---

Berichtungen und Vermehungen bewirkthat, das Studium der Alten somit bei jenen weniger, als bei diesen die vollständige Qrundlage bilden kann: allein kein Fach (selbst die Naturwissenschaten und Staatswissenchaften nicht gestattet dem gründlich zu bildenden gänzliche Vernachlässigung der qriechen und Römer. Hieraus ergibt sich denn schon, welcher unterschied zwischen Q·werle den qelehrten Schulen stattfinden muss, und dass in letzteren der Zöglingen hauptsächlich g·schichlich Kenntnisse beizubrigen sind. Damit ist aber auch ausgesprochen dass die Beschäftigung mit den alten Sprachen eine wesentliche Aufgabe des gilhrten Unterrichts sein muss; eine Aufgabe welce um so weniger bei Seite gesegt zu werden braucht, als theils diese prachen die qrundlage von mehreren der bedeutendsten lebenden Sprache sind, theils der Unterricht in ihrer Grammatik als übung der Denkkraft sehr gut benutzt werden kann.Weil aber zur Erlernung einer fremden Sprache—soll die Kenntniss gründlich sein—viele Zeit gehört, weil ferner die materiellen Nebenzwecke der Beschäftigung mit den alten Sprachen und ihrer Literatur schon früh zu berüchsichtigen sind: so ist schon gleich beim Eintritt in die Schule, die klassische Vorbildung zu beqinnen und als Hauptzweek zu behandeln.

[1] Гимназія въ Гютерсло существуетъ и нынѣ, но по программамъ своимъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ гимназій. Въ ней воспитываются не только дѣти различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, но и нѣкоторое число евреевъ.

Digitized by Google

правленіи встрѣтило энергичный отпоръ со стороны директоровъ и учителей, многіе изъ коихъ выступили съ публичными заявленіями о неосновательности обвиненій, взводимыхъ на заведенія, представителями коихъ они состоятъ. Самое дѣятельное участіе въ защитѣ гимназій принялъ Визе, занявшій въ 1852 году въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ мѣсто совѣтника по дѣламъ средняго и высшаго образованія и ставшій затѣмъ въ этой области руководителемъ просвѣщенія въ Пруссіи въ теченіе болѣе 20 лѣтъ. Въ рядѣ рѣчей и письменныхъ заявленій онъ блестящимъ образомъ доказалъ, насколько ошибочно отождествлять изученіе и пониманіе общечеловѣческихъ истинъ и вѣчныхъ красотъ классической литературы съ увлеченіемъ языческими понятіями и представленіями древняго міра и насколько въ наше время, столь отдаленное, и во всемъ отличное отъ міросозерцанія древнихъ народовъ, нѣтъ основанія опасаться, чтобъ юношество могло проникнуться языческими воззрѣніями Грековъ и Римлянъ въ ущербъ христіанскому ученію.

Агитація противъ гимназій, исходившая отъ крайне ортодоксальной партіи, такимъ образомъ прекратилась, не оказавъ особаго вліянія на частичное преобразованіе гимназій, предпринятое въ Вюртембергѣ въ 1852, въ Баваріи въ 1854, а въ Пруссіи въ 1856 году [1]. Преобразованія эти нигдѣ не только не измѣнили главныхъ основъ гимназическаго образованія, но, напротивъ, укрѣпили систему классическаго образованія, коснувшись только нѣкоторыхъ менѣе существенныхъ частей учебныхъ плановъ. Такъ, напримѣръ, въ Пруссіи, изъ учебнаго плана гимназій была исключена философская пропедевтика, преподаваніе естественныхъ наукъ было нѣсколько сокращено, преподаваніе же французскаго языка напротивъ усилено. Древніе языки всюду сохранили свое прежнее господствующее положеніе, при чемъ нѣкоторому измѣненію подверглась лишь постановка преподаванія. Такъ, напримѣръ, упражненія въ употребленіи латинской устной рѣчи подверглось сокращенію, въ особенности въ Пруссіи; всюду, стала замѣчаться склонность усилить чтеніе древнихъ авторовъ на счетъ изученія грамматики.

[1] Въ Саксоніи окончательное установленіе обязательныхъ учебныхъ плановъ состоялось позднѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ Германіи (въ 1846 г.), а потому въ 50-хъ годахъ никакого, сколько нибудь существеннаго, измѣненія въ нихъ произведено не было.

Digitized by Google

Такимъ образомъ реформа пятидесятыхъ годовъ, являясь только дальнѣйшимъ развитіемъ преобразованія тридцатыхъ годовъ, сама по себѣ не представляетъ особаго интереса, но тѣмъ не менѣе время ея осуществленія имѣетъ выдающееся значеніе въ исторіи развитія средняго образованія въ Германіи, такъ какъ съ нимъ совпадаетъ эпоха окончательной правительственной организаціи прусскихъ реальныхъ училищъ,—организаціи, которая несмотря на всю свою полезность и необходимость, не внесла однако въ область школьнаго вопроса желательнаго спокойствія, благодаря разнообразнымъ причинамъ, совершенно чуждымъ интересамъ просвѣщенія, и благодаря общимъ условіямъ, въ которыя, какъ мы говорили, была поставлена школа.

Условія же эти, опять-таки главнымъ образомъ на почвѣ вопроса о правахъ, повели, въ особенности на Сѣверѣ Германіи, къ ожесточенной борьбѣ различныхъ системъ образованія, которой не могли положить конца ни реформа 1882, ни преобразованіе 1891 года, хотя послѣ сей послѣдней и наступило повидимому нѣкоторое относительное затишье.

Изданіемъ положенія 6 октября 1859 года реальныя училища получили въ Пруссіи окончательную правительственную санкцію, при чемъ для училищъ перваго разряда (т. е. съ 9 классами и съ преподаваніемъ латинскаго языка) сталъ обязательнымъ довольно обширный размѣръ преподаванія латинскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдаваемые ими дипломы стали открывать доступъ ко всѣмъ поприщамъ (Berufsarten), для которыхъ по закону не требовалось университетскаго образованія [1]. Такимъ образомъ реальныя училища I разряда, введеніемъ въ обязательный для нихъ курсъ одного изъ существенныхъ элементовъ классическаго образованія, нѣсколько сблизившись съ гимназіями, утратили свой характеръ чисто реальныхъ заведеній, подъ каковымъ условіемъ они получили полномочіе на предоставленіе своимъ воспитанникамъ нѣкоторыхъ правъ,—правда, большихъ, чѣмъ тѣ, которыя давались другими девятиклассными же училищами, но значительно меньшихъ, чѣмъ тѣ, которыми пользовались гимназіи. Предоставленіе реальнымъ училищамъ I разряда правъ имѣло прямымъ своимъ послѣдствіемъ быстрое

[1] Въ положеніи 6 октября 1859 г. говорится о реальныхъ училищахъ разныхъ разрядовъ: sie haben den gemeinsamen Zweck eine allgemeine wissenschaftliche zu denjenigen Berufsarten zu gewehren, für welche Universitätsstudien nicht erforderlich sind.

Digitized by Google

возрастаніе числа этихъ училищъ, въ ущербъ чисто реальнымъ училищамъ (втораго разряда) безъ латинскаго языка, такъ, напримѣръ, мы видимъ, что въ 1859 г. полныхъ училищъ I разряда въ Пруссіи было 26, а втораго разряда 30; въ 1864-же году училищъ первой категоріи было 49, а второй 16; въ 1869 г. I категоріи 60, а второй только 8 При чемъ время учрежденія новыхъ училищъ I разряда относится преимущественно къ ближайшимъ годамъ послѣ изданія положенія 1859 года.

Большая часть реальныхъ училищъ создавалась на счетъ городовъ, которые не щадили на это затратъ, нерѣдко почти свыше средствъ. Между тѣмъ надежды, возлагавшіяся на эти учебныя заведенія, далеко не оправдались, ибо для большей части городского населенія, не ищущей высшаго образованія, курсъ ихъ оказался слишкомъ высокимъ, а для той части населенія, которая стремилась къ высшему образованію, права предоставляемыя реальными училищами I разряда, оказались недостаточными, такъ какъ они не открывали доступа въ университеты и къ карьерамъ, связаннымъ съ университетскимъ образованіемъ. Послѣдствіемъ этого явилась, съ одной стороны, малочисленность воспитанниковъ въ старшихъ классахъ, а съ другой стороны, громадное число учениковъ, удовлетворяющихся полученіемъ правъ вольноопредѣляющихся и покидающихъ школу по окончаніи 7 или 8 класса. Такое положеніе дѣла вызвало неудовольствіе во многихъ городахъ, находившихъ, что права, даваемыя реальными училищами, не соотвѣтствуютъ произведеннымъ затратамъ. Вслѣдствіе чего въ теченіе 1868 и 1869 г. въ министерство Народнаго Просвѣщенія и въ Палату Депутатовъ посыпался градъ петицій о расширеніи правъ реальныхъ училищъ I разряда. Во главѣ этого движенія сталъ Познанскій магистратъ, который одновременно съ подачей петиціи обратился къ другимъ городамъ, имѣвшимъ реальныя училища I-го разряда, съ воззваніемъ поддержать петицію. Поданныя вслѣдствіе сего ходатайства были весьма разнообразны, однѣ желали открытія реалистамъ доступа на всѣ факультеты университета, другія лишь на нѣкоторыя изъ нихъ, указывая то на философскій факультетъ (для изученія математики и естественныхъ наукъ), то на медицинскій, или наконецъ и на юридическій.

Въ петиціяхъ по большей части указывалось, по желанію патронатовъ и директоровъ училищъ, на экономическую сторону вопроса, а именно на несоотвѣтствіе выгодъ, получаемыхъ населеніемъ отъ реальныхъ училищъ, затратамъ производимымъ

Digitized by Google

на ихъ содержаніе, и въ виду этого требовалось расширеніе правъ, какъ средства привлеченія большаго числа учениковъ въ старшіе классы [1]. Соображеній же, касающихся вопроса собственно объ образованіи, и требованій, необходимыхъ въ интересахъ университетовъ, петиціи по большей части вовсе не касались. Хотя всѣ эти ходатайства городовъ не получили удовлетворенія, но они побудили однако правительство серьезно заняться выясненіемъ возбужденныхъ вопросовъ; съ каковою цѣлью оно въ 1869 г. обратилось къ университетамъ съ запросомъ о возможности, по ихъ мнѣнію, допущенія въ нихъ реалистовъ. Затѣмъ полученные отзывы были опубликованы въ 1870 г. Въ подавляющемъ большинствѣ этихъ отзывовъ университеты высказывались противъ допущенія въ нихъ реалистовъ; тѣ же университеты, а въ иныхъ случаяхъ отдѣльные факультеты, которые находили возможнымъ открыть реалистамъ свои двери, указывали на необходимость въ такомъ случаѣ повышенія ихъ курса. Несмотря на такіе отзывы университетовъ, 7 декабря 1870 г. послѣдовало распоряженіе правительства, разрѣшающее воспитанникамъ реальныхъ училищъ I разряда поступать въ университеты для изученія новыхъ языковъ и на философскій факультетъ для изученія математики и естественныхъ наукъ.

Затѣмъ прусское правительство, возымѣвъ намѣреніе издать новый школьный законъ, продолжало разработку вопроса о результатахъ, даваемыхъ реальными училищами, и того положенія, которое могло бы быть предоставлено имъ въ общей системѣ школьной организаціи. Преслѣдуя эту цѣль, министерство Народнаго Просвѣщенія въ 1872 году обратилось ко всѣмъ провинціальнымъ училищнымъ совѣтамъ и къ экзаменаціоннымъ коммиссіямъ съ требованіемъ сообщить ему свои заключенія о результатахъ, даваемыхъ реальными училищами 1-го разряда, и о томъ, насколько было бы желательно измѣненіе ихъ учебнаго плана.

---

[1] Въ сборникѣ Buze: Das höhere Schulwesen in Preussen (B. II p. 88) мотивировка петицій характеризуется слѣдующимъ образомъ: „Die Motivirung der Petitionen selbst und in Befürwortungen, welche sie auch in öffentlichen Blättern gefunden haben ist sehr verschieden. Vondem was das Facultätsstudium auf den Universitäten velangt und voraussetzt geht sie in der Regel nicht aus, sondern von dem was die Patrone oder Directoren der Realschulen für diese selbst wünschen: Vermehrte Berectigungen und eine volle Prima. (Prima – высшій классъ школы).

Digitized by Google

Въ отвѣтахъ, послѣдовавшихъ на этотъ запросъ, коллегіи и коммиссіи отдаютъ полную справедливость успѣхамъ реальныхъ училищъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не поддерживается мысль о дальнѣйшемъ расширеніи предоставленныхъ этимъ училищамъ правъ. Многіе отзывы, правда, удостовѣряютъ, что реалисты болѣе успѣваютъ въ новыхъ языкахъ, математикѣ и естественныхъ наукахъ, чѣмъ гимназисты, и указываютъ на то, что у нихъ болѣе развиты память и способность этимъ путемъ усваивать знаніе, но всѣ безъ исключенія утверждаютъ, что у гимназистовъ-классиковъ замѣчается несравненно большая самостоятельность сужденія, и способность къ пониманію научныхъ вопросовъ. Относительно сочиненій на родномъ языкѣ всѣ отзывы единогласно заявляютъ, что сочиненія гимназистовъ какъ по содержанію, такъ и по формѣ стоятъ выше сочиненій реалистовъ [1]. Не менѣе интереса представляютъ и отзывы членовъ экзаменаціонныхъ коммиссій (особенно тѣхъ, которые принадлежатъ къ составу университетскихъ преподавателей), заявлявшихъ, что у воспитанниковъ реальныхъ училищъ имъ часто приходилось замѣчать сильно развитое самомнѣніе, благодаря которому эти молодые люди относятся къ университетскому преподаванію какъ бы свысока, воображая себѣ, что они уже на

[1] См. Сборникъ Buze, Das höhere schulwesen in Preussen (B. III p. 41). Отзывы эти пріобрѣтаютъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что въ реальныхъ училищахъ на преподаваніе роднаго языка затрачивалось, какъ и нынѣ затрачивается, значительно больше времени, чѣмъ въ гимназіяхъ (въ 70-хъ годахъ въ реальныхъ училищахъ 1 разряда полагалось на нѣмецкій языкъ 29, а въ гимназіяхъ всего 20 недѣльныхъ уроковъ въ теченіе курса одинаковой продолжительности, то-есть 9-ти лѣтъ). Считаемъ не лишнимъ указать здѣсь и на то, что когда прусское правительство уже при дѣйствіи учебныхъ плановъ 1882 года повторило сравнительное изслѣдованіе достоинствъ сочиненій учениковъ гимназій, реальныхъ гимназій и высшихъ реальныхъ училищъ, то результаты оказались тѣ же, что и въ 70-хъ годахъ. Наконецъ позволимъ себѣ упомянуть и о томъ, что при личномъ посѣщеніи довольно значительнаго числа учебныхъ заведеній, во время педагогическаго нашего путешествія по Германіи и Франціи въ 1894 году, мы вынесли впечатлѣнія, совершенно сходныя съ только что указанными нами изслѣдованіями прусскаго правительства: имѣвъ случай внимательно сравнить болѣе 300 сочиненій воспитанниковъ гимназій, реальныхъ гимназій и высшихъ реальныхъ училищъ (Oberrealschulen), мы лично убѣдились въ преимуществѣ сочиненій гимназистовъ-классиковъ надъ сочиненіями реалистовъ, о чемъ мы и упомянули въ отчетѣ нашемъ, поданномъ г. министру народнаго просвѣщенія и напечатанномъ въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* за 1895 годъ.

Digitized by Google

школьной скамьѣ превзошли суть всѣхъ наукъ (Sie haben die Meinungvieles schon auf der Schule gehabt zu haben)[1].

Не можемъ не указать здѣсь, что въ это же время многіе выдающіеся ученые изъ числа извѣстнѣйшихъ естествоиспытателей настойчиво возражали—въ печати и въ офиціальныхъ отзывахъ—противъ допущенія въ университетъ студентовъ съ разнородною подготовкой, и положительно заявляли, что по ихъ мнѣнію классическія гимназіи, при весьма незначительномъ исправленіи ихъ программъ (большинство указывало на желательность расширенія курса математики), должны быть признаваемы и въ настоящее время лучшими приготовительными къ университету школами. Въ этомъ смыслѣ прежде другихъ высказался знаменитый Либихъ, а затѣмъ Петтенкоферъ, Лоторъ Мейеръ (химикъ) и очень многіе другіе.

По полученіи затребованныхъ отзывовъ, министерство въ октябрѣ 1873 года созвало въ Берлинѣ конференцію, на обсужденіе которой на первомъ же планѣ былъ поставленъ вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи должно послѣдовать дальнѣйшее развитіе средняго образованія въ Пруссіи, а именно: желательно ли, чтобы и въ будущемъ реальныя училища, въ качествѣ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, продолжали развиваться параллельно съ классическими гимназіями, и какія въ такомъ случаѣ необходимы преобразованія; или же слѣдуетъ, напротивъ, стремиться къ упрощенію системы средняго образованія и вернуться къ прежнему, старому порядку, знавшему только одинъ видъ общеобразовательной школы, готовящей къ высшему образованію и ко всѣмъ высшимъ профессіямъ. Большинство конференціи, душей котораго были—хотя съ нѣсколько различнымъ направленіемъ—совѣтникъ министерства народнаго просвѣщенія Визе, о которомъ мы упоминали выше, и членъ Берлинскаго городскаго совѣта Гофманъ[2], высказалось за сохраненіе двухъ видовъ средне-учебныхъ заведеній: классическихъ, то есть гимназій, и реальныхъ, то-есть реальныхъ учи-

---

[1] Совершенно то же дѣлаетъ профессоръ исторіи Трейчке въ брошюрѣ своей „Die Zukunft unserer Gymnasien", появившейся въ 1889 году.

[2] Гофманъ, основатель типа средней школы, носящей его имя (германскія школы), предназначенной для удовлетворенія образовательнымъ потребностямъ средняго класса городскаго населенія, не удовлетворяющагося курсомъ народнаго (хотя бы и высшаго) училища, но и не ищущаго высшаго образованія. Этотъ типъ школъ получилъ широкое примѣненіе въ Берлинѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Digitized by Google

лищъ разныхъ степеней и типовъ, съ тѣмъ чтобы всѣ они отнюдь не преслѣдовали спеціальныхъ или профессіопальныхъ цѣлей, а носили общеобразовательный характеръ. При этомъ, однако, имѣлись главнымъ образомъ въ виду реальныя училища I разряда (съ латинскимъ языкомъ) и почти игнорировались какъ училища 2-го разряда, такъ и уже существовавшія, въ видѣ частныхъ заведеній, но еще офиціально неорганизованныя, 9-ти-классныя училища чисто реальнаго направленія, безъ древнихъ языковъ (позднѣйшія Oberrealschulen).

Меньшинство же коммиссіи высказалось за реформу въ смыслѣ организаціи одного общаго типа школы, долженствующей удовлетворять всѣмъ общеобразовательнымъ потребностямъ всѣхъ тѣхъ, кто стремится къ высшему образованію и къ высшимъ карьерамъ, и рядомъ съ этою „единою школой“ допускало лишь существованіе спеціальныхъ или профессіональныхъ учебныхъ заведеній, или низшихъ общеобразовательныхъ школъ.

Но затѣмъ сторонники каждаго изъ этихъ двухъ основныхъ направленій такъ расходились между собою относительно способовъ осуществленія своихъ пожеланій, что по многимъ существеннымъ вопросамъ они соглашались болѣе со своими противниками, чѣмъ между собою.

Одни изъ сторонниковъ двойственнаго развитія средняго образованія (впрочемъ, очень немногіе) высказывались за полное во всѣхъ отношеніяхъ равенство (Ebenbürtigkeit) реальныхъ училищъ 1 разряда съ гимназіями. Другіе, напротивъ, хотя и признавали необходимость реальныхъ училищъ, какъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, но желали отвести имъ, по отношенію къ гимназіямъ, второстепенное и отчасти даже подчиненное положеніе, при чемъ сторонники такого мнѣнія, ссылаясь на малочисленность учениковъ въ высшихъ классахъ реальныхъ училищъ 1 разряда, предлагали сокращеніе ихъ курса и совершенное упраздненіе старшихъ классовъ съ тѣмъ, чтобы тѣмъ немногимъ учащимся, которые пожелали бы перейти для продолженія образованія въ гимназіи, переходъ былъ облегченъ путемъ освобожденія отъ нѣкоторыхъ занятій, съ замѣной ихъ дополнительными уроками, приготовляющими къ перемѣнѣ учебнаго заведенія. Третьи, болѣе умѣренные, желали возвращенія къ положенію 1859 года, то-есть ограниченія задачи реальныхъ училищъ приготовленіямъ къ профессіямъ, не требующимъ университетскаго образованія. Наконецъ четвертые, высказываясь за дальнѣйшее существованіе какъ гимназій, такъ

Digitized by Google

и реальныхъ училищъ, желали нѣкотораго сближенія ихъ курса (въ чемъ они сходились со сторонниками „единой школы"), и предлагали, съ одной стороны, усилить въ реальныхъ училищахъ 1 разряда классическій элементъ, путемъ расширенія преподаванія латинскаго языка, а съ другой стороны—сократить и видоизмѣнить преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, дабы имѣть возможность расширить программы по реальнымъ предметамъ. Къ числу выдающихся сторонниковъ этого послѣдняго направленія слѣдуетъ отнести Остендорфа (директора реальнаго училища въ Дюссельдорфѣ), явившагося на конференцію горячимъ защитникомъ „первенства новыхъ языковъ", и доказывавшаго съ искреннимъ убѣжденіемъ и большимъ умѣніемъ (но встрѣчая на конференціи очень мало сочувствія), что предварительное изученіе французскаго языка, ранѣе латинскаго [1], можетъ, будто бы, значительно облегчить преподаваніе древнихъ языковъ, и такимъ образомъ принести пользу самой классической школѣ [2].

Что касается идеи „о единой школѣ", то хотя она поддерживалась на конференціи лишь незначительнымъ меньшинствомъ, но она тѣмъ не менѣе нашла себѣ, и при томъ въ очень разнообразномъ направленіи, не мало сторонниковъ въ печати; такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ классической школы желали, чтобы гимназіи, оставаясь строго классическими, при условіи включенія въ ихъ курсъ лишь сравнительно незначительнаго по объему преподаванія реальныхъ предметовъ, сохранили исключительное право готовить къ высшему образованію и къ высшимъ профессіямъ [3],

[1] Начало преподаванія латинскаго языка Остендорфъ предполагалъ первоначально передвинуть въ 3-й, а затѣмъ даже въ 4-й классъ (по нашему счету).

[2] Взгляды свои Остендорфъ съ большимъ талантомъ изложилъ въ брошюрѣ: Mit welcher Sprache beginnt Zweckmässiger Weise der fremdspachliche Uterricht, Düsseldorf, 1875. Хотя мы совершенно не раздѣляемъ взглядовъ Остендорфа, но отдаемъ полную справедливость его таланту, и находимъ, что брошюра его, несмотря на односторонность и крайнее увлеченіе, представляетъ большой интересъ. Не менѣе интересна критика дѣятельности конференціи 1873 года, изложенная въ брошюрѣ Остендорфа „Die schulkonferenz zur Berathung über das höhere schulwesen des Preussischen Staates. 1874. Эта брошюра хотя и написана чрезвычайно страстно, но ярко выставляетъ какъ убѣжденія автора, такъ и общее настроеніе конференціи.

[3] Однимъ изъ самыхъ горячихъ и талантливыхъ защитниковъ этого направленія выступилъ профессоръ философіи и педагогики при Стра-

Digitized by Google

а реальныя училища превратились въ спеціальныя школы. Съ другой стороны нѣкоторые высказались за систему бифуркаціи въ высшихъ классахъ, то-есть за образованіе отдѣленій классическаго и реальнаго, и за обращеніе младшихъ классовъ въ общее основное отдѣленіе съ тѣмъ приблизительно характеромъ, на который уже было указываемо въ 1848 году. Сторонники этого взгляда раздѣлялись въ свою очередь на двѣ группы, причемъ одна желала, чтобы общее отдѣленіе было классическое (подобно тому, какъ это принято въ Баваріи), а другая, наоборотъ, требовала устраненія изъ этого отдѣленія древнихъ языковъ.

Независимо отъ матеріаловъ, которые ему дала конференція 1873 года, а равно отзывы университетовъ, провинціальныхъ совѣтовъ и отдѣльныхъ компетентныхъ лицъ, министерство Народнаго Просвѣщенія, въ видахъ всесторонняго выясненія вопроса о дальнѣйшемъ развитіи правъ гимназій и реальныхъ училищъ всѣхъ разрядовъ, вошло въ 1874 г. въ сношеніе съ другими министерствами, прося сообщить ему свѣдѣнія о наблюденіяхъ, какія у нихъ имѣлись, относительно большей или меньшей пригодности къ службѣ воспитанниковъ обѣихъ категорій учебныхъ заведеній. На этотъ запросъ всѣ министерства высказались въ томъ смыслѣ, что для допущенія къ служебнымъ экзаменамъ необходимо требовать образованія, основаннаго по меньшей мѣрѣ на изученіи одного древняго языка. [1] Затѣмъ, независимо отъ сего, министръ торговли заявилъ, что, по наблюденіямъ надъ учащимися въ подвѣдомственныхъ ему институтахъ, подготовка гимназистовъ въ большинствѣ случаевъ оказывается болѣе удовлетворительною, чѣмъ подготовка воспитанниковъ реальныхъ училищъ. Министръ же финансовъ, въ вѣдѣніи котораго состояли лѣсныя Академіи, сообщилъ министерству Народнаго Просвѣщенія статистическія свѣдѣнія за

бургскомъ университетѣ Лаасъ, въ брошюрѣ своей „Gymnasien und Realschule, alte Fragen, mit Rükkicht naf das bevorstehende preussische Unterrichtsgesetg. (L. Laas Berlin, 1875). Лаасъ доказываетъ, что развитіе реальныхъ училищъ въ Пруссіи (онъ упускаетъ изъ вида другія государства) было чисто искусственное, и что принятія въ курсъ гимназій очень незначительнаго объема преподаванія реальныхъ предметовъ (in dieser Richtung braucht erstaunlich wenig zu geschehen, говоритъ онъ на стр. 29) было бы совершенно достаточно для того, чтобы сдѣлать совершенно излишнимъ существованіе реальныхъ училищъ, какъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

[1] Сборникъ Визе, стр. 40 т. III.

Digitized by Google

цѣлый рядъ лѣтъ, изъ которыхъ, по его мнѣнію, явствовало, что гимназическая подготовка даетъ и по лѣсному вѣдомству наилучшіе результаты [1] какъ на теоретическихъ испытаніяхъ, такъ и относительно результатовъ въ практической дѣятельности.

Несмотря однако на обиліе собраннаго матеріала, пересмотръ школьнаго закона (насколько онъ касался средняго образованія) замедлился въ Пруссіи еще на нѣсколько лѣтъ, что́ отчасти объясняется событіями 1866 и 1870 гг., благодаря которымъ всякая мѣра, предпринимаемая Пруссіей, пріобрѣтала болѣе или менѣе общегерманское значеніе.

Уже послѣ Австро-Прусской войны между государствами, входившими въ Сѣверо-Германскій союзъ, произошло соглашеніе относительно нѣкотораго объединенія школьнаго законодательства; послѣ же событій 1870 года и возникновенія германской имперіи установленіе общихъ порядковъ и правъ по военной и гражданской службѣ вызвало необходимость объединенія организаціи учебныхъ заведеній во всей Германіи. Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ, въ апрѣлѣ 1874 года состоялось соглашеніе, въ силу коего однородпымъ дипломамъ учебныхъ заведеній всѣхъ государствъ, вошедшихъ въ составъ имперіи, присвоивались одинаковыя права. Такимъ образомъ, во всей Германіи, для всѣхъ учебныхъ заведеній одпнковаго типа, устанавливались одинаковыя требованія и нормы, которыхъ они обязаны достигать, что́ неизбѣжно должно было повліять на бо́льшее противъ прежняго однообразіе ихъ организаціи, несмотря на то, что относительно путей и способовъ достиженія результатовъ, намѣченныхъ общимъ соглашеніемъ, каждое государство сохраняло свободу дѣйствій. [2] Помянутое соглашеніе

---

[1] Въ Сборникѣ Везе т. III стр. 41 отзывъ министра финансовъ передается слѣдующимъ образомъ: genegentliech der Communication des Ministers Falk (министръ народнаго просвѣщенія) mit den übrigen ministern sind von dem Finans minister Camphauren, zu dessen Ressort die Forstalademien gehören, statistische zusammenstellungen über das Ober Förtérexamen mitgetheilt worden, aus denen nach Beobachtungen einer längeren Keihe von jahren hervorgeht, dass die Hymnäsialpung überhaupt, und auch fur die Förderung practichcher Branchbarkeit der höheren Torstbeainten nachhaltig günstiger einwirkt, als die Realbildung.

[2] Насколько однако указанное нами соглашеніе связываетъ правительства отдѣльныхъ государствъ, можно лучше всего видѣть изъ того, что когда въ Вюртембергской палатѣ въ 1896 г. зашла рѣчь о предоставленіи нѣкоторыхъ новыхъ правъ Вюртембергскимъ реальнымъ гимназіямъ, то несмотря на то, что гимназіи эти существенно отличаются отъ таковыхъ

Digitized by Google

прежде всего отозвалось на Баваріи, которая должна была увеличить курсъ своихъ гимназій и реальныхъ гимназій съ 8 до 9 лѣтъ, что было сдѣлано прибавленіемъ пятаго класса къ латинской школѣ, служащей, какъ мы уже имѣли случай упомянуть выше, общимъ основаніемъ для обѣихъ категорій заведеній. Въ Пруссіи же и въ Саксоніи пересмотръ законоположеній, касающихся организаціи среднеучебныхъ заведеній, состоялся лишь въ 1882 году. Что касается Вюртемберга, то въ немъ до 1891 года, сохранилось положеніе 1871 года, съ болѣе усиленнымъ курсомъ древнихъ языковъ, чѣмъ гдѣ либо въ Германіи. [1] Въ Великомъ же герцогствѣ Баденскомъ до настоящаго времени сохранилось, съ незначительными дополненіями, положеніе, изданное въ 1869 году.

Во все это продолжительное время, пока правительство откладывало пересмотръ школьнаго закона изъ года въ годъ, общественный интересъ къ ожидаемому преобразованію не ослабѣвалъ, и вопросъ о немъ по разнымъ частнымъ поводамъ неоднократно восходилъ на разсмотрѣніе палаты депутатовъ. Считаемъ не лишнимъ указать здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ на одно изъ этихъ засѣданій, въ которомъ съ особою ясностью получили выраженіе взгляды какъ законодательной власти, такъ и тогдашняго правительства на реальное образованіе и въ особенности на назначеніе, которое должны получить вновь образуемыя чисто реальныя училища, въ курсъ которыхъ древніе языки вовсе не должны были входить. [2] Засѣданіе это пріобрѣтаетъ еще особый интересъ въ виду того, что въ немъ взгляды на высшія реальныя училища высказали тѣ именно представители вѣдомства Народнаго Просвѣщенія, которые являлись несомнѣнными сторонниками гуманитарнаго образованія.

прусскихъ гимназій и имѣютъ гораздо болѣе обширный курсъ по большей части предметовъ, чѣмъ послѣдніе, министръ Народнаго Просвѣщенія заявилъ, что, въ виду соглашенія 1874 г., никакое измѣненіе правъ не можетъ быть допущено, хотя онъ лично считалъ бы это по отношенію къ Вюртембергскимъ реальнымъ гимназіямъ полезнымъ.

[1] До 1891 года въ вюртембергскихъ гимназіяхъ, въ теченіе 10-лѣтняго курса, полагалось 102 недѣльныхъ урока на латинскій языкъ и 42 на греческій. Въ реальныхъ же гимназіяхъ на латинскій языкъ назначался 91 урокъ. Впрочемъ, и послѣ преобразованія 1891 года въ Вюртембергѣ на изученіе древнихъ языковъ полагается болѣе уроковъ, чѣмъ гдѣ-либо.

[2] Высшія 9 классныя, чисто реальныя училища, развившіяся изъ провинціальныхъ промышленныхъ училищъ (Provincial gewrbeschulen) получили окончательную организацію и официальное наименованіе (Ober-Realcshulen) въ 1882 году.

Digitized by Google

Въ засѣданіи, о которомъ мы говоримъ, рѣчь о правахъ высшихъ реальныхъ училищъ зашла, вслѣдствіе послѣдовавшаго въ 1878 году соглашенія министра публичныхъ работъ съ министромъ Народнаго Просвѣщенія, относительно допущенія къ служебнымъ испытаніямъ по строительной и машино-строительной части (Bau-und Maschinenfach) воспитанниковъ 9-классныхъ высшихъ реальныхъ училищъ безъ древнихъ языковъ. Противъ этого соглашенія была подана въ палату петиція съ ходатайствомъ объ его отмѣнѣ. Каковая петиція и обсуждалась въ палатѣ 21 января 1879 г., при чемъ совѣтникъ министерства Народнаго Просвѣщенія Германъ Боницъ (извѣстный, какъ бывшій директоръ старинной берлинской гимназіи Zum Grauen Kloster), въ блистательной рѣчи, категорически высказалъ убѣжденіе о невозможности требовать, чтобы всѣ лица, стремящіяся къ высшимъ профессіямъ, непремѣнно получали подготовку въ однѣхъ только гимназіяхъ, и о томъ, что подобное требованіе могло бы только нанести существенный ущербъ самимъ гимназіямъ, ибо если требовать, чтобы онѣ служили всѣмъ и всему, и однѣ удовлетворяли всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ современной культуры, то пришлось бы или нагромоздить въ нихъ такой обширный учебный матеріалъ, справиться съ которымъ оказалось бы совершенно невозможнымъ, или же, ограничивъ главную ихъ задачу, сократить главные элементы гуманитарнаго образованія до такихъ предѣловъ, при которыхъ самое образованіе это утратило бы всякое значеніе. Затѣмъ въ томъ же засѣданіи докладчикъ комиссіи, подготовлявшей вопросъ, депутатъ Бунзенъ, выразилъ пожеланіе, чтобы починъ, сдѣланный по вѣдомству общественныхъ работъ, нашелъ дальнѣйшее развитіе въ вѣдомствахъ почтовомъ, телеграфномъ, лѣсномъ и горномъ, и чтобы дѣятельность по этимъ и по всѣмъ подобнымъ вѣдомствамъ была открыта тѣмъ, кто получитъ аттестатъ зрѣлости въ любой 9-классной школѣ, хотя бы въ курсъ ея не входили древніе языки. [1] Послѣ этихъ рѣчей, палата депутатовъ огромнымъ большинствомъ одобрила соглашеніе министровъ и отвергла направленную противъ него петицію. Такимъ образомъ казалось, что развитіе чисто реальныхъ училищъ, ря-

[1] Рѣчь, само собою разумѣется, шла о 9 классныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, а не о высшихъ народныхъ училищахъ, какъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ бюргерскихъ школахъ, въ которыхъ 3 младшіе класса соотвѣтствуютъ начальному училищу, а высшее отдѣленіе имѣетъ затѣмъ лишь шестилѣтній курсъ.

Digitized by Google

домъ съ сохраненіемъ чисто классическихъ гимназій, получило высшую санкцію, и что въ будущемъ можно было бы ожидать самостоятельнаго развитія какъ реальнаго, такъ и классическаго образованія параллельно другъ съ другомъ, безъ искаженія главныхъ основъ котораго либо изъ нихъ. Можно было думать, что наконецъ опять вернулись къ единственно правильному педагогическому принципу, требующему, чтобы школа, не стремясь объять необъятное, удовлетворялась болѣе скромною, но и болѣе разумною задачей: обучать вполнѣ основательно тому, чему въ ней учатъ, соотвѣтственно основному ея направленію, предоставляя школамъ другихъ типовъ удовлетворять инымъ потребностямъ. Къ сожалѣнію, ожиданія не оправдались, по стеченію весьма разнообразныхъ обстоятельствъ, по большей части не имѣющихъ ничего общаго съ интересами просвѣщенія; другія вѣдомства не послѣдовали примѣру министра публичныхъ работъ, а въ восьмидесятыхъ годахъ прусское правительство совершенно отступило отъ намѣченнаго пути, и искусственнымъ поощреніемъ реальныхъ гимназій (бывшихъ реальныхъ училищъ 1 разряда), занимающихъ среднее мѣсто между классическою и реальною школой, но не удовлетворяющихъ требованіямъ ни той, ни другой, нанесло съ одной стороны прямой ущербъ гуманитарному образованію, а съ другой—на долгое время затормозило развитіе чисто реальныхъ училищъ,[1] которымъ тѣмъ не менѣе, по глубокому нашему убѣжденію, должно предстоять широкое распространеніе.

Между тѣмъ агитація, начавшаяся, какъ мы указали выше, съ ходатайствъ разныхъ городовъ, не только не прекращалась, но напротивъ все усиливалась, при чемъ постепенно въ нее были втянуты и самыя реальныя училища, въ лицѣ своихъ директоровъ и преподавателей, которые стали собирать съѣзды и основывать общества, съ первоначальною цѣлью выясненія значенія реальныхъ учебныхъ заведеній и возбужденія интереса къ нимъ въ обществѣ, но вскорѣ перешедшія отъ защиты интересовъ реальнаго образованія къ прямому нападенію на классическую школу; затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи этихъ обществъ, въ нихъ подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе разыгрывающихся страстей, а подчасъ и подъ вліяніемъ узкихъ лич-

[1] Въ 1886 г., вслѣдствіе ходатайства передъ палатой депутатовъ архитекторовъ, у высшихъ реальныхъ училищъ было отнято дарованное имъ въ 1879 г. право открывать своимъ воспитанникамъ доступъ въ архитектурную Академію (Bauakademie).

Digitized by Google

ныхъ интересовъ, стремленіе подорвать довѣріе къ классической школѣ и во что бы то ни было очернить ее хотя бы распространеніемъ далеко не всегда вѣрныхъ свѣдѣній, стало получать все бо́льшій перевѣсъ надъ заботой объ усовершенствованіи самихъ реальныхъ училищъ, и о доказательствѣ ихъ дѣйствительнаго достоинства и ихъ положительныхъ качествъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ среди указываемыхъ нами обществъ занялъ „союзъ дѣятелей по реальному образованію (Realschulmännerverein), открывшій свои дѣйствія въ 1875 году. Союзъ этотъ, какъ впрочемъ и всѣ подобныя общества, образовалъ изъ своей среды постоянный комитетъ, долженствующій всѣми способами поддерживать агитацію въ пользу реальныхъ училищъ (преимущественно I разряда) и добиваться расширенія ихъ правъ. Комитетъ этотъ выказалъ необычайную дѣятельность, и, благодаря его иниціативѣ, въ первые же годы его существованія, было подано нѣсколько петицій рейхстагу, палатѣ депутатовъ и разнымъ министрамъ. Затѣмъ, благодаря его же усиліямъ, число петицій, поданныхъ разными учрежденіями и лицами, быстро дошло до 80, при чемъ по поводу каждой петиціи депутатамъ и другимъ вліятельнымъ лицамъ разсылалось множество объяснительныхъ записокъ, брошюръ и т. п. Независимо отъ сего члены общества устраивали публичныя чтенія, а въ позднѣйшее время прибѣгали для пропаганды своихъ идей даже къ театральнымъ представленіямъ, ставя піесы, въ которыхъ въ лицахъ изображались глупость, тупоуміе и пошлость сторонниковъ гимназій и возвеличивались благородство; образованность и самоотверженіе сторонниковъ реальныхъ училищъ [1]. Но, несмотря на

[1] Въ отчетахъ „союза дѣятелей по реальному образованію“ встрѣчаются указанія на рядъ такихъ представленій. Особымъ успѣхомъ среди любителей подобнаго рода драматическаго искусства пользовалась піеса, носившая названіе „Die Taube von Hellas“, сочиненная директоромъ реальнаго училища въ Дюнсбургѣ Штейнбартомъ, въ которой авторъ, повидимому, вывелъ самого себя героемъ этого драматическаго произведенія. Въ отчетѣ союза за 1888—89 годъ содержится по поводу одного изъ представленій этой піесы интересное воззваніе Штейнбарта къ членамъ союза. Въ воззваніи своемъ онъ, радуясь успѣху, которымъ, по его словамъ, увѣнчалась постановка „Голубя Эллады“, объясняетъ, какъ трудно писать драматическія произведенія, въ виду того, что для этого требуется разнообразіе талантовъ, рѣдко соединяющихся въ одномъ лицѣ, а потому онъ и приглашаетъ членовъ союза (стр. 19 отчета) къ коллективному сочиненію драматическихъ піесъ, могущихъ служить средствомъ пропаганды идей союза, причемъ одни, обладая даромъ изобрѣтательности, могли бы сочинять фабулу, другіе сочинять діалоги, третіи должны были придавать піесѣ драматизмъ и т. д.

Digitized by Google

всѣ усилія общества, насчитывавшаго до 2.000 членовъ, и несмотря на то, что въ его отчетахъ ежегодно указывалось на блестящіе успѣхи, нельзя сказать, чтобы пропаганда союза достигла серіозныхъ результатовъ, если не считать результатомъ и успѣхомъ ту массу грязи, которою союзъ закидалъ гимназіи; петиція, обращенная союзомъ въ палату депутатовъ въ 1879 году, не получила разрѣшенія, вслѣдствіе роспуска палаты; коммиссія, разсматривавшая петицію, поданную канцлеру, по вопросу о допущеніи реалистовъ къ изученію медицины, высказалась противъ удовлетворенія ходатайства; наконецъ на запросъ министра Народнаго Просвѣщенія, обращенный, по ходатайству союза, ко всѣмъ существовавшимъ въ Пруссіи медицинскимъ обществамъ, 52 изъ общаго числа 161 подобныхъ обществъ высказались безусловно противъ допущенія реалистовъ на медицинскіе факультеты, 98 высказались противъ допущенія, но съ оговоркой о желательности нѣкоторыхъ преобразованій въ гимназіяхъ; 7 обществъ находили нежелательнымъ допущеніе реалистовъ на медицинскій факультетъ до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ открытъ доступъ и на всѣ остальные факультеты, и только 6 обществъ высказались (3 условно и 3 безусловно) за допущеніе реалистовъ на медицинскій факультетъ [1].

Понятно, что, при энергіи, съ которою противники классическихъ гимназій вели агитацію противъ нихъ, и въ виду почти

---

[1] Весьма любопытно отношеніе „союза дѣятелей по реальному образованію“ къ постигшей его неудачѣ. Органъ союза „Centralorgan für die Interessen des Realschulwesens“, за іюнь 1879 годъ, даетъ по сему предмету полное разъясненіе, изъ котораго видно, во-первыхъ, что союзъ рѣшилъ подать (и дѣйствительно подалъ) министру Народнаго Просвѣщенія весьма пространную записку (ibid 343), въ которой доказывается, что неблагопріятное отношеніе къ реальнымъ училищамъ громаднаго большинства медицинскихъ обществъ слѣдуетъ объяснить незнакомствомъ обществъ съ этими училищами, а равно недостаточнымъ пониманіемъ того, въ какой именно подготовкѣ нуждается медицинское образованіе, и, во-вторыхъ, видно, что правленіе союза, доложивъ отзывы медицинскихъ обществъ, вполнѣ успокоило членовъ союза, объяснивъ, къ общему удовольствію, что въ сущности отзывы эти вовсе не такъ неблагопріятны, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ, ибо 98 обществъ высказывалось противъ допущенія реалистовъ на медицинскій факультетъ не безусловно, а требовало нѣкоторыхъ измѣненій въ программахъ гимназій, между тѣмъ очень легко доказать, что требованія эти неосуществимы, и тогда эти 98 обществъ несомнѣнно откажутся отъ защиты гимназій и громадное большинство окажется на сторонѣ реальныхъ училищъ и „союза дѣятелей по реальному образованію“.

Digitized by Google

десятилѣтняго ожиданія реформы, объявленной самимъ правительствомъ, трудно было ожидать, чтобы печать сохранила желательное спокойствіе и безпристрастіе при обсужденіи преобразованія средняго образованія. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ семидесятыхъ годахъ, особенно въ Пруссіи и въ той части Германіи, которая находится подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ, полемика по школьному вопросу разгарается съ небывалою силой, при чемъ полемика эта съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе агрессивный характеръ по отношенію къ гимназіямъ, враги которыхъ приписываютъ имъ, и въ особенности преподаванію древнихъ языковъ, всѣ погрѣшности и неудобства существующей организаціи средняго образованія, и даже такіе недостатки школы, которые по самому своему существу не могутъ стоять ни въ какой связи съ преподаваніемъ того или другаго предмета и которые, встрѣчаясь въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ типовъ, очевидно находятся въ зависимости отъ другихъ обстоятельствъ, стоящихъ часто внѣ самой школы и происходящихъ отъ гораздо болѣе общихъ и глубокихъ причинъ.

Намъ придется еще вернуться къ разсмотрѣнію тѣхъ разнообразныхъ направленій, въ которыхъ литература по школьному вопросу развивалась за послѣдніе 20—30 лѣтъ, а потому мы не будемъ въ настоящее время входить въ подробное сужденіе по сему предмету, и укажемъ только, что въ литературѣ семидесятыхъ годовъ встрѣчаются всѣ тѣ направленія, о которыхъ мы упоминали, говоря о 1848 годѣ, особое же вниманіе обращаетъ на себя только то, что во 1-хъ вопросъ о правахъ все болѣе и болѣе обостряетъ споръ между сторонниками разныхъ системъ образованія, затемняя вмѣстѣ съ тѣмъ самую сущность дѣла, и во 2-хъ вопросъ о переутомленіи (къ которому всюду такъ чувствительно общество), возникающій въ дѣйствительности по отношенію ко всѣмъ видамъ учебныхъ заведеній, все рѣзче выдвигается на первый планъ, и притомъ преимущественно въ видѣ орудія борьбы съ противниками и средства повліять на общественное мнѣніе [1]. Затѣмъ къ числу сравнительно но-

[1] Стоитъ вспомнить, какъ часто враги классической школы пользовались и пользуются вопросомъ о переутомленіи, какъ орудіемъ противъ классическаго образованія, несмотря на то, что лучшія и самыя точныя изслѣдованія съ полною ясностью доказываютъ, что тамъ, гдѣ дѣйствительно существуетъ переутомленіе и излишнее обремененіе учащихся работой, зло это одинаково замѣчается въ реальныхъ и классическихъ

Digitized by Google

выхъ направленій, выступавшихъ въ прежнее время менѣе рѣзко, мы можемъ отнести во 1-хъ все усиливающееся требованіе предоставленія учащимся большей свободы въ выборѣ занятій и во 2-хъ доводимое до послѣдней крайности стремленіе къ усиленію въ школѣ исключительно національнаго, въ самомъ узкомъ смыслѣ, характера.

Наиболѣе выдающимися представителями перваго направленія явились въ семидесятыхъ годахъ два извѣстные педагога: Петеръ, ректоръ княжеской школы Шульпфорты, перешедшей, какъ мы имѣли случай упомянуть, послѣ 1815 года отъ Саксоніи къ Пруссіи, и Тихонъ Момзенъ (не слѣдуетъ смѣшивать его съ историкомъ Момзеномъ), долгое время служившій преподавателемъ и директоромъ въ разныхъ реальныхъ гимназіяхъ. Хотя предложенія Петера и Момзена разнятся во многомъ, но они сходятся въ томъ, что возстаютъ противъ развитой до крайности системы регламентаціи, заранѣе опредѣляющей все, что долженъ дѣлать какъ ученикъ, такъ и учитель и предъявляющей ко всѣмъ безусловно однообразныя требованія, а потому не оставляющей никакого простора свободѣ занятій и развитію личныхъ вкусовъ и наклонностей. Для устраненія этой погрѣшности школы какъ Петеръ такъ и Момзенъ предлагали строго разграничить низшее отдѣленіе гимназій (5-ти классное) отъ высшаго (4-хъ классное) и, сосредоточивъ обязательныя по всѣмъ предметамъ занятія въ младшемъ отдѣленіи, сохранить въ старшемъ отдѣленіи обязательныя занятія только по древнимъ языкамъ и математикѣ, а продолженіе изученія всѣхъ остальныхъ предметовъ предоставить свободному выбору и желанію учащихся. Не входя въ разсмотрѣніе практичности и цѣлесообразности предложеній Петера и Момзена, мы не можемъ однако не признать серьезнаго значенія за сущностью ихъ мысли, являющейся однимъ изъ первыхъ, ясно и опредѣленно формированныхъ, протестовъ, какъ противъ общей нивелировки, являющейся въ наши дни почти повсемѣстно характерною чертой организаціи школы, такъ и противъ чрезмѣрной регламентаціи, отнимающей у учащихъ и учащихся почти всякую сво-

---

заведеніяхъ, и въ первыхъ даже больше, чѣмъ въ послѣднихъ. Можемъ для подтвержденія этого сослаться на превосходныя изслѣдованія, произведенныя въ Швеціи и тщательно разработанныя профессоромъ Axel Key, на трудъ коего (въ нѣмецкомъ переводѣ „Schulgygieniche Untersuchungen von Axel Key bearbeitet von Bürgerstein) мы неоднократно ссылались въ I-мъ выпускѣ нашей работы.

Digitized by Google

боду дѣйствій и возможность индивидуальнаго развитія. Эта основная мысль, насколько она касается необходимости, съ одной стороны большей концентраціи школьной работы, а съ другой — большей свободы, заключаетъ въ себѣ такъ много вѣрнаго, что съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ и на конференціи 1890 г. стала однимъ изъ главныхъ предметовъ ея сужденій, хотя, къ сожалѣнію, не получила еще должнаго разрѣшенія. Та же мысль побудила маститаго ветерана прусскаго учебнаго вѣдомства Визе высказать (уже послѣ оставленія службы) въ брошюрѣ своей „Pedagogiche Ideale und Proteste“ убѣжденіе, что неудовольствіе общества относительно современной школы главнымъ образомъ объясняется постоянно чувствуемою, хотя не всегда ясно сознаваемою необходимостью предоставленія школѣ большей свободы [1].

Что касается втораго направленія, т. е. требованія усиленія въ школѣ національнаго элемента, то оно получило въ послѣднее время широкое, но, по нашему мнѣнію, совершенно неправильное развитіе. Блестящія побѣды надъ Франціей и объединеніе Германіи вскружили голову очень многимъ. Образовалась группа людей, особенно значительная въ Пруссіи, которой казалось, что съ новою эрой, наступившею для Германіи послѣ 1870 года, нѣмцы настолько переродились, что превратились въ особую, совершенно новую породу, стоящую внѣ и даже надъ всѣмъ человѣчествомъ, а потому долженствующую — со дня великихъ событій господствовать надъ остальнымъ культурнымъ міромъ и развиваться исключительно изъ себя самой, безъ всякаго инаго соотношенія съ нимъ. Независимо отъ сего господства новѣйшіе націоналисты желаютъ предать забвенію вообще все то, что предшествовало побѣдамъ Германіи, не

[1] На стр. 32 указанной нами брошюры Pedagogische Ideale und Proteste, ein Votum von L. Wiese, Berlin 1884, Визе послѣ краткаго историческаго введенія говоритъ: „Erreicht die vorangeschichte historische Betrachtung ihren Zwuk, so vernehmen wir nun auch aus den Besorgissen die in unserer Zeit laut geworden sind, nichts anderes als einen Ruf nach Freiheit, und war einer solchen, die mehr auf sich hat als Erledigung von überbürdenden Schulforderungen wenn diese auch den ersten Anlass zu den Klagen gegeben haben“. А нѣсколько далѣе Визе пишетъ: „Eine unbefangene und den geschichtlichen Zusammenhang festhaltende Auffassung Kann jedoch bei den nächsten und vereinzelten Wahrnehmungen nicht stehen bleiben: *sie haben ihr nur die Bedeutung sich ergebender Folgen neben den tieferen Grende, der unseren Dafürhaltens in den Verhältnissen des Staates zur Schule gesucht werden muss.*

исключая и собственнаго ея прошлаго, которое, какъ выходитъ изъ ихъ словъ, слѣдуетъ во славу обновленнаго отечества выкинуть за бортъ.

Подобные взгляды, начавъ проявляться вскорѣ послѣ событій 1871 г., стали все чаще и чаще повторяться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ очень многими и получили по отношенію къ школьному вопросу наибольшее развитіе въ восьмидесятыхъ годахъ. Какъ на характерныхъ представителей этого направленія, мы могли бы указать на двухъ выдающихся агитаторовъ по школьному вопросу (дѣятельность коихъ впрочемъ главнымъ образомъ относится къ восьмидесятымъ годамъ) профессора Прейера и доктора Ланге — редактора органа „союза для достиженія школьной реформы“ (Verein fur Schulreform).

Оба они, какъ бы въ видѣ торжественнаго припѣва ко всѣмъ своимъ сужденіямъ по школьному вопросу, ссылаются на своеобразно понимаемое чувство національности и патріотизма, какъ на ultima ratio рѣшенія школьнаго вопроса, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о такихъ предметахъ, которые не стоятъ и не могутъ стоять ни въ какой связи ни съ чувствомъ патріотизма, ни съ національностью.

Такъ, напримѣръ, необходимость отказаться въ Германіи отъ классическаго образованія г. Прейеръ довольно наивно мотивируетъ тѣмъ, что древніе жители Греціи и Италіи, обладая громадными преимуществами передъ всѣми другими народами, долгое время занимали благодаря этому въ ихъ культурѣ первенствующее мѣсто, но въ наши дни положеніе дѣла совершенно перемѣнилось: теперь Германія имѣетъ на своей сторонѣ всѣ преимущества, а потому ей должны завидовать и подражать другіе народы; она же сама болѣе не нуждается въ древнихъ образцахъ [1].

Докторъ же Ланге, говоря объ успѣхахъ Германіи, возвышающихъ ее надъ всѣмъ ея прошлымъ, находитъ, что наступила пора, когда во имя обновленной Германіи слѣдуетъ сдать творенія Гёте въ музей, наподобіе мумій, предоставивъ спеціалистамъ Гетовской поэзіи поклоняться имъ [2]. Затѣмъ на-

[1] Мысли эти высказаны г. Прейеромъ въ „Neue Deutsche Schule“ (Monatsschrift) Heft 1, 1889, въ статьѣ „Naturforschung und Schule“, написанной въ разъясненіе произнесенной Прейеромъ въ 1887 году рѣчи, изданной подъ тѣмъ же заглавіемъ.

[2] Въ первомъ выпускѣ настоящаго нашего труда (1891 г.) мы приводимъ слова Ланге („Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія“, гл. 1, стр. 83—89.

Digitized by Google

этой же почвѣ г. Ланге строитъ свои требованія по школьному вопросу.

Указавъ на тѣ разнообразныя направленія, которыя проявлялись въ литературѣ и въ общественномъ мнѣніи въ то время, когда въ Пруссіи готовилась реформа 1882 года, мы, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію самой этой реформы, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о положеніи въ ту же эпоху школьнаго вопроса въ другихъ болѣе крупныхъ государствахъ Германіи.

Мы уже имѣли случай упомянуть, что въ Вюртембергѣ, Баденѣ и Баваріи реорганизація среднихъ учебныхъ заведеній состоялась уже раньше, чѣмъ въ Пруссіи, при чемъ, несмотря на нѣкоторое объединеніе общаго строя средняго образованія во всей Германіи, каждое изъ этихъ государствъ удержало пока въ своихъ школахъ многія особенности: такъ, напримѣръ, Бавaрія сохранила свои старинныя латинскія школы, Вюртембергъ удержалъ десятиклассный составъ гимназій и т. д., но, при всемъ разнообразіи нѣкоторыхъ оттѣнковъ, общею характерною чертой развитія средняго образованія въ этой части Имперіи, точно такъ же, какъ и на Сѣверѣ, является постепенное возникновеніе въ періодъ времени послѣ 50-хъ и до 80-хъ годовъ различныхъ видовъ учебныхъ заведеній реальнаго направленія [1], при чемъ между Южною и Сѣверною Германіей замѣчается та разница, что въ первой, съ одной стороны, гимназіи сохранили въ большей чистотѣ классическій характеръ, а съ другой стороны, реальное направленіе, довольствуясь открытыми ему путями, гораздо менѣе стремилось проникнуть въ гимназіи и ослабить ихъ гуманитарный характеръ.

Въ томъ же направленіи, какъ и въ Южной Германіи, но позднѣе и почти одновременно съ Пруссіей, осуществилась учебная реформа въ Саксоніи. Здѣсь касающееся гимназій положеніе 8 іюля 1882 года хотя по сравненію съ Пруссіей и не усилило числа уроковъ по древнимъ языкамъ, но зато съ особою настойчивостью указало на нихъ, какъ на центръ всего гимназическаго образованія (§ 12 Положенія) и подчеркнуло безъ всякихъ компромиссовъ чисто классическій характеръ гимназій.

Возвращаясь затѣмъ къ Прусской учебной реформѣ, мы не

---

[1] Ознакомленію съ ходомъ развитія реальнаго образованія въ Германіи мы посвящаемъ особую главу.

Digitized by Google

можемъ прежде всего не обратить вниманія на то, что къ двумъ уже существовавшимъ видамъ средне-учебныхъ заведеній высшей категоріи, то-есть къ гуманистическимъ (классическимъ) гимназіямъ съ преподаваніемъ обоихъ древнихъ языковъ, и къ реальнымъ гимназіямъ (переименованнымъ изъ реальныхъ училищъ 1 разряда) съ преподаваніемъ одного лишь латинскаго языка, Положеніе 31 марта 1882 года присоединяетъ третій типъ средней школы, а именно: девятиклассныя высшія реальныя училища (Ober-Realschulen), въ программы коихъ древніе языки вовсе не входятъ, а главною основой всего курса служатъ математика съ физикой и естествовѣдѣніемъ и два новыхъ языка (французскій и англійскій).

Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ измѣненіями, произведеннымп Положеніемъ 1882 года, по сравненію съ положеніемъ о гимназіяхъ 1856 и съ Положеніемъ о реальныхъ училищахъ 1859 гг., мы приведемъ здѣсь сравнительныя таблицы уроковъ въ классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ и въ высшихъ реальныхъ училищахъ.

I. **Сравнительная таблица числа недѣльныхъ уроковъ въ теченіе девятилѣтняго курса прусскихъ классическихъ гимназій въ 1856 и 1882 гг.**

	Законъ Божій.	Нѣмецкій языкъ.	Латинскій языкъ.	Греческій языкъ.	Французск. языкъ.	Исторія и географія.	Математика.	Физика.	Естествовѣдѣніе.	Рисованіе	Чистописаніе.	Общее число уроковъ.
Въ 1856 г...	20	20	86	42	17	25	32	6[1]	8[1]	6	6	268
„ 1882 г...	19	20	77	40	21	28	34	8[2]	10[3]	8	4	268

[1] Описательное естествовѣдѣніе преподавалось въ 1-мъ и 2-мъ классахъ (по нашему счету), при 2-хъ урокахъ въ недѣлю, прерывалось въ 3-мъ классѣ и возобновлялось въ 4-мъ опять, при 2-хъ урокахъ. Физика преподавалась въ 6-мъ и 7-мъ классахъ при одномъ урокѣ въ недѣлю и въ 8-мъ и 9-мъ классѣ при двухъ урокахъ въ недѣлю.

[2] По два урока въ недѣлю во всѣхъ четырехъ старшихъ классахъ.

[3] По два урока въ недѣлю въ пяти младшихъ классахъ.

Digitized by Google

II. Сравнительная таблица числа недѣльныхъ уроковъ въ теченіе девятилѣтняго курса прусскихъ реальныхъ училищъ I-го разряда (реальныхъ гимназій) въ 1859 и 1882 гг.

	Законъ Божій.	Нѣмецкій языкъ.	Латинскій языкъ.	Французск. языкъ.	Англійскій языкъ.	Исторія и географія.	Математика.	Физика.	Естествовѣд. и химія.	Рисованіе.	Чистописаніе.	Общее число уроковъ.
Въ 1859 г...	20	29	44[1]	34[2]	20[3]	30	47	34[3]		20	7	285
„ 1882 г...	19	27	54	34	20	30	44	6	24	18	4	280
								30				

III. Таблица уроковъ въ высшихъ реальныхъ училищахъ.

	Законъ Божій.	Нѣмецкій языкъ.	Французск. языкъ.	Англійскій языкъ.	Исторія и географія.	Математика.	Физика.	Естествовѣдѣніе.	Химія.	Рисованіе.	Чистописаніе.	Общее число уроковъ.
Въ 1882 г...	19	30	56	26	30	49	14	13[1]	9[2]	24	6	276

[1] Къ преподаванію латинскаго языка примѣнена система „der gleichenden Leala“, т. е. система, въ силу коей въ младшихъ классахъ назначается наибольшее число уроковъ, а затѣмъ въ среднихъ и старшихъ классахъ число уроковъ идетъ постепенно уменьшаясь, при чемъ имѣется въ виду преимущественно изученіе самаго языка (что всегда происходитъ въ младшихъ и среднихъ классахъ), а затѣмъ уже въ среднихъ и старшихъ классахъ чтеніе ведется въ ограниченномъ размѣрѣ, при сравнительно маломъ числѣ уроковъ. Уроки латинскаго языка распредѣлялись по классамъ (начиная съ I-го) слѣдующимъ образомъ: 8, 6, 6, 5, 5, 4, 4, 3, 3.

[2] Начиная со втораго класса.

[3] Начиная съ 4-го класса.

[4] Описательное естествовѣдѣніе (Naturbeschreibung) преподавалось въ младшихъ классахъ, а химія, параллельно съ физикой, въ старшихъ.

[1] Въ классахъ отъ 1 до 7 включительно.

[2] Въ 4-хъ старшихъ классахъ.

Digitized by Google

Бѣглаго взгляда на эти таблицы достаточно, чтобъ убѣдиться, что реформа 1882 года коснулась учебныхъ заведеній съ реальнымъ направленіемъ болѣе существеннымъ образомъ, чѣмъ классическихъ гимназій, при чемъ важнѣйшею безспорно мѣрой является окончательная организація чисто реальныхъ школъ (безъ древнихъ языковъ), съ весьма серьезною учебною программой и съ тѣмъ же числомъ классовъ, которое имѣется въ гимназіяхъ, что и обусловило (и по нашему мнѣнію совершенно справедливо) причисленіе высшихъ реальныхъ училищъ къ высшей категоріи средне-учебныхъ заведеній, а затѣмъ, вмѣстѣ съ признаніемъ за ними общеобразовательнаго значенія, открыло ихъ воспитанникамъ доступъ къ нѣкоторымъ видамъ высшаго образованія и къ нѣкоторымъ высшимъ профессіямъ.

Такимъ образомъ, положеніе 1882 года, по отношенію къ реальнымъ училищамъ, весьма существенно отступало отъ положенія 1859 года, которое, придавая всѣмъ школамъ, въ которыхъ не преподавался, хотя бы одинъ древній языкъ, то-есть всѣмъ реальнымъ училищамъ, кромѣ училищъ 1-го разряда, до извѣстной степени подчиненное значеніе, вовсе исключало ихъ изъ числа заведеній, могущихъ открывать доступъ къ службѣ, или къ какому бы то ни было высшему образованію, и въ этихъ видахъ ограничивало нормальный курсъ такихъ училищъ шестью классами [1].

Если обратиться затѣмъ къ классическимъ и реальнымъ гимназіямъ, то мы опять-таки видимъ, что реформа 1882 года затронула организацію послѣднихъ сравнительно больше, чѣмъ

[1] Въ настоящее время высшія реальныя училища открываютъ доступъ: а) въ университеты для изученія математики, по каковому предмету воспитанники сихъ училищъ допускаются затѣмъ къ испытанію на званіе учителя, б) въ высшія учебныя заведенія и къ службѣ по горному и лѣсному вѣдомству, в) въ высшія учебныя заведенія и къ служебнымъ испытаніямъ по строительному, а равно машино и судостроительному вѣдомству, г) воспитанники высшихъ реальныхъ училищъ принимаются въ почтовое и телеграфное вѣдомство въ качествѣ учениковъ (Eleve). Наконецъ дополнительный экзаменъ въ объемѣ гимназическаго курса по обоимъ древнимъ языкамъ, или по одному латинскому, даетъ аттестату высшихъ реальныхъ училищъ силу аттестата гимназій или реальныхъ гимназій, по принадлежности, д) по воинской повинности высшія реальныя училища сравнены съ гимназіями и реальными гимназіями. До реформы же 1882 г. учебныя заведенія безъ древнихъ языковъ могли имѣть лишь 6 классовъ, а если они, въ качествѣ частныхъ заведеній, имѣли и бо́льшее число классовъ, то права ихъ все-таки ограничивались правами шестиклассныхъ учебныхъ заведеній.

Digitized by Google

первыхъ, ибо новые учебные планы реальныхъ гимназій, сокративъ преподаваніе главныхъ реальныхъ предметовъ (математики, физики и естественныхъ наукъ), приблизительно на $^1/_{10}$, въ то же время увеличили число уроковъ по латинскому языку съ 44 на 56 уроковъ, то есть болѣе чѣмъ на 25%, чѣмъ реальный характеръ реальныхъ гимназій былъ несомнѣнно значительно ослабленъ. Въ гуманистическихъ же гимназіяхъ, хотя преподаваніе главныхъ (классическихъ) предметовъ тоже подверглось сокращенію (по латинскому языку на 9 уроковъ изъ 86, и по греческому на 2 изъ 42), а реальные предметы (математика, физика и естествовѣдѣніе) были напротивъ нѣсколько усилены, но мѣропріятія эти являлись менѣе существенными, чѣмъ тѣ, которыя относились къ реальнымъ гимназіямъ, и менѣе измѣняли классическій характеръ гуманистическихъ гимназій [1]. Но затѣмъ, несмотря на то, что разъяснительный циркуляръ къ новымъ учебнымъ планамъ категорически указываетъ на невозможность совмѣщенія въ одной школѣ реальнаго и классическаго направленія безъ чрезмѣрнаго обремененія учащихся [2], въ учебной реформѣ 1882 года тѣмъ не менѣе прямо бросается въ глаза именно стремленіе сблизить курсъ классическихъ и реальныхъ гимназій и сдѣлать классическія гимназіи менѣе классическими, а реальныя еще менѣе реальными. Подобное сближеніе курса двухъ различныхъ категорій гимназій объяснительный циркуляръ 31 марта 1882 г. (п. 2) старается оправдать желаніемъ облегчить переходъ изъ одного заведенія въ другое, въ каковыхъ видахъ для первыхъ трехъ классовъ, то-есть до начала изученія греческаго языка, для классическихъ и для реальныхъ гимназій, установлены возможно тождественныя программы. Но въ дѣйствительности, если не ограничи-

---

[1] Важнѣйшія нововведенія, установленныя въ гимназіяхъ учебными планами 1882 года, касались распредѣленія предметовъ по классамъ и заключались въ томъ, что, вопервыхъ, начало преподаванія греческаго языка было отодвинуто изъ „Quarta“ въ „Unter Tertia“, то-есть изъ 3-го въ 4 й классъ по нашему счету, съ увеличеніемъ однако числа уроковъ въ первые годы преподаванія. Начало же изученія французскаго языка было передвинуто изъ 1-го во 2-й классъ (какъ это прежде практиковалось въ реальныхъ гимназіяхъ). Распредѣленіе преподаванія естествовѣдѣнія было улучшено тѣмъ, что предметъ этотъ сталъ преподаваться безъ перерыва, въ 5-ти младшихъ классахъ, въ то время, какъ по Положенію 1856 года преподаваніе это прерывалось, какъ мы уже указали выше, въ 3-мъ классѣ, что очевидно было нецѣлесообразно.

[2] Объяснительный циркуляръ 31 марта 1882 года, п. 1-й.

Digitized by Google

ваться однимъ счетомъ числа уроковъ (которое все-таки не одинаково въ 3-хъ младшихъ классахъ классическихъ и реальныхъ гимназій) и если вникнуть въ содержаніе программъ этихъ классовъ, то нельзя не убѣлиться, что цѣль, указанная въ циркулярѣ, вовсе недостигнута, и что переходъ изъ заведенія одной категоріи въ заведеніе другой требуетъ, при дѣйствіи Положенія 1882 года, почти такихъ же вспомогательныхъ мѣръ, какѣ и тѣ, къ которымъ прибѣгали и въ прежнее время, а именно, допущенія диспенсацій (освобожденія отъ нѣкоторыхъ занятій) и устройства дополнительныхъ уроковъ по тѣмъ предметамъ, по которымъ необходимо (въ виду предстоящей перемѣны заведенія), такъ сказать, подогнать ученниковъ.

Сказаннаго нами достаточно, мы полагаемъ, чтобы объяснить общій характеръ реформы 1882 г., которая при нѣкоторыхъ ея серьезныхъ достоинствахъ, каковыми является, напримѣръ, организація высшихъ реальныхъ училищъ, и болѣе правильное распредѣленіе преподаванія, стала тѣмъ не менѣе на опасный путь компромиссовъ, съ одной стороны не достигающихъ цѣли, а съ другой—никого не удовлетворяющихъ.

И дѣйствительно, очень скоро оказалось, что реформой недовольны всѣ.

Съ одной стороны защитники гуманитарнаго образованія сожалѣли о томъ, что сокращеніе преподаванія древнихъ языковъ, ослабивъ ихъ значеніе въ гимназіяхъ, тѣмъ самымъ колебало главную основу гимназическаго образованія, а нѣкоторое усиленіе въ классическихъ гимназіяхъ преподаванія реальныхъ предметовъ, только усложняло ихъ задачу, не принося достаточной пользы, чѣмъ нарушалась цѣльность курса и единство преподаванія, безъ которыхъ почти немыслимо серьезное образованіе.

Съ другой стороны приверженцы реальнаго образованія находили, что измѣненіе курса классическихъ гимназій недостаточно радикально, а уступки, сдѣланныя гуманитарному направленію въ реальныхъ гимназіяхъ, слишкомъ велики, тѣмъ болѣе, что уступки эти, на которыя при обсужденіи реформы сторонники реальнаго направленія соглашались только въ надеждѣ этою цѣной купить расширеніе правъ реальныхъ училищъ, не привели въ достаточной мѣрѣ къ желанной цѣли. Наконецъ тѣ, которые, указывая на переутомленіе, требовали реформы во имя устраненія этого зла, находили, что въ этомъ отношеніи реформа ничего не сдѣлала.

Digitized by Google

Такое общее недовольство имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что волненіе умовъ по школьному вопросу не только не улеглось, но напротивъ усилилось и повело, можно сказать, на другой же день послѣ реформы 1882 года,—къ требованію новыхъ преобразованій и къ возобновленію съ небывалымъ ожесточеніемъ борьбы по этому поводу [1].

Вмѣстѣ съ тѣмъ полемическая литература по школьному дѣлу послѣ 1882 г. до такой степени разростается, что для подробнаго разбора ея потребовалось бы слишкомъ много времени и мѣста, почему мы вынуждены будемъ, говоря о позднѣйшемъ развитіи школьнаго вопроса послѣ 1882 года, ограничиться указаніями только на важнѣйшія и наиболѣе выдающіяся явленія въ этой области.

Затѣмъ, имѣя въ виду, что послѣ реформы 1882 года судьбы классическихъ гимназій и реальныхъ учебныхъ заведеній все болѣе и болѣе переплетаются между собой, мы находимъ умѣстнымъ посвятить слѣдующую главу нашего труда исторіи развитія въ Германіи реальнаго образованія.

(*Продолженіе будетъ*).

Графъ П. Капнистъ.

[1] Почти одновременно съ реформой въ Пруссіи, подобное же преобразованіе произошло въ Саксоніи, съ тою разницей, что по отношенію къ гимназіямъ саксонское положеніе 8 іюля 1882 г. осталось болѣе вѣрнымъ основнымъ принципамъ гуманитарнаго образованія.

Digitized by Google

ДВѢ ЛЕГЕНДЫ.

I.

Въ бѣдной хатѣ въ Назаретѣ
Обиталъ ребенокъ-Богъ.
Онъ однажды на разсвѣтѣ
Сѣлъ тихонько на порогъ,—
Забавляясь влажной глиной,
Онъ кускамъ ея давалъ
Жизнь и образъ голубиный,
И по воздуху пускалъ,—
И неслись они далеко,
И блаженство бытія
Возвѣщала отъ Востока
Новозданная семья.

О, Божественная Сила,
И ко мнѣ сходила Ты
И душѣ моей дарила
Окрыленныя мечты,—
Утромъ дней благоуханныхъ
Жизни трепетной моей,—
Вереницы новозданныхъ
Назаретскихъ голубей.
Ниспосли еще мнѣ снова
Въ жизнь туманную мою
Изъ холодного земного
Сотворенную семью.

Digitized by Google

II.

Великой мукой крестной
Томился Царь Небесный,
Струилась кровь изъ ранъ,
И на Христовы очи,
Предвѣстникъ смертной ночи,
Всходилъ густой туманъ.

Архистратигъ великій,
Незримъ толпою дикой,
Предсталъ Царю царей,
И, ужасомъ томимы,
Слетѣлись серафимы
Съ мечами изъ огней.

„Христосъ, довольно муки!
На ангельскія руки
Уйди отъ смертной тьмы.
Скажи, чтобы съ мечами
И съ грозными очами
Толпѣ предстали мы,

„Чтобъ Творческая Сила
Плѣнила, устрашила
Блуждающихъ во мглѣ,
И царство благодати
Трудами нашей рати
Воздвиглось на землѣ“.

Сказалъ ему Спаситель:
„Не ты—судебъ рѣшитель.
Напрасно ты спѣшилъ.
Насилія не надо,—
Любовь и въ безднѣ ада
Сильнѣй небесныхъ силъ.

„Одна неправда—тлѣнна.
Безсмертна, неизмѣнна,
Какъ истина, любовь.
Предъ ней трепещетъ злоба.
Изъ мертвой сѣни гроба
Любовь возстанетъ вновь“.

Ѳедоръ Сологубъ.

Digitized by Google

ГОДЫ СЛУЖБЫ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА ВЪ МОСКОВСКОМЪ ЦЕНЗУРНОМЪ КОМИТЕТѢ. [1]

1859-й годъ.

VI.

Убѣдившись въ ошибочности путей, коими шла научно-философская мысль на Западѣ, Гиляровъ пришелъ къ выводу, что равно ложны и основы соціальной жизни европейскихъ народовъ. Если „раціонализмъ“ съ одной стороны и „инстинктуализмъ“ съ другой не дали въ своихъ системахъ мѣста самому человѣку, съ его духовными потребностями и цѣлями, то, наоборотъ, въ самой жизни западныхъ государствъ господствовалъ практическій *индивидуализмъ*, возводимый въ болѣе или менѣе послѣдовательную доктрину. Онъ является сознательнымъ стремленіемъ къ тому, чтобы единичныя человѣческія существа стали безусловными господами своей жизни, съ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ принудительныхъ общественныхъ связей. Въ этомъ смыслѣ индивидуализмъ противополагается традиціонному строю церковному, государственному и національному. [2]

Противъ крайностей безграничной свободы личности, скрывавшихъ въ себѣ безпредѣльный эгоизмъ, выступили соціализмъ и коммунизмъ, въ свою очередь перешедшіе въ противоположную крайность. Гиляровъ въ своей статьѣ *Личное и Общественное* посмотрѣлъ на соціальный вопросъ западно-европейской жизни съ *восточной* точки зрѣнія, съ точки зрѣнія христіанской любви, какъ основы соціальной жизни. „*Личное и Общественное*“, пи-

[1] См. *Русское Обозрѣніе* №№ 7, 8, 10, 11, 12—1897 г. и №№ 1, 2 и 3—1898 года

[2] Вл. Соловьевъ, въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза.

Digitized by Google

салъ онъ Романову отъ 23 ноября 1886 года, „касается существеннѣшей темы періода, переживаемаго теперь человѣчествомъ. Рѣшеніемъ этого вопроса и живетъ теперь человѣчество. Рѣзче всего онъ обозначается на экономической и политической почвѣ, то-есть борьбы между либерализмомъ и соціализмомъ, буржуазіей и пролетаріатомъ, парламентарностью и коммуной etc. Та же борьба переносится и въ сферу этики и даже въ метафизику и естественныя науки,—но центръ—въ экономическихъ вопросахъ, въ размежеваніи капитала и труда".

Въ 50-хъ годахъ, въ числѣ другихъ модныхъ европейскихъ доктринъ, проникла въ нашу печать и проповѣдь *индивидуализма*. Горячимъ проводникомъ этого ученія въ русское общество явился г. Дубенскій въ своей статьѣ „Свобода и рабство", помѣщенной въ *Журналѣ Землевладѣльцевъ* 1859 года № 22. На эту статью и отвѣтилъ Гиляровъ въ № 24 того же журнала статьей *„Личное и Общественное"*.

„Только въ XIX вѣкѣ", говоритъ Дубенскій [1] — „сбросившемъ съ христіанскаго человѣчества иго классицизма, поняли настоящимъ образомъ *свободу* и значеніе человѣка. Только недавно сталъ понемногу терять свой кредитъ тотъ нравственный коммунизмъ, который, попирая законы природы, не могъ себѣ представить просвѣщеннаго человѣка иначе, какъ членомъ общества, человѣчества и даже вселенной". Проповѣдуемый Дубенскимъ индивидуализмъ признавалъ отсталыми и нехристіанскими такія правила, что „для блага общаго нужно жертвовать личными интересами", или „что въ обществѣ каждый долженъ думать обо всѣхъ и всѣ о каждомъ". Единственнымъ основаніемъ всему провозглашена имъ *личность*.

Гиляровъ находитъ, что слово „индивидуализмъ" только затемняетъ настоящее названіе этого ученія, которое заслуживало бы скорѣе имени „безграничнаго эгоизма", ибо утверждать необязательность пожертвованія личными интересами для блага общественнаго значитъ утверждать необходимость пожертвованія общественнымъ благомъ для личныхъ интересовъ. „Индивидуализмъ", говоритъ онъ, „защищая начало личности, вовсе не думаетъ и не хочетъ утверждать эгоизмъ и притомъ въ его безконечномъ, сколько возмутительномъ, столько же и неосуществи-

[1] „Свобода и Рабство. Отношеніе между свободой и собственностью. Истинное значеніе рабства. Нѣсколько словъ о равенствѣ". *Журналъ землевладѣльцевъ*. 1859 г. № 22, стр. 212.

Digitized by Google

момъ смыслѣ.[1] Но на дѣлѣ выходитъ такъ, и выходитъ именно потому, что начало личности само по себѣ уже несовмѣстимо съ идеей общества. Общество есть именно ограниченіе личности. Мы въ силу того и собираемся въ общество, что каждый изъ насъ поступается частію своихъ личныхъ интересовъ, частію своей личной свободы,—отказывается каждый отъ своей исключительности. Итакъ, коль скоро мы не только становимъ личность началомъ, но даже просто даемъ ей самостоятельное, неограниченно-независимое значеніе, мы тѣмъ самымъ уже неизбѣжно подрываемъ основаніе общества, отнимаемъ у него свободу въ пользу своей... Отрицаніе подчиненнаго значенія личности есть, само по себѣ, уже отрицаніе всякаго значенія общественности; и, слѣдовательно, мысль о необязательности личныхъ пожертвованій, объ отсутствіи членовности отдѣльныхъ лицъ по отношенію къ обществу, о неестественности круговой заботы всѣхъ и каждаго, есть именно эгоизмъ въ его саморазрушающемъ значеніи. Индивидуализмъ есть именно эгоизмъ, съ тою только разницей, что это эгоизмъ скрытый, къ основному своему противорѣчію прибавляющій еще новое противорѣчіе внутренней непослѣдовательности,— желающій при основномъ своемъ началѣ сохранить то самое, къ разрушенію чего онъ именно стремится, разрушеніе чего составляетъ самую его сущность".

Дубенскій съ другими индивидуалистами полагаетъ, что основаніемъ къ успѣхамъ европейской цивилизаціи послужило современное имъ движеніе развитія личности. Гиляровъ полагаетъ совершенно противное: именно, что цивилизація развилась по-

---

[1] Дубенскій старается даже защитить *индивидуализмъ* отъ смѣшенія съ эгоизмомъ. „Могутъ найтись люди, интенсивный умъ которыхъ не задумается найти сходство между индивидуализмомъ и эгоизмомъ. Осмѣливаемся утверждать, что, напротивъ того, изложенное въ этой статьѣ ученіе наноситъ эгоизму ударъ болѣе сильный, нежели всѣ ложно-филантропическія теоріи соціалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы обращаемъ вниманіе на значеніе человѣческой личности, требуемъ уваженія къ ней,—неужели это эгоизмъ? Мы говоримъ *каждому* человѣку: развивай силы, совершенствуйся, потому что чѣмъ болѣе ты будешь развитъ, тѣмъ будешь свободнѣе; уважай другихъ, отдавай справедливость каждому, въ своихъ сношеніяхъ съ людьми имѣй всегда въ виду, что они такія же свободныя личности, какъ ты самъ. Цѣни ихъ достоинства и будь снисходительнымъ къ ихъ недостаткамъ... Мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что индивидуализмъ болѣе согласенъ съ истиннымъ человѣколюбіемъ, нежели всякая другая философская система". *Ж. З.* № 22, стр. 229—230.

Digitized by Google

мимо развитія личности и часто вопреки ему; что *личное начало задерживало успѣхи просвѣщенія*, а не способствовало ему. „Католицизмъ, говоритъ онъ, есть высшее освященіе личнаго авторитета въ сферѣ религіи: ему въ бытѣ вполнѣ соотвѣтствовала форма феодальныхъ отношеній. То, что составляетъ основную идею теперешняго индивидуализма,— идея личнаго самоуваженія,— возникло, развилось и получило значеніе именно въ эту пору. И это — пора рабства и крайняго невѣжества. Протестантизмъ смягчилъ личное начало, замѣнивъ личный авторитетъ личною же свободой, по отношенію къ авторитету абстрактному; ему соотвѣтствуетъ теперешнее модное общественное устройство, основанное на такъ называемомъ общественномъ равновѣсіи,—на отвлеченномъ равновѣсіи взаимно-противоположныхъ или даже враждебныхъ элементовъ. И это смягченіе личнаго начала, именно самое изгнаніе прямаго личнаго авторитета и замѣна его абстрактнымъ, принесло свой плодъ въ успѣхахъ просвѣщенія.

„Но исчезло ли все-таки при этомъ, скажемъ кстати, рабство въ Европѣ? Нѣтъ, оно только смѣнило свой видъ на другой. Сколько ни толкуйте, а насиліе капитала надъ трудомъ, право, стоитъ стараго патріархальнаго насилія господина надъ рабомъ. Различіе только въ томъ, что право насилія перешло изъ однихъ рукъ въ другія, отъ аристократовъ къ богачамъ, и потеряло прежнюю непосредственность, достигая того же результата путемъ болѣе далекимъ и процессомъ болѣе сложнымъ.

„Скажемъ, наконецъ, о другой, еще новой возникающей власти, которая идетъ умѣрить и, если можно, смѣнить собою голую власть богача, хотя и болѣе тонкую, чѣмъ прежняя власть господина, но все-таки очень замѣтную, и уже чувствуемую теперь въ ея тяжести, и которую восхваляютъ нынѣшніе публицисты, какъ верхъ освобожденія, какъ цвѣтъ просвѣщенія, какъ окончательное выраженіе нормальной цивилизаціи. Мы говоримъ о власти общественнаго мнѣнія. Признавая вполнѣ всю законность общественнаго мнѣнія, коль скоро оно дѣйствительно основано на всецѣломъ общественномъ духѣ, и,—прибавимъ къ этому,—коль скоро самъ общественный духъ подчиняетъ себя высшимъ требованіямъ, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что при современномъ господствующемъ началѣ единственная форма, въ которой можетъ осуществиться власть общественнаго мнѣнія, есть и будетъ тѣмъ же насиліемъ надъ свободой, какъ и всякое другое. Это будетъ насиліе не госпо-

Digitized by Google

дина надъ рабомъ, или плантатора надъ негромъ, не богача надъ бѣднымъ, но насиліе болѣе ловкихъ, болѣе остроумныхъ надъ лицами болѣе простодушными и честными, болѣе скромными, хоть, можетъ быть, иногда и не менѣе даровитыми. И, если хотите, это насиліе еще хуже всякаго другого. Это—насиліе соблазна и обольщенія; это насиліе, поражающее уже не физическую сторону человѣка, и не внѣшнее выраженіе его убѣжденія, но идущее противъ самаго священнаго тайника человѣческой свободы. И тѣмъ оно опаснѣе, чѣмъ оно тоньше: оно убиваетъ свободу въ самомъ корнѣ, подъ видомъ уваженія именно къ той же самой свободѣ.—Мы говоримъ, разумѣется, въ томъ предположеніи, что началомъ сохранится все-таки то же начало личности.

„Сейчасъ сказанное нами служитъ, въ то же время, и отвѣтомъ на мнѣніе г. Дубенскаго, общее ему почти со всѣми, что „вся исторія цивилизаціи есть исторія эмансипаціи личности". Авторъ, разумѣется, имѣетъ въ виду цивилизацію новоевропейскую. Нѣтъ, скажемъ мы, исторія европейской цивилизаціи есть исторія перемѣнъ одного вида рабства на другой. И это неизбѣжно, и именно потому что въ основаніе европейской исторіи положено столь восхваляемое начало личности. При личномъ началѣ, при стремленіи дать просторъ личности, какъ личности, въ строгомъ значеніи этого слова, порабощеніе неизбѣжно. Причина та самая, какою авторъ очень справедливо опровергаетъ мечты коммунизма. Въ людяхъ нѣтъ равенства; иначе и строже,—нѣтъ физической и нравственной одинаковости и не можетъ быть. Итакъ, давая просторъ лицу, какъ лицу, вы даете просторъ именно тѣмъ самымъ преимуществамъ, которыя естественно имѣетъ одинъ надъ другимъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ,—давая просторъ одному, вы непремѣнно угнетете другого. Цивилизація есть, дѣйствительно, стремленіе къ эмансипаціи. Гнетъ чувствуется; онъ тяготитъ: его скидываютъ,—но скидываютъ самый фактъ, не уничтожая его начала, и даже скидываютъ во имя самаго этого начала. Начало остается; оно живетъ и ищетъ новыхъ, болѣе и болѣе тонкихъ видовъ порабощенія. Новый видъ, естественно, сперва незамѣтенъ, но и онъ сознается; и для него наступитъ пора, и его скинутъ, и такъ далѣе, доколѣ наконецъ замѣтятъ, что вина не въ фактѣ, а въ самомъ началѣ. Возвратимся, для лучшаго объясненія, къ тому, что было уже сказано. Въ формѣ, въ какой проявляется, въ настоящую минуту, власть общественнаго мнѣнія, таится, какъ мы сказали,

Digitized by Google

начало гнета, и гнета наиболѣе страшнаго, чѣмъ всѣ, какіе бывали прежде. И что-жъ? Скажите о безнравственности, какая существуетъ въ этой quasi-общественности: послѣ нѣсколькихъ минутъ объясненія, вы убѣдитесь, что встрѣтились съ точкой современнаго умопомѣшательства Европы. Васъ не станутъ слушать. Насилія, какое существуетъ въ умственномъ, взаимномъ обольщеніи и соблазнѣ, даже не поймутъ. „Какое же тутъ насиліе?"—скажутъ вамъ: „вы совершенно свободно проповѣдуете свое мнѣніе, и я совершенно свободно принимаю его. Въ моей волѣ принять его и не принять". И при этомъ забываютъ, что совершенно также разсуждали и защитники рабства, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. „Рабъ", говорили они, „совершенно свободно, по собственному убѣжденію, по христіанскому смиренію предо мною рабствуетъ. Онъ мнѣ преданъ всею душой, и служба его для него наслажденіе. Гдѣ же тутъ гнетъ, гдѣ безнравственность?" И забываютъ при этомъ также, что если въ моей совершенно власти принять или не принять чужое мнѣніе, то, строго говоря, все равно вѣдь, совершенно также въ волѣ негра оставаться у плантатора въ рабствѣ или нѣтъ, ибо физическая сила все-таки на сторонѣ рабовъ,—численный перевѣсъ все-таки на ихъ сторонѣ. Итакъ, разницы въ степени гнета тутъ собственно нѣтъ, и разница только въ формѣ. Но дѣло въ томъ, что идея свободнаго quasi-общественнаго мнѣнія теперь въ полномъ ходу, въ полномъ цвѣту; она еще только идетъ къ своей настоящей силѣ: въ немъ видятъ пока еще только эмансипирующую сторону; и въ настоящую минуту, оно, дѣйствительно, пока еще таково. Однимъ словомъ, выраженіе общественнаго мнѣнія теперь идетъ пока еще къ *свободѣ*, но не достигло еще до полной *власти*"... Въ общее сознаніе должно наконецъ войти, что истинная свобода вовсе не есть *личная* свобода; *что свобода есть безпрепятственная возможность согласія личности съ тѣми разумно-нравственными законами, которые вложены въ нее,—съ тѣмъ Божественнымъ сѣменемъ, которое всѣмъ намъ одинаково дано для произращенія; что истинная личная свобода есть именно личное порабощеніе, совершенное самоотреченіе личности, совершенное ея самопожертвованіе и самопокореніе закону Божественному.*

Въ этомъ смыслѣ самоуваженіе, требуемое индивидуалистами, должно выразиться въ уваженіи въ себѣ собственно не себя, а тѣхъ разумно-нравственныхъ законовъ, которые въ человѣка вложены. Развитіе и совершенствованіе личности для ея пол-

Digitized by Google

нѣйшей свободы должно быть понимаемо въ смыслѣ обратномъ дѣйствительнымъ требованіямъ индивидуализма,— ибо должно заключаться въ самоотреченіи личности и въ самопокореніи ея высшимъ нравственнымъ законамъ; истинная же свобода человѣка и заключается именно въ его независимости не только отъ чужой, но и отъ собственной личности, отъ собственнаго произвола.

Между тѣмъ есть даже особая форма общественнаго устройства, осуществляющая въ развитіи своемъ индивидуалистическое воззрѣніе. Это знаменитое Self-gouvernement, къ которому приближаются Сѣверо-Американскіе Штаты. „Промышляй о себѣ, на сколько хватитъ силъ; эксплуатируй другихъ, на сколько они сами тебя допустятъ. Не пеняй, коли приходится плохо; не упускай, коли выходитъ случай". Вотъ въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ Гиляровъ,—вся программа этого общественнаго устройства, представляющагося нѣкоторымъ, какъ верхъ доступной человѣку свободы, и, не споримъ, конечно, все таки лучшаго, чѣмъ многія и очень многія другія общественныя формы.

Но до этихъ крайностей не желаетъ идти въ своемъ выводѣ Дубенскій, онъ желалъ бы совмѣстить требованія индивидуализма со справедливостью, снисходительностью, не эксплуатируя ближняго. „Но какъ же это сдѣлать, спрашиваетъ Гиляровъ, при сохраненіи личнаго начала? Какъ достигнуть, не жертвуя личными интересами? При совершенно одинаковой заботливости и совершенно объ однихъ и тѣхъ же интересахъ, сильный всегда будетъ жить на счетъ слабаго, богатый на счетъ бѣднаго, смѣтливый на счетъ малосмысленнаго. Какъ же достичь снисхожденія къ слабому, бѣдному и малосмысленному, не стѣсняя выгодъ сильнаго, богатаго и смѣтливаго, которые вовсе въ своихъ преимуществахъ не виноваты. И какъ сохранить право на личныя выгоды однимъ, не заставляя другихъ страдать отъ своихъ недостатковъ, въ которыхъ большею частію они вѣдь тоже сами не виноваты? Какъ же быть въ самомъ дѣлѣ?.. Устроить развѣ такъ, чтобы предупредить самое появленіе этихъ горестныхъ недостатковъ, и чтобы устранить самое появленіе этихъ обидныхъ преимуществъ? Чтобы, предоставляя каждому право на исключительную заботу о собственныхъ интересахъ, дать каждому и способы къ достиженію этихъ интересовъ?..

„Въ самомъ дѣлѣ, это представляется единственнымъ случаемъ ограничить каждаго собственными интересами и сохранить общественную справедливость,—оставить личный интересъ

Digitized by Google

единственнымъ всеобщимъ двигателемъ, и предотвратить въ то же время необходимо соединенныя съ нимъ личныя насилія однихъ и личныя страданія другихъ...

„Но это будетъ... коммунизмъ!

„Коммунизмъ,—и это, дѣйствительно, послѣднее слово индивидуализма, неминуемый выходъ строго-послѣдовательнаго его развитія...

„Но коммунизмъ и индивидуализмъ враждебны между собою?— Совершенно: и едва ли есть еще сфера, въ которой бы противоположныя мнѣнія враждовали такъ ожесточенно, какъ враждуютъ въ настоящее время между собою эти двѣ крайнія соціальныя школы...

„Но коммуннизмъ несостоятеленъ? — Несомнѣнно,—и авторъ во многомъ совершенно вѣрно подмѣтилъ его немыслимость...

„Что же это значитъ? — Но то самое и значитъ, что индивидуализмъ столь же несостоятеленъ, какъ и противоположный ему коммунизмъ, и по тому самому, почему этотъ послѣдній. Удары, которые такъ щедро и такъ мѣтко сыплютъ индивидуалисты своимъ противникамъ, падаютъ, по прямой линіи, на ихъ же собственную голову.

„Сущность въ томъ, что коммунизмъ, какъ и индивидуализмъ, оба равно построены на эгоистическомъ началѣ и какъ тотъ, такъ и другой, оба служатъ химерической мечтѣ—примирить исключительное самоугожденіе личности съ идеей общественности: разница между ними только въ способѣ примѣненія основного начала. И въ этомъ именно смыслѣ оба они ложны, хотя и взаимно противоположны; оба взаимно между собою враждебны, и въ то же время каждый ведетъ и указываетъ къ другому. Словомъ, это два члена дилеммы, построенной на одномъ и томъ же ложномъ основаніи. Опровергается одинъ, вы непремѣнно приходите къ другому; но и этотъ окажется непремѣнно столь же ложнымъ, какъ и предшествующій, и поведетъ опять къ нему же. Это именно и сбывается теперь съ горячею борьбой между индивидуализмомъ и коммунизмомъ. Обѣ стороны правы, но обѣ стороны и виноваты; обѣ опровергаютъ одна другую, и каждая, въ своей послѣдовательности, ведетъ въ то же время, къ своей другой, какъ къ своей истинѣ. Обѣ стороны совершенно правы въ своихъ нападеніяхъ одна на другую, и обѣ вполнѣ несостоятельны, каждая въ своей положительной части. И здѣсь-то собственно причина той ожесточенности, съ которою ведутъ эту борьбу два соціальныя ученія. Нельзя не

Digitized by Google

видѣть индивидуализму всей мечтательности коммунизма; нельзя не видѣть коммунизму всей дикости индивидуализма: но нельзя, въ то же время, каждому и не чувствовать той силы ударовъ, которые наноситъ ему противникъ. И вотъ каждый отъ чувствительныхъ для него ударовъ спѣшитъ укрыться въ самую дальнюю крайность своего воззрѣнія: спасая послѣдовательность, каждый тѣмъ думаетъ спасти всю свою теорію: но каждый тѣмъ самымъ только въ большей наготѣ обнаруживаетъ ея несостоятельность. Индивидуалистъ, въ виду нападеній коммунизма, спѣшитъ провести свое начало личной исключительности до самыхъ послѣднихъ предѣловъ прямого вывода. И что же? Кому бы, напримѣръ, могло прійти въ голову защищать хоть такую мысль, какова странная мысль о необязательности личныхъ пожертвованій въ пользу общества, высказываемая г. Дубенскимъ со словъ его европейскихъ учителей? Или, еще болѣе, кому бы могло прійти въ голову защищать мысль уже не просто странную, а даже поражающую своею дикостью, какова мысль о недозволительности личнаго благодѣянія, высказываемая тѣмъ же г. Дубенскимъ и опять со словъ тѣхъ же своихъ учителей? Мало того, что дозволить жестокосердое безчувствіе къ бѣдамъ ближняго, но еще положить запретъ на дѣла милосердія, осудить чувство сострадательной любви, какъ незаконное, какъ безнравственное! До чего не доводитъ система! А всего этого не было бы, еслибы, какъ мы сказали, корифеямъ политической экономіи, со словъ которыхъ записываетъ г. Дубенскій, не грозилъ страшный для нихъ призракъ коммунизма; еслибъ не приходилось имъ чувствовать, что, въ противномъ случаѣ, имъ должно было бы согласиться съ тяжеловѣсными уликами въ собственной непослѣдовательности, и черезъ то самое, слѣдовательно, подписать добровольно, съ одной стороны, свой собственный смертный приговоръ и съ другой — признаніе системы, самой по себѣ, все-таки не менѣе очевидно ложною. Полагаемъ также, что и коммунизмъ, со своей стороны, и вся прилегающая къ нему школа никогда не дошли бы до тѣхъ чудовищныхъ размѣровъ немыслимости, въ какіе они развились теперь, еслибы предъ нимъ, въ свою очередь, не стоялъ бытъ Европы со своимъ личнымъ началомъ, очерченнымъ въ такой рѣзкой односторонности! Борьба *вынуждаетъ* обѣ стороны къ крайностямъ, на которыя онѣ безъ этого никогда не рѣшились бы, и которыя каждый безпристрастно размышляющій несомнѣнно отвергнетъ при первомъ разсмотрѣніи. Однимъ словомъ сказать, достаточно,

Digitized by Google

по нашему мнѣнію, только сопоставить эти два ученія со всѣми ихъ доводами и противодоводами, и это простое сопоставленіе, само по себѣ, было бы уже рѣшительнымъ смертоубійствомъ того и другого".

Гдѣ же исходъ?—спрашиваетъ Гиляровъ и отвѣчаетъ:—исходъ въ томъ, что слѣдуетъ отвергнуть самое начало, на которомъ построены обѣ школы. Начало это эгоистическое. Въ сущности индивидуализмъ признаетъ началомъ общественной жизни, обезпеченіемъ всеобщей справедливости и источникомъ общаго счастія — *зависть* съ личнымъ самоуправствомъ; коммунизмъ — *зависть*, но только съ насильственнымъ нивеллированіемъ всѣхъ посредствомъ общества.

Но зависть по самому существу своему противна той *дружности*, которая составляетъ необходимое основаніе общества. Зависть, въ примѣненіи своемъ, утверждаетъ Гиляровъ, не иначе можетъ разрѣшиться, какъ въ личное насиліе. Будетъ ли то насиліемъ въ формѣ личнаго самоуправства, какъ допускаетъ индивидуализмъ, или насиліемъ со стороны всего общества, какъ требуетъ коммунизмъ; явится ли оно неизбѣжнымъ послѣдствіемъ общественнаго устройства, какъ это видимъ въ индивидуализмѣ, или будетъ первымъ актомъ, съ котораго начинается преобразованіе общества, какъ этого хочетъ коммунизмъ:—все равно. Въ томъ и другомъ случаѣ оно неразрывно связано съ признаваемымъ основнымъ началомъ. И въ этомъ состоитъ вторая уже производная ошибка той и другой системы. Полагать, что на основаніи личнаго насилія, или при допущеніи его, возможно устроить общее всѣхъ личное довольство и счастіе, значитъ вступать въ такое же прямое логическое противорѣчіе, какъ и думать, что во взаимновраждебныхъ отношеніяхъ можетъ скрываться основаніе общественной дружности.

Индивидуалистъ совершенно правъ, когда предоставляетъ лицу иниціативу, ибо безъ личной иниціативы не можетъ быть никакого преуспѣянія; но онъ несправедливъ, что отдѣльному лицу въ немъ же самомъ предоставляетъ и цѣль его дѣйствія.

Коммунизмъ совершенно правъ, когда подчиняетъ лицо дѣламъ общественнымъ, ибо безъ сего никакія человѣческія права, даже самыя священныя, не обезпечены; но онъ несправедливъ, что иниціативу общественнаго дѣйствія предоставляетъ всему же обществу.

Идеалъ коммунистическаго устройства есть механическій при-

Digitized by Google

боръ, правильный, но безжизненный. Идеалъ индивидуализма—стая звѣрей живыхъ, но дикихъ.

Индивидуализмъ есть эгоизмъ непосредственный, дѣйствующій во всей случайности произвола, и жертвующій многими для нѣсколькихъ. Коммунизмъ есть эгоизмъ, возведенный въ абстрактъ, дѣйствующій въ силу предустановленной необходимости, и жертвующій всѣми ни для кого.

Находя обоюдную ложь и односторонность въ обѣихъ имъ разсматриваемыхъ соціальныхъ системахъ, Гиляровъ спрашиваетъ:

„Гдѣ же истина?"—„Истина въ томъ самомъ ученіи",—отвѣчаетъ онъ,—„на которое одинаково ссылается та и другая сторона въ свое подтвержденіе, одинаково не понимая ни та, ни другая его духа. *Истина—въ христіанствѣ*".

Затѣмъ Гиляровъ излагаетъ истинныя основы соціальной науки, которыя, дѣйствительно, согласны съ христіанствомъ.

„Жизнь есть подвигъ, а не наслажденіе.

„Трудъ есть долгъ, а не средство своекорыстія.

„Верховный законъ междучеловѣческихъ отношеній есть всеотдающая себя любовь, а не зависть.

„Люби ближняго, какъ самого себя: вотъ въ двухъ словахъ все начало должныхъ общественныхъ отношеній,—истинно-христіанскихъ, и истинныхъ во всякомъ другомъ значеніи этого слова.

„Лицо сохрани свою инціативу, владѣй своею свободой, какою одарено, употребляй всю энергію, къ какой способно, но клони всѣ свои дѣйствія на благо человѣчества, на пользу братьевъ.—Представьте, что это соблюдается всѣми,—и никакого противорѣчія, никакого неудобства нѣтъ: общество сохраняется, трудъ увеличивается, счастіе всѣхъ и каждаго достигается".

Можно ли однако представить себѣ, что въ общественныхъ отношеніяхъ осуществимъ законъ любви во всей его чистотѣ? Гдѣ же найдется здѣсь государство святыхъ людей, когда „государство есть организмъ, возникающій именно подъ условіемъ безнравственности, не на чемъ другомъ основанный, какъ именно на предположеніи необходимаго нарушенія истинныхъ законовъ общественной жизни".

„Равенство и братство,—заключаетъ свою статью Гиляровъ,—всегда останутся на землѣ идеаломъ и только идеаломъ; это—желанный образъ, который всегда долженъ предноситься чело-

Digitized by Google

вѣчеству, и несомнѣнно всегда будетъ ему предноситься въ его прогрессивномъ движеніи, но который не осуществится никогда. На этомъ основана самая идея прогресса. Это — дальнѣйшая мѣта, общее мѣрило, верховный законъ, съ которымъ должны сообразоваться всѣ соціальныя науки; онѣ всѣ должны имѣть его въ виду, всѣ должны направляться къ его осуществленію, при полной увѣренности въ его неосуществимости; но именно его имѣть въ виду, и къ нему направляться.

„Великую заслугу оказала бы человѣчеству политическая экономія, еслибы хорошенько поняла въ этомъ смыслѣ свою задачу, и старалась ее выполнить. Это было бы гораздо полезнѣе, чѣмъ всѣ ея пустые теперешніе споры съ настоящими и мнимыми соціалистами".

Напечатанная въ послѣднемъ № малоизвѣстнаго, едва влачившаго свое существованіе журнала, эта замѣчательная статья Гиляровa не обратила на себя въ свое время должнаго вниманія русскаго общества. О ней знали только въ небольшомъ кружкѣ ближайшихъ знакомыхъ и единомышленниковъ автора. Кажется, за границей она удостоилась большей извѣстности, чѣмъ дома. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ пожелалъ познакомить съ нею европейскихъ ученыхъ во время первой своей поѣздки заграницу, въ началѣ 1860 года.

„Драгоцѣннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ", писалъ къ нему въ Гейдельбергъ Гиляровъ отъ 28 января 1860 г.,—„по требованію вашему шлю вамъ немедленно статью свою *Личное и Общественное*. Чтобы уменьшить вѣсъ, я обрѣзалъ края, но читать будетъ легко; счетъ страницъ остался. Къ этому считаю нужнымъ присовокупить, что если вы намѣрены изъ этой статьи сдѣлать какое употребленіе, то примите въ соображеніе слѣдующее:

1) „Константинъ Сергѣевичъ сдѣлалъ мнѣ два противъ статьи возраженія. Онъ говоритъ, во-первыхъ, что на послѣдней страницѣ, послѣ слова „всѣ (соціальныя науки) должны имѣть его (идеалъ равенства и братства) въ виду; всѣ должны направляться къ его осуществленію при полной увѣренности въ его неосуществимости",—что послѣ этихъ словъ слѣдовало бы прибавить: „и во всегдашней его осуществляемости". Безъ этого, говоритъ онъ, не ясно. Не знаю, а мнѣ такъ кажется, что и безъ того ясно. Второе возраженіе его касается конца, гдѣ я даю совѣтъ политической экономіи; онъ находитъ въ немъ противорѣчіе предшествующему. Я этого не нахожу. Стóитъ только

Digitized by Google

начать этотъ совѣтъ съ начала строки, и смыслъ будетъ ясенъ. „Въ этомъ смыслѣ должна понять политическая экономія свою задачу“: разумѣется, именно въ томъ, что она не должна браться за чужое дѣло, и понять свое отрицательное значеніе. Впрочемъ, недостатокъ въ этихъ мѣстахъ ясности, и вообще не вполнѣ философская глубина моей статьи, о чемъ тоже говоритъ Константинъ Сергѣевичъ, можетъ быть, все это и дѣйствительно есть. Писавъ статью, я постоянно сдерживался, постоянно старался оставлять за собою многое для болѣе подробнаго раскрытія того же самаго вопроса въ особой статьѣ, которую задумывалъ для *Русской Бесѣды*.

2) „Въ случаѣ перевода, или выдержекъ и сокращеній изъ моей статьи, если вы считаете нужнымъ упомянуть мое имя, то покорнѣйше васъ прошу писать его слѣдующимъ образомъ: *Hilarow*. Вамъ смѣшно? Но я пуристъ и ревнивецъ въ этомъ отношеніи. Фамилія моя имѣетъ свое происхожденіе, по которому она и должна писаться такъ, а не иначе.

„Ну-съ, затѣмъ, что̀ вамъ сказать? Вы затрудняетесь въ отысканіи переводчиковъ? П. В. Бѣляевъ говорилъ о нѣкоторомъ *Фуксѣ*, живущемъ въ Дрезденѣ, дающемъ тамъ уроки русскаго языка, хорошо знающемъ по-русски и хорошо переводящемъ“.

Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ намѣреніе издать за границей книгу подъ названіемъ „Russische Ideen“—то-есть сборникъ или выборку замѣчательнѣйшихъ статей изъ *Русской Бесѣды*, *Сельскаго Благоустройства* и пр., такихъ, въ которыхъ, по его выраженію, ученый міръ европейскій ознакомился бы съ оригинальною русскою мыслью, разработываемою только славянофилами. [1]

Сборникомъ славянофильскихъ статей Аксаковъ хотѣлъ доказать нѣмцамъ, что русская идея далеко опередила нѣмцевъ и что все смутно сознаваемое Рилемъ, Фрёбелемъ и другими достойными нѣмцами, давно высказано и ясно сознано славянофилами и воплощено въ жизни русскаго народа. Въ устной бесѣдѣ ему удалось это доказать знаменитому ученому правовѣду Блюнчли, съ которымъ Ивана Сергѣевича познакомилъ Боденштедтъ въ Мюнхенѣ. Когда Аксаковъ, вооружившись *Русскою Бесѣдой* и рукописями своего брата Константина, сталъ излагать Блюнчли понятіе о государствѣ и земствѣ и пр.,—то

[1] „Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ“, т. IV. Спб. Изданіе Императорской Публичной библіотеки 1896 г., стр. 29.

Digitized by Google

послѣдній назвалъ сперва все это Ketzerei, то-есть *ересью*; но подъ конецъ понялъ и сознался, что тутъ лежатъ новыя основы человѣческаго общества; онъ понялъ и согласился, что тутъ нѣтъ ничего общаго съ нѣмецкою Gemeinde, призналъ, что это цѣлый принципъ. [1]

И вотъ *Личное и Общественное* Гилярова должно было въ предположенномъ сборникѣ занять мѣсто среди оригинальныхъ русскихъ идей. Предпріятіе это однако не состоялось, за неимѣніемъ у Аксакова на то средствъ и за неполученіемъ таковыхъ отъ Кошелева. Но все же Аксаковъ счелъ необходимымъ перевести на нѣмецкій языкъ (вѣроятно, при содѣйствіи Боденштедта) въ отрывкахъ именно *Личное и Общественное* и сообщалъ переводъ для прочтенія нѣмецкимъ ученымъ, которыхъ, по словамъ Ивана Сергѣевича, [2] статья Гилярова *поразила*. Нѣмецкіе же ученые, которыхъ Аксаковъ познакомилъ съ Гиляровскою статьей, были—Боденштедтъ, Блюнчли, Гейзе, историки—Ранке и Зибель, Морицъ Каррьеръ, Рпль, Либихъ. [3] Воистину нѣсть пророкъ безъ чести, токмо въ отечествіи своемъ и въ дому своемъ.

(Продолженіе будетъ).

Кн. Н. Шаховской.

---

[1] „Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ", ч. I, т. 3, стр. 381—382.

[2] Письмо Гилярова къ И. Ѳ. Романову отъ 3 ноября 1836 г.

[3] См. письма И. С. Аксакова изъ-за границы къ роднымъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

VI.

Изъ тревожной эпохи.

Глава III.

Заговоръ.

I.

Въ городѣ Приволжскѣ, въ одной изъ отдаленныхъ его частей, на углу такъ-называемаго Боярскаго поля, въ описываемое время совершенно пустыннаго, стояло скромное, каменное зданіе польскаго костела. Оно было въ одинъ этажъ, со стрѣльчатыми окнами и съ небольшимъ мраморнымъ крестомъ на переднемъ фасадѣ. Невдалекѣ отъ костела, подъ кущей молодыхъ тополей, пріютился деревянный флигелекъ въ пять оконъ, въ которомъ обиталъ ксендзъ Бонифацій. Въ его квартирѣ царила простота. Бѣленькія сторы, съ вышитыми концами, блистали безукоризненною чистотой. Крашеные полы, покрытые цвѣтною дорожкой, глядѣли весело. Кожаные диваны и кресла, распятіе изъ свѣтлой бронзы, стоявшее въ углу зальцы, гравированные портреты папы Пія IX-го и генераловъ іезуитскаго ордена—все говорило о томъ, что вы находитесь у одного изъ мелкихъ, но вѣрныхъ столповъ католическаго міра, его необходимыхъ пружинъ для управленія человѣческою совѣстью. Ксендзъ Бонифацій не былъ изъ молодыхъ прелатовъ, но не называлъ себя и старикомъ. Его экономка, богобоязненная панна Гертруда, красивая женщина среднихъ лѣтъ, убѣдительно доказывала своимъ прихожанамъ, что панъ ксендзъ никогда не устаетъ, что онъ—всегда въ помышленіяхъ о благоденствіи своей паствы и своей дорогой „ойчизны“. И теперь—шуточное-ли дѣло, которое принялъ на себя любвеобильный патеръ?

Въ шумномъ городѣ, расположенномъ въ центрѣ могуществен-

Digitized by Google

ной имперіи, подъ его руководствомъ устроился заговоръ, съ цѣлью подорвать россійское государство и вывести на Божій свѣтъ изъ ничтожества Царство Польское. Ксендзъ Бонифацій служилъ мессу съ особымъ усердіемъ въ тотъ день, когда должны были собраться въ послѣдній разъ въ его квартирѣ лица, рѣшившіяся поднять возстаніе въ мирномъ русскомъ городѣ.

Была темная августовская ночь. Подобно Дантовскимъ тѣнямъ, съ разныхъ сторонъ сходились гости у привѣтнаго домика ксендза. Около него не виднѣлось фонаря. Окна были плотно прикрыты ставнями, а изнутри заставлены вкладными досками.

Приходящіе звонили условнымъ образомъ, и являлись не вмѣстѣ, а порознь. Ксендзъ лично встрѣчалъ каждаго въ передней и пристально въ него всматривался. Замѣчательно, что въ этой спеціально польской средѣ находились люди, принадлежавшіе къ кореннымъ русскимъ семьямъ. Эти господа утѣшали себя тѣмъ, что у поляковъ и русскихъ есть одинъ общій врагъ—правительство; что они борятся совмѣстно за освобожденіе народа. Поляки охотно поддерживали такіе взгляды русскихъ отщепенцевъ, братались съ ними, но не стѣснялись имъ ставить условіемъ, что Польша должна отдѣльно существовать отъ Россіи и быть ея старшею сестрой. Наши либералы и на это соглашались, лишь-бы, сообща съ поляками, имъ удалось пошатнуть историческій строй ихъ отечества.

Читатель, быть можетъ, удивится, если въ числѣ гостей у ксендза Бонифація я назову Льва Львовича Драницына, находившагося въ секретной перепискѣ съ Бакунинымъ. Послѣдній писалъ Драницыну, что находится въ Стокгольмѣ и формируетъ легіонъ, во главѣ котораго лично явится на помощь къ храбрымъ потомкамъ Стефана Баторія и Яна Собѣсскаго. Тотъ же Бакунинъ указалъ Льву Львовичу на возстаніе, задуманное поляками въ Приволжскѣ. Драницынъ, явившись въ родной городъ изъ-за границы, прежде всего увидѣлся со своимъ товарищемъ по гимназіи, профессоромъ Уральцевымъ, и открылся ему во всемъ. Уральцевъ согласился, что пора въ Россіи поднять революцію, что онъ готовъ, со своей стороны, сформировать изъ первокурсниковъ-студентовъ команду на помощь возстанію.

— Старокурсники,—замѣтилъ онъ,—не очень поддаются на революціонные подвиги. Въ нихъ начинаютъ шевелиться практическія соображенія.

Уральцевъ и Драницынъ вошли въ сношенія съ поляками города Приволжска.

Digitized by Google

II.

Ксендзъ-хозяинъ любезно встрѣтилъ двухъ россійскихъ либераловъ.

— Голуби мои! Паны добродзеи!—воскликнулъ онъ и горячо облобызалъ Льва Львовича и его друга профессора. Но голуби, очутившись въ пестрой и чуждой толпѣ, не особенно чувствовали себя пріятно. Точно ножами ихъ рѣзали пронзительные взгляды незнакомцевъ, составлявшихъ разноплеменную толпу. Тутъ были офицеры, штатскіе франты, студенты, простыя чуйки, солдаты-поляки унтеръ-офицерскаго званія и даже два татарина. Всѣ эти лица, несмотря на относительное многолюдство, вели себя сдержанно и деликатно. Они тихо разговаривали между собой и ждали, очевидно, что скажетъ ксендзъ Бонифацій.

Драницынъ и Уральцевъ стали въ сторонѣ. Къ нимъ незамѣтно подкрался Кочубовскій. Онъ тронулъ слегка за рукавъ Льва Львовича и шопотомъ произнесъ:

— Пройдемте въ другую комнату.

Нашъ либералъ съ недоумѣніемъ послѣдовалъ за человѣкомъ, почти ему незнакомымъ. Они остановились въ комнатѣ въ одно окно, въ которой находилась чья-то кровать, два стула и некрашенный столикъ, на коемъ возвышалась гипсовая статуетка Мадонны.

Адамъ Казиміровичъ заговорилъ по-французски:

— Извините меня,—началъ онъ,—что я позволилъ себѣ васъ обезпокоить. Много распространяться некогда, а спрошу прямо: зачѣмъ вы здѣсь? Я глубоко уважаю семью князя Опочиньева, съ которою вы состоите въ близкомъ родствѣ. Опочиньевы—искренно-русскіе люди. Мы, поляки, боремся съ вашимъ отечествомъ, но отдаемъ должную дань чужому патріотизму Что будетъ съ вашею благородною тетушкой, когда она узнаетъ, что вы очутились въ рядахъ враговъ ея родины? Она не переживетъ фамильнаго позора, а вы погибнете безславно на эшафотѣ! Слушайте: вы не приготовлены къ тому, что васъ ожидаетъ. Уходите отсюда! Я васъ незамѣтно проведу изъ дому.

Драницынъ оторопѣлъ отъ слышанныхъ словъ и не нашелъ въ себѣ мужества протестовать противъ нихъ. Онъ молча послѣдовалъ за Кочубовскимъ и черезъ кухню, въ которую были принесены его калоши и шляпа, вышелъ за пустынную ограду церкви. Было холодно въ воздухѣ. Голова его посвѣжѣла, а мысли бурлили, какъ кипятокъ.

Digitized by Google

„Кочубовскій правъ“, раздумывалъ Левъ Львовичъ. „Для чего я и Уральцевъ замѣшались въ польскія затѣи? Поляки, борясь съ Россіей, остаются поляками, а мы, братаясь съ ними, перестаемъ быть русскими! Гдѣ же тутъ логика? Или патріотизмъ есть выдумка людей? Однако, поляки-консерваторы или либералы всѣ до одного готовы лечь за идею, отрицаемую лишь нами, русскими западниками! Гдѣ истина? Слѣдуетъ-ли любить безразлично все человѣчество, или, прежде всего, свою родину, а потомъ человѣчество?“

Драницынъ почти цѣлую ночь проходилъ по кабинету въ квартирѣ Уральцева, у котораго онъ остановился, и успокоился лишь тогда, когда заблаговѣстили къ ранней обѣднѣ.

III.

Ксендзъ Бонифацій былъ высокаго роста, полный, румяный, гладко выбритый и съ животомъ, выдвинувшимся замѣтно впередъ. Волосы его коротко подстрижены, а остроконечный носъ, какъ будто, обнюхивалъ все окружающее. Голубые глаза ксендза улыбались даже тогда, когда онъ сердился. Голосъ его былъ сладокъ какъ въ минуту спокойствія, такъ и въ минуту гнѣва. Что это? Есть-ли такое состояніе организма продуктъ природы, или результатъ систематическаго воспитанія съ дѣтства?

Мы, русскіе, не знаемъ управленія своею волей. Поэтому мы находимся въ увлеченіи разнообразными и часто другъ другу противоположными идеями. Не прочное творчество руководитъ нами, а „плѣнной мысли раздраженье“. Понравились намъ слова: „свобода“, „права человѣка“, „равенство“, „наука“, мы и давай низвергать все, чему не только покланялись, но чѣмъ были живы дѣды и прадѣды. Мы осмѣяли свое родное, свое историческое, свою религіозную святость, а все новое, извнѣ принятое, не въ силахъ усвоить настолько, чтобы перестать быть русскими. Оттого нашъ либералъ не есть вполнѣ русскій, но онъ и не французъ, и не англичанинъ, и не нѣмецъ. Онъ *европеецъ*, или, если читатель позволитъ погрубѣе выразиться: „ни Богу свѣчка, ни черту кочерга“.

Ксендзъ Бонифацій зналъ, чего онъ хочетъ, что долженъ сказать и о чемъ обязанъ промолчать. Онъ и въ квартирѣ своей собралъ людей, которые понимали его духовный строй. Когда ксендзъ Бонифацій тихо сказалъ: „Дѣти мои!“ многоголовая,

Digitized by Google

шумливая толпа разомъ умолкла и собралась вокругъ своего пастыря. А онъ, среди воцарившейся тишины, простеръ крестообразно руки впередъ и пригнулъ къ нимъ свою голову.

Въ такой позѣ и остался надолго служитель алтаря.

Присутствующіе инстинктивно опустились на колѣни. Начался торжественный „отпустъ“, то-есть отпущеніе не только содѣянныхъ, но и грядущихъ грѣховъ кающихся.

Плавная рѣчь, точно ѳиміамъ, разносилась въ воздухѣ.

— Какія времена настали,—говорилъ по-польски патеръ,— схизматики насъ поработили. Мы не смѣемъ свободно молиться въ своихъ церквахъ. Наша дорогая „ойчизна“ лежитъ у ногъ еретическаго государства, надъ которымъ мы неоднократно торжествовали. Нынѣ наши братья, по волѣ Божіей и при сочувствіи всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, подняли знамя возстанія противъ своихъ притѣснителей. Мы, собравшіеся здѣсь, живя вдали отъ дорогихъ намъ повстанцевъ, не можемъ лично проливать свою кровь въ открытыхъ битвахъ со старымъ соперникомъ Рѣчи Посполитой. Но это не мѣшаетъ намъ помогать нашимъ братьямъ обезсиленіемъ нашего врага внутри его имперіи. Катехизисъ, одобренный святѣйшимъ папой, намъ разрѣшаетъ относительно русскихъ такія мѣры, которыя непростительны въ отношеніи къ нашимъ друзьямъ. Катехизисъ глаголетъ: „Памятуй всегда, что Россія есть главный твой врагъ. Русское правительство есть еретическое. Не стѣсняйся лицемѣрить предъ сильными русскими, увѣряй ихъ, что они твои кровные братья, а самъ старайся имъ мстить, ненавидь ихъ“. Руководствуясь этимъ памятнымъ завѣтомъ, мы, при молитвахъ угодниковъ нашихъ Игнатія и Іосафата [1], наложимъ руку на схизматическій городъ Приволжскъ. Именемъ Господа Іисуса и панни Маріи, прощаются грѣхи, какъ содѣянные въ прошедшемъ, такъ и тѣ, которые совершатся въ теченіе года отъ сей минуты, всѣмъ вамъ, поднявшимъ свой мечъ за возстановленіе нашей „ойчизны“! Боже, храни Польшу во вѣки вѣковъ!

— Аминь!—произнесли единогласно присутствующіе, и поднялись на ноги.

Капитанъ Кастальскій игралъ видную роль у собравшихся соотечественниковъ. Онъ мгновенно очутился среди толпы,

---

[1] Игнатій Лойола—основатель іезуитскаго ордена въ XVI вѣкѣ. Іосафатъ Кунцевичъ—польскій епископъ, извѣстный мучитель православныхъ въ XVII столѣтіи.

Digitized by Google

вынулъ изъ ноженъ саблю, поднялъ ее надъ головой и воскликнулъ съ азартомъ:

— „Еще Польска не згинѣла“!!!

Этотъ крикъ, точно призывная боевая труба, оживилъ заговорщиковъ. Глаза ихъ заблистали, щеки разгорѣлись. Въ скромномъ жилищѣ неизвѣстнаго ксендза разнесся возгласъ:

— Смерть москалямъ!!!

Никто не думалъ объ опасности. Точно въ Христово Воскресенье всѣ привѣтствовали съ наступившимъ торжествомъ другъ друга и крѣпко лобызались. Тутъ же рѣшено было ровно въ полночь, на 27 августа, взорвать казначейство, зажечь городъ и произвести, по возможности, смуту въ войскахъ.

Среди ликующаго полячества тяжело и безотрадно было положеніе ученаго Уральцева. Несмотря на свой крайній либерализмъ, онъ почувствовалъ, что вокругъ него происходитъ что-то ему чуждое, ненужное для него. Ему дѣлалось досадно за тѣ чувства, которыя проявляли его друзья-поляки къ своему отечеству, и которыхъ онъ не ощущалъ къ собственному отечеству. Дѣйствительность говорила, что онъ вторгся въ польское общество и игралъ роль Іуды въ отношеніи своей родины. Профессоръ краснѣлъ, когда его обнимали паны, и искалъ глазами по всѣмъ угламъ своего товарища молодости, Льва Львовича Драницына.

Иванъ Павловичъ Уральцевъ былъ сынъ казака Оренбургской губерніи. Его отецъ служилъ офицеромъ въ Орской крѣпости, когда въ нее были высланы рядовыми въ 1848 году нѣкоторые изъ участниковъ Петрашевской исторіи. Отъ нихъ пятнадцатилѣтній сынъ степей впервые услышалъ вольныя рѣчи и отрицательныя мысли въ области религіи. Въ Приволжскомъ университетѣ юноша очутился въ самый разгаръ наплыва въ него новыхъ идей, протестовавшихъ противъ до-реформеннаго періода Россіи. Съ каѳедры гремѣли освѣжающія свободомысленныя лекціи И. К. Бабста, Яшевскаго, Чебышева-Дмитріева; на студенческихъ сходкахъ громко диспутировались политическіе и научные вопросы. Студенты старшихъ курсовъ, во главѣ съ Н. А. Демертомъ, бойко пописывали подъ разными псевдонимами въ *Искрѣ* и въ „Свисткѣ“ *Современника*. Либералы, а за ними и общество, устремлялись куда-то впередъ, гдѣ не было ни твердой подготовленной почвы, ни ясной цѣли, но гдѣ вырабатывалась безотчетная ненависть ко всему прожитому могучею Русью. Мы хотѣли чего-то новаго, невѣдомаго, не понимая свя-

Digitized by Google

тости разрушаемаго. Юный профессоръ Уральцевъ, занявшій каѳедру русской исторіи, явился выразителемъ сказаннаго. Онъ былъ средняго роста, тонкій, прямой. Черты лица его отличались правильностью. Сѣрые глаза его ярко блестѣли изъ-подъ золотыхъ очковъ, а на плечи его спускались волнистые, русые волосы, откинутые небрежно назадъ.

IV.

Иванъ Павловичъ вышелъ отъ ксендза одинокимъ. Никто изъ бывшихъ на сходкѣ къ нему не присталъ, не присталъ и онъ ни къ кому. Въ душѣ его самъ собою возникъ вопросъ о кровномъ родствѣ. Никакія умствованія, никакія теоріи не могутъ поколебать связей, исходящихъ изъ кровныхъ союзовъ. Въ нихъ таится корень для крѣпости семьи, для крѣпости государства. Изъ свойства крови выходятъ всѣ людскія отношенія. Она, эта кровь, требуетъ для себя питанія изъ окружающихъ ее условій и обстоятельствъ. Вотъ почему слагаются національныя особи, религіозныя воззрѣнія, привычки, характерныя черты народа, отличающія его отъ другихъ народовъ. Каждый изъ нихъ сидитъ какъ-будто въ какой-то скорлупѣ, которую если разбить, то все изъ нея въ безпорядкѣ вывалится.

Уральцевъ мучился имъ же возбужденнымъ вопросомъ и старался проникнуть въ историческую даль: „почему я, Драницынъ и вообще русскіе западники отшатнулись отъ прошлыхъ завѣтовъ своей родины, и хотятъ одарить ее новыми политическими порядками, господствующими въ Европѣ? Вѣдь то, что мы ненавидимъ въ прошломъ Россіи, переживали всѣ образованныя государства, и однако они сохранили связь со своимъ прошлымъ, не отвернулись отъ него, подобно намъ. Такъ, у всякаго народа должно быть свое дорогое, что составляетъ его душу, что переходитъ неизмѣнно изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, что и у насъ силятся отстоять славянофилы, но что мы, ихъ противники, находимъ отжившимъ. Кто правъ?“

Иванъ Павловичъ шелъ по спящимъ улицамъ, погруженнымъ въ кромѣшную тьму и роковую тишину. Но не онъ ли сейчасъ былъ на сходбищѣ людей, задумавшихъ обагрить кровью ни въ чемъ неповинный городъ, во имя какой-то призрачной ненависти къ власти, управлявшей слишкомъ тысячу лѣтъ судьбами Россіи и, въ концѣ концовъ, содѣлавшей изъ нея міровую державу? А что либералы хотятъ ей дать въ будущемъ? „Свободные штаты“,

Digitized by Google

увѣряетъ Герценъ. „Возстановите намъ историческую Польшу“, кричатъ поляки. Вновь создаваемая Польша, на старыхъ началахъ, и новая Русь—безъ своего прошлаго—не есть ли это двѣ аномаліи, отрицающія одна другую?

„Какъ же я и Драницынъ ввязались во всю эту исторію? Куда онъ убѣжалъ? Неужели тотъ свѣтъ, который озарилъ меня теперь, пришелъ къ нему раньше, чѣмъ ко мнѣ?“

Уральцевъ сталъ присматриваться къ окружающимъ домамъ, и убѣдился, что находится въ незнакомой части Приволжска. Онъ подошелъ къ будкѣ, стоявшей не вдалекѣ, и спросилъ: какъ пройти въ Ласточкину улицу?

Охранитель мирныхъ обывателей подозрительно оглядѣлъ запоздалаго пѣшехода, но указалъ, куда надобно пройти. Иванъ Павловичъ тронулся въ дальнѣйшій путь, стараясь отвлечь отъ себя докучливыя мысли. Онъ оглянулся назадъ сквозь мерцающій утренній разсвѣтъ. Уличный стражъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ и упорно смотрѣлъ въ слѣдъ бѣдному „интеллигенту“.

„Ужъ не догадывается-ли онъ“, подумалъ съ тревогой профессоръ, „что я заговорщикъ?“

V.

Левъ Львовичъ проснулся удивленнымъ, увидѣвъ себя нераздѣтымъ, лежащимъ въ залѣ на диванѣ съ ногами, положенными на креслѣ. Квартира Ивана Павловича была небольшая. Она состояла изъ трехъ низенькихъ комнатъ, набитыхъ больше книгами, чѣмъ мебелью. За то изъ нея представлялся великолѣпный видъ на зарѣчныя поля, окаймленныя лѣсами на горизонтѣ. Рѣка Волжанка дѣлала нѣсколько изгибовъ по зеленому лугу и уходила въ даль подъ самый монастырь съ бѣлѣющею стѣной, съ золотыми главами, окруженными яркою зеленью. Этотъ простой и родной видъ особенно тронулъ въ настоящую минуту Драницына. Ему совѣстно стало за вчерашнее происшествіе. Онъ подошелъ тихонько къ дверямъ кабинета Уральцева и заглянулъ въ него. Ученый сидѣлъ у письменнаго стола и что-то читалъ. Увидѣвъ своего друга, онъ иронически произнесъ:

— Хорошъ заговорщикъ, нечего сказать! Что, струсили, убѣжали? Стыдно вамъ!

Левъ Львовичъ прервалъ его:

— А ты до конца былъ?

— Конечно. Только, если тебѣ правду говорить, я раскаи-

Digitized by Google

ваюсь, что связался съ поляками. Чужіе они намъ. Да и цѣли у насъ разныя.

Драницынъ передалъ, почему и какъ онъ исчезъ неожиданно съ роковой сходки. Иванъ Павловичъ съ любопытствомъ слушалъ о томъ, что говорилъ Кочубовскій его другу, и замѣтилъ:

— Онъ поступилъ благородно. Справедливо то, что намъ нечего дѣлать среди поляковъ. Но они, братъ, насъ учатъ многому. У нихъ сплоченность, любовь къ прошлому, а оттого и сила. Мы же что съ тобой изображаемъ?

— Представь, этими проклятыми вопросами и я задавался всю ночь,—возразилъ Драницынъ,—и пришелъ къ выводу, что мы стоимъ на дорогѣ, едва-ли имѣющей прямое направленіе.

Уральцевъ всталъ и началъ ходить.

— На дорогѣ?—разсуждалъ онъ какъ-будто самъ съ собою. Для интеллигентнаго человѣка существуетъ всего одна дорога: идти впередъ, вѣчно развивая свой умъ и обогащая его новыми знаніями.

— Въ такомъ случаѣ ты дойдешь до отрицанія національности?—перебилъ Левъ Львовичъ.

— Для науки нѣтъ національности. Она единственная область, куда человѣкъ можетъ укрыться, забывъ о своемъ происхожденіи. Я, братъ, замыкаюсь отнынѣ въ нѣдра науки и отрекаюсь отъ политическихъ химеръ. Ну, а ты?

Драницынъ поправилъ очки на носу.

— Я? я не ученый, а дилетантъ. Люблю Европу и свыкся съ ея порядками, обычаями, съ ея людьми. У себя, въ Россіи, я живу наѣздомъ. Первые мѣсяцы мнѣ въ ней весело, много воспоминаній оживаетъ. Ну, а какъ подольше въ ней побудешь,—скучно сдѣлается, опять потянетъ въ Парижъ или въ какой-нибудь Дюссельдорфъ. Навѣрно, я такъ и умру скитальцемъ.

Иванъ Павловичъ не выдержалъ и остановился передъ своимъ другомъ:

— А отечество какъ же? Еслибы всѣ такъ разсуждали и жили, какъ ты, то оно должно было-бы распасться. Эхъ, Левъ, не такіе люди нужны современной Россіи. Не интеллигенты ее спасутъ. Ее спасутъ Муравьевы, Катковы и Филареты.

— И это говоришь ты, отчаянный западникъ?

— Да, я! Въ Муравьевыхъ, Катковыхъ и Филаретахъ, какъ и въ полякахъ, сидитъ сила національности и исторіи, а въ насъ одна безцвѣтная европейщина.

Digitized by Google

— Ужели у тебя явился такой радикальный переворотъ въ идеяхъ оттого, что ты побывалъ среди поляковъ?

— Именно. Былъ въ чужомъ пиру, а похмѣлья испробовалъ. Опомнись, и ты, Левъ Львовичъ.

Но Драницынъ махнулъ рукой.

— Поздно!—сказалъ онъ. Après nous le déluge!

VI.

Все, что̀ выше разсказано, не могло остаться тайной для жителей Приволжска. Въ немъ начали бродить смутные толки, что въ городѣ готовится какое-то возстаніе, что откуда-то идутъ на него революціонныя, вооруженныя силы; что подъ губернаторскій дворецъ ведется подкопъ. Словомъ, въ обществѣ возникли разныя сомнѣнія, въ клубахъ члены и гости передавали шепотомъ тревожныя новости. Слышались извѣстія объ арестѣ то студентовъ, то офицеровъ, то о привозѣ въ крѣпость изъ сосѣднихъ провинцій политическихъ преступниковъ. Говорили о назначеніи временнаго генералъ-губернатора.

Надобно здѣсь замѣтить, что въ этотъ тяжелый годъ приволжская губернія уже пережила одно крупное трагическое событіе. Возстаніе раскольника Антона Петрова, усмиренное при селѣ Бездне, у всѣхъ еще было памятно. Упомянутый раскольникъ собралъ вокругъ себя нѣсколько тысячъ человѣкъ недовольныхъ освобожденіемъ крестьянъ, вооружилъ ихъ топорами и косами, и дерзко двинулся на большой губернскій городъ. Войска, во главѣ съ графомъ Апраксинымъ, встрѣтили бунтовщиковъ и положили изъ нихъ нѣсколько сотъ. Антонъ Петровъ былъ выданъ, судимъ и разстрѣлянъ. Послѣ его смерти, долго еще простодушный народъ ходилъ на могилу, по его мнѣнію, великаго мученика, и зажигалъ на ней свѣчи, какъ у нѣкоей святыни. Университетскіе заправилы, въ родѣ Уральцева, не замедлили воспользоваться Безднинскимъ дѣломъ съ цѣлью протеста противъ будто бы существующаго государственнаго гнета. Нѣкоторые профессора, вмѣстѣ со студентами, отслужили паннихиду по крестьянамъ, павшимъ при Бездне, и произнесли зажигательныя рѣчи. Иванъ Павловичъ спасся отъ ареста, вслѣдствіе случайности. Возвращаясь наканунѣ паннихиды вечеромъ домой со студенческой сходки, онъ нечаянно оступился на неосвѣщенной лѣстницѣ и сломалъ правую ногу. Лежа въ

Digitized by Google

гипсѣ, онъ слышалъ, что схватили нѣкоторыхъ его товарищей, участвовавшихъ въ демонстраціи, и радовался, что съ нимъ произошло несчастье. Что же удивительнаго, что приволжцы испуганно ожидали новыхъ бѣдствій? Одно городское начальство благодушно покоилось въ своемъ невѣдѣніи. Старый жандармскій генералъ и губернскій жандармскій штабъ-офицеръ принадлежали къ мѣстному дворянству и сидѣли на своихъ мѣстахъ чуть ли не по тридцати лѣтъ. Они утверждали:

— Тридцать лѣтъ у насъ не произошло ничего важнаго. Можетъ ли что случиться на тридцать первый годъ?

Военный губернаторъ былъ неглупый человѣкъ, но жилъ особенною отъ общества жизнью. Онъ командовалъ когда-то гусарскимъ полкомъ, отличался кутежами, считался добрымъ товарищемъ. Въ Приволжскъ онъ явился безъ жены со взрослою дочерью, но скоро забылъ объ этомъ обстоятельствѣ. Думая воспользоваться второю молодостью, генералъ находился въ пріятномъ плѣну у нѣсколькихъ барынь высшаго круга. Онъ катался съ ними въ англійскихъ шарабанахъ, съ жокеями, съ арапами, и не подозрѣвалъ, что его дни сочтены, что кругомъ него готовятся роковыя жертвы въ искупленіе вѣковыхъ заблужденій человѣчества. Что дѣлать? Такъ почти всегда бываетъ въ жизни. Горючіе матеріалы въ ней скопляются исподоволь, незамѣтно, какъ въ горѣ, которая, рано или поздно, а должна ихъ выбросить. Рѣдко кто изъ насъ приготовленъ къ воспринятію грядущихъ событій. Для этого надо родиться Бисмаркомъ или Макіавелли; надобно глубоко вдумываться въ поступки людей, въ мысли, которыя они высказываютъ, а еще лучше, о которыхъ они молчатъ. Русская почва, русскій характеръ не имѣютъ свойствъ для выработки подобнаго предвидящаго типа. Оттого у насъ и пословица существуетъ: „Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ“.

VII.

Какъ ни былъ легкомысленъ Левъ Львовичъ, но чувство самосохраненія въ немъ заговорило, когда онъ вернулся въ свою родовую вотчину, именуемую „Радушино“. Въ немъ все имѣлось, что могло доставить обезпеченное и мирное житіе русскому помѣщику, не мыслящему лукаво. Но среди дѣдовскихъ, обширныхъ комнатъ, увѣшенныхъ историческими портретами, Драницыну не сидѣлось покойно. Европа его забрала въ руки. Съ какимъ-нибудь мелкимъ событіемъ изъ міра германскихъ соціалистовъ

Digitized by Google

Левъ Львовичъ возился, какъ съ роднымъ дѣломъ, близко его касавшимся. Гарибальдійскіе подвиги его съ ума свели; онъ самъ участвовалъ въ качествѣ волонтера при осадѣ Гаэты. Онъ даже парп держалъ, что захватитъ въ плѣнъ несчастнаго короля Франциска II и представитъ его къ Гарибальди. Послѣ такихъ дѣйствительныхъ или сомнительныхъ подвиговъ, нашъ герой явился въ свои палестины, и съ разу наткнулся на готовящееся возстаніе въ Приволжскѣ. Уральцевъ увлекъ его въ возстаніе, но онъ же и отрезвилъ его. Что же дѣлать далѣе? Бѣжать! рѣшилъ нашъ европеецъ, бѣжать „dahin, wo die Zitronen blühen!“ Неужели за польское дѣло, не симпатичное русскому сердцу, сидѣть и гнить въ затхлыхъ стѣнахъ какой-нибудь крѣпости?

Когда коляска Драницына подлетѣла къ крыльцу его деревенскаго дома, то онъ сказалъ встрѣтившему его французу-камердинеру:

— Jaques! Ayez la complaisance defaire vit vos paquets. Dans tres jours nous débarquons!

— Trés bien, monsieur,—отвѣтилъ сѣдой, но вѣчно веселый Jaques, высаживая, со всѣми предосторожностями, изъ экипажа своего барина.

— Partons-nous à Paris?

— Ce n'es pas la question, pour le moment. Nous filons au Diable!

— Oh, pourquoi si loin, monsieur!.. J-y-vais, tout de même!

Левъ Львовичъ, вошедши одинокимъ въ домъ, испыталъ тѣ же впечатлѣнія, какія нѣкогда пережилъ Пушкинскій Евгеній, очутившись въ деревенскомъ жилищѣ своего покойнаго дяди:

Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ загражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ Дріадъ.

Посмотрѣвъ равнодушно въ окно изъ своего кабинета на открывшуюся роскошную картину природы, Драницынъ бросился къ кучѣ иностранныхъ газетъ, валявшейся на кругломъ столѣ

Digitized by Google

и полученной въ его отсутствіи. Но вошелъ Jacques и доложилъ о приходѣ управляющаго.

— Пусть подождетъ,—крикнулъ Левъ Львовичъ, не отрываясь отъ „Liberté“, которую издавалъ его пріятель Жирарденъ.

А въ этой газетѣ сообщалось, что Наполеонъ III, прочитавъ извѣстную ноту Горчакова, рѣзко отстранявшую вмѣшательство Запада въ русско-польскую борьбу, совсѣмъ растерялся и пересталъ принимать въ Тюльери семью князей Чарторыйскихъ.

Сердце нашего вольнодумца неожиданно возрадовалось при чтеніи этого извѣстія.

— Наша взяла!—проговорилъ вслухъ онъ.—Не все жъ Европѣ надъ нами брать верхъ. Есть и у насъ свое „raison d'etre“. Вотъ порадуется тетушка! Надобно къ ней съѣздить проститься.

VIII.

На другой день, вставъ, по обыкновенію, въ двѣнадцать часовъ дня, Левъ Львовичъ выпилъ стаканъ кофе и отправился къ Опочиньевымъ.

Семья князя сидѣла на террасѣ, выходившей въ садъ, и завтракала. У конца стола, возлѣ генерала, помѣщался Кочубовскій. Онъ почтительно повѣствовалъ о томъ, при какихъ обстоятельствахъ ему пришлось застрѣлить убѣжавшаго арестанта. Наташа съ ужасомъ слушала разсказъ и простодушно спросила:

— И вамъ не жаль было убивать человѣка?

— Что же дѣлать, княжна,—отвѣчалъ, опустивши глаза, Адамъ Казиміровичъ,—долгъ—святое дѣло. Я его исполнилъ, какъ офицеръ, вѣрный присягѣ.

— Конечно,—подтвердилъ Опочиньевъ,—долгъ—святое дѣло. Это ты, панъ, правду говоришь. Въ военной службѣ бабамъ нѣтъ мѣста. Что въ мирное время считается варварствомъ, то на войнѣ бываетъ доблестью. Въ 1831 году на моихъ глазахъ былъ такой случай. Мы взяли Прагу, предмѣстье Варшавы, и разсыпались по улицамъ. Изъ оконъ домовъ, съ крышъ, изъза воротъ въ насъ стрѣляли. Какъ-то я поднялъ глаза вверхъ и увидѣлъ, что на меня направила дуло ружья молодая женщина. Я ей поклонился, а ея пуля ударила въ мою правую руку, ниже локтя. Я привскочилъ невольно на сѣдлѣ, слѣзъ съ лошади и съ двумя солдатами ворвался въ домъ. Тутъ уже не помню, что происходило. А когда я очнулся, то мы насчитали въ одной комнатѣ убитыми трехъ мужчинъ, двухъ женщинъ и четырех-

Digitized by Google

лѣтнюю дѣвочку. Подъ чью она попала пулю—такъ мы и не допыталисъ. Можетъ быть, и я ее сразилъ. Война ничего не разбираетъ. Такъ-то.

Старикъ грустно задумался и забарабанилъ пальцами по столу.

Глаза Кочубовскаго бѣгали, какъ огоньки у фитиля, зажженнаго для взрыва фейерверка. Онъ, видимо, удерживался, чтобы не сказать чего-нибудь лишняго. Прасковья Яковлевна, не замѣчая внутренняго состоянія гостя, сдѣлала поправку къ словамъ мужа.

— Ты разсказываешь, что совершилъ въ азартѣ, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ. А меня удивляютъ поляки нынѣшняго времени. Они нашихъ плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ подвергаютъ такимъ истязаніямъ, о которыхъ страшно говорить. И такія варварства называются войной за возстановленіе своего отечества. Какъ вы полагаете, мосье Кочубовскій, можно признавать Польшу за цивиллизованную націю?

Княгиня была полна негодованія. Адамъ Казиміровичъ мгновенно поблѣднѣлъ.

— Гдѣ вы прочли эту клевету на моихъ братьевъ?—воскликнулъ онъ пискливо и вставъ со стула. Это враги выдумываютъ на насъ. Мы гуманнѣе русскихъ, мы культурнѣе ихъ!

— Вы гуманнѣе и культурнѣе насъ?— перебила Опочиньева, все болѣе горячась.—А кто сжегъ нашихъ предковъ въ мѣдныхъ быкахъ? Кто насильно обращалъ православныхъ крестьянъ въ унію и подвергалъ ихъ мучительнымъ пыткамъ въ случаѣ сопротивленія. Кто изъ своего народа, изъ литовцевъ и бѣлоруссовъ, сдѣлалъ идіотическое „быдло?“ Польскіе паны! А у насъ, несмотря на многовѣковое крѣпостное право, мужикъ сохранилъ свои духовныя богатства. Нѣтъ, лучше молчите. На вашей совѣсти лежитъ, относительно насъ, много кровавыхъ грѣховъ. Мы, русскіе, неспособны къ звѣрству. Оно у насъ является, какъ исключеніе. Въ Польшѣ звѣрство было систематически воспитано іезуитами. Вы никогда не примиритесь съ Россіей, что бы она вамъ ни дала. Вамъ нужно не только ея униженіе, вамъ нужна ея душа, ненавистная католицизму. Но великъ Богъ земли русской! Онъ содѣлалъ ее непобѣдимою, Онъ и смиритъ вашу гордыню. Мы добрѣе, мы простѣе, мы великодушнѣе васъ, оттого мы и торжествуемъ надъ вами!

Прасковья Яковлевна совсѣмъ увлеклась. Въ ней сказалась благородная русская кровь, выработанная вѣками въ одной преемственной идеѣ: любви къ своей родинѣ. Ее можно назвать

Digitized by Google

послѣднею могиканшей, послѣднею представительницей стараго дворянскаго поколѣнія. Послѣдующее поколѣніе интеллигентныхъ женщинъ не знаетъ чувствъ, которыми мучилась Опочиньева.

Слушая ее, Кочубовскій какъ будто бы смирился. Онъ сдержанно поклонился и проговорилъ:

— Я понимаю васъ, княгиня, и считаю излишнимъ продолжать разговоръ. Богъ, о которомъ вы упоминали, рѣшитъ споръ между Россіей и Польшей.

Присутствующіе молчали. Въ это время доложили о пріѣздѣ Драницына. Князь поднялся съ кресла и обратился къ Адаму Казиміровичу:

— Пройдемся, панъ, по саду; тебѣ полезно охладиться, а Левъ пока побесѣдуетъ съ женой и Наташей.

IX.

Опочиньевъ, при помощи палки, спустился по каменнымъ ступенямъ террасы. Княгиня съ тревогой глядѣла ему въ слѣдъ. Она давно стала замѣчать, что съ мужемъ совершается что-то неладное. Онъ утратилъ свой веселый, беззаботный характеръ, и жаловался то на безсонницу, то на сердцебіеніе, то на головную боль, прежде ему незнакомыя. Разъ онъ проговорился даже: отчего такъ долго не ѣдетъ Кочубовскій?

Умная Прасковья Яковлевна все сообразила и пришла къ заключенію, что между княземъ и этапнымъ начальникомъ образовалась какая-то таинственная связь. Опочиньева не позволяла себѣ допытываться: что́ именно образовалось? Тѣмъ не менѣе она начинала тревожиться за дорогаго ей человѣка.

Генералъ шелъ торопливо по главной аллеѣ, точно что неудержимое гнало его по ней. Онъ молчалъ, а желанный вопросъ такъ и вертѣлся на языкѣ. Старикъ неопредѣленно спросилъ:

— Ну, что новенькаго?

Кочубовскій перегнулся запскивающе къ князю и, какъ будто не понимая вопроса, сказалъ:

— О чемъ вамъ угодно будетъ знать?

— О чемъ?— переспросилъ нѣсколько раздраженно генералъ,— ну... нѣтъ ли *отъ нея* какихъ нибудь извѣстій?

Слово „отъ нея“ произнеслось съ удареніемъ.

— Нѣтъ еще. Но, можетъ-быть, ея и въ живыхъ нѣтъ.

— Какъ въ живыхъ нѣтъ? – воскликнулъ Опочиньевъ.—Да ты шутишь? Генералъ испуганно смотрѣлъ собесѣднику въ глаза.

Digitized by Google

Странныя бываютъ душевныя явленія. Женщина, о которой Опочиньевъ не думалъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, благодаря ничтожному случаю, вдругъ воскресла въ его памяти и стала ему мила. Его сынъ, погибшій на висѣлицѣ и совершенно ему невѣдомый, терзалъ его совѣсть, отравлялъ послѣдніе дни его жизни. *Кто* и *что* вызываетъ въ человѣческой натурѣ подобныя чувства? Въ силу какихъ законовъ они управляютъ и дѣйствуютъ на насъ то разрушительно, то созидательно?

Адамъ Казиміровичъ пропустилъ мимо ушей вопросъ князя, а тотъ растерянно бормоталъ:

— Ты не замедли сообщить, что узнаешь о ней.

Нѣчто робкое слышалось въ голосѣ нѣкогда гордаго, а нынѣ отживающаго русскаго барина.

Они уже гуляли молча. Густыя высокія липы и широкія аллеи Дарьинскаго сада дышали вѣковымъ величіемъ. Они точно поглощали въ себя личность человѣка. Панъ Кочубовскій ежился, глядя вверхъ на зеленыя верхушки, въ которыя кой-гдѣ пробивалась желтизна, и обрадовался, когда вдали мелькнула бѣлая фигура Наташи. Она торопливо бѣжала и кричала:

— Папочка, папочка! Удержи брата Льва Львовича! Онъ уѣзжаетъ за границу!

— Какъ за границу? Когда?

Князь и Кочубовскій остановились. Наташа продолжала:

— Черезъ три дня, папочка! И не хочетъ пробыть мои имянины! Такой гадкій!

Наташа надула губки и посмотрѣла лукаво на Алама Казимировича.

— А вы будете у меня на имянинахъ?—спросила она.

Тотъ поклонился, и что-то произнесъ двусмысленное. Наташа не унималась.

— Я не принимаю никакихъ резоновъ и танцую съ вами мазурку.

Генералъ не вытерпѣлъ и вмѣшался.

— Что ты, Наташа? Развѣ можно такъ безцеремонно навязываться къ кавалеру?

Но панъ Кочубовскій вошелъ уже въ роль элегантнаго Поляка. Онъ изысканно проговорилъ:

— Княжна такъ милостива, что мнѣ только остается покорно исполнить ея приказанія. Но дѣло въ томъ, что я не могу быть до конца бала. Рано утромъ я вывожу партію арестантовъ.

Князь сказалъ:

Digitized by Google

— Ты правъ, панъ. Мы тебя не задержимъ. Можно мазурку танцовать раньше ужина. А что касается Льва, то, какъ онъ смѣетъ уѣхать до твоего бала? Я его попросту арестую.

Генералъ, Наташа и Адамъ Казиміровичъ направились къ дому. Этапный начальникъ думалъ:

„Драницынъ, очевидно, труситъ. А, впрочемъ, онъ легко можетъ и попасться. Его видѣли на сходкѣ. Ему, конечно, лучше заблаговременно уѣхать отсюда. Ну, а какая судьба ждетъ меня?“

Сердце Кочубовскаго заныло. Онъ украдкой взглянулъ на княжну, ведшую подъ руку отца и говорившую ему что-то беззаботно на ухо. А счастье, кажется, такъ близко, такъ возможно...

Человѣкъ нерѣдко стоитъ въ раздумьѣ надъ пропастью. Солнце ярко свѣтитъ на синемъ небѣ. Зеленѣющія горы, журчащіе ручьи блестятъ кругомъ него и кричатъ о ликующей жизни... А путникъ все глядитъ въ пропасть... И въ ея неизмѣримыхъ, таинственныхъ глубинахъ есть, должно быть, нѣчто притягательное и увлекающее. Иначе человѣкъ не кидался бы въ пропасть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Суворовъ.

Digitized by Google

КНИГА ОСОБЕННО ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЙ СУДЬБЫ.[1]

IV.

Если, обратившись къ труду Бокля, мы всмотримся въ знаменитый „перечень книгъ, послужившихъ автору къ написанію его сочиненія“, эту безмолвную интродукцію къ его исторической поэмѣ, такъ изумившую Европу обиліемъ перечитаннаго матеріала и положившую первый камень въ высокомъ и непрочномъ зданіи его славы,—мы увидимъ не безъ удивленія, что онъ вовсе не зналъ элементарныхъ и классическихъ произведеній по исторіи. Такъ имя Нибура отсутствуетъ въ спискѣ; есть Нибуръ, но это не авторъ знаменитыхъ изслѣдованій классической древности, а путешественникъ по Востоку, авторъ „Description de l'Arabie. Amsterdam, 1774, t. 4—to“, гдѣ впервые даны были европейской публикѣ снимки клинообразныхъ надписей, тогда еще неразобранныхъ, и исторіей или содержаніемъ которыхъ, впрочемъ, Бокль не занимался. Замѣчательно вообще, что *памятники, лѣтописи*—все, по чему мы открываемъ психологію данной мѣстности, страны, эпохи,—вовсе отсутствуютъ среди прочитаннаго имъ матеріала, и послѣдній составили исключительно старопечатныя, но не очень старыя, скорѣе „прежнія“, „вышедшія изъ употребленія“ книги. Но вотъ, мы разбираемся среди нихъ, и у историка естественно ищемъ имени историка, который впервые научилъ Европу разбирать памятники и понимать исторію. Еслибы на минуту намъ показалось, что труды Нибура не упомянуты, какъ слишкомъ общеизвѣстные и вѣроятно настольные у Бокля, мы разубѣдились бы въ этомъ, съ удивленіемъ встрѣтивъ, среди „источниковъ“, Прескотта: „History of Ferdinand and Isabella“, „History of the Conquest of

[1] См. *Русск Обозр.* № 5, 1898 г.

Digitized by Google

Mexico“ и „History of the Conquest of Peru“,—книги столь любимыя и обильно читаемыя въ юношескомъ и отроческомъ возрастѣ, и привлекательная, манящая „награда за прилежаніе и вниманіе“ достойнѣйшимъ изъ нихъ. Нѣтъ Гумбольдта, то-есть Вильгельма, столь необходимаго для историка; и есть Александръ Гумбольдтъ, для историка почти излишній, но слишкомъ популярный, чтобы, встрѣтивъ его томы въ книжномъ магазинѣ, каждый любитель печати и книгъ не схватился за нихъ съ жаднымъ любопытствомъ неофита въ естествознаніи. Печать удивительной случайности царитъ въ „Спискѣ“: это не каталогъ библіотеки первокласснаго ученаго, даже не каталогъ хорошо организованнаго книжнаго магазина, но каталогъ обширной лавки совершенно необразованнаго букиниста; такъ, въ немъ есть всѣ почти знаменитые отрицатели-скептики XVIII и XVII вѣковъ—Гельвецій: „De l'esprits“. Amst. 2 vols., Д. Юмъ: „Philosophical works“, 4 vols., Кондильякъ: „Traité des sensations“, 1798, Кондорсэ,—но почему-то нѣтъ Бэйля, не только его „Pensées diverses, ecrites à l'occasion de la Comete de decembre 1680“, но и знаменитаго „Dictionnaire historique et critique“, составившихъ эпоху въ умственномъ развитіи Западной Европы, въ движеніи тѣхъ самыхъ скептическихъ идей, объ „установленіи“ и „распространеніи“ которыхъ, и именно даже во Франціи, Бокль написалъ столько краснорѣчивыхъ страницъ. Нѣтъ филологическихъ трудовъ Боппа и Гримма, давшихъ дѣйствительно „битву тайнамъ исторіи“ (выраженіе о Боклѣ г. Евг. Соловьева); но вотъ Рокитанскій написалъ въ 4-хъ томахъ „Руководство къ паталогической анатоміи“, и какъ ни проблематична ихъ связь съ историческою жизнью народовъ, эти томы значатся у Бокля прочитанными. Есть Бурдаха, устарѣлая и очевидно ошибочная для конца 50-хъ годовъ, „Traité de phisiologie considerée comme science d'observation“, Paris, 1834—41, 9 vols—и она была куплена, вѣроятно, за интересные рисунки и по довѣрію къ пространности изложенія, и внимательно прочитана. Кантъ значится, но нѣтъ ни Лейбница, ни Спинозы, и очевидно Кантъ взятъ какъ примѣръ или экземпляръ философіи, а не какъ ея живой членъ, необъяснимый безъ связи съ прочими. Отсутствіе университета и вообще школы, исключительно домашнее и *собственное* самоуглубленіе въ книги, „по девяти часовъ въ сутки“, въ высшей степени въ этомъ сказывается. Нѣтъ имени Винкельмана, и очевидно древнею скульптурой Бокль также не интересовался, какъ и новою музыкой;

Digitized by Google

но Вильямсъ написалъ „Principles of medicine“, Мурчисонъ—о силурійской фармаціи въ составѣ пластовъ земной коры („Siluria. London, 1854), Тэйлоръ — о судебной медицинѣ („Manuel of Medical Juris prudence. Lond. 1846), и все это есть. Особенно его занимала почему-то патологическая анатомія, и сочиненія по ней, то-есть все обыкновенныя учебныя руководства, „manuels“, и все тѣхъ-же 40-хъ годовъ, пестрятъ его списокъ: очевидно, все это были книги, какъ наиболѣе нужныя въ самой распространенной практикѣ, медицинской, наичаще ему попадавшіяся въ маленькихъ лавочкахъ старыхъ книгъ, и онъ ихъ скупалъ, дома прочитывалъ, и занесъ потомъ въ списокъ книгъ какъ матеріалъ для историческихъ размышленій и возсозданія исторіи. Можно было-бы подумать, судя по тексту его книги, что онъ презиралъ мелочи придворной жизни и все напоминающее частную или общественную сплетню: но, къ удивленію, мы находимъ у него прочитанными всѣ четыре тома переписки m-me de Maintenon „avec la Princesse des Ursints“. Нѣтъ конца путешествіямъ, въ Америку-ли, на Востокъ-ли; но вся такъ-называемая „историческая школа“ въ правѣ, то-есть въ развитіи политическихъ и частью бытовыхъ формъ, — отсутствуетъ, и имена Пухты и Савиньи, повидимому, также остались незнакомы его слуху, какъ и имена Винкельмана и Боппа.. Но вотъ частный предметъ: шотландская реформація и кальвинизмъ, о коемъ исписаны у него не только длинныя страницы, но и цѣлыя главы; мы отыскиваемъ Guizot и съ удивленіемъ не находимъ ни его „Исторіи англійской революціи“, ни замѣчательной его біографіи Кальвина, основанной на частной перепискѣ этого человѣка, очевидно, болѣе многозначительнаго въ судьбахъ Европы, нежели г-жа de Maintenon; въ раздраженіи, и все еще недоумѣвая, мы бѣжимъ по колонкѣ книгъ, и тамъ-же, съ „G“, всего восемью строками выше, читаемъ: Grant R. E: „Comparative Anatomy. Lond. 1841“, Grot R.: „History of Phisical Astronomy. Lond. 1852“,—и чуть-чуть пониже: Grieve: „The history of Kamtschatka, translated from the Russian. Gloucester. 1764. 4-to“,—та Камчатка, объ исторіи которой онъ не написалъ и не собирался написать ни главъ, ни страницъ, ни строкъ. Онъ похожъ въ этомъ странномъ и очевидно случайномъ выборѣ, точнѣй—наборѣ книгъ на человѣка, который, пожелавъ „писать“ объ археологіи, но не зная, что это такое, попросилъ бы свести себя за матеріаломъ въ анатомическій театръ, такъ же не понимая, что это такое; или—ближе къ его матеріалу,

Digitized by Google

къ „прочитаннымъ“ имъ „книгамъ“,—пожелавъ „сочинять“ анатомію, и именно „паталогическую анатомію“, попросился-бы „для матеріала“ въ отдѣлъ Ассиро-Вавилонскихъ древностей Британскаго Музеума. Исторія была такъ несчастна, что почему-то сдѣлалась предметомъ выбора для написанія по такому странному способу,—и мы болѣе не удивляемся, ничему не удивляемся, читая слѣдующія строки, которыми несчастный мальчикъ открылъ великолѣпное теченіе своей и „своею собственною рукой“ переписанной рѣчи:

„Между всѣми главными отраслями человѣческаго знанія наиболѣе было написано по отдѣлу исторіи, которая всегда пользовалась самою большою популярностью. И всѣ, повидимому, того мнѣнія, что успѣхъ историковъ соотвѣтствовалъ вообще ихъ трудолюбію и что если много изучали этотъ предметъ, то многое и разгадали въ немъ.

„Эта увѣренность въ достоинствѣ исторіи чрезвычайно распространена, что мы видимъ изъ того, какъ много ее читаютъ и какое мѣсто она занимаетъ во всѣхъ системахъ воспитанія. И нельзя не согласиться, что съ извѣстной точки зрѣнія такая увѣренность совершенно извинительна; нельзя не согласиться, что собраны такіе матеріалы, которые, разсматриваемые въ совокупности, представляютъ зрѣлище богатое и внушающее уваженіе. Политическія и военныя лѣтописи всѣхъ значительныхъ странъ Европы и большей части странъ, лежащихъ внѣ Европы, тщательно собраны, слиты въ приличную форму и довольно хорошо изслѣдованы относительно лежащей въ основаніи ихъ достовѣрности. Большое обращено вниманіе на исторію законодательства, а также на исторію религіи; въ то же время употребленъ значительный, хотя меньшій, трудъ на изслѣдованіе успѣховъ науки, литературы, изящныхъ искусствъ, полезныхъ изобрѣтеній и наконецъ нравовъ и удобствъ жизни народа. Для большаго ознакомленія насъ съ прошедшимъ, разсмотрѣны всякаго рода древности, разрыты мѣстности древнихъ городовъ, открыты и разобраны монеты, списаны надписи, возобновлены алфавиты, разгаданы іероглифы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ возсозданы и возстановлены давно забытые языки. Открыты нѣкоторые изъ законовъ, управляющихъ измѣненіями человѣческой рѣчи, и открытіе это въ рукахъ филологовъ послужило къ уясненію самыхъ темныхъ періодовъ раннихъ переселеній народовъ. Политическая экономія, возведенная на степень науки, пролила значительный свѣтъ на причины того неравномѣрнаго распредѣленія богатства, которое служитъ самымъ обильнымъ источникомъ общественнаго неустройства. Статистика такъ тщательно разработана, что мы имѣемъ самыя обширныя свѣдѣнія не только о матеріальныхъ интересахъ людей, но и объ ихъ нравственныхъ особенностяхъ, какъ-то: объ итогѣ различныхъ преступленій, о

Digitized by Google

пропорціи, въ какой они находятся одни къ другимъ, и о вліяніи на нихъ возраста, пола, воспитанія и т. п.".

По тону этихъ строкъ, у читателя, не всмотрѣвшагося въ составъ „Списка" и незнакомаго съ біографическими данными о жизни и воспитаніи автора,—а таковы именно и были въ цѣлой Европѣ читатели первыхъ изданій книги, опредѣлявшіе съ вниманіемъ ея достоинство и затѣмъ прочно установившіе ея авторитетъ,—у этихъ читателей изъ этого тона не могло не возникнуть представленія, что они имѣютъ предъ собою старца, до крайности истомленнаго всяческимъ историческимъ изученіемъ и отъ этого чуть-чуть роняющаго слова; у нихъ не могло быть никакого подозрѣнія, что онъ все это „своею рукой переписалъ на-бѣло"—маленькое сообщеніе, которое сразу опредѣлило-бы для нихъ возрастъ „писателя" и, понудивъ вслушаться въ его тонъ и всмотрѣться въ „Списокъ книгъ", дало-бы нить догадаться, что это не озираніе трудностей пройденнаго „ученымъ" пути, а простое и чисто каталогическое припоминаніе темъ, надъ которыми трудились другіе и дѣйствительные ученые, безъ всякаго однако свидѣтельства знакомства съ этими темами, и даже, по безошибочному свидѣтельству „Списка", при безспорномъ незнакомствѣ съ большею ихъ частью. Нѣсколько торопливый переходъ въ концѣ къ политической экономіи, не нужное пока и въ тонѣ удивленное вниманіе къ успѣхамъ статистики даетъ, т. е. могло-бы дать—но чуть-чуть и мглисто—просвѣтъ къ догадкѣ о лѣтахъ и образованіи „автора", и тогда тотчасъ понятно стало-бы и торжественно-великолѣпное, а вмѣстѣ какъ бы и „усталое" теченіе его рѣчи; но это такъ мало въ общемъ, и, наконецъ, печальная дѣйствительность, какую имѣли предъ собой читатели, была такъ невѣроятна, что мимолетные признаки соскользнули у нихъ съ вниманія и, ничего не подозрѣвая, т. е. не подозрѣвая, что передъ ними простое перечисленіе рубрикъ каталога, они съ довѣріемъ читали далѣе:

„Отъ этого великаго движенія не отстала и физическая географія; записаны климатическія явленія, измѣрены горы, начерчено теченіе рѣкъ, которыя изслѣдованы до истоковъ; всякаго рода естественныя произведенія тщательно изучены и раскрыты ихъ сокровенныя свойства, между тѣмъ химически разложены всѣ роды пищи, поддерживающей жизнь, сочтены и свѣшены ея составныя части и во многихъ случаяхъ приведено въ достаточную извѣстность свойство связи, въ которой они нахо-

Digitized by Google

дятся съ человѣческимъ организмомъ. Въ то же время, чтобы ничего не опустить изъ виду, что только можетъ расширить познанія наши во всемъ, касающемся человѣка, начаты обстоятельныя изысканія и по многимъ другимъ отраслямъ. Такъ, относительно самыхъ образованныхъ народовъ намъ извѣстны въ настоящее время пропорціи смертности, браковъ, рожденій, роды занятій, колебанія въ задѣльной платѣ и въ цѣнахъ на необходимыя жизненныя потребности. Эти и подобные имъ факты собраны, приведены въ систему и готовы для употребленія. Наконецъ, записаны дѣйствія и характеристическія черты великихъ народовъ и также огромное число различныхъ племенъ, во всѣхъ частяхъ извѣстнаго свѣта, посѣщены и описаны путешественниками, такъ что мы можемъ сравнивать состояніе рода человѣческаго на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи и при всевозможныхъ обстоятельствахъ"...

Мы видимъ снова, что здѣсь онъ путаетъ и торопится, не будучи въ силахъ переступить за границы каталога, ибо не знаетъ въ сущности внутренности ни одной науки; и, между тѣмъ еще болѣе вырастаетъ у читателя мысль, что онъ имѣетъ предъ собою старца, знанія котораго далеко переступили за предѣлы нужнаго и должнаго для историка; и предположеніе это, результатъ слухового ощущенія, поддерживается тотчасъ и зрительнымъ при бѣгломъ взглядѣ на „Списокъ книгъ", гдѣ мелькаютъ заголовки многотомныхъ трудовъ по всѣмъ рѣшительно существующимъ наукамъ. Никому не могло придти на умъ, что именно и спеціально исторіи, о которой онъ „пока не упоминаетъ", онъ и не знаетъ вовсе; что, при многотомныхъ чтеніяхъ, онъ не учился и всѣмъ другимъ предметамъ и что, сбиваясь изъ науки въ науку и усложняя рѣчь мыслью, что „начертаны теченія рѣкъ", а пища „поддерживаетъ жизнь человѣка", онъ течетъ словами безъ нужнаго и вопреки должнаго. Но ничего рѣшительно въ этомъ абзацѣ не задерживаетъ, не зацѣпляетъ вниманіе читателя; ничего еще важнаго, „настоящаго", не началось; и, при строкахъ, соскальзывающихъ, сплывающихъ одна за другою, вовсе не вырисовывается предъ этимъ читателемъ въ сущности уже запутавшійся въ своихъ словахъ мальчикъ и смертельно боящійся (предъ первымъ изданіемъ книги), чтобы объ его невѣжествѣ и спеціально „домашнемъ приготовленіи" не догадались, а, напротивъ, получается впечатлѣніе ученаго, которому и въ самомъ пѣлѣ интересна (какъ онъ выражается еще въ томъ же абзацѣ) „анатомія народа, какъ-бы построенная изъ выводовъ перечисленныхъ наукъ, и замѣчательная по своей крайней точности". И

Digitized by Google

вотъ онъ переходитъ, а читателю кажется, что это Фаустъ переходитъ, отъ утомившихъ его знаній къ новымъ дерзновеннымъ исканіямъ о человѣкѣ:

„Но еслибы съ другой стороны мы стали описывать употребленіе, сдѣланное изъ этихъ матеріаловъ, то намъ пришлось-бы изобразить совсѣмъ другую картину. Печальная особенность исторіи человѣка заключается въ томъ, что хотя ея отдѣльныя части разсмотрѣны съ значительнымъ умѣньемъ, но едвали кто[1] пытался слить ихъ въ одно цѣлое и привести въ извѣстность существующую между ними связь. Во всѣхъ другихъ великихъ отрасляхъ изслѣдованія необходимость обобщенія допускается всѣми, и дѣлаются благородныя усилія возвыситься надъ частными фактами съ цѣлью открыть законы, которыми факты эти управляются. Но историки такъ далеки отъ усвоенія себѣ этого воззрѣнія, что между ними преобладаетъ странное понятіе, будто ихъ дѣло только разсказывать факты (это Нибуръ-то, или Вико или Винкельманъ и Савиньи „разсказывали“ факты!), по временамъ оживляя ихъ такими политическими и нравственными разсужденіями, какія имъ кажутся наиболѣе полезными (точно послѣ Плутарха ничего не писалось, или и писалось, но все въ родѣ Ламе-Флери). По такой теоріи (по *какой* теоріи, кѣмъ написанной, гдѣ изложенной, кѣмъ настойчиво осуществляемой?), любому писателю, который, по лѣности мысли или по врожденной неспособности, не въ силахъ совладать съ высшими отраслями знанія, стоитъ только употребить нѣсколько лѣтъ на прочтеніе извѣстнаго числа книгъ—и онъ сдѣлается историкомъ, и онъ въ состояніи будетъ написать исторію великаго народа, и сочиненіе его станетъ авторитетомъ по тому предмету, на изложеніе котораго оно будетъ имѣть притязаніе“.

Такимъ образомъ подозрѣніе, что *именно этимъ* наивнымъ способомъ и по этимъ недостаточнымъ причинамъ (см. біографію) возникла сама „Исторія цивилизаціи въ Англіи“, еслибы даже и закралось, вытолкнулось-бы невольно при чтеніи этихъ строкъ изъ ума читателя. Бокль, говоря „о прочтеніи нѣсколькихъ и даже многихъ книгъ“, какъ о фундаментѣ для написанія новой исторической книги, разумѣлъ конечно приведенныхъ у него въ „Спискѣ“ историковъ-повѣствователей, какъ Прескоттъ, Маколей, Тьери; и уединенность мысли, отсутствіе знакомствъ, отсутствіе вообще всякаго ознакомленія съ внѣшними даже пріемами ученой работы скрало отъ него ту истину, что всѣ эти историки, „повѣствованія“ которыхъ такъ „просты“, въ дѣйствительности работали надъ огромнымъ и новымъ для науки

[1] Мы просимъ читателя внимательнѣе слѣдить: отсюда начинается „мысль“ книги.

Digitized by Google

рукописнымъ матеріаломъ; что они въ архивахъ работали, а не въ читальныхъ залахъ библіотекъ, какъ это онъ наивно предположилъ. Напротивъ, та мысль, которую Бокль выразилъ въ приведенныхъ строкахъ и которая, очевидно, и возбудила въ немъ „зудъ отрастающихъ" литературныхъ „крыльевъ", не принадлежа ему нисколько, могла быть вычитана, и была дѣйствительно имъ прочитана (см. „Списокъ" и подстрочныя примѣчанія, разбросанныя въ текстѣ его книги) частью въ „Курсѣ положительной философіи" Конта, но еще болѣе и уже въ совершенно готовомъ, оформленномъ видѣ—въ „Исторіи индуктивныхъ наукъ" Уэвелля. Въ исторіи европейской науки Контъ первый смѣшалъ, пересталъ различать специфическія начала каждой науки, и, принявъ ему единственно хорошо знакомыя науки (онъ былъ инженеръ), механическія, за типъ всѣхъ наукъ и прототипъ вообще науки, подчинилъ въ своемъ „курсѣ" требованіямъ этого типа задачи всѣхъ остальныхъ наукъ, не имѣющихъ въ структурѣ своей ничего съ механикой общаго. „Планъ" Бокля и былъ мѣстнымъ и временнымъ, минутнымъ и географическимъ повтореніемъ этой ошибки: въ примѣненіи къ исторіи онъ захотѣлъ исполнить требованіе Конта, или, точнѣе, онъ захотѣлъ въ „судьбахъ" и строѣ историческаго человѣчества „индуктивнымъ путемъ" найти нѣкоторые „общіе законы", какіе, по указанію Уэвелля, были своевременно найдены въ астрономіи, статикѣ и динамикѣ, въ химіи и органическихъ наукахъ. И эта попытка или „планъ" Бокля былъ такъ простъ, что литературные его источники могли быть дѣйствительно найдены въ первой попавшейся читальной залѣ посредственной библіотеки, такъ какъ труды Уэвелля и Конта, всегда широко распространенные, въ тѣ именно годы гладко читались и производили обаятельное впечатлѣніе на всѣ средніе и даже рабочіе, но съ „выучкой", классы „населенія", къ которымъ по образованію Бокль и принадлежалъ — заранѣе (см. выше) апеллируя къ ихъ „сужденію" противъ внушавшихъ ему робость собственно ученыхъ, робость „неизвѣстности" и „тайны", коими для него былъ окруженъ ихъ трудъ. Наивное предположеніе, что до него историки читали только въ читальняхъ, и въ гораздо меньшемъ объемѣ, нежели читалъ онъ, равно какъ и торопливое указаніе въ „Спискѣ" „свойствъ и объема матеріала", коимъ „онъ пользовался", съ помѣщеніемъ туда необозримыхъ „каталогій"—есть только самозащита, есть жестъ литературной испуганности человѣка, который не можетъ для себя опредѣ-

Digitized by Google

лить, дѣлаетъ-ли онъ великое или невообразимо смѣшное. Но, во всякомъ случаѣ, мы и далѣе понимаемъ тонъ его словъ и родникъ его неопредѣленной раздражительности:

„Установленіе такого узкаго мѣрила повело къ послѣдствіямъ весьма вреднымъ для успѣховъ нашего знанія. Благодаря этому обстоятельству, историки, какъ корпорація, никогда не признавали необходимости такого обширнаго предварительнаго изученія, которое давало-бы имъ возможность охватить свой предметъ во всей цѣлости его естественныхъ отношеній. Отсюда странное явленіе, что одинъ историкъ—невѣжда въ политической экономіи, другой не имѣетъ понятія о правѣ, третій ничего не знаетъ о дѣлахъ церковныхъ и перемѣнахъ въ убѣжденіяхъ, четвертый пренебрегаетъ философіей статистики, пятый—естественными науками, между тѣмъ какъ эти предметы имѣютъ самую существенную важность въ томъ отношеніи, что они объемлютъ главныя обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на нравъ и характеръ человѣчества и въ которыхъ проявляются этотъ нравъ и этотъ характеръ. Эти важные предметы, будучи разрабатываемы однимъ однимъ, другой другимъ человѣкомъ, скорѣе разъединялись, чѣмъ соединялись; помощь, которую могли бы оказать аналогія и взаимное уясненіе одного предмета другимъ, терялась, и не было видно ни малѣйшаго побужденія сосредоточить всѣ эти предметы въ исторіи, которой, собственно говоря, они составляютъ необходимые элементы".

Никто при появленіи книги Бокля не зналъ, что онъ не былъ въ университетѣ и просто лишенъ былъ свѣдѣнія, что на историко-филологическихъ факультетахъ читаются всѣ, перечисленныя имъ, науки, кромѣ естественныхъ, и что образованные историки обыкновенно молча сообразуютъ свои работы съ данными тѣхъ наукъ, но выдержками и ссылками на нихъ не загромождаютъ свои книги, ибо это было-бы въ нихъ побочно и затрудняло бы читателя, который (если онъ образованъ) для ознакомленія съ финансами или правомъ въ тотъ или иной вѣкъ и беретъ книгу финансовую или юридическую, а не открываетъ въ исторіи юридическую или финансовую главу,—и еще менѣе анатомическую или геологическую главу, какія встрѣчаются у Бокля.

„При столь неполномъ",—продолжаетъ онъ нѣсколько далѣе,—„знакомствѣ нашемъ съ исторіей, несмотря на такое изобиліе матеріала слѣдуетъ, кажется, желать, чтобы что-нибудь было предпринято въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ предпринималось до сихъ поръ, и чтобы сдѣлано было энергическое усиліе поднять эту великую отрасль изслѣдованія на одинъ уровень съ другими и дать намъ возможность удержать равновѣсіе и гармонію въ нашемъ знаніи. Въ этомъ духѣ и было задумано настоящее

Digitized by Google

сочиненіе. Совершенное выполненіе задуманнаго невозможно, тѣмъ не менѣе я надѣюсь сдѣлать для исторіи человѣка что нибудь равносильное или по крайней мѣрѣ сходное съ тѣмъ, что было сдѣлано другими изслѣдователями для разныхъ отраслей естественныхъ наукъ [1]"...

Здѣсь мы не можемъ не видѣть нѣкоторый просвѣтъ на то, почему онъ такъ много, и по самыхъ различнымъ отраслямъ, читалъ книгъ по естествознанію, притомъ большею частью „руководствъ" „manuels": онъ просто знакомился съ *устройствомъ* книгъ по естествознанію, о которомъ изъ Уэвелля, да и вообще отъ ученыхъ *не*-гуманистовъ, почерпнулъ предположеніе, что оно одно есть подлинная наука; онъ въ этихъ книгахъ не міръ учился понимать, къ коему въ его богатствѣ, силѣ и красотѣ остался также тусклъ и безчувственъ, какъ къ живой народной исторіи,—но онъ подсматривалъ въ нихъ, какъ онѣ дѣлятся на главы и отдѣлы, какъ въ нихъ группируется матеріалъ и въ какомъ онѣ „духѣ", а можетъ быть и какимъ слогомъ пишутся. Отсюда понятно, почему большинство значащихся у него, напр., анатомій—20-лѣтней и 30-лѣтней давности: новизна не имѣла рѣшающаго значенія при этихъ тайныхъ задачахъ чтенія. Теперь посмотримъ, что главное нашелъ онъ во всѣхъ этихъ книгахъ и что будетъ пытаться, мы предполагаемъ, перенести въ свою:

„Въ природѣ", то-есть физической, о которой трактовало большинство имъ читанныхъ книгъ, „въ природѣ явленія, повидимому самыя неправильныя и случайныя, были объяснены и подведены подъ извѣстные, неизмѣнные и общіе, законы. Это произошло оттого, что люди съ дарованіями и, что важнѣе всего, терпѣливые и неутомимые [2] мыслители изучали физическія явленія съ цѣлью открыть въ нихъ правильность. Еслибы было обращено такое-же вниманіе и на явленія въ жизни людей, то мы были-бы въ полномъ правѣ ожидать подобныхъ же результатовъ; ибо ясно, что тѣ, которые утверждаютъ, будто историческіе факты неспособны къ обобщенію, принимаютъ

[1] Слогъ Бокля вообще вездѣ напоминаетъ знаменитый „приступъ" къ работѣ и новому „историческому созиданію" Бѣлкина, даже больно какъ-то назвать—какой эпохи и мѣстности: такъ много иронiи получается отъ сопоставленія съ трудомъ англійскаго мыслителя легкаго и поэтическаго абриса, какой на поученіе вѣкамъ далъ Пушкинъ.

[2] Замѣчательно, какъ вездѣ, собственно, Бокль пишетъ тайную апологію себѣ: робкій дуэлистъ за двоюродную сестру, онъ робокъ безгранично, какъ и безгранично-же безличенъ, и съ перомъ въ рукѣ. Обиліе у него цитатъ есть только страхъ что нибудь сказать, что не было бы сказано еще кѣмъ-нибудь. „Мы" всегда „вдвоемъ", и часто „втроемъ", „впятеромъ"—неумолчно говоритъ онъ читателю, который захотѣлъ-бы въ то же время быть критикомъ.

Digitized by Google

за рѣшенное дѣло то, что составляетъ еще вопросъ. Они дѣлаютъ еще лучше: они утверждаютъ то, чего не въ силахъ доказать и что, при настоящемъ состояніи знаній, даже въ высшей степени неправдоподобно. Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ тѣмъ, что было сдѣлано въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, долженъ былъ замѣтить, что каждое поколѣніе открывало правильность и возможность предсказанія какихъ-нибудь событій, почитавшихся въ предшествовавшемъ столѣтіи неправильными и непредвидимыми. Итакъ, успѣхи цивилизаціи ведутъ явнымъ образомъ къ подкрѣпленію нашего вѣрованія въ существованіе во всемъ порядка, метода и закона. Изъ этого слѣдуетъ, что если какіе-нибудь факты или разряды фактовъ еще не были подведены подъ правило, то мы далеко не можемъ объявлять ихъ неподходящими подъ правило, а должны скорѣе допустить, руководствуясь предшествующими опытами, что то, что мы называемъ теперь необъяснимымъ, будетъ по всей вѣроятности объяснено современемъ. Это ожиданіе—открыть правильность среди безпорядка—до такой степени сродно людямъ ученымъ, что у замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ оно переходитъ въ вѣрованіе, и, если мы не встрѣчаемъ того же вообще у историковъ, то должны приписать это частью ихъ меньшему знанію дѣла, сравнительно съ естествоиспытателями, частью-же большею сложностью общественныхъ явленій, составляющихъ предметъ ихъ изученія".

Бокль не подозрѣвалъ, что его попытка изучать людей какъ камни и открыть въ ихъ жизни и дѣятельности законы, аналогичные тѣмъ, какіе управляютъ паденіемъ камней, вытекала именно изъ совершеннаго невѣдѣнія имъ какъ внѣшней природы—съ одной стороны, такъ и людей—съ другой. Но отъ этихъ именно словъ[1], нами приведенныхъ и которыя чрезвычайно ярко запомнились, пошла легенда о „сложности явленій, составляющихъ предметъ изученія историковъ", что будто-бы служило прежде и навсегда останется специфическою трудностью исторіи и главнымъ препятствіемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ препятствіемъ единственнымъ, къ открытію въ ней „законовъ" какъ „единообразій" и „постоянствъ" или какъ „повтореній" того-же (типъ астрономіи во второмъ случаѣ, типъ механики—въ первомъ). Между тѣмъ „препятствіе" это, или, точнѣй, обстоятельство, которое дѣлаетъ не только навсегда невозможнымъ, но и вовсе ни для чего ненужнымъ открытіе „законовъ" какъ „единообразій" въ жизни человѣческой, заключается въ *индивидуа-*

[1] То-есть, собственно говоря, изъ идеи Конта объ относительной сложности науки объ обществѣ („соціологіи"), которая послужила основаніемъ и для приводимыхъ разсужденій Бокля.

Digitized by Google

лизмъ всѣхъ феноменовъ бытія человѣческаго, текущемъ изъ того, что здѣсь центръ и движитель явленій есть не *предметъ*, то-есть существо *общее*, но *лицо*, то есть существо абсолютно обособленное, своеобразное, своекачественное, единичное въ высочайшей степени. Прочія науки успѣшно находятъ „общій законъ", какъ только въ предметѣ своемъ онѣ отбрасываютъ „частное", что́ въ то же время непремѣнно есть въ этомъ безличномъ предметѣ „случайное" и „второстепенное": таковъ цвѣтъ въ рисуемой геометрической фигурѣ, которую мы чертимъ мѣломъ или углемъ; качества артиллерійскаго орудія для свойствъ параболы, которую описываетъ артиллерійскій снарядъ. Стирая частное, мы здѣсь находимъ „общее" или „законъ"; напримѣръ, находимъ „единообразіе" свойствъ параболы, „единообразіе" большихъ и малыхъ круговъ, черныхъ или бѣлыхъ треугольниковъ. Но едва, руководясь этимъ методомъ и слѣдуя указаніямъ Бокля (или Конта) мы тронулибы въ человѣкѣ „частное",—мы уничтожимъ въ немъ главное и вѣчное, откуда все исходитъ, текутъ всѣ темы, всѣ задачи, предлежащія исторіи и историку; тронемъ „двоюродную сестру", „кабинетъ въ два свѣта" и „патологіи" у Бокля—и мы ничего въ немъ не поймемъ; передъ нами вообще останется „историкъ Бокль", сливающійся съ „Тьери", „Гизо", „Маколеемъ"; и эти страницы, которыя я пишу, которыя есть безспорно страницы нѣкоторой исторіи и даже — страницы именно изъ „исторіи цивилизаціи въ Европѣ", потеряютъ самую тему свою, предметъ, какъ и вообще какой либо raison d'être. Но пойдемъ далѣе въ „обобщеніи": сотремъ „Бокль", „Гизо", „Маколей" и даже сотремъ вообще „историкъ"; предъ нами останется вообще „ученый", „книжный человѣкъ": предметъ изученія и размышленій почти исчезъ, мы ничего болѣе не умѣемъ и не найдемъ сказать о немъ; „исторія" собственно исчезла и осталась почти только физіологія, напримѣръ, эта „общая" истина, что „всѣ ученые съѣдаютъ въ сутки отъ 3 до 7 фунтовъ твердыхъ и жидкихъ веществъ и около половины ихъ обратно выдѣляютъ въ твердыхъ и жидкихъ экскрементахъ, равно черезъ испарину кожи и въ углеродѣ и парахъ выдыхаемыхъ". Мы видимъ, какъ мало тутъ осталось „исторіи", какъ мучительно возсталъ-бы „Бокль", еслибы даже его печальную и смѣшную судьбу мы свели къ этимъ „единообразіямъ", не находя въ немъ и его трудѣ ничего другого любопытнаго:

„Но не хочу, о, други, умирать;
„Я жить хочу—страдать иль наслаждаться...

Digitized by Google

сказалъ бы онъ. Да, наслаждаться даже издѣвательствомъ надъ моимъ именемъ, пусть даже это; но только не холодное и не ужасное молчаніе „общихъ законовъ", подъ могилой которыхъ погребенъ *я*, нѣтъ болѣе моего *я*, и никогда, никогда изъ этой ужасной могилы не вырвется мой, пусть истерическій и глупый, но именно ничей еще, а *мой* крикъ, во *мнѣ* родившійся и когда-то *меня* утѣшившій: „книга, моя книга! я никогда не окончу моей книги!" Такимъ образомъ исторія человѣка въ самомъ предметѣ и существѣ своемъ исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ ней съ требованіемъ или ожиданіемъ „общихъ законовъ"; подобно тому, какъ, наоборотъ, естественныя науки въ самомъ существѣ и предметѣ своемъ исчезли-бы, какъ только мы подошли-бы къ нимъ со специфически историческимъ требованіемъ „частнаго" и „индивидуальнаго": напримѣръ, разсматривая геометрическія фигуры, спрашивали-бы, чѣмъ и на какого состава доскѣ, деревянной или каменной, онѣ начерчены, или относительно физіологіи пищи: изъ чашки или изъ тарелки съѣдаетъ, и кто именно съѣдаетъ, историкъ или естественникъ, свой бульонъ. Какъ ни трудно повѣрить, но изъ только что приведенныхъ выдержекъ видно, что именно эта галиматья, основная въ позитивизмѣ и характерная („индивидуальная") для Конта, но необыкновенно серьезнымъ и торжественнымъ тономъ высказанная, рано потревожила Бокля и пробудила въ немъ „зудъ отростающихъ крыльевъ". Она именно и составила энтелехію, жизнь и душу, „пафосъ" и „поэзію" начатой имъ книги;, и мы уже заранѣе предвидимъ, что онъ на всемъ ея протяженіи станетъ усиленно набрасывать покровъ на „лицо" человѣка и съ достаточнымъ „терпѣніемъ и неутомимостью" смотрѣть, переворачивать, описывать и записывать остающіяся ему затѣмъ „пятки", „щиколки" и вообще все безлично-„общее" у человѣка, гдѣ, правда, есть и „открываются" „единообразія" — анатоміи и способовъ ступанія, что̀ все до окончательной подробности познавъ, „собравъ", онъ будетъ питать надежду, что болѣе, нежели кто-либо до него, понялъ или „приблизился къ пониманію" „главныхъ законовъ исторіи". Τὰ κοινὰ въ человѣкѣ, не любопытное, не значущее, о чемъ онъ не болитъ и чѣмъ въ себѣ не дорожитъ, на что никогда и ничье не обращалось вниманіе,—сюда-то, къ этому отбросу лица и выбросу исторіи и устремится Бокль, на каждомъ шагу здѣсь находя „новое" для себя и новое, какъ онъ думалъ, и для человѣчества, въ книгахъ котораго онъ ничего такого еще не читалъ. Ибо—намъ хочется объяснить на примѣрѣ центръ и

Digitized by Google

периферію исторіи—вотъ пусть Востокъ, „любимый“ Боклемъ Востокъ, однако сѣвернѣе манившей его Аравіи. Предъ нами—евреи; и, сосѣди финикіянъ, они, однако, не торговали. Можно долго, глубокомысленно, съ огромнымъ подборомъ цитатъ, объяснять, „почему они не стали“, какъ финикіяне или аѳиняне, „мореплавателями“; и, пользуясь богатствомъ представляемыхъ исторіею анологій, можно вывести нѣсколько „единообразій“ о томъ, въ какихъ условіяхъ „климата“, „почвы“, „состава пищи“ и „общаго вида страны“—рубрики, внимательно Боклемъ разсмотрѣнныя,—мореплаваніе не зарождается у народа: но вѣдь оно не зародилось въ данномъ случаѣ, его нѣтъ, и всѣ эти „единообразія“ не имѣютъ самого предмета объясняемаго, и поэтому являются нѣкоторымъ non sans въ наукѣ исторіи. Но вотъ въ исторіи ихъ *есть* фактъ: какъ онъ *не* общъ, какъ *индивидуаленъ*—это Рахиль, „красивая станомъ и лицомъ“, и „больная глазами“ сестра ея Лія:

„И увидѣла Рахиль, что она не рождаетъ дѣтей и сказала Іакову: дай мнѣ дѣтей; а если не такъ—я умираю.

„Онъ-же разгнѣвался на нее и сказалъ: что-же, я Богъ развѣ? Это Онъ не далъ тебѣ плода чрева.

„Тогда Рахиль сказала: вотъ служанка моя, Валла; войди къ ней; и пусть она родитъ въ колѣна мои, чтобы хоть отъ нея и имѣла дѣтей“...

Какъ это индивидуально и исключительно! Частный крикъ, можетъ быть шепотъ въ спальнѣ или ссора у ея порога. Какая цѣна въ этомъ для исторіи? Съ точки зрѣнія считаемыхъ, усчитываемыхъ и собираемыхъ „единообразій“—никакой. Тайна исторіи, ея „святая святыхъ“ — въ дѣйствительности. Этотъ шепотъ, неповторимый еще нигдѣ и никогда, а потому, казалось-бы, и никому ненужный, для „науки“ же не интересный, проливаетъ огромный объясняющій свѣтъ на характеръ и судьбу народа, въ мѣру того, какъ и самая судьба эта нова и не сливается съ траэкторіями судебъ всѣхъ остальныхъ народовъ. Исторія, и чуткіе среди историковъ, и слушаютъ эти „шепоты“ въ мглѣ вѣковъ; въ нихъ они ловятъ не „общее“, κοινὸν, но именно обособленное; и вся исторія, чѣмъ болѣе этихъ шепотовъ уловлено, пестрѣе и ярче выдавливается въ узорѣ своемъ, т. е. въ своемъ существѣ и предметѣ, который не только не разгадывался-бы, но и померкъ-бы въ совершенной темнотѣ, какъ только, ища κοινὸν, мы стали-бы „сближать“ Рахиль съ Навзикаей—гречанкой, съ Лукреціей Римской или съ нашею Анастасіей Романовной; или, руководствуясь методомъ Бокля, начали-бы

Digitized by Google

отыскивать „причины“ этого крика и діалога въ „почвѣ“, на которой стоялъ шатеръ Іакова, или въ „пищѣ“, которою питались сестры; или—и такъ чаще всего поступалъ Бокль—найдя этотъ фактъ мелочнымъ и случайнымъ, сосредоточили-бы вниманіе на той сторонѣ его, которою онъ характеризуетъ „общія условія своего времени“, напримѣръ ту чрезвычайную степень рабства, при которой рабыни обязаны были даже и рожать за своихъ госпожъ. Но мы нѣсколько предупреждаемъ методъ частныхъ объясненій Бокля, между тѣмъ какъ предъ нами лежитъ пока его общее воззрѣніе на предметъ:

„Обѣ эти причины замедлили зарожденіе науки исторіи. Знаменитѣйшіе историки стоятъ очевидно ниже искуснѣйшихъ естествоиспытателей: никто изъ людей, посвящавшихъ себя исторіи, не можетъ быть сравненъ по уму съ Кеплеромъ, Ньютономъ и др. Между тѣмъ, со стороны большей сложности изучаемыхъ явленій, историкъ-философъ встрѣчаетъ трудности гораздо страшнѣе тѣхъ, съ которыми борется естествоиспытатель, потому что, съ одной стороны, въ его наблюденіяхъ болѣе возможны ошибки, происходящія отъ предубѣжденія и страсти, съ другой-же—онъ не располагаетъ великимъ физическимъ пособіемъ опыта, съ помощью котораго мы часто бываемъ въ состояніи упростить самыя запутанныя задачи въ области внѣшняго міра.

„Поэтому не удивительно, что изученіе явленій въ жизни человѣка находится еще въ младенчествѣ, сравнительно съ успѣхами изученія явленій природы. И въ самомъ дѣлѣ, различіе между успѣхами этихъ двухъ изученій такъ велико, что въ естественныхъ наукахъ правильность явленій и возможность предсказанія ихъ [1] часто признаются несомнѣнными даже въ случаяхъ, еще не подвергавшихся повѣркѣ, между тѣмъ какъ въ исторіи подобная правильность не только не признается впередъ доказанною, но положительнымъ образомъ отвергается. Отсюда происходитъ, что всякій, кто желалъ-бы поднять исторію на одинъ уровень съ другими отраслями знанія, встрѣчаетъ препятствіе въ томъ, что въ дѣлахъ человѣческихъ есть будто бы нѣчто таинственное и предустановленное, что дѣлаетъ ихъ недоступными для нашего изслѣдованія и постоянно будетъ скрывать ихъ будущій ходъ. На это достаточно отвѣтить, что подобное утвержденіе неосновательно; что, по самой сущности своей, оно не можетъ быть доказано [2] и что, сверхъ того, ему противорѣчитъ тотъ извѣстный фактъ, что повсюду увеличеніе знаній сопровождалось усиленіемъ вѣры въ единообразіе, съ

[1] Формула Конта, данная для науки – savoir pour prévoir, конечно обнимаетъ лишь вѣточки науки; ибо трудно понять, что могъ-бы „prévoir“ человѣкъ, занявшійся изученіемъ статуй или законодательства Моисея, и, между тѣмъ, онъ ихъ можетъ „savoir“. И т. п.

[2] Доказуемо же съ точки зрѣнія индивидуализма, какъ сущности исторіи.

Digitized by Google

которымъ, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, одни и тѣ же событія слѣдовали одно за другихъ. Но мы вникнемъ поглубже въ это затрудненіе и прямо изслѣдуемъ основаніе обыкновенно высказываемаго мнѣнія, будто исторія должна остаться въ своемъ теперешнемъ эмпирическомъ состояніи и никогда не можетъ быть возведена на степень науки. Мы придемъ, такимъ образомъ, къ одному важному вопросу, лежащему въ основаніи всего этого дѣла, а именно: управляются ли дѣйствія людей, а слѣдовательно и обществъ, неизмѣнными законами, или же они составляютъ результатъ случая или сверхъестественнаго вмѣшательства? Обсужденіе этого вопроса можетъ повести къ нѣкоторымъ чрезвычайно любопытнымъ соображеніямъ.

„По отношенію къ этому предмету существуютъ два ученія, представляющія новидимому двѣ различныя ступени цивилизаціи. Согласно съ первымъ ученіемъ, каждое событіе есть нѣчто одинокое и особенное, и разсматривается какъ результатъ слѣпого случая [1]. Это мнѣніе, самое естественное для невѣжественнаго народа, рано ослабляется расширеніемъ опытности, приносящимъ познаніе того единообразія въ послѣдовательности и совмѣстности явленій, которое постоянно замѣчается въ природѣ. Бродячія племена, нисколько не затронутыя цивилизаціей, живутъ исключительно звѣроловствомъ и рыболовствомъ [2] и потому легко могутъ предположить, что необходимая для нихъ пища доставляется имъ случаемъ, не допускающимъ никакого объясненія. Неправильность добыванія пищи и кажущаяся прихотливость, выражающаяся то въ обиліи, то въ недостаткѣ ея, препятствуетъ этимъ племенамъ предположить что-либо похожее на систему въ дѣйствіяхъ природы; умъ ихъ не можетъ даже представить себѣ существованія тѣхъ важныхъ началъ, которыя управляютъ порядкомъ событій и при знаніи которыхъ мы часто можемъ предсказать будущій ходъ этихъ событій“ и т. д

Нужно нѣсколько разъ перечитать эти первыя страницы „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“, чтобы понять ея духъ, тенденціи и надежды. Все разсужденіе, нами приведенное, дви-

[1] Тутъ есть двѣ неправильности въ передачѣ воззрѣній историковъ: они не *уравниваютъ* всѣхъ событій, не разсказываютъ *все сплошь подъ рядъ, что было*, и слѣдовательно Бокль не могъ сказать: „согласно съ первымъ ученіемъ *каждое* событіе“, и т. д. Историки „выбираютъ“, для нихъ есть „нѣкоторыя“ событія, важнѣйшія, чѣмъ прочія, и, очевидно, есть въ ихъ воззрѣніяхъ фундаментъ для отличенія этихъ „нѣкоторыхъ“ отъ всѣхъ остальныхъ. И этимъ фундаментомъ служитъ то, что выбранное именно не „случайно“—второе ошибочное указаніе Бокля—но многозначительно; какъ шопотъ Рахили и Іакова (что бы, кажется, случайнѣе?) собственно лишь варіируется и во всей остальной еврейской исторіи, есть выявленный крикъ выявленной молчаливой думы даже до Маріи Дѣвы съ ея: „се раба Господня—буди Мнѣ по глаголу Твоему“.

[2] См. и сейчасъ дальше; такъ вотъ съ какими „историками“ вступаетъ въ полемику Бокль на 4-й страницѣ „перваго тома моего труда“—„пятнадцатитомнаго Введенія“ въ „Исторію цивилизаціи въ Англіи“. „Матери моей посвящаю я этотъ первый томъ перваго моего сочиненія..“

Digitized by Google

жется какъ бы въ пустынѣ, и это есть самая замѣчательная его черта: оно вовсе не задѣваетъ науки исторіи и, очевидно, написано внѣ всякаго вѣдѣнія о ея дѣйствительномъ существованіи (что̀ подтверждаетъ и „Списокъ прочитанныхъ книгъ“). Предъ умомъ автора, вовсе не раскрывавшаго Нибура, Савиньи, Гримма, Винкельмана, очевидно предносились, въ длинной вереницѣ, обильно перечитынныя имъ исторіи-повѣствованія какъ „History of Ferdinand and Isabella“ Прескотта; и сравнивая ихъ, сравнивая прекрасную художественную картину, нарисованную рукой американскаго историка, онъ былъ удивленъ и раздраженъ ея великимъ несходствомъ и очевидною безплодностью сравнительно съ „Курсомъ физики“, съ многочисленными „Курсами“ физики, которыя растерянно держалъ въ рукахъ, накупивъ ихъ у букинистовъ. Это удивленіе, эта первоначальная глубокая ἀπορία, плодъ „домашнихъ занятій“, но только „домашнихъ“, и послужила толчкомъ, послужила источникомъ страстнаго порыва, съ коимъ онъ устремился на „необработанное поле исторіи“,—въ оправданіе стариннаго Аристотелевскаго изреченія, διὰ γὰρ τὸ θαυμάζεσθαι οἱ ἄνθροποι καὶ νῦν καὶ πρῶτον ἤρξαντο φιλοσοφεῖν (отъ удивленія люди какъ нынѣ, такъ и прежде всегда начинали философствовать). Онъ въ самомъ дѣлѣ представилъ себѣ, что Прескоттъ не могъ бы теоретизировать и разсуждать, еслибы даже и захотѣлъ; онъ думалъ,—историки въ самомъ дѣлѣ и всѣ не умѣютъ разсуждать,—что предъ физиками и вообще натуралистами, у которыхъ есть „законъ Ома“ и „опыты Гримальди“, филологи есть только безсловесныя животныя, безсловесныя всякій разъ, какъ, оставляя въ сторонѣ „придворныя сплетни“, коими они занимаются,—занимались до сихъ поръ,—переведешь съ ними рѣчь на сухіе и серьезные вопросы знанія. И ему казалось, что если среди этихъ „imbeciles“ онъ начнетъ разсуждать, онъ станетъ или по крайней мѣрѣ намекнетъ собой Кеплера и Ньютона исторіи, что онъ и вообще потянетъ за собой науку и, такимъ образомъ, (см. выше) „приведетъ къ нѣкоторому равновѣсію“, „возстановитъ до нѣкоторой степени гармонію“ въ человѣческихъ знаніяхъ.

Этимъ гипнозомъ, незамѣтно заснувъ имъ съ отрочества, онъ въ силу глубины его и силы загипнотизировалъ всю Европу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Розановъ.

Digitized by Google

ВЪ ДВОРЯНСКОМЪ ГНѢЗДѢ.

Изъ записокъ судебнаго пристава.

Сегодня у меня былъ пріемный день. Народу въ моей канцеляріи, по обыкновенію, набралось очень много.

Профессія моя создана отрицательною стороной человѣческой жизни, что̀ дѣлаетъ меня самымъ несимпатичнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Тѣмъ не менѣе людей, которымъ я нуженъ, всегда очень много.

Изъ числа „нуждающихся“ сегодня во мнѣ я сразу замѣтилъ двухъ, которымъ мои отрицательныя качества были особенно нужны.

— Что вамъ угодно? — обратился я съ своимъ обычнымъ вопросомъ къ одному изъ нихъ.

То былъ высокій, худой, сутоловатый простолюдинъ, одѣтый по-русски, солидно. Длиннополый сюртукъ, мѣстами сильно потертый, былъ почтительно застегнутъ на всѣ пуговицы. Большіе, выростковые сапоги безъ всякихъ претензій на моду, были старательно вычищены ваксой. Лицо этого длиннополаго простолюдина мнѣ съ перваго взгляда сильно не понравилось. Красное, угреватое, окаймленное какою-то безцвѣтною, жидкою растительностью,—оно производило непріятное, почти отталкивающее впечатлѣніе. Въ крупныхъ, рѣзкихъ чертахъ этого лица не видно было привѣтливости и добродушія. Въ глазахъ почти все время свѣтился злой огонекъ. Зрачки нервно бѣгали изъ стороны въ сторону, какъ бы избѣгая встрѣчи съ глазами другихъ людей. А на угреватыхъ, красныхъ щекахъ не росла даже растительность,—до того лицо этого человѣка было непривѣтливо и холодно.

Digitized by Google

— Что̀ вамъ угодно? — рѣзко переспросилъ я длиннополаго посѣтителя.

— Листъ, ваше высокородіе,—проговорилъ онъ, низко кланяясь и почтительно подавая мнѣ исполнительный листъ.

— На что? На взысканіе?

— На взысканіе,—отвѣчалъ онъ, кланяясь еще ниже.

— Окружнаго Суда?—допрашивалъ я.

— Окружнаго.

— А гдѣ же заявленіе?

— Какое заявленіе?—замялся длиннополый обладатель исполнительнаго листа.—Развѣ нужно заявленіе?

— Нужно. Письменное,—рѣзко отчеканилъ я.

— Сентябревъ,—вдругъ обратился онъ къ субъекту, стоявшему сзади него,—что-жъ ты, образина этакая, не знаешь что-ли, что заявленіе требуется?! Вишь что баринъ-то говоритъ!

Субъектъ, котораго громогласно назвали образиной, вдругъ даже сконфузился отъ такого комплимента. Видно было, что такой эпитетъ не особенно льстилъ его самолюбію, хотя... хотя... длиннополый былъ относительно правъ. Сентябревъ былъ, дѣйствительно, рѣдкій экземпляръ среди двуногихъ существъ, именуемыхъ людьми. Это былъ человѣкъ совсѣмъ другой культуры, чѣмъ его длиннополый компаньонъ: тотъ былъ худъ и высокъ,—этотъ, наоборотъ, производилъ впечатлѣніе какой-то расплывшейся протоплазмы, существа, расползающагося во всѣ стороны въ ущербъ самымъ элементарнымъ понятіямъ объ образѣ человѣческомъ. Такъ и казалось, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ совсѣмъ расплывется. Даже его куцый пиджакъ и коротенькіе штаны изъ чертовой кожи—и тѣ расползлись по всѣмъ швамъ, удерживая хозяйское тѣло въ должныхъ границахъ.

Голова у него была красная, мясистая, исполинскихъ размѣровъ. Волосы были коротко острижены. На подбородкѣ и на распухшихъ щекахъ торчала рѣдкая щетина, изъ-подъ которой проглядывало все то же мокрое, красное мясо.

— Я сейчасъ... сейчасъ... напишу-съ, Гордѣй Семеновичъ. Сейчасъ будетъ готово-съ, забылъ-съ, совсѣмъ забылъ-съ,—засуетился, замялся вдругъ на одномъ мѣстѣ Сентябревъ, почувствовавъ на себѣ зловѣщій, тяжелый взглядъ своего длиннополаго знакомаго.

— Пиши, пиши,—процѣдилъ сквозь зубы Гордѣй Семенычъ.

— Можно за нихъ-съ, по довѣрію?—обратился ко мнѣ джентельменъ въ чертовой кожѣ.

Digitized by Google

Его вопросительный взглядъ на минуту остановился на моей фигурѣ. По его воспаленнымъ, налитымъ глазамъ не трудно было замѣтить, что онъ былъ въ сильныхъ градусахъ.

— Можно. Но кто же вы? Почему самъ взыскатель не хочетъ писать заявленіе?

— Я представлю довѣренность. Я ихъ постоянный повѣренный-съ, юрисконсультъ.

— Юрисконсультъ?— удивился я.

— Да-съ, юрисконсультъ. Коллежскій регистраторъ Анемподистъ Кустодіановичъ Сентябревъ,—съ достоинствомъ отрекомендовался мнѣ субъектъ въ чертовой кожѣ.

Истина была налицо.

Гордѣй Семеновичъ—взыскатель, прочно и твердо стоявшій на почвѣ закона. Анемподистъ Сентябревъ—юрисконсультъ. Гордѣй Семеновичъ—великая, реальная сила, желѣзнымъ кольцомъ охватившая все безпредѣльное русское царство. Анемподистъ Сентябревъ—интеллигентъ-пролетарій, слабый духомъ, скудный познаніями.

— Готово-съ, написано-съ, извольте посмотрѣть-съ,—проговорилъ вдругъ юрисконсультъ Сентябревъ, подавая мнѣ только-что сфабрикованное прошеніе.

Гордѣй Семеновичъ представлялъ теперь исполнительный листъ на взысканіе въ его пользу со вдовы генералъ-адъютанта Валеріи Николаевны К. 85 тысячъ рублей по поручительскимъ бланкамъ и такой же суммы въ видѣ неустойки. Въ своемъ заявленіи взыскатель просилъ описать и продать на удовлетвореніе его претензіи родовое имѣніе генеральши К. Кромѣ того, онъ ходатайствовалъ подвергнуть описи и продать все безъ исключенія движимое имущество отвѣтчицы, находящееся въ мѣстѣ ея жительства.

— Да-съ, ваше высокоблагородіе, — перебилъ мое раздумье юрисконсультъ Сентябревъ,—каково написано-то? А-съ? Хе... хе... хе... Гордей Семенычъ всепокорнѣйше проситъ все описать-съ... и юбочки даже... разумѣется излишнія-съ, по закону,— добавилъ онъ, какъ бы давая понять, что спеціальный законъ о носильномъ платьѣ ему не безызвѣстенъ.

— Вижу, вижу, ваши комментаріи излишни, — оборвалъ я расходившагося юрисконсульта.

— А 971 статейку устава Гражданскаго Судопроизводства изволили замѣтить-съ?—не унимался расходившійся адвокатъ.

Digitized by Google

— Замѣтилъ. Но къ чему она? Генеральша К. вѣдь не сбѣжитъ и имущества не скроетъ.

— Нѣтъ, вы ужъ, ваше высокоблагородіе, пожалуйста по этой, по Сентябревской статьѣ, — вступился вдругъ Гордѣй Семенычъ,—дворяне народъ, знаете-ли, образованный, ну и... всякое можетъ быть...

— Помилуйте, да развѣ генеральша К. на это способна? А между тѣмъ какая-нибудь недѣля сроку дастъ ей возможность достать деньги и уплатить вамъ сполна.

— Нѣтъ... нѣтъ, ваше высокородіе, вы ужъ пожалуйста по этой статьѣ,—настаивалъ Гордѣй Семенычъ.—Какая Сентябревъ статья?

— 971-я, въ которой сказано, что къ описи имущества отвѣтчика судебный приставъ, по требованію взыскателя, приступаетъ одновременно со врученіемъ отвѣтчику повѣстки объ исполненіи, если возможно сокрытіе имущества,—не переводя духа прочелъ текстъ хорошо извѣстной ему статьи юрисконсультъ.

— Возможно... возможно. Дворяне народъ, знаете-ли, образованный,—упорствовалъ Гордѣй Семеновичъ.

— Да она можетъ быть деньги заплатитъ.

— Эхъ, ваше благородіе... да на что намъ-то-съ деньги?—вмѣшался вдругъ Сентябревъ.—Гордѣю Семеновичу вотъ имѣніеце генеральши, да подешевле – это дѣло другое. Хорошее-съ имѣніеце... хе... хе... хе... а деньги что? Ихъ за рубль только рубль и даютъ...

— Да замолчишь-ли ты, пустомеля,—злобно оборвалъ расходившагося „аблоката“ Гордѣй Семеновичъ.—Мой отецъ телѣжнаго скрипу боялся, а я вдругъ генеральское имѣніе... Это въ немъ, ваше благородіе, проклятое зелье говоритъ...

II.

На другой день, рано утромъ, я уже ѣхалъ въ имѣніе генеральши К. Сзади меня, на другомъ ямщикѣ, тащился взыскатель Гордѣй Семеновъ Рябухинъ со своимъ юрисконсультомъ. До имѣнія генеральши было добрыхъ двадцать пять верстъ.

Гордѣй Семеновичъ не за деньгамм собственно ѣхалъ сегодня къ генеральшѣ К. Я это отлично понялъ съ первыхъ же словъ этого человѣка. Да и самъ юрисконсультъ со свойственнымъ ему цинизмомъ и нахальствомъ признался, что деньги Гордѣю

Digitized by Google

Семеновичу не нужны, а вотъ имѣніеце генеральши—это дѣло другое.

И я ни на минуту не сомнѣвался въ исходѣ этого дѣла. Генеральское имѣніе не минуетъ его желѣзныхъ рукъ и его дьявольскаго аппетита.

Я не зналъ генеральши К., не зналъ, въ какомъ положеніи находятся ея денежныя дѣла, но инстинктивно догадывался, что Гордѣй Семеновичъ дождался желательнаго момента. „Моментъ" для него это—фундаментъ, а безъ фундамента онъ не сталъ бы возводить свою постройку.

Но... вотъ и оно, имѣніе генеральши К.

Я нарочно оглянулся, чтобы посмотрѣть на Гордѣя Семеныча, когда мы чрезъ большія каменныя ворота въѣхали въ барскую усадьбу.

Глаза его блестѣли отъ удовольствія. На губахъ скользила едва замѣтная улыбка. Каждую постройку онъ внимательно осматривалъ и даже привставалъ со своего мѣста, какъ бы желая повѣрнѣе опредѣлить ея размѣръ и правоспособность. Юрисконсультъ мало интересовался солидными барскими постройками. Даже рига съ желѣзнымъ куполомъ, конный заводъ, манежъ ни на минуту не остановили его вниманія. Онъ въ три четверти сидѣлъ къ своему кліенту и что-то усердно ему доказывалъ на пальцахъ.

Гордѣй Семеновичъ, по обыкновенію, не обращалъ на него ровно никакого вниманія. Нѣмое краснорѣчіе барскихъ построекъ,—вотъ что плѣняло его слухъ, вотъ что очаровывало его глазъ.

А вотъ и барскій домъ. Двухъэтажный, каменный, съ двумя крыльями по фасаду, онъ поражалъ своею грандіозностью и красотой. Предъ домомъ красовался огромный, искусно разбитый цвѣтникъ съ красиво-убраннымъ газономъ.

На крыльцѣ насъ встрѣтилъ старый ливрейный швейцаръ.

— Дома генеральша К.?—спросилъ я сѣдобородаго хранителя барскихъ дверей.

— Дома-съ. А какъ прикажете объ васъ доложить-съ?

— Скажи, что судебный приставъ пріѣхалъ съ купцомъ Гордѣемъ Семенычемъ Рябухинымъ по важному дѣлу.

— Гордей... Семенычъ... Рябухинъ?—удивленно переспросилъ швейцаръ,—да вѣдь это.. это...

— Ступай Карпъ и дѣлай свое дѣло,— сердито оборвалъ швейцара Гордѣй Семеновичъ:—скажи твоей барынѣ, что молъ

Digitized by Google

Гордѣй Семенычъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ бариномъ, ихъ высокоблагородіемъ, а она ужъ самъ знаетъ зачѣмъ.

Цѣлую минуту простоялъ еще Карпъ на своемъ мѣстѣ.

— Бога ты не боишься, Гордѣй Семенычъ,—проговорилъ онъ вдругъ упавшимъ, подавленнымъ голосомъ и, нѣсколько разъ укоризненно качнувъ головой, направился дѣлать свое дѣло.

— Развѣ васъ тутъ знаютъ?—спросилъ я длинноногаго взыскателя, когда Карпъ скрылся изъ виду.

— Знаютъ. Я пятнадцать лѣтъ былъ управляющимъ у генеральши.

— А уроженецъ здѣшній?—любопытствовалъ я.

— Здѣшній,—угрюмо отвѣтилъ Гордѣй Семеновичъ. Видно было, что распространяться дальше на эту тему онъ не имѣлъ желанія.

— Да вотъ, по добротѣ своей сердечной-съ и простотѣ душевной-съ, изволили дать сыну генеральши, Павлу Петровичу деньженокъ взаймы, а теперь вотъ и ходятъ-съ, просятъ-съ, кланяются,—замѣтилъ Анемподистъ Сентябревъ, умиленно и подобострастно склонивъ на сторону свою мясистую голову.

— Да, за свои-то кровныя, трудовыя,—мрачно добавилъ Гордѣй Семеновичъ.

— Но при чемъ же тутъ генеральша?—переспросилъ я, забывъ содержаніе представленнаго мнѣ исполнительнаго листа.

— Бланочекъ-съ за сына, за Павла Петровича, поставили-съ,—пояснилъ словоохотливый юрисконсультъ.

— Да... да... помню. Въ исполнительномъ листѣ сказано, что по бланковой надписи...

— Въ картишки-съ поигрывали Павелъ-то Петровичъ, ну и нужно было. Знаете-ли, офицерскій судъ, и честь дворянская и все такое—прочее...

— Что ты, пустомеля, болтаешь,—сердито оборвалъ его Гордѣй Семеновичъ.—Почему ты все это знаешь?

— А я и не зналъ, что у генеральши есть сынъ,—допрашивалъ я Сентябрева, не обращая вниманія на Гордѣя Семеновича.

— Былъ, а не есть-съ, ваше высокоблагородіе,—добавилъ юрисконсультъ.

— Какъ былъ? А гдѣ же онъ теперь?

— Да дней десять тому назадъ къ праотцамъ отправился-съ, и пречудно отправился, — добавилъ Анемподистъ Сентябревъ, глубоко вздохнувъ и закативъ свои налитые глаза, какъ эпилептикъ.

Digitized by Google

— Какъ чудно?—удивленно переспросилъ я.

— Да такъ-съ. Дѣло было въ Питерѣ-съ. Пріѣхали это они-съ, Павелъ Петровичъ, въ самую лучшую гостиницу, гдѣ-то на Невскомъ, взяли самый лучшій номеръ и спросили шампанскаго. А съ ними мамзель-съ... хе... хе .. хе... краля писаная, пава многоцвѣтная... Француженка. Выпили бутылочку, выпили другую и вдругъ трррахъ-тарррарахъ... Изъ револьвера да прямо въ сердце.

— Собакѣ—собачья смерть,—злобно проговорилъ Гордѣй Семеновичъ, съ прене реженіемъ сплюнувъ въ сторону.

— Но что же побудило его покончить съ собой?

— Глупость-съ, прямо таки глупость, и притомъ съ дворянская глупость. Съ мундиромъ нужно-съ было разставаться за зеленое сукно, ну и не вытерпѣлъ. Дуракъ-съ... Абсолютный дуракъ-съ. Идіотъ-съ. А вѣдь могъ бы быть милліонеромъ. Сорокъ милліоновъ могъ бы сразу въ карманъ положить-съ.

— Какъ сорокъ милліоновъ? Откуда?

— Да и бобра могъ бы убить-съ .. Абсолютный дуракъ-съ.

— Но какъ это? Откуда? Какого бобра?

— Да одна вдовушка, красоты неземной, съ формами Венеры, до безпамятства втюрилась. А онъ: нѣтъ, не хочу на деньгахъ жениться. Нашъ родъ, говоритъ, отъ самаго Рюрика, и за деньги себя никто не продавалъ. Ну и пулю въ сердце, а она, сердечная, говорятъ, въ монастырь. Очень ужъ влюблена была. Впрочемъ, въ него полъ-Петербурга влюбленныхъ было. Красавецъ былъ необычайный-съ...

— Ваше высокоблагородіе, барыня очень нездорова, горемъ убита и проситъ васъ, нельзя ли хоть черезъ недѣльку пожаловать,— заявилъ вернувшійся Карпъ.

Я вопросительно взглянулъ на взыскателя. Дѣло было за нимъ.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе,—заволновался вдругъ Гордѣй Семеновичъ,—развѣ это возможно, чтобы черезъ недѣлю! Виданое ли это дѣло.

Только теперь я понялъ, что теорія моя о „моментѣ“ имѣла мѣсто на практикѣ. Моментъ наступилъ, и Гордѣй Семенычъ держался за него обѣими руками.

— Но вѣдь она больна. Она убита внезапною смертью своего сына. Вамъ это хорошо извѣстно. Дайте ей хоть немного опомниться, хоть немного придти въ себя,—убѣждалъ я взыскателя.

— Что-жъ что больна? Небось, не при смерти, не умираетъ,—

Digitized by Google

съ озлобленіемъ упорствовалъ Гордѣй Семеновичъ.—А какъ, Сентябревъ, по закону, ежели человѣкъ боленъ, можно его имущество описывать?

— Можно съ, Гордѣй Семенычъ. Полицію только нужно пригласить, если отвѣтчица повѣстки не получитъ.

— Вотъ что, Карпъ,—обратился я къ швейцару, когда убѣдился, что скорѣе гору можно сдвинуть съ мѣста, чѣмъ смягчить сердце кулака-кровопійцы,—ты скажи барынѣ, что я совѣтую ей выйти къ намъ. Богъ дастъ, все обойдется благополучно.

— Врядъ ли обойдется благополучно. Не такой человѣкъ Гордѣй Семенычъ,—грустно проговорилъ старый служака.

— А ты все-таки попробуй. Генеральшѣ будетъ очень непріятно, если я вынужденъ буду послать за сельскимъ старостой. А я обязанъ буду послать, если она не покажется.

Карпъ посмотрѣлъ на меня жалобнымъ, умоляющимъ взглядомъ и пошелъ „дѣлать свое дѣло".

— У дворянъ дешевыя слезы,—проговорилъ Гордѣй Семеновичъ въ слѣдъ уходившему Карпу.

— Гордѣй Семенычъ великую истину изволили сказать-съ,—запищалъ вдругъ своимъ тоненькимъ голосочкомъ Анемподистъ Сентябревъ, закативъ глаза подъ самое небо.—Позапрошлымъ годомъ мы съ Ѳерапонтомъ Кузьмичемъ... Ѳерапонтъ Кузьмича Вершилова изволите знать-съ?—съ какимъ-то умиленіемъ въ голосѣ обратился юрисконсультъ къ своему патрону.—Изволите-съ? Ну вотъ мы съ нимъ позапрошлымъ годомъ одного дворянчика потрошили. Ѳерапонтъ Кузьмичъ, ваше высокоблагородіе,—обратился уже ко мнѣ Анемподистъ Сентябревъ,—человѣкъ-съ съ характеромъ, не то что Гордѣй Семенычъ. Гордѣй Семенычъ-съ это—простота и христіанская душа-съ, а Ѳерапонтъ Кузьмичъ—тотъ гранитъ, кремень, такъ и онъ даже диву дался-съ.. Начали это мы съ живаго инвентаря, чтобы, знаете ли, недоразумѣній никакихъ не вышло-съ. Ходовъ и выходовъ было много-съ. Какъ приступили-съ мы это къ описи-съ, дворянчикъ вдругъ благимъ матомъ завылъ. Да только Ѳерапонтъ Кузьмичъ не поддался. Смѣялся даже отъ души-съ. Стали это мы съ нимъ коровъ писать-съ, а дворянчикъ вдругъ какъ зареветъ по-коровьему. Хе... хе... хе... смѣшно ужъ очень. Стали это мы лошадей, а онъ вдругъ по-лошадиному; стали куръ, а онъ по-пѣтушиному. А Ѳерапонтъ Кузьмичъ все не поддается, все громче и громче смѣется. Очень ужъ занятно было-съ. Но вотъ стали это мы

Digitized by Google

его любимыхъ козъ, ангорскихъ, въ опись вносить-съ, а онъ вдругъ на колѣни. Батюшка, Ѳерапонтъ „Кузьмичъ, ради Бога не пиши ихъ! Это вѣдь дѣтки наши... мы съ женой ихъ выростили!".. А Ѳерапонтъ Кузьмичъ-съ все смѣется да смѣется... Тутъ дворянчикъ сталъ уже ноги Ѳерапонта Кузьмича цѣловать-съ и увѣрять, что, молъ, все до копѣечки черезъ мѣсяцъ отдастъ-съ. А Ѳерапонтъ Кузьмичъ ни-ни, даже раза два изволили толкнуть-съ его ногой въ морду. Да только, въ концѣ концовъ, дворянинъ-съ всѣхъ насъ перехитрилъ...

— Какъ же это такъ?—спросилъ Гордѣй Семеновичъ, опечаленный тѣмъ, что дворянинъ въ концѣ концовъ ихъ всѣхъ перехитрилъ.

— Подходимъ это мы къ ригѣ-съ,—продолжаетъ свое повѣствованіе Анемподистъ Сентябревъ,—отворяемъ ворота, и вдругъ... на переклалинѣ виситъ дворянинъ... весь синій... глаза выплыли... языкъ распухъ и торчитъ изъ раскрытаго рта...

— Ихъ превосходительство васъ ждетъ,—громко проговорилъ Карпъ, показываясь наверху въ дверяхъ и приглашая насъ знаками подняться по роскошному антрэ, устланному коврами и убранному по бокамъ тропическими растеніями.

Мы направились. Тяжелое, гнетущее чувство давило мое сердце. Что-то будетъ сейчасъ? Чѣмъ все это кончится? Старикъ Карпъ рѣшительно заявилъ, что дѣло это не можетъ кончиться благополучно. Не такой человѣкъ Гордѣй Семеновичъ. Тяжелая, раздирающая душу драма должна была сейчасъ разыграться.

Вотъ мы вошли въ пріемную. Сопровождавшій насъ Карпъ просилъ немного обождать. Барыня сейчасъ выйдетъ.

Не думаю, чтобы въ этихъ стѣнахъ были когда-либо гости болѣе нежелательные, чѣмъ мы теперь. Судебный приставъ, этотъ вѣстникъ зла и несчастія, врядъ-ли когда-либо и подъ какимъ-либо предлогомъ переступалъ порогъ этого мирнаго аристократическаго жилища. А тутъ еще Гордѣй Семеновичъ въ компаніи съ пьянымъ Анемподистомъ Сентябревымъ въ конецъ уже нарушали всю гармонію и всѣ традиціи царившей здѣсь искони жизни.

И мнѣ казалось даже, что стѣны, полъ, потолокъ, ковры, мебель, и тѣ даже краснѣли отъ стыда и досады, когда мы проходили мимо нихъ.

Но вотъ... вотъ отворилась дверь, и на порогѣ показалась высокая и величественная фигура женщины, на видъ лѣтъ сорока пяти. То была генеральша. Она производила сильное впечатлѣніе своею наружностью. Генеральша принадлежала къ числу

Digitized by Google

тѣхъ немногихъ людей, которые сразу выдѣляются изъ тысячи имъ подобныхъ. Десятки любопытныхъ и очарованныхъ глазъ всегда смотрятъ имъ вслѣдъ. Про генеральшу говорили, что она еще не такъ давно была поразительно хороша собой. Я охотно повѣрилъ этимъ разсказамъ. Она была уже почти совсѣмъ сѣда, глубокія морщины положили свои слѣды на ея антично-красивомъ лицѣ, но всѣ признаки поразительной красоты еще живо сохранились.

Она была въ глубокомъ траурѣ. Глаза ея были красны отъ слезъ.

— Что вамъ угодно?—холодно и гордо спросила она меня, кивнувъ мнѣ слегка головой въ отвѣтъ на мой почтительный поклонъ. Моихъ спутниковъ она удостоила только презрительнымъ взглядомъ и ихъ низкій, усердный поклонъ остался даже безъ отвѣта.

Первый, понятно, заговорилъ я. Объяснивъ ей въ краткой, но почтительной формѣ цѣль моего посѣщенія,—я предложилъ ей уплатить присужденную сумму.

— Сколько?—также холодно и надменно спросила она.

— Сто пятьдесятъ тысячъ рублей.

Видно было, какъ дрогнули мускулы античнаго лица гордой женщины. Между бровей вдругъ набѣжала глубокая, большая складка, и самыя брови сдвинулись. Губы вдругъ зашевелились, произнося какое-то невнятное, отрывистое слово. Но я инстинктивно, больше по складу этихъ губъ, догадался, что генеральша произносила имя своего сына. Сама минута, сама обстановка помогли мнѣ догадаться, о чемъ шептали губы несчастной женщины. А минута была тяжелая, удручающая, давящая своимъ гнетомъ.

— Поль взялъ только 35 тысячъ, хотя и выдалъ вексель въ 75... но откуда-же еще 75 тысячъ?

— Вы выдали неустоичное обязательство,—замѣтилъ я.

— Ахъ... да... помню... помню,—проговорила она упавшимъ, слабымъ голосомъ, стараясь должно быть въ то же время вспомнить событія послѣдняго времени.—Но что-же вы хотите теперь?

— Необходимо уплатить присужденную сумму.

— Но у меня нѣтъ сейчасъ этихъ денегъ. Нуженъ срокъ, чтобъ или заложить или ликвидировать часть имѣнія,—проговорила она все тѣмъ-же слабымъ, упавшимъ голосомъ.

— Сударыня,—началъ я мягкимъ, сочувственнымъ тономъ,—

Digitized by Google

взыскатель купецъ Гордѣй Семенычъ Рябухинъ здѣсь на лицо. Попросите его. Онъ можетъ быть согласится отсрочить.

Вдругъ генеральша выпрямилась во весь ростъ. Минутная слабость, минутное отчаяніе сразу безслѣдно исчезли. Генеральша была опять, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ, гордая, надменная женщина.

— Просить у Гордѣя я не стану,— гордо проговорила она,— слишкомъ ужъ велика честь для такого „veaurien".

Гордѣй Семеновичъ иностранныхъ языковъ не зналъ, но смыслъ сказаннаго должно быть понялъ. Кровь такъ и бросилась въ его голову, окрасивъ въ яркую краску щеки, шею и уши.

— А такъ какъ такихъ денегъ у меня сейчасъ нѣтъ,—продолжала генеральша послѣ нѣкоторой паузы,—то дѣлайте, что хотите.

— Вамъ слѣдуетъ принять повѣстку.

— Хорошо, я приму. А потомъ?

— А потомъ я вынужденъ буду приступить къ описи вашего движимаго имущества и рапортомъ просить Окружный судъ наложить запрещеніе на недвижимое имѣніе.

— Какъ? Вы хотите описызать мое имущество?—съ какимъ-то испугомъ воскликнула генеральша,—о, Paul... Paul...

Она вдругъ на нашихъ глазахъ на нѣсколько лѣтъ состарилась. Вся сгорбилась, сморщилась, перекосилась точно отъ страшной, невыносимой боли въ груди.

Дрожащею рукой написала она на повѣсткѣ свое званіе, имя, отчество и фамилію и, не посмотрѣвъ даже на эту повѣстку, вышла изъ комнаты.

Начало было сдѣлано. Относительно дальнѣйшаго генеральша была поставлена въ извѣстность. Повѣстка объ исполненіи была вручена. Присутствіе полиціи при описи стало излишнимъ. Въ лицѣ Карпа и барскаго кучера Тимофея мы обрѣли требуемыхъ уставомъ гражданскаго судопроизводства понятыхъ.

Опись началась. Каждая вещь была со всѣхъ сторонъ охарактеризована и по требованію взыскателя опечатана нѣсколькими печатями. Мѣра эта вызывалась дворянскою „неблагонадежностью". Такъ, по крайней, мѣрѣ мотивировалъ ее юрисконсультъ Гордѣя Семеновича.

— Мы съ Ѳерапонтъ Кузьмичемъ даже всѣхъ дворовыхъ собакъ перепечатали,—добавилъ онъ въ заключеніе.

— Орѣховый, полированный буфетъ съ рѣзьбой и инкрустаціей, работы извѣстнаго мастера Шмидта,—во сколько цѣните взыскатель?—обратился я къ Гордѣю Семеновичу.

Digitized by Google

— Пять рублей,—совершенно серьезно отвѣтилъ взыскатель.

Всѣ даже переглянулись отъ удивленія. Буфетъ стоилъ по меньшей мѣрѣ пятьсотъ рублей.

— Два стѣнныхъ зеркала въ золоченыхъ рамахъ съ подзеркальниками и двѣ пары канделябръ изъ бронзы, малахита и богемскаго хрусталя,—во сколько цѣните, взыскатель?

— Пять рублей,—также хладнокровно дѣлалъ свое дѣло Гордѣй Семеновичъ.

Карпъ даже обидѣлся отъ такой профанаціи барскаго имущества.

— Заладилъ, какъ ворона, пять рублей, да пять рублей. Да ты, Гордѣй Семенычъ, смотрѣлся ли когда нибудь въ такія зеркала-то?..

— Что съ него и спрашивать-то,—подхватилъ другой понятой, кучеръ Тимоѳей,—съ нами вѣдь вмѣстѣ на кухнѣ образованіе-то получилъ. Мошна вотъ только толста.

— Картина въ золоченой, металлической рамѣ, писана масляными красками, съ миѳологическимъ сюжетомъ, оригиналъ, фламандской школы, подпись художника неразборчива—во сколько цѣните?

— Рубль, рама порядочная,—отчеканилъ Гордей Семенычъ.

Тутъ ужъ Карпъ не вытерпѣлъ.

— Кровопійца!.. Да вѣдь за эту картину еще покойный отецъ генеральши пять тысячъ рублей заплатилъ. И ты вѣдь это знаешь, при тебѣ это было. Ваше высокоблагородіе,—вдругъ обратился онъ ко мнѣ,—и какъ этакихъ людоѣдовъ земля терпитъ! Вѣдь Гордѣй-то былъ крѣпостнымъ нашей барыни. До восемнадцати лѣтъ на скотномъ дворѣ росъ, да потомъ вотъ господа на свою голову изъ навоза его вытащили. Бродяга! Прогнали за воровство, вотъ онъ и мститъ...

Гордѣй Семеновичъ упорно молчалъ на всѣ эти ругательства и оскорбленія. Только лицо его стало еще краснѣе. Я же, со своей стороны, не принималъ никакихъ мѣръ, чтобъ оградить взыскателя отъ оскорбленій. Признаюсь, мнѣ даже пріятно было слышать, какъ оскорбляли и унижали этого кулака-кровопійцу.

— Мало-ли что было прежде,—вдругъ вступился юрисконсультъ за своего кліента.—Зато теперь Гордѣй Семенычъ вездѣ съ почетомъ приняты-съ и начальствомъ отличены-съ. Двѣ медали уже имѣютъ-съ и не сегодня, такъ завтра потомственное почетное гражданство получатъ-съ. А все за добродѣтель имъ Господь Богъ счастье посылаетъ-съ. А ты кто?—обратился онъ вдругъ къ Карпу,—холопъ! холопомъ и поколѣешь!

Digitized by Google

— Я-то холопъ и за счастье почту у моей барыни холопомъ помереть. Но ты-то кто? Должно быть, важная персона? Изо рта, какъ изъ кабака, сивухой несетъ.

— Я-то; братъ, и не въ такихъ хоромахъ бывалъ.

— Да тебя, проходимца, на кухню мерзко пустить, рвань коричневая.

— Хе... хе... хе... на кухню. Ишь что сказалъ. Да мы, братъ, по Высочайшему повелѣнію, куда угодно...

— По какому?

— По Указу Его Императорскаго Величества. Съ исполнительнымъ листочкомъ въ рукахъ. Такъ не только, братъ, въ столовую или гостиную, а, какъ интимный другъ, прямо въ будуарчикъ, подъ постельку, или въ запретный ларчикъ, нессесерчикъ... хе... хе... хе... Нынче, братъ, времена стали другія...

— Въ шею бы васъ гнать, проходимцевъ.

— Нельзя, потому по Высочайшему повелѣнію. А это что? Видишь?

— Что это такое?

— Кокарда, сирѣчь привилегированное сословіе. Коллежскій регистраторъ. Въ девятомъ томѣ законовъ Россійскихъ всѣ наши права и преимущества показаны.

— Кокарда-то у тебя есть, а вотъ изъ опорокъ-то пальцы выглядываютъ.

— Я, братъ, горжусь своею нищетой, потому—безсребренникъ. Всю жизнь стоялъ за правду, а отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ, торжественно закончилъ Анемподистъ Сентябревъ, съ чувствомъ ударивъ себя въ грудь.

— Пропойца ты, больше никто.

— Говорить-то съ тобой, дуракомъ, тошно,—огрызнулся юрисконсультъ Гордѣя Семеновича, убѣдившись, что въ его безкорыстіе никто не вѣритъ. А слыхали-ли вы, ваше высокоблагородіе, о томъ-съ, что въ большихъ моряхъ-съ водится адъютантъ-рыба?

Я отрицательно качнулъ головой, не отрываясь отъ своего дѣла.

— Рыба эта маленькая-съ, юркая-съ и всегда при акулѣ въ адъютантахъ-съ. Акула, изволите-ли видѣть-съ, страшно прожорлива и въ то же время ужасно лѣнива-съ. Она сама не любитъ-съ себѣ пищу искать-съ. Такъ вотъ адъютантъ-рыба и рыскаетъ-съ повсюду-съ. Найдетъ это для акулы лакомый кусочекъ-съ и сейчасъ къ ней-съ. Нужно, чтобъ акула поднялась

Digitized by Google

кверху за своею добычей-съ, адъютанты-рыбы у нея подъ животомъ трутся-съ; нужно, чтобъ акула опустилась внизъ, адъютанты-рыбы-съ ей спину чешутъ-съ; нужно въ бокъ—адъютанты сбоку-съ. За это акула позволяетъ адъютантамъ-рыбамъ питаться своими отбросами-съ. А изволите знать-съ, ваше высокоблагородіе, какая будетъ мораль сей басни-съ?

Я отрицательно качнулъ головой.

— Акула — это Гордѣй Семенычъ Рябухинъ, а адъютантъ-рыба—это вашъ всепокорнѣйшій слуга-съ, Анемподистъ Сентябревъ.

— Такъ что-жъ, эфіопская рожа, по твоему я акула,—пробормоталъ полусерьезно, полушутя Гордѣй Семеновичъ.

— Это, Гордѣй Семенычъ, аллегорія. Таковы ужъ соціальныя отношенія-съ между людьми-съ. Вы, Гордѣй Семенычъ, изволите быть-съ высшій видъ животнаго царства, а я низшій... водовозная кляча—называется.

— Ты ужь разскажешь. Тебя только послушай,—замѣтилъ Гордѣй Семеновичъ.

— На то мы, Гордѣй Семенычъ-съ, и наукамъ обучались. Риторику превзошли въ совершенствѣ-съ, путь же ко спасенію-съ обрѣли въ храмѣ Ѳемиды.

Прошло два часа, прошло три часа однообразной, утомительной описи. Печати клались безбожно, съ очевидною цѣлью досадить, въ концъ дойти генеральшу. Гордѣй Семеновичъ былъ на высотѣ своего исключительнаго положенія. Онъ невозмутимо и безмолвно шелъ къ намѣченной цѣли. На ругательства Тимоѳея и Карпа онъ не обращалъ никакого вниманія: да и тѣ въ концѣ-концовъ угомонились, устали. Одинъ лишь юрисконсультъ временами давалъ знать о своемъ существованіи:

— Помилуйте, — коллежскій регистраторъ, кокарда, девятый томъ Законовъ Россійскихъ, и вдругъ изъ устъ какого-нибудь безмозглаго холопа: „скотина“ или, что того хуже, „проходимецъ“, „карманникъ“, „бродяга“. Другое дѣло, если самъ Гордѣй Семенычъ удостоитъ мимоходомъ какою-нибудь китайскою образиной или эфіопскою рожей. Тутъ служба, извѣстное вознагражденіе, извѣстное возмездіе за свободу мыслей и обращенія, А Карпъ, Тимоѳей—эти безмозглыя твари, какое они имѣютъ право оскорблять образованнаго и благороднаго человѣка? Впрочемъ... что съ нихъ взять? Стоитъ ли обижаться на этихъ невѣждъ?

Но больше всего досталось юрисконсульту отъ возложенныхъ на него кліентомъ обязанностей. Переворачивать и перестана-

Digitized by Google

вливать сундуки, рыться въ хламѣ, подавать мебель, двигать комоды,—все это входило въ кругъ его юрисконсульскихъ обязанностей. При этомъ никакихъ заявленій и претензій о комплекціи и благодарномъ происхожденіи, о рангѣ, о классѣ, объ общественномъ положеніи не принималось. Хмель давно уже безслѣдно пропалъ. Потъ ручьями катился съ его краснаго, мясистаго лица. Костюмъ изъ чертовой кожи еще замѣтнѣе расползался по швамъ.

Остались неописанными двѣ комнаты,—маленькая гостиная и будуаръ генеральши.

Неужели же Гордѣй Семеновичъ не ограничится описаннымъ имуществомъ и обращеніемъ взысканія въ остальной суммѣ на недвижимое имѣніе, а захочетъ идти въ будуаръ, гдѣ заперлась теперь генеральша? Я съ ужасомъ думалъ объ этомъ послѣднемъ шагѣ этой тяжелой, возмутительной исторіи.

Я не выдержалъ и спросилъ его объ этомъ, когда половина имущества въ гостиной была уже внесена въ опись.

— Да, пойду,—злорадно отвѣтилъ онъ.

— Боже мой... Боже мой,—всплеснулъ руками Карпъ,—и въ опочивальную, къ барынѣ, хотятъ идти... Возможное-ли это дѣло?

— Пойдемъ, пойдемъ, голубчикъ. По Указу Его Императорскаго Величества куда угодно пойдемъ, даже подъ кроватку къ твоей барынѣ залѣземъ. Интимность ужъ такая... Хе... хе... хе.. — разсмѣялся Анемподистъ Сентябревъ своимъ отвратительнымъ, циничнымъ смѣхомъ.

— Но вѣдь вы этимъ убьете генеральшу. Она, сердечная, какъ узнала о смерти Павла Петровича, такъ въ два, три дня посѣдѣла даже отъ горя, а вы хотите... Побойтесь Бога, господа... господа...

Карпъ не договорилъ. Спазмы горла душили его. Слезы обильно выступили на его глазахъ.

— Эхъ Карпъ, Карпъ! Что ты волнуешься, убиваешься,— полусерьезно, полушутя заговорилъ Анемподистъ Сентябревъ,— барыня-то твоя все равно, не сегодня, такъ завтра сама подохнетъ.

— Какъ это—сама подохнетъ?—переспросилъ Карпъ.

— Да такъ. Знаешь, Карпъ, когда это Батюшка Царь нашъ крѣпостное право уничтожилъ,—то такіе же вотъ умники, какъ ты съ Тимофеемъ, сидятъ себѣ на заборникѣ рядкомъ, да и толкуютъ ладкомъ.—Ну что-жъ, Павлуха, говоритъ одинъ изъ

Digitized by Google

нихъ помоложе и значитъ поглупѣе другому, постарше, — что-жъ теперь баръ-то, дворянъ-то, вѣшать что ли будутъ?

— Эхъ ты, глупая голова,—отвѣчаетъ ему Павелъ,—что ихъ, баръ, вѣшать-то. Сами все равно подохнутъ.—Вотъ, Карпъ, и твоя барыня подохнетъ, хе... хе... хе.., Каково? а? Хорошъ разсказъ? Сами подохнутъ. А вѣдь Павлуха-то правду сказалъ. Дворянъ-то видимо-невидимо сколько подохло съ того времени. Не правда ли-съ, Гордѣй Семенычъ?

Гордѣй Семеновичъ ничего не отвѣчалъ, но во все лицо улыбнулся. Первый разъ во весь день улыбнулся. Видно было, что разсказъ Анемподиста Сентябрева пришелся ему по вкусу.

— Грррабители... кровопійцы... неужели же вы, на самомъ дѣлѣ, пойдете къ барынѣ?—закричалъ Карпъ, когда мы, по требованію взыскателя, направились къ дверямъ будуара.

— Пойдемъ,—рѣшительно заявилъ Гордѣй Семеновичъ.

— Но вѣдь она не переживетъ этого. Она не вынесетъ,—съ какимъ-то отчаяніемъ простоналъ Карпъ.

— Сентябревъ говоритъ, что все равно сама подохнетъ,—ядовито замѣтилъ Гордѣй Семеновичъ.

Карпъ въ два отчаянныхъ прыжка подскочилъ къ дверямъ будуара генеральши и загородилъ собой намъ дорогу.

— Не пущу,—рѣшительно заявилъ онъ,—хоть убейте меня, не пущу.

— А мы, голубчикъ, за полиціей. Она, братъ, безъ всякихъ разговоровъ вотъ этимъ мѣстомъ—юрисконсультъ показалъ при этомъ свой внушительный кулакъ—да прямо по шеѣ.

— Не пущу!—съ какимъ-то озлобленіемъ и остервенѣніемъ кричалъ Карпъ, загораживая дверь своимъ корпусомъ и разведенными въ разныя стороны руками —Тимошка, что ты стоишь, какъ пень? Развѣ не видишь, чта барыню нашу убить хотятъ!

Тимоѳей быстро подскочилъ къ Карпу и сталъ съ нимъ въ одну линію.

Но вотъ дверь, которую они такъ ревниво оберегали отъ нашихъ безчеловѣчныхъ посягательствъ, отворилась сама собой, и на порогѣ показалась генеральша.

Она была блѣдна, какъ полотно. Губы ея тряслись отъ волненія.

— Пропусти, Карпъ, этихъ господъ въ мой будуаръ, а ты Тимоѳей ступай и запряги мнѣ коляску на станцію.

Мы вошли. Генеральша вошла вмѣстѣ съ нами. Она нѣкоторое время внимательно слѣдила за всѣми нашими дѣйствіями. Но вотъ

Digitized by Google

взглядъ ея остановился на большомъ портретѣ, писанномъ масляными красками. Не трудно было догадаться, что красавецъ-гусаръ, такъ гордо смотрѣвшій на насъ со стѣны, былъ не кто иной какъ сынъ генеральши, Павелъ Петровичъ. Да и сходство между искусно созданнымъ портретомъ и стоявшею теперь передъ нимъ красавицей-старухой было слишкомъ велико, чтобы хоть на одну секунду сомнѣваться въ этомъ. Долго смотрѣла убитая горемъ мать на своего безвременно погибшаго сына. Сколько чувства, сколько любви было въ этомъ взглядѣ! Можно было подумать, что она молилась на поразительно-красивыя черты дорогого ей лица.

— Я надѣюсь, что вы отдадите мнѣ этотъ портетъ,—вдругъ обратилась ко мнѣ генеральша.

Я вопросительно посмотрѣлъ на Гордѣя Семеновича. Но онъ молчалъ.

— Вы, навѣрное, ничего не будете имѣть противъ этого?— обратился я наконецъ къ нему, желая какъ можно скорѣе разсѣять сомнѣніе генеральши относительно этого обстоятельства.

— Нельзя... Одна рамка стоитъ красненькую. Никакъ нельзя.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди несчастной женщины. Она въ безсиліи опустилась на кресло.

— Ваше превосходительство... Ваше превосходительство, бросился вдругъ къ ней Карпъ,—только прикажите, только одно слово скажите, и я голову отверну этому ироду проклятому...

Но отвѣта не послѣдовало. Карпъ однако понялъ по отрицательному качанію головы своей барыни, что она противъ такихъ мѣръ, и грустно отошелъ въ сторону. Только теперь я замѣтилъ, что генеральша была въ дорожномъ костюмѣ. Предъ чей на маленькомъ столикѣ лежала кожаная, дорожная сумочка.

А мы между тѣмъ безостановочно дѣлали свое законное дѣло. Во имя закона мы перерыли, перешарили всѣ сундуки, отыскивая имущество, подлежащее описи. Всѣ шкатулки, коробки, бомбоньерки были отперты и все было во имя того же закона перевернуто вверхъ дномъ. Даже бѣлье, даже всѣ конфиденціальныя принадлежности дамскаго туалета и тѣ подверглись поруганію. Юрисконсультъ каждую вещь по нѣсколько разъ держалъ въ рукахъ, переворачивалъ, выворачивалъ, острилъ. Его пошлыя выходки, подвергавшіяся неоднократному порицанію съ моей стороны, вынудили меня въ концѣ-концовъ запретить ему раскрывать даже ротъ подъ угрозой немедленнаго удаленія съ описи. Большей энергіи я не имѣлъ права проявлять, такъ какъ

Digitized by Google

генеральша не жаловалась. Она молча сидѣла, опустивъ свою сѣдую голову на руки, и, казалось, ничего не видала и ничего не слыхала, что творилось кругомъ. Мысли ея должно быть далеко, очень далеко витали въ это время отъ окружающей дѣйствительности. Ужъ не залетѣли-ли онѣ въ этотъ тяжелый моментъ въ далекое прошлое или въ предстоящее будущее? Будущее! Но что для нея это будущее, когда нѣтъ настоящаго, когда все прошедшее слилось въ одно сплошное страданіе... Такое будущее—та же могила съ ея ужаснымъ холодомъ, съ ея отвратительнымъ мракомъ, куда заживо хоронишь себя самого... свои страданія, муки... свое разбитое сердце.

Но что я вижу? Неужели же этотъ непримиримый, ненасытимый врагъ дворянскихъ традицій не пощадитъ даже... О, проклятье! Да, да... это такъ! Я правъ! Я сразу замѣтилъ по двумъ-тремъ, случайно пойманнымъ взглядамъ, что... что...

— Ваше высокоблагородіе,—вдругъ обратился ко мнѣ Гордѣй Семеновичъ,—опишите пожалуйста сумочку-то, которая противъ барыни, на столикѣ лежитъ...

Я долгимъ и пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на кулака-кровопійцу. О, если бы я могъ уничтожить его этимъ взглядомъ!

Но... Гордѣй Семеновичъ даже не смутился. Онъ до послѣдней минуты оставался вѣренъ себѣ самому.

— Тамъ, навѣрное, брилліанты есть,—добавилъ онъ послѣ минутной паузы.

Я подошелъ къ указанному столику и осторожно взялъ сумочку. Въ ней оказались два брилліантовыхъ кольца и двѣ сторублевыя бумажки. Вещи эти и деньги были описаны и отобраны. Генеральша не протестовала. Однако, по лицу ея было видно, какія невыносимыя страданія она переживала въ эти минуты.

— Карпъ, дорогой мой старикъ,— проговорила она, когда кольца и деньги были такъ безчеловѣчно отобраны,—ты дашь мнѣ денегъ на дорогу, чтобы доѣхать къ сестрѣ. Меня вѣдь гонятъ отсюда.

— Барыня... кормилица наша.. благодѣтельница...—закричалъ старикъ раздирающимъ душу голосомъ,—все... все отдамъ... жизни своей не пожалѣю.

Слезы ручьями катились по его худымъ, морщинистымъ щекамъ. Онъ задыхался отъ волненія и спазмъ.

— А что, ваше высокоблагородіе, нельзя ли карманчики-то у нихъ осмотрѣть... можетъ, тамъ...

Digitized by Google

— Нельзя, нельзя,—закричалъ я чуть не во все горло, выведенный окончательно изъ терпѣнія этимъ возмутительнымъ издѣвательствомъ,—будетъ и тѣхъ безобразій, которыя вы уже позволили себѣ...

— Коляска подана,—проговорила показавшаяся горничная.

Генеральша встала. Глазами, полными слезъ, она еще разъ посмотрѣла на дорогія ей черты красавца-гусара, еще разъ окинула дорогіе ея сердцу предметы и, шатаясь, направилась къ выходу.

— Ваше высокоблагородіе... ваше высокоблагородіе,—закричалъ вдругъ Гордѣй Семеновичъ, очевидно что-то вдругъ вспомнившій,—а какъ же коляска-то, какъ же лошади?

— Какая коляска? Какія лошади?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— А тѣ, на которыхъ барыня-то сейчасъ поѣдетъ. Ихъ потрудитесь въ опись внести. Они вѣдь...

— Такъ какъ же по твоему,—обернулась генеральша уже около самыхъ дверей,—я должна на станцію пѣшкомъ идти?

— Пѣшочкомъ... пѣшочкомъ, ваше превосходительство. Тутъ недалеко. Всего какихъ-нибудь пятнадцать верстъ,—съ усмѣшечкой замѣтилъ Гордѣй Семеновичъ, потирая отъ удовольствія руки.

— Зачѣмъ-съ пѣшкомъ,—серьезно вдругъ заговорилъ послѣ часоваго молчанія Анемподистъ Сентябревъ,—у нихъ-съ и ножки-то не для ходьбы созданы. Карпъ вотъ добрый человѣкъ. Денегъ на дорогу далъ, ну и телѣгу дастъ...

Но что вдругъ стало съ генеральшей? Лицо ея вдругъ почернѣло и перекосилось. Губы какъ-то страшно скривились въ какую-то ужасную гримасу.

Она судорожно, конвульсивно схватилась за сердце, и... страшный, пронзительный крикъ вырвался изъ груди оскорбленной, измученной, убитой горемъ женщины.

И она упала прямо къ ногамъ своихъ безчеловѣчныхъ мучителей, какъ бы прося о пощадѣ...

Но пощады она не просила. Только одна смерть побѣдила это гордое сердце.

Б. Добротворскій-Зассъ.

Digitized by Google

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ И СТАРО-КАТОЛИЦИЗМЪ.

(Рѣчь въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ).

Высокіе іерархи и отцы,
Милостивыя государыни
и Милостивые государи.

Позвольте мнѣ не надолго занять ваше вниманіе вопросомъ, правда довольно спеціальнымъ,—но весьма важнымъ, и притомъ прямо входящимъ въ область нашей славянофильской мысли, нашей дѣятельности.

Въ одной изъ своихъ комедій поэтъ Теренцій говоритъ словами раба: „Homo sum—humani nihil a me alienum puto"—я человѣкъ, и ничто человѣческое, думаю я, мнѣ не чуждо! Это несомнѣнная истина; но съ подобнымъ же, и даже съ большимъ правомъ можетъ каждый изъ насъ сказать: „я христіанинъ, и ничто христіанское, ничто совершающееся въ мірѣ христіанскомъ, мнѣ (всѣмъ намъ)—не чуждо"! Но несомнѣнно, одно изъ наиболѣе интересныхъ явленій въ современномъ христіанствѣ—есть *старо-католицизмъ*. Его близость къ намъ, важность его и для насъ, русскихъ, я и постараюсь разъяснить вамъ въ сегодняшней бесѣдѣ.

Большинству изъ васъ, мм. гг., извѣстна, хотя вкратцѣ, исторія возникновенія старо-католицизма, этого благороднаго протеста христіанской совѣсти противъ провозглашенія папы существомъ *непогрѣшимымъ*; противъ произвольной передачи ему такого чудеснаго свойства, которое даровано Христомъ лишь Вселенской Церкви, высказывающейся на Вселенскомъ соборѣ! Есть основательная надежда на то, что съ теченіемъ времени мы будемъ со старокатоликами—*едино*, что наши Церкви соединятся; и событіе это, если, какъ должно надѣяться, оно совершится,

Digitized by Google

несомнѣнно повліяетъ на дальнѣйшія судьбы всего христіанскаго міра.—Старокатоличество—вѣрный и единственный путь къ возстановленію православія на Западѣ, къ возстановленію вселенскаго церковнаго единства, въ его прежнемъ могуществѣ и блескѣ.

За истекшія двадцать семь лѣтъ бѣднымъ, малочисленнымъ старокатоликамъ пришлось не мало потерпѣть за свои убѣжденія, но, благодаря своей глубокой вѣрѣ, своей стойкости, они спасли свое дѣло, и теперь они стоятъ твердо, несмотря на ненависть однихъ и на равнодушіе другихъ.

Бѣды, пережитыя старокатоликами, даромъ для нихъ не пропали! Вѣдь безъ борьбы на свѣтѣ ничего не дается; а если что и дается, то оно не имѣетъ и настоящаго значенія, настоящей цѣнности. Лишь то, что выстрадано—то и крѣпко, то и дорого; и это прямо относится къ старокатоликамъ. Постоянная, тяжелая борьба закалила ихъ и можетъ служить ручательствомъ за крѣпость, за устойчивость ихъ дѣла!

Съ самаго начала своего движенія старокатолики стали относиться къ намъ съ полнымъ сочувствіемъ; они постоянно къ намъ приближаются въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, они надѣются на то, что мы скоро признаемъ ихъ нашими единовѣрцами, что подъ *внѣшностію западнаго человѣка* мы сумѣемъ наконецъ разглядѣть *православнаго*!

Но и теперь уже, м. г., мы можемъ смотрѣть на старокатоликовъ, какъ на близкихъ намъ людей, какъ на нашихъ союзниковъ въ важномъ дѣлѣ борьбы противъ римскихъ захватовъ—старыхъ и новыхъ!

Вотъ объ этомъ общемъ дѣлѣ, о той несомнѣнной и важной услугѣ, которую можетъ и готовъ намъ оказать старокатолицизмъ, я и позволю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Я не буду останавливаться на той пользѣ, которую намъ принесъ уже старокатолицизмъ, поставя намъ слѣдующій простой вопросъ: „Вы“, сказали они намъ, „представители древняго Востока, давшаго намъ нашу древнюю вѣру, *вы, вѣрные хранители* ея! Честь вамъ и слава! Когда-то вѣра эта была у насъ съ вами едина! Когда-то мы были единовѣрны! Много погрѣшилъ Западъ передъ этою общею намъ вѣрой, онъ во многомъ измѣнилъ ее – но мы, старокатолики, хотимъ возстановить ее у себя, въ ея древнемъ величіи, въ ея полной правдѣ,—мы хотимъ чтобы наши церкви стали снова сестрами. Скажите же намъ: *какъ вы вѣруете*? Скажите: на что смотрите вы какъ на *обяза-*

Digitized by Google

тельный догматъ—и на что какъ на *свободное богословское мнѣніе*? все ли вы „старое“ принимаете, или не все? и въ чемъ у васъ съ этимъ старымъ разность? считаете ли вы всѣ такъ называемыя апостольскія правила обязательными [1] для васъ, или не всѣ?“ и т. п. Думается мнѣ, что эти вопросы принесли уже намъ нѣкоторую несомнѣнную пользу Мы были вынуждены осмотрѣться, провѣрить самихъ себя, а вѣдь такая провѣрка, такая самокритика (еще, впрочемъ, далеко не оконченная) дѣло въ высшей степени важное и полезное [2]. Впрочемъ, это чисто богословскія соображенія; обращаюсь къ разсмотрѣнію не богословской, а политической стороны вопроса, настолько, конечно, насколько политика намъ доступна, т. е. въ предѣлахъ обсужденія прошлаго (историческіе факты) и выраженія надеждъ на будущее.

Итакъ, чего можемъ мы ожидать отъ старокатолицизма?

Старокатолицизмъ даетъ намъ или *можетъ намъ дать* средство для рѣшенія славянскаго [3], въ частности польскаго вопроса, непо средственно насъ касающагося.

Многимъ изъ васъ, мм. гг, такой „богословскій“ способъ рѣшенія застарѣлаго, чисто (какъ думаютъ нѣкоторые) политическаго вопроса, покажется страннымъ и парадоксальнымъ, и однако это—единственно вѣрный способъ его рѣшенія,—*другого нѣтъ*! и вы въ этомъ убѣдитесь, когда вдумаетесь въ элементы, въ составныя части польскаго вопроса. Онъ конечно, очень сложенъ, въ немъ есть элементы разнообразные, но несомнѣнно, что центръ тяжести его находится въ вопросѣ религіозномъ. Всмотримся повнимательнѣе въ этотъ грустный, нескончаемый

---

[1] Точнѣе: „Книга Правилъ Св. Апостолъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и Св. Отецъ.“

[2] Полезность его бросается въ глаза: стóитъ принять въ соображеніе тотъ несомнѣнный фактъ, что на эти вопросы, и въ настоящее время, многіе и весьма почтенные ученые дали бы разнорѣчивые отвѣты; а вѣдь ихъ несомнѣнно нужно разъяснить. Если церковь указываетъ (и должна указывать) то, что составляетъ необходимое условіе спасенія человѣческой души, тѣ догматы, безъ признанія которыхъ нельзя считаться православнымъ, она, съ другой стороны, не должна требовать и лишняго, не должна возлагать на совѣсть человѣка лишнее бремя; такія требованія могутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Не такія ли же неразумныя требованія со стороны Рима вызвали протестантизмъ съ его подраздѣленіями? Можетъ быть, присматриваясь къ болѣе близкимъ намъ явленіямъ въ жизни церковной, мы найдемъ и другіе поучительные примѣры.

[3] Говорю о славянствѣ римско-католическомъ.

Digitized by Google

„проклятóй“ польскій вопросъ. Почему онъ до сихъ поръ не рѣшенъ, почему онъ и теперь столь же далекъ отъ своего рѣшенія, какъ и въ началѣ? Потому, что мы къ нему подходили и подходимъ „не съ того конца“, потому что не понимали и не сознавали, что польскій вопросъ—*есть преимущественно вопросъ религіозный*. Я долженъ, впрочемъ, оговориться: бывали исключенія. Нѣкоторые изъ насъ это понимали, и понимали ясно: назову гр. М. Н. Муравьева, Николая Милютина, кн. Черкасскаго.... но они не могли достигнуть желанныхъ результатовъ вопервыхъ потому, что дѣйствовали при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, не только безъ поддержки со стороны петербургскихъ высокихъ оффиціальныхъ сферъ, но и при явномъ ихъ *противодѣйствіи*; а вовторыхъ, потому, что въ то время, когда имъ приходилось дѣйствовать, еще не существовало того могущественнаго рычага, который явился лишь впослѣдствіи, который былъ созданъ самимъ Римомъ на Ватиканскомъ соборѣ въ 1871 году—разумѣю именно старо-католицизмъ.

Вопросъ польскій, т. е. вопросъ о нашей совмѣстной жизни съ нашими польскими согражданами, о ихъ участіи въ общей жизни Россіи, состоитъ, какъ я сказалъ, изъ различныхъ элементовъ, а именно: изъ элементовъ—историческаго, этнографическаго и религіознаго.

Начну съ перваго. Вліяніе историческихъ воспоминаній чувствуется въ польскомъ обществѣ очень живо. Оно и понятно! Отказаться отъ великаго историческаго прошлаго—трудно; трудно забыть славный разгромъ грозныхъ меченосцевъ подъ Грюнвальденомъ, въ началѣ XV столѣтія, побѣду подъ Клушиномъ надъ нами и захватъ Москвы, въ началѣ XVII; спасеніе Вѣны въ концѣ того же вѣка. Да! забыть все это—трудно. Но никто этого и не требуетъ, всего этого *и не нужно* забывать; хотя *въ будущемъ* Польшѣ отъ такой военной славы, конечно, придется отказаться! Но вѣдь спокойное, мирное развитіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ народа тоже важное дѣло! Развѣ слава Коперника меньше славы гетмана Жолкѣвскаго или короля Ивана Собѣсскаго? Многіе поляки, недостаточно умудренные горькимъ опытомъ и теперь еще мечтаютъ о возстановленіи ихъ военно-политическаго величія, о возстановленіи Польши 1772 года! Несмотря на внушительное напоминаніе Императора Александра II (Pas de réveries—Messieurs!), несмотря на полнѣйшую, безусловную невозможность осуществить такое ихъ желаніе, оно

Digitized by Google

и до сихъ поръ высказывается нѣкоторыми неисправимыми мечтателями. Несомнѣнно однако, что даже и въ средѣ легкомысленнаго польскаго общества начинаютъ уже появляться люди, понимающіе необходимость считаться съ дѣйствительностію.

Перехожу къ вопросу этнографическому. Тутъ тоже мы не встрѣчаемъ затрудненій *непреборимыхъ*. Вѣдь Поляки—тоже славяне, и мы, славянофилы, *никогда* этого не забывали. Самый *народъ* польскій ничуть намъ не враждебенъ, мы можемъ прекрасно съ нимъ ужиться; *да и уживаемся* съ нимъ, пока на сцену не появляется зловѣщая фигура іезуита. Намъ, русскимъ, было бы грѣшно посягать на существованіе польскаго народа! Такое посягательство на немаловажную часть славянскаго племени никогда не входило, и *не могло* входить въ нашу славянофильскую программу! Если мы ни подъ какимъ видомъ, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ условіяхъ не предадимъ двадцати слишкомъ милліоновъ русскихъ живущихъ въ Западномъ краѣ, іезуитамъ и польскимъ политиканамъ, не желающимъ отрѣшиться отъ притязаній на Вильну и Кіевъ, то точно такъ же мы ни въ какомъ случаѣ не посягнемъ на жизнь польскаго народа. Мы не задаемся мыслью о его уничтоженіи, мыслью столь рельефно выражаемою германцами—„Ausrottung des Polenthums“; это было бы съ нашей стороны великимъ преступленіемъ, но, повторяю, никто этого и не предлагаетъ [1].

Если въ вопросахъ политическомъ и этнографическомъ замѣчается—если не нѣкоторый успѣхъ—то нѣкоторое *начало* успѣха, того же, къ несчастію, нельзя сказать про вопросъ религіозный. Тутъ споръ продолжается съ прежнимъ ожесточеніемъ. Разность религіозныхъ вѣрованій, антагонизмъ нашихъ церквей проявляется съ полною силой, отравляетъ наши отношенія и вноситъ въ нихъ элементъ принципіальной непримиримости.

Всѣ наши попытки сломить эту вражду, мѣрами строгости или уменьшить, успокоить ее уступками, не привели ни къ чему да и *не могли* привести къ чему-либо путному и толковому! Антагонизмъ остается въ полной силѣ; подъ пепломъ тлѣетъ огонь и пожаръ готовъ вспыхнуть по первому поводу, при первой

[1] Все это относится, впрочемъ, лишь къ странамъ, гдѣ обитаетъ *польскій народъ*, а не къ нашему Западному краю съ его ополяченнымъ и оіезуиченнымъ дворянствомъ; *его* мы, конечно, должны ополячить и разъіезуитить, и въ этому мы, должно надѣяться, и придемъ, не смотря на наши колебанія и признаки достойнаго сожалѣнія недомыслія.

Digitized by Google

возможности. Несомнѣнно, что со временемъ, когда нибудь, польскіе политиканы, даже самые непримиримые, самые недальновидные поймутъ необходимость отказаться отъ Западнаго края, вообще отъ ихъ вражды къ Россіи;—но этой необходимости не поймутъ іезуиты; этого Римъ не дозволитъ понять своимъ сторонникамъ, подчиненнымъ и рабамъ; и тутъ не помогутъ никакія наши любезности, никакія дипломатическія цѣлованія папской туфли, никакія административныя послабленія и кокетничанія, точно такъ же, какъ не помогутъ и административныя строгости.

Нужно понять, что мы не можемъ бороться съ этою, столь враждебною намъ, религіозною идеей политико-административными мѣрами, *единственными*, къ которымъ мы до сихъ поръ прибѣгали. Очевидно, *нѣтъ*! Это ясно доказано долголѣтнимъ опытомъ. Нѣкоторые ищутъ причины нашихъ неудачъ въ измѣнчивости нашей политики, въ ея неизлѣчимыхъ противорѣчіяхъ, въ ея постоянныхъ колебаніяхъ между строгостію и снисходительностію, почти слабостію Конечно, въ этомъ есть доля правды, но главная причина нашихъ неудачъ состоитъ въ томъ, что мы бьемся съ нашими врагами разнымъ оружіемъ и что наше оружіе (административныя и политическія мѣры), взятое отдѣльно, никуда не годится, что врагъ нашъ для него недосягаемъ. Онъ вооруженъ лучше насъ: наше оружіе до нѣкоторой степени матеріальное, его – чисто духовное,—религія, служащая для него надежнымъ панцыремъ!

Конечно, въ прежнія времена и матеріальныя средства достигали цѣли, такъ: съ благословенія папы Иннокентія III французскіе католики въ два пріема вырѣзали Альбигойцевъ; къ такому же „воздѣйствію“ прибѣгли они и относительно Гугенотовъ (въ 1572 году); ихъ тоже вырѣзали, хотя и не столь удачно; но, конечно, къ такимъ мѣрамъ мы не прибѣгнемъ. Какія же мѣры *могутъ* намъ помочь? Какое оружіе можетъ оказаться пригоднымъ? Очевидно, лишь то, которымъ вооружены и наши противники—т. е. *оружіе духовное*; намъ слѣдуетъ перенести борьбу на почву религіозную и церковную. Вотъ тутъ и можетъ явиться старо католицизмъ нашимъ надежнымъ помощникомъ и союзникомъ! Спѣшу оговориться: являясь къ намъ на помощь, дѣлаясь нашимъ союзникомъ, онъ ничуть не выступаетъ (какъ могутъ подумать нѣкоторые) врагомъ польщизны; нѣтъ, нисколько; онъ является врагомъ лишь того ультрамонтанства, того іезуитства, которыя извратили древнюю религію

Digitized by Google

Запада и былп главною причиной паденія п самой несчастной Польши. Становясь вообще нашимъ союзникомъ, старокатолицизмъ получаетъ возможность оказать важную услугу и самой Польшѣ, не только помогая ей возстановить ея прежнюю древнюю вѣру, но и въ отношеніи политическомъ, устраняя изъ польскаго вопроса именно тотъ іезуитско-ультрамонтанскій элементъ, который и вноситъ въ наши отношенія—ядъ непримиримости, который и дѣлаетъ вопросъ польско-русскій—вопросомъ прòклятымъ, доселѣ неразрѣшимымъ.

Повторяю, главная бѣда, главное затрудненіе не въ *политической* сторонѣ вопроса, а въ сторонѣ религіозной. Не будь въ нашемъ спорѣ враждебнаго намъ элемента религіознаго, поляки давно бы съ нами помирились, давно бы воспользовались тѣми мирными условіями, скажу—*тѣми благами*, которыя мы имъ двукратно предлагали [1], которыя, думается мнѣ, мы готовы предложить имъ и снова. Спѣшу добавить, что во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни желанія *подкупить* польскій народъ цѣной постыднаго вѣроотступничества; нѣтъ, такое предложеніе было бы въ высшей степени безнравственно и преступно, ни одинъ честный человѣкъ ничего подобнаго, конечно, и не предложитъ. Никто изъ насъ, славянофиловъ, никогда и не подумаетъ объ этомъ. Мы вѣрой не торгуемъ, мы не говоримъ полякамъ: „Вотъ вамъ вѣра (старо-католицизмъ), которая уже тождественна, или будетъ тождественна съ нашею. Такъ вотъ,—примите ее, и вамъ будетъ хорошо, мы будемъ относиться къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ и полною благосклонностію. Другими словами:—поступитесь вашею вѣрой, и мы дадимъ вамъ за это много земныхъ благъ". Конечно, каждый честный, человѣкъ съ негодованіемъ отброситъ такія предложенія! Но, повторяю, мы такихъ предложеній и не дѣлаемъ; мы говоримъ: „отбросьте навязанный вамъ извнѣ фанатизмъ, столь далекій отъ славянскаго характера; всмотритесь съ возможною объективностію въ вашу современную вѣру, сравните ее, ея положенія, ея догматы съ положеніями и догматами древней вселенской церкви—и вы увидите между ними значительную, *принципіальную* разницу. Всмотритесь затѣмъ въ старокатолицизмъ, и вы увидите полное тождество между этою вѣрой и вашею же древнею вѣрой Запада, тождественною и съ тою, которую исповѣдывала Вселенская Церковь до ея раздѣленія на двѣ враждебныя части.

[1] Въ 1815 и въ 1862 г.г.

Digitized by Google

Вы убѣдитесь въ томъ, что старо-католицизмъ есть ваша же истинная, древняя, западная вѣра! *Примите его*!" Гдѣ же тутъ постыдный подкупъ совѣсти? Гдѣ же тутъ преступное предложеніе преступнаго вѣроотступничества? Мы не говоримъ поляку: „приди, покайся униженно передъ нами и преклонись передъ нашимъ алтаремъ въ Москвѣ или Петербургѣ", мы говоримъ ему: „познай правду, и вмѣстѣ съ нами преклони колѣна передъ алтаремъ Вселенской Церкви, общей матери обѣихъ нашихъ церквей".

Обращеніе такого рода къ полякамъ было бы основано не на какихъ-либо мечтательныхъ соображеніяхъ, не на фантазіи, а на положительныхъ фактахъ, на данныхъ совершенно реальнаго характера. Поляки, согласившись принять старокатолицизмъ, послѣдовали бы примѣру другихъ католиковъ, разорвавшихъ свои связи съ Римомъ!

Долгое время старокатолицизмъ имѣлъ послѣдователей лишь въ Германіи и Швейцаріи (преимущественно среди германскаго племени); его называли даже движеніемъ нѣмецкихъ „гелертеровъ", ученыхъ, отвергая его практическое значеніе. Даже такой великій государственный мужъ, какъ Бисмаркъ въ немъ ошибся. Одному моему другу, объяснявшему ему значеніе старокатолицизма для Германіи, онъ отвѣтилъ: „Да, все это такъ, вы съ вашей богословской точки зрѣнія совершенно правы, но гдѣ ваша *реальная* сила (онъ думалъ, очевидно, о силѣ матеріальной), гдѣ ваши народныя массы?! Дайте мнѣ эти толпы народа, покажите мнѣ ихъ, и мы потолкуемъ!.." Конечно, если такой человѣкъ, какъ Бисмаркъ, могъ такъ грубо ошибаться, то простымъ смертнымъ это простительно. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло, вопросъ выяснился, и теперь ошибаться непростительно, непростительно не видѣть, не понимать дѣла!

Римъ, обрадовавшійся было тому, что всѣ его епископы, послѣ болѣе или менѣе долгаго торга со своею совѣстію, подчинились новому догмату папской непогрѣшимости, началъ увѣрять, что старокатолицизмъ, оставшійся безъ высшихъ пастырей, вотъ-вотъ погибнетъ; что стóитъ умереть Дэллингеру и еще двумъ, тремъ изъ столповъ старокатолицизма, и отъ него не останется и слѣда! Все это оказалось однако ошибочнымъ. Болѣе четверти столѣтія прошло со времени основанія старокатолицизма, и онъ не пропалъ и не исчезъ. Напротивъ, онъ растетъ и распространяется; старокатолическія общины организуются въ Италіи, во Франціи, даже въ Испаніи, а въ минувшемъ году мы уже участво-

Digitized by Google

вали на старокатолическомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ, столицѣ клерикальной Австріи! Старокатолицизмъ потерялъ уже свой исключительно нѣмецкій характеръ, онъ сталъ вселенскимъ, международнымъ, сталъ выше національности, для него уже нѣтъ Эллина или Іудея! Именно на вѣнскомъ конгрессѣ видѣли мы, насколько религія выше политики; мы видѣли, что, несмотря на политическую вражду, богемскіе нѣмцы и чехи подали другъ другу руку, рѣшились совмѣстно работать надъ возстановленіемъ, на ихъ родинѣ, господства древней Кирилло-Меѳодіевской церкви. Въ Чехіи, однако, дѣло это встрѣчаетъ не мало препятствій; за весьма немногими исключеніями, вся чешская аристократія (а она пользуется большимъ вліяніемъ въ краѣ) придерживается самыхъ ультрамонтанскихъ взглядовъ; народъ, находившійся долгое время подъ вліяніемъ ультрамонтанскаго духовенства, очень необразованъ и суевѣренъ, онъ не имѣетъ достаточной самостоятельности и до сихъ поръ слѣпо шелъ за своими патерами; теперь онъ начинаетъ слушать соціалъ-демократическихъ проповѣдниковъ—что̀ не многимъ лучше! Не подлежитъ однако сомнѣнію, что, несмотря на всѣ эти затрудненія, старокатолицизмъ все-таки утвердится и среди чеховъ. Начало, какъ мы видѣли, положено, и дѣло конечно пойдетъ, если политическія неурядицы Австро-Венгріи, сдѣлавшіяся какъ бы нормальнымъ состояніемъ этой многоязычной имперіи, не помѣшаютъ нормальному ходу дѣлъ. Будемъ надѣяться, что Австрія когда нибудь превратится въ преимущественно-славянскую федерацію и успокоится отъ своихъ хроническихъ неладовъ; тогда несомнѣнно выдвинется и религіозный вопросъ; данныя на это есть несомнѣнныя. Вѣдь старокатолицизмъ, какъ прекрасно доказывали на вѣнскомъ конгрессѣ проф. Мишо и лиценціатъ Гёцъ (одинъ изъ талантливѣйшихъ молодыхъ старо-католическихъ ученыхъ), есть та же самая вѣра, которую внесли въ славянскія земли общіе наши просвѣтители равноапостольные Кириллъ и Меѳодій, такъ что чехи, принимая старокатолицизмъ, въ сущности возвращаются къ своей же древней вѣрѣ! Вѣдь св. Меѳодій былъ чехоморавскимъ епископомъ, это чехи знаютъ и помнятъ; но еще свѣжѣе у нихъ воспоминанія о ихъ великомъ мученикѣ Гусѣ; а вѣдь извѣстно, что и самъ Гусъ и его другъ и сомученикъ Іеронимъ Пражскій и его послѣдователи ясно видѣли необходимость принципіальной борьбы съ Римомъ и сближенія, а затѣмъ и воссоединенія съ Востокомъ; а не то-ли же самое говорятъ вотъ уже болѣе четверти столѣтія старо-католики?! Но славныя вре-

Digitized by Google

мена Гуса и Георгія Подебрада миновали [1]. Послѣ великаго подъема народнаго самосознанія для чешскаго племени наступила тяжелая година! Со времени несчастной бѣлогорской битвы до половины нынѣшняго столѣтія длилось духовное рабство благороднаго чешскаго народа; но онъ воспрянулъ, онъ возстановитъ свои политическія права, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, конечно, возстановитъ и свою православную древнюю вѣру, которая является теперь въ формѣ старокатолицизма, постоянно приближающагося къ восточному, къ *нашему* православію.

Но можемъ-ли мы разсчитывать на то, что и среди польскаго народа старокатолицизмъ найдетъ себѣ приверженцевъ? Есть-ли на это данныя?

Откажутся ли поляки отъ извнѣ навязаннаго имъ іезуитства, отъ ультрамонтанства? Что ультрамонтанство не въ природѣ славянина, что оно далеко отъ свободолюбиваго и склоннаго къ критикѣ славянскаго духа—это несомнѣнно; но согласятся ли поляки, понимающіе, что именно это ультрамонтанство и есть главнѣйшая преграда миролюбивому исходу нашего древняго семейнаго спора, согласятся-ли они, говорю я, отказаться отъ этого вѣрнѣйшаго средства для безконечнаго продленія этого спора? Будемъ надѣяться! но съ нашей стороны должны быть испробованы всѣ средства примиренія, безобиднаго для Россіи. Несомнѣнно, впрочемъ, что и теперь уже раздаются въ Польшѣ—хотя лишь слабые и немножко, можетъ быть, фальшивые—голоса, требующіе прекращенія безцѣльной тяжбы съ Россіей. Поляки начинаютъ какъ будто понимать, что никакая борьба съ Россіей немыслима безъ союзниковъ; а гдѣ ихъ искать поборникамъ идеи возстановленія древней Польши

[1] Посланцы гуситовъ пріѣзжали въ Царьградъ для переговоровъ о возсоединеніи церквей. Къ сожалѣнію, это случилось въ тяжелую для Греческой Церкви минуту. Почти вся Восточная имперія была въ рукахъ мусульманъ. Столица едва держалась. Посланцы явились въ Царьградъ въ 1450 году, то-есть всего за три года до его паденія; тѣмъ не менѣе синодъ Константинопольской Церкви (патріарха тогда не было) въ грамотѣ къ гуситамъ (18 января 1451 г.) сказалъ, что Константинопольская Церковь желаетъ соединиться съ гуситами и притомъ „по непреложному правилу истины, а не по подобію уніи флорентійской". За основаніе соединенія должно было быть принято Св. Писаніе—въ качествѣ „лучшаго судіи". Какъ жаль, что не всѣ богословы придерживаются нынѣ этого взгляда (ничуть не колеблющаго авторитета Церкви). Наконецъ синодъ одобрилъ и представленное гуситами исповѣданіе вѣры. Къ несчастію, политическія смуты помѣшали дальнѣйшему ходу этого дѣла.

Digitized by Google

1772 года? Франція отъ нея давно отказалась, Австрія сама „на ладанъ дышитъ", сама больна, больнѣе Турціи. Заигрыванія Германіи, разсчитанныя на польское легкомысліе, конечно не помѣшаютъ ей продолжать свою политику огерманенія бывшихъ польскихъ странъ. Все это поляки начинаютъ, повидимому, понимать! Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на то важное обстоятельство, что теперь и религіозный вопросъ поставленъ иначе: *до* провозглашенія папской непогрѣшимости умъ человѣческій *могъ* мириться съ римско-католичествомъ; послѣ—*нѣтъ*, нѣтъ *рѣшительно*! Этого не могутъ отвергать и самые завзятые римско-католики, хотя немного понимающіе богословскіе вопросы [1]. Требованіе признать личную непогрѣшимость папы совершенно неисполнимо, пока у человѣка не совершенно затемнены его мыслительныя способности, пока не совершенно заснуло его христіанское сознаніе, и, конечно, не всѣ находятся въ такомъ жалкомъ состояніи; среди поляковъ не мало образованныхъ и мыслящихъ людей, прямо отвергающихъ этотъ чудовищный догматъ! а единственный исходъ, для западнаго христіанина (собственно для католика) изъ этого положенія (изъ тяжкаго, нестерпимаго положенія раздвоенности между здравымъ смысломъ и совѣстію—съ одной стороны, и требованіями Церкви—съ другой), единственный исходъ—это обращеніе къ старокатолицизму, къ путямъ, указываемымъ *имъ и только имъ*.

Предложеніе принять старокатолицизмъ, сдѣланное поляку еще очень недавно, могло бы казаться совершенно нелѣпымъ и несбыточнымъ! можно-ли было допустить, что полякъ отдѣлится отъ Рима, откажется отъ папы, откажется отъ уроковъ отцовъ іезуитовъ, такъ долго руководившихъ судьбами его родины? И однако такое смѣлое предложеніе было сдѣлано — и было принято. Болѣе сорока тысячъ поляковъ приняли уже старокатолицизмъ. Это фактъ! Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ уже цѣлая вновь организовавшаяся епархія съ епископомъ Антоніемъ Козловскимъ во главѣ. Мнѣ возразятъ, что это, вотъ, въ Америкѣ, за тридевять земель! Но именно фактъ,

[1] Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что новое ученіе о папской непогрѣшимости либо замалчивается, либо сводится на нѣтъ, либо искажается лживымъ увѣреніемъ, что папа, желающій провозгласить какой-либо новый догматъ, долженъ будто бы предварительно узнать мнѣніе о немъ Церкви, посовѣтовавшись съ какими-то своими епископами или кардиналами... и т. д. Все это вздоръ и неправда, ничего подобнаго нѣтъ.

Digitized by Google

что событіе это совершилось въ Америкѣ, и доказываетъ всю искусственность связи между польскимъ племенемъ и латинствомъ; полякъ, очутившійся на свободной почвѣ, внѣ условій, *искусственно созданныхъ*; полякъ, находящійся въ нормальныхъ условіяхъ религіозной жизни, очень легко отказывается отъ связи съ непогрѣшимымъ папой! Здравый смыслъ его, не стѣсняемый посторонними вліяніями, убѣждаетъ его въ несостоятельности новаго римскаго ученія, въ необходимости обратиться къ истинѣ, къ своей-же древней истинѣ! Почему же не признать не только *возможнымъ, но и очень вѣроятнымъ* такой шагъ со стороны и остальнаго польскаго общества, освобождающагося отъ мечтаній, отрезвленнаго и отказывающагося отъ борьбы съ Россіей? Повторяю, это въ предѣлахъ не только возможности, но и вѣроятности! Мы, стало быть, имѣемъ данныя разсчитывать на такой благополучный исходъ нашего спора съ Польшей, на превращеніе насъ, русскихъ и поляковъ, въ друзей и братьевъ.

Но признавая вполнѣ возможнымъ прекращеніе нашей борьбы съ католической Польшей, или, точнѣе, *борьбы съ католичествомъ въ Польшѣ*, я не вѣрю въ прекращеніе борьбы съ римскимъ католичествомъ *вообще*. Я весьма далекъ отъ легкомысленнаго и преступнаго желанія разжигать религіозныя страсти, но вѣдь передъ дѣйствительностію нечего закрывать глаза, нечего совать, какъ страусъ, голову въ песокъ, чтобы не видать опасности, да на этомъ и успокоиться! Борьба между нами и латинствомъ идетъ давно, это старинная, ожесточенная борьба, и если я толкую о возможности ея прекращенія со стороны *польско*-католической идеи, со стороны *польскаго племени*, то разсчитывать на ея прекращеніе со стороны папы и его руководителей іезуитовъ—дѣло совершенно *несбыточное* и *невозможное*!

Я считаю необходимымъ оговориться: можетъ быть въ числѣ васъ, господа, есть римско-католики, впрочемъ все равно, еслибы ихъ и не было, я считаю долгомъ заявить, что, отзываясь столь рѣзко о *римско-католицизмѣ*, я далекъ отъ мысли, отъ желанія бросить тѣнь на всѣхъ нашихъ согражданъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, далекъ отъ того, чтобы усомниться въ томъ, что, присягнувши общему, и ихъ, и нашему государю, они останутся вѣрными этой присягѣ; несомнѣнно однако, что въ случаѣ конфликта между ихъ религіозными убѣжденіями (то-есть, отнынѣ волей римскаго первосвященника) и ихъ граж-

Digitized by Google

данскимъ долгомъ, въ ихъ сердцѣ необходимо произойдетъ тяжелая борьба, которая можетъ кончиться не всегда счастливо для этого долга; вѣдь что-же толковать! не подлежитъ сомнѣнію, что стремленія папской куріи и современнаго государства, въ особенности нашего, органически связаннаго съ православною Церковью—не только несовмѣстимы, но и прямо противоположны!

По римской теоріи всѣ христіане—подданные папы, и тѣ, которые не признаютъ его главенства — бунтари, которымъ, иногда, *поневолѣ*, приходится давать *перемиріе*, но которымъ нельзя давать *ни мира—ни пощады*. Конечно, еретиковъ нельзя теперь вырѣзывать, какъ вырѣзывали альбигойцевъ или гугенотовъ, но, хотя борьба и перемѣнила свой характеръ, она со стороны Рима осталась такою же непримиримою, какою была и прежде! Намъ, стало быть, *приходится думать о войнѣ*, думать *о защитѣ*, ибо *именно такъ поставленъ вопросъ*; дѣло идетъ именно о самозащитѣ, *не мы* нападающая сторона, мы защищаемся—и должны защищаться, мы вынуждены отстаивать свое исконное достояніе. *Къ намъ, на нашъ* Востокъ залѣзъ и лѣзетъ Римъ; онъ ввелъ свою вѣру въ наши западныя губерніи, въ нашъ исконно русскій и православный край; онъ старался, да старается и теперь окатоличить Россію [1]; наконецъ, онъ покрываетъ сѣтью своихъ латинскихъ епископствъ *нами*, цѣной нашей крови освобожденныя славянскія страны! Это-ли не война? Стало быть, повторяю я, мы *должны* воевать и защищаться. Но, гг., война, основанная на одной защитѣ, не можетъ доставить побѣды; рано или поздно она должна обратиться въ пораженіе. Это стратегическая аксіома! Поэтому и *мы должны нападать*. Слѣдуя примѣру нашего врага, и мы должны отыскивать непріятеля на его же территоріи.

Это мысль не новая, это мысль великаго Фотія, патріарха Константинопольскаго. Онъ хотѣлъ бороться съ папизмомъ съ помощью самого Запада. Когда къ нему обратились нѣкоторые изъ германскихъ епископовъ съ жалобой на папу, онъ сразу понялъ все значеніе этого факта и рѣшился немедленно воспользоваться оппозиціей запада противъ западнаго патріарха. Планы его были обширны; онъ разсчитывалъ сблизить обѣ имперіи—Восточную и Западную для общей борьбы съ Римомъ. Онъ обратился и къ римскому клиру съ извѣщеніемъ объ осуж-

[1] Онъ и теперь еще старается сбить съ толку нѣкоторыхъ изъ нашихъ богослововъ, и небезуспѣшно!

Digitized by Google

деніи папы Николая Константинопольскимъ соборомъ, обратился онъ и къ императору Людовику съ просьбой о содѣйствіи къ низложенію папы; и, конечно, не будь Фотій вынужденъ бороться и со внутренними врагами, онъ бы успѣлъ ограничить ростъ незаконной власти западнаго патріарха *и спасъ бы христіанство отъ дальнѣйшаго распаденія*. Власть Рима, удержанная въ ея законныхъ размѣрахъ, не могла бы превратиться въ религіозно-политическую деспотію, и не породила бы протестантскихъ обществъ, которыя, вѣдь, обязаны своимъ возникновеніемъ именно и лишь недостатку религіозной свободы на Западѣ. Я остановился на этихъ подробностяхъ, чтобы указать на то, какъ, по мнѣнію одного изъ величайшихъ нашихъ мужей, слѣдуетъ бороться съ римскими притязаніями. Что дѣлаетъ Римъ? Онъ борется съ нами *у насъ же, на территоріи нашей же православной церкви*, на нашемъ исконно православномъ Востокѣ, всячески стараясь добыть себѣ сторонниковъ. О томъ же слѣдуетъ подумать и намъ,—и вѣрнѣйшій для сего путь—союзъ съ старокатоличествомъ! Старокатолицизмъ это тотъ рычагъ, съ помощію котораго мы можемъ переставить центръ тяжести всего западнаго славянства, разорвать его религіозныя оковы и возвратить ему его и нравственную, и религіозную, и церковную свободу, это тотъ рычагъ, который поставитъ юго-западную часть нашего племени въ то положеніе, которое было дано ему равноапостольными Кирилломъ и Меѳодіемъ, то независимое положеніе, къ которому стремился великій Гусъ, и на которое наше, доселѣ—„опально-міровое“ племя имѣетъ неоспоримое право!

Вы видите, господа, что старо-католики представляютъ для насъ, для всего славянскаго міра особенное, великое значеніе, не только какъ единовѣрные намъ христіане, но и какъ надежные союзники въ великой борьбѣ съ нашимъ могущественнымъ врагомъ, врагомъ *непримиримымъ* и *опаснымъ*.

Я бы очень не желалъ, чтобы излагаемыя мною мысли были истолкованы или поняты невѣрно. Мы, русскіе, и въ особенности мы — славянофилы, люди миролюбивые, и это не пустая фраза, это доказываетъ вся наша исторія. Мы *или защищаемся*, или ведемъ наступательныя войны, но лишь *защищая высшія духовныя блага*; таковы наши прежнія войны съ турками, таковы наши войны съ Наполеономъ I, такова несчастная венгерская война, такова-же и послѣдняя наша освободительная война 1876, 7 и 8 годовъ. Повторяю, не мы на-

Digitized by Google

падающая сторона, къ намъ, на нашъ Востокъ является черное войско папы и старается отвоевать у насъ наше достояніе!

Но, какъ уже сказано, политическія и административныя мѣры въ борьбѣ этой помогутъ намъ немного; намъ слѣдуетъ рѣшительно стать *на почву вѣроисповѣдную*, и тутъ старокатолицизмъ является могучимъ факторомъ.

Въ союзѣ съ нами онъ можетъ ослабить, и *очень значительно*, силы нашихъ враговъ, онъ можетъ перевести на нашу сторону всѣхъ славянъ-католиковъ, указавъ имъ на высшій религіозный идеалъ древняго, вселенскаго каѳоличества. Противъ ложной латинской мысли мы выставимъ истинную каѳолическую древне-православную мысль, облеченную лишь въ западныя формы; ложному современному ученію Запада, мы противопоставимъ истинное ученіе Востока и несомнѣнно побѣдимъ!

Таково, м.м. г.г., настоящее положеніе дѣлъ. Оно намъ несомнѣнно благопріятно! И политическія и религіозныя обстоятельства настоящаго времени таковы, что намъ было бы непростительно ими не воспользоваться. Никогда, можетъ быть, не находились мы въ лучшихъ условіяхъ, но не слѣдуетъ сидѣть сложа руки, предоставляя заботу о насъ судьбѣ! „На Бога надѣйся—а самъ не плошай“!

Но, скажете вы, что же можемъ мы сдѣлать? Мы вѣдь не правительство! Конечно, мы частные люди; власти у насъ нѣтъ никакой, мы можемъ только желать, мечтать... но мы можемъ и обсуждать положеніе дѣлъ, *думать* о немъ; и это не праздное, ни къ чему не ведущее времяпровожденіе. Въ такихъ бесѣдахъ, какъ вотъ наша, въ такихъ обсужденіяхъ современныхъ намъ обстоятельствъ вырабатывается *общественная мысль*, а это—великая сила!

Пусть многіе сомнѣваются въ этомъ, пусть твердятъ, что мы живемъ въ концѣ „практическаго“ XIX-го столѣтія, что въ нашъ „практическій“ вѣкъ требуются не „идеальныя“ а „реальныя“ средства дѣйствія, что за идею даютъ теперь немного, что вѣдь и на биржѣ она не котируется и т. п... Нѣтъ, господа, *нѣтъ*! Идея и теперь—великая сила, и—хорошо направленная—сила благотворная! Міръ управляется идеями, живетъ ими; нѣтъ того дѣйствія, того событія, которое не выражало бы какую-нибудь *идею*, хорошую и возвышенную или эгоистическую и подлую, умную или глупую... но все же идею, мысль, и разсматриваемый нами польскій вопросъ рѣшится только въ сферѣ

Digitized by Google

идеальной, въ сферѣ мысли — ни въ какой другой! рѣшится тогда, когда польскій народъ разорветъ свою связь съ ультрамонтанствомъ!.. а къ этому одинъ путь—старо-католичество. Мы же должны поддержать старо-католичество, должны дать ему возможность стать твердою ногой среди польскаго народа. Нужно дать полякамъ возможность избрать между ихъ современнымъ ультрамонтантствомъ и ихъ же древнею западною православною вѣрой; и, несомнѣнно, когда они возвратятся къ этой вѣрѣ, мы подадимъ другъ другу руку, и когда мы будемъ дѣйствовать за одно, стремиться къ достиженію одной и той же великой цѣли, польскій народъ оцѣнитъ благотворную мощь нашей русской руки! И рано или поздно это будетъ, будетъ несомнѣнно. Наше время еще, правда, не пришло, но оно идетъ, оно приближается. И будущность, великая будущность *наша*! *Лишь бы мы это поняли.*

А. Кирѣевъ.

Digitized by Google

НЕРАВНЫЙ БРАКЪ.[1]

Повѣсть Ф. Эварта.

(Переводъ съ нѣмецкаго О. А. Прибытковой).

(Окончаніе).

На другой день Магда, послѣ плохо проведенной ночи, встала съ сильною головною болью и всѣми признаками простуды. Но, не желая выдавать послѣдствій своей вчерашней прогулки, она старалась побороть нездоровье. Послѣдніе дни въ деревнѣ она еще продержалась, отклоняя всякіе разспросы со стороны Германа и матери. Съ трудомъ переѣхала она въ городъ. Но тутъ силы измѣнили ей, и Магда свалилась въ сильной и упорной горячкѣ.

Какая была разница между настоящимъ и послѣднимъ временемъ ея жизни въ деревнѣ! Въ первый разъ случалось ей еще такъ долго лежать въ постелѣ и притомъ почти въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ искусная и заботливая горничная, въ точности исполняя всѣ предписанія доктора, все-таки не могла успокоить ея душу.

Германъ, вполнѣ увлеченный струей общественныхъ событій лишь на короткое время заглядывалъ въ комнату больной. Одинокое дѣтство не пріучило его выказывать свое участіе какими нибудь хоть незначительными, но полными заботливой любви услугами. Онъ обыкновенно молча сидѣлъ нѣсколько минутъ у постели жены, и когда ему казалось, что прошло уже достаточно времени, вставалъ съ облегченнымъ вздохомъ. Слишкомъ непривычно было ему видѣть Магду такою слабою, безпо-

[1] См. *Русское Обозрѣніе* №№ 1, 2 и 3.

Digitized by Google

мощною, и онъ съ радостію слушалъ завѣренія доктора, что при надлежащемъ уходѣ эта сильная простуда не оставитъ никакихъ послѣдствій.

Фрау ванъ-деръ-Фельде, въ отвѣтъ на извѣщеніе о болѣзни дочери, тотчасъ же написала, что „если есть опасность, она немедленно пріѣдетъ". На этотъ счетъ можно было ее вполнѣ успокоить, и Германъ просилъ не тревожиться и не нарушать привычнаго строя жизни, по которому осенью обыкновенно къ ней въ замокъ собирались ея лучшіе близкіе друзья, тѣмъ болѣе, что во время ихъ пребыванія въ деревнѣ она сама отстранялась отъ сношеній со знакомыми и друзьями, настойчиво предъявившими теперь свои права на нее.

Итакъ Магда почти все время была одна, и долгая пора выздоровленія со всею физическою и нравственною слабостью была для нея большимъ испытаніемъ. Почти каждый день получала она какой нибудь привѣтъ отъ Эйлхарда, въ видѣ букета цвѣтовъ, какихъ нибудь рѣдкихъ фруктовъ, фотографій, книгъ, или рисунковъ. И каждый разъ при этомъ нѣсколько милыхъ, сердечныхъ строчекъ, служившихъ доказательствомъ, что у Магды подъ рукой—всегда готовый къ ея услугамъ преданный другъ. Она не могда не быть ему благодарна; возникшее было непріятное чувство само собою исчезло, и его замѣнило полное довѣрія отношеніе, являющееся у насъ къ тѣмъ немногимъ людямъ, на которыхъ мы вполнѣ можемъ положиться.

Когда ей стало немного лучше, она начала усердно читать, чтобы заполнить многочисленные пробѣлы своего образованія, такъ непріятно дѣйствовавшіе на нее при каждомъ разговорѣ съ Германомъ. Но все было такъ трудно, неудобопонятно и оказывалось иным, чѣмъ она раньше думала.

Понемногу Магда начала снова заниматься хозяйствомъ, но докторъ не позволялъ ей рано вставать съ постели, а вечеромъ по большей части Германа не бывало дома. Послѣ обѣда онъ обыкновенно уѣзжалъ на какое нибудь совѣщаніе, потомъ на оффиціальный вечеръ, и Магдѣ нельзя было дожидаться его поздняго возвращенія,—и такъ ея силъ еле хватало даже и на день.

Она отлично понимала, что мужъ очень занятъ, что его все интересуетъ, сама себѣ она казалась такою ничтожною и глупенькою передъ этими широкими политическими запросами. Сердце ея грустно сжималось при этихъ мысляхъ. Не разспрашивая мужа, слѣдила она за его настроеніемъ, старалась уга-

Digitized by Google

дать по нѣкоторымъ признакамъ, насколько успѣшно идетъ его работа, боялась за результатъ, могущій быть не въ его духѣ и причинить ему огорченіе, которое она не смѣла бы раздѣлять съ нимъ.

Войдя однажды въ его комнату, Магда увидѣла, что все очевидно было благополучно, баронъ казался удовлетвореннымъ и довольнымъ. Держа въ рукахъ листъ бумаги, Германъ обратился къ женѣ:

— А, вотъ и ты! Хочешь приписать нѣсколько словъ къ телеграммѣ, которую я посылаю мамѣ?

Она взяла перо и дрожащею рукой начала писать подъ его словами: „Все хорошо, письмо послано".

— Не скажешь ли ты мнѣ наконецъ, — произнесла Магда, съ трудомъ сдерживая слезы, — что̀ тебя такъ волновало за послѣднее время?

— А развѣ ты что замѣтила?—Да, тутъ надо было завести новыя сношенія съ Японіей, и мнѣ вся исторія стоила не мало труда и непріятностей. Подробности не интересны тебѣ. Вчера окончательно утвердили проектъ договора, и сегодня Эйлхардъ долженъ ѣхать въ видѣ уполномоченнаго и частнаго курьера, чтобы покончить послѣднія формальности съ нашими контрагентами. Я, кажется, забылъ тебѣ сказать: мы съ нимъ уже простились, и онъ просилъ передать тебѣ, что явится сегодня послѣ обѣда. Ему хочется повидаться съ тобой предъ своею первою дипломатическою поѣздкой. Я сказалъ ему, что тебя уже можно видѣть.

— Если ты такъ думаешь, я приму его

— Да, а вообще надо побольше слушаться доктора; за такими неосторожными дѣтьми, какъ ты, нуженъ двойной уходъ. А теперь прощай, мнѣ давно пора.

И онъ ушелъ изъ комнаты.

Уже смеркалось, и Магда утомленная лежала на диванѣ. Какъ долго и скучно тянется время, когда запрещено что-нибудь дѣлать или выходить. Сегодня она умоляла доктора выпустить ее, но тотъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ.

— Всего охотнѣе бы я васъ отослалъ куда нибудь на югъ, да одной вамъ нельзя ѣхать, а господину барону врядъ ли возможно васъ сопровождать.

Магда вспыхнула при этихъ словахъ. Значитъ, вотъ и докторъ, совершенно чужой человѣкъ, и тотъ знаетъ, что Герману некогда побыть часъ, другой, съ женою; а всякій, даже подоб-

Digitized by Google

ный, невинный намекъ на это ея больное мѣсто былъ ей крайне непріятенъ.

— Можно войти?—спросилъ голосъ Эйлхарда.

Магда встала; онъ уже подходилъ къ ней, и его умные, ласковые глаза заботливо глядѣли на молодую женщину.

— И какъ же вы насъ всѣхъ напугали! Вотъ какъ разъ теперь я долженъ уѣхать и не могу хотя не много помочь вамъ не скучать въ скучное время выздоровленія.

— Вы ужъ и такъ слишкомъ много для меня дѣлали. Ваши цвѣты и книги помогли мнѣ коротать время, и я вамъ такъ за это благодарна! А теперь садитесь и разскажите, что́ подѣлывается на Божьемъ свѣтѣ.

Она позвонила и приказала вошедшему лакею подать лампу и чай. Быстро и безъ шума исполнилъ тотъ отданное приказаніе, и скоро Магда разливала себѣ и гостю чай въ небольшія китайскія чашечки. Эйлхардъ молча глядѣлъ на нее и внутренно удивлялся, какъ измѣнилась за нѣсколько недѣль эта молодая, цвѣтущая женщина. Она страшно исхудала, поблѣднѣла; кругомъ прежняго, еще дѣтскаго ротика легла какая-то странная, рѣзкая складка и лицо временами подергивалось, какъ отъ сдерживаемыхъ рыданій. Возникшее у него и прежде предположеніе, что Германъ и фрау ванъ-деръ-Фельде не достаточно заботливо относились къ Магдѣ, подтверждалось, и онъ внутренно сердился на то, что такъ небрежно относился къ этой прелестной женщинѣ, которую онъ, Эйлхардъ, готовъ былъ обожать и лелѣять всю жизнь. Разговоръ не клеился, какъ ни старался онъ развеселить Магду. Онъ описывалъ ей свое предстоящее путешествіе, и мечталъ, что когда онъ черезъ четыре мѣсяца вернется, она будетъ снова по прежнему весела и здорова.

— Нѣтъ, этому не бывать,—грустно отвѣтила Магда.—Я прежде не предполагала, что могу такъ заболѣть, а теперь думается, никогда я не буду настолько здорова, чтобы совсѣмъ не думать о здоровьѣ,—прибавила она со слабою улыбкой.

— Это все само собой вернется,—утѣшалъ ее Эйлхардъ,—побольше только терпѣнія. Я уже и такъ слишкомъ долго утомляю васъ, да къ тому же черезъ два часа отходитъ поѣздъ. Прошу васъ благословить меня въ путь-дорогу.

Онъ всталъ и подошелъ къ дивану. Но тутъ Магду оставило послѣднее самообладаніе, и, опустивъ голову на подушку, она начала рыдать.

Digitized by Google

— Магда, что съ вами?—воскликнулъ пораженный и испуганный Эйлхардъ.—Какъ я могу васъ оставить въ такомъ состояніи? Что случилось? Что мнѣ дѣлать?

— Ничего, ничего, все уже и прошло, вотъ только глупые нервы не желаютъ слушаться,—тихо проговорила она.—Уйдите, Эйлхардъ, и возвращайтесь вполнѣ здоровымъ.

Она подала ему обѣ руки, но когда онъ коснулся этихъ холодныхъ, дрожащихъ пальчиковъ, въ немъ точно порвалась всякая преграда, съ большимъ трудомъ удерживаемая до сихъ поръ самообладаніемъ и разумомъ.

— Магда!—прошепталъ онъ,—я охотно отдалъ бы половину жизни, если бы я только вернулся изъ Индіи двумя годами ранѣе.

Онъ нагнулся надъ ея руками и началъ осыпать ихъ страстными поцѣлуями.

— Магда, еслибъ я могъ вотъ сейчасъ взять и увезти васъ съ собой!

— Нѣтъ, я не то говорю, что слѣдуетъ—простите, но право у меня нѣтъ болѣе силъ.

Она страшно поблѣднѣла и смотрѣла на него широко открытыми, удивленными глазами.

— Да вѣдь,—прошептала она, точно говоря сама съ собой,—я жена Германа,—онъ еле могъ разслышать эти слова,—а вы до сихъ поръ были его другомъ! Идите, намъ обоимъ надо многое перенести; вы забудьте меня, я вѣдь съ тѣхъ поръ какъ себя помню—любила одного Германа.

— Магда!—просилъ онъ,—не гоните меня такъ; вѣдь я какъ сдерживалъ свое сердце, клялся себѣ, что никогда не вымолвлю ни одного слова, могущаго нарушить вашъ покой. Будьте справедливы и не презирайте меня. Я, право, боролся и теперь изнемогъ послѣ этой жестокой борьбы.

Эти звучавшіе вполнѣ правдиво слова тронули ее. Да, Эйлхардъ любилъ ее такъ же, какъ она Германа, то-есть безнадежно. Она подошла ближе къ нему.

— Прощайте,—промолвила Магда, еще разъ пристально взглянувъ на него,—постарайтесь забыть меня. Прошу васъ объ этомъ.

А онъ стоялъ предъ ней и смотрѣлъ на нее взглядомъ, полнымъ любви и горя. Потомъ окинулъ глазами комнату, которую никогда не суждено было ему больше увидѣть. На столикѣ, около дивана, лежалъ маленькій томикъ миніатюрнаго изданія Тёме. Магда очень любила эту книжку и постоянно носила

Digitized by Google

съ собой. Онъ взялъ ее со стола и молча положилъ въ карманъ; Магда ни слова не сказала ему. Черезъ минуту она была уже одна въ комнатѣ.

Ничего хорошенько не соображая, Магда стояла нѣсколько минутъ, потомъ сильно нажала пуговку электрическаго звонка.

— Попросите ко мнѣ барона!—необычайно грубымъ для нея тономъ приказала она вошедшему лакею.

Прошло съ четверть часа, потомъ еще столько же, и никто не появлялся. Магда нетерпѣливо ходила по комнатѣ и наконецъ снова позвонила. Поспѣшившій на звонокъ лакей удивленно взглянулъ на нее.

— Пожалуйста, попросите барона тотчасъ же придти ко мнѣ!

Черезъ нѣсколько минутъ Германъ уже входилъ въ комнату.

— Однако, ты становишься весьма требовательною, Магда. Ты больна, что такъ настойчиво вызываешь меня. Что съ тобой?

Магда тщетно старалась заговорить.

— Я не могу, не могу долѣе оставаться одна, Германъ!—съ трудомъ прошептала она наконецъ и схватила его за руку.—Помоги мнѣ! Эйлхардъ любитъ меня, сейчасъ признался въ этомъ! Что мнѣ дѣлать?

— А ты? Ты тоже любишь его? — пристально глядя на жену' произнесъ Германъ.

— Я? Неужели ты можешь во мнѣ сомнѣваться? Знаешь ли ты, сколько времени я уже напрасно жду отъ тебя ласковаго слова? Я теперь сдѣлала Эйлхарда несчастнымъ, а сама не могу заставить тебя полюбить себя!

— Ты больна и слишкомъ волнуешься, Магда!—отвѣтилъ баронъ, умышленно подавляя собственное волненіе,—что ты ни въ чемъ не виновата относительно Эйлхарда, это я отлично знаю. Что же касается самого, то это слишкомъ обыденная исторія: попутешествуетъ онъ нѣкоторое время и все забудетъ. Вѣдь я уже просилъ тебя объ этомъ не безпокоиться; моя жена должна стоять выше подобныхъ глупостей.

— Тогда помоги ей: одна она не можетъ справиться. Ты всегда отстранялъ меня, когда я хотѣла принять участіе въ твоей жизни; для тебя и для мамы я все еще несмышленая и неопытная дѣвочка, не умѣющая разсуждать и глубоко чувствовать. Германъ! Я такъ одинока, и мнѣ просто страшно жить!

Digitized by Google

Она упала въ кресло и, закрывъ лицо руками, громко начала рыдать.

— Магда, ты знаешь, что я ненавижу подобныя сцены. Кажется, тебѣ не на что пожаловаться. Пойми ты наконецъ, что мужчина всецѣло принадлежитъ своей дѣятельности, а жена должна стоять уже на второмъ планѣ. Впрочемъ сегодня ты не въ состояніи вести разумнаго разговора, лучше постарайся успокоиться и заснуть. Я вполнѣ увѣренъ, что Эйлхардъ великолѣпно проведетъ ночь въ вагонѣ; а когда онъ вернется, я разъясню ему все дѣло.

— Я Эйлхарда никогда больше не увижу!— воскликнула Магда. И онъ не станетъ бывать у насъ въ домѣ.

— Ну, мы это еще увидимъ, дитя мое; позволь мнѣ болѣе благоразумно и критически смотрѣть на вещи; сама ты по молодости и неопытности еще не способна на это.

— Германъ, не смѣйся; право мнѣ не до шутокъ,—тихо проговорила Магда.— Я вѣдь никогда не жаловалась, хотя отлично знаю, какъ мало для тебя значу. Но сегодня мнѣ такъ тяжело, не отталкивай меня. Зачѣмъ ты только на мнѣ женился, если я слишкомъ глупа и ничтожна для тебя!

Германъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Все это лишь фразы, пригодныя для сентементальнаго романа. Бракъ не комедія, а спокойное, серьезное сожительство двухъ людей. Что бы сказала твоя мама на подобныя разсужденія? Но къ чему напрасно волноваться? Ложись-ка лучше спать и позволь мнѣ надѣяться, что намъ никогда болѣе не придется переживать такія непріятныя минуты.

Магда молча слушала его. Она низко опустила голову на столъ, и онъ видѣлъ, какъ вся ея нѣжная фигурка вздрагивала отъ сильныхъ рыданій.

„Бѣдное дитя“, подумалъ Германъ, и его такъ и потянуло къ плачущей женѣ, захотѣлось обнять ее, обѣщать ей все то, о чемъ она такъ трогательно упрашивала его. Но это было не мыслимо.

Тернбергъ хорошо изучилъ себя; онъ зналъ, что ему надо идти одному впередъ и не заботиться о томъ, можетъ ли Магда слѣдовать за нимъ или нѣтъ. На это была способна лишь одна женщина, только фрау ванъ-деръ-Фельде. И она навѣрно сказала бы ему теперь:

— Будь справедливъ къ себѣ, Германъ, и мужайся. Магда привязчивое и мягкосердечное существо, она можетъ приспособиться ко всему и будетъ довольна малымъ.

Digitized by Google

Онъ подавилъ въ себѣ нѣжное чувство, настойчиво просившееся наружу; нельзя смягчать жестокаго урока: необходимо для ихъ общей пользы покончить съ этими порывистыми выраженіями чувствъ.

— Будь благоразумна, Магда,—усовѣщивалъ онъ ее:—если мы хотимъ остаться добрыми старыми друзьями, ты не должна устраивать подобныхъ сентиментальныхъ сценъ.

Она ничего не отвѣчала и не видала, какъ онъ пріостановился, поджидая, что она бросится къ нему на шею, гдѣ захочетъ выплакать свое горе, и тогда ему можно будетъ, не теряя своего достоинства, показать ей немного той нѣжности, которой она такъ страстно желаетъ. Но Магда не шевелилась и только горько плакала, точно потеряла всякое сознаніе и забыла объ его присутствіи. Ему стало досадно на такое чисто дѣтское упрямство, и онъ молча вышелъ изъ комнаты.

Еще не скоро подняла Магда голову, хорошенько не соображая гдѣ она и что съ ней происходитъ: ея ли это комната?—неужели только сегодня простился съ ней Эйлхардъ? Она окончательно потеряла нить, и ей казалось, что послѣ случившагося прошли уже года. Теперь все стало ясно, и она содрогнулась. Ей предстояла жизнь безъ любви съ человѣкомъ, котораго она просто боготворила, а онъ только что сейчасъ указалъ ей на раздѣляющую ихъ глубокую бездну. Зачѣмъ же тогда женился онъ на ней? Зачѣмъ оторвалъ отъ ея счастливой жизни и жестоко оставилъ одну на дорогѣ, съ жаждущимъ любви сердцемъ, которое болѣе предчувствовало, чѣмъ наслаждалось уже счастіемъ.

Предъ ней начала проходить картинами ея прежняя жизнь, и всюду на первомъ планѣ стояли только мама и Германъ. А теперь? Оба они отказались отъ нея, и Магда не смѣла болѣе надѣяться стать рядомъ съ ними: она была недостаточно умна и ловка, чтобы равняться съ Германомъ, и въ то время, какъ мужъ и фрау-ванъ-деръ-Фельде вращались въ высшихъ интеллигентныхъ слояхъ человѣческаго общества, она, Магда, должна была скромно переносить у ихъ ногъ свое горе и ничтожество.

Нѣтъ, на это она неспособна!

— Надо совсѣмъ покончить и какъ можно скорѣй!—бормотала она.—Надо уйти и успокоиться отъ всѣхъ этихъ мыслей, онѣ только терзаютъ и мучаютъ меня.

Digitized by Google

На нее напало полное безнадежное отчаяніе молодой души, не перенесшей еще никакого тяжелаго горя и не сознавшей на личной практикѣ, что все, даже самое горькое, постепенно сглаживается. И вся сущность ея женской жизни сосредоточилась и прошла въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Заслоняя собой первое счастливое время ея замужества, стали вставать предъ ней въ видѣ зловѣщихъ черныхъ тучъ тяжелыя воспоминанія: всѣ пролитыя втихомолку слезы, скромныя попытки дорости до Германа, полное сознаніе любви къ мужу, окончательно сосозрѣвшей при общеніи съ Эйлхардомъ, сумѣвшимъ окружить ее такимъ страстнымъ и заботливымъ поклоненіемъ, новое и глубокое огорченіе отъ потери настоящаго друга, съ которымъ жизнь, казалось, и свела ее только лишь для того, чтобы причинить ему горе,—и все таки все это было такъ ничтожно предъ ужаснымъ сознаніемъ, что никогда она не узнаетъ любви Германа.

Выходъ былъ только одинъ.

Тутъ ея взглядъ упалъ на крошечную, эмалированную коробочку, стоявшую на этажеркѣ. Магда отыскала ее какъ-то между сокровищами молодаго путешественника, плѣнилась ея изяществомъ и выпросила себѣ. Содержимое этой коробочки предназначалось для куренія маленькими лозами въ трубкѣ, а ей, Магдѣ, могло дать теперь тотъ блаженный покой, котораго она такъ жаждала, и вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда освободить Германа отъ жены, вполнѣ неспособной стать достойною его спутницей въ жизни. Надо было тихо, безшумно отстраниться, и никто не долженъ даже подозрѣвать, какъ это случится. На нее нашло точно каменное спокойствіе; она была такъ далека отъ всѣхъ, кого когда-то любила, и теперь чувствовала себя совершенно одинокою. Надо идти впередъ и не оглядываться на то, что оттолкнуло ее отъ человѣческаго общества. Она вынула изъ коробки флакончикъ, пошла въ спальную и не приказала будить себя на другой день.

— У меня страшно болятъ зубы, и я хочу принять морфину, чтобы сколько нибудь заснуть,—говорила Магда, нѣсколько отвернувшись, своей горничной.—Но если баронъ сегодня спроситъ меня, то постучитесь въ дверь. А теперь—покойной ночи!

Прошло три дня.

Баронъ Тернбергъ и фрау-ванъ-деръ-Фельде стояли предъ открытою могилой и молча глядѣли, какъ засыпали землей и цвѣтами гробъ, въ которомъ покоились останки Магды.

Digitized by Google

Несмотря на безъукоризненное умѣніе держать себя, фрау-ванъ-деръ-Фельде казалась глубоко потрасенною, и ея высокая фигура безпомощно опиралась на руку зятя.

Баронъ молча провелъ ее между толпившеюся у могилы публикой, почтительно раступившеюся предъ ними подъ тѣмъ загадочнымъ чувствомъ страха, которымъ вѣетъ отъ всякаго тяжелаго горя.

Тернбергъ и фрау-ванъ-деръ-Фельде медленно подвигались по длинной, безлюдной боковой аллеѣ, идущей въ сторонѣ отъ главной дороги къ воротамъ кладбища.

Послѣдніе дни неизгладимо запечатлѣлись въ душѣ Германа: онъ совершенно спокойно и разсудительно отдавалъ приказанія и распоряжался похоронами, сопряженными, вслѣдствіе скоропостижной смерти, съ большими хлопотами.

Кругомъ все было тихо, и только опавшіе листья мягко шуршали подъ ногами, нарушая таинственную тишину кладбища.

Наконецъ, фрау-ванъ-деръ Фельде заговорила и начала жаловаться на тяжелую потерю, отнявшую у нея въ жизни все, что придавало ей въ послѣднее время прелесть и интересъ.

— Точно какое-то проклятіе лежало на Магдѣ, несмотря на всю ея привлекательность, и это положительно то же самое, что преслѣдовало моего покойнаго мужа, и вотъ теперь снова всею тяжестью обрушивается на меня. Его необузданная во всемъ впечатлительность, заставлявшая его дѣйствовать подъ вліяніемъ минуты, лишила его однажды мѣста, и, разъ сойдя съ намѣченнаго пути, онъ не могъ болѣе вернуться на него, и погибъ, подточенный этимъ неумѣніемъ приноровиться и устроиться должнымъ образомъ. Магда чрезвычайно была на него похожа, и теперь меня просто преслѣдуетъ мысль, что смерть ея была не случайная и не вслѣдствіе неумѣлаго обращенія съ ядовитымъ лѣкарствомъ.

Она замолчала и опустила голову.

Сильно поблѣднѣвшій при ея послѣднихъ словахъ Тернбергъ остановился, и фрау-ванъ-деръ-Фельде почувствовала, что рука, на которую она опирается, сильно дрожитъ.

— Что могло побудить Магду къ подобному шагу?—спросилъ онъ, съ трудомъ выговаривая слова.

— Какой нибудь пустякъ, внезапный порывъ,—отвѣтили ему. Магда всегда сильно поддавалась своимъ впечатлѣніямъ, и я старалась подавить въ ней это чувство. Она была еще слиш-

Digitized by Google

комъ неопытна и на все способна въ минуту возбужденія. И вотъ мнѣ приходится все это переживать теперь!

Фрау ванъ-деръ-Фельде залилась слезами.

— Да, плачьте о нашемъ несчастьѣ, оно достаточно велико, — проговорилъ баронъ. — Но не осуждайте. Виновный въ этой драмѣ, если вы только правы въ вашемъ ужасномъ подозрѣніи...

Онъ остановился, чувствуя, что не въ состояніи болѣе управлять своимъ голосомъ. У него предъ глазами стояла послѣдняя сцена съ Магдой: онъ видѣлъ ея дрожавшія плечи, слышалъ полузаглушенныя слезами слова. И онъ могъ смотрѣть на все это какъ на припадокъ дѣтскаго упрямства и спокойно пойти заниматься текущими дѣлами! Къ чему же тогда его хваленое знаніе людей, когда онъ оказался такимъ слѣпымъ и недогадливымъ! Его жгло невыразимое горе, и онъ внутренно упрекалъ себя и фрау ванъ-деръ-Фельде. Онъ ясно понималъ теперь, что то, что она называла родовымъ проклятіемъ, и было тѣмъ, именно, что составляло счастіе и радость его жизни.

Преданная любовь Магды освѣжала и радовала его, какъ горный ручей усталаго путника; ея нѣсколько порывистая фантазія забавляла его въ минуты веселаго досуга, а онъ и фрау ванъ-деръ-Фельде въ какомъ-то молчаливомъ согласіи не хотѣли признавать эту особенность молодой души Магды и поступали такъ, какъ было имъ выгоднѣе и удобнѣе, не заботясь о правахъ этого третьяго лица, вполнѣ преданнаго ему и получавшаго такъ немного въ обмѣнъ на сокровища своей души.

Сомнѣніе, страхъ, выростающій съ каждою минутой въ ужасную дѣйствительность, и увѣренность, что Магда добровольно покончила съ собой, — наполняли его отчаяніемъ. Его горе казалось ему такимъ безконечнымъ и нестерпимымъ, что онъ не могъ выносить присутствія кого-нибудь около себя.

Фрау ванъ-деръ-Фельде могла роптать, упрекать судьбу, а онъ былъ окончательно уничтоженъ. Теперь оставалось одно выяснить все и постигнуть размѣры своего несчастія и тяготѣющей на немъ отвѣтственности. Чѣмъ ближе подходили они къ воротамъ кладбища, тѣмъ больше прибавлялъ онъ шагу и у него не находилось словъ утѣшенія для рыдавшей возлѣ него женщины.

Ея присутствіе было для него нестерпимо; хотѣлось остаться одному со всѣми этими ужасными мыслями и внут-

Digitized by Google

рѣнными упреками. Со вздохомъ облегченія усадилъ баронъ фрау ванъ деръ-Фельде въ карету и только молча пожалъ ея руку.

Потомъ сѣлъ въ свой экипажъ, опустилъ сторки и весь отдался своимъ грустнымъ думамъ.

Вернувшись въ опустѣвшій домъ, баронъ прямо направился въ комнату жены,—ту самую, гдѣ у нихъ происходилъ этотъ ужасный послѣдній разговоръ.

Тамъ все стояло въ прежнемъ порядкѣ и по мѣстамъ. Цвѣты на окнахъ наполняли комнату своимъ запахомъ; вотъ ея маленькій письменный столъ, заставленный различными бездѣлушками еще со временъ ея дѣвичьей жизни; любимыя книги Магды; надъ столомъ портретъ фрау ванъ-деръ-Фельде съ висѣвшимъ на немъ увядшимъ вѣнкомъ,—тѣмъ самымъ, въ которомъ вѣнчалась Магда.

Германъ увидалъ теперь все то, чего онъ не замѣчалъ до сихъ поръ,—и безжизненныя вещи ожили вдругъ предъ нимъ. Онѣ разсказывали ему о молодой прекрасной женщинѣ, жившей и много передумавшей въ этихъ стѣнахъ, про ея стремленія къ знанію и пониманію вещей, про ея любовь и скрытое очарованіе.

Въ одномъ изъ ящиковъ стола еще торчалъ ключъ. Германъ машинально повернулъ его и выдвинулъ ящикъ; въ немъ оказалась маленькая записная книжка съ коротенькими замѣтками послѣдняго времени, тоненькій свертокъ писемъ и нѣсколькихъ записокъ, полученныхъ отъ него Магдой въ то время, когда она еще была невѣстой,—всѣ онѣ были написаны по большей части въ шуточномъ тонѣ. Тутъ взглядъ его упалъ на запечатанный и адресованный на его имя конвертъ. Сердце Германа пріостановилось биться.

Такъ значитъ фрау ванъ-деръ-Фельде была права въ своихъ ужасныхъ предположеніяхъ, и тѣ муки, которыя онъ испытывалъ съ той самой минуты, никогда болѣе не прекратятся. Онъ сидѣлъ и глядѣлъ на письмо, не имѣя духу вскрыть его. Раньше стоялъ онъ у гроба, съ мужскимъ равнодушіемъ смотрѣлъ на лежавшую предъ нимъ покойницу и вполнѣ владѣлъ собой. А теперь онъ былъ разбитъ, уничтоженъ и осужденъ самою Магдой.

Онъ чувствовалъ, что для него все погибло.

Собравшись кое-какъ съ силами, онъ разорвалъ конвертъ. Тамъ было лишь нѣсколько строкъ, написанныхъ рукой Магды:

Digitized by Google

„Я оставляю тебя, Германъ, и хочу съ тобой проститься. Я не смогла перешагнуть раздѣлявшую насъ бездну; я слишкомъ слаба и безпомощна, не въ состояніи подняться до тебя. Ты не виноватъ, что поставилъ рядомъ съ собой ребенка и требовалъ отъ него лишь забавы въ минуты досуга. Но изъ ребенка стала женщина,—чего ни ты, ни мама не замѣтили. Я тебя любила, Германъ, любила всѣми фибрами своего сердца, съ тѣхъ поръ, какъ начинаю себя помнить, и поэтому мнѣ просто нестерпима мысль, что я для тебя служу лишь послѣднимъ украшеніемъ въ жизни.

Неравный бракъ вещь тяжелая, а иначе нельзя и назвать нашъ съ тобою союзъ; я слишкомъ самолюбива, чтобы вести дольше подобную жизнь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ты такъ безжалостно поставилъ мнѣ свои условія. Прости меня, Германъ, но я не могу больше терпѣть. Вспоминайте иногда съ мамой поснисходительнѣе обо мнѣ.

Вы дали мнѣ много хорошаго въ жизни, но лучшую ея сторону я все-таки сама должна была себѣ завоевать. Я не смогла этого сдѣлать и потому ухожу.

Твоя Магда“.

Двѣ крупныя, жгучія слезы упали на письмо, и онъ губами прикоснулся къ нему. „Лучшую сторону“, писала она!

И онъ безсознательно, обладая такимъ сокровищемъ, по своей винѣ потерялъ его теперь.

Да, баронъ Тернбергъ стоялъ на высотѣ жизненнаго положенія, но былъ вполнѣ одинокъ: ни одного существа на землѣ не могъ онъ назвать своимъ другомъ. Магда унесла съ собой всю любовь и теплоту его жизни.

Долго, долго сидѣлъ онъ надъ письмомъ.

Потомъ взялъ листъ бумаги и быстро сталъ писать:

„Глубокоуважаемая фрау ванъ-деръ-Фельде!

Вы были правы, и я посылаю вамъ послѣднее прости Магды. Не требуйте отъ меня, чтобы я сообщилъ вамъ содержаніе ея письма,—это грустное наслѣдіе, оставленное ею мнѣ и я погребу его въ глубинѣ души. Сегодняшній день все отнялъ у меня.

Наши съ вами пути расходятся, и хотя всю жизнь вы были для меня преданнымъ другомъ, но видаться болѣе мы не можемъ. Между нами стоитъ тѣнь усопшей.

Вы хотѣли сдѣлать мою жизнь легкою и прекрасною, но она сама по себѣ тяжела, жестока, и если захочешь стряхнуть ея бремя, то оно двойною тяжестью ложится на болѣе слабое существо и подавляетъ его. Я отклонилъ отъ себя свой крестъ и разбилъ жизнь Магды.

Германъ“.

Digitized by Google

Онъ запечаталъ письмо, надписалъ адресъ, и не колеблясь ни минуты, сталъ писать прошеніе въ министерство объ отставкѣ, ссылаясь на семейныя обстоятельства, побуждавшія его къ такому шагу.

Короткій осенній день догоралъ, въ комнатѣ стемнѣло, тѣни сгущались и окружали таинственнымъ мракомъ одинокаго человѣка, покончившаго со счастіемъ своей жизни.

КОНЕЦЪ.

Ф. Эвартъ.

Digitized by Google

СОТРУДНИКИ КН. А. ЧАРТОРЫЙСКАГО

ВЪ ДѢЛѢ УСТРОЙСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.[1]

(Продолженіе).

Открытіе Волынской гимназіи назначалось на 1 октября (1805 г.). Это было торжество первоначала работъ Чацкаго для ополяченія юго-западнаго края, и такъ какъ оно представляло собой маленькую побѣду Волынской гимназіи по проекту Чацкаго и Коллонтая надъ Виленскимъ университетомъ по уставу русскаго правительства[2], то и самое торжество задумали обставить возможно бо̀льшимъ блескомъ и придать ему возможно бо̀льшую огласку. Иниціаторомъ всего являлся Коллонтай, и эта послѣдняя его дѣятельность становится по истинѣ изумительною. Онъ осматриваетъ зданія, предназначенныя въ Кременцѣ для гимназіи съ многообразными при ней учрежденіями; вмѣстѣ съ архитекторомъ дѣлаетъ проекты различныхъ приспособленій, сообразно назначенію той или другой части зданія; пишетъ постоянно письма Чацкому о порядкѣ предстоящаго торжества, его обстановкѣ, о приглашеніи тѣхъ или другихъ лицъ для участія въ торжествѣ; составляетъ программы послѣдняго; предназначаетъ учителямъ гимназіи говорить такія, а не иныя рѣчи, пишетъ проекты этихъ рѣчей и, по одобреніи Чацкимъ проектовъ, вступаетъ въ сношенія съ соотвѣтствующими учителями; составляетъ для нихъ программы будущихъ занятій; дѣлаетъ указанія

[1] См. *Рус. Об.* №№ 2 и 3.

[2] Balinski—Pamiętniki o J. Sniadeckim. t. 2. 223. Ср. 206, 210.

Digitized by Google

относительно порядка первоначальныхъ гимназическихъ засѣданій, начала уроковъ послѣ открытія гимназіи; рекомендуетъ Чацкому новыхъ кандидатовъ въ учители для Волынской гимназіи и предостерегаетъ относительно другихъ [1].

И Чацкій спѣшитъ подѣлиться съ Коллонтаемъ своими думами, передать ему свою радость или горе. Утѣшаясь скорымъ прибытіемъ изъ Кракова Чеха и Шейдта, Чацкій увѣдомляетъ Коллонтая, что сдѣлалъ для гимназіи великое пріобрѣтеніе: „учителемъ практической механики я буду имѣть талантливаго человѣка, пишетъ Чацкій. Это—Заливскій, тотъ самый, который во время революціи очень скоро и съ большимъ успѣхомъ устроилъ въ Вильнѣ мастерскую оружія“ [2]. На настаиванія Коллонтая

---

[1] Listy-Kollątaja. t. 3. 130—196; 207—234.

[2] О Заливскомъ оба Снядецкіе были другого мнѣнія.

„Что касается плана механики (въ Волынской гимназіи), который вы изволили прислать мнѣ“, писалъ Чацкому Андрей Снядецкій, „то относительно его я ничего не имѣю сказать, хотя во всякомъ случаѣ долгомъ считаю прибавить, что *онъ не осуществится и механиковъ вы намъ не создадите*. Я не сомнѣваюсь въ способностяхъ Заливскаго, о которомъ слышалъ очень много; но онъ въ состояніи обучать учащихся только моделировкѣ. Что же касается исполненія большихъ и сложныхъ работъ, то ими нельзя распоряжаться по одному желанію; а только такія работы и могутъ подготовлять достойныхъ учениковъ. Мнѣ кажется, было бы лучше преподавать учащимся архитектуру и математику, а тогда уже легко будетъ устроить по данной модели каждую машину. Я, впрочемъ, воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ замѣчаній, такъ какъ (механика) не моя спеціальность“ (Pamiętniki o Janie Sniadeckim. Balinski—t. 2. 216). Ранѣе Андрей Снядецкій высказался болѣе опредѣленно о занятіяхъ механикой въ Волынской гимназіи. „Я не знаю, писалъ онъ Чацкому 7 сентября 1804 года, чему будетъ обучать въ гимназіи преподаватель подъ именемъ практической механики. Если все дѣло сведется къ тому, чтобы научить ставить мельницы и различные водяные и вѣтряные двигатели, то въ школахъ подобная практика не можетъ быть осуществима. Въ давнемъ планѣ эдукаціонной коммиссіи назначалась каѳедра механики для ремесленниковъ. Въ Вильнѣ, гдѣ никакіе уставы никогда не приводились въ исполненіе, совершенно не читались уроки по этому предмету, хотя профессоръ получалъ жалованье. Въ Краковѣ я самъ былъ лично свидѣтелемъ великаго смущенія профессора (практической механики), недоумѣвающаго, что читать намъ подъ именемъ этого предмета. И вотъ онъ объяснялъ намъ теорію механики съ вычисленіями. Подобное можетъ случиться и въ Волынской гимназіи. Въ этой области вполнѣ можешь положиться на мою опытность: на публичныхъ лекціяхъ не можетъ быть преподаваема практика какихъ бы то ни было умѣній. Кто изъ профессоровъ углубляется въ практику, это ясное доказательство плохого знанія имъ предмета, о которомъ онъ говоритъ. Въ наукахъ необходимо въ совершенствѣ изла-

Digitized by Google

непремѣнно озаботиться назначеніемъ въ гимназію учителя латинскаго языка, Чацкій заявляетъ, что латинскій языкъ долженъ изучаться съ польскимъ. „Говоръ нашихъ отцовъ, продолжаетъ онъ, это истинное сокровище, оставленное намъ въ наслѣдство, и великій почетъ для того, кто будетъ поставленъ на стражѣ этого народнаго достоянія". Такими фразами Чацкій разсчитывалъ заставить Осинскаго принять каѳедру латинскаго языка; Осинскій хотѣлъ преподавать латынь[1]. Въ другомъ письмѣ, жалуясь Коллонтаю на медлительность Петербурга въ высылкѣ Императорскаго указа на открытіе Волынской гимназіи, Чацкій при всемъ томъ заявляетъ, что можетъ поздравить себя съ большимъ вниманіемъ къ нему Государя Императора,

---

гать теорію, глубоко заложить ея начала и пояснять ихъ опытомъ. Подготовленный такимъ способомъ, ученикъ долженъ уже самъ упражняться въ практикѣ, для пріобрѣтенія ловкости и твердости въ рукѣ, и это исключительно посредствомъ опытовъ" (Pamiętniki—t. 2. 210). Иванъ Снядецкій, отзываясь съ хорошей стороны о проектируемомъ планѣ механики, дѣлаетъ серьезныя указанія для учителя, требуя отъ него широкихъ теоретическихъ познаній въ математикѣ, геометріи, физикѣ, рисованіи, поставляя всю важность обученія въ сообщеніи теоретическихъ принципіальныхъ свѣдѣній о вычисленіяхъ вѣса силы, тяжести, сопротивленія при дѣйствіяхъ извѣстной машины, такъ какъ на правильномъ вычисленіи силъ обосновывается все искусство механики (ibid. t. 1.393,394).

Но ничего подобнаго не могъ представить собою Заливскій. Чацкій прямо заявляетъ въ одномъ изъ писемъ къ Коллонтаю, что Заливскій теоріей никогда не занимался и представляетъ собой только замѣчательнаго практика (Listy-Kollątaja. t. 1. 291, 292). Очевидно, Чацкій практику ставилъ выше теоріи и умѣнью Заливскаго устроять мастерскія оружія придавалъ большое значеніе въ созданіи будущаго величія Польши (ibid.). Съ подобною мыслію въ средѣ передовыхъ поляковъ мы встрѣчаемся и послѣ. Не безызвѣстный министръ финансовъ въ Польшѣ—Любецкій, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Императора Николая I, заявлялъ открыто, что „Польшѣ недостаетъ трехъ вещей: 1) школъ, т. е. просвѣщенія и умственнаго развитія; 2) промышленности и торговли, т. е. состоянія и богатства и, 3) оружейныхъ заводовъ. Обладая всѣмъ этимъ, Польша и въ соединеніи съ Москвой сумѣетъ, по словамъ министра, сохранить полную свою независимость". Слушавшій это заявленіе другъ и повѣренный князя Любецкаго гр. Плятеръ, какъ бы не понимая рѣчи князя, спросилъ: „какъ, и оружейныхъ заводовъ?" „Да", да, поспѣшилъ отозваться кн. Любецкій, „и оружейныхъ заводовъ; Польша обязана имѣть все, что необходимо для полнаго обезпеченія ея независимости, иначе все потеряетъ", и чрезъ минуту прибавилъ: „питаю надежду, что со временемъ все сумѣю привести къ желаемому концу" (Barzykowski. Historya listopadowego powstania. t. 1. 113).

[1] Listy-Kollątaja. t. 3. 197—198

Digitized by Google

такъ какъ полученный имъ Высочайшій на его имя рескриптъ имѣетъ собственноручныя подписи Государя и министра (народнаго просвѣщенія); а это бываетъ очень рѣдко, прибавляетъ Чацкій. Тутъ же онъ извѣщаетъ Коллонтая о скоромъ прибытіи въ Пулавы (имѣніе кн. Чарторыйскаго) Императора Александра I, что онъ будетъ просить Высочайшей аудіенціи и, что тамъ состоится, обо всемъ поспѣшитъ увѣдомить его, Коллонтая. А теперь „пріятно мнѣ открыто свидѣтельствовать, заключаетъ Чацкій письмо къ Коллонтаю, о твоемъ превосходствѣ сравнительно со мною въ наукахъ и въ знаніи людей. Я вполнѣ разсчитываю на твою обязательную помощь и потому прошу тебя написать мнѣ рѣчь на день открытія гимназіи и прислать таковую съ нарочнымъ". Указывая содержаніе рѣчи, Чацкій проситъ Коллонтая упомянуть въ ней, между прочимъ, объ удержаніи польскаго языка въ преподаваніи, о благихъ послѣдствіяхъ подобнаго порядка, такъ какъ языкъ польскій и русскій взаимно содѣйствуютъ усовершенствованію языка славянскаго, проситъ вспомнить и о Варшавскомъ обществѣ друзей наукъ, которое первое осмѣлилось напомнить объ обязанности сохраненія *народнаго*, т. е. польскаго языка. „Я глубоко умѣю цѣнить всю широту твоихъ милостей и во мнѣ ты всегда найдешь искреннюю тебѣ благодарность" [1].

Наконецъ, назначенное торжество открытія Волынской гимназіи совершилось (1 октября 1805 г.). Оно было обставлено возможно-пышною торжественностію, говоритъ современникъ кс. Осинскій. Епископъ р.-католическій Луцкій призывалъ помощь Божію и благословеніе на это великое предпріятіе. Въ присутствіи всѣхъ высшихъ властей края и знатныхъ обывателей, говорились рѣчи отъ имени Волынской знати, такъ много пожертвовавшей на устройство гимназіи, отъ имени Виленскаго университета и Варшавскаго общества друзей наукъ. Заступающій мѣсто директора гимназіи высказалъ убѣдительно и ясно (замѣчаетъ Осинскій), что вновь созданный Чацкимъ пріютъ для наукъ является своего рода народною (польскою) крѣпостью и вѣчнымъ памятникомъ народной славы. Именемъ школы онъ пророчески говорилъ, что этотъ безцѣнный даръ (созданіе Волынской гимназіи) содѣлается ручательствомъ за счастье и славу всѣхъ, кто въ этихъ стѣнахъ будетъ усовершенствоваться. Говорилъ и Чацкій очень обширную, витіеватую рѣчь, но не

[1] Listy-Kollątaja. t. 3. 235, 238

Digitized by Google

чу, которую по его просьбѣ составилъ для него Коллонтай, а свою собственную, исправленную Коллонтаемъ [1]. Содержаніе рѣчи Чацкаго мы увидимъ далѣе изъ его письма къ министру гр. Завадовскому. Рѣчь, написанная Коллонтаемъ, отличалась по обычаю самовосхваленіемъ и враждебностію къ Россіи.

Сказавши о Высочайшемъ утвержденіи устава Волынской гимназіи и притомъ такого устава, какого желали Волынскіе обыватели для своего потомства, Коллонтай отъ имени Чацкаго продолжаетъ: „такимъ образомъ осуществились, наконецъ, и мои, и всеобщія желанія. Науки, пять слишкомъ вѣковъ уже составлявшія украшеніе нашихъ дѣяній, устоявшія противъ судьбы, которая въ глазахъ міра побѣдила насъ, испытавши, вмѣстѣ съ паденіемъ отчизны, общій упадокъ, теперь снова возвращаются къ намъ несравненно съ большею пышностію и на будущее время основываютъ себѣ вѣчный пріютъ, подъ управленіемъ Александра I, въ могущественномъ славянскомъ государствѣ.

„Увлеченный осуществленіемъ столь великаго благодѣянія, котораго, нѣсколько времени назадъ, мы едва могли несмѣло желать... я теряюсь и не знаю, о чемъ долженъ начать рѣчь свою: о моемъ ли собственномъ счастіи? о счастіи ли моихъ соотечественниковъ и ихъ возлюбленнаго потомства? о величіи ли Александра I, или о величіи его благодѣяній, или, наконецъ, о благодарности, которая покоряетъ ему наши сердца, и о тѣхъ благословеніяхъ, которыми не престанутъ осыпать его великія дѣла самые отдаленные наши потомки? Обо всемъ, обо всемъ

---

[1] Въ письмѣ къ Коллонтаю отъ 23 сентября 1805 года Чацкій говоритъ: „Думаю, что мой посланецъ доставилъ уже тебѣ мое письмо и проектъ рѣчи (при открытіи гимназіи), и теперь же получаю твой благосклонный трудъ (рѣчь, составленную для Чацкаго). Если ты настолько благожелателенъ ко мнѣ въ своей милости, то я приношу мольбы — благоволи выправить мое произведеніе. Твой трудъ заключаетъ очень важные матеріалы для литературы, содержитъ прекрасныя мысли; но свои собственныя (мысли), если и не такъ хороши, произносятся, однако, съ бо́льшимъ чувствомъ. Улучивши свободную минуту, я написалъ кое-что, и теперь прошу твою милость уничтожить, что по твоему усмотрѣнію окажется лишнимъ, или приписать, что найдешь необходимымъ; я всегда буду чувствовать твое расположеніе. Ты самостоятельно работалъ для друга (составленіемъ собственной рѣчи); теперь доведи до конца дѣло исправленіемъ моего проекта. Не краснѣю учиться у тебя; имѣешь право дѣлиться съ нами наукой и, признаюсь, удѣляешь ее намъ въ формѣ самой пріятной (Listy Kollątaja. t. 3. 290).

Digitized by Google

настоитъ нужда говорить, такъ какъ вездѣ очевидны плоды благотворительности и генія этого Законодателя вѣковъ“ [1]...

Послѣ громкаго вступленія рѣчь касается исторіи Польши польскихъ королей, начиная съ Мечислава I, польскихъ писателей, польской школы; вездѣ великое самовосхваленіе, упоеніе собственною славой. „Въ наукахъ мы шли рядомъ, говоритъ Коллонтай, со всѣми народами западной Европы; мы слишкомъ рано оставили за собой страны востока и сѣвера“, и опять идетъ длинный перечень ученыхъ заслугъ поляковъ для всей Европы; подъ перомъ Коллонтая они являются и общеевропейскими учителями, и исправителями науки объ астрономіи, возстановителями правильнаго изученія и пониманія классическихъ красотъ древней литературы, образцовыми, подобно Горацію, поэтами на латинскомъ языкѣ, по всѣмъ отраслямъ писателями, не уступавшими лучшимъ писателямъ Греціи и Рима. Далѣе говорилось о заслугахъ піара Конарскаго, о его школьной реформѣ, объ эдукаціонной коммиссіи, о Варшавскомъ обществѣ друзей наукъ, объ устройствѣ учебнаго дѣла при Императорѣ Александрѣ I „въ могущественнѣйшемъ славянскомъ государствѣ“ (слово Россія, русскій — даже нигдѣ не употребляется!), въ уставахъ котораго для Виленскаго университета и школъ его округа Коллонтай видитъ подтвержденіе только привилеевъ польскихъ королей, объ упадкѣ школъ въ западно-русскихъ губерніяхъ со времени перехода ихъ въ подданство Россіи, о собственныхъ трудахъ по возстановленію въ западнорусскихъ губерніяхъ польскихъ научныхъ стремленій, польскаго языка. „Что касается насъ, писалъ Коллонтай, то Александръ I сдѣлалъ рѣшительно все, чтобы сберечь намъ самое дорогое сокровище, самое почетное наслѣдство: я понимаю науки и языкъ нашихъ отцовъ. На этой то землѣ (Кіевлянъ, Древлянъ), среди насъ, воздви-

[1] Все это громкія фразы. Коллонтай въ письмѣ къ Чацкому говоритъ что настоящая рѣчь составлена по всѣмъ правиламъ риторики, что для приманки современной суетности онъ помѣстилъ въ ней своего рода молитвословія—литаніи... (Listy Kollątaja—t. 3. 246). Справедливо называютъ поляковъ кошками: ихъ вкрадчивость много помогала имъ въ ихъ затѣяхъ... Коллонтай говоритъ о безграничной благодарности поляковъ Императору Александру I. А вѣдь они первые со словъ Наполеона стали кричать объ Александрѣ I, что это—хитрѣйшій изъ грековъ, что онъ обманулъ ихъ. (Русско-польскія отношенія. Библіофила. 2 изд. Вильна. 1897 г. Предисл. XV), а Волынская гимназія—потомъ Кременецкій лицей съ 1809 г. сталъ выпускать уже дезертировъ для войскъ Наполеона... (*Русскій Архивъ*, 1871 г. стр. 793). Такова въ сущности была со стороны поляковъ благодарность Русскому Государю-Благодѣтелю!

Digitized by Google

гается, по его слову, храмъ наукъ, въ которомъ будутъ увѣковѣчены безсмертныя имена благодѣтелей общественнаго просвѣщенія и тѣхъ великихъ геніевъ (польскихъ), которыхъ въ теченіе пяти вѣковъ произвела наша родина. На этихъ-то горахъ (около Кременца), которыя окружаютъ названный храмъ науки, польскія музы устроятъ себѣ на будущія времена постоянный Парнасъ, гдѣ вѣчно будутъ воспѣвать величіе Александра I, благословляя его несравненное сердце за то, что прогнаннымъ изъ различныхъ мѣстъ Польши наукамъ онъ даровалъ пріютъ въ своей могущественной Державѣ". Унесшись фантазіей въ будущее полнаго расцвѣта въ Россіи полонизма, Коллонтай привѣтствуетъ съ этимъ тѣни бывшихъ польскихъ королей, великихъ польскихъ дѣятелей, великихъ польскихъ геніевъ и талантовъ. „Память о васъ, продолжаетъ онъ, сохранится навѣки. Здѣсь найдете для себя учениковъ и послѣдователей. На этой землѣ укоренятся сѣмена великихъ истинъ, которыя вы открыли; а оживленный вами польскій геній будетъ возрастать въ дальнѣйшемъ развитіи и не перестанетъ гордиться своимъ Ціолкомъ, Брудзевскимъ, Коперникомъ, Лубенецкимъ, Гевеліушомъ... Клюверіемъ, Бѣжановскимъ, Дантышкомъ, Кржицкимъ, Шимоновичемъ, Сарбѣвскимъ,... Кохановскимъ, Потоцкимъ, Хрусцинскимъ, Коховскимъ, Красицкимъ и безчисленнымъ множествомъ иныхъ... (Это въ Русскомъ государствѣ—такая гордость!) Здѣсь будетъ пріютъ нашихъ познаній по математикѣ, физикѣ, нравственности и словеснымъ наукамъ; здѣсь, наконецъ, безсмертная память сохранитъ тѣ почтенныя имена, которыя послѣ 1775 года дѣятельно и успѣшно работали надъ дѣломъ воскрешенія наукъ и хорошей постановки ихъ преподаванія". Указавши затѣмъ на щедрыя пожертвованія обывателей югозападныхъ губерній, на общественное просвѣщеніе и Высочайше утвержденный распорядокъ наукъ въ Волынской гимназіи и соединенныхъ съ нею другихъ многоразличныхъ учрежденій, Коллонтай заканчиваетъ свое слово обращеніемъ къ гимназической учебной корпораціи и учащейся молодежи съ завѣтомъ воспользоваться настоящимъ великимъ благодѣяніемъ для блага собственнаго, грядущихъ поколѣній и потерянной отчизны [1].

О Россіи, о Русскомъ государствѣ не было сказано ни слова, если не считать того мѣста въ рѣчи, гдѣ говорится о паденіи Польши, „когда совершился страшный погромъ, который, унич-

[1] Listy Kollątaja.—t. 3. 245—283.

Digitized by Google

тожившіи даже самое имя нашего (польскаго) отечества, покрылъ его развалинами общее благо всего человѣчества, т. е науки, находившіяся въ это время, послѣ своего возрожденія, въ самомъ роскошномъ расцвѣтѣ“ [1]. Каждый изъ поляковъ понималъ, по чьему адресу направлены приведенныя слова. Оказывалось, что Россія убила Польшу, уничтожила науки, и только благодаря добросердечію Александра I Польша снова воскресаетъ, снова возрождаются науки. Понятно, какія чувства по отношенію къ Россіи вызывались въ присутствующихъ такимъ направленіемъ говорившаго [2].

Извѣщая министра народнаго просвѣщенія графа П. В. Завадовскаго о совершившемся открытіи Волынской гимназіи, Чацкій писалъ ему (10 октября 1805 г.): „1 октября я открылъ Волынскую гимназію. Собравшіеся епископы (латинскіе), опаты (архимандриты), различные по іерархическому чиноположенію священники, губернаторы, предводители дворянства и обыватели двухъ губерній (Волынской и Подольской) участвовали въ настоящемъ великомъ торжествѣ. Всеобщая радость, выраженіе живой признательности, надежда, что наши дѣти достигнутъ высокаго усовершенствованія въ наукахъ, все это вмѣстѣ дѣлало настоящее торжество многознаменательнымъ и для всѣхъ одинаково пріятнымъ. Въ произнесенной мною рѣчи я отдалъ должное просвѣщеннымъ заботамъ вашего сіятельства. Между важнѣйшими благопріятными условіями для развитія общественнаго просвѣщенія я поставилъ руководительство вами дѣятельностію мин. народнаго просвѣщенія. Для нашихъ учрежденій вы изволили оказать свое милостивое содѣйствіе. Позвольте же мнѣ, какъ представителю учебнаго вѣдомства, какъ обывателю этой губерніи (Волынской), выразить вамъ нашу просьбу—прислать для Волынской гимназіи свой портретъ. Благодарный ученикъ, даже въ грядущей смѣнѣ поколѣній, пускай взираетъ на образъ министра, котораго имя записано въ дѣяніяхъ Россійскаго государства и въ дѣяніяхъ просвѣщенія Европы“ [3].

---

[1] Ibid. 260.

[2] O życiu i pismach Th. Czackiego—Osinski—41.

[3] Изъ дѣлъ архива Мин. Нар. Просв. Картонъ 169. № 6702. За обязательное сообщеніе какъ настоящаго документа, такъ и другихъ подобныхъ, равно какъ за различныя указанія и даже за планъ настоящей работы приношу сердечную благодарность нашему ветерану въ западнорусской исторіографіи, глубоко-чтимому И. П. Корнилову.

Digitized by Google

Если настоящее письмо сплошь звучитъ фальшивыми нотами, то отвѣтъ на него гр. Завадовскаго и глубоко фальшивъ, и недостоинъ высокаго положенія министра Русскаго государства.

„Ваше превосходительство почтили меня увѣдомленіемъ, писалъ Чацкому гр. Завадовскій, съ какимъ торжествомъ въ Кременцѣ вы насадили сѣмена будущихъ Аѳинъ. Читая ваше слово, произнесенное при семъ обрядѣ, я упоялся подобною сладостію, каковая дѣйствовала на душу древнихъ грековъ, рукоплескавшихъ Геродоту, когда сей предлагалъ имъ свою исторію, оглавленную по именамъ музъ. Сомнѣвающимся въ томъ, якобы въ нашемъ вѣкѣ отдыхаетъ природа въ произведеніи великихъ дарованій, я укажу на геній Чацкаго, который на польскомъ Парнасѣ воскрешаетъ музы, умершія въ Аттикѣ. Ибо какой даръ знаменуется превосходнѣе таковаго, что просвѣщаетъ настоящее колѣно своихъ согражданъ и ихъ будущіе роды? Тако я взираю съ моей точки на ваши подвиги, незабвеніемъ и общею благодарностію печатлѣемые. Теките, м. г., по своему поприщу, посѣвая науки, благотворительные человѣческому роду. Дѣлателю уже близокъ предѣлъ, дабы сказать: jam opus exegi (дѣло совершилъ), и услышать къ себѣ общій отголосокъ, который повторитъ позднее потомство nomenque erit indelibile vestrum“ (имя твое будетъ неизгладимо, незабвенно).

„Портретъ, что имѣть желаете, я пришлю, влеченъ будучи нетщеславіемъ, а признательностію за честь предлагаемую и удовольствіемъ повиноваться вашей волѣ. Объ одномъ прошу: чтобы стоялъ подъ вашимъ образомъ, коимъ подобаетъ украшать храмы наукъ въ томъ отношеніи: et de plenitudine ejus nos omnes accepimus“ (И отъ полноты его мы всѣ восприняли) [1].

Роли, какъ видимъ, перемѣнились. Чацкій становится учителемъ, министръ великаго русскаго государства нисходитъ въ положеніе его ученика, будучи увлеченъ общими громкими фразами о благѣ просвѣщенія, о благѣ всего человѣчества. Министръ, радѣющій о пользахъ своего государства, долженъ былъ предвидѣть, что всѣ затѣи Чацкаго сводились къ возрожденію подъ покровомъ науки польско-клерикальнаго фанатизма, воспитанію непримиримыхъ враговъ Россіи и будущихъ политическихъ дѣятелей по возстановленію Польши. Благоговѣть за это предъ Чацкимъ и курить ему ѳиміамъ рѣшительно было неумѣстно и преступно. До сихъ поръ мы боремся съ польскимъ зломъ, на-

[1] Ноября 14, 1805 г. Спб. № 687, ibid.

Digitized by Google

сажденнымъ на русской землѣ Чацкимъ, при энергичномъ содѣйствіи и оживляющихъ рукоплесканіяхъ гр. Завадовскаго. [1]

---

[1] Между тѣмъ, болѣе серьезные—научно образованные поляки—почитатели Чацкаго—много задумывались надъ судьбой его ученаго дѣтища въ Волынской губерніи и приходили къ горькому разочарованію, представляя себѣ его печальную, безполезную для науки будущность. Андрей Снядецкій съ сердечною болью въ письмѣ къ Чацкому неоднократно высказываетъ свои сомнѣнія въ возможности какого-нибудь успѣха въ Волынской гимназіи, при тѣхъ порядкахъ, какіе завелъ тамъ Чацкій. „Такъ какъ ты, м. г., пишетъ Андрей Снядецкій Чацкому, почтилъ меня такимъ широкимъ довѣріемъ, что желаешь знать мое особое мнѣніе объ учебныхъ учрежденіяхъ въ Волынской губерніи, то, полагаю, не могу лучше отвѣтить столь высокому довѣрію одного изъ просвѣщеннѣйшихъ между поляками мужа, какъ просто и самымъ искреннимъ образомъ открывъ ему всѣ мои помыслы. При томъ же я слишкомъ привязанъ къ моему народу и языку, чтобы въ столь важномъ для полянковъ дѣлѣ я могъ пожертвовать истиной для какого-нибудь другого интереса. А и рѣчь моя будетъ обращена къ человѣку ученому; да и самъ я всю мою жизнь отдалъ наукѣ; а истина—это самое дорогое сокровище и притомъ единственное для людей науки. Въ частности я ничего не могу сказать противъ цѣлаго строя волынской гимназіи. Въ самомъ себѣ, въ теоріи этотъ строй прекрасенъ; но по моему мнѣнію, *онъ никоимъ образомъ не можетъ быть осуществимъ. Если бы даже, при усиленныхъ твоихъ стараніяхъ, онъ и приведенъ былъ въ исполненіе, то и въ такомъ случаѣ онъ не принесетъ ожидаемой пользы и съ теченіемъ времени самъ собою распадется.* И во первыхъ: мѣста учителей математики высшей, чистой и прикладной вмѣстѣ съ астрономіей, каѳедры механики, гидравлики и гидростатики, физики, химіи, естественной исторіи, анатоміи и физіологіи, хирургіи и акушерства, ветеринаріи требуютъ замѣщенія людьми, закаленными въ наукѣ, первостатейными учеными, которые съ успѣхомъ могли бы исполнять свое назначеніе. При неудовлетворительномъ педагогическомъ составѣ, при плохомъ исполненіи дѣла, названныя каѳедры принесутъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Самъ я, всю жизнь почти проведшій при (различныхъ) академіяхъ, продолжительное время обучаясь во многихъ мѣстахъ и наконецъ обучая теперь другихъ, окончательно убѣдился въ той истинѣ, что одинъ плохой преподаватель причинитъ столько вреда ученикамъ, что два самыхъ лучшихъ профессора будутъ не въ состояніи его поправить. Этотъ вредъ далеко не ограничивается одною потерей времени, которое для молодого возраста такъ пріятно и дорого: гораздо важнѣе то обстоятельство, что молодежь, плохо обучаемая и руководимая, пріучается къ фальшивымъ представленіямъ, превратнымъ толкованіямъ, довольствуется однимъ видомъ науки и усвоиваетъ себѣ то противное самомнѣніе, которое недоучекъ дѣлаетъ въ обществѣ людьми невыносимыми и отвратительными“. Указывая далѣе, что хорошее общественное просвѣщеніе должно не только учить молодого человѣка, но и воспитывать, что эту двойную задачу школы могутъ исполнить только свѣтлыя головы, съ широкимъ истинно-научнымъ кругозоромъ, Снядецкій прибавляетъ, что подобные люди очень

Digitized by Google

Опираясь на такое содѣйствіе мин. народн. просв—я, Чацкій продолжалъ идти въ своемъ дѣлѣ болѣе прежняго

рѣдки, что ихъ приходится искать съ огнемъ среди бѣлаго дня и, если они попадаются, то необходимо привязать ихъ къ педагогическому поприщу, обставить ихъ и потомство различными удобствами жизни, усладить имъ ихъ трудное ученое положеніе. Ничего этого не находитъ Снядецкій въ уставѣ Волынской гимназіи. Содержаніе здѣсь самое посредственное; трудныя, ученыя каѳедры обставлены одинаково съ легкими, элементарными; люди заслуженные, извѣстные въ наукѣ, ставятся на одинъ уровень съ начинающими, мало—или и совершенно неизвѣстными: при такомъ положеніи дѣла, „я убѣжденъ, продолжаетъ Снядецкій, что ты, м. г., *никакимъ способомъ не найдешь для Волынской гимназіи такихъ профессоровъ, какихъ желаешь и какихъ только желать можно*".

Во-вторыхъ, Волынская школа съ проектированными при ней учрежденіями выходитъ изъ ряда гимназій и не достигаетъ значенія университета. Каждый, приглашенный учителемъ въ Волынскую гимназію, непремѣнно спроситъ себя: „какое тамъ его будущее положеніе". Останавливая на этомъ вниманіе Чацкаго, Снядецкій указываетъ непривлекательность учительской карьеры въ Волынской гимназіи, гдѣ преподавателямъ нельзя будетъ называться профессорами, пользоваться чиномъ надворнаго совѣтника, гдѣ они должны будутъ во всѣхъ отношеніяхъ подчиняться вполнѣ распоряженіямъ Виленскаго университета. „Но такіе люди, продолжаетъ Снядецкій, какихъ ты желаешь имѣть для Волынской гимназіи, не захотятъ, конечно, унижаться до такой степени и не пожелаютъ спокойно нести накинутое на нихъ ярмо".

Третій недостатокъ строя Волынской гимназіи Снядецкій указываетъ во множествѣ уроковъ, полагаемыхъ по расписанію на долю одного преподавателя. Это не даетъ преподавателю возможности достаточно подготовиться особенно по предметамъ физики и химіи со сложными демонстраціями. А каждый, кромѣ того, имѣетъ право пользоваться и нѣкоторыми радостями жизни семейной, общественной. Тѣмъ, которые указываютъ на примѣръ многосложныхъ занятій профессоровъ въ нѣмецкихъ университетахъ, Снядецкій, ничтоже сумняся, противопоставляетъ нѣмецкое шарлатанство въ наукѣ, продажность, научное фразерство, философскую туманность и пустое писательство. Люди, привыкшіе къ поверхностному сужденію о вещахъ, говоритъ Снядецкій, постоянно тычутъ намъ въ глаза науку и благодѣтельность нѣмецкихъ университетовъ, и это потому, что этотъ народъ, посвятивши себя книжной торговлѣ, безпрестанно пишетъ. Но кто занимается наукой и умѣетъ цѣнить подобныя писанія сообразно ихъ дѣйствительной стоимости, тотъ убѣдится, что нѣмцы имѣютъ много писателей, но ученыхъ у нихъ никакъ не больше нашего. Этотъ народъ, нисколько не зная насъ и нашего языка, не только самъ судитъ о насъ исключительно съ худой стороны, но такое фальшивое мнѣніе о насъ удѣляетъ и другимъ народамъ, а мы какъ будто работаемъ для подтвержденія этой фальши. И что за позоръ! Въ то время, когда надъ составленіемъ настоящаго плана народнаго просвѣщенія въ Россіи трудились большею частію поляки, Виленскій университетъ обратили въ универси-

Digitized by Google

смѣлыми и рѣшительными шагами. Работая въ знакомомъ уже намъ направленіи въ губерніяхъ Подольской и Кіев-

---

тетъ нѣмецкій, кликнувъ повсюду между нѣмцами кличъ съ вербовкой къ намъ плохихъ мудрецовъ, такихъ, какихъ нѣмцамъ мы сами могли бы доставлять цѣлыми дюжинами. Такая непростительная вербовка—развѣ не послужитъ соблазномъ для міра и на насъ не ляжетъ неизгладимымъ позоромъ? И какія же дальнѣйшія отсюда послѣдствія? Прежде всего—неблагопріятное о насъ заграничное мнѣніе болѣе и болѣе станетъ усиливаться; эдукаціонный фундушъ будетъ тратиться непроизводительно (на выписку нѣмцевъ); приглашенные иностранцы нисколько не будутъ работать, примѣры чего я до сихъ поръ постоянно видѣлъ въ Вильнѣ; они будутъ заниматься, главнымъ образомъ, преслѣдованіемъ нашихъ соотечественниковъ; будучи награждаемы со стороны Правительства рукоплесканіями, они окончательно ихъ уничтожатъ и разгонятъ. А глядящая на это мѣстная молодежь, видя столь прекрасную (иронія!) награду наукъ, столь мрачную для себя будущность, навсегда получитъ отвращеніе отъ науки, и тогда нѣмцы, возродившись и увѣковѣчившись въ Вильнѣ, подобно тому, какъ поступаютъ теперь (въ концѣ 1805 г.) въ Петербургѣ, не только учителей, но и учениковъ станутъ выписывать себѣ изъ Германіи.

„Желая въ какомъ-нибудь краѣ привить и распространить науку, необходимо заохочивать и награждать тѣхъ, которые разработываютъ ее въ народѣ съ похвальнымъ успѣхомъ и пользой, необходимо гарантировать имъ право на похвалы и награды. Если бы во время оно въ Англіи и Франціи придерживались системы вызова иностранцевъ, такъ какъ это практикуется въ Россіи, оба названные народа до настоящаго времени не имѣли бы ни собственной науки, ни собственныхъ ученыхъ, какъ не имѣетъ ихъ Россія. Вѣдь въ Россіи со временъ Петра Великаго постоянно господствуютъ и учатъ иностранцы; а скажите, ради Бога, кого (изъ русскихъ) они подготовили? Впрочемъ, зачѣмъ намъ ходить за примѣрами въ края посторонніе? У насъ въ Польшѣ принято было два совершенно противоположныхъ плана. Главную Краковскую школу наполняли исключительно соотечественниками; въ Виленской—каѳедры предоставлены были иностранцамъ. Первая учредила образцовыя въ краѣ школы, надѣлила изъ среды своихъ учениковъ лучшими профессорами; въ Виленскомъ округѣ нельзя указать даже одной порядочной школы. Первая произвела самыя лучшія головы въ наукахъ математическихъ, врачебныхъ, нравственныхъ; Виленская—не дала въ этой области ни одного ученаго“. Далѣе Снядецкій дѣлаетъ длинный перечень ученыхъ, вышедшихъ изъ Краковской Академіи, съ честію послужившихъ наукѣ даже въ заграничныхъ университетахъ, и указываетъ всю научную бѣдность Виленской Академіи, которою почти исключительно руководили иностранцы, разорявшіе ее матеріально и сѣявшіе одно наглое невѣжество. Признавая, такимъ образомъ, непоправимый вредъ для края отъ вызова въ учебныя заведенія иностранцевъ, Снядецкій превозноситъ Чацкаго за то, что Волынскую школу онъ старается замѣстить единственно поляками.

„Но какъ скоро ты, м. г., занялся такимъ великимъ дѣломъ, необхо-

Digitized by Google

ской,[1] онъ, главнымъ образомъ, Волынской гимназіи посвящалъ свое вниманіе, свои труды, не останавливался ни передъ

димо довести его до конца, иначе оно падетъ само-собою. Очень ясно сознаетъ Виленскій университетъ, что, желая устроить на Волыни почетную школу, ты этимъ самымъ готовишь ему соперника, и можешь быть увѣреннымъ, что въ Петербургѣ все будетъ направлено къ уничтоженію этого плана. Но если бы эта затѣя не удалась (и планъ былъ утвержденъ), тогда Виленскій университетъ, подчинивши себѣ Волынскую школу, на правахъ гимназіи, постепенно и систематически станетъ подъ нее подкапываться, мѣста будетъ замѣщать плохими преподавателями и выставлять ее на посмѣяніе. Подумай только, м. г., что этотъ университетъ черезъ нѣсколько лѣтъ окажется состоящимъ изъ однихъ ксендзовъ и иностранцевъ; первые по существу рѣшительные враги науки, вторые—враги поляковъ. Въ такомъ случаѣ, какая же судьба ожидаетъ Волынскую гимназію? Потому, если желаешь, чтобы твое (великое) дѣло было обезпечено, ничего не дѣлай на половину. Виленскому университету ты объявилъ тихую и секретную войну; необходимо сдѣлать ее громкою, открытою и обезпечить себѣ побѣду. Къ фундушу, собранному на Волыни, присоедини другой, подобный, который будетъ собранъ въ губерніяхъ Кіевской и Подольской и употреби всѣ старанія - создать университетъ; нѣтъ сомнѣнія, что къ собранному фундушу и Государь Императоръ кое-что прибавитъ. Мѣста въ своемъ университетѣ обезпечь, м. г., исключительно только за поляками, и они массами бросятся туда; тебѣ не представится нужды гдѣ-то ихъ отыскивать, а напротивъ будешь имѣть возможность дѣлать между ними выборъ. Даже охотно перейдутъ на Волынь, которые видятъ подготовляемое для нихъ въ Виленскомъ университетѣ преслѣдованіе со стороны ксендзовъ и нѣмцевъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Государь назначитъ тебя попечителемъ этого университета, который, какъ только получитъ полную организацію, сейчасъ же поспѣшитъ объявить литературную борьбу нашему (Виленскому) и я смѣло могу предсказать, что изъ этой войны онъ выйдетъ съ тріумфомъ. Если же это дѣло невозможное, тогда я возвращаюсь къ первому моему пункту, какъ менѣе дорогому: устрой, м. г., на Волыни медицинскую школу, въ которой будутъ преподаваться всѣ науки физическія и математическія, какъ способствующія медицинѣ; эта школа должна быть отдѣльною, по крайней мѣрѣ независимою отъ Виленскаго университета. Къ которому изъ этихъ плановъ ты бы ни склонился, я всегда, по первому твоему желанію, готовъ представить тебѣ мои соображенія относительно организаціи подобнаго учрежденія. Изъ нихъ ты изберешь тѣ, которыя покажутся тебѣ самыми подходящими". (Pamiatniki o J. Sniadeckim—Balinskù—t. 2. 217—223). Такъ неудовлетворительнымъ въ настоящемъ было то учрежденіе, передъ которымъ благоговѣлъ гр. Завадовскій. Въ основаніе его постоянно клались политическія тенденціи. Научнаго духа здѣсь не было и быть не могло. Первые экзамены въ гимназіи обнаружили полнѣйшую ея несостоятельность; а между тѣмъ Чацкій этому воплощенному невѣжеству хотѣлъ придать еще названіе университета!..

[1] Listy-Kollątaja—t. 3. 234.

Digitized by Google

какими расходами, чтобы „только въ учителяхъ возжечь святой огонь“. [1]

Скоро Волынская гимназія по своему богатству книгъ, манускриптовъ, монетъ, различныхъ коллекцій далеко оставила за собою не только подобныя себѣ учрежденія, но и высшія учебныя заведенія. По смерти короля Станислава Августа, Чацкій пріобрѣлъ для Волынской гимназіи его книгохранилище изъ 15.580 томовъ. Въ немъ особенно цѣнны были сочиненія по словеснымъ наукамъ и искусствамъ. Княжна Ѳеофила Сапѣга принесла въ даръ гимназіи 2.980 томовъ очень рѣдкихъ и важныхъ въ научномъ отношеніи. Далѣе библіотеку гимназіи увеличили своими пожертвованіями гр. Иванъ Потоцкій, Шейдтъ, Микошевскій и другіе, такъ что на первыхъ порахъ уже Волынская гимназія обладала книгохранилищемъ въ 32.468 томовъ. Собраніе медалей и монетъ достигало почтенной цифры—20.000. Физическій кабинетъ обладалъ всѣми лучшими тогда машинами и приборами. Здѣсь были приборы Адамса, Рамсдена, Оттониде-Герике въ усовершенствованіи Байля, Атвуда, Санкторія, Паскаля, Ноле, Лавоазье и другихъ. Во временно-устроенной обсерваторіи помѣщены были астрономическіе снаряды Рамсдена и Каниве, Шельтона и Лепо, Долонда и большой Григоріанскій телескопъ. Въ отдѣленіи механическомъ находились отличныя модели машинъ для валянія сукна, выдѣлки маслъ, модели вѣтряныхъ мельницъ, насосовъ, голландскихъ молотилокъ. Была машина Гергиля для полировки металлическихъ зеркалъ, ручная мѣдеи желѣзо-ковальная машина Вакера, пожарная машина Вата, вѣтряной двигатель Морля. Очень значительная была коллекція минераловъ, а ботаническій садъ гимназіи заключалъ въ себѣ до 5.000 родовъ различныхъ насажденій. Чацкій могъ съ правомъ говорить учащимся въ Волынской гимназіи: „здѣсь все есть для вашихъ научныхъ занятій и мы сами существуемъ для васъ“. [2] Для усиленія матеріальныхъ средствъ Волынской гимназіи 13 октября 1806 года Высочайше повелѣно было „отдать Волынской гимназіи староство Кременецкое въ помощь заведеній учебныхъ, богоугодныхъ, распространяемыхъ отъ ней на пользу общую“. [3] Староство Кременецкое состояло прежде въ пожизненномъ владѣніи кн. Ивана Сангушки и за-

[1] Ibid. 308.
[2] Osinski—47.
[3] Сборн. постан. по Мин. Нар. Просв., т. I, 408.

Digitized by Google

ключало въ себѣ 880 душъ, по тогдашнему счету. Такой великій подарокъ, послѣ смерти кн. Сапгушки, назначенъ въ пособіе Волынской гимназіи, которая „въ короткое время оказала видимые успѣхи". [1] Извѣщая объ этомъ Чацкаго, гр. Завадовскій снова „пользуется случаемъ выразить ему уваженіе за его усердіе и заботливость о благѣ учебныхъ учрежденій, которыя обращаются на пользу его стараніями". [2]

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Ю. Крачковскій.

[1] Ibid. 407.
[2] Osinski—151.

Digitized by Google

* * *

Пусть мимо вся печаль скользитъ земная!
Что для души она?—что можетъ ей она,
Когда, былаго вѣчность отражая,
Она грядущей вѣчности полна!
Таяся межь камней въ оцѣпененьи,
Она среди цвѣтовъ ужъ чуткимъ сномъ спала,
Пока очнувшись въ новомъ пробужденьи
Для мукъ невѣдомыхъ земли не ожила...
Пусть жизнь ведетъ туманными путями,
На небѣ для нея назначенъ путь иной,
Всегда на верхъ! все выше... межъ звѣздами
Къ мірамъ инымъ чертою золотой.
И если послѣ вспомнивши съ высока
Она оглянется на путь скорбей и слезъ—
Быть можетъ тамъ онъ будетъ изъ далека
Обвѣяннымъ весной путемъ цвѣтущихъ розъ...

Н. Плахово.

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЕ

Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алепскимъ.

(Переводъ съ арабскаго по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

(Продолженіе) [1].

КНИГА X.

Москва и Троице-Сергіевъ монастырь.

Глава I.

Москва.—Вскрытіе и разливъ Москвы-рѣки. Мосты. Москворѣцкій мостъ. Торговые ряды. Лавочные мальчики. Базары.

Въ мартѣ мѣсяцѣ день и ночь сравнялись; только послѣ 10 день началъ прибавляться, такъ что на Пасхѣ, которая была 15 апрѣля, день сталъ въ $15^1/_2$ часовъ, а ночь въ $8^1/_2$. На Пасхѣ же ледъ на рѣкахъ растаялъ, и мы пошли смотрѣть на рѣку Москву, протекающую подъ Кремлемъ и чрезъ середину города, а до сихъ поръ мы ея не видали, потому что она была загромождена горами снѣга и льда. Обыкновенно, весь соръ и нечистоты какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ (другихъ) селеніяхъ, по которымъ протекаютъ рѣки, счищаютъ и вываливаютъ на ледъ рѣки; когда онъ растаетъ, все уносится вмѣстѣ съ нимъ. [2] Когда, въ этотъ день Пасхи, ледъ растаялъ отъ теп-

[1] См. *Русское Обозрѣніе* 1897 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12 и 1898 г. №№ 1, 2 и 3.

[2] Эта фраза стоитъ въ нашихъ рукописяхъ далѣе и совсѣмъ не на мѣстѣ. Мы поставили ее здѣсь, согласно съ англійскимъ переводомъ и потому, что она, очевидно, сюда подходитъ.

Digitized by Google

лаго воздуха, солнечнаго жара и дождя, мы увидѣли на рѣкѣ вещь удивительную: по ней свободно плыли горы снѣга и льда. Она въ эту ночь значительно прибыла, такъ что сильнымъ теченіемъ опрокинула наружную каменную стѣну Кремля, потопила и разрушила множество домовъ съ немалымъ числомъ людей и вырвала съ корнемъ большое количество деревьевъ. Прежде люди ходили по ней, а теперь стали плавать на лодкахъ изъ улицы въ улицу, отъ дома до дома, (что продолжалось) въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока рѣка не начала убывать и не вернулась въ свое обычное положеніе, и въ августѣ мѣсяцѣ ее переѣзжали въ бродъ на лошадяхъ: такъ она стала мелководна!

На рѣкѣ Москвѣ нѣсколько мостовъ, большая часть которыхъ утверждены на деревянныхъ сваяхъ. Мостъ близъ Кремля, насупротивъ воротъ второй городской стѣны, [1] возбуждаетъ большое удивленіе: онъ ровный, сдѣланъ изъ большихъ деревянныхъ брусьевъ, пригнанныхъ одинъ къ другому и связанныхъ толстыми веревками изъ липовой коры, концы коихъ прикрѣплены къ башнямъ и къ противоположному берегу рѣки. Когда вода прибываетъ, мостъ поднимается, потому что онъ держится не на столбахъ, а состоитъ изъ досокъ, лежащихъ на водѣ; а когда вода убываетъ, опускается и мостъ. Когда подъѣзжаетъ судно съ припасами для дворца изъ областей Казанской и Астраханской, съ Волги, изъ Нижняго, изъ Коломны и тѣхъ областей, чрезъ которыя протекаетъ эта рѣка—ибо она течетъ по направленію къ нимъ—когда подходятъ на суднѣ къ мостамъ, утвержденнымъ (на сваяхъ), то снимаютъ его мачту и проводятъ судно подъ однимъ изъ пролетовъ; когда же подходятъ къ упомянутому мосту, то одну изъ связанныхъ частей его освобождаютъ отъ веревокъ и отводятъ ее съ пути судна, а когда оно пройдетъ къ сторонѣ Кремля, снова приводятъ ту часть (моста) на ея мѣсто. Здѣсь всегда стоитъ множество судовъ, которыя привозятъ въ Москву всякаго рода припасы: намъ случалось видать суда, наполненныя куриными яйцами, кои доставляются изъ вышеупомянутыхъ мѣстностей. На этомъ мосту есть лавки, гдѣ происходитъ бойкая торговля; на немъ большое движеніе: мы постоянно ходили туда на прогулку. По этому мосту идетъ путь въ Калугу, Путивль, а также въ Смоленскъ и въ страну ляховъ; по нему безпрестанно движутся взадъ и впередъ

[1] То-есть стѣны Китай-города. Рѣчь идетъ о Москворѣцкомъ мостѣ.

Digitized by Google

войска. Всѣ городскія служанки, слуги и простолюдины приходятъ къ этому мосту мыть платье въ рѣкѣ, потому что вода здѣсь стоитъ высоко, въ уровень съ мостомъ.

Рѣка Москва течетъ съ запада къ востоку и изобилуетъ разныхъ породъ рыбой; одна порода бываетъ всегда съ брюхомъ, полнымъ вкусными мѣшочками красной икры, и (ловля ея) не прекращается ни лѣтомъ, ни зимой.

Съ сѣверо-восточной стороны города идетъ другая рѣка: она впадаетъ въ озеро, протекаетъ по срединѣ его, проходитъ ко многимъ мельницамъ, огибаетъ Кремль (и соединяется съ рѣкой Москвой. Съ трехъ сторонъ стѣны Кремля [1] окружены огромными рвами, наполненными водой, вслѣдствіе чего стѣны то и дѣло разрушаются и ихъ возводятъ вновь.

Этотъ городъ занимаетъ открытое мѣстоположеніе: куда бы ты ни пошелъ, видишь луга, зелень и деревни въ отдаленіи, ибо городъ расположенъ на нѣсколькихъ холмахъ, высоко, въ особенности Кремль. При каждомъ домѣ есть непремѣнно садъ и широкій дворъ; оттого говорятъ, что Москва обширнѣе Константинополя и болѣе открыта, чѣмъ онъ: въ этомъ послѣднемъ всѣ дома лѣпятся одинъ къ другому, нѣтъ открытыхъ дворовъ, а дома въ связи между собой; поэтому, когда случится пожаръ, его не могутъ скоро погасить; въ первой же много открытыхъ мѣстъ и ея улицы широки, и когда случится въ ней пожаръ, его быстро гасятъ.

Ея торговые ряды находятся насупротивъ площади Кремля, съ восточной стороны. Въ началѣ этой обширной площади лежатъ двѣ очень большія пушки, похожія на громадную пушку въ Топханэ въ Константинополѣ; а также и въ концѣ площади двѣ еще бо́льшія пушки, въ которыхъ человѣкъ можетъ сидѣть и шить, ихъ каменныя (ядра), величиной съ куполъ, разложены на высокихъ сводахъ противъ церкви св. Троицы и Вербнаго Воскресенія. Зимой вставляютъ въ окна, по ихъ размѣру, куски льда съ рѣки, въ видѣ оконницъ; они свѣтятъ лучше хрусталя. Ряды разбросаны отъ одного края площади до конца ея, и большая часть ихъ выстроены изъ камня; ставни лавокъ изъ чистаго желѣза, и даже двери складовъ (желѣзныя). Напротивъ рядовъ находятся винные погребки, построенные изъ кирпича и камня, холодные лѣтомъ и теплые зимой. Для (продажи) книгъ

---

[1] Слова въ скобкахъ, пропущенныя въ нашихъ рукописяхъ, взяты изъ англійскаго перевода.

Digitized by Google

есть особый рядъ, для иконъ особый, есть рядъ для (продажи) новыхъ облаченій, другой—для колоколовъ, кадильницъ и водосвятныхъ сосудовъ; есть рядъ для (торговли) ладаномъ, другой—для (продажи) свѣчей. Что касается ряда золотыхъ дѣлъ мастеровъ, то большая часть его предназначена для (продажи) серебряныхъ окладовъ иконъ и ихъ золоченія. Есть рядъ для (продажи) монашескихъ мантій, рясъ и шапокъ и черныхъ саванокъ съ изображеніемъ крестовъ на нихъ. Въ каждомъ ряду есть большія сторожевыя собаки; отъ одного конца ряда до другого укрѣпляется длинная веревка и на ней блокъ; когда наступитъ вечеръ, привязываютъ веревку къ шеѣ собаки, а также къ (блоку) той (длинной) веревки, и собака безъ устали бѣгаетъ отъ начала ряда до конца. Есть рядъ для желѣзныхъ вещей: принадлежностей для дверей, оконъ и пр., большихъ котловъ, уполовниковъ, сковородъ, изъ чистаго желѣза, превосходной работы. Есть рядъ для (продажи) чудесныхъ выпуклыхъ и гладкихъ оконницъ изъ каменнаго хрусталя (слюды), который не ломается, но гибокъ, какъ бумага. Что касается безистана [1], то онъ состоитъ изъ двухъ большихъ рядовъ. Есть у нихъ рядъ, который они называютъ *Битъ базаръ* [2], т. е. онъ подобенъ Сукъ эль-камилэ въ Алеппо; въ немъ продаютъ всевозможную одежду, оружіе и рѣдкости новыя и старыя. Торговля московитовъ деспотичная, торговля сытыхъ людей, ибо отъ нихъ не требуется издержекъ, не взимается съ нихъ ни податей, ни какихъ-либо поборовъ. Говорятъ они мало, какъ франки. Бывало, когда мы торговали какую-нибудь вещь и торговецъ скажетъ ей цѣну, если мы давали ту цѣну, которую онъ назначилъ, случалось, что онъ бралъ меньше, а если мы начинали съ нимъ торговаться и давали меньше назначенной имъ цѣны, онъ сердился и не уступалъ за назначенную имъ цѣну; если же мы возвращались къ нему, то бывало еще хуже. Удивительнѣе всего то, что у нихъ въ устахъ одинъ язычекъ, ибо, если станешь прицѣняться къ какой нибудь вещи, (идя) отъ начала ряда до конца, всѣ говорятъ одну цѣну, и это приводило насъ въ изумленіе. Такъ дѣйствуютъ всѣ. Въ большей части лавокъ есть маленькіе мальчики, въ ко-

[1] Собственно, мѣсто, гдѣ продаютъ хлопчатобумажныя ткани; на самомъ же дѣлѣ въ безистанѣ торгуютъ разными рѣдкостями, особенно старинными оружіемъ.

[2] Значитъ, по-татарски, *вшивый рынокъ* (какъ и слѣдующее арабское названіе), а также: *ветошь, старье*. Авторъ разумѣетъ, вѣроятно, Ветошный рядъ.

Digitized by Google

торыхъ мы замѣчали поразительную проницательность, ловкость, расторопность и умѣнье купить и продать, ибо при продажѣ они надували насъ хуже, чѣмъ ихъ старшіе. Большинство этихъ мальчиковъ—невольники, турки и татары изъ тѣхъ, которыхъ берутъ въ плѣнъ донскіе казаки; мы узнали ихъ по ихъ глазамъ, лицамъ и волосамъ. Ихъ хозяева ставятъ ихъ въ лавкахъ торговать, потому что они превосходятъ ихъ хитростью и ловкостью. Когда мы заговаривали съ ними по-турецки, они приходили въ замѣшательство и не отвѣчали намъ, изъ боязни своихъ хозяевъ, которые окрестили ихъ съ малыхъ лѣтъ и усыновили. Люди, достойные вѣры, сообщали намъ, что никто изъ (послѣдователей) франкскихъ сектъ, принявъ крещеніе по нашему вѣроисповѣданію, не бываетъ такимъ хорошимъ (православнымъ) христіаниномъ, какъ турки и татары, ибо эти послѣдніе прилѣпляются къ православію сильно, отъ всего сердца. Мы видали многихъ изъ нихъ, которые пошли въ монахи, покинувъ міръ, и обнаруживали подвижничество и добродѣтели, испрашивая у Бога милости для своихъ невѣрныхъ родителей, которые произвели ихъ на свѣтъ въ прежней вѣрѣ. Насъ приводили въ сильное удивленіе упомянутые мальчики, кои ловкостью и хитростью далеко опережаютъ московитовъ, значительно превосходя ихъ въ этомъ: когда мы, бывало, спрашивали ихъ чрезъ драгомана о какомъ-нибудь дѣлѣ, они отвѣчали: „мы ничего не знаемъ“, между тѣмъ какъ сердце ихъ было полно знаніемъ этого. При покупкахъ мы часто одерживали верхъ надъ взрослыми людьми, но эти мальчики оставляли въ дуракахъ насъ, и мы были противъ нихъ безсильны. Одинъ еврей (по происхожденію) отъ отцевъ и предковъ (евреевъ), принявшій христіанство, родомъ изъ Салоникъ, состоявшій переводчикомъ по греческому и турецкому языкамъ при вратахъ царя [1], говорилъ намъ, что евреи превосходятъ всѣ народы хитростью и изворотливостью, но что московиты и ихъ превосходятъ и берутъ надъ ними верхъ въ хитрости и ловкости.

Базаръ въ этомъ городѣ бываетъ по средамъ и пятницамъ круглый годъ; на него съѣзжаются изъ всѣхъ деревень и составляютъ рынокъ для купли-продажи, при чемъ открываются и всѣ ряды. Базаръ происходитъ на этой площади, и здѣсь бываетъ невозможная тѣснота отъ большого скопленія народа.

[1] Авторъ употребилъ это выраженіе въ соотвѣтствіи съ турецкимъ *Баб али*, Высокая Порта.

Digitized by Google

Покупаютъ и продаютъ все, потребное человѣку, безпрепятственно. Если случится въ среду или пятницу господскій или (другой) выдающійся праздникъ, то лавокъ не открываютъ и не бываетъ торговли до окончанія обѣдни.

Глава II.

Москва.—Описаніе Кремля, Китай-города и Бѣлаго города. Земляной валъ. Наказаніе шпіона.

Что касается вида крѣпости царскаго дворца, то, какъ мы сказали раньше, она окружена большимъ рвомъ, по краямъ котораго съ обѣихъ сторонъ идутъ двѣ стѣны съ зубцами, а за этими еще двѣ очень высокія стѣны съ башнями. Крѣпость имѣетъ пять воротъ и каждыя ворота въ своемъ проходѣ 4—5 дверей и непремѣнно рѣшетчатую желѣзную дверь, поднимаемую и опускаемую посредствомъ ворота. Надъ большими царскими восточными воротами снаружи находится образъ Господа Христа, стоя благословляющаго. Его нижнее одѣяніе голубое съ золотыми разводами, а верхнее—бархатное, также съ золотомъ. Этотъ образъ называютъ Спасъ, то-есть Спаситель, Смоленскій; именно Онъ такъ явился ихъ святымъ Зосимѣ и Савватію. Снутри воротъ, со стороны дворца, образъ Дѣвы на престолѣ съ московскими архіереями въ моленіи передъ Ней. Надъ воротами возвышается часовая башня—огромное строеніе. На вторыхъ воротахъ снаружи образъ св. Николая, который держитъ въ правой рукѣ обнаженный мечъ, а въ лѣвой этотъ городъ, ибо онъ избавилъ его отъ злобы невѣрнаго Тамерлана, какъ мы потомъ объ немъ разскажемъ. Эти ворота называются *Никольска фрата*, то-есть ворота св. Николая. Съ внутренней ихъ стороны образъ Господа, предъ коимъ въ моленіи предстоитъ св. Леонтій со своими содругами, архіереями Ростова. Третьи ворота съ огромнымъ укрѣпленіемъ, ибо здѣсь ровъ очень глубокъ и воды много. У этихъ воротъ длинный мостъ, въ началѣ котораго со стороны города огромная башня, служащая защитой какъ воротамъ, такъ равно и мосту. На мосту съ обѣихъ сторонъ также двѣ стѣны съ зубцами. Снаружи на воротахъ упомянутой башни стоитъ образъ царя Константина, а надъ внутренними воротами образъ царя Владиміра. Что же касается воротъ Кремля, то снутри ихъ образъ Владычицы Платитера [1] (Знаменія): вокругъ Нея небеса, ангелы

[1] О значеніи этого названія см. наше примѣчаніе во второмъ выпускѣ.

Digitized by Google

и четыре евангелиста. Надъ этими воротами высится громадная башня, въ коей находятся вторые желѣзные часы; ихъ бой слышатъ живущіе съ западной стороны Кремля, потому что часы помѣщены высоко. Такъ какъ эта башня и ворота возвышаются значительно, то подъемъ по упомянутому мосту весьма великъ. По причинѣ того, что насупротивъ этихъ воротъ, внутри (Кремля) находится подворье (монастыря) св. Троицы, гдѣ постоянно пребываетъ его келарь, надъ воротами помѣщена икона Троицы: Авраамъ, Сарра и трапеза. Четвертыя ворота, возвышающіяся надъ царскими цвѣтниками и садами, находятся съ юго-западной стороны Кремля; на нихъ образъ Іоанна Крестителя. Пятыя ворота, на южной сторонѣ Кремля, имѣютъ изображеніе Самарянки и Господа Христа у колодца; ихъ называютъ *Фодами фрата*, то-есть Водяныя ворота, ибо чрезъ эти ворота ходятъ брать воду изъ рѣки Москвы, протекающей подлѣ нихъ; ими же проходятъ въ день Крещенія и 1 августа для совершенія водосвятія. Такъ какъ эта сторона, обращенная къ рѣкѣ, составляетъ край города, то имѣетъ также четыре стѣны и огромную башню снаружи воротъ. Напротивъ нихъ, по ту сторону рѣки, находится много садовъ, принадлежащихъ царю, и обширная площадь для конницы съ безчисленнымъ множествомъ пушекъ, разложенныхъ на ней одна подлѣ другой для украшенія; нѣкоторыя изъ нихъ тройныя съ тремя казенными частями; здѣсь идетъ дорога въ Калугу и Путивль.

Внутри Кремля прежде не было воды, и для царской кухни воду доставляли посредствомъ черпальныхъ колесъ изъ упомянутой рѣки, но во дни нынѣшняго царя пріѣхалъ одинъ франкъ изъ нѣмцевъ и соорудилъ на берегу рѣки огромную башню, куда провелъ воду посредствомъ колеса, устроивъ колеса и приспособленія для того, чтобы поднимать воду ночью и днемъ безъ всякаго труда и снабжать ею царскій дворецъ для всякихъ потребностей. Онъ выкопалъ 4—5 огромныхъ колодцевъ, выстроилъ надъ ними куполы, (провелъ) трубы и желоба и сдѣлалъ снаружи желѣзное колесо: если понадобится вода, повертываютъ колесо одною рукой и вода течетъ въ изобиліи, когда это нужно. Вотъ что находится вокругъ царскихъ палатъ снаружи, что мы видѣли собственными глазами, а что внутри, того мы не знаемъ; чужестранецъ, хотя бы онъ былъ самъ Христосъ, отнюдь не допускается внутрь ихъ. Вотъ описаніе царской крѣпости.

Что касается второй городской стѣны, то она начинается отъ

Digitized by Google

угловой башни крѣпости съ восточной стороны, на берегу Москвы-рѣки, а другой конецъ идетъ отъ другой угловой башни вдоль другой рѣки. Эта стѣна находится съ восточной стороны крѣпости, окаймляетъ вышеупомянутую большую площадь и всѣ ряды; имѣетъ семь воротъ: двойныя у моста черезъ рѣку, двойныя же насупротивъ нихъ, у конца площади, въ самомъ началѣ другого моста чрезъ другую рѣку и озеро; остальныя трое воротъ одиночныя. Каждыя ворота имѣютъ снаружи и снутри образъ, именемъ котораго называются: на однихъ образъ Богородицы (извѣстной) подъ именемъ Казанской; на другихъ—образъ Маріи Египетской, на третьихъ—образъ св. пророка Иліи; на остальныхъ воротахъ другія иконы.

Третья стѣна города извѣстна подъ именемъ Бѣлой стѣны, ибо она выстроена изъ большихъ бѣлыхъ камней, ее построилъ царь Василій, сынъ въ Бозѣ почившаго царя Ивана. Двѣ же первыя стѣны кирпичныя. Эту стѣну онъ вывелъ съ южной стороны Кремля по берегу рѣки и кругомъ города. Она больше городской стѣны Алеппо и изумительной постройки, ибо отъ земли до половины (высоты) она сдѣлана откосомъ, а съ половины до верху имѣетъ выступъ, и (потому) на нее не дѣйствуютъ пушки. Ея бойницы, въ коихъ находится множество пушекъ, наклонены книзу, по остроумной выдумкѣ строителей: такихъ бойницъ мы не видывали ни въ стѣнахъ Антіохіи, ни Константинополя, ни Алеппо, ни иныхъ укрѣпленныхъ городовъ, коихъ бойницы идутъ ровно, (служа) для стрѣльбы надъ землей вдаль; а изъ этихъ можно стрѣлять во всякаго, кто приблизится къ нижней части стѣны, и это по двумъ причинамъ: первая, что стѣна непохожа на городскія стѣны въ нашей странѣ, снизу до верху ровныя, легко разрушаемыя, но она, какъ мы сказали, съ откосомъ, а бойницы одинаково наклонены книзу стѣны. Конецъ этой стѣны доходитъ до угла второй стѣны. Такимъ образомъ эта Бѣлая стѣна окружаетъ край города съ западной стороны Кремля и бо́льшую часть города съ востока и съ сѣвера, ибо онъ имѣетъ протяженіе съ востока на западъ, и (съ этой стороны) окруженъ двумя стѣнами, съ юга же, гдѣ его защищаетъ великая рѣка Москва, идетъ одна стѣна. Въ бѣлой стѣнѣ болѣе пятнадцати воротъ, кои называются по именамъ различныхъ иконъ, на нихъ стоящихъ. Всѣ эти надворотныя иконы имѣютъ кругомъ широкій навѣсъ изъ мѣди и жести для защиты отъ дождя и снѣга. Передъ каждою иконой виситъ фонарь, который опускаютъ и поднимаютъ на веревкѣ по блоку; свѣчи въ немъ

Digitized by Google

зажигаютъ стрѣльцы, стоящіе при каждыхъ воротахъ съ ружьями и другимъ оружіемъ. Во всѣхъ воротахъ имѣется по нѣсколько большихъ и малыхъ пушекъ на колесахъ. Каждыя ворота устроены съ изгибами и поворотами; они не прямыя, какъ ворота Ан-Насръ и Киннасринъ въ Алеппо; затворяются въ этомъ длинномъ проходѣ четырьмя дверями и непремѣнно имѣютъ рѣшетчатую желѣзную дверь, которую спускаютъ сверху башни и поднимаютъ посредствомъ ворота. Если бы даже всѣ двери удалось отворить, эту нельзя открыть никакимъ способомъ: ее нельзя сломать, а поднять можно только сверху.

Что касается великаго Земляного вала, похожаго на огромные холмы и имѣющаго рвы снутри и снаружи, то онъ окаймляетъ всю городскую стѣну и между нимъ и ею заключается большое пространство. Его построилъ патріархъ Филаретъ, дѣдъ нынѣшняго царя. Окружность его тридцать верстъ. Онъ неприступнѣе всѣхъ каменныхъ и кирпичныхъ стѣнъ, даже желѣзныхъ, ибо противъ нихъ непремѣнно найдется какое-нибудь средство: мина, разрушеніе, паденіе; а земляной валъ ничѣмъ не возьмешь, потому что пушечныя ядра въ него зарываются.

Вотъ точное описаніе города Москвы и ея стѣнъ, какъ мы ихъ видѣли собственными глазами, бросая на нихъ взоры украдкой, ибо стрѣльцы, стоящіе у каждыхъ воротъ, какъ только замѣтятъ, что кто-нибудь пристально смотритъ на стѣну или пушку, лишаютъ его жизни, хотя бы онъ былъ изъ ихъ же народа. На этой недѣлѣ схватили одного изъ такихъ, замѣтивъ, что онъ ходитъ и разсматриваетъ городскія стѣны, и представили его визирю, раздѣли до-гола и обвели по городу со связанными руками, при чемъ за нимъ шелъ палачъ съ кнутомъ изъ бычачьихъ жилъ, непрестанно крича, что это шпіонъ и что таково ему возмездіе, и билъ его до полусмерти. Мы видѣли его спину и плечи—зрѣлище, отъ котораго сердце сжимается, ибо тѣло было изорвано и отваливалось клочьями, а кровь текла рѣкой Подъ конецъ онъ лишился жизни, ибо послѣ этого истязанія его бросили голаго въ тюрьму, гдѣ онъ замерзъ и умеръ.

Вслѣдствіе множества домовъ и жителей въ этомъ городѣ есть дома и дворцы даже за городскою стѣной и валомъ, и быть можетъ больше чѣмъ внутри стѣнъ, ибо люди вездѣ любятъ открытыя мѣста. Много разъ, когда мы отправлялись съ нашимъ владыкой-патріархомъ за-городъ въ одну изъ четырехъ сторонъ города въ саняхъ или въ каретѣ, я замѣчалъ по франкскимъ часамъ, которые имѣлъ въ карманѣ, что отъ нашего мѣ-

Digitized by Google

стожительства, то-есть монастыря внутри Кремля, въ срединѣ города, до Земляного вала болѣе часа ѣзды, а пѣшеходу потребуется, вѣроятно, больше полутора часа; такимъ образомъ протяженіе этого города отъ запада къ востоку, какъ опредѣлилъ я, убогій, три полныхъ часа ходьбы. Деревни, примыкающія кругомъ къ городу, безсчетны и находятся отъ него въ разстояніи одной, двухъ, трехъ и семи верстъ: онѣ были видны намъ извнутри города. Прежде многія изъ этихъ близкихъ къ городу деревень принадлежали вельможамъ государства, но нынѣшній царь взялъ ихъ въ свою собственность, и не только въ этомъ городѣ, но и во всѣхъ областяхъ своего государства, установивъ царскій законъ, въ силу котораго деревни ближе семи верстъ отъ города принадлежатъ царю, а дальше вельможамъ.

Глава III.

Москва.—Предосторожности отъ пожаровъ.—Устройство пожарной части.—Два боярина изъ турокъ.—Свѣдѣнія, сообщенныя ими, о приказахъ, областяхъ и доходахъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Для службы при дворцѣ и его надобностей назначенъ великій субаши [1], который постоянно, день и ночь, оберегаетъ дворецъ отъ пожара; а въ городѣ поставленъ другой субаши, который объѣзжаетъ его ночью и днемъ, изъ опасенія пожара. Въ это лѣто они запечатали лежанки и печи, кои открываютъ только по четвергамъ, чтобы жители могли испечь въ нихъ хлѣбы. Всякаго, у кого замѣтятъ дымъ, выходящій изъ дома, тащатъ, бьютъ, заключаютъ въ тюрьму и берутъ съ него большой штрафъ. Вся эта строгость существуетъ ради (предупрежденія) пожаровъ, и эта мѣра весьма стѣснительна. Когда варятъ кушанье на открытомъ дворѣ, то боятся, чтобы вѣтеръ не разнесъ огонь и не загорѣлись окружающіе дома, ибо всѣ дома въ этой странѣ, какъ мы сказали, деревянные. Жизнь ихъ очень мрачна, подобно какъ въ Константинополѣ и его округѣ, даже хуже, ибо много разъ по ночамъ случался большой пожаръ: куда было бѣжать имъ, бѣднымъ обитателямъ этихъ домовъ и кварталовъ, и что дѣлалось съ ихъ вещами? По этой причинѣ (жители) каждой улицы держатъ свои сундуки въ своей каменной церкви, изъ опасенія подобнаго (бѣдствія). Если случится пожаръ ночью или днемъ,

[1] Субаши—полицейскій офицеръ.

Digitized by Google

изъ того квартала (гдѣ пожаръ) даютъ объ этомъ знать: спѣшатъ на колокольню и бьютъ въ колоколъ объ одинъ край, чтобы услышали сторожа, находящіеся постоянно на кремлевской стѣнѣ, именно: съ четырехъ сторонъ кремлевской стѣны надъ каждыми воротами есть деревянная палатка, въ родѣ келейки, господствующая высоко надъ окрестностями, тамъ виситъ большой колоколъ, обращенный къ одной изъ сторонъ города. Сторожа наблюдаютъ постоянно лѣтомъ и зимой, поочередно ночью и днемъ, и какъ только замѣтятъ огонь, хотя бы за земляным валомъ, сильно звонятъ въ колоколъ объ одинъ край, при чемъ колоколъ издаетъ весьма непріятный звукъ. Услышавъ его звонъ, всѣ ратники, находящіеся въ той сторонѣ, тотчасъ узнаютъ, гдѣ пожаръ, спѣшатъ съ сѣкирами и кирками, разрушаютъ все, что кругомъ пожара, и тушатъ его. Если пожаръ великъ, является и народъ, а кто полѣнится и не придетъ, тотъ подвергается строгому наказанію отъ субаши и большому штрафу. Лѣтомъ, какъ мы замѣтили, пожаровъ бываетъ больше чѣмъ зимой, ибо зимой дома покрыты снѣгомъ, а лѣтомъ отъ солнечнаго жара они какъ спички (легко воспламеняются).

Эти двое субашей—родные братья, родомъ турки, изъ области Румеліи, дѣти одного изъ тамошнихъ пашей. Впослѣдствіи мы близко познакомились съ ними и между нами возникла большая дружба. Они знаютъ греческій, турецкій и персидскій языки. Они разсказывали намъ, что отправились съ визиремъ Хосровъ-пашой въ походъ на Багдадъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, который былъ пашой румелійскимъ. Когда визирь былъ разбитъ и отецъ ихъ убитъ, кизилбаши (персіяне) взяли ихъ въ плѣнъ и они сдѣлались самыми приближенными слугами шаха. Непрестанно ухищряясь, они наконецъ бѣжали отъ него и въ пятнадцать дней, съ быстротой гонцовъ (находясь въ пути) день и ночь, прибыли въ Грузію къ Теймуразъ-хану. Оттуда они проѣхали въ Молдавію, гдѣ ихъ окрестилъ въ Бозѣ почившій Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, согласно ихъ желанію и просьбѣ, и они получили высокое назначеніе у царя, а именно: когда царь узналъ о нихъ, Ѳеофанъ отправилъ ихъ съ письмами къ покойному Михаилу, отцу нынѣшняго царя. Онъ обрадовался имъ, возвелъ ихъ на высокую степень и назвалъ по ихъ сану князьями, т. е. сыновьями бея, ибо цари обычно не оставляютъ втунѣ ничьего происхожденія. Одного изъ нихъ зовутъ князь Анастасій, а другого князь Ѳеодоръ. Они часто прихаживали къ нашему владыкѣ-патріарху, и мы замѣтили въ нихъ набож-

Digitized by Google

ность, усердіе къ молитвѣ и умѣнье читать по-русски бо́льшія, чѣмъ у вѣрующихъ. Они нѣсколько разъ принимали насъ въ своихъ дворцахъ и сообщали намъ о многомъ, но не хотѣли говорить по-турецки, ни читать на этомъ языкѣ, ибо приснопамятный патріархъ Филаретъ, дѣдъ нынѣшняго царя, какъ они говорили, заставилъ ихъ поклясться на Евангеліи, что они не будутъ говорить и читать по-турецки, дабы снова не оскверниться. Это малая часть изъ видѣнныхъ нами чудесъ нашего вѣка. На вопросы наши они сообщили намъ о числѣ стрѣльцовъ, составлявшихъ стражу Кремля: таковыхъ, по ихъ словамъ, 600 человѣкъ, и они смѣняются ежедневно. Они сообщили намъ, что внутри и внѣ Кремля есть около семидесяти приказовъ, т. е. диванов, по всѣмъ дѣламъ и тяжбамъ; нѣсколько приказовъ (по дѣламъ) о наслѣдствахъ, приказъ для монаховъ и монастырей, приказъ для конницы, приказъ стрѣлецкій, нѣсколько приказовъ для разнаго рода чиновъ правительственныхъ и военныхъ, на подобіе военныхъ судей [1] и иныхъ; приказъ для взиманія государственныхъ доходовъ, приказъ для расходовъ, приказъ по выдачѣ жалованья, приказъ для пословъ и всѣхъ пріѣзжихъ чужестранцевъ; въ такомъ родѣ всѣ семьдесятъ приказовъ. Всякій у кого есть какое-нибудь дѣло, отправляется въ соотвѣтственный приказъ, который и разсматриваетъ его дѣло безъ затрудненій и хлопотъ. Таково у нихъ устройство.

Они разсказывали намъ, что у царя двѣнадцать визирей; если одинъ изъ нихъ отсутствуетъ, другой не можетъ занять его мѣсто, и оно остается праздным. Они сообщили намъ, что у царя есть семь областей, изъ коихъ въ каждую онъ посылаетъ двухъ визирей, называемыхъ воеводами: первая—городъ Кіевъ, т.-е. вся страна казаковъ, которая нѣкогда была въ зависимости отъ *Москвы*; теперь она стала подвластною царю, и онъ назвался царемъ Великой и Малой Россіи и *патріарха назвалъ такъ же*; вторая область—Новгородъ, третья—Астрахань, четвертая—Казань, пятая—Сибирь, шестая—Псковъ, седьмая—Архангельскъ. Вотъ эти семь областей, изъ коихъ въ каждую царь посылаетъ по двое воеводъ. Меньшихъ областей мы не знаемъ. Что касается низшихъ воеводъ, то они подобны большимъ санджакамъ [2] и окружнымъ судьямъ: не казнятъ смертно

[1] *Кази-аскеръ*, верховный судья, занимаетъ мѣсто непосредственно послѣ шейхъ-уль-ислама. Въ настоящее время такихъ судей два: одинъ для Европейской, другой для Азіатской Турціи.

[2] *Правитель* части пашалыка.

Digitized by Google

и не приводятъ въ исполненіе приговоровъ, какъ только по докладѣ царю, въ самыхъ маловажныхъ и незначительныхъ дѣлахъ, даже по отношенію къ ворамъ. Число этихъ воеводъ болѣе 1.500. Такое (воеводство) составляетъ область Коломны, заключающая болѣе тысячи [1] селеній, Кашира, область которой содержитъ болѣе тысячи селеній и меньше Коломенской; каждый изъ этихъ воеводъ имѣетъ подъ своею властью болѣе двухъ тысячъ селеній, а наименьшій изъ нихъ—тысячу. Такъ сообщили намъ братья. Жители въ каждой области исчислены по спискамъ и никто не можетъ выселиться безъ разрѣшенія воеводы. Эти области принадлежатъ царю; города же, пожалованные издревле государственнымъ сановникамъ, безсчетны. Когда мы были въ Коломнѣ, къ намъ пріѣзжалъ одинъ изъ сельскихъ священниковъ этой области и сообщилъ, что въ ихъ селеніи свыше 20.000 душъ, и что изъ нихъ во время моровой язвы умерло болѣе 8.000. Высчитали также, что умершихъ въ Коломнѣ было болѣе 20.000. Такъ многолюдны эти благословенныя страны!

Нѣкоторые изъ грековъ разсказывали намъ, что ежегодный доходъ турокъ—24 милліона золотомъ—милліонъ=десять разъ сто тысячъ—и эту сумму они вымогаютъ непсчислимыми беззаконіями; а ежегодный доходъ московскаго царя, какъ сообщали (братья), по закону, справедливости и правильно (собираемый), составляетъ 36 милліоновъ. Все это получается отъ торговли пшеницей и рожью, которыя продаютъ во всѣ франкскія земли, и отъ перечеканки піастръ-реала въ ходячія копейки (монеты). Мы взвѣшивали и находили каждый піастръ-реалъ равнымъ 62 или 64 копейкамъ, а стоимость реала 50 копеекъ; прибавка идетъ въ пользу государства. Третій (источникъ) доходъ—выкуриваніе водки, ибо винокуренные заводы во всемъ государствѣ принадлежатъ царю. Выкуриваютъ (водку) ночью и днемъ въ удивительныхъ заводахъ, коихъ большая часть находится на берегу рѣкъ. Вся ихъ водка получается изъ ржи, изъ которой дѣлаютъ хлѣбъ, размоченной въ водѣ. Никто не смѣетъ выкуривать водку въ домѣ, ни изъ вельможъ царства, ни изъ простолюдиновъ, но всѣ покупаютъ ее изъ казенныхъ винныхъ лавокъ. Каждое ведро обходится въ 30 коп., а продается за 100 или за 120; эта прибыль тоже идетъ въ пользу государства.

[1] Такъ въ обѣихъ нашихъ рукописяхъ Въ англійскомъ переводѣ болѣе двухъ тысячъ.

Digitized by Google

Ведро содержитъ около 8 стамбульскихъ окъ. Царь получаетъ большія суммы отъ таможни въ Архангельскѣ. Эти милліоны правительство собираетъ законнымъ путемъ.

Вотъ что мы узнали отъ тѣхъ двухъ братьевъ за вѣрное; кромѣ нихъ, никто не сообщалъ намъ тайнъ государства, ни изъ московитовъ, ни изъ драгомановъ, ибо со всѣхъ взята клятва на крестѣ и Евангеліи—никому никогда не сообщать ихъ тайнъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. Муркосъ.

Digitized by Google

ВАХТАНГЪ.

Грузинская легенда.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Привѣтъ тебѣ, Кавказъ могучій,
Привѣтъ тебѣ, волшебный край!
Привѣтъ вамъ, горы, скалы, кручи
И Грузіи зеленый рай!
Привѣтъ тебѣ, потокъ суровый,
Дарьяла грозный властелинъ,
Привѣтъ вамъ, снѣжныя оковы
Недосягаемыхъ вершинъ!
И вамъ, сыны восточной лѣни,
Грузины хитрые, привѣтъ!
И вамъ, героевъ смѣлыхъ тѣни,
Богатырей минувшихъ лѣтъ,
Не пожалѣвшихъ для отчизны
Своей простой, но славной жизни--
Вамъ пѣсню шлю я изъ степей
Холодной родины моей.

Digitized by Google

Глава I.

Счастливой Грузіи правитель
Вахтангъ,—любимый Божій сынъ,
Непобѣдимый побѣдитель,
Надъ всей вселенной властелинъ.
Его Грузины уважаютъ,
Врагамъ его ужасенъ станъ,
И кизильбаши [1] называютъ
Его не даромъ Горгосланъ [2].
Онъ призванъ волею Аллаха!
Не онъ страной, а имъ сильна
Имъ возрожденная изъ праха
Его покорная страна.
И, гордый властью и любовью
Всѣхъ окружающихъ его,
Онъ закрѣпляетъ вражьей кровью
Предѣлы царства своего.
Еще всю Индію недавно
Потрясъ Вахтангъ побѣдой славной,
О грозномъ, царственномъ челѣ
Оставивъ память въ той землѣ.
Изъ дальнихъ странъ нетерпѣливо
Онъ торопилъ свои полки
И проклиналъ волну разлива
Отъ ливней вздувшейся рѣки.
И онъ мечталъ ужъ, какъ вернется
Въ свой зародившійся Тифлисъ [3],
Гдѣ виноградъ по стѣнамъ вьется
И гдѣ маячитъ кипарисъ.
Онъ рисовалъ себѣ картины
Войной заслуженныхъ пировъ;
Онъ слышалъ стукъ въ тѣни рапны [4]
Виномъ наполненныхъ роговъ.
А эти сладостныя ночи!
Объятья, ласки.. Эти очи

---

[1] Кизильбаши—персы.
[2] Горгосланъ—по-персидски: желѣзный левъ. Прозвище Вахтанга.
[3] По преданію Вахтангъ—основатель Тифлиса.
[4] Родъ тополя.

Digitized by Google

Его красавицы жены
Любви и страстп нѣгъ полны!...
.....
Вернулся онъ. Къ нему выходитъ
Эхсина, также все стройна,
Но непривѣтна и блѣдна,
И глазъ отъ полу не отводитъ.
Вахтангъ стоитъ... Вахтангъ смущенъ:
Глазамъ своимъ не вѣритъ онъ;
По лбу рукою онъ проводитъ,
Глядитъ кругомъ—но всѣ молчатъ...
Здѣсь тайнъ чужихъ не открываютъ
И лишнихъ словъ не говорятъ;
Здѣсь силу духа уважаютъ
И здѣсь не выдастъ даже взглядъ...
Вахтангъ вздохнулъ...
Уже, готова,
Его софа на отдыхъ ждетъ;
Тахту подъ голову кладетъ
Владыка мрачный—и ни слова!
Но сонъ бѣжитъ его очей...
Напрасно ищетъ онъ покоя!
И тишина ему страшнѣй,
Чѣмъ шумъ отчаяннаго боя.
Онъ весь горитъ, онъ весь въ поту...
А, если бъ ночь скорѣе мимо!
Отрывки мыслей на лету
Стучатъ въ виски невыносимо.
И онъ не въ силахъ ужъ лежать,
Стремленья тайнаго не можетъ
Онъ превозмочь.—Онъ долженъ встать!
„Ужель мой вѣкъ такъ, даромъ прожитъ?
„Ужель она...? Не можетъ быть!
„Нѣтъ, нѣтъ! Я царь—не смѣетъ быть!“
И онъ встаетъ. Боецъ отважный,
Своихъ шаговъ боясь, идетъ....
Выходитъ въ садъ; и воздухъ влажный
Онъ облегченной грудью пьетъ!
Туда знакомою тропою
Онъ брелъ не зная для чего,
Гдѣ часто забывалъ съ женою

Digitized by Google

Онъ тягость сана своего.
И думалъ онъ: „воображенью
Не долженъ воли я давать;
Поддавшись злому искушенью,
Я въ грудь вползти далъ подозрѣнью
И самъ подполз къ нему, какъ тать!
Устав въ бояхъ, уставъ отъ зноя,
Ослабъ я тѣломъ и душой.
Для тѣла я искалъ покоя
И отъ души прогналъ покой.
Всегда мы сами виноваты,
Когда находимъ мы враговъ:
Мы самолюбіемъ богаты,
Мы вѣчно вьемся въ вихрѣ сновъ"...
. . . . . .
Увы, читатель! всей душою
Хочу о Грузіи писать,—
Но, видно, любитъ поиграть
Божокъ болтливости со мною,
И своевольная рука
Чертитъ иныя письмена.
Ахъ! помню я, какъ сердце билось,
Когда—давно то было—шелъ
Я на свиданіе, и мнилось,
Что рай земной я въ ней обрѣлъ.
Мнѣ было мѣсто то священно,
Гдѣ я тайкомъ ее встрѣчалъ;
И я бъ его не промѣнялъ
На обладаніе вселенной!
Тамъ былъ мой храмъ, былъ мой кумиръ,—
Я жъ былъ поклонникомъ единымъ!
Тамъ было все: тамъ былъ мой міръ,
И я, хоть мигъ, былъ властелиномъ!
Теперь же жизнь не бьетъ ключемъ:
Спокойнѣй кровь свой путь свершаетъ,
Ровнѣе день идетъ за днемъ,
Часъ прошлый часъ напоминаетъ.
И я ль одинъ? Не всѣ ли мы
Старѣемъ слишкомъ рано чувствомъ?
Отъ прямоты, какъ отъ чумы,
Спѣшимъ лѣчиться лжи искусствомъ.

Digitized by Google

Едва лишь насъ успѣетъ страсть
Наполнить искреннимъ томленьемъ—
Боимся низко мы упасть
Предъ безпощаднымъ свѣтскимъ мнѣньемъ.
И мы не можемъ, не должны
Собой до гроба оставаться;
Мы съ юныхъ лѣтъ пріучены
Другъ передъ другомъ рисоваться.
Едва успѣемъ въ жизнь вступить—
Мы лжемъ и на себя клевещемъ,
Глядимъ вокругъ, въ душѣ трепещемъ,
Чтобы ее же не открыть!
И стало намъ теперь дороже
Любви порывовъ молодыхъ,
Чтобъ чувство мѣры, вѣчно то же,
Въ сердцахъ покоилось пустыхъ!..
Изъ жизни драму мы скроили;
Кулисы—общество для насъ;
Въ подмостки землю превратили
И все готово—въ добрый часъ!
И всѣ мы смѣло выступаемъ,
Какъ въ пьесѣ опытный актеръ;
Любовь ко всѣмъ изображаемъ,
А себялюбье—нашъ суфлеръ!..
И много ль между насъ найдется
Мужей, испытанныхъ въ бояхъ,
Чье сердце сладостно сожмется
Воспоминаньемъ о часахъ,
Когда-то съ милой проведенныхъ?
Кому бъ въ преддверьи склона дней
Въ мѣстахъ, любовью освященныхъ,
Волненья юности своей
Переживать не стыдно было?..
Въ комъ сердце, какъ и прежде бъ, ныло?..
Но мимо, мимо! Стыдно мнѣ,
Что я забылъ моихъ героевъ.
Нѣтъ, къ тѣмъ годамъ! Нѣтъ, къ той странѣ!
Перехожу къ второй главѣ,
И въ ней уже не будетъ сбоевъ.

Digitized by Google

Глава II.

Вахтангъ спокойнѣй и бодрѣй
Идетъ между кустовъ душистыхъ;
Арагва плещется нѣжнѣй
И отраженье звѣздъ лучистыхъ
Дробитъ на тысячи огней..
Ужъ вотъ онъ, близокъ берегъ милый!
Вахтангъ спѣшитъ, хоть одному
Вновь пережить все, съ прежней силой,
На томъ завѣтномъ берегу...
Вдругъ шопотъ, близко, за кустами,—
Вахтангъ остановился... Чу!
Знакомый шопотъ.. Со слезами
О чемъ-то страстно молитъ онъ...
Въ немъ все: любовь и гнѣвъ и стонъ;
Онъ молитъ, дразнитъ и ласкаетъ.
И то царю напоминаетъ,
Что выше царь цѣнилъ всего!
Зачѣмъ онъ вышелъ? Для чего!
И онъ стоитъ остолбенѣлый
И слышитъ:

Эхсина.

О, Джавахъ, Джавахъ!
Ужель такъ скоро, голубь бѣлый,
Все наше счастье сгинетъ въ прахъ?
Ужели мнѣ съ тобой разстаться?
Тебя ль не видѣть никогда?
Ужели я должна остаться
Въ плѣну тяжеломъ навсегда?

Джавахъ.

Не говори мнѣ такъ, Эхсина:
Упрековъ я не заслужилъ...

Эхсина.

Клянись мнѣ честію грузина,
Что ты меня не разлюбилъ!

Digitized by Google

ДЖАВАХЪ.

Клянуся я ковчегомъ Ноя,
Эльбруса снѣжной высотой,
Мнѣ чуждой сладостью покоя,
И Магомета бородой—
Въ тебѣ узналъ я жизнь и счастье,
Досель невѣдомыя мнѣ,
Съ тобою лишь мнѣ нѣтъ ненастья,
Я вижу солнце лишь въ тебѣ!
Твои сверкающія очи,—
Какъ блескъ падучихъ звѣздъ средь ночи,
И тростника твой станъ стройнѣй;
Волной Куры богаче волосъ,
И грудь твоя снѣговъ бѣлѣй,
И пѣнья птицъ нѣжнѣе голосъ!
Нѣтъ, ласкъ твоихъ я не забылъ,
Не разлюбилъ Джавахъ царицы,—
Я тотъ же все, чѣмъ прежде былъ:
Я—плѣнникъ царственной орлицы!
Но.....

ЭХСИНА.

Если жъ такъ..,

ДЖАВАХЪ (не слушая).

Кто я? Что я?
Байгушъ [1], пастухъ и жалкій странникъ!
Играетъ мной судьба моя..
Но есть другой... онъ ждетъ тебя:
Отчизны онъ и твой избранникъ!

ЭХСИНА.

Молчи, молчи! Не вспоминай,
Забудь его ты возвращенье!
И имени не называй
Того, чьи ласки мнѣ мученье!
Джавахъ, послушай. Я хочу
Передъ тобой теперь открыться.

[1] Байгушъ—бездомный.

Digitized by Google

Меня ты знаешь: я молчу,
Пока могу еще забыться;
Но если, если ты уйдешь,
Но если я съ царемъ останусь —
Тогда-то ты, Джавахъ, поймешь,
Что сдѣлалъ: я съ душой разстанусь.
Разлука смертью будетъ мнѣ...
Ты видишь тамъ, далеко, горы
Блестятъ снѣгами на лунѣ?
Ты знаешь дивіе узоры
На неприступной вышинѣ?
Тамъ слѣдъ орла и нѣжной лани;
Но не рѣшится человѣкъ
Взойти туда, къ небесной грани,
Гдѣ старый Гудъ [1] проводитъ вѣкъ!
Онъ гордъ, сей духъ; онъ страшно злобенъ:
Обвалы въ гнѣвѣ мечетъ онъ,
И вихрю вздохъ его подобенъ,
И имъ никто не пощаженъ!
А если кто дерзнетъ, въ гордынѣ,
Взглянуть на леденящій ликъ—
За оскорбленіе святыни
Казнитъ мучительно старикъ!
Но я бѣгу на эти скалы,
Гдѣ каждый шагъ есть къ смерти шагъ,
Гдѣ рыскаютъ одни шакалы,
Коль бросишь ты меня, Джавахъ!

ДЖАВАХЪ.

О, не терзай меня, Эхсина!
Ты знаешь, какъ тебя люблю...
Но возвращенье властелина
Рѣшило все. Любовь мою
Разлука, вѣрь, не уничтожитъ,
Но я не зналъ, когда впервой
Тебѣ клялся, что превозможетъ
Ее къ отчизнѣ долгъ святой...

ЭХСИНА.

Какой же долгъ?

[1] Горный духъ. Грузины его очень уважали и боялись.

Digitized by Google

ДЖАВАХЪ.

Но я не смѣю
Раздоръ въ семью царя вселять!
Прости, сказать я не умѣю,
Но я... не долженъ... обладать
Царицей...

ЭХСПНА.

Да, ты правъ. Но кто же
Кѣмъ обладаетъ изъ двоихъ?
Ты мной, иль я тобой?.. Ну, что же!
Ну говори! Что ты притихъ?
Подумай, вспомни: я, царица,
Люблю безумно пастуха!
О, сжалься! Раненая львица,
Повѣрь, слабѣе мотылька...

ДЖАВАХЪ.

Но мы должны..

ЭХСПНА.

О, умоляю!
Еще лишь ночь... одну лишь ночь...
Со мной останься... заклинаю!
А тамъ—пусть-жизнь съ тобою прочь!
Въ тебѣ ли нѣтъ ко мнѣ участья?
Я молода, я хороша—
Я жить хочу! Моя душа
Наружу рвется, просптъ счастья!
И лишь тебѣ, о мой джигитъ,
Мою любовь я посвящаю;
Я вся твоя! Во мнѣ горитъ
Безумный пламень... О, я знаю,
Что не покинешь ты меня:
Ты тоже молодъ.—Я твоя!

ДЖАВАХЪ.

Аллахъ!.. Эхспна!..

ЭХСПНА (мечтательно).

Эти ласки,
Лобзанья... жаръ... какъ будто сказки
Я слушала... Не превозмочь

Digitized by Google

Томленья... О! еще лишь ночь...
....
....
Все слышалъ царь... Рука искала
Кинжалъ на поясѣ его—
Позоръ! Съ нимъ не было кинжала;
Какъ могъ забыть Вахтангъ его!
Что дѣлать?! О, жену съ Джавахомъ
Достанетъ сплы задушить,
И надъ его постыднымъ прахомъ
Свой стыдъ проклятьемъ заглушить.
Иль выдумать иное мщенье?
И казни медленной цѣной
Купить утраченный покой
И смыть весь ужасъ униженья...
Да! насладиться хочетъ онъ!
Отъ болп дикій звѣрь проснулся...
И тихо во дворецъ вернулся
Вахтангъ, впервые побѣжденъ...
И до разсвѣта казни новой
Вахтангъ разгнѣванный искалъ;
И жертвъ преступныхъ мужъ суровый
Съ восторгомъ стоны предвкушалъ...
И къ утру казнь уже готова
Въ его истерзанномъ мозгу...
Ему сказать довольно слова,
Мигнуть послушному рабу,
И тотъ привычною рукою
Сорветъ съ преступниковъ покровъ,
И трупы ихъ толкнетъ ногою
Въ добычу стап жадныхъ псовъ.
Да будетъ эта казнь урокомъ
Для измѣнившихъ долгу женъ!
Ему ль терзать себя упрекомъ
За то, что будетъ отомщенъ?
Ихъ смертію вознаградится
Стократно ночь душевныхъ мукъ—
Пусть надъ Эхспной судъ свершится
И пусть ея погибнетъ другъ.
Пускай прославятъ сазандари [1]

[1] Сазандарь—пѣвецъ

Digitized by Google

Вины царицы тягость всю!
Царицы!.. Какъ же?.. На базарѣ
Сложить ей голову свою?
Какъ! въ руки недруговъ отчизны
Насмѣшекъ тайныхъ ядъ вложить?
Быть можетъ, свой народъ капризный
Цареубійствомъ раздражить?
Лишь раны скрытыя откроетъ
Онъ жертвой гнѣва своего!
Позоръ надъ родиной покроетъ
Проклятьемъ голову его.
Изъ поколѣнья въ поколѣнье
Онъ будетъ пугаломъ дѣтей;
Джигитамъ будетъ въ поученье
Преступный міръ его страстей!..

И онъ жену свою оставилъ,
И онъ Джаваха не казнилъ...
Онъ мудрость царскую прославилъ—
Царь человѣка побѣдилъ!
И лишь немногіе узнали,
За что Джавахъ переселенъ...
И Джавахетіей назвали
Страну изгнанья съ тѣхъ временъ.

Глава III.

Друзья, мы всѣ не разъ бывали
Полны намѣреній благихъ;
Себя не разъ мы утѣшали
Впередъ плодами дѣлъ своихъ;
И что жъ бывало въ результатѣ?
Мы ошибались въ нашемъ братѣ,
Мы ошибался въ себѣ,
И, неготовые къ борьбѣ,
Вопросакъ нерѣдко попадались.
Потомъ, конечно, удивлялись,
Что совершилось все не такъ,
Какъ мы рѣшили, что свершится,
И говорили: міръ нашъ врагъ,
И что надъ нами поглумиться

Угодно взбалмошной судьбѣ,
Дѣвицѣ съ тайной на лицѣ.
Кому жъ, скажите, не обидно,
Коль невдомекъ бываетъ намъ,
Что человѣку-то лишь видно,
Что по его всегда глазамъ.
Но вижу: это все не къ дѣлу!
Болтаетъ попусту языкъ,—
Ходить къ желанному предѣлу
Я точно прямо не привыкъ.
Однако жъ, если бы рѣшиться
Еще на мигъ вашъ слухъ привлечь—
Тогда, вѣдь, можетъ объясниться,
Куда я гнулъ такую рѣчь.
Хотѣлось мнѣ, что всѣмъ извѣстно,
Сказать—и больше ничего:
Что ходомъ рока своего
Играть намъ вовсе неумѣстно;
Что мы никакъ не можемъ знать,
Что будетъ завтра, а тѣмъ болѣ
Себя спокойствіемъ ласкать,
Какъ мы хотимъ, не въ нашей волѣ!..

Не много дней прошло съ тѣхъ поръ,
Какъ мудрый царь своимъ рѣшеньемъ
Смылъ угрожающій позоръ,
Не запятнавшись преступленьемъ.
И успокоенный душой
Готовъ онъ, бодрый и счастливый,
Направить глазъ свой прозорливый
На нужды Грузіи родной.
Но... вкравшись въ грудь, ужъ подозрѣнье
Свиваетъ въ ней себѣ гнѣздо—
Лишь силой времени забвенье
Способно побѣдить его...
Вахтангъ себя не понимаетъ,
Вахтангъ себя не узнаетъ:
Что сталось съ нимъ? Какой-то гнетъ
Въ мозгу... Онъ дѣла избѣгаетъ,
Разсѣянъ онъ; и ждетъ себѣ
На помощь опытность напрасно:

Digitized by Google

Въ немъ мысль одна живетъ въ борьбѣ
Съ другими мыслями всечасно.
„Эхсина, гдѣ ты? Въ этотъ мигъ
„Какая мысль тебя волнуетъ?
„Ко мнѣ ль твой духъ уже привыкъ,
„Или о немъ еще тоскуетъ?
„Арагва ль быстрою волной
„Твой гибкій станъ теперь ласкаетъ?
„Или лучъ солнца золотой
„Сквозь вѣтви кудрями играетъ?
„Ужель за то, что я рожденъ
„Царемъ страны непобѣжденной,
„Мнѣ мигъ свободы запрещенъ
„Отъ этой клѣтки золоченой?
„Ужель я меньше человѣкъ,
„Чѣмъ тотъ, кто предо мною льстивый,
„Согнувшись, ползаетъ свой вѣкъ,
„Моею прихотью счастливый?
„Нѣтъ, нѣтъ! Ужель я не могу,
„Ужель я права не имѣю
„Хоть день пожить, какъ я хочу,
„Безъ тяжкихъ думъ, съ женой моею?
„И что грозитъ моей странѣ
„За мигъ одинъ отдохновенья?
„И ждетъ ли Грузію паденье
„И тяжкій стыдъ и ей и мнѣ?
„Моя ль вина, что сердце чуетъ
„Вездѣ ее, хоть я старикъ?
„Какая мысль тебя волнуетъ,
„О, милый другъ мой, въ этотъ мигъ?“
Народъ въ нѣмомъ недоумѣньи
Болѣзнь царя не понималъ
И, не привыкши къ послабленью,
Роптать ужъ тайно начиналъ.
И вотъ отъ края и до края,
На радость явную рабовъ,
Бѣжитъ уже молва глухая,
Что царь не страшенъ для враговъ.
Молва ползетъ, ползетъ какъ лава,
Все потопляя на пути—
Такъ гибель намъ несетъ отрава,

Digitized by Google

Едва замѣтная въ крови.
Бѣжали дни..... И шахъ Ирана [1]
Услышалъ чудный вдругъ разсказъ:
„Ослабли мышцы Горгослана;
„Не мечетъ молній грозный глазъ!
„И днемъ и ночью, робкій, слабый,
„Онъ отъ Эхсины ни на шагъ!
„И можетъ быть она могла бы
„Быть намъ полезной, Шахъ-инъ-шахъ... [2]
— Какъ такъ? Союзницей Эхсина
Намъ можетъ быть когда-нибудь?
Ты лжешь! Любовью господина
Одной ея лишь дышетъ грудь!
Несчастный! Шутки неумѣстной
Простить и сыну не могу!..
„О шахъ! Что другу неизвѣстно,—
„Повѣрь, извѣстно то врагу.
„Она царя давно не любитъ;
„Побѣждена она другимъ;
„И съ наслажденіемъ погубитъ
„Она все созданное имъ!
„Она клялась своей душою
„Вахтангу страшно отомстить.“
— За что?—„Шахъ, пользуясь войною,
Она рѣшилась измѣнить.“
— Ему?—„Да, шахъ. А онъ—вернулся,
„Виновныхъ тотчасъ не казнилъ,
„Подъ гнетомъ ревности согнулся,
„Себя гарему подчинилъ.
„Нѣтъ, онъ не царь теперь ужъ болѣ,
„Нѣтъ, онъ уже не страшенъ намъ!
„Въ твоей теперь могучей волѣ
„Его привесть къ своимъ стопамъ.
„О, многихъ лѣтъ уничиженье
„Ужель ты дольше станешь несть?
„Мужайся, шахъ! Твое рѣшенье —
„О славѣ Персамъ будетъ вѣсть!“...
.....

[1] Иранъ — Персія.
[2] Титулъ Персидскаго царя.

Digitized by Google

И шахъ рѣшился: „Пусть узнаетъ
„Вахтангъ покорности позоръ!
„Пусть ежегодно присылаетъ
„Обратно дань онъ съ этихъ поръ!
„Пускай онъ, счастьемъ обольщенный,
„Узнаетъ мощь моей руки!“...
И мыслью гордой упоенный
Шахъ приказалъ сбирать полки.

И такъ, друзья, всегда бываетъ.
Нашъ врагъ, пока мы говоримъ,
Онъ даже рта не открываетъ,
Но только... только замолчимъ,
Онъ тутъ какъ тутъ, и насъ облаетъ.
А мы жъ виновны... Спорьте съ нимъ!

Глава IV.

Вахтанга мрачно было око;
Сидѣлъ онъ молча на софѣ.
Морщины врѣзались глубоко
Въ его задумчивомъ челѣ.
Вокругъ него князья толпились
И ожидали, чтобъ его
Уста священныя открылись
И прояснилося чело.
Но думу тяжкую онъ думалъ:
Ему сегодня донесли,
Что царь Персидскій дерзко вздумалъ
Войной на Грузію итти!
Итти войной! Какія силы
Придали смѣлости ему?
Онъ—царь изнѣженный и хилый,
Ему ль бороться одному—
И съ кѣмъ? Съ Вахтангомъ! Иль забыли
Сосѣди мощь его руки?
Иль недостаточно покрыли
Позоромъ головы свои?
Пусть онъ идетъ! Вахтангъ сумѣетъ
Гостей непрошенныхъ принять;
Никто въ другой разъ не посмѣетъ

Digitized by Google

Своею жизнью такъ играть.
И, всѣхъ окинувъ смѣлымъ взоромъ,
Промолвилъ громко царь: „Князья!
„Докажемъ Персамъ мы отпоромъ,
„Что насъ врасплохъ застать нельзя,
„Что мы не предадимъ отчизну,
„Что бодръ еще въ Грузинахъ духъ,
„Что мы надъ ними справимъ тризну,
„Ихъ стономъ свой лаская слухъ!
„И чтобъ они не осквернялн
„Ногами пыль моей земли—
„Тамъ, на Сурамскомъ перевалѣ
„Построить крѣпость мы должны.
„Такъ пусть же каждый, въ комъ пылаетъ
„Любовь къ отчизнѣ и ко мнѣ,
„Своею силой помогаетъ
„Царю въ нагрянувшей войнѣ!“
Джигитовъ очи засверкали,
Блеснули шашки въ ихъ рукахъ:
„Идемъ мы всѣ!— они кричали—
„И да погибнетъ дерзкій врагъ!“
И слово царское промчалось
Изъ края въ край, какъ вихрь степей;
И много витязей собралось
Въ защиту родины своей.
Толпы тянулись за толпами
Со всѣхъ концовъ родной земли;
На шеяхъ съ тяжкими ярмами,
Понурясь, буйволы брели;
Скрипѣли арбы; въ нихъ болтали
Подъ зноемъ солнечныхъ лучей
Грузиновъ жены и держали
У груди дремлющихъ дѣтей.
Повсюду пѣсни раздавались
И смѣхъ, и брань, и крикъ, и плачъ.
Играя, юноши старались
Поднять съ земли папаху вскачь.
И, позабывъ свои сѣдины,
Имъ старики глядѣли вслѣдъ—
И прояснялись ихъ морщины
Воспоминаньемъ юныхъ лѣтъ!

Digitized by Google

А мужи ѣдутъ молчаливо
На карабахскихъ скакунахъ
И только вдаль глядятъ пытливо
Изъ-подъ заломленныхъ папахъ.
Царя любимаго рѣшенье
Законъ для подданныхъ его,—
Они идутъ безъ разсужденья
За нимъ изъ дома своего;
Супругъ примѣрный тотчасъ броситъ
Свою жену; сынъ броситъ мать;
И добровольно каждый сноситъ
Къ ногамъ царя, что можетъ дать;
Они себя позабываютъ,
Бросаютъ то, чего вчера
Еще держались... освящаютъ
Они любовью власть царя.
Въ безпрекословномъ подчиненьи,
Въ самоотверженной любви
Гнѣздится родины спасенье
И жизнь моя и честь семьи.
И если я еще способенъ
„Царя“ въ отчизну воплощать—
То вѣтру вольному подобенъ
Мой духъ и мнѣ свобода—мать.
И царь, который понимаетъ,
Что онъ отчизны старшій сынъ—
Отца онъ братьямъ замѣняетъ,
Онъ имъ оплотъ и господинъ.

Ужъ тридцать разъ земли свѣтило
Надъ зеленѣвшей высотой
Изъ-за Гиркана[1] восходило,
Пылая божеской красой;
И тридцать разъ ужъ омывалось
Оно въ бушующихъ волнахъ,
И предъ покоемъ улыбалось
Землѣ, въ хладѣющихъ лучахъ.
Тамъ, гдѣ зеленой головою
Небесъ касается Сурамъ,

[1] Каспійское море.

Digitized by Google

Какъ будто силой неземною
Воздвиглась крѣпость—смерть врагамъ!
Вахтангъ спокойный, гордый, смѣлый
Спѣшитъ на крѣпость посмотрѣть;
И конь его, отъ пѣны бѣлый,
Готовъ подъ нимъ стрѣлой летѣть.
И вотъ князьями окруженный,
Подъ клики радостныхъ Грузинъ,
Царь подъѣзжаетъ, восхищенный,
Къ защитницѣ родныхъ стремнинъ.
Вдругъ... небо ль разомъ сотряслося?
Аллахъ ли проклялъ свой народъ?
Земля ль разверзлась? Пронеслося
Окрестъ стенанье: Гудъ идетъ!
Всѣ пали ницъ... Неколебимый,
Но блѣдный, только царь стоялъ;
Предъ смертію несокрушимый
Онъ молча казни съ неба ждалъ...
Но все замолкло. Мигъ проходитъ,
Еще минута и еще—
Но Гудъ обвала не приводитъ
Въ защиту царства своего.
И видитъ царь: предъ нимъ лишь груда
Камней, да пыль стоитъ столбомъ..
За что жъ такое мщенье Гуда?
Кто виноватъ предъ старикомъ?
Уединился царь въ раздумьи,
Не хочетъ видѣть никого...
И онъ клянетъ свое безумье,
Себя, Эхсину, шаха—все!
Два дня, двѣ ночи, сна не зная
И даже пищи не вкушая,
Сидѣлъ въ палаткѣ онъ, и страхъ
Виднѣлся въ сумрачныхъ чертахъ.
„Такъ! Виноватъ я предъ страною:
„Я на нее съ небесъ навлекъ
„Ужасный гнѣвъ... Да, надо мною
„Аллахъ проклятіе изрекъ.
„И не могу его прощенье
„Себѣ ничѣмъ ужъ я снискать.
„Нѣтъ, видно, Грузіи паденье

Digitized by Google

„Не суждено мнѣ удержать!
„Аллахъ любилъ меня, пока я
„Его послушнымъ сыномъ былъ,—
„Но я, покорность забывая,
„Соравнымъ съ нимъ себя возмнилъ.
„Не зналъ я слова: неудача,
„И не хотѣлъ его я знать!
„Теперь я долженъ, горько плача,
„Себя раскаяньемъ терзать!“...
И тяжко грудь его дышала,
И по щекамъ его слеза
Впервые робко пробѣжала,
И отуманились глаза.
И такъ, терзаяся душою,
Себя владыка проклиналъ
И въ первый разъ передъ собою
Себя рабомъ онъ увидалъ.

. . . . . .

Вдругъ рабъ, царя любимецъ, входитъ;
Стопою робкой онъ идетъ,
Къ владыкѣ мрачному подходитъ
И до земли поклонъ кладетъ.

ВАХТАНГЪ.

Кто тутъ?

РАБЪ.

О, яркій свѣтъ вселенной!
Отецъ для царства своего!
Передъ тобой твой рабъ смиренный,
Взгляни безъ гнѣва на него!

ВАХТАНГЪ.

Что надо?

РАБЪ.

Царь! Меня послали
Молить тебя, чтобъ облегчилъ
Ты грудь свою отъ злой печали,
Отъ слезъ бы очи осушилъ...

ВАХТАНГЪ.

Глупцы! Ужели я не знаю,
Что совершилось предо мной?

Digitized by Google

Ужели я не понимаю
Того, что понято толпой?
Скажи имъ, что они не могутъ
Впередъ увидѣть ничего!
Пусть умереть мнѣ лишь помогутъ...
Ступай!

РАБЪ.

Но царь!..

ВАХТАНГЪ.

Ну, что еще?

РАБЪ.

О, царь! тебя всѣ молятъ слезно,
Чтобъ допустилъ ты предъ себя...

ВАХТАНГЪ.

Пустить? Кого? Не надо... Безполезно!..
Довольно, что пустилъ тебя.

РАБЪ.

Прости, владыка... Я обязанъ
Былъ всѣхъ моленье передать,
Но крѣпче я къ тебѣ привязанъ:
Тебя не смѣю раздражать.
Иду...

ВАХТАНГЪ.

Постой! Тебя я знаю,
Ты вѣрный былъ всегда слуга,
И дерзость я тебѣ прощаю:
Не даромъ ты пришелъ сюда.
Ну, продолжай.

РАБЪ.

Сюда явился
Мегди-Саибъ еще вчера,
И тамъ въ развалинахъ... молился
Онъ неусыпно до утра.

ВАХТАНГЪ.

Саибъ? Глупецъ неосторожный!
Зачѣмъ ты сразу не открылъ,
Что въ этотъ день, для всѣхъ тревожный,

Digitized by Google

Святой Саибъ насъ не забылъ?
Бѣги! Пусть онъ спѣшитъ явиться,
И пусть одинъ ко мнѣ войдетъ:
Мы будемъ вмѣстѣ съ нимъ молиться,
И онъ мнѣ въ душу свѣтъ прольетъ.
И рабъ поспѣшно удалился;
А царь, взволнованный, стоялъ
И, чтобъ Арабъ скорѣй явился,
Съ волненьемъ робкимъ ожидалъ.
Да, этотъ мужъ, святой учитель,
Могъ слово мудрое сказать;
Велѣній вышнихъ исполнитель,
Лишь онъ могъ будущее знать.
Года тянулись за годами,
За родомъ новый родъ вставалъ,
Саибъ, старикъ межъ старцами,
Одинъ лишь отдыха не зналъ.
И вѣчно онъ ходилъ убогій,
Съ котомкой, съ посохомъ въ рукѣ,
И взоръ его, простой и строгій,
Не зналъ препятствія нигдѣ;
И всѣ безмолвно преклонялись
Предъ смѣлой святостью его:
Его рѣшеньямъ подчинялись
Всѣ люди—всѣ до одного!
Кто онъ? Явился онъ откуда?
Когда? Никто того не зналъ.
Но ждали слова, ждали чуда—
Пришелъ и всѣхъ завоевалъ.
И царь, тревогами согбенный,
Стоялъ, забывъ свой царскій санъ,
И взоръ вперилъ на дверь смущенный.
Такъ ждалъ Араба Горгосланъ.

САИБЪ.

Привѣтъ, о, царь великодушный!
Благословенъ въ тебѣ твой родъ!
Твоимъ велѣніямъ послушный,
Да будетъ счастливъ твой народъ!
Смиренный рабъ провозглашаетъ:
Великъ Аллахъ и Магометъ
Его пророкъ! Пусть посылаетъ

Digitized by Google

Съ небесъ тебѣ онъ только свѣтъ.
Пришелъ я, слабый, немущій,
Тебя о милости просить:
Вели, владыка всемогущій,
Мнѣ душу дерзостно раскрыть...

Вахтангъ.

Сапбъ! Тебѣ ли предо мною
Клонить премудрую главу?
Нѣтъ, ты позволь передъ тобою
Пасть посрамленному рабу.

Сапбъ,

О, царь! Не предавайся горю:
Воспрянь, какъ прежде, ты душой!
Тяжелъ твой жребій, я не спорю,
Но есть Всевышній надъ тобой...

Вахтангъ.

Святой старикъ! Я слишкомъ знаю,
Что надо мной есть Царь еще!
Душой покорной принимаю
Я наказанье отъ Него.
Но слабый духъ мой тѣмъ смутился,
Что вижу гибель я страны...
За что народъ мой поплатился?

Сапбъ.

Судить мы Бога не должны.

Вахтангъ.

Да, да! Ты правъ—но такъ ужасно
Страданье сердца моего...
Мнѣ совѣсть шепчетъ ежечасно:
Ты врагъ народа своего!..
Давай съ тобой, Сапбъ, молиться:
Услышитъ Богъ твою мольбу,
И недостойному рабу,
Быть можетъ, многое простится.

Сапбъ.

Великъ Аллахъ! Не намъ, не намъ
Премудрость Божію измѣрить.
Святымъ покорные словамъ,

Digitized by Google

Въ Него мы можемъ только вѣрить.
Но есть наука изъ наукъ:
Творенья Бога ей понятны,
Извѣстны ей причины мукъ,
Ей голоса природы внятны.
Я ночь въ развалинахъ провелъ,
Я понялъ вышнихъ звѣздъ мерцанье—
Ко мнѣ нежданно снизошелъ
И мнѣ явился духъ всезнанья;
И такъ сказалъ великій духъ:
Иди, надеждой на спасенье
Ласкай, Саибъ, Вахтанга слухъ:
Пусть сниметъ съ сердца огорченье.
Еще есть путь...

ВАХТАНГЪ.

Какой?

САИБЪ.

О, царь!
Велѣнью духа слѣдуй смѣло:
Съ тобою свяжетъ сазандарь
Со славой конченное дѣло.
Созови народъ покорный свой
И объяви ему рѣшенье:
Пусть сынъ пожертвуетъ собой
И счастьемъ матери родной
На славу всѣмъ и во спасенье.
Но мать должна одинъ лишь разъ
Узнать рожденья стонъ и муки;
Сынъ долженъ быть ей слухъ и глазъ,
И ей опорой—сына руки.
Пусть страшной смертью умереть
Безъ принужденья онъ рѣшится.

ВАХТАНГЪ.

Саибъ! Грузинъ ли побоится
Станъ вражій ночью осмотрѣть?

САИБЪ.

Ужель ты хочешь Божью волю
Людскою хитростью сломить?
И ужъ нерадостную долю

Digitized by Google

Грѣхомъ безплоднымъ осложнить?
Нѣтъ! Не людской ничтожной силой
Ты побѣдишь своихъ враговъ,
А добровольною могилой
И мукой лучшихъ изъ сыновъ:
Въ стѣнѣ разрушенной твердыни
Онъ замурованъ долженъ быть.
Аллахъ въ его святой кончинѣ
Рѣшилъ спасенья корень скрыть...

Вахтангъ.

Ужасенъ приговоръ Аллаха!
Могу ль исполнить я его?

Саибъ.

Тебѣ ль, рожденному изъ праха,
Не слушать Бога своего?
Дерзай, владыка! Безъ боязни
Иди, куда Аллахъ ведетъ:
На мѣсто этой страшной казни
Навѣки милость онъ прольетъ...
.....
.....

Вахтангъ (одинъ).

Саибъ! Саибъ неумолимый...
Блаженъ спокойствіемъ своимъ
Ты, Бога вѣрныхъ сынъ любимый,
Со всѣмъ разставшійся земнымъ!
Ушелъ, грѣхомъ непобѣжденный,
Мнѣ въ душу камень заронивъ,
А я... я—царь! стою сраженный,
Себя, свой долгъ, свой санъ забывъ!
„Велѣнью духа слѣдуй смѣло...“
Такъ значитъ—сына отнимп
У матери осиротѣлой,
Народу въ жертву принеси
Людскія чувства всѣ свои...
„Тебѣ ль, рожденному изъ праха,
„Не слушать Бога своего?..“
Да... я послѣдній сынъ Аллаха,
Я—рабъ владыки моего!

Digitized by Google

И, подчинившись нерадѣнью,
Могу его я прогнѣвить,
Народъ подвергнуть посрамленью
И всю отчизну погубить!
Но, жертва, жертва! Проникаетъ,
Какъ стрѣлы, стонъ ея въ меня...
О нѣтъ! Никто, никто не знаетъ
Безсилье мощнаго царя!..

Глава V.

Уже надъ каменной грядою
Свѣтило дня давно блеститъ
И золотистою волною
Природу Грузіи живитъ;
Вездѣ движенье и работа,
Вездѣ вседневная война,
Вездѣ веселье и забота,—
Все пробудилось ото сна!..
И въ полѣ, на окрайнѣ стана
Толпа огромная стоитъ
И ждетъ прихода Горгослана
И въ изумленіи молчитъ.
Что скажетъ царь? Что левъ желѣзный
Въ уединеніи рѣшилъ?
Иль, можетъ быть, совѣтъ полезный
Мегди-Саибъ царю внушилъ?
И ждали всѣ нетерпѣливо,
Сердца тревожно бились ихъ,
И каждый мыслью горделивой
Мнилъ скрыть волненье отъ другихъ.
Но вдругъ восторга кликъ раздался:
„Вотъ царь!“ Но грустенъ и угрюмъ...
Онъ блѣденъ, на челѣ остался
Глубокій знакъ тяжелыхъ думъ.
Къ толпѣ онъ молча подъѣзжаетъ;
И слабымъ кивомъ головы
Царь на восторги отвѣчаетъ,
Не слыша возгласовъ толпы.
Но вотъ народъ въ недоумѣньи
Замолкъ, и ждетъ, что скажетъ царь...

Digitized by Google

Нѣтъ, никогда въ такомъ волненьи
Царя никто не видѣлъ встарь.
Вахтангъ окинулъ грустнымъ окомъ
Цвѣтъ лучшій царства своего,
И вздохъ печальный ненарокомъ
Изъ груди вырвался его.
И молвилъ царь, собравшись съ силой:
„Привѣтъ вамъ, братія мои!
„Привѣтъ, сыны отчизны милой!
„Мы дѣти всѣ одной семьи!
„Извѣстны вамъ, какъ мнѣ, печали
„И радости земли родной,
„И вы не даромъ обѣщали
„Отчизнѣ жертвовать собой"!
Тогда народъ одушевленный
Вскричалъ: „О царь, лишь прикажи—
И ляжетъ край вооруженный
Безъ разсужденія костьми"!..
Царь продолжалъ: „Друзья и братья!
„Часъ испытанія насталъ—
„И огнь небеснаго проклятья
„На насъ Всевышній ниспослалъ:
„Теперь Ирана шахъ кичливый
„Къ намъ безъ препятствія придетъ,
„И этотъ край, досель счастливый,
„Въ постыдномъ рабствѣ въ прахъ падетъ!"
И дрогнулъ всякъ; насупивъ брови,
На югъ всѣ воины глядятъ
И кизильбашей теплой крови
Отвѣдать шашками хотятъ...
Царь понялъ ихъ... и сердце сжалось
Въ его измученной груди...
Онъ продолжалъ: „Но намъ осталось
„Еще одно лишь впереди:
„Въ любви къ грузинамъ неизмѣнной
„Аллахъ свой приговоръ изрекъ:
„Спасетъ нашъ край благословенный
„Одинъ лишь только человѣкъ!"
—Кто онъ? Кто онъ? Мы всѣ готовы!
Не испугается никто
Надѣть смертельные оковы
Для счастья брата своего!

Digitized by Google

„Узнайте жъ грозное рѣшенье:
„Пусть сынъ пожертвуетъ собой
„И счастьемъ матери родной
„Во славу всѣмъ и во спасенье!..
„Но мать должна одинъ лишь разъ
„Узнать рожденья стонъ и муки;
„Сынъ долженъ быть ей слухъ и глазъ
„И ей опорой—сына руки.
„И долженъ онъ готовымъ быть
„Къ еще неслыханной кончинѣ:
„Должны мы заживо зарыть
„Его въ разрушенной твердынѣ".
Царь замолчалъ. Молчали всѣ,
И грудей тяжкое дыханье
Лишь слышно въ мертвой тишинѣ,—
И долго длилося молчанье...
Боролся каждый самъ съ собой,
Потупя въ землю мрачно очи.
Въ ихъ душахъ сумракъ ледяной
Невыносимѣй бурной ночи.
Царь ждетъ... Дрожитъ его рука,
Но онъ волненіе скрываетъ;
Ногайкой тонкою, слегка
Коня лаская, онъ играетъ.
Вдругъ чей-то голосъ молодой
Негромко, скромно раздается:
„Готовъ я жертвовать собой,
„Душа моя не содрогнется"!
—Кто ты, невѣдомый джигитъ?—
Царь пораженный вопрошаетъ.
Предъ нимъ младой грузинъ стоитъ
И безъ боязни отвѣчаетъ:
„О царь! Зовутъ меня Сосланъ;
„Одинъ у матери я милой...
„Но не страшусь я, Горгосланъ,
„Предъ преждевременной могилой"!
Тогда Вахтангъ сошелъ съ коня
И обнялъ юнаго героя:
„О, поцѣлуй скорѣй меня,
„Создатель нашего покоя!
„Но, сынъ мой, страшенъ жребій твой!
„Невыносимъ могильный холодъ,—

Digitized by Google

„А ты отважною душой
„Прекрасенъ такъ, еще такъ молодъ!“
— О царь! Ужели лишь мужамъ
По силамъ родины спасенье?
Ужели младшимъ сыновьямъ
Нѣтъ доли въ счастьи за рожденье?
Готовъ я завтра въ рай пти,
Не искушай же, царь, Аллаха!
Теперь послѣднее прости
Скажу я матери безъ страха“.
И такъ сказавъ, Сосланъ пошелъ...
Толпа стояла вся въ смущеньи...
Изъ ряда въ рядъ, какъ духъ, прошелъ
Безмолвный трепетъ удивленья...

Что можетъ быть, друзья, больнѣй,
Какъ передъ вѣчнымъ разставаньемъ,
Сказать съ сердечнымъ содроганьемъ
„Прощай“ тому, кто всѣхъ милѣй?
Хоть всякій этого боится,
Но все же каждому изъ насъ
Случалось и еще случится
То слово вымолвить не разъ.
Въ немъ все— отчаянье и ласка,
Надеждъ разрушенныхъ туманъ,
Воспоминаній лучшихъ сказка
И утѣшенія обманъ.
И если, плача и терзаясь,
Мы говоримъ „прощай“ подчасъ,
То лишь себѣ не сознаваясь,
Что съ словомъ симъ конецъ для насъ,
То лишь надѣясь, что успѣемъ
Еще проститься мы не разъ...
Мы всѣ обманывать умѣемъ,
Когда хотимъ, свой умъ и глазъ.
И мать Сослана понимала,
Что слова сынъ не измѣнитъ,
Какъ бы она ни умоляла,
Затѣмъ, что сынъ ея—джигитъ,—
И все же въ сердцѣ трепетали
Лучи обманчивыхъ надеждъ,
И слезы легче начинали

Digitized by Google

Бѣжать изъ-подъ усталыхъ вѣждъ...
И чуда съ силой непонятной
На завтра жаждала она:
Своей любовью необъятной
Въ немъ мать была убѣждена!..

Глава VI.

Сосланъ до утра одинокій
По стану сонному бродилъ;
И въ міръ надзвѣздный, міръ глубокій
Онъ очи вдумчиво вперилъ.
Что тамъ, въ той непонятной дали,
Куда судьба его ведетъ?
Что онъ, сынъ муки и печали,
Въ краю невѣдомомъ найдетъ?
Узритъ ли горы дорогія,
Заботы матери родной,
Джигитовъ скачки удалыя
И очи Эны молодой?
Услышитъ ли онъ пѣснь ашуга [1],
И шашекъ лязгъ и вражій стонъ,
И будетъ ли въ кунацкой друга
Онъ чашъ заздравныхъ слушать звонъ?
Богъ вѣсть! Но жаль ему покинуть
На вѣкъ привычный отчій кровъ
И страшно завѣсу раздвинуть
Въ дверяхъ таинственныхъ міровъ.
Но нѣтъ! Лишь первый лучъ проснется
Тамъ, гдѣ волнуется Гирканъ,
Вокругъ развалинъ соберется
Въ смущеньи весь грузинскій станъ.
А онъ—въ могилу смѣло вступитъ...
Не все ль равно, что ждетъ его,
Когда своею смертью купитъ
Онъ жизнь народа своего?

Едва лишь вѣтеръ предразсвѣтный
По листьямъ робко пробѣжалъ,
Едва лишь поцѣлуй отвѣтный

[1] Ашугъ—слѣпой пѣвецъ, въ родѣ малороссійскаго кобзаря.

Digitized by Google

Ему лучъ солнечный послалъ,
Едва роса засеребрилась,
Едва любовниковъ заря
Природа пѣньемъ огласилась,—
Толпами, молча, потекли
Грузины медленно изъ стана
На казнь невольную Сослана...
Они торжественно стоятъ
Вокругъ неслыханной гробницы,
И очи ярко ихъ горятъ,
Какъ блескъ полуночной зарницы.
Проходитъ часъ, проходятъ два,—
Въ толпѣ не видно нетерпѣнья,
И всякій молитъ про себя:
„Пошли, Аллахъ, ему спасенье!“
Но вотъ урочный часъ пробилъ;
Толпа невольно разступилась,
И на развалины вступилъ
Сосланъ... Толпа предъ нимъ склонилась...
И смѣло юноша вошелъ
Въ уже готовую могилу...
Аллахъ! Гдѣ отрокъ сей нашелъ
Мужамъ невѣдомую силу?
Чу! Первый комъ земли упалъ..
И гулко страшный звукъ раздался,—
Сосланъ не двигаясь стоялъ
И всѣмъ привѣтно улыбался.
Но вотъ еще... еще... Кипитъ
Невыносимая работа.
А отрокъ радостно стоптъ:
Съ него снята земли забота.
Изъ напряженной, вдругъ, толпы
Знакомый голосъ раздается:
„Мой сынъ, скажи скорѣй, гдѣ ты?
„Мнѣ жить недолго остается“...
— Я здѣсь!—Сынъ громко прокричалъ,—
Ужъ до колѣнъ земля доходитъ...
А заступъ глухо все стучалъ;
За мигомъ мигъ, едва проходитъ.
И раздается голосъ вновь:
„Теперь, о сынъ мой, гдѣ ты, гдѣ ты?
„Въ моихъ ужъ стынетъ жилахъ кровь...“

Digitized by Google

— Землею плечи ужъ одѣты...
Стѣна подъ заступомъ гудетъ;
И снова мать, ломая руки,
Сослана милаго зоветъ:
„О, гдѣ ты? Страшенъ мигъ разлуки“...
Сынъ тихо матери въ отвѣтъ:
„Я здѣсь; прощай, прощай, родная!
„Сейчасъ ты скажешь: сына нѣтъ,
„Онъ умеръ, родину спасая!“...
Вдругъ въ этотъ мигъ изъ-за стѣны
Передъ толпой Саибъ явился...
И очи въ высь устремлены,
И чудно ликъ его свѣтился.
Десницу онъ простеръ впередъ
И молвилъ громко: „Братья, стойте!
„Живѣе гробъ его отройте,
„Пусть съ миромъ къ матери идетъ!“
Его явленьемъ пораженный,
Народъ невольно ницъ упалъ;
Самъ царь, колѣнопреклоненный,
На Мегди пламенно взиралъ.
И видя, что народъ въ молчаньи
Предъ нимъ не двигаясь лежитъ,
Саибъ далъ снова приказанье—
Вмигъ славный юноша отрытъ.
Старикъ взялъ за руку Сослана,
И среди сплоченной толпы
Они предъ очи Горгослана
Свои направили стопы.
„Хвала Великому Аллаху!“
Саибъ премудрый возгласилъ:
„Мужайся, царь! Нѣтъ мѣста страху—
„Узнай судьбу: ты побѣдилъ!
„Что не по силамъ—невозможно
„Людскою силой побѣдить;
„И только гордостію ложной
„Ты могъ себя и всѣхъ сгубить.
„Но что сильнѣй любви и духа?
„И вотъ примѣръ, Грузины, вамъ:
„Когда дойдетъ до Персовъ слуха
„Сей подвигъ—смерть придетъ врагамъ.

Digitized by Google

„И безпорядочной толпою
„Они обратно побѣгутъ:
„Гдѣ мужи есть съ душой такою,
„Враги тамъ слабыхъ не найдутъ!
„Мужайся, царь! Часъ испытанья
„Аллаха милостью прошелъ.
„Взгляни впередъ безъ содроганья:
„Иди, какъ прежде къ славѣ шелъ!...“
Раздался крикъ единодушный—
И горы вторили ему..
Порыву первому послушный,
Народъ герою своему
Лобзаетъ руки, край одежды,
И возродителя надежды
Несетъ по стану на рукахъ...
....
И врагъ сраженъ высокомѣрный—
И вспять бѣжитъ разбитый шахъ...
Любящимъ родину безмѣрно
Да будетъ милостивъ Аллахъ!...

Съ тѣхъ поръ промчались годы... годы...
Перемѣнился Божій свѣтъ.
Гдѣ вы, кавказскіе народы?
Что сталось съ вами? Васъ ужъ нѣтъ.
Осталось лишь воспоминанье
О вашихъ подвигахъ лихихъ,
И пѣсни дѣвъ, отцовъ сказанья
Все рѣже говорятъ о нихъ.
Труды свободы промѣняли
Вы на спокойствіе рабовъ;
Вы безразсудно потеряли
Наслѣдье славное отцовъ!
Но духъ любви непобѣдимой
Въ семъ мірѣ такъ же все великъ:
Въ сыновъ страны моей родимой
Побѣдоносно онъ проникъ.
Самозабвенья безпримѣрный
Пылаетъ огнь у насъ въ сердцахъ—
Да будетъ милостивъ Аллахъ
Любящимъ родину безмѣрно!

А. Эмге.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ АЛЬФОНСѢ ДОДЭ[1]

ЛЕОНА ДОДЭ.

(Переводъ съ французскаго А. Ч.).

II.

Жизнь и литература.

Мой отецъ никогда не отдѣлялъ жизнь отъ литературы. Это былъ секретъ его вліянія. Искусство для него было довершеніемъ всего. Создавать типы и утѣшать сердца—вотъ что было его задачей.

Онъ мнѣ неоднократно разсказывалъ, что любовь къ жизни поглотила его молодость и что моей матери, „своей преданной, скромной и неутомимой сотрудницѣ", онъ былъ обязанъ тѣмъ, что безумно не растратилъ даровъ, которыми природа одарила его и которыми впослѣдствіи онъ воспользовался такимъ благороднымъ образомъ. Однажды, проходя курсъ литературы, я прочелъ ему фразу изъ Ламартина, которая поразила его и которую онъ заставилъ меня нѣсколько разъ повторить, какъ будто желая запечатлѣть ее въ своей памяти. Поэтъ тамъ описываетъ трепетъ чувствительности, который, если не переходитъ въ страсть, служитъ предзнаменованіемъ генія. Этотъ трепетъ чувствительности мой отецъ считалъ источникомъ всякаго прочнаго произведенія. Въ нѣкоторыхъ посвященыхъ ему послѣ смерти статьяхъ, — статьяхъ, впрочемъ сочувственныхъ,—я читалъ фразу которая вызвала мою улыбку: „Альфонсъ Додэ не былъ мыслителемъ". Мыслителемъ, подобно многимъ педантамъ, мыслителемъ, исключительно пускающимся въ отвлеченности, мыслителемъ-шарлатаномъ, онъ конечно не былъ. Но у меня есть его

[1] См. *Русское Обозрѣніе* № 8.

Digitized by Google

записныя тетради, гдѣ онъ ежедневно, неутомимо, добросовѣстно и съ невѣроятнымъ терпѣніемъ постоянно отмѣчаетъ работу своей мысли. Въ этихъ его маленькихъ записныхъ книжкахъ, наполненныхъ отмѣтками, исписанныхъ въ различныхъ направленіяхъ, иной разъ на страницахъ, бывшихъ уже въ употребленіи, можно встрѣтить все. Сначала все это смутно, безпорядочно, это какой-то неясный хаосъ, особенный трепетъ; и я думаю, что здѣсь прекрасная душа моего отца всецѣло проявилась со своими порывами, вихрями, отступленіями и возвратами, короткими вспышками и широкимъ пламенемъ. Затѣмъ, если всмотрѣться еще съ бо́льшимъ вниманіемъ, то обнаруживается нѣчто въ родѣ ритма, гармоническаго движенія ума, которое исходитъ отъ непосредственнаго ощущенія, вдохновляется картинами жизни, видами во время путешествія, мечтами или воспоминаніями и проходитъ тѣ яркія, звучныя области, гдѣ совершается чудо искусства, гдѣ живое впечатлѣніе, въ силу тайны бытія, даетъ начало книгѣ или піесѣ. Потомъ тонъ повышается. Все это остается живымъ и яснымъ, но дѣлается болѣе сжатымъ и еще болѣе опредѣленнымъ. Слова, высказанныя безъ видимой связи, тѣмъ не менѣе имѣютъ глубокую внутреннюю связь, какъ окраска и черты абриса Веласкеза или Рембрандта; эти слова, проникнутыя сильнымъ реализмомъ, проникнутыя тоской и искренностью, вызываютъ безконечныя размышленія. И изъ этой ткани плоти и нервовъ выходятъ удивительныя формулы, блестящія доказательства о самомъ себѣ, имѣющія болѣе смысла, чѣмъ тѣ идеи, гдѣ теряешься въ метафизикѣ.

Словомъ, трудъ безконечнаго анализа, доходящаго до крайнихъ предѣловъ добросовѣстности, доказываетъ не только идеальное терпѣніе писателя, но и то, что мысль его постоянно стремилась въ высь, совершенствовалась, старалась пролить лучъ свѣта на мрачную сѣть бытія.

Я упомянулъ о терпѣніи, но тутъ болѣе, чѣмъ терпѣніе: тутъ самопожертвованіе. Я иной разъ говорилъ моему отцу: „въ тебѣ католическая кровь!“ Эти записныя книжки намъ открываютъ въ конечномъ выводѣ состояніе сложнаго движенія души, гдѣ догматъ затемнился, но гдѣ религія оставила свой отпечатокъ на томъ, что́ въ ней есть трогательнаго и неумолимаго. Тяжело записывать безусловно все, что́ чувствуешь и переживаешь. Игра жизни и смерти, медленное разрушеніе нашихъ тканей—составляетъ ужасъ для большинства людей. Этотъ страхъ, это желаніе убѣжать отъ своей совѣсти дѣлаютъ насъ лунатиками, колеблю-

Digitized by Google

щимися предъ исповѣдью, которую наше сердце дѣлаетъ самому себѣ въ тишинѣ дней и ночей, въ минуты нашего мрачнаго существованія. Монтэнь, Паскаль и Руссо — это три кумира, которымъ поклонялся мой отецъ. Съ Монтэнемъ онъ никогда не разставался, изъ Паскаля онъ постоянно дѣлалъ выдержки, Руссо онъ защищалъ отъ упрековъ тѣхъ, которые стыдятся стыда, которые отворачиваются отъ мертвечины. Мой отецъ постоянно обращался къ этимъ могучимъ образцамъ, вращался въ ихъ безднахъ, доискивался истины тамъ, гдѣ ихъ мнѣніе было прикрыто сомнительнымъ молчаніемъ. Онъ бралъ одну изъ ихъ мыслей и жилъ съ нею, какъ съ подругой какъ съ позабытою сестрой, въ которой онъ старался найти сходство и различіе со свойственною ему строгою добросовѣстностью, съ которою онъ относился ко всему, что для него составляло интересъ. Онъ не относился безъ вниманія ни къ тому, что его окружало, ни къ тѣмъ, которые проходили мимо, ни даже къ событіямъ дня. У этихъ же трехъ геніевъ, столь зрѣлыхъ и столь глубокихъ, онъ болѣе всего цѣнилъ ихъ искренность. Онъ ставилъ ихъ себѣ въ примѣръ. Бесѣдуя съ ними, онъ проникался ихъ содержаніемъ. Не это ли задача мыслителя?

* * *

Но изъ всѣхъ книгъ онъ болѣе всего перелистывалъ „книгу жизни“. Жизнь его въ молодости была полна всякаго рода впечатлѣній, которыми въ своемъ зрѣломъ возрастѣ онъ вполнѣ сумѣлъ воспользоваться. Самою удивительною чертой его было то, что въ зрѣломъ возрастѣ онъ не очерствѣлъ, не остановился въ своемъ развитіи, а все шелъ впередъ. Его свойство волноваться осталось неприкосновеннымъ до конца жизни, и только въ силу его страданій оно еще увеличилось. Это рѣдкое, драгоцѣнное свойство можно сравнить съ раной, черезъ которую проходитъ сила, идущая отъ существа къ природѣ и отъ природы къ существу. Я помню, что онъ это сопоставлялъ съ уколомъ св. копья.

— Вотъ,—говорилъ онъ мнѣ,—одно изъ моихъ видѣній. Нашъ Спаситель на крестѣ... Разсвѣтъ, холодный, мучительный! Къ этому мученику, цѣнившему жизнь до такой степени, что Онъ способенъ былъ пожертвовать ею для того, чтобы чрезъ милосердіе и искупленіе она распространилась на все человѣчество, къ Господу Богу возносится шумъ пробуждающагося города, звуки, шумъ толпы, потомъ еще ближе—стоны и сильныя жалобы

Digitized by Google

у подножія креста. Онъ вливаетъ это въ Себя всѣми порами, и вкусъ желчи дѣлается менѣе чувствительнымъ, притупляется боль отъ ранъ, отъ позорища и удара копьемъ.

Мой отецъ не шелъ дальше, но подчеркивалъ послѣднія слова, предоставляя мнѣ продолжать. Онъ не настаивалъ на этихъ прекрасныхъ мечтахъ, старался самому слушателю дать возможность дополнить ихъ, зная, что тотъ лучше пойметъ его, кто прибавитъ что-нибудь отъ себя.

Эта его чуткость, подчасъ обострявшаяся до крайнихъ предѣловъ, оставалась всегда непосредственною и никогда не затрогивала жизненныхъ правилъ,—всегда простыя и ясныя они для него оставались ненарушимыми. Мой отецъ ненавидѣлъ развратъ, компромиссы съ совѣстью, въ чемъ можно было обвинить нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей. Эта его чуткость была всегда настороже. Въ своихъ маленькихъ тетралкахъ онъ говоритъ безъ пощады о тѣхъ минутахъ, когда священникъ видитъ, какъ покидаетъ его вѣра, когда влюбленный въ отчаяніи сомнѣвается въ своей любви. Отецъ мой главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы не сдѣлаться равнодушнымъ въ страданіяхъ, чтобы остаться воспріимчивымъ на всякія впечатлѣнія. У него я не зналъ минутъ безъ благодати.

* * *

У него была особенная, ему одному присущая манера разсказывать; ея никогда не забудутъ ни его друзья, ни тѣ, которые когда-либо бесѣдовали съ нимъ. Въ своемъ разсказѣ отецъ мой слѣдовалъ за воспоминаніями, примѣнялся къ нимъ. Соотвѣтвѣтственно ихъ порядку, онъ воспроизводилъ факты и впечатлѣнія, пропуская второстепенныя и останавливаясь, какъ онъ говорилъ, на господствующихъ.

„Господствующія",—этотъ терминъ часто имъ употреблялся. Онъ подъ этимъ словомъ понималъ главныя, необходимыя части, суть книги или послѣдней новости. И именно на это, говорилъ онъ, слѣдуетъ пролить свѣтъ.

Онъ неоднократно повторялъ: всякая вещь имѣетъ свой смыслъ и такую сторону, съ которой къ ней можно приступиться.

Мы такимъ образомъ проникаемъ въ тайну его метода; онъ менѣе простъ, чѣмъ это кажется на первый взглядъ.

Поклонникъ реальнаго и правдиваго, онъ никогда не прекращалъ своихъ разслѣдованій. Пока онъ могъ выходить изъ дому, онъ посѣщалъ самыя разнородныя сферы, не пренебрегая ника-

Digitized by Google

кимъ случаемъ, въ особенности же не относясь ни къ кому съ презрѣніемъ. Онъ смотрѣлъ на презрѣніе, какъ на одну изъ формъ невѣжества. Касалось ли дѣло кого-либо, съ кѣмъ онъ встрѣчался въ клубѣ, артиста ли, какого-нибудь больнаго, какого-нибудь нищаго на улицѣ, лѣснаго сторожа, прохожаго, случайно встрѣченнаго работника,—мой отецъ, благодаря своей обходительности и добротѣ, сразу переступалъ ту банальную область, гдѣ обмѣниваются только лицемѣрною откровенностью, и тотчасъ проникалъ въ сердце собесѣдника. Онъ внушалъ то удивительное довѣріе, которое происходитъ отъ удовольствія быть понятымъ. Я видѣлъ людей самыхъ осторожныхъ, которые довѣрялись ему. Сколько людей страдаетъ изъ-за своей сдержанности! Сколько чувствуютъ себя одинокими на землѣ, встрѣчая только одинъ эгоизмъ! У меня сорвалось выше слово „методъ“: оно звучитъ фальшиво, когда рѣчь идетъ о такомъ гуманномъ дѣлѣ. Прежде всего мой отецъ слѣдовалъ своей склонности, которая заключалась въ томъ, чтобы любить своего ближняго, горевать или радоваться вмѣстѣ съ нимъ. Моя мать, мой братъ и я, мы мягко подшучивали надъ его гнѣвомъ, вызваннымъ какою-нибудь несправедливостью, а также и надъ его участіемъ къ фактамъ и дѣламъ самымъ отдаленнымъ отъ него.

Когда жестокая болѣзнь сразила его, въ размѣрахъ впрочемъ меньшихъ, чѣмъ это утверждали, онъ широко открылъ свои двери. Онъ принималъ всѣхъ несчастныхъ и терпѣливо выслушивалъ разсказы о всякихъ бѣдствіяхъ. Если дѣло касалось облегченія истиннаго горя, никто никогда не слыхалъ изъ устъ его жалобъ, что ему помѣшали работать. Немногіе обманывали его и злоупотребляли его добротой, потому что его исключительная проницательность помогала ему отличить правду отъ лжи. Но даже и это не раздражало его. „Бѣдняга“, говорилъ онъ часто со своею восхитительною улыбкой, „бѣдняга, онъ думалъ, что проведетъ меня. Я читалъ ложь на его лицѣ, я ее угадывалъ по дрожанію въ углу рта маленькаго мускула, который я хорошо знаю; я видѣлъ фальшь и въ двусмысленности его глазъ. Была минута, когда я чуть не выдалъ себя... Эхъ... Вѣдь все же онъ несчастенъ!“

Когда посѣтитель удалялся, онъ отмѣчалъ изъ разговора все, что̀ ему казалось интереснымъ. И его память была безпредѣльна, потому что, несмотря на свою близорукость, онъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ помнилъ названіе, фигуру, жесты, подергиваніе мускула, слова. Однажды онъ вдругъ спросилъ одного изъ своихъ

Digitized by Google

старыхъ товарищей изъ Ліонскаго лицея, котораго онъ не видалъ уже тридцать лѣтъ:

— У васъ еще есть на ногтѣ большого пальца тотъ кровяной знакъ, которому я такъ удивлялся, когда вы писали?

Его самыми живыми воспоминаніями были тѣ, которыя вызывались волненіемъ, и онъ намъ ихъ передавалъ съ полною точностью. Я какъ будто еще слышу разсказъ о пожарѣ, гдѣ огонь трещитъ, гдѣ въ безпорядкѣ слѣдуютъ пожарные и другъ за дружкой силуэты полунагихъ женщинъ. Ему было тогда десять лѣтъ. „Останься тамъ, малютка!“ сказалъ одинъ изъ команды. Онъ тамъ и остался до тѣхъ поръ, пока пламя не опалило его бровей и не коснулось его рукъ. Онъ не забылъ ни крика, ни треска балокъ, ни яркаго свѣта, ни выраженія ужаса на лицахъ, ни своего собственнаго волненія, смѣшаннаго съ весельемъ. И какъ онъ все это передавалъ! Въ какихъ вѣрныхъ и захватывающихъ чертахъ!

Въ другой разъ дѣло было во время наводненія, внезапнаго разлива Роны. Будучи свидѣтелемъ всего этого, онъ припоминалъ малѣйшія подробности со взглядомъ, устремленнымъ въ прошедшее: вся картина наводненія, какъ живая, возстала предъ нами: барки, и та барка, гдѣ онъ самъ находился, упоенный опасностію; потерпѣвшіе, карабкающіеся на крыши домовъ, шумящія пучины, стремительные водовороты, непреодолимая сила бѣшеныхъ водъ.

* * *

Свойство подобнаго ума—группировать множество разрозненныхъ картинъ въ одно цѣлое, все распредѣлять, противъ своего вѣдома, медленнымъ трудомъ размышленія, скопленіемъ отдѣльныхъ образовъ, сопоставленіемъ живыхъ впечатлѣній такъ, чтобы между ними было одно гармоническое цѣлое. Свойство подобнаго ума—воспользоваться малѣйшими чертами для своего труда, сравнивать ихъ, подробно излагать, расширять, не искажая, съ тою простотой, съ какою бьется сердце и дышатъ легкія.

Возьмите произведенія великихъ писателей. Заботливо отмѣтьте лучшія изъ нихъ. Было бы очень удивительно, еслибы сквозь богатыя и многочисленныя описанія вы не замѣтили двѣ или три преобладающія картины, которыя съ новою окраской періодически повторяются. Среди столькихъ характеровъ, которые создали Бальзакъ, Гёте, Диккенсъ или Толстой, есть нѣсколько первоначальныхъ штриховъ, нѣсколько основныхъ эле-

Digitized by Google

ментовъ природы, которые служатъ центромъ, исходнымъ пунктомъ. Ихъ дала генію жизнь. Геній, украсивъ ихъ своимъ обаяніемъ, возвращаетъ ихъ жизни.

Такъ было и съ моимъ отцомъ. Я помню его удивленіе, когда, попросивъ своего друга Постава Тудузъ сдѣлать „selectae“ (выдержки) изъ своихъ произведеній, гдѣ были бы только примѣры материнской привязанности, онъ увидѣлъ, что изобразилъ въ цѣломъ рядѣ своихъ романовъ и драмъ вѣчный возвратъ этого мотива „матери“, которая является высшею точкой человѣческой любви, образомъ той, которая насъ понимаетъ, носитъ, кормитъ, воспитываетъ, страдаетъ нашими страданіями, сіяетъ нашими радостями и постоянно жертвуетъ собою для насъ; этотъ восхитительный, безупречный образъ охватилъ его противъ его воли.

Онъ былъ для него самого великою, глубокою задачей сердца, и эта задача преслѣдовала его подъ различными формами, хотя онъ и не замѣчалъ этого.

Онъ придавалъ большое значеніе волненіямъ, которыя намъ раскрываетъ жизнь. „Есть возрастъ“, восклицалъ онъ, „когда человѣкъ кончаетъ печататься. Затѣмъ является повтореніе оттисковъ“. Я часто заставалъ его занятымъ этою мыслью, которая является слѣдствіемъ предыдущей. Въ человѣкѣ есть центръ, ядро, которое не измѣняется, не старѣется, на немъ не появляется морщинъ.

Когда онъ останавливался на одной изъ этихъ мыслей, то не удовлетворялся одною формулой, будь она даже ясною и опредѣленною. Прежде всего формула устрашала его. Въ ней ему представлялся образъ смерти. Онъ хотѣлъ освѣтить ее примѣрами. Онъ думалъ, что въ тотъ день, когда ее нельзя будетъ примѣнять непосредственно къ жизни, она лишится своей искренности, сдѣлается мертвою буквой. „Человѣколюбіе“—великое слово, заключающее въ себѣ всѣ эти стремленія, которыя я здѣсь благоговѣйно развертываю,—слово изъ крови и нервовъ, которое служило девизомъ для моего нѣжнаго друга.

* * *

Мы часто прогуливались вмѣстѣ. Пока мой отецъ могъ самъ выбирать экипажъ, онъ выбиралъ всегда самый жалкій, самый плохой, и именно такой, какого, по его мнѣнію, никто не возьметъ. Я помню одного очень стараго кучера, едва правящаго старою клячей, сидящаго на шаткихъ козлахъ одного изъ тѣхъ фантастическихъ фіакровъ, которые обыкновенно выѣзжаютъ по ночамъ.

Digitized by Google

Старикъ со своей стороны былъ безъ ума отъ такого сѣдока, который никогда не былъ въ претензіи на медленность ѣзды и неопрятный видъ.

Мой отецъ избралъ этотъ печальный экипажъ, и мы были увѣрены, что, поворачивая на улицу Белль-Шассъ, увидимъ его ѣдущаго по направленію къ намъ.

Въ одну изъ нашихъ послѣднихъ поѣздокъ, прежде нежели выѣхать въ мрачныя улицы Парижа, у него явилась мысль написать красными чернилами инпціалы А. Д. на дверцахъ и на стеклахъ, признавая такимъ образомъ этотъ экипажъ собственностью того, кто взялъ его изъ состраданія.

Множество подобныхъ воспоминаній тѣснится къ моему сердцу. Я, не колеблясь, записываю нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы вы знали, когда будете читать эти прочувственныя произведенія моего отца, что они были плодомъ искренней души, столь же прекрасной въ своихъ малѣйшихъ движеніяхъ, какъ и въ своихъ долгихъ и терпѣливыхъ усиліяхъ.

Въ нашихъ прогулкахъ было мало разнообразія. Мы заставляли везти себя по аллеѣ Елисейскихъ полей до Тріумфальной арки. Мой отецъ любилъ этотъ грандіозный спускъ, порождавшій въ немъ столько воспоминаній, которыя я читалъ въ его восторженныхъ глазахъ. Всегда гоняясь за эстетикой, онъ съ баснословною скоростью угадывалъ и опредѣлялъ человѣка. Если онъ себя чувствовалъ въ болѣе грустномъ настроеніи, мы направлялись на Бетюнскую набережную, гдѣ исторія Парижа трепещетъ въ старомъ камнѣ, который согрѣвается блѣднымъ зимнимъ солнцемъ. Ахъ, это солнце, какъ его любилъ мой отецъ! Хотя тусклое и блѣдное, оно ему напоминало его благоухающій Провансъ, при одномъ имени котораго все его лицо преображалось, а на его блѣдныхъ щекахъ появлялся румянецъ. Первобытное удовольствіе: печь себѣ спину на солнцѣ. „Печетъ сильно, какъ у насъ на Дюрансѣ“, говорилъ онъ, слегка опираясь на мою руку, глядя на причудливую Сену. Тотчасъ, какъ будто окрыленный мечтой, онъ обращался къ одному изъ тѣхъ миражей, которые превращали самую непродолжительную бесѣду въ безконечное обаяніе.

Обыкновенно начиналось съ незначительнаго замѣчанія, вызваннаго солнечнымъ лучемъ на чугунномъ балконѣ, яркимъ свѣтомъ сверкающаго на солнцѣ оконнаго стекла, отраженіемъ въ рѣкѣ. Побуждаемый правильнымъ сравненіемъ (никто такъ не любилъ точности, какъ онъ), онъ крѣпче пожималъ мою руку, и его фантазія разыгрывалась, но онъ не долго останавливался

Digitized by Google

на живописномъ: оно не могло вполнѣ удовлетворить его. Ему необходимо надо было перейти къ человѣчному. Ему достаточно было полуоткрытаго окна, чтобы вообразить себѣ внутреннюю обстановку съ поэтическою точностью голландскихъ мастеровъ. Тревожный силуэтъ женщины, старикъ, упивающійся послѣдними проблесками свѣта, нѣжность буржуазной семьи, дѣтство, старчество,—онъ угадывалъ, комбинировалъ, припоминалъ, радуясь своимъ собственнымъ наблюденіямъ, расточая на свѣжемъ воздухѣ свой восторгъ, богатство своего слова: „Каждый изъ этихъ добрыхъ людей обитаетъ на своемъ тѣсномъ островѣ, предавшись заботамъ о своей пищѣ и объ удовлетвореніи своихъ собственныхъ интересовъ".

Въ одну ужасную лѣтнюю жару, на той же самой Бетюнской набережной, мы увидали рабочаго, обнаженнаго до пояса, хохотавшаго подъ сильною струей воды, которою его обдавалъ изъ рукава поливальщикъ улицы. Мужественная поза этого рабочаго, его могучій торсъ, изогнутая спина, коренастая шея, высоко поднятая голова, дали толчокъ отправленія магической импровизаціи. Какъ онъ хвалилъ силу и простоту линій этого здороваго тѣла! Сколько цѣнныхъ замѣчаній онъ высказалъ о скульптурѣ, о мускулахъ, освѣщенныхъ солнечными лучами, объ испаринѣ, водѣ, каріятидахъ Пюже, объ этой античной картинѣ на поворотѣ одной изъ парижскихъ улицъ!

* * *

Вотъ его улыбка. Я слышу его смѣхъ. Несмотря на страданія, онъ сохранилъ свою веселость, которая, пользуясь малѣйшею передышкой, проявлялась вдругъ, неудержимо у этого человѣка, жадно любившаго природу, способнаго схватывать комическіе образы даже въ ту минуту, когда онъ волновался. Мой отецъ рѣдко сердился, но даже и въ тѣ рѣдкія минуты не было случая, чтобы смѣшное слово тотчасъ же не обезоружило его. И тогда пріятно было видѣть, какъ съ его лица исчезало прежнее выраженіе суровости. Съ какимъ наслажденіемъ онъ тогда уступалъ, довольный тѣмъ, что можетъ вернуться къ своему обычному благодушію!

Въ обществѣ его друга, Фридерикса Мистраля, или у Паррослей, опять-таки въ Провансѣ, я его видѣлъ въ самомъ радужномъ настроеніи, способномъ своею веселостью заражать другихъ. Соприкосновеніе съ земляками пробуждало въ немъ трепещущіе, неожиданные, ошеломляющіе взрывы веселья и

Digitized by Google

вохновенія. Онъ подражалъ гаммѣ звуковъ, которая звучала отъ Валанса до Марселя,—подражалъ позамъ, жестикуляціи. Онъ представлялъ два голоса того же самаго разскащика, одинъ изъ которыхъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ преимущества, совѣтуетъ, приказываетъ, опредѣляетъ, и другой—встрѣчаетъ противорѣчіе, бормочетъ, путается, сбивается съ толку. Онъ изображалъ Прюдона, „Катона съ неровностями", носителя сентенцій, слабосильнаго и важнаго, котораго боятся барышни въ торжественныхъ процессіяхъ; онъ изображалъ трибуна, растрепаннаго, ненадежнаго, переходящаго отъ самой излишней горячности къ самымъ опаснымъ метафорамъ; добраго, елейнаго батюшку; ханжу, который умиляется въ исповѣдальнѣ, а вслѣдъ затѣмъ бранится съ начальникомъ станціи; изображалъ таможеннаго, лакея, ребенка, который требуетъ свой апельсинъ, толпу на боѣ быковъ.

Во время одной изъ нашихъ экскурсій въ ту сторону насъ застигъ ливень, и мы очутились въ гостиницѣ. Присутствіе его близкихъ друзей—Обанеля, Румаиля, Мистраля и Феликса Гра, которыхъ онъ съ гордостью „показывалъ" своей женѣ, уроженкѣ Парижа, возбуждаютъ въ немъ воспоминанія его бурной молодости. На собравшихся поэтовъ находитъ вдохновеніе. Льются одна за другой пѣсни родины: старинные рождественскіе гимны, гдѣ стансы улыбаются сквозь слезы, звучныя баллады золотыхъ острововъ, восторженные крики полузакрытой Гренады. Чистый и залушевный голосъ моего отца выдѣляется изъ хора, его ритмическій тембръ пробуждаетъ во мнѣ чувство поэзіи. На всѣхъ лицахъ выраженіе восторга. Гостиница утопаетъ въ лучахъ солнца.

Этимъ бурнымъ собраніямъ, неудержимымъ проявленіямъ радости, мы обязаны такими рѣдкими произведеніями, какъ „Тартаренъ" и „Руместанъ", въ которыхъ такъ правдиво, искренно и вмѣстѣ съ тѣмъ блестяще описаны мѣстные нравы. Характерныя черты моего отца проявлялись въ жизни прежде, нежели онѣ появлялись въ его произведеніяхъ. Раскрывъ одно изъ нихъ, я какъ бы слышу его сосредоточенный серьезный голосъ.

И потому его прославленная ироніа была цвѣткомъ его нѣжности. Благодаря ей онъ избѣгалъ манерности. Обладая природнымъ умомъ, онъ избѣгалъ вульгарнаго комизма. Благодаря своему артистическому чутью, онъ такъ мѣтко умѣлъ подмѣчать людскія слабости и нерѣдко жестоко подсмѣивался надъ ними, но онъ обладалъ особеннымъ искусствомъ сглаживать впечатлѣнія своихъ нападокъ и оставлялъ въ душѣ читателя чувство трепета и

Digitized by Google

волненія вмѣсто того, чтобы возбуждать въ немъ злобу. Нѣкоторые сравниваютъ съ сарказмомъ Генриха Гейне эту прѣснію чисто латинскаго генія. Но такія параллели почти всегда лишены основанія. Гейне—несомнѣнно великій поэтъ, но поэтъ, лишенный отечества, странствующій пѣвецъ, не знавшій любви къ родному углу, чувствующій вѣчную неудовлетворенность своею скитальческою жизнью. Онъ считаетъ міръ отвѣтственнымъ за свою тревогу. Онъ сбиваетъ читателя съ толку неожиданными скачками отъ задушевнаго тона къ ѣдкой иронiи. Онъ смѣется надъ своимъ и надъ нашимъ сердцемъ. Одаренный чувствомъ гармонической мѣры, онъ намѣренно не обуздываетъ своихъ страстей, и, когда въ читателѣ прорывается чувство жалости, онъ ускользаетъ отъ него гримасой. Мой отецъ зналъ пути своихъ предковъ. Онъ говорилъ объ одной пѣснѣ сѣвера, гдѣ жена, встрѣчая мужа послѣ долгаго отсутствія, заливается слезами,—въ той же пѣснѣ въ южной версіи она при встрѣчѣ не можетъ воздержаться отъ радостной улыбки. Этою аллегоріей онъ охарактеризовалъ самого себя. Я читаю въ „Маленькихъ тетрадяхъ“ упрекъ мужьямъ, которые посвящаютъ молоденькихъ женъ въ похожденія своей холостой жизни. „Глупецъ! ты впослѣдствіи самъ будешь жалѣть“, говорится въ концѣ книги. Вотъ иронія скрытая въ простой формѣ; ею замаскирована жалость.

Картина неудачниковъ въ „Жакѣ“, пиръ старыхъ гвардейцевъ въ „Сафо“, многія страницы въ „Безсмертномъ“—наиболѣе рельефно указываютъ на склонность автора подѣйствовать на читателя косвеннымъ путемъ, если прямой путь ему кажется слишкомъ избитымъ. Къ такому способу прибѣгаетъ человѣкъ съ отзывчивымъ сердцемъ, которое стыдится проявленія сильныхъ ощущеній.

* * *

Такимъ путемъ произведенія автора „Женъ артистовъ“, „Тартарена“, „Набаба“ и „Безсмертнаго“ принимали постепенно оттѣнокъ высокой сатиры, которая есть не что иное, какъ лиризмъ съ противоположною окраской, реваншъ благородныхъ душъ. Въ минуты раздраженія и скорби поэтъ затрогиваетъ болѣе сильную струну, но и въ порывѣ самаго сильнаго негодованія онъ никогда не бываетъ слишкомъ рѣзокъ. „Неумолимость“—этотъ терминъ заставлялъ его нерѣдко задумываться. Всякое зло ему казалось исправимымъ, всякій порокъ и заблужденіе находили въ немъ снисходительнаго судью. Его простая жизнь, открытая

Digitized by Google

для всѣхъ, говоритъ больше всего въ пользу свободы человѣческой волп.

Тотъ, котораго неосновательно упрекали въ томъ, что онъ не затрогиваетъ метафизическихъ идей, въ моихъ глазахъ казался, наоборотъ, постоянно занятымъ разрѣшеніемъ великихъ задачъ нашего внутренняго бытія, которыя иной разъ не что иное, какъ плоды нашего воображенія, иной же разъ служатъ стимуломъ нашихъ дѣйствій. Изъ всѣхъ философовъ онъ наиболѣе цѣнилъ Декарта и Спинозу какъ за ясность и опредѣленность ихъ воззрѣній, такъ и за подробное изслѣдованіе ими игры человѣческихъ страстей. Если любовь къ жизни мѣшала ему понимать математическія формулы въ приложеніи ихъ къ человѣческому тѣлу и духу, если онъ и предпочиталъ методъ Монтеня, то любилъ также, говоря его словами, „отдыхать на высотахъ“ этики.

Онъ былъ горячимъ поклонникомъ Шопенгауера. Сочетаніе рѣзкаго юмора съ діалектикой, это сплетеніе черныхъ мыслей съ художественными аѳоризмами, плѣняло его. Я подчасъ читалъ ему длинныя выдержки изъ произведеній этого философа; съ тою добросовѣстностью, съ какою онъ относился ко всему, онъ размышлялъ о прочитанномъ и резюмировалъ мысли автора письменно на слѣдующій день, обогащая ихъ своими цѣнными примѣчаніями. Мы бесѣдовали съ нимъ всюду и обо всемъ. Онъ любилъ запираться со мною въ своей уборной. Я какъ сейчасъ вижу его, какъ онъ въ разгарѣ преній прерываетъ свой туалетъ, держа въ рукѣ гребень или щетку, потомъ, когда мысли наши начинаютъ уставать, онъ погружаетъ лицо въ тазъ съ водой, „чтобы прояснить ихъ“.

— Дѣйствіе холодной воды утромъ на мозгъ—это, мой милый, сама по себѣ великая задача. Тотъ, кто послѣ безсонной ночи не освѣжился и не умылся, способенъ на всякія глупости и неспособенъ ни на какія разсужденія.

Я заговорилъ о его добросовѣстности. Онъ постоянно возвращался къ прежнимъ темамъ до тѣхъ поръ, пока въ совершенствѣ не уяснялъ себѣ вопроса, но дѣлалъ это просто и естественно. Онъ не ограничивался праздными словами. „Торгаши словами“,—такъ называлъ онъ резонеровъ, которые примѣняютъ къ нравственному міру человѣка математическія формулы и безапелляціонныя теоріи.

„Я ненавижу автоматическую точку зрѣнія“,—восклицалъ мой отецъ, встрѣчая холодные поверхностные анализы: по его мнѣнію,

Digitized by Google

она убивала всякую откровенность, всякій непосредственный порывъ, кончая даже наивною радостью бытія. Мягкая чарующая луна имѣетъ свои періодическіе фазисы. Пѣніе соловья можетъ внушить намъ отвращеніе къ заводной машинѣ. Какая поэзія въ паденіи листьевъ, въ постепенномъ замерзаніи воды, если мы тутъ же не будемъ думать объ однообразной смѣнѣ временъ года! Быть можетъ, я ошибаюсь, но и сама метафизика, признавъ наконецъ чувство непосредственной воспріимчивости, будетъ считаться въ близкомъ будущемъ съ задачами поэзіи, которая такъ удовлетворяетъ потребности нашей внутренней свободы. Быть можетъ, я ошибаюсь, но по моему мнѣнію великій систематикъ будущаго поставитъ душевное движеніе на первую очередь и подчинитъ ему всѣ прочія способности.

* * *

Какъ человѣкъ безусловной честности ума, до крайней степени чуткій къ голосу совѣсти, мой отецъ всегда открыто сознавался, если онъ не зналъ чего-либо. „Я этого не зналъ. Да, да, я этого не знаю“. И глаза его тотчасъ разгораются. И, въ порывѣ любознательности, онъ позабываетъ о присутствующихъ, посвящая все свое вниманіе тому лицу, которое открываетъ ему путемъ логическихъ выводовъ новую точку зрѣнія.

Его познанія были обширны и точны. Когда разговоръ переходилъ на ученую или соціальную тему, онъ нерѣдко удивлялъ меня запасомъ своихъ свѣдѣній и полнотой своихъ сужденій. Онъ читалъ очень много и притомъ систематически, съ чрезвычайною легкостью усваивая самые запутанные вопросы. Онъ обсуждалъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, избѣгая парадоксовъ. И здѣсь, какъ и во всемъ, любовь къ истинѣ руководила имъ, предохраняла его отъ предразсудковъ, какъ бы давала ему возможность упражняться въ логическомъ мышленіи. Онъ не любилъ длинныхъ теорій: „Перейдемте къ картинѣ...“ бывало говорилъ онъ и движеніемъ руки какъ бы сметалъ ненужныя слова.

Онъ питалъ истинную любовь къ латинскому и греческому языкамъ. Такъ какъ онъ очень цѣнилъ образованіе и считалъ его однимъ изъ главныхъ двигателей человѣчества, то горячо возставалъ противъ современныхъ педагоговъ, которые стремятся исключить древніе языки изъ курса преподаванія. „Иные и иныя“, писалъ онъ, „обладая прирожденнымъ даромъ слога, инстинктивно выражаются гармоническимъ соразмѣрнымъ языкомъ. Примѣръ тому—твоя мать, природный писатель. Но это

Digitized by Google

рѣдкое исключеніе. Большинству изученіе древнихъ языковъ приноситъ ничѣмъ незамѣнимую пользу. Тотъ, кто въ состояніи понять Тацита, Лукреція или Виргилія, близокъ къ творчеству".

Онъ самъ далъ доказательство пониманія чужихъ нарѣчій своимъ блестящимъ переводомъ на французскій языкъ провансальской прозы Баптиста Бонне. Что же касается его перевода лѣтописей, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ по цѣлымъ часамъ подыскивалъ съ лихорадочнымъ рвеніемъ наиболѣе точное и вѣрное выраженіе, заботясь столько же о поэтическихъ правахъ слуха, какъ и о правахъ разума. Онъ очень любилъ преодолѣвать трудности. Сколько разъ бывало, еще во время моей школьной жизни, потерявъ терпѣніе надъ переводомъ какого нибудь сухого сжатаго текста, я клалъ его къ нему вечеромъ на столъ. На слѣдующее утро я находилъ его уже переведеннымъ на французскій языкъ. Учителя хвалили меня, ставили мой переводъ въ образецъ прочимъ. Я припоминаю на общемъ конкурсѣ одинъ стихъ, котораго не могли одолѣть самые успѣшные. Этотъ стихъ остался у меня въ памяти:

Ut corfina sonet, celeri distincta meatu.

Мой отецъ взялъ злополучную страницу и, гуляя по саду, перевелъ ее безъ малѣйшаго затрудненія гибкимъ, мощнымъ и блестящимъ слогомъ, какой былъ въ подлинникѣ.

Иныя, не менѣе прекрасныя, страницы моего дорогого Гонкура будутъ представлять тѣ-же трудности для учениковъ будущаго.

Онъ пріучилъ меня къ латыни чтеніемъ стихотвореній или отрывковъ образцовой прозы, которыми Монтэнь пересыпаетъ свои опыты. „Для насъ, жителей юга, южный слогъ всегда будетъ живучъ. Взгляни на этого гасконца XVI столѣтія. Онъ упивается открытыми рукописями. Пергаменты, хранящіеся въ монастыряхъ и библіотекахъ, пользовались въ его глазахъ авторитетомъ оракула минувшихъ временъ. Онъ облекаетъ въ тоги и котурны свои современные аргументы. *Возрожденіе*, — понялъ ли ты въ совершенствѣ весь смыслъ, заключающійся въ этомъ словѣ? Великій Панъ воскресаетъ. Необъятный трепетъ, вызванный старыми запылившимися книгами, охватываетъ впечатлительные умы. „Пусть гасконскій языкъ идетъ туда, говоритъ Монтэнь, если французскій не можетъ идти". Но и латинскій языкъ и греческій тоже. Видишь ли, какъ онъ расхаживаетъ по своей комфортабельной библіотекѣ, передъ лицомъ

Digitized by Google

природы, жестикулируя съ одушевленіемъ, какъ и подобаетъ доброму южанину, при воспоминаніи о какомъ нибудь стихѣ Лукреція, который помогаетъ ему уяснить какую нибудь мысль? Старина ему по сердцу. Его пожираетъ жажда знанія. Сверхъ всего этого онъ ощущаетъ потребность, свойственную всѣмъ нашимъ землякамъ, излить свою душу, высказаться передъ кѣмъ нибудь".

Эти отрывки разговоровъ запечатлѣлись въ моемъ сердцѣ. Но я замѣчаю, увы, что въ нихъ недостаетъ теплоты. Какъ всегда бываетъ при частныхъ бесѣдахъ, мы нерѣдко возвращались къ прежнимъ темамъ, но каждый разъ мой отецъ проливалъ на нихъ новый лучъ свѣта; вся его жизнь вплоть до самой смерти была постояннымъ совершенствованіемъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ друзей быть можетъ сохранили воспоминаніе объ одной страницѣ изъ Рабле, прочитанной имъ вслухъ.— Въ лѣсу Гаргантуа и Пантагрюэля онъ отыскалъ много кустовъ, листьевъ и цвѣтовъ юга. Пребываніемъ автора въ Монпелье объясняются эти заимствованія. Мой отецъ приводитъ главнѣйшія изъ нихъ въ концѣ книги. Они конечно окрыляли его вдохновеніе. Онъ воспроизводилъ передъ нами съ мимическими жестами блестящіе подвиги Жана изъ Антомеровъ, его зычный голосъ, его тѣлодвиженія, его возгласы, и самъ онъ, упоенный могуществомъ слова, въ то же время смѣялся, откидывалъ свои волосы, поправлялъ монокль. Другой разъ онъ избиралъ Дидро и декламировалъ лучшія его страницы, какъ, напр., „Это не басня" или „Племянникъ Рамо".—Потомъ наступала очередь Шатобріана, въ произведеніяхъ котораго чувствовалось, по его мнѣнію, дыханіе необъятнаго, вѣрный ритмъ могучихъ волнъ.

Онъ очень восхвалялъ эпическій тонъ его семейныхъ воспоминаній, это величіе души, никогда не знавшей малодушія, всегда меланхолической, задрапированной античными складками въ трауръ своихъ иллюзій. Мнѣ бы пришлось сдѣлать обзоръ всей французской литературы, еслибъ я захотѣлъ перечислить всѣхъ кумировъ моего отца, всѣхъ, кого онъ боготворилъ, постоянно приводилъ въ своей рѣчи, у кого искалъ утѣшенія въ минуту грусти и унынія. Это была необычайная свѣтлость ума. Нашъ другъ задумался. Онъ страдаетъ. Мы боимся разспрашивать его, предугадывая его отвѣтъ. Вдругъ одно какое нибудь имя, цитата изъ какого нибудь произведенія дѣйствуютъ на него такъ же, какъ могъ бы подѣйствовать пріѣздъ друга или музы-

Digitized by Google

кальная арія. Онъ тотчасъ наводитъ справки, воодушевляется. Покажите ему книгу, страницу. Люсьенъ или я—мы бѣжимъ въ библіотеку. Большею частью берется читать вслухъ наша мать, потому что у нея ровный, мягкій и пріятный голосъ.—Вотъ „Исповѣдь", „Загробныя записки". Уже съ первыхъ фразъ мой отецъ преображается. Онъ одобрительно слушаетъ и, сидя въ мечтательной позѣ, съ наклоненною головой, наслаждается чтеніемъ. Онъ прерываетъ, проситъ повторить. Онъ вопрошаетъ автора, онъ пускается въ разсужденія. Подъ дѣйствіемъ энтузіазма отъ прежняго страданія и угрюмости не осталось ни слѣда; въ немъ возгорается пламя молодости. Наступаетъ наша очередь слушать, и время проходитъ какъ въ сладкомъ снѣ, и великія слова прежнихъ временъ вновь призываются къ жизни. Такъ устанавливается, на разстояніи цѣлыхъ вѣковъ, общеніе между тѣми, которые ищутъ и жаждутъ любви.

* * *

Я не сумѣю изобразить глубину этого всеобъемлющаго ума. Необходимость держаться постоянно въ извѣстныхъ границахъ составляетъ трудность очерка, подобнаго настоящему.—Однимъ изъ качествъ моего образца является его послѣдовательность, гармонія, архитектура—если можно такъ выразиться—всѣхъ его печалей и радостей. Такъ, въ качествѣ любителя словъ, вѣчно окруженный словарями, онъ любилъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ языка, изучать его обороты. Отсюда правильность и ясность его слога. Онъ судилъ слово по слуху, который былъ у него необычайно развитъ, по глазу, такъ какъ, несмотря на свою близорукость, онъ былъ ясновидящимъ; наконецъ, онъ примѣнялъ къ нему мѣрку древности—и тогда уже наслаждался имъ въ качествѣ истиннаго знатока.

Вѣдь есть такія существительныя, при произнесеніи которыхъ въ воображеніи нашемъ возстаетъ цѣлая эпоха, такія прилагательныя, которыя по своему историческому значенію важнѣе рукописей или старинныхъ доспѣховъ. Онъ избѣгалъ всего исключительнаго и изысканныхъ выраженій, зная, какую цѣну имѣетъ слогъ съ виду простой, но въ которомъ каждое слово соотвѣтствуетъ выражаемому имъ понятію; какъ истинный знатокъ языка, онъ не признавалъ слишкомъ вычурныхъ оборотовъ рѣчи. Мнѣніе, будто ясность слога исключаетъ глубину содержанія, составляетъ одно изъ заблужденій нашего времени.

Онъ повторялъ: „Я ненавижу несоразмѣрность бесѣдъ Экер-

Digitized by Google

мана", которыя одно время былп его настольною книгой (такъ какъ онъ мѣнялъ своихъ умственныхъ кумировъ и только одному Монтэню оставался вѣренъ до конца жизни). Мой отецъ примыкалъ къ мнѣнію Гёте, девизъ котораго „Поэзія и правда" казался ему верхомъ литературной мудрости. Онъ говорилъ также: „Ничего чрезъ мѣру",—и ясность ума, отвращеніе къ излишеству, эта черта, свойственная всѣмъ южанамъ, имѣла въ немъ самаго типичнаго представителя. Онъ былъ съ Гёте противъ Жанъ-Поля. Сколько разъ мы, бывало, оспаривали эти тенденціи. „Искусство,—говорилъ онъ,—не есть только выраженіе темперамента. Оно въ то же время нашъ наставникъ и часть нашего я. Тотъ, кто не изгоняетъ чудовищъ изъ своего ума, вскорѣ пожирается ими".

Коснувшись этой темы, мы быстро переходили къ обработкѣ, къ построенію произведенія, чему мой отецъ приписывалъ большую важность; эти качества обусловливали, по его мнѣнію, долговѣчность книги. „Книга есть организмъ. Если не всѣ органы его на надлежащемъ мѣстѣ, она умираетъ, а смерть для нея позоръ".

Подобно тому, какъ онъ соразмѣрялъ свои романы или драмы, онъ заботился также о гармоніи своей внутренней и внѣшней жизни. На основаніи этого правила пріобрѣтеніе познаній и стремленіе къ свѣту ему казались необходимыми.

* * *

Въ его библіотекѣ, на ряду съ великими классиками, стояли также разсказы о путешествіяхъ и приключеніяхъ. Онъ увѣрялъ, что любовь къ дѣятельнымъ натурамъ развилась въ немъ вслѣдствіе необходимости вести сидячій образъ жизни. „Я въ своемъ воображеніи исполняю то, чего не позволяетъ мнѣ исполнить мое тѣло".

Онъ зналъ до малѣйшихъ подробностей походы своего героя Наполеона, и другого своего героя Стенли, зналъ экспедиціи къ сѣверному полюсу. Когда рѣчь заходила о нашемъ современномъ XIX вѣкѣ, такомъ тревожномъ, шумномъ, наиболѣе богатомъ недоконченными памятниками, онъ опредѣлялъ его двумя словами „Гамлетъ и Бонапартъ". Первый изъ нихъ принцъ не только Даніи, но и всей внутренней жизни, второй—источникъ великихъ событій. Онъ почти не разставался съ сочиненіями Стенли. Онъ читалъ и перечитывалъ ихъ безпрестанно. Еще такъ недавно, когда я лежалъ безъ памяти въ

Digitized by Google

тифѣ, распростертый неподвижно на моей постели, отецъ, который со всею своею отцовскою нѣжностью ухаживалъ за мной, читалъ мнѣ по цѣлымъ часамъ избранныя страницы изъ „Потемокъ Африки“ и „Пяти лѣтъ въ Конго“, надѣясь этимъ чтеніемъ вызвать къ жизни мой помутившійся разсудокъ; объ этой болѣзни я сохранилъ воспоминаніе, какъ объ одномъ изъ самыхъ свѣтлыхъ періодовъ моей жизни. Вотъ онъ сидитъ у моего изголовья, когда день уже клонится къ вечеру,—теплый день конца мая, такой тяжелый для выздоравливающихъ. Онъ держитъ объемистую книгу въ своихъ ослабѣвшихъ рукахъ. Онъ хочетъ умчать меня далеко, далеко, прибѣгая къ тому же средству, которое облегчаетъ его страданія, къ общенію съ отважнымъ путешественникомъ.

„Представь себѣ этого героя въ горячкѣ, которая гораздо тяжелѣе твоей, лежащимъ подъ темнымъ сводомъ листвы въ странѣ съ опасными растеніями. Онъ возлагаетъ все свое упованіе на своихъ спутниковъ, на Джефсона, котораго ты встрѣчалъ у насъ, этого бодраго краснощекаго юношу, и на неоцѣненнаго доктора Кларкъ. И, несмотря на бредъ, сознаніе отвѣтственности, какую онъ взялъ на себя, не покидаетъ его. Онъ остается „во главѣ“ экспедиціи, несмотря на свои страданія. Какой поразительный запасъ воли и энергіи!“ Онъ доказывалъ, что Стэнлей вовсе не жестокъ, какъ утверждали его завистники, что онъ, наоборотъ, самый гуманный и наименѣе свирѣпый изъ всѣхъ завоевателей, что онъ отличался настолько же справедливостью, какъ и стойкою рѣшительностью

Когда мы увидали въ Лондонѣ того, кто изъ-за своего путешествія, теперь драгоцѣннаго во всѣхъ своихъ эпизодахъ, пользовался такимъ уваженіемъ моего отца,—когда мы увидали, что мой отецъ усадилъ его рядомъ съ собой на низенькомъ диванчикѣ, мы пришли въ умиленіе. Сердечное отношеніе этихъ двухъ людей, которые такъ прекрасно понимали другъ друга, ихъ сосѣдство представляло поистинѣ трогательное зрѣлище. Я утверждаю, что человѣкъ, заслужившій такую истинную дружбу моего отца, совсѣмъ не былъ злымъ. Онъ былъ однимъ изъ представителей самыхъ прекрасныхъ типовъ англо-саксонской расы, который по своей ясности, равной своему мужеству, по своимъ сужденіямъ безъ лицемѣрія можетъ принадлежать типамъ и другихъ расъ.

Во время той же поѣздки, которая дала моему отцу возможность понять Англію, онъ имѣлъ удовольствіе посѣщать Гам-

Digitized by Google

лета и вмѣстѣ съ тѣмъ и Наполеона. Я хочу говорить о Жоржѣ Мередитѣ, этомъ необыкновенномъ романистѣ, слава котораго загорается на высотѣ, на самыхъ гордыхъ вершинахъ ума, и снизойдетъ къ толпѣ въ процессіи свѣточей. Мнѣ памятенъ трогательный визитъ къ зеленому острову Боксъ Гиля, съ поросшими на немъ деревьями и быстро текущими ручьями, гдѣ авторъ „Эгоиста", „Современной Любви" и другихъ произведеній принималъ на станціи своего сотоварища и его семейство съ нѣжностью своеобразнаго очарованія. О, властелинъ мысли самой суровой, самой сильной, сколько тогда говорили ваши взгляды и взгляды вашего брата по уму! Какіе часы, достойные васъ и вашего анализа, прошли въ этомъ коттэджѣ, гдѣ таинственность и ясность совмѣщались въ вашемъ ореолѣ. Открытое и нѣжное сердце, другъ французовъ, который не колеблясь защитилъ ихъ въ 1870 году пьесой въ стихахъ неподражаемаго великодушія, геній, поглощаемый мозгомъ, въ которомъ и зло вызываетъ снисходительную улыбку! Гамлетъ! вы были Гамлетомъ въ видѣ зеркала Шекспира для Додэ и его спутниковъ въ то весеннее послѣобѣденное время, когда природа преобразилась, когда черныя сосны трепетали, а лужайки красовались нѣжными тонами тѣни. Кромѣ обыкновенной любви, есть еще другого рода любовь, и вы ею одарили своего товарища, столь же жизнерадостнаго, какъ и вы, столь же чуткаго къ красотѣ. Я думаю о васъ въ эти мрачные часы, какъ о хранителѣ тайнъ, которыя уносятъ съ собой покинувшіе этотъ міръ, думаю, какъ о заклинателѣ духовъ, котораго преслѣдуютъ странствующія тѣни. Славныя и чистыя черты вашего облика сливаются съ тѣми, которыя я оплакиваю, потому что онѣ утратили свои земныя очертанія. Что касается Бонапарта, то одинъ человѣкъ удовлетворилъ страсть моего отца— это былъ нашъ другъ Фридерикъ Массонъ. Уже давно мой отецъ жаждалъ книги, гдѣ существованіе полубога прослѣживалось бы день за днемъ, гдѣ разбирались-бы руководившія имъ силы, его темпераментъ и приключенія. Когда появилось это произведеніе, которое теперь уже считается классическимъ, онъ не разставался съ нимъ. Онъ расхваливалъ его всѣмъ. Онъ объявилъ, что задача, о которой онъ такъ часто мечталъ—изобразить человѣка во всей полнотѣ, теперь уже вполнѣ осуществилась. Авторъ этого произведенія не станетъ оспаривать, если я скажу, что онъ нашелъ въ своемъ „добрѣйшемъ Додэ" наилучшія поощренія.

Мой отецъ привязывался не только къ героямъ дѣйствія, но прославлялъ также и менѣе извѣстныхъ, самоотверженныхъ,

Digitized by Google

приносящихъ себя въ жертву славѣ, начиная съ Росселя, имя котораго упоминается болѣе пятидесяти разъ въ „Маленькихъ тетрадкахъ“, до Рауссе Бульбона, до икарійцевъ, до Бланки, котораго прославилъ Гюставъ Жоффруа, до удивительнаго Рембо, до Маркиза Мореси и всѣхъ тѣхъ, которые составляли большіе планы и для которыхъ дѣйствіе, какъ онъ это повторялъ, придерживаясь формулы Боделера, не было никогда „сестрой мечты“. Ящики его стола были наполнены множествомъ брошюръ, повѣствующихъ о дѣйствіяхъ и жестахъ этихъ скитальцевъ, этихъ фантазеровъ, этихъ бѣглецовъ отъ свода жизненныхъ законовъ, которые рискуютъ безъ надежды на возвратъ, которые легкомысленно смѣются надъ судьбой и отдаютъ свое тѣло на съѣденіе воронамъ, открывая новые пути и презирая смерть. Это презрѣніе къ смерти, которое дѣлаетъ человѣка непобѣдимымъ, мой отецъ ставилъ выше всего. Онъ восхищался траппистами, которыхъ онъ посѣщалъ въ Алжирѣ, иностранными легіонами, уцѣлѣвшими революціонерами, людьми не примѣнившими своей энергіи, тѣми, которыхъ дѣятельность, рвущаяся наружу, заключена въ тѣсныя рамки, которые задыхаются отъ духоты въ нашемъ испорченномъ обществѣ и которыхъ отвергаетъ ортопедія законовъ.

Въ любви къ нимъ примирялись двѣ стороны его природы: любовь къ риску и любовь къ униженнымъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль его преслѣдовала защита Туйенъ-Квана, Доминэ и Бобильо. Его свойство все оживлять, которое я прослѣжу въ подробности, позволяло ему войти въ роль каждаго лица, слѣдить за моментами страха смерти, за упадкомъ духа и за появленіемъ бодрости.

„Ты, который любишь философію, составь двѣ монографіи: одну сомнѣнія, другую риска. Покажи точку соприкосновенія. Приведи сильные примѣры. Не бойся отстаивать свое мнѣніе. Старый отецъ дастъ тебѣ образцы“. Когда, за мѣсяцъ до его смерти, я вернулся отъ альпистовъ и разсказывалъ ему про знакомство съ капитаномъ „Сатро“, изъ Туйенъ-Квана, то его радость была безконечна: „Ты не сумѣлъ заставить его разговориться!... Чѣмъ они питались? Когда они спали?.. А крики китайцевъ по ночамъ? А непрерывныя мины!.. Разсказывай... Разсказывай!“.. Увы у меня не было его способности перелистывать человѣка, какъ книгу.

Это выраженіе ему всегда нравилось. Оно оправдывало его методъ Однимъ изъ послѣднихъ удовольствій моего отца было посвященіе Гроклода въ заголовкѣ его книги „Мадагаскаръ“.

Digitized by Google

Гроклодъ—парижанинъ, тонкій собесѣдникъ, искусный артистъ. Онъ воплощенная энергія. Онъ самъ не зналъ своего дарованія.

Война 1870 года была для моего отца откровеніемъ. Она его сдѣлала человѣкомъ. Онъ разсказывалъ, какъ однажды вечеромъ, подъ снѣгомъ, онъ находился въ караулѣ и испыталъ первый приступъ своихъ страданій и упреки совѣсти за свою безпечность: онъ пѣлъ и сочинялъ легкіе стихи вмѣсто того, чтобы подумать о серьезномъ трудѣ. Онъ уважалъ военныхъ. Звуки военной музыки волновали его. Званіе офицера открывало его дверь и его сердце: тѣ, которые жертвуютъ жизнью, выше другихъ существъ. Однимъ изъ рѣдкихъ вопросовъ, въ которомъ онъ не допускалъ уступокъ, былъ вопросъ о патріотизмѣ. Роковой годъ ознаменовалъ для него не только его личное перерожденіе, но и перемѣну въ нравахъ, въ предразсудкахъ, въ культурѣ. Если я восхвалялъ нѣмца, онъ бормоталъ меланхолически: „Охъ! дѣти завоеванія!“ Живѣе, чѣмъ кто-либо, онъ почувствовалъ безурядицу этой трагической эпохи. Онъ хотѣлъ, чтобы мой братъ и я за недостаткомъ личныхъ воспоминаній хорошо изучили эту войну. Онъ окружилъ себя книгами французскихъ и иностранныхъ авторовъ, гдѣ писалось о франко-прусской войнѣ. Еще прошлымъ лѣтомъ въ Шампрозэ онъ мнѣ подробно разсказалъ свои впечатлѣнія, свое недовольство. Это было нѣчто въ родѣ патріотическаго завѣщанія. Онъ желалъ, чтобы защита Шатодэнъ была описана поэтомъ и читалась-бы и перечитывалась-бы въ народныхъ школахъ.

Его сила убѣжденія была такова, что онъ заставилъ и меня проникнуться своими взглядами,—и я видѣлъ, какъ это радовало его. Я думаю, что рѣдко кто любилъ своихъ сыновей такъ, какъ онъ, тѣмъ не менѣе онъ отдалъ-бы насъ отечественному знамени безъ тѣни колебанія. Я его упрекалъ, что онъ ничего не написалъ по поводу нашихъ бѣдствій,—трудъ, на который онъ одинъ, какъ свидѣтель, былъ-бы способенъ. Онъ покачалъ головой и сказалъ: „Душа не возвысится отъ такихъ разсказовъ. Страна такая воинственная, какъ наша, нуждается, чтобы ей оповѣщали побѣду“. Удивительный онъ былъ человѣкъ: онъ, который исполнялъ свой долгъ—всегда скромно умалчивалъ о себѣ. Но рана оставалась зіяющею. Когда его навѣщала г-жа Аданъ, то естественно, что разговоръ вращался на реваншѣ. Моя дорогая покровительница и онъ ни въ чемъ не отчаявались.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Леонъ Додэ.

Digitized by Google

СЕМЕЙСТВО КНИ.

Разсказъ Эдуарда Рода.

(Переводъ съ французскаго О. П.)

Я такъ любилъ въ дѣтствѣ балаганныя представленія, что и теперь нерѣдко на какой-нибудь деревенской ярмаркѣ съ удовольствіемъ захожу въ деревянный баракъ—посмотрѣть на игру скромныхъ артистовъ-акробатовъ. И, глядя на разукрашенаго жалкою попоной, неимовѣрной худобы, коня, котораго гоняютъ ударами бича вокругъ арены, на гримасы жалкихъ клоуновъ, упражненія съ гирями какого-нибудь одѣтаго въ грязное, ободранное трико атлета, слушая фальшивые звуки мѣдныхъ трубъ небольшаго оркестра,—я точно снова становлюсь ребенкомъ и веселюсь отъ души, какъ бывало въ маленькомъ городишкѣ, гдѣ я провелъ первыя пятнадцать лѣтъ своей жизни.

Однажды, возвращаясь съ кожаною сумкой черезъ плечо изъ школы и проходя мимо моей тетушки, жены мѣстнаго синдика, наслаждавшейся чистымъ воздухомъ на своемъ крылечкѣ, я узналъ отъ нея слѣдующую, какъ потомъ оказалось, весьма радостную новость.

— Ты знаешь,—сказала она,—скоро пріѣдетъ семейство Кни.

Я смотрѣлъ на тетушку широко открытыми, ничего не понимающими глазами.

— Ну да, семейство Кни! Неужели ты ихъ уже забылъ, а тебя вѣдь водили смотрѣть на нихъ, когда они пріѣзжали сюда три года тому назадъ. Ну, да акробаты, однимъ словомъ.

Но мои воспоминанія не простирались, къ сожалѣнію, на такое отдаленное время, какъ три года тому назадъ.

Однако, я будто припоминалъ, что очень давно—въ то время, когда я еще не ходилъ въ школу, мы дѣйствительно смотрѣли на какое-то блестящее представленіе на площади Оружія, кото-

Digitized by Google

рую кто-то довольно мѣтко прозвалъ „Мѣстомъ потери времени“. Но что тамъ собственно представляли, я никакъ не могъ припомнить. Сколько было съ тѣхъ поръ событій! Я выучился читать, играть въ бабки, мы при этомъ дрались по вечерамъ съ товарищами, несмотря на то, что у меня былъ довольно смирный и миролюбивый характеръ; сколько меня съ тѣхъ поръ наказывали за разодранное платье! Всѣ эти событія, болѣе свѣжія, чѣмъ пріѣздъ акробатовъ, окончательно затмили ихъ въ моей памяти; а потому изъ всего того, что сейчасъ сказала мнѣ тетушка, я понялъ только одно,—что увижу нѣчто новое. Проходившая мимо сосѣдка г-жа Лютье схватила налету эти возбудившія ея любопытство слова и, остановившись около насъ, поспѣла объяснить ей, въ чемъ дѣло. Тетушка охотно начала разсказывать:

— Они ужъ теперь недалеко отсюда; недавно писали моему мужу, прося его *„разрѣшенія“* на представленія. Думаю, пріѣдутъ черезъ недѣльку. Должно быть, дѣла ихъ идутъ недурно: съ ними нѣсколько клоуновъ, и все это вполнѣ прилично.

Я все слушалъ и наконецъ спросилъ, что такое клоунъ. Мнѣ отвѣтили:

— Увидишь.

Очень хотѣлось поразспросить кое-что еще, но г-жа Лютье завела одинъ изъ своихъ нескончаемыхъ разсказовъ, гдѣ она всегда играла первую роль и приплетала весь городъ, начиная съ пастора вплоть до торговки на углу нашей улицы, которую она считала своимъ личнымъ врагомъ. Меня все это ни чуть не интересовало, и я поспѣшилъ скрыться. По дорогѣ успѣлъ сообщить новость Маріусу Рошу, сыну владѣльца игрушечной лавки; онъ былъ года на два, на три старше меня и, оказалось, отлично помнилъ семейство Кни; Маріусъ тотчасъ же сообщилъ мнѣ, что они ходятъ по протянутому съ крыши Почты до верхушки дерева Свободы канату и идутъ сначала съ цѣпями на ногахъ, потомъ съ мѣшкомъ на головѣ и наконецъ провозятъ по немъ тачку съ мальчикомъ. Мнѣ просто не вѣрилось, что все это правда, пока наконецъ Маріусу удалось какъ-то втолковать мнѣ, въ чемъ дѣло. Вернувшись домой, я поспѣшилъ заручиться согласіемъ бабушки, что она поведетъ меня на представленія акробатовъ. Ее не пришлось долго упрашивать; она разсказывала, что Кни не были обыкновенные акробаты, напротивъ, вполнѣ достойные люди: ихъ всѣ давно знали; они пріѣзжали въ нашъ городъ почти всегда въ одно и то же время,

Digitized by Google

какъ ласточки прилетаютъ весной. Старикъ Кни, основатель труппы, умеръ отъ удара на глазахъ испуганной публики, предъ которою онъ представлялъ пантомиму; жители нашего города съ интересомъ слѣдили за успѣхами труппы изъ поколѣнія въ поколѣніе, такъ какъ семья постоянно увеличивалась. Всѣ любили этихъ акробатовъ, на нихъ не смотрѣли какъ на чужихъ, напротивъ, принимали ихъ очень радушно и радовались всегда ихъ пріѣзду.

Кни пріѣхали поздно вечеромъ, и никто не успѣлъ ихъ встрѣтить. Со слѣдующаго утра они уже принялись строить балаганъ: ставили высокіе столбы, восходящія амфитеатромъ лавки, по срединѣ арены водрузили высочайшій столбъ и надъ всѣмъ сооруженіемъ протягивали огромные куски непромокаемаго полотна.

Вся труппа принимала участіе въ работѣ: клоуны, несмотря на свою хорошую репутацію, имѣли довольно таки развязный видъ и перемигивались съ прибѣжавшими со всѣхъ концовъ города нянюшками съ ребятишками на рукахъ; музыканты были одѣты въ зеленые мундиры и клеенчатыя шляпы; неуклюжіе, приземистые рабочіе работали какъ ломовыя лошади; оба сына Кни—высокіе, красивые юноши съ вьющимися волосами и элегантною наружностью—таскали, точно соломенки, огромныя балки своими сильными руками, на которыхъ блестѣло много колецъ. У одного изъ нихъ было нѣжное, точно у молодой дѣвушки лицо.

Время отъ времени изъ повозокъ, служившихъ жилищемъ всей труппы, выходила вдова Кни, почтенная, одѣтая въ черное платье, старушка или одна изъ ея дочерей, изящная, хорошенькая молодая дѣвушка, ничуть не уступающая манерой себя держать любой городской барышнѣ.

Весь городъ собирался глядѣть на работы и критиковать ихъ. Дядя Буссо, нашъ плотникъ, внимательно пересмотрѣлъ поочереди всѣ балки и авторитетно заявилъ, что онѣ крѣпкія. А одинъ изъ профессоровъ колежа г Леменажье, всѣми уважаемый, здравомыслящій человѣкъ, — такъ тотъ прямо воскликнулъ, глядя на работы акробатовъ:

— Пускай мнѣ говорятъ, что хотятъ, я все-таки буду утверждать, что эти люди не дармоѣды!

Нетерпѣніе видѣть поскорѣе представленіе росло съ каждымъ днемъ; я просто не могъ покойно сидѣть на мѣстѣ и тотчасъ, по окончаніи уроковъ, летѣлъ на площадь къ строившe-

Digitized by Google

муся балагану. Любопытство еще больше подстрекалось двумя огромными желтыми афишами, изъ которыхъ одна висѣла въ нижней части города, гдѣ сгруппировались всѣ лавки,—а другая—въ верхней, аристократической и праздной части, какъ разъ напротивъ краснваго дома Лепеллетье. На этихъ афишахъ были нарисованы мужчины и женщины въ трико, нѣкоторые висѣли на трапеціяхъ, другіе—на проволокахъ, внизъ головой, съ пушками на плечахъ, или наваленные группами въ видѣ пирамидъ; между ними во всѣхъ углахъ прыгали и кувыркались какія-то странныя лысыя созданія, въ широкихъ, пестрыхъ костюмахъ съ бѣлыми лицами и огромными ртами.

— Это-то и есть клоуны,—пояснялъ мнѣ Маріусъ.

Всѣ восхищались афишами и съ удивленіемъ спрашивали другъ друга:

— Да неужели же они все это будутъ продѣлывать?

Другіе при этомъ говорили:

— А видно, что они сдѣлали много успѣховъ.

Что́ больше всего цѣнили въ семействѣ Кни мирные граждане нашего городка, это—ихъ добросовѣстное отношеніе къ публикѣ; они не продѣлывали, какъ другіе акробаты, изъ года въ годъ все одни и тѣ же штуки, но вѣчно изобрѣтали что-нибудь новое, болѣе трудное и смѣлое, и не надували вѣрившую имъ публику, которая за свои деньги могла быть довольна виднымъ.

— По крайней мѣрѣ,—говорили про нихъ,—это не тунеядцы, они трудятся и работаютъ.

Наконецъ, балаганъ былъ оконченъ, и къ вечеру, часамъ къ семи вся труппа, съ музыкантами во главѣ, дефилировала по всему городу. Оба сына въ каскахъ съ развѣвающимися перьями ѣхали верхами на впряженныхъ въ повозки лошадяхъ, молодцевато подбоченившись и поражая зрителей своимъ великолѣпнымъ и гордымъ видомъ. Дѣвицы Кни, одѣтыя амазонками—одна въ зеленое, другая въ синее, а третья, меньшая, въ темно-красное бархатное платье—граціозно сидѣли на своихъ лошадяхъ, съ огромными шляпами а-ля-Рембрандтъ въ бѣлыхъ перьяхъ на головѣ. Остальная труппа шла пѣшкомъ. А музыка наигрывала самые воинственные марши.

Мальчишки, какъ мухи, облѣпили всю процессію; нѣкоторые изъ нихъ шли шагомъ по бокамъ, радуясь тому, что они точно принимаютъ участіе въ шествіи, и въ полной увѣренности, что на нихъ тоже смотрятъ. Передъ музыкой выплясывалъ город-

Digitized by Google

ской дурачекъ,—по прозванію, сумасшедшій Генрихъ; это былъ бѣдный, придурковатый съ дѣтства малый, въ вѣчно веселомъ беззаботномъ настроеніи духа; его товарищъ Джонъ-Джонъ, менѣе сумасшедшій, но скорѣе идіотъ, шелъ около меньшой дѣвицы Кнп, по имени Ядвига, и смотрѣлъ на нее во всѣ глаза.

Весь городъ высыпалъ на улицу; кто стоялъ у оконъ, кто у дверей лавокъ; любопытство охватило всѣхъ; трубы и барабанъ производили такой шумъ на обыкновенно спокойной улицѣ, что Фаноръ, старая, больная собака Леротье съ трудомъ поднялась на свои больныя ноги и отчаянно выла вслѣдъ процессіи.

Маленькая гнѣдая лошадка m-lle Ядвиги начала бить задомъ и подпрыгивать; клоуны, шедшіе сзади, едва успѣли отскочить въ сторону, а Джонъ-Джонъ въ ужасѣ убѣжалъ, размахивая руками, подъ крики и смѣхъ мальчишекъ. Ни чуть не смутившись, пріятно улыбаясь, раскраснѣвшаяся молодая амазонка успокоила сама лошадь и сразу покорила своею энергіей сердца всѣхъ.

Я смотрѣлъ изъ окна моей комнаты, гдѣ находился подъ наказаньемъ за какую-то крупную провинность. Я еле сдерживалъ слезы, которыя наконецъ хлынули цѣлымъ потокомъ отъ отчаянія, что я сижу тутъ одинъ, а весь городъ наслаждается такимъ чудеснымъ зрѣлищемъ; шумъ музыки понемногу стихалъ въ отдаленіи вмѣстѣ съ криками и шепотомъ толпы, и скоро на пустынной улицѣ остался одинъ сторожъ Фабаронъ, со своею вѣчною трубкой въ зубахъ: онъ медленно прогуливался вдоль запертыхъ лавокъ и большой желтой афиши. Позднѣе шумъ возвращавшейся съ представленія толпы разбудилъ меня, и, засыпая безпокойнымъ сномъ, я видѣлъ дефилирующую процессію, въ которой лошадь m-lle Ядвиги принимала размѣры апокалипсическаго звѣря.

Бабушка наказывала меня и сейчасъ же потомъ раскаивалась въ этомъ. На другой день она сама предложила мнѣ пойти въ циркъ. Взяла два билета у сидящей у кассы вдовы Кнп въ своемъ черномъ платьѣ съ чепцомъ на совершенно сѣдыхъ волосахъ.

Мы вошли...

Нѣсколько повѣшенныхъ въ центрѣ балагана лампъ слабо освѣщали песокъ арены. Слышался сильный запахъ сыраго дерева, керосину, человѣческихъ испареній,—все это накоплялось со дня на день подъ непромокаемыми полотнами и какъ-то предрасполагало къ сильнымъ ощущеніямъ. Наканунѣ пришлось многимъ отказывать, за неимѣніемъ болѣе свободныхъ мѣстъ, и по-

Digitized by Google

тому сегодня амфитеатръ очень рано былъ полнъ, особенно послѣднія мѣста наверху. Оркестръ старался успокоить нетерпѣніе собравшейся чуть не за часъ до начала представленія толпы, наигрывая весь свой репертуаръ вальсовъ, маршей и полекъ; мѣдныя трубы задавали тонъ неясными мелодіями, пронзительныя флейты выводили мелодическія руллады, а большой барабанъ гремѣлъ въ тактъ *бумъ-бумъ*; это было необыкновенно увлекательно.

Первое упражненіе на двухъ параллельно натянутыхъ проволокахъ, исполненное Луи Кни и его сестрой Ядвигой, одѣтыми въ свѣтло-голубые костюмы съ серебряными блестками, привело публику въ полный восторгъ; она смѣялась, кричала, восхищалась, даже, когда клоунъ съ довольно грубыми шутками натиралъ мѣломъ подошвы хорошенькой акробатки. Изрѣдка раздавался пронзительный, дикій крикъ: это оралъ сумасшедшій Генрихъ, внѣ себя отъ восторга, со своего высокаго чуть не въ поднебесьи мѣста. На вторыхъ мѣстахъ виднѣлось глупое лицо Джонъ-Джона, блѣдное и неподвижное отъ восторга. Въ первомъ ряду сидѣла знатная публика: мой дядя сидѣлъ съ тетушкой на почетныхъ даровыхъ мѣстахъ; нотаріусъ Сюшаръ, который всюду засыпалъ, и тутъ тоже вскорѣ захрапѣлъ; оба сына Леротье, снисходительно апплодирующіе артистамъ кончиками своихъ желтыхъ перчатокъ.

Много пришлось мнѣ съ тѣхъ поръ перевидать зрѣлищъ на своемъ вѣку; изъ любознательности я отправлялся смотрѣть рѣшительно все: драмы, оперы, цирки, балы въ министерствахъ, народные праздники, парады, панорамы и т. д.,—и все-таки, когда я теперь закрываю глаза, то какъ сейчасъ вижу передъ собой Шарля Кни въ его велпколѣпномъ костюмѣ акробата, балансирующимъ на канатѣ, сидя на стулѣ передъ столомъ со стаканомъ въ рукахъ и съ торжественнымъ видомъ оглядывающимъ публику; вижу дѣвицъ Кни, исполняющихъ характерные танцы въ костюмахъ шотландокъ въ клѣтчатыхъ чулкахъ, венгерокъ въ кофточкахъ со шнурами и высокихъ сапожкахъ, въ польскихъ костюмахъ съ шапочками, вышитыми мѣхомъ; вижу *икарійскія игры*, въ которыхъ участвовало младшее поколѣніе семейства Кни—отъ шести до четырнадцати лѣтъ—прыгая, кувыркаясь, переплетаясь руками и ногами; вижу добрую, старую пантомиму, гдѣ раздаютъ другъ другу звонкія пощечины, отъ которыхъ никому не больно, гдѣ ловкій Арлекинъ воруетъ у Пьеро полныя тарелки ѣды; а Коломбина пляшетъ предъ Кассандрой, и гдѣ

Digitized by Google

вообще все всегда отлично кончается. Да, я снова вижу все это восхищенными глазами того блаженнаго времени, конечно не въ такомъ видѣ, какъ оно было на самомъ дѣлѣ, но такъ, какъ оно мнѣ казалось въ то время еще свѣжихъ впечатлѣній, и думается мнѣ, что никогда не видалъ я ничего лучшаго. По всѣмъ вѣроятіямъ, это былъ одинъ изъ самыхъ бурныхъ и наилучше проведенныхъ мною моментовъ моей жизни.

Кни вполнѣ завладѣли мною. Я не уставалъ смотрѣть на ихъ повторяющіеся фокусы и пантомимы. Цѣлый день думалъ только о нихъ, и по вечерамъ со мной дѣлалась просто лихорадка отъ нетерпѣнія и желанія ихъ видѣть.

Но для этого нужны были деньги и, кромѣ того, позволеніе уйти изъ дому; эта двойная задача повторялась каждый вечеръ, и нужно было постоянно придумывать что нибудь новое.

Положимъ, что касалось позволенія уйти, то я его получалъ еще сравнительно легко, если представлялъ какой-нибудь резонный поводъ—вродѣ рожденія одного изъ товарищей, или же когда Маріусъ приходилъ за мной, чтобы идти играть къ нему. Въ продолженіе трехъ недѣль пребыванія семейства Кни въ нашемъ городѣ всѣ мои товарищи поочередно отпраздновали свои „рожденія“, а Маріусъ Рошъ, мой постоянный сообщникъ, выказалъ замѣчательную изобрѣтательность по части надуванья бдительности моей бабушки. Наша ложь приводила насъ иногда даже въ отчаяніе, но понемногу мы привыкли къ тому.

Что касалось денегъ, то вдвоемъ намъ кое-какъ удавалось собирать ихъ: я пожертвовалъ превосходною коллекціей почтовыхъ марокъ, которою, впрочемъ, весьма гордился и разставался съ ней не безъ сожалѣній; Маріусъ продалъ за безцѣнокъ своихъ старыхъ паяцовъ, цѣлую армію оловянныхъ солдатиковъ, хранившихся въ его коммодѣ, неисчисленное количество картинокъ, подаренныхъ ему продавщицей изъ магазина, и даже,—нужно въ томъ сознаться,—деревянную лошадь, украденную у отца въ лавкѣ. Иногда тетушка, знавшая эту мою слабость, давала мнѣ входный билетъ. Маріусъ былъ старше и развитѣе меня, и потому, если мы вмѣстѣ отправлялись на представленія, то глядѣли на него съ разныхъ точекъ зрѣнія: онъ съ восторгомъ смотрѣлъ, когда Арлекинъ цѣловалъ Коломбину, упивался зрѣлищемъ характерныхъ танцевъ, исполняемыхъ дѣвицами Кни, вообще тѣми нумерами, гдѣ участвовали женщины. Я же любовался m-elle Ядвигой и пылалъ къ ней романическою любовью; особенно мнѣ нравилось сопоставлять акробатовъ съ нѣкоторы-

Digitized by Google

ми лицами изъ прочитанныхъ мною книгъ. Я только что прочелъ передъ тѣмъ иллюстрированный переводъ „Освобожденнаго Іерусалима“ и, по какой-то особенной игрѣ моей фантазіи, перепуталъ фиктивныя лица, о которыхъ бредилъ, съ настоящими, поглощавшими въ данную минуту все мое вниманіе, и создалъ себѣ цѣлый фантастическій міръ, гдѣ окончательно спутывались акробатки, крестоносцы и невѣрные: я развивалъ цѣлыя исторіи, гдѣ всѣ играли роль и я тоже, между Луи Кни, его сестрами, Армидой и Готфридомъ Бульонскимъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось въ фантазіи убить дорогую мою Ядвигу, потому что она перемѣнила свой шотландскій костюмъ на черныя латы свирѣпаго Аргана; я осаждалъ съ Маріусомъ балаганъ (въ фантазіи изображавшій для меня Іерусалимъ), изнемогающій подъ деспотическимъ правленіемъ старшаго Леротье, который осмѣливался посылать букеты моей возлюбленной. Сказка и дѣйствительность переплелись между собой. Маріусъ подсмѣивался надъ моими выдумками, вышучивалъ Танкреда и Герминію, а самъ просто наслаждался тамъ, гдѣ представлялся случай повеселиться. Я, кажется, точно и не жилъ въ то время; цѣлый день въ ажитаціи ждалъ я проѣзда акробатовъ, нервы мои были натянуты, музыка постоянно звучала въ ушахъ, а предъ глазами проносились мимолетныя видѣнья, въ которыхъ Рено танцовалъ съ одною изъ барышень Кни, а волшебникъ Хидріо не пускалъ меня въ балаганъ, такъ какъ моя коллекція марокъ уже истощилась. Я началъ лгать, не стѣсняясь, какъ въ первые дни, и весь былъ поглощенъ новыми впечатлѣніями, и вотъ, когда, наконецъ, вечеромъ, забывъ все на свѣтѣ, я проникалъ въ балаганъ, то застывалъ на своемъ мѣстѣ; сердце учащенно билось, а по спинѣ пробѣгали мурашки.

Маріусъ всегда усиленно апплодировалъ. Но ему все-таки подъ конецъ надоѣло, и послѣ десятаго представленія онъ объявилъ, что въ сущности все одно и то же и ему очень жаль своихъ оловянныхъ солдатиковъ; можетъ быть, онъ бы меня совсѣмъ покинулъ, не случись тутъ одного событія, которое нѣсколько измѣнило дѣло: мы подружились съ третьимъ поколѣніемъ семейства Кни, принимавшимъ участіе въ *икарійскихъ играхъ*.

Это были гибкіе мальчуганы съ точно изломанными членами, которыми мы любовались по вечерамъ, когда они, облеченные въ трико тѣлеснаго цвѣта, съ серебряными блестками, раскланивались предъ публикой; они уже вкусили удовольствія апплодисментовъ и часто получали конфекты отъ своихъ поклонниковъ,

Digitized by Google

по въ общемъ это были такіе же мальчишки, какъ и мы. Только, какъ болѣе сильные, гибкіе и ловкіе, они отлично плутовали въ играхъ и обирали у насъ бабки. Я дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю,—слишкомъ лестно и выгодно было такое знакомство; но Маріусъ, большой любитель подраться, не пропускалъ случая затѣять борьбу, и волей-неволей мнѣ приходилось принимать въ ней участіе. Разъ мнѣ сильно разсѣкли носъ, а въ другой—дѣло зашло еще дальше: такъ какъ товарищи по школѣ прибѣжали къ намъ на помощь, то m-elle Ядвигѣ пришлось самолично вступиться и умиротворить дерущихся,—что́ она, впрочемъ, произвела далеко не особенно деликатнымъ образомъ, распредѣливъ на удачу направо и налѣво нѣсколько щелчковъ, изъ которыхъ одинъ мнѣ такъ сильно попалъ въ носъ, что я, совершенно оглушенный, упалъ навзничь. Очнулся я уже въ повозкѣ Кни, гдѣ Ядвига утирала обильно текшую изъ моего носа кровь; я услыхалъ тутъ, какъ она сказала своему брату Луп:

— Бѣдный малый, какой онъ славный и притомъ не сильнѣе цыпленка!

Мнѣ и носъ-то было больно, да и стало очень стыдно; я вспомнилъ раненаго Танкреда, за которымъ ухаживаетъ Германія, и, не въ силахъ больше сдерживаться, началъ ревѣть. Ядвига взяла меня на колѣни, стала цѣловать и утѣшать, говоря, что мужчина долженъ быть храбрымъ. Придя домой, нужно было объяснить бабушкѣ, почему мой носъ не имѣетъ своего обыкновеннаго вида, а покрытъ красными пятнами, и я разсказалъ, что подрался съ Маріусомъ; меня, конечно, за то наказали, и я проходилъ весь вечеръ, думая о Ядвигѣ, которая меня, можетъ быть, узнала бы въ толпѣ и улыбнулась бы... Но, увы!..

Однако, слава семейства Кни начала меркнуть. Каждый вечеръ прибавлялись пустыя мѣста въ амфитеатрѣ; въ скоромъ времени они собирались уже ломать свой балаганъ и снова отправляться въ далекія страны, которыя я зналъ только по географіи. Одинъ изъ мальчугановъ сообщилъ намъ, что они скоро поѣдутъ въ Италію; я сейчасъ же вспомнилъ о нарисованномъ на картѣ желтомъ сапогѣ съ тонкими линіями, идущими во всѣ стороны, для обозначенія желѣзныхъ дорогъ, и круглыми точками, для обозначенія городовъ. На все это я достаточно наглядѣлся въ школѣ, а теперь сильно завидовалъ такой бродячей жизни въ домикѣ на колесахъ, который передвигаютъ по желанію, ѣдутъ мимо новыхъ городовъ, долинъ, рѣчекъ, попадаютъ на морской берегъ, гдѣ ничего не видно кромѣ воды; все это

Digitized by Google

казалось мнѣ очень заманчивымъ. Я возмущался, что приходится вѣчно сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ; давалъ себѣ слово, что когда черезъ три-четыре года они снова вернутся, то я тогда буду большой и уѣду съ ними. Разъ утромъ, отправляясь по грустной обязанности въ школу, я замѣтилъ, что желтую афишу смѣнила ярко-красная, кровянаго цвѣта, на которой было напечатано, что семейство Кни дастъ еще нѣсколько замѣчательныхъ представленій и затѣмъ уѣдетъ изъ города. Я долго стоялъ передъ афишей, а потомъ увидалъ, что, въ исполненіе обѣщанія афиши, былъ протянутъ толстый канатъ съ крыши Почты на вершину дерева Свободы, точь въ точь, какъ мнѣ объяснялъ Маріусъ. Упражненія на канатѣ должны были начаться въ половинѣ пятаго вечера. Долго тянулся для меня этотъ день; никогда еще уроки не казались мнѣ такими скучными и длинными; ариѳметика и диктантъ были просто невыносимы. По какому-то чуду или особенной разсѣянности учителя, я не былъ задержанъ по окончаніи класса. Кое-какъ напихавъ свои тетради въ ранецъ, я поспѣшилъ уйти.

Маріусъ, не ходившій совсѣмъ въ этотъ день въ школу, ждалъ меня у выхода. Онъ былъ сильно взволнованъ и началъ говорить прерывающимся голосомъ:

— Ты еще не знаешь? Вѣдь это меня повезутъ въ тачкѣ!. Да, въ той самой тачкѣ, съ которою старшій Кни пойдетъ по канату!.. Онъ мнѣ это обѣщалъ... Только ты не говори никому... Если хочешь, пойдемъ вмѣстѣ на чердакъ Почтоваго дома: они тамъ всѣ уже собрались... Бѣги скорѣй домой, спрячь книги, а я подожду тебя...

Дѣйствительно, когда мы пришли, все семейство Кни уже собралось на чердакѣ: вдова наливала что-то въ стаканъ для меньшаго Кни, Шарля, который долженъ былъ начинать; дѣвицы Кни сидѣли, прижавшись другъ къ другу, и что-то переговаривались на своемъ полу-нѣмецкомъ, полу-венгерскомъ языкѣ; обыкновенно шумливые, маленькіе Кни теперь присмирѣли. Это не была обычная, беззаботная работа, ломанье на трапеціяхъ, или танцы и пантомимы. Чувствовалась дѣйствительная опасность, и всѣ находились въ какомъ-то угнетенномъ состояніи; вѣроятно, вспоминался одинъ изъ дядюшекъ, проломившій себѣ голову при паденіи съ каната: всѣ чувствовали, что Шарлю и Луи грозитъ такой же печальный конецъ, который можетъ наступить даже и сегодня.

Шарль пошелъ намъ на встрѣчу.

Digitized by Google

— А, вотъ и ты!—обратился онъ къ Маріусу на своемъ ломаномъ языкѣ.—Что же? Ты не измѣнилъ своего намѣренія?

Маріусъ твердо отвѣчалъ: „нѣтъ!“

Тотъ погладилъ его по головѣ.

— Отлично, отлично, ты храбрый мальчикъ!

Всѣ на него смотрѣли, и мнѣ очень хотѣлось быть на мѣстѣ товарища, несмотря на страшную высоту Почтоваго дома, сравнительно тонкій канатъ и тотъ страхъ, который внезапно охватилъ меня. Я проникся великимъ уваженіемъ къ Маріусу; онъ мнѣ казался настоящимъ героемъ, какъ Танкредъ или Готфридъ Бульонскій. Онъ рисковалъ своею жизнью, и на него всѣ любовались.

Мнѣ тоже предстояла маленькая роль: Ядвига узнала меня и подошла со словами:

— Ну, что же твой носъ, выздоровѣлъ?

Должно быть, на чердакѣ царилъ какой-нибудь геройскій духъ, потому что я храбро ей отвѣтилъ:

— О, да, вы можете сдѣлать опять то же самое, если хотите!

Несмотря на все свое безпокойство, она засмѣялась.

— Ну, и отлично, очень рада, что ты на меня не сердишься.

Оркестръ заигралъ какой-то медленный, торжественный маршъ. Немного блѣдный, Шарль вылѣзъ въ слуховое окно и смотрѣлъ на протянутый канатъ. Ему подали тяжелую палку для балансированія; снизу появленіе акробата привѣтствовали громкими аплодисментами.

Мать поцѣловала сына и отвернулась со стиснутыми зубами и искаженнымъ болью лицомъ. Сестры перекрестились, въ то время, какъ братъ, привѣтствуя толпу рукой, тихо и осторожно ступалъ по канату.

Мы съ Маріусомъ подошли къ одному изъ слуховыхъ оконъ. Крыша скрывала отъ насъ толпу и площадь,—виднѣлось только громадное пустое пространство, по которому медленно подвигался, одѣтый въ голубое, человѣкъ, весь сіяя блестками при пурпурныхъ лучахъ заходящаго солнца; это пустое пространство шло вплоть до фасада замка, и посреди его возвышалась могучая верхушка дерева Свободы, высокаго серебристаго тополя, листья котораго такъ и переливались на солнцѣ.

Откуда-то снизу доносился гулъ толпы, аплодисменты, покрываемые звуками оркестра; послышался взволнованный ропотъ, когда Шарль искусно притворился, что теряетъ равновѣсіе, а совсѣмъ близко звучалъ сильный голосъ Луи Кни, безпрестанно повторявшій со своимъ чужестраннымъ акцентомъ:

Digitized by Google

— Тяните веревки, не двигайтесь!

Это предостереженіе относилось къ тѣмъ изъ зрителей, которые добровольно прицѣпились къ идущимъ отъ главнаго каната веревкамъ, чтобъ удерживать его неподвижность. Время тянулось страшно долго, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то не хотѣлось, чтобъ это напряженное состояніе прекратилось; чувствовалось точно какое-то наслажденіе отъ сознанія, что есть опасность...

За Шарлемъ послѣдовалъ Луи и бѣгалъ по канату съ мѣшкомъ на головѣ, безъ балансира, ступая съ необычайною, одному ему свойственною вѣрностью ноги.

Онъ скоро вернулся за Маріусомъ.

— Ты не боишься?—спросилъ онъ.

И Маріусъ, смѣло глядя ему въ лицо, отвѣчалъ:

— Нѣтъ!

— Ну, тогда впередъ!

— Ты бы не былъ такимъ храбрымъ?—обратилась ко мнѣ одна изъ дѣвицъ Кни.

— А почему же и нѣтъ?—отвѣчалъ я.—Хотите я завтра сяду въ тачку?

Но тутъ вмѣшалась Ядвига.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ слишкомъ малъ, хотя я увѣрена, что тоже очень храбръ.—И она гладила меня рукой по головѣ.

Между тѣмъ Луи привязалъ тачку себѣ къ поясу, взялъ самую тяжелую палку для баланса и двинулся въ путь; Маріусъ не шевелился, онъ точно замеръ.

Вечеръ быстро надвигался: послѣдніе солнечные лучи ярко догорали; окруженный какою-то огненною атмосферой, акробатъ, одѣтый теперь во все красное, съ блестящею каской на головѣ, производилъ какое-то волшебное впечатлѣніе; оркестръ смолкъ; наступило торжественное молчаніе—не было слышно ни малѣйшаго звука и шума; только менѣе сильный, съ мягкими переливами голосъ Шарля взволнованно повторялъ:

— Держите крѣпче веревки, не двигайтесь!

И этотъ голосъ, прерывающій изрѣдка общее молчаніе, заставлялъ всѣхъ вздрагивать!

Но вотъ уже на обратномъ пути, шагахъ почти въ двадцати отъ крыши, въ то время, когда всѣ собирались свободно вздохнуть и готовились раздаться неудержимые крики восторга и аплодисменты, голова Маріуса высунулась изъ тачки... Думая, что все кончено, или слѣдуя какому-нибудь внутреннему чувству, онъ забылъ наставленія вдовы Кни—и *посмотрѣлъ*... Самое ужа-

Digitized by Google

сное случилось—у него закружилась голова и онъ закричалъ отчаяннымъ голосомъ:

— Мнѣ страшно! мнѣ страшно!..

— Не двигайся,—произнесъ акробатъ громкимъ возгласомъ, отъ котораго должно быть содрогнулась невидимая внизу толпа.— Бога ради, не двигайся!

Я почувствовалъ, что происходила драма: раздались стоны, рыданія, толпа заволновалась; несчастные, сгруппированные на чердакѣ люди съ ужасомъ ждали смерти ихъ близкаго, да какой еще смерти!..

Все это я чувствовалъ, но не видалъ; во мнѣ точно все натянулось до невозможности, и, напрягая послѣднія силы, я впился глазами только въ группу, которая черезъ какую-нибудь секунду должна была исчезнуть въ густомъ пространствѣ... Случилось что-то необычайное: Луи Кни, сразу сообразивъ, что объятый ужасомъ мальчикъ ничего ужъ больше не слышитъ, что онъ навѣрно движется и тогда они оба полетятъ внизъ, пустился бѣжать по канату. Въ гораздо болѣе короткое, чѣмъ можно это разсказать, время, раньше, чѣмъ уже начинавшая покачиваться тачка потеряла равновѣсіе, онъ уже ступилъ на край крыши.

Общій крикъ облегченія единодушно вырвался у всѣхъ и цѣлый громъ рукоплесканій наполнилъ пространство, у котораго отняли важную добычу.

Ядвига схватила меня на руки и отъ восторга поцѣловала...

— Я такъ рада, я такъ счастлива!—повторяла она.

Это происшествіе съ Маріусомъ взволновало власти, и дядя запретилъ упражненія на большомъ канатѣ. Черезъ недѣлю исчезъ и балаганъ. Я съ сожалѣніемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ его ломали.

Я стоялъ у окна, когда уѣзжали акробаты; лошади шли медленно, одна изъ нихъ хромала. Ядвига замѣтила меня и кивнула на прощаніе головой. Я былъ въ отчаяніи. Вскорѣ вся процессія скрылась за поворотомъ улицы. Я думалъ о тѣхъ далекихъ странахъ, гдѣ акробаты построятъ свой балаганъ и протянутъ большой канатъ.

Эдуардъ Родъ.

Digitized by Google

* * *

Словно гость изъ надзвѣзднаго края,
Призракъ счастья мелькнулъ—и исчезъ...
И погасла мечта дорогая,
И померкло сіянье небесъ!

Иль напрасно повѣрилъ я сказкѣ,
Про которую пѣлъ соловей,
И солгали мнѣ знойныя ласки
Всепобѣдныхъ весеннихъ лучей?

Но душѣ непонятна утрата
Дѣтской вѣры въ мечтанья и сны,
Словно счастье ей было когда-то
Не одною лишь сказкой весны...

В. Саводникъ.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

И. С. Тургеневъ и гр. Л. Н. Толстой въ первый періодъ ихъ знакомства.

Въ концѣ мая 1861 года между Тургеневымъ и гр. Толстымъ произошла ссора, чуть было не повлекшая за собой дуэли. Современники Тургенева старались объяснить ее обыкновенною случайностью, почему больше интересовались ссорой, чѣмъ причинами, вызвавшими ее. Желая видѣть между двумя столь популярными писателями взаимную личную любовь и пріязнь, современники видѣли это влеченіе даже тамъ, гдѣ его, въ сущности, совсѣмъ не было. Ссора же между взаимно любящими другъ друга людьми, притомъ людьми нравственно и умственно возвышающимися надъ обыкновеннымъ уровнемъ, конечно должна была быть вызвана случайнымъ недоразумѣніемъ, неосторожностью, и, разумѣется, на этой ссорѣ и долженъ былъ быть сосредоточенъ тогда интересъ. На самомъ дѣлѣ здѣсь, какъ и во всякихъ столкновеніяхъ, на первомъ планѣ для наблюдателя должна быть не самая ссора, а предшествующія ей отношенія.

Знакомство Тургенева съ гр. Толстымъ началось собственно съ возвращенія послѣдняго изъ Севастополя въ 1856 году. Уже съ этого года ихъ взаимныя отношенія не даютъ возможности рѣшить, что̀ больше преобладало въ нихъ—желаніе ли подружиться, сблизиться, или въ этихъ отношеніяхъ было больше взаимнаго непониманія и раздраженія. Ихъ знакомство было въ сущности рядомъ недоразумѣній, несмотря на довольно настойчивое желаніе сойтись поближе. Можно даже сказать, ничуть не рискуя погрѣшить противъ истины, что чѣмъ сильнѣе они

Digitized by Google

хотѣли сблизиться, тѣмъ крупнѣе и рѣзче выходили между ними недоразумѣнія.

Иванъ Сергѣевичъ былъ правъ болѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза, когда писалъ Анненкову въ объясненіе своей ссоры съ гр. Толстымъ слѣдующее: „Я окончательно разсорился со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ (дѣло, entre nous, на волоскѣ висѣло отъ дуэли... и теперь еще этотъ волосокъ не порвался). Виноватъ былъ я, но взрывъ былъ, говоря ученымъ языкомъ, обусловленъ нашею давнишнею непріязнью и антипатіей нашихъ обѣихъ натуръ. Я чувствовалъ, что онъ меня ненавидѣлъ, и не понималъ, почему онъ нѣтъ-нѣтъ и возвратится ко мнѣ. Я долженъ былъ по прежнему держаться въ отдаленіи, попробовалъ сойтись—и чуть было не сошелся съ нимъ на барьерѣ. И я его не любилъ никогда,—къ чему-же было давнымъ-давно не понять все это?..“ Почему Иванъ Сергѣевичъ не понялъ этого „давнымъ-давно“, показываютъ слѣдующія строки письма его къ гр. Толстому въ началѣ ихъ сближенія (1856 г.): „Мнѣ кажется—мы познакомились неловко и въ неладную минуту, и когда мы увидимся опять, дѣло пойдетъ гораздо глаже и легче.—Я чувствую, что люблю васъ какъ человѣка (объ авторѣ и говорить нечего); но многое меня въ васъ коробитъ;—и я нашелъ подъ конецъ удобнѣе держаться отъ васъ подальше. При свиданіи попытаемся опять пойти рука-объ-руку,—авось удастся лучше; а въ отдаленіи (хотя это звучитъ довольно странно)—сердце мое къ вамъ лежитъ какъ къ брату—и я даже чувствую нѣжность къ вамъ. Однимъ словомъ—я васъ люблю, это несомнѣнно; авось изъ этого со временемъ выйдетъ все хорошее“.

Удивляясь поэтическому таланту гр. Толстого, Иванъ Сергѣевичъ очевидно не столько хотѣлъ себя *увѣрить*, что *можетъ* полюбить Толстого, сколько хотѣлъ себя *заставить* полюбить и сблизиться съ этимъ человѣкомъ. Поэтому онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался съ нимъ видѣться—и на родинѣ, и за границей; постоянно интересовался имъ въ письмахъ къ друзьямъ, пересылалъ ему поклоны и неоднократно пытался завязать прочную переписку. Послѣднее, впрочемъ, ему удавалось меньше всего. Но насколько письма Тургенева къ друзьямъ свидѣтельствуютъ о желаніи его сойтись съ гр. Толстымъ, настолько же они свидѣтельствуютъ и о неудачѣ этихъ попытокъ. „Съ Толстымъ я все-таки не могу сблизиться окончательно: слишкомъ мы врозь глядимъ“, писалъ Иванъ Сергѣевичъ въ началѣ

Digitized by Google

1857 года. Въ письмахъ 1859 года читаемъ: „Я знаю, меня онъ (Толстой) любитъ мало, и его люблю я мало. Слишкомъ въ насъ различны стихіи; но дорогъ на свѣтѣ много: другъ другу мы мѣшать не захотимъ". „Съ Толстымъ мы бесѣдовали мирно и разстались дружелюбно. Кажется, недоразумѣній межъ нами быть не можетъ, потому что мы другъ друга понимаемъ ясно, и понимаемъ, что тѣсно сойтись намъ невозможно. Мы изъ разной глины слѣплены"... Въ письмахъ слѣдующаго года Иванъ Сергѣевичъ высказывалъ между прочимъ: „Единственный человѣкъ, котораго я совершенно отказываюсь удовлетворить когда-нибудь—Левъ Толстой. Но что дѣлать! Видно, такъ у меня на роду написано". „О Львѣ (Толстомъ) все никакого нѣтъ извѣстія; да я, признаться, не слишкомъ интересуюсь знать о человѣкѣ, который самъ не интересуется никѣмъ".

Разъ взаимная непріязнь и раздраженіе происходили отъ противоположности взглядовъ, отъ разности стихій, то прежде всего въ характеристикѣ отношеній двухъ писателей другъ къ другу долженъ быть рѣшенъ вопросъ, въ чемъ состояла эта рознь, эта противоположность.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Фету 1862 года Иванъ Сергѣевичъ выразился между прочимъ, что „Толстого страхъ фразы загналъ въ самую отчаянную фразу" [1]. Въ этомъ замѣчаніи, намъ кажется, нужно искать ключъ къ пониманію гр Толстого, какъ человѣка и писателя. Въ самомъ дѣлѣ, что изъ себя представляютъ всѣ упражненія и скитанія Толстого, какъ не „самую отчаянную фразу"? Что значитъ его проповѣдь презрѣнія къ матеріальнымъ благамъ и удобствамъ при сознательномъ наживаніи сотенъ тысячъ? Что значитъ его призывъ къ безбрачію при многосемейности? Какъ понять его заявленіе ненависти къ литературной работѣ при несомнѣнной литературной плодовитости? Фраза и фраза, вызванная страхомъ, боязнью фразы.

Въ критическихъ разборахъ его сочиненій съ достаточною ясностью установлено, что теоретическіе взгляды гр. Толстого въ сущности оставались неизмѣнными въ продолженіе всей его литературной дѣятельности. Но очень мало собрано біографическихъ фактовъ относительно автора „Войны и Мира", указывающихъ, что и образъ жизни его былъ столь же фразистымъ до, такъ-называемаго, переворота, происшедшаго съ нимъ, какъ и послѣ него. Однако, фактовъ этихъ можно найти не мало.

[1] Фетъ. Воспом. I, 391.

Digitized by Google

Приведемъ для примѣра свидѣтельство брата его гр. Николая Толстого.

Послѣдній пріѣхалъ однажды въ 1858 году въ гости къ Фету (Шеншину) и, на разспросы о Львѣ Николаевичѣ, разсказывалъ о любимомъ братѣ слѣдующее: „Левочка усердно ищетъ сближенія съ сельскимъ бытомъ и хозяйствомъ, съ которыми, какъ и всѣ мы, до сихъ поръ знакомъ поверхностно. Но ужъ не знаю, какое тутъ выйдетъ сближеніе: Левочка желаетъ все захватить разомъ, не упуская ничего, даже гимнастики. И вотъ у него подъ окномъ кабинета устроенъ баръ. Конечно, *если отбросить предразсудки, съ которыми онъ такъ враждуетъ*, онъ правъ: гимнастика хозяйству не помѣшаетъ; но староста смотритъ на дѣло нѣсколько иначе: „придешь, говоритъ, къ барину за приказаньемъ, а баринъ, зацѣпившись одною колѣнкой за жердь, виситъ въ красной куртцѣ головой внизъ и раскачивается; волосы отвисли и мотаются, лицо кровью налилось; не то приказанія слушать, не то на него дивиться“. Понравилось Левочкѣ, какъ работникъ Юфанъ растопыриваетъ руки при пахотѣ. И вотъ Юфанъ для него эмблема сельской силы, вродѣ Микулы Селяниновича. Онъ самъ, широко разставляя локти, берется за соху и „юфанствуетъ“ [1].

Или за годъ передъ этимъ гр. Толстой распустилъ слухъ о томъ, будто онъ предполагаетъ заняться лѣсоразведеніемъ въ южной Россіи. Тургеневъ пишетъ по этому поводу Анненкову: „Удивили вы меня извѣстіемъ о лѣсныхъ затѣяхъ Толстого! Онъ недавно писалъ Боткину письмо, въ которомъ говоритъ: „Я очень радъ, что не послушался Тургенева, не сдѣлался только литераторомъ“. Въ отвѣтъ на это я у него спрашивалъ—что же онъ такое: офицеръ, помѣщикъ и т. д.? Оказывается, что онъ лѣсоводъ“.

Фраза—не столько противорѣчіе слова съ дѣломъ, сколько хвастливое преувеличеніе дѣла на словахъ; не столько стремленіе прикрыть бѣдноту содержанія красивою внѣшностью, сколько придать формѣ преобладающее значеніе передъ содержаніемъ. Фразу нужно отличать отъ тѣхъ случайностей и той условности, какія необходимо являются во всякомъ культурномъ обществѣ. Чѣмъ образованнѣе, развитѣе послѣднее, тѣмъ болѣе въ немъ этихъ условностей. Условность встрѣчается какъ въ высшихъ вопросахъ человѣческаго общежитія, такъ и въ мелочахъ

[1] Фетъ. Воспом. I, 237.

Digitized by Google

повседневной жизни. Присяга, если разсматривать ее съ отрицательной стороны, есть условность, а не фраза; точно такъ же различныя мундирныя одежды, визиты и проч. есть тоже не фраза, а условность, иногда случайность. Страхъ фразы совсѣмъ не то, что нелюбовь къ ней. Первый всегда смѣшаетъ фразу съ условностью, вторая—никогда. Боязнь фразы будетъ нападать больше и чаще именно на условность и случайность въ человѣческихъ поступкахъ и характерахъ; нелюбовь же къ фразѣ будетъ бороться только съ послѣднею, относясь безразлично, а иногда и съ уваженіемъ, къ необходимой условности. Испугавшійся человѣкъ бьетъ нерѣдко по своимъ и уже совсѣмъ лишенъ возможности отличать чужое, въ смыслѣ враждебномъ себѣ, отъ чужого въ смыслѣ не своего.

Тургеневъ не боялся, а лишь не любилъ фразы и сумѣлъ понять и отнестись съ уваженіемъ къ такому типу, какъ „Рудинъ“; гр. Толстой испытывалъ страхъ къ фразѣ и считалъ фразеромъ творца „Рудина“ и долгое время чувствовалъ къ нему „презрѣніе“. Гр. Толстой, пугливо убѣгая фразы и тѣмъ самымъ не умѣя отличать ее отъ условностей культурной жизни, сталъ избѣгать этихъ послѣднихъ, то-есть повернулъ въ сторону подражанія *формамъ* некультурнаго класса. Отсюда его „юфанство“; отсюда, какъ выражались его критики, „игра въ водовозы, въ сапожники“ и т. д. Тургеневъ настолько стремился въ противоположную сторону, что при всякомъ удобномъ случаѣ выставлялъ себя „западникомъ“.

Гр. Толстого часто называли скептикомъ, но скептицизмъ есть порожденіе ума, а не чувства. Скептикъ глубже проникаетъ въ собственные недостатки, чѣмъ въ чужіе. Скептицизмъ же гр. Толстого есть результатъ болѣзненнаго страха фразы; поэтому является болѣе нетерпимостью и высокомѣрнымъ или пренебрежительнымъ недовѣріемъ, даже подозрительностью къ окружающимъ, чѣмъ глубокимъ и безпристрастнымъ анализомъ человѣческихъ поступковъ и стремленій. Отсюда удивительное самомнѣніе гр. Толстого и проповѣдническій тонъ его сочиненій.

Болѣзненный скептицизмъ гр. Толстого поражалъ его литературныхъ пріятелей съ перваго дня знакомства, но особенную оппозицію встрѣчалъ въ Тургеневѣ. Отмѣчая эту странность въ авторѣ „Войны и Мира“, друзья гр. Толстого непремѣнно въ то же время отмѣчали и тѣ стычки, которыя происходили у него съ Тургеневымъ изъ-за этой особенности.

Такъ Фетъ, безусловный поклонникъ Льва Николаевича, раз-

Digitized by Google

сказывая въ воспоминаніяхъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ нимъ вскорѣ по возвращеніи гр. Толстого изъ Севастополя, пишетъ:

„Съ первой минуты я замѣтилъ въ молодомъ Толстомъ невольную оппозицію всему общепринятому въ области сужденій. Въ это короткое время (пріѣзда въ Петербургъ) я только однажды видѣлъ его у Некрасова вечеромъ въ нашемъ холостомъ литературномъ кругу и былъ свидѣтелемъ того отчаянія, до котораго доходилъ кипятящійся и задыхающійся отъ спора Тургеневъ на видимо сдержанныя, но тѣмъ болѣе язвительныя возраженія Толстого.

— Я не могу признать,—говорилъ Толстой,—чтобы *высказанное вами было вашими убѣжденіями*. Я стою съ кинжаломъ или саблей въ дверяхъ и говорю: „пока я живъ, никто сюда не войдетъ“. Вотъ это убѣжденіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣжденіемъ.

— Зачѣмъ же вы къ намъ ходите?—задыхаясь и голосомъ переходящимъ въ тонкій фальцетъ, говорилъ Тургеневъ.—Здѣсь не ваше знамя! Ступайте къ княгинѣ Б—й, Б—й!

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать у васъ, куда мнѣ ходить! и праздные разговоры ни отъ какихъ моихъ приходовъ не превратятся въ убѣжденія“ [1].

А вотъ что пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ же времени Григоровичъ, литераторъ одинаково расположенный къ гр. Толстому и Тургеневу: „Какое-бы мнѣніе ни высказывалось и чѣмъ авторитетнѣе казался ему (Толстому) собесѣдникъ, тѣмъ настойчивѣе подзадоривало его высказать противоположное и начать рѣзаться на словахъ. Глядя, какъ онъ прислушивался, какъ всматривался въ собесѣдника изъ глубины сѣрыхъ, глубоко запрятанныхъ глазъ, и какъ иронически сжимались его губы, чувствовалось, что онъ какъ-бы заранѣе обдумывалъ не прямой отвѣтъ, но такое мнѣніе, которое должно было озадачить, сразить своею неожиданностью собесѣдника. Такимъ представлялся мнѣ Толстой въ молодости. Въ спорахъ онъ доходилъ иногда до крайностей. Я находился въ сосѣдней комнатѣ, когда разъ начался у него споръ съ Тургеневымъ; услышавъ крики, я вошелъ къ спорившимъ. Тургеневъ шагалъ изъ угла въ уголъ, выказывая всѣ признаки крайняго смущенія; онъ воспользовался отворенною

[1] Фетъ. Воспом. I, 106.

Digitized by Google

дверью и тотчасъ же скрылся. Толстой лежалъ на диванѣ, но возбужденіе его настолько было сильно, что стоило не мало трудовъ его успокоить и отвезти домой“ [1]. Въ іюнѣ 1856 года Константинъ Аксаковъ писалъ Тургеневу между прочимъ: „Былъ въ Москвѣ гр. Толстой, и я имѣлъ случай замѣтить, что вы вѣрно его очертили. Странный человѣкъ! Молодъ что-ли онъ? Не установился? Иногда идетъ съ нимъ разговоръ ладно; онъ слушаетъ умно и ведетъ рѣчь разумно; а иногда вдругъ упрется, повторяетъ свои слова и какъ будто васъ не понимаетъ. Кажется, въ немъ нѣтъ еще центра“.

Если Тургенева „коробилъ“ болѣзненный скептицизмъ графа Толстого въ этихъ спорахъ, то гр. Толстой въ мнѣніяхъ Тургенева видѣлъ прежде всего фразу. „Вообще меня всегда удивляетъ въ Тургеневѣ“, писалъ онъ Фету за годъ до ссоры своей съ Иваномъ Сергѣевичемъ, „какъ онъ со своимъ умомъ и поэтическимъ чутьемъ не умѣетъ удержаться отъ банальности даже до пріемовъ“ (т. е. отъ банальности во взглядахъ и даже въ пріемахъ). Еще чаще гр. Толстой видѣлъ фразу въ хандрѣ Тургенева и не могъ „смотрѣть на него въ это время, не чувствуя приращенія непріязненныхъ чувствъ“ [2]. При такомъ характерѣ скептицизма гр. Толстого, послѣдній насколько всегда готовъ былъ заподозрить всякое установившееся мнѣніе въ фальши, настолько склоненъ былъ искать глубокій смыслъ въ словахъ или рѣчахъ мало понятныхъ, или просто неясныхъ. Въ одномъ изъ писемъ 1858 г. Тургенева къ Фету читаемъ: „Полонскій на дняхъ спрашивалъ меня о значеніи слѣдующей фразы Григорьева: „Каждый человѣкъ въ наше время разомъ переживаетъ двѣ формулы“. Я увѣренъ, что Толстой будетъ увѣрять, что эта фраза совершенно ясна“. Бывали и такіе казусы со Львомъ Николаевичемъ, что, подкапываясь подъ какое нибудь дѣйствительно ложное мнѣніе, онъ съ преувеличенною серьезностью и настойчивостью высказываетъ мысль самую обыкновенную, давнымъ давно извѣстную. Про такіе казусы пріятель его В. П. Боткинъ говаривалъ: „Ну, открылъ Левъ Николаевичъ Средиземное море!“ [3]

Не даромъ Тургеневъ, получая извѣстія объ эксцентричностяхъ гр. Толстого, писалъ Анненкову въ 1857 г.: „Вотъ чело-

---

[1] Сочиненія: Изд. *Нивы*, XII, 327.

[2] Фетъ, Воспомин. I, 231.

[3] Фетъ, Воспомин. II, 209.

Digitized by Google

вѣкъ! съ отличными ногами непремѣнно хочетъ ходить на головѣ. Боюсь я только, какъ бы онъ этими прыжками не вывихнулъ хребта своему таланту", или въ 1860 году писалъ Фету: „А Левъ Толстой продолжаетъ чудить. Видно такъ уже написано ему на роду. Когда онъ перекувыркнется въ послѣдній разъ и станетъ на ноги?"

Гр. Толстой, разсматривая явленіе или фактъ, прежде всего старался найти въ немъ недостатки, ложь и фразу и, найдя таковые, испуганно отказывался всматриваться въ хорошія стороны явленія и почти всегда отрицалъ его. Вотъ почему отрицаніе гр. Толстого очень обширно, т. е. касается большого числа предметовъ и явленій, но односторонне. Отсюда отсутствіе правильнаго міровоззрѣнія у гр. Толстого. Другъ его В. П. Боткинъ писалъ въ 1861 г. Фету по поводу ссоры Льва Николаевича съ Тургеневымъ:

„Къ несчастію, умъ его (Толстого) находится въ какомъ-то хаосѣ представленій, т. е. я хочу сказать, что въ немъ еще не выработалось опредѣленнаго воззрѣнія на жизнь и дѣла міра сего. Отъ этого такъ мѣняются его убѣжденія, такъ падокъ онъ на крайности. Въ душѣ его кипитъ ненасыщаемая жажда; говорю ненасыщаемая, потому что, что̀ вчера насытило его, нынче разбивается его анализомъ. Но этотъ анализъ не имѣетъ никакихъ прочныхъ и твердыхъ реагентовъ и отъ этого въ результатѣ своемъ улетучивается ins Blaue hinein". Не то представлялъ собою Тургеневъ: изучая явленіе, онъ подходилъ къ нему съ противоположной стороны—искалъ прежде всего не недостатковъ и лжи, какъ гр. Толстой, а оправданія его существованію; лишь не найдя такого, рѣшался отрицать явленіе. Поэтому отрицаніе его было менѣе обширно, чѣмъ отрицаніе гр. Толстого, но болѣе глубоко. Гр. Толстой даже отъ отраднаго факта всегда готовъ былъ отнять то, что его краситъ, возвышаетъ. Тургеневъ къ обыкновеннымъ, безразличнымъ вещамъ придаетъ что-нибудь возвышающее.

Гр. Толстой своимъ ученіемъ предупреждаетъ читателей не овѣрять жизни, бояться ея воплощеній,—столкнувшись съ ними, вы вѣдь прежде всего нападете на ложь и на фразу. Тургеневъ говоритъ напротивъ: подходите къ жизни безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, смотрите на нее проще—и она вамъ дастъ больше, чѣмъ вы думаете. Гр. Толстой писалъ въ 1860 г Фету: „*Я беру* жизнь, какъ она есть. Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что *все дичь, об-*

Digitized by Google

манъ и что правда, которую все-таки онъ любитъ лучше всего, что эта правда ужасна, что, какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ (Николай Толстой передъ своею смертью): „да что-жъ это такое?“ Но, разумѣется, покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно, что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать. Это одно я и буду дѣлать, только не въ формѣ вашего искусства. *Искусство есть ложь, а я уже не могу* любить прекрасную ложь“... А Тургеневъ въ то же время, въ томъ же году высказывалъ въ своей рѣчи о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ: „Мы сами на своемъ вѣку въ нашихъ странствованіяхъ видали людей умирающихъ за столь же малосуществующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нѣчто, въ которомъ они видѣли осуществленіе своего идеала, и превращеніе котораго они также приписывали вліянію злыхъ— мы чуть было не сказали волшебниковъ—злыхъ случайностей и личностей. Мы видѣли ихъ—и, когда переведутся такіе люди, пускай закроется навсегда книга исторіи! въ ней нечего будетъ читать“. Въ другомъ мѣстѣ, резюмируя подобныя же мысли, Иванъ Сергѣевичъ сказалъ, что „не обманывать себя человѣку— не жить ему“.

Крайности и эксцентричности гр. Толстого обострялись еще вслѣдствіе отсутствія у него систематическаго образованія, вслѣдствіе отсутствія настоящихъ знаній. Это обстоятельство, крайне невыгодно отражаясь на его болѣзненномъ скептицизмѣ, еще болѣе должно было отчуждать гр. Толстого отъ Тургенева, всегда и всѣхъ поражавшаго обширностью и глубиной своего образованія. Тургеневъ знакомился со всѣми болѣе или менѣе замѣчательными мыслями и ученіями своихъ и западныхъ изслѣдователей человѣческой культуры въ важнѣйшихъ ея проявленіяхъ, часто изъ непосредственнаго, личнаго общенія съ этими изслѣдователями; онъ вѣчно былъ окруженъ книгами, журналами, газетами. Гр. Толстой старался замыкаться отъ литературнаго міра, иной годъ даже не выписывалъ „ни одного журнала и ни одной газеты“ и находилъ это „очень полезнымъ“[1]. Да и откуда было взяться образованію, даже стремленію къ образованію у графа Толстого при его недовѣріи, при его скептицизмѣ, при его убѣжденіи, что все, что дѣлаютъ, говорятъ и, особенно, пишутъ люди, есть обманъ, ложь и фраза! Гр. Толстой всю свою

[1] Фетъ. Воспом. II. 211.

Digitized by Google

литературную дѣятельность стремился подчинить одной цѣли—борьбѣ съ фразой. Тургеневъ не былъ такъ одностороненъ, но, нападая на фразу, билъ ее больнѣе и безпощаднѣе, чѣмъ гр. Толстой.

Ссора у гр. Толстого съ Тургеневымъ и произошла какъ разъ въ то время, когда у послѣдняго надежда на сближеніе особенно ярко вспыхнула. Пріѣхавъ вмѣстѣ въ имѣніе Фета Степановку 27 мая, оба пріятеля весело усѣлись за чайный столъ. Тургеневъ, всецѣло поглощенный тогда заботами о воспитаніи своей дочери, принялся разсказывать о тѣхъ пріемахъ, какіе примѣняетъ къ ней ея гувернантка—англичанка, и которые онъ, Тургеневъ, находитъ вполнѣ разумными. Гр. Толстой не утерпѣлъ, сѣлъ на своего любимаго конька и язвительно замѣтилъ, что видитъ въ этихъ пріемахъ лишь неискренность и театральность. Больно задѣтый, Тургеневъ крикнулъ своему собесѣднику: „Я васъ прошу этого не говорить!“

— „Отчего же мнѣ не говорить того, въ чемъ я убѣжденъ?“— отвѣчалъ гр. Толстой.—„Такъ я васъ заставлю молчать оскорбленіемъ“,—вспылилъ Тургеневъ, блѣдный отъ волненія; но, тотчасъ спохватившись, онъ обратился къ хозяйкѣ съ извиненіемъ, послѣ чего покинулъ Степановку. Въ такомъ видѣ является сцена ссоры подъ перомъ Фета, безусловнаго сторонника графа Толстого.

Другой источникъ [1] передаетъ фактъ нѣсколько измѣненнымъ въ сторону враждебную гр. Толстому, но намъ нѣтъ надобности отвергать свидѣтельство Фета. Гр. Толстой немедленно, вернувшись къ себѣ, потребовалъ письменно извиненія отъ Ивана Сергѣевича. Послѣдній исполнилъ требованіе, но гр. Толстой, не удовольствовавшись имъ, послалъ ему вызовъ, который, однако, взялъ почти тотчасъ же назадъ, объявивъ, что не желаетъ быть сказкой русской публики. Въ сентябрѣ того же 1861 года, проѣздомъ за границу, въ Петербургѣ Иванъ Сергѣевичъ узналъ, будто гр. Толстой распространяетъ въ Москвѣ копіи съ письма своего къ Тургеневу, письма оскорбительнаго для послѣдняго, при чемъ будто бы гр. Толстой называетъ его трусомъ, не желавшимъ съ нимъ драться, и т. д. Тургеневъ, узнавъ объ этомъ, послалъ уже со своей стороны гр. Толстому вызовъ на дуэль изъ Парижа, намѣреваясь драться съ нимъ весной будущаго года въ Тулѣ. Гр. Толстой немедленно отвѣчалъ, что слухъ

[1] Гаршинъ. *Историч. Вѣстн.* XIV. 389.

Digitized by Google

о распространеніи имъ копіи оскорбительнаго для Ивана Сергѣевича письма есть чистая выдумка, и тутъ же прислалъ письмо въ которомъ проситъ у него извиненія и вторично отказывается отъ вызова. Тургеневъ со своей стороны просилъ передать гр. Толстому, что послѣ этого тоже отказывается отъ дуэли и считаетъ все дѣло „похороненнымъ на вѣкъ“. Такъ покончено было дѣло о поединкѣ, но помириться противникамъ пришлось лишь черезъ 16 лѣтъ послѣ ссоры.

Н. Гутьяръ.

Digitized by Google

КРИТИКА.[1]

ЖИЗНЬ И ПОЭЗІЯ Н. М. ЯЗЫКОВА.

IV.

Заграничная жизнь 1838—1843 гг.

Съ августа 1838 г. по августъ 1843 г., т. е. ровно въ теченіе пяти лѣтъ, Языковъ прожилъ заграницей съ цѣлью поправленія своего здоровья. Больной поэтъ отправился за границу въ сопровожденіи своего втораго брата Петра Михайловича [1] и крѣпостнаго лакея [2]. Сначала, какъ мы знаемъ, Языковъ направился въ Маріенбадъ, небольшой, славящійся своими минеральными водами, городокъ Богеміи, гдѣ пилъ воды, а также купался въ нихъ и грязяхъ; но пользованіе всѣмъ этимъ ему не давало облегченія.

Черезъ два мѣсяца Языковъ отправился изъ Маріенбада въ Ганау, небольшой городъ прусской провинціи Гессенъ-Нассау, гдѣ жилъ въ то время знаменитый докторъ Копъ, который подалъ поэту надежду на излѣченіе его въ теченіе года. Но это смѣлое обѣщаніе Копа не оправдалось: состояніе здоровья Языкова здѣсь временно даже ухудшилось и настолько, что онъ испытывалъ тяжелыя страданія. О физическомъ, а также душевномъ состояніи Языкова за это время кн. П. А. Вяземскій, познакомившійся съ Языковымъ еще въ бытность его въ Москвѣ, свидѣтельствуетъ слѣдующее: „Въ 1838 г. встрѣтился я съ Языковымъ въ Ганау. Я зналъ его въ Москвѣ полнымъ, румянымъ,

[1] См. *Русское Обозрѣніе* 1897 г. №№ 1 и 11, и 1898 г. №№ 1, 2 и 3.

[1] *Русскій Архивъ* 1867 г., № 3, „Изъ записной книжки П. М. Языкова", стр. 392—393.

[2] *Русскій Архивъ* 1890 г., № 8, „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ" С. Т. Аксакова, стр. 66.

Digitized by Google

что называется кровь съ молокомъ. Тутъ я ужаснулся перемѣнѣ, которую въ немъ нашелъ. Предо мною былъ старикъ, согбенный, изсохшій: съ трудомъ передвигалъ онъ ноги, съ трудомъ переводилъ дыханіе. Тѣло изнемогало подъ бременемъ страданій, но духомъ былъ онъ покоренъ и бодръ, хотя скучалъ. Чистая кровная, славянская порода его не могла ужиться въ Нѣметчинѣ. Мало прислушиваясь къ движенію нѣмецкой и западной умственной дѣятельности, онъ въ Германіи окруженъ былъ русскими книгами, жилъ русскою жизнью, которую носилъ въ груди своей, въ чувствахъ, привычкахъ и помышленіяхъ" [3].

Въ Ганау Языковъ впервые лѣтомъ 1839 г. встрѣтился и познакомился съ путешествовавшимъ также въ это время по заграничнымъ минеральнымъ водамъ Гоголемъ. Въ скоромъ времени это знакомство поэтовъ обратилось, какъ мы увидимъ потомъ, въ крѣпкую взаимную привязанность, продолжавшуюся неизмѣнно до смерти Языкова, умершаго ранѣе своего также болящаго друга. Эта взаимная привязанность Языкова и Гоголя обусловливалась, по мнѣнію одного изъ позднихъ біографовъ послѣдняго, сходствомъ ихъ „воззрѣній на поэзію и литературу вообще", также „присущимъ имъ обоимъ глубокимъ религіознымъ настроеніемъ" и, наконецъ „тяжелыми страданіями отъ физическихъ недуговъ" [4]. Къ этому слѣдуетъ добавить, что уваженіе другъ къ другу обоихъ писателей вызывалось главнымъ образомъ глубоконаціональными убѣжденіями, пламеннымъ патріотизмомъ того и другого, который съ особенною ощутительностью долженъ былъ, конечно, обозначиться на чужбинѣ, какъ взаимно притягательная сила, вызывающая ихъ обоюдныя симпатіи. Несомнѣнныя данныя относительно этого одинаково сильнаго настроенія Гоголя и Языкова во время ихъ заграничной жизни заключаются въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ этого времени: у Гоголя въ „Мертвыхъ душахъ", а у Языкова въ многихъ стихотвореніяхъ, о которыхъ мы скажемъ въ свое время. Второю, очень важною причиной, сближавшею Языкова съ Гоголемъ, было также обоюдное уваженіе ихъ къ литературнымъ произведеніямъ другъ друга: мы не знаемъ письменныхъ отзывовъ Языкова о поэзіи Гоголя, но глубокое уваженіе перваго къ произведеніямъ великаго національнаго писателя не подле-

[3] „Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго". С.-Пет. 1879 г., т. II, стр. 309—310.

[4] *Русская Старина* 1889 г., январь, „Н. В. Гоголь и Н. М. Языковъ" В. Шенрока, стр. 148.

Digitized by Google

жить сомнѣнію вслѣдствіе того, что ихъ глубоко уважало все современное ему наиболѣе образованное русское общество. Что же касается уваженія Гоголя къ поэтическому таланту и произведеніямъ Языкова, то оно подтверждается не только его письмами къ Языкову со времени ихъ окончательнаго сближенія, но и болѣе раннею перепиской его съ друзьями, предшествующею ихъ знакомству. Такъ, препровождая изъ Петербурга при письмѣ отъ 1 января 1832 г. другу и товарищу по Нѣжинскому лицею А. С. Данилевскому альманахъ „Сѣверные цвѣты“ на 1832 годъ, Гоголь въ указанномъ письмѣ говоритъ: „Тутъ ты найдешь Языкова такъ прелестнымъ, какъ еще никогда“ [5]. Въ другомъ письмѣ 1832 г. къ тому же лицу Гоголь въ обычной своей образной словесной формѣ дѣлаетъ такой сочувственный отзывъ о поэзіи Языкова, сравнительно съ поэзіей Пушкина: „Стихи Языкова – любовь до брака: они эффектны, огненны и съ перваго же раза ужъ овладѣваютъ всѣми чувствами. Но послѣ брака любовь—это поэзія Пушкина: она не вдругъ обхватитъ васъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ болѣе она открывается, развертывается и наконецъ превращается въ величавый, обширный океанъ“ [6]. Въ письмѣ 1833 г. къ тому же Данилевскому Гоголь, послѣ жалобъ на безцвѣтность текущей русской литературы, обращается къ названному другу съ такимъ вопросомъ: „Попотчивать ли тебя чѣмъ нибудь изъ Языкова, чтобы закусить... конфектами?“ и послѣ этого приводитъ въ письмѣ почти всецѣло стихотвореніе Языкова 1831 года „Вино“ [7]. Кромѣ того, причиной сближенія Языкова и Гоголя должно было также служить стремленіе ихъ обоихъ къ уединенной жизни, вдали отъ свѣтскаго шума, чтобы свободно можно было посвятить ее любимому умственному труду, что подтверждается ихъ взаимною перепиской послѣдующаго времени.

Во время своего пребыванія за границей Языковъ, несмотря на тяжелое болѣзненное состояніе, вообще очень часто совершалъ, по совѣту докторовъ, передвиженія изъ одного мѣста лѣченія въ другое: кромѣ Маріенбада и Ганау, онъ посѣтилъ прирейнскіе германскіе города и мѣстечки—Висбаденъ, Швальбахъ, Іоганнисбергъ—деревню, славящуюся своими виноградниками, Дицъ, Крейцнахъ, пріальпійскія австрійскія провинціи—Зальц-

[5] „Сочиненія и письма Гоголя“, изданіе П. Кулиша, 1857 года, V, стр. 143.

[6] Тамъ же, стр. 151 – 152.

[7] Тамъ же, стр. 172.

Digitized by Google

бургъ, Тироль, изъ которыхъ въ первой его особенно привлекала деревня Гастейнъ (Гастуна) или Вильбадъ, расположенная въ живописной долинѣ Норическихъ Альпъ, при рѣкѣ Ахе, образующей здѣсь водопадъ, и извѣстная своими теплыми щелочно-солеными водами, а также—верхнюю часть Италіи—живописные берега озера Комо, города: Миланъ, Туринъ, Савону и Ницу, въ которой онъ живалъ по зимамъ вслѣдствіе извѣстнаго въ ней теплаго климата [8]. Въ послѣднемъ мѣстѣ Языковъ пользовался морскимъ купаньемъ, которое, видимо, благотворно дѣйствовало на его здоровье, особенно въ 1840 году; въ стихотвореніи этого года „Морское купанье“ Языковъ слѣдующимъ образомъ описываетъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ свое бодрое состояніе здоровья и духа, вызванное дѣйствіемъ морскаго купанья:

. . . . . Мнѣ любо. Изъ грома, изъ пѣны
И холода, легокъ и свѣжъ, выхожу;
Живѣе мои выпрямляются члены;
Вольнѣе дышу, веселѣе гляжу
На берегъ, на горы, на свѣтлое море;
Мнѣ чудится, словно прошло мое горе,
И юность, такая жъ, какъ прежде была,
Во мнѣ встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распѣвать, красоваться готова
Свободно, безпечно, рѣзва, удала [9].

Въ началѣ осени 1841 года Гоголь, проѣздомъ изъ Рима въ Россію, снова посѣтилъ жившаго въ это время также въ Ганау Языкова и прожилъ у него цѣлый мѣсяцъ; съ этого-то времени между поэтами и завязалась тѣсная дружба, поддерживаемая при разлукѣ постоянною перепиской, въ результатѣ которой сохранилось болѣе 40 писемъ Гоголя къ Языкову [10]; изъ писемъ же Языкова къ Гоголю пока извѣстно въ печати только одно, относящееся къ послѣднему 1846 году его жизни [11].

Изъ Ганау Гоголь поѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ сопутствовавшимъ доселѣ за границей Языкову его братомъ Петромъ Михайловичемъ, при чемъ имѣлось въ виду скорое возвращеніе и Николая Михайловича въ Москву, гдѣ онъ предполагалъ жить вмѣстѣ съ Гоголемъ въ одной квартирѣ. Въ письмѣ къ сестрѣ Е. М. Хомяковой, отъ 19 сентября 1841 года, Языковъ по этому поводу писалъ слѣдующее: „Мнѣ пришлось еще зиму просидѣть

[8] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 159—160, 185—186.
[9] Тамъ же, стр. 211.
[10] „Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, СПб., 1857 г., томы V и VI.
[11] *Русская Старина* 1889 года, январь, стр. 152—153.

Digitized by Google

въ Ганау. Братъ Петръ Михайловичъ разскажетъ тебѣ, почему, какъ и чего ради это сдѣлалось. Онъ отправился отсюда въ Дрезденъ, а потомъ и далѣе, въ Питеръ и на Русь вмѣстѣ съ Гоголемъ, который провелъ съ нами цѣлый мѣсяцъ, ожидая рѣшенія сульбы моей на будущій годъ, еслибы мнѣ ѣхать. Гоголь сошелся съ нами; обѣщался жить со мною вмѣстѣ, то-есть на одной квартирѣ, по возвращеніи моемъ въ Москву"... [12]

Причиной, заставившею Языкова всю зиму 1841 года пробыть въ Ганау, вмѣсто обычнаго пребыванія его въ это время въ Ниццѣ, было крайнее ухудшеніе его здоровья, вслѣдствіе чего переѣздъ его изъ одной мѣстности въ другую былъ положительно немыслимъ. Одинъ изъ біографовъ Языкова по этому поводу сообщаетъ слѣдующее: „Въ бытность его въ Ганау, въ 1841 году, она (болѣзнь Языкова) достигла высшей степени. Престарѣлый врачъ, лѣчившій его тогда, не могъ найти средствъ для облегченія его. Тогда больной, видя безуспѣшность стараній медика и не желая огорчать его объявленіемъ о томъ, сталъ скрывать свои страданія" [13].

По пріѣздѣ въ Москву, Гоголь, въ ожиданіи Языкова, временно помѣстился въ домѣ своего другого друга, М. П. Погодина. Онъ теперь, вопреки своему стремленію въ первую поѣздку въ Россію въ 1839 году поскорѣе уѣхать опять изъ нея, намѣренъ былъ пожить въ ней подольше, и потому въ письмѣ къ Языкову отъ 23 октября 1841 года писалъ слѣдующее: „Я теперь въ Москвѣ... Жизнь наша можетъ быть здѣсь полно хороша и безбурна... У меня на душѣ хорошо, свѣтло. Дай Богъ, чтобъ у тебя тоже было свѣтло и хорошо во все время твоего Ганавскаго затворничества. Я молюсь о томъ душевно и увѣренъ твердо, что невидимая рука поддержитъ тебя здрава, и здрава доставитъ тебя мнѣ, и, Богъ знаетъ, можетъ быть, достанется намъ даже достигнуть рука объ руку старости. Никакая мысль человѣческая не въ силахъ представить сотой доли той необъятной любви, какую содержитъ Богъ къ человѣку!.. Вотъ все. Отнынѣ взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознесенъ горѣ: для сего была наша встрѣча"..[14] Такимъ образомъ, въ этомъ письмѣ Гоголя выражается овладѣвшая имъ съ начала сороковыхъ годовъ высокая религіозная настроенность, которую онъ желалъ укрѣпить и въ Языковѣ.

[12] *Русская Старина* 1889 г., январь, стр. 149.
[13] „Стихотворенія Языкова", 1858 г., I, стр. CII.
[14] „Сочин. и письма Гоголя", изд. Кулиша, 1857 г., V, 453.

Digitized by Google

Безъ сомнѣнія, этимъ письмомъ Гоголя вызвано было посланіе къ нему Языкова того-же 1841 года, въ которомъ поэтъ такими задушевными словами привѣтствуетъ его покойную жизнь въ Москвѣ:

Благословляю твой возвратъ
Изъ этой нехристи нѣмецкой,
На Русь, къ святынѣ Москворѣцкой!
Ты, слава Богу, счастливъ, братъ:
Ты дома, ты уже устроилъ
Себѣ привольное житье;
Уединеніе свое
Ты оградилъ и успокоилъ
Отъ многочисленныхъ суетъ
И вредоносныхъ навожденій
Мірскихъ, отъ праздности и лѣни,
Отъ празднословящихъ бесѣдъ,
Высокой, вѣрною оградой
Любви къ труду и тишинѣ;
И своенравно и вполнѣ
Своей работой и прохладой
Ты управляешь, и цвѣтетъ
Твое житье легко и пышно... [15]

Но друзьямъ не пришлось осуществить своего желанія относительно совмѣстной жизни въ Москвѣ: съ одной стороны, болѣзнь Языкова не позволяла ему уѣхать изъ-за границы; съ другой стороны, возникшее тревожное душевное настроеніе Гоголя въ Москвѣ вслѣдствіе разныхъ непріятностей ускорило его отъѣздъ за границу [16].

Въ маѣ 1842 года Гоголь, дѣйствительно, уѣхалъ изъ Москвы за границу; здѣсь онъ снова встрѣтился чрезъ нѣкоторое время съ Языковымъ въ Гастейнѣ и затѣмъ въ теченіе года, почти до самаго возвращенія Языкова въ Россію, друзья не разставались другъ съ другомъ. До конца лѣта 1842 года они вмѣстѣ прожили въ Гастейнѣ, а затѣмъ уѣхали въ Венецію. Конечною цѣлью совмѣстной поѣздки Гоголя и Языкова изъ Гастейна былъ Римъ, проѣздомъ въ который они намѣревались пожить и въ Венеціи. По этому поводу Гоголь въ письмѣ изъ Гастейна къ художнику А. А. Иванову, жившему въ это время въ Римѣ,

---

[15] „Стихотворенія Языкова", изд. 1858 г., II, 213—214.

[16] „Сочин. и письма Гоголя", изд. Кулиша, 1858 г., V, стр. 459, 467—468.—„Н. В. Гоголь и его переписка съ друзьями" П. А. Матвѣева, СПб., 1894 г., стр. 32—33.—„Жизнь и труды М. Погодина" П. Барсукова, кн. II, стр. 232—233.—*Русская Старина* 1889 г., январь, стр. 150.

Digitized by Google

пишетъ отъ 30 августа 1842 года слѣдующее: „Я буду въ Римѣ около 15 октября. А до того времени вотъ вамъ порученіе... Поищите квартиру для Языкова, котораго знакомство доставитъ вамъ, вѣрно, удовольствіе. Это одинъ изъ самыхъ лучшихъ и близкихъ мнѣ пріятелей. Квартиру изъ двухъ или трехъ комнатъ. Одна, если можно, чтобы была большая, чтобы были онѣ на солнцѣ и особенно, чтобы былъ при нихъ садикъ, то-есть терраса, чтобы можно было ему, не дѣлая много ступеней, сойти и сидѣть тамъ всякій день. Ему предписанъ воздухъ, а ноги у него очень слабы и не въ силахъ дѣлать затруднительной прогулки“ [17].

Въ концѣ сентября того же 1842 г. Языковъ и Гоголь отправились изъ Венеціи въ любимый послѣднимъ Римъ, [18] въ которомъ вмѣстѣ прожили приблизительно до мая слѣдующаго 1843 г. Въ Римѣ Языковъ помѣщался въ одномъ домѣ съ Гоголемъ и извѣстнымъ впослѣдствіи русскимъ финансистомъ и желѣзнодорожнымъ дѣятелемъ Ѳедоромъ Васпльевичемъ Чижовымъ, увлекавшимся въ то время античными искусствами, при чемъ Языковъ помѣщался отдѣльно въ первомъ этажѣ, Гоголь также отдѣльно—во второмъ, а Чижовъ въ третьемъ. [19] Въ началѣ пребыванія въ Римѣ здоровье Языкова, какъ и въ Ганау зимой 1841 г., было очень плохо, и Гоголю пришлось заботливо ухаживать за трудно больнымъ другомъ. Въ своемъ письмѣ изъ Рима во Флоренцію, отъ 29 ноября 1842 г., къ неизвѣстному намъ лицу Гоголь по этому поводу пишетъ слѣдующее: „Я хотѣлъ было ѣхать тотчасъ къ вамъ, но меня задержалъ больной Языковъ, бывшій на рукахъ моихъ.“ [20] Жившій въ сороковыхъ годахъ въ Римѣ русскій художникъ—граверъ Ѳ. Ив. Іорданъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ относительно состоянія здоровья Языкова въ это время слѣдующія болѣе опредѣленныя данныя: „Лицо его (Языкова) было въ высшей степени страдальческое; онъ не могъ ходить, страдая болѣзнью становаго хребта—послѣдствіе крайне невоздержанной его жизни. Онъ собирался, должно быть, долго пробыть въ Римѣ, ибо я видѣлъ огромный сундукъ съ книгами, который привезли изъ таможни къ Гоголю, но болѣзнь заставила его поспѣшить обратно въ Россію“. [21]

[17] „Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, V, 493.
[18] Тамъ же, стр. 496.
[19] *Русскій Архивъ* 1878 г., кн. I, стр. 132.
[20] „Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, 1857 г., V, 503.
[21] *Русская Старина* 1892 г., августъ, стр. 252.

Digitized by Google

Вслѣдствіе такого состоянія здоровья Языкова въ Римѣ родственники и друзья его, жившіе въ Москвѣ, рѣшили было прислать за нимъ кого-либо изъ Россіи, чтобы немедленно перевезти его на родину. [22] Но чрезъ нѣкоторое время здоровье Языкова улучшилось, и онъ отложилъ немедленную поѣздку въ Россію.

Во время пребыванія въ Римѣ Языковъ, цѣнившій высоко искусства, пользовался любовью жившихъ въ то время тамъ русскихъ художниковъ — знаменитаго своею картиной „Явленіе Христа народу“ А. А. Иванова, Печерина, Шаповалова, Ѳ. Ив. Іордана, которые при отъѣздѣ поэта изъ Рима подарили ему на память дагеротипъ, изображающій всѣхъ ихъ вмѣстѣ, каждаго за своею работой, и Языковъ до конца жизни не разставался съ этимъ дорогимъ для него подаркомъ. [23]

Чрезвычайно близко здѣсь Языковъ сошелся также съ Ѳ. В. Чижовымъ, который объ этомъ вспоминаетъ съ такою задушевностью: „Съ Языковымъ мы жили совершенно по-братски, какъ говорится, душа въ душу, и остались истинными братьями до послѣдней минуты его“. [24]

При своемъ тяжеломъ болѣзненномъ состояніи въ бытность въ Римѣ Языковъ, конечно, не могъ заняться осмотромъ историческихъ достопримѣчательностей „вѣчнаго города“, и потому въ его стихотвореніяхъ этого времени мы не находимъ выраженія его впечатлѣній относительно этого. Тѣмъ не менѣе внѣшній видъ Рима съ его древними колоссальными постройками произвелъ, несомнѣнно, на Языкова глубокое впечатлѣніе и вызвалъ въ немъ „громаду высокихъ воспоминаній, думъ глубокихъ“. Это неизгладимое впечатлѣніе, произведенное на Языкова Римомъ, онъ позже выразилъ частью въ своемъ первомъ посланіи 1844 г. „К. К. Павловой“, въ которомъ поэтъ воспроизводитъ въ своемъ воображеніи

.... и самый Римъ,
Со всей громадою высокихъ
Воспоминаній, думъ глубокихъ,
Въ душѣ встающихъ передъ нимъ,—
Палаты, храмы и столбницы,
И все, что нынѣ говоритъ
Поэту мрачно гордый видъ

[22] *Русская Старина* 1889 г., январь, стр. 151.—„Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, стр. 8.—*Русскій Архивъ* 1890 г., № 8, стр. 98.

[23] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., ч. I, стр. CII—CIII.—*Русская Старина* 1889 г., августъ, стр. 373.

[24] *Русская Старина* 1889 г., іюль, стр. 165.

Digitized by Google

Самовластительной столицы
Трехъ поэтическихъ міровъ
Минувшихъ, и поля пустынны
Кругомъ ея, давно старинный
Упрекъ сынамъ ея сыновъ! [25]

Съ наступленіемъ лѣта 1843 г. Языковъ и Гоголь оставили Римъ и разъѣхались каждый отдѣльно по минеральнымъ водамъ, при чемъ Языковъ, какъ можно заключить изъ его трехъ послѣднихъ совершенно однохарактерныхъ элегій, написанныхъ за границей, провелъ время въ Гастейнѣ, чрезвычайно скучая по Россіи. Такъ, въ первой изъ упомянутыхъ элегій 1843 г. Языковъ, указывая на свое томительное состояніе „въ области горъ", окружающихъ Гастейнъ, такими характерными для русскаго человѣка чертами выражаетъ свою скуку по родной равнинной природѣ:

И тѣсно, и душно мнѣ въ области горъ,
Въ глубокихъ вертепахъ, въ гранитныхъ лощинахъ!
Я выросъ на свѣтлыхъ холмахъ и равнинахъ,
Привыкъ побродить, разгуляться мой взоръ!
....
.....тамъ дышетъ свободнѣе грудь!
А горы да горы... онѣ такъ и давятъ
Мнѣ душу, суровыя: словно заставятъ
Онѣ мнѣ желанный на родину путь! [26]

Въ элегіи того же года, посвященной Ив. П. Постникову, поэтъ сначала описываетъ природу Гастейна, а затѣмъ выражаетъ рѣшительное желаніе поскорѣе возвратиться въ родную Россію:

Ахъ, горы, горы! Прочь скорѣе
Отъ нихъ домой! Не ихъ я сынъ!
На Русь! Тамъ сердцу веселѣе
Въ виду смѣющихся долинъ! [27]

Гоголь послѣ разлуки съ Языковымъ за границей продолжалъ посылать къ нему довольно часто письма въ прежнемъ дружескомъ духѣ. До возвращенія Языкова изъ-за границы въ Россію, въ теченіе лѣта 1843 г., онъ написалъ другу три письма. Въ первомъ изъ этихъ писемъ, отъ 28 мая, изъ Мюнхена, Гоголь проситъ Языкова вторично перечитать „Мертвыя души" (I ч.) и дать о нихъ рѣшительное мнѣніе, которымъ Гоголь, очевидно,

[25] „Стихотв. Языкова", 1858 г., II, 270–271.
[26] Тамъ же, стр. 242.
[27] Тамъ же, стр. 243.

Digitized by Google

дорожилъ, признавая за своимъ другомъ честнаго и авторитетнаго критика по части произведеній отечественной поэзіи. [28] Исполнилъ ли Языковъ желаніе Гоголя относительно сообщенія ему письменнаго отзыва о великой поэмѣ—намъ неизвѣстно. Во второмъ письмѣ изъ Эмса отъ 18 іюня Гоголь совѣтуетъ Языкову прибѣгнуть для поправленія здоровья къ гидропатіи, для чего рекомендуетъ ему отправиться въ Греффенбергъ, деревню въ австрійской провинціи Силезіи, въ которой находилась славившаяся въ то время водолѣчебница Присница, основателя методическаго лѣченія холодною водой. [29] Въ третьемъ письмѣ изъ Баденъ-Бадена отъ 8 іюля Гоголь, узнавъ о рѣшительномъ намѣреніи друга возвратиться въ Россію, рекомендуетъ ему все таки воспользоваться „въ другое время“ лѣченіемъ Присница и въ то же время напутствуетъ его слѣдующими интересными по своей сильной религіозной окраскѣ совѣтами относительно устройства его жизни въ Москвѣ: „Тебѣ нужно освѣженіе душевное. Дай мнѣ слово говѣть, пріѣхавши въ Москву, при первомъ случаѣ,—если въ Великій постъ, то на первой недѣлѣ. Въ продолженіе говѣнія займись чтеніемъ церковныхъ книгъ. Это чтеніе покажется тебѣ трудно и утомительно; примись за него... съ карандашомъ въ рукѣ, читай скоро и бѣгло и останавливайся только тамъ, гдѣ поразитъ тебя величавое слово, или оборотъ; записывай и отмѣчай ихъ себѣ въ матеріалъ. Клянусь, это будетъ дверью на ту великую дорогу, на которую ты выйдешь! Лира твоя наберется тамъ неслыханныхъ міромъ звуковъ и, можетъ быть, тронетъ тѣ струны, для которыхъ она дана тебѣ Богомъ. Сдѣлай также слѣдующее заведеніе: всякую субботу ввечеру отслужи у себя всенощную... Богъ тебѣ скажетъ все, что тебѣ нужно“... [30]

Наконецъ, въ августѣ 1843 г. Языковъ, послѣ пятилѣтняго пребыванія за границей, возвратился въ Москву, въ которой прожилъ безвыѣздно до конца своей жизни.

Литературная дѣятельность Языкова въ теченіе пятилѣтняго періода заграничной жизни не могла, конечно, быть успѣшною вслѣдствіе испытываемыхъ поэтомъ тяжелыхъ физическихъ страданій, томительной скуки по отечеству на чужбинѣ, а также

---

[28] „Сочин. и письма Гоголя“, изд Кулиша, VI, 17—18.
[29] Тамъ же, стр. 14—17.
[30] Тамъ же, VI, стр. 19—20.

Digitized by Google

вслѣдствіе частыхъ передвиженій изъ одной мѣстности въ другую, иногда на очень далекое разстояніе. Тѣмъ не менѣе въ этотъ періодъ времени Языковымъ написано 36 лирическихъ стихотвореній, эпическій разсказъ въ стихотворной формѣ — „Сержантъ Сурминъ“ и двѣ драматическія сцены, также въ стихотворной формѣ, — „Встрѣча новаго года“ и „Странный случай“.

Лирическія стихотворенія этого періода жизни Языкова, какъ и стихотворенія ближайшихъ предшествующихъ годовъ, начиная съ 1832 года, когда поэтъ сталъ чувствовать первые, посильно дававшіе себя знать приступы роковой болѣзни, не заключаютъ въ себѣ того горячаго воодушевленія и энергіи чувства, которыя составляютъ отличительную черту стихотвореній Языкова дерптскаго періода и первыхъ двухъ лѣтъ его московской жизни. По выраженію степени силы чувства, стихотворенія Языкова заграничной поры его жизни можно уподобить плавному колыханію вѣтра, продолжающемуся послѣ сильной порывистой бури: поэтъ въ этихъ стихотвореніяхъ не отдается всецѣло возникающему настроенію, не проникается имъ до глубины души, какъ бы сознательно оберегая себя отъ неразрывнаго съ сильнымъ поэтическимъ экстазомъ нарушенія спокойнаго его состоянія, вреднаго при его болѣзненномъ положеніи. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ тѣ стихотворенія, которыя посвящены Языковымъ воспоминаніямъ о своей студентской жизни въ Дерптѣ и жизни первыхъ двухъ лѣтъ въ Москвѣ, а также—стихотворенія, въ которыхъ онъ выражаетъ свое патріотическое настроеніе и овладѣвавшую имъ подъ конецъ заграничной жизни чрезвычайную скуку по родной сторонѣ,—въ этихъ стихотвореніяхъ поэтъ невольно, какъ бы незамѣтно для самого себя, поддается еще сильному пафосу.

Главною причиной этого пониженія силы выражаемаго чувства въ стихотвореніяхъ Языкова, написанныхъ за границей, служитъ, конечно, его тяжелая болѣзнь, а также переходъ поэта изъ юношескаго возраста въ зрѣлый и новыя темы для поэтическаго вдохновенія, вродѣ уединеннаго образа жизни и подневольнаго заграничнаго скитанія по курортамъ, которыя сами по себѣ не могли служить предметомъ горячаго воодушевленія.

По своимъ внѣшнимъ качествамъ преобладающее большинство стихотвореній Языкова указаннаго времени отличается однако яркостью и силой выраженія; исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ немногія стихотворенія, не чуждыя тяжелаго, расти-

Digitized by Google

нутаго слога и частью вялости, блѣдности выраженія, каковы, напр., стихотворенія: „Іоганисбергъ“, „Ундина“, „Гр. В. А. Соллогубу“, „Крейцнахскія соловарни“, элегіи—„Толпа ли дѣвочекъ, крикливая, живая...“, „День ненастный, темный...“, „Здѣсь горы съ двухъ сторонъ...“, „Н. В. Гоголю“.

По характеру содержанія лирическія стихотворенія заграничной поры жизни Языкова также сильно разнятся со стихотвореніями предшествующаго времени: между его стихотвореніями до 1839 г., какъ намъ извѣстно, преобладали дружескія посланія, а послѣ нихъ второе мѣсто занимали (до 1832 г.) эротическія стихотворенія; изъ общаго же числа стихотвореній изображаемаго періода въ весьма значительной степени преобладаютъ стихотворенія пейзажнаго и вообще описательнаго характера, которыя представляютъ собою обыкновенно краткія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пластичныя поэтическія картины заграничныхъ мѣстностей, частью быта жителей, связанныхъ съ пребываніемъ среди нихъ поэта. Преобладаніе стихотвореній пейзажнаго характера въ поэзіи заграничной поры жизни Языкова, сравнительно съ стихотвореніями, имѣющими другое содержаніе, обусловливается, безъ сомнѣнія, его полною изолированностью отъ общества близкихъ людей, частыми переѣздами по разнымъ живописнымъ мѣстностямъ, каковы прирейнскія и піальпійскія области, предоставлявшими поэту возможность непосредственно наблюдать оригинальную природу этихъ мѣстностей, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что живыя впечатлѣнія, вызываемыя природой, болѣе или менѣе заставляли поэта временно забывать о своихъ недугахъ и трудностяхъ для него передвиженій.

Къ стихотвореніямъ этого рода принадлежатъ: „Ница приморская“, „Переѣздъ черезъ приморскія Альпы“, „Іоганнисбергъ“, „Крейцнахскія соловарни“, „Гастуна“, элегія—„Здѣсь горы съ двухъ сторонъ стоятъ...“, „К. К. Павловой“ (1840 г.), „Альпійская пѣсня“, „Гора“, элегіи—„И тѣсно, и лушно мнѣ въ области горъ...“, „Въ тѣни громадъ снѣговершинныхъ...“, „Опять угрюмая, осенняя погода“, „Весна“, „Морская тоня“, „Буря“, „Пловецъ“, „Корабль“, „Маякъ“, „Морское купанье“, „Море“, „Пѣсня Балтійскимъ водамъ“, „Къ Рейну“, „9-е мая 1839 г.“.

Въ этихъ стихотвореніяхъ Языковъ болѣе всего изображаетъ различные виды горныхъ Альпійскихъ возвышенностей съ ущельями, гремучими ключами, шумными водопадами и замкнутыми долинами. Въ этомъ отношеніи особенно характерно стихотвореніе „Гора“, въ которомъ поэтъ такими обаятельными красками

Digitized by Google

описываетъ различные величественные виды съ одной изъ возвышенностей Альпъ въ окрестностяхъ Гастейна:

Взойди вонъ на эту безлѣсную гору,
Что выше окружныхъ, подоблачныхъ горъ:
Душѣ тамъ отрадно и вольно, а взору
Оттуда великій, чудесный просторъ.

Увидишь недвижное море громадныхъ
Гранитныхъ, ледяныхъ и снѣжныхъ вершинъ,
Отважные бѣги стремнинъ водопадныхъ,
Разсѣлины горъ, логовища лавинъ,

Угрюмыя пропасти, полныя мглою,
И свѣтлые холмы, поляны, лѣса,
И грады, и села внизу подъ тобою;
А выше тебя лишь одни небеса! [31]

Не менѣе обаятельными красками Языковъ изображаетъ въ стихотвореніи „Весна“ весенній день въ горахъ и оживляющее дѣйствіе на него „прохладнаго горнаго воздуха“:

Великолѣпный день! На мягкой муравѣ
Лежу; ни облачка въ небесной синевѣ!
Цвѣтетъ зеленый лугъ; чистѣйшій воздухъ горной
Прохладой сладостной и нѣгой животворной
Струится въ грудь мою, и полонъ я весной!
И вотъ пѣвецъ ея летаетъ надо мной,
И звуки надо мной веселые летаютъ
И чувство дивное тѣ звуки напѣваютъ
Мнѣ на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мнѣ, такъ легко, какъ будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою! [32]

Видное мѣсто въ средѣ указанныхъ пейзажныхъ стихотвореній занимаютъ также стихотворенія, въ которыхъ Языковъ сильными красками рисуетъ любимую имъ водную стихію, при чемъ преимущественною его темой въ данномъ случаѣ служитъ изображеніе бурнаго, безпокойнаго состоянія Средиземнаго моря, а также вида Рейна съ окружающею его береговою природой и остатками величественныхъ средневѣковыхъ сооруженій. Изъ стихотвореній, изображающихъ бурное состояніе Средиземнаго моря, приведемъ для образца прекраснѣйшее стихотвореніе „Буря“, въ которомъ слѣдующимъ образомъ описывается наступ-

[31] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 240.
[32] Тамъ же, стр. 244.

Digitized by Google

ленiе на морѣ бури и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенное образованiе на немъ грандіозныхъ волнъ:

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ, и скрыли блистательный день;
И въ синюю бездну спустилась глубоко,
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь;
Но бездна морская уже негодуетъ;
Ей хочется свѣта, и ропщетъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна,
Пространно и громко она забушуетъ.

Великую силу уже подымая,
Полки она строитъ изъ водныхъ громадъ;
И валъ-великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ;
И вотъ своп смуглыя лица нахмуря,
И бѣлые гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
И громъ загулѣлъ. Начинается буря. [33]

Для указанія любви Языкова къ созерцанію бурнаго состоянія моря характерно его коротенькое, но роскошное по силѣ выраженія и изяществу стихотвореніе „Корабль“, изображающее выступленіе „гордаго корабля“ въ открытое море, при бурномъ состояніи послѣдняго:

Люблю смотрѣть на сине море,
Въ тотъ часъ, какъ съ края въ край на волновомъ просторѣ,
Гроза рокочетъ и реветъ;
А побѣдитель волнъ, громовъ и непогодъ,
И смѣлъ, и гордъ своею славой,
Корабль въ даль бурныхъ водъ уходитъ величаво! [34]

Не менѣе типично въ указанномъ смыслѣ стихотвореніе „Морское купанье“, въ которомъ Языковъ слѣдующими нѣжно-яркими красками изображаетъ самый процессъ своего купанья въ морѣ:

Изъ бездны морской бѣлоглавая встала
Волна, и лучами прекраснаго дня
Блеститъ подвижная громада кристала,
И тихо, качаясь, идетъ на меня;
Вотъ, словно въ раздумьи, она отступила,
Вотъ, берегъ она подъ себя покатила,
И выше сама поднялась и падетъ;
И громомъ, и пѣной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружитъ, и бросаетъ, и душитъ, и бьетъ...
И стихла . . . . . [35]

[33] Тамъ же, стр. 163—164.
[34] Тамъ же, стр. 168.
[35] Тамъ же, стр. 210—211.

Digitized by Google

Изъ стихотвореній, посвященныхъ описанію Рейна съ его прибрежными видами, воспользуемся началомъ стихотворенія „Къ Рейну“:

Я видѣлъ, какъ бѣгутъ твои зелены волны:
Онѣ, при вешнемъ свѣтѣ дня,
Играя и шумя, летучимъ блескомъ полны,
Качали ласково меня;
Я видѣлъ яркія, роскошныя картины:
Твои изгибы, твой просторъ,
Твои веселые каштаны и равнины,
И виноградъ по склонамъ горъ,
И горы, и на нихъ высокія могилы
Твоихъ былыхъ богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувшихъ дней!... [36]

Вмѣстѣ съ изображеніемъ природы заграничныхъ мѣстностей Языковъ частью затрогиваетъ и бытъ жителей этихъ мѣстностей; но въ этомъ отношеніи его стихотворенія представляютъ весьма незначительный матеріалъ вслѣдствіе того, что поэтъ, какъ мы упоминали ранѣе, при тяжелой болѣзни и испытываемыхъ страданіяхъ не имѣлъ возможности вникать въ окружающую его жизнь за-границей. При этомъ условіи Языковъ въ нѣсколькихъ заграничныхъ стихотвореніяхъ рисуетъ только мимолетныя, незначительныя по своему характеру сценки изъ повседневной, преимущественно уличной жизни. Къ такимъ стихотвореніямъ принадлежатъ: „Морская тоня“ и элегіи—„День ненастный, темный!..“, „Толпа ли дѣвочекъ, крикливая“..., „Здѣсь горы съ двухъ сторонъ“... Среди этихъ стихотвореній характерны—„Морская тоня“, въ которомъ изображается типичная картина ловли неводомъ рыбы въ Средиземномъ морѣ, въ окрестностяхъ Ниццы, и бѣдность рыбаковъ, а также — элегія „Толпа ли дѣвочекъ, крикливая“, въ которомъ описываются оригинальныя картины, наблюдаемыя поэтомъ изъ окна своей квартиры, повседневнаго суетнаго движенія по улицѣ Золотаго Сарая, предмѣстья Ганау, людей низшаго, трудоваго класса и животныхъ,—дѣвочекъ, идущихъ на фабрику сучить сигары,—кузнеца, подковывающаго корову и осла, пары собакъ, тащащихъ по мостовой телѣжку съ капустой и бобами и проч. [37]

Въ большинствѣ стихотвореній, написанныхъ за-границей, Языковъ выражаетъ свое душевное настроеніе, вызываемое раз-

[36] Тамъ же, стр. 182—183.
[37] Тамъ же, стр. 161—163, 175—176.

Digitized by Google

личными обстоятельствами его кочевой жизни и состояніемъ здоровья. Несмотря на продолжительное разстроенное состояніе здоровья и частые утомительные переѣзды изъ одной мѣстности въ другую, Языковъ, однако, не выражаетъ въ своихъ заграничныхъ стихотвореніяхъ скорбнаго, пессимистическаго настроенія. Въ этомъ случаѣ сказались, съ одной стороны, терпѣливая и благодушная русская натура поэта, съ другой стороны—особое свойство его ума, въ силу котораго онъ не любилъ вдаваться въ разсмотрѣніе не только жизни окружавшихъ его людей, но и своей собственной, несмотря на серьезные и крутые въ ней перевороты. Эту характерную особенность таланта Языкова указываетъ и Гоголь въ своемъ письмѣ въ Москву изъ Ниццы отъ 15 февраля 1844 года, говоря прямо по направленію къ нему, что „не суждено лирическому поэту быть спокойному созерцателю жизни, подобно эпическому.“ [38]

Въ данномъ случаѣ также нельзя не видѣть непосредственнаго вліянія на Языкова Гоголя, который въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ съ Языковымъ во время совмѣстной заграничной жизни въ Ганау и въ Римѣ, а также въ своихъ письмахъ къ нему во время разлуки, старался укрѣпить друга въ томъ религіозномъ убѣжденіи, что серьезная физическая болѣзнь посылается человѣку Богомъ для его душевнаго обновленія, для сознанія имъ своихъ нравственныхъ недостатковъ и воспринятія высокихъ началъ жизни, почему больной человѣкъ не долженъ сѣтовать на свои физическія страданія и роптать на свой жребій. [39] Но вліяніе Гоголя на Языкова въ данномъ случаѣ нужно понимать только въ смыслѣ поддержанія и укрѣпленія обычнаго послѣднему спокойнаго душевнаго настроенія, такъ какъ Языковъ и въ своихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ во время болѣзни еще до знакомства съ Гоголемъ, совершенно чуждъ тревожнаго настроенія.

Вслѣдствіе этого Языковъ въ своихъ заграничныхъ стихотвореніяхъ почти вовсе не касается тяжелаго состоянія своего здоровья. Только, главнымъ образомъ, въ двухъ элегіяхъ, относящихся къ 1841 г., когда состояніе здоровья Языкова было чрезвычайно тяжело, онъ измѣняетъ своему обычному терпѣнію и выражаетъ тихое сѣтованіе подъ вліяніемъ своего болѣзненнаго состоянія. Въ первой изъ этихъ элегій Языковъ вы-

[38] „Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, VI, 48.

[39] „Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, V, 450—451; VI, 47—48.

Digitized by Google

ражаетъ собственно неувѣренность въ своемъ выздоровленіи, говоря:

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ, какъ нѣтъ;
Печальный, терпѣливый, томный
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ. [40]

Во второй элегіи поэтъ такъ картинно характеризуетъ испытанное имъ состояніе духа вслѣдствіе перенесеннаго недавно мучительнаго припадка болѣзни:

Поденщикъ, тяжело навьюченный дровами,
Идетъ по улицѣ. Спокойными глазами
Я на него гляжу; онъ прежнихъ думъ моихъ
Печальныхъ на душу мнѣ болѣ не наводитъ;
А были дни—и вѣкъ я не забуду ихъ—
Я думалъ: Боже мой! Какъ онъ счастливъ! онъ ходитъ! [41]

Тѣмъ не менѣе скорбное настроеніе души Языкова все-таки частью высказывается имъ въ нѣкоторыхъ другихъ заграничныхъ стихотвореніяхъ. Но оно вызывается не самою болѣзнью, а тяжестью невольныхъ переѣздовъ поэта изъ одной мѣстности въ другую, однообразіемъ и замкнутостью его жизни при отсутствіи друзей и знакомыхъ, нелюбовью къ гористымъ мѣстностямъ, въ которыхъ преимущественно ему приходилось жить за-границей, и скукой по Россіи, которая овладѣвала имъ съ первыхъ лѣтъ заграничной жизни и усиливалась до тоскливости съ теченіемъ времени.

Свое сѣтованіе на утомительные переѣзды за границей Языковъ особенно выражаетъ въ стихотвореніяхъ: „9-е мая 1839 г.“, „Переѣздъ чрезъ приморскія Альпы“ и „К. К. Павловой“ (1840 г.). Въ послѣднемъ стихотвореніи онъ по этому поводу говоритъ:

О много, много странъ, въ мой длинный, черный годъ,
Я видѣлъ скучными глазами!
Скитаюсь по водамъ цѣлебнымъ, и увы!
Еще пью чашу водъ! Горька мнѣ эта чаша! [42]

Относительно недовольства Языкова вслѣдствіе его пребыванія за границей среди нелюбимыхъ имъ горныхъ мѣстностей мы

[40] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 213.
[41] Тамъ же, стр. 215.
[42] Тамъ же, стр. 186.

Digitized by Google

ранѣе уже приводили данныя изъ его элегій 1843 г.; такое же унылое настроеніе подъ вліяніемъ „сковывавшихъ“ его „взоры“ высокихъ горъ поэтъ выражаетъ въ стихотвореніяхъ: „Крейцнахскія соловарни“, въ элегіи —„Здѣсь горы съ двухъ сторонъ стоятъ...“ и въ стихотвореніи „Альпійская пѣсня“.

Томительное состояніе вслѣдствіе однообразной и неподвижной жизни, а также необходимости проводить время уединенно въ квартирѣ, Языковъ выражаетъ въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ: въ элегіи—„День ненастный, темный...“, „Ундина“, „Къ стихамъ моимъ“, въ элегіи —„Толпа ли дѣвочекъ, крикливая...“ и въ посланіи „Н. В. Гоголю“. Въ послѣдней элегіи Языковъ въ такомъ трогательно-уныломъ тонѣ выражается о своемъ душевномъ настроеніи:

И чтобъ ни дѣлалось передо мною: муки
Однѣ и тѣ-жь со мной; возьму ли книгу въ руки,
Берусь ли за перо; всегда со мной тоска.
. . . . . .
И трудно мнѣ дышать, и сердце замираетъ;
Но никогда меня тоска не угнетаетъ
Такъ сокрушительно, такъ грубо, какъ въ тотъ часъ,
Когда вечерній лучъ давно уже погасъ,
Когда все спитъ, когда одни мои лишь очи
Не спятъ, лишенныя благословеній ночи. [43]

Въ посланіи „Н. В. Гоголю“ Языковъ слѣдующимъ образомъ описываетъ состояніе своей души въ уединенной жизни:

.... я, по прежнему, въ Ганау
Сижу, мнѣ скука и тоска
Среди чужаго языка.
И Гальмъ [44], и Гейне, и Ленау [45]
Передо мной, усердно ихъ
Читаю я, но толку мало;
Мои часы несносно вяло
Идутъ, какъ безталанный стихъ;
Отрады нѣтъ . . . . . [46]

Свою скуку по Россіи, въ частности же по Симбирской родинѣ и Москвѣ, съ живущими въ послѣдней друзьями, Языковъ выражаетъ во многихъ заграничныхъ стихотвореніяхъ, именно:

[43] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 176.

[44] Нѣмецкій драматическій писатель XIX ст., отличавшійся свѣтлыми воззрѣніями на жизнь.

[45] Извѣстные нѣмецкіе писатели, представители мрачнаго, пессимистическаго направленія въ литературѣ.

[46] Тамъ же, стр. 214.

Digitized by Google

„Гр. Вл. А. Соллогубу“, въ элегіи—„Толпа ли дѣвочекъ, крикливая, живая...“, „К. К. Павловой“ (1840 г.), въ элегіи—„Богъ-вѣсть, не втунѣ ли скитался...“, „Н. В. Гоголю“, „А. А. Елагину“, „К. К. Павловой“ (1841 г.) и въ каждой изъ трехъ элегій 1843 года.

Въ посланіи „Гр. Вл. Ал. Соллогубу“ Языковъ слѣдующими словами выражаетъ свое страстное нетерпѣніе относительно возвращенія на родину, въ с. Языково:

Когда на Русь святую,
Когда въ чужбинѣ я свою
Неугомонную тоску перетоскую
И чашу горькую допью,
Въ Симбирскъ я возвращусь, въ мое уединенье,
Въ покой родимаго гнѣзда,
На благодатное, привольное сидѣнье,
Здоровъ и радостенъ; тогда
Меня ты посѣтишь въ моемъ пріютѣ миломъ...“ [47]

Въ посланіяхъ „Н. В. Гоголю“ и „А. А. Елагину“ Языковъ выражаетъ также страстное желаніе поскорѣе возвратиться въ Москву. Во второмъ посланіи поэтъ по этому поводу говоритъ:

. . . . . Я почти готовъ,
Я радъ сердечно, я чужбину,
Мою тоску легко покину,
И прямо съ майнскихъ береговъ
Въ Москву Вы ждете—ѣду, ѣду,
Скачу, лечу, и вотъ, какъ разъ
Я къ вамъ, сажуся подлѣ васъ,
И наливай сосѣдъ сосѣду! [48]

Въ основѣ указанныхъ стихотвореній, выражающихъ скуку Языкова вслѣдствіе пребыванія его внѣ отечества, лежитъ, конечно, глубокое патріотическое чувство поэта, его естественная органическая связь съ родною природой и соотечественниками, а главнымъ образомъ съ друзьями, жившими въ Москвѣ. Поэтому въ тѣхъ же самыхъ стихотвореніяхъ Языковъ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ данныхъ, быстро переходитъ изъ элегическаго настроенія къ восторженно-радостному при мысли объ ожидаемомъ своемъ возвращеніи въ Россію, въ среду друзей. Этимъ, неизмѣнно сопутствовавшимъ поэту во время его заграничнаго путешествія, горячимъ чувствомъ любви ко всему отечественному проникнуто каждое изъ его стихотвореній, въ которомъ заклю-

[47] Тамъ же, стр. 172.
[48] Тамъ же, стр. 216—217.

Digitized by Google

чается хотя бы только упоминаніе о Россіи и ея природѣ. При этомъ въ Языковѣ вызываютъ радостное чувство не только величественная Волга съ ея притоками, русскіе открытые холмы и долины, „гряды лѣсистыхъ пригорковъ“, и прочія свѣтлыя явленія русской природы,—въ „голосистыхъ вьюгахъ“, въ „богатырскомъ снѣ земли подъ покровомъ снѣга“, въ „блескѣ снѣжнаго хрусталя“, которымъ „осыпаны дубы и сосны вѣковые“, въ „знаменитомъ морозѣ, стучащемся сердито въ домъ“, онъ находитъ свои привлекательныя стороны.

Преобладающимъ же настроеніемъ поэзіи Языкова времени заграничной его жизни является спокойное и бодрое состояніе его духа. Такое настроеніе вызывается въ Языковѣ особенно сознаніемъ временныхъ облегченій въ состояніи его здоровья и возникавшими надеждами на выздоровленіе, благотворно и обаятельно дѣйствующими на него, несмотря на любовь къ русской природѣ, различными явленіями иноземной природы, а также свѣтлыми воспоминаніями о студенческой жизни въ Дерптѣ и первоначальной жизни въ Москвѣ.

Выраженіе свѣтлой радости Языкова подъ вліяніемъ улучшенія здоровья мы находимъ, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ: въ посланіи „Гр. Вл. Ал. Соллогубу“, въ которомъ поэтъ выражаетъ надежду на возвращеніе на родину „здоровымъ и радостнымъ“ [49], въ стихотвореніи „Крейцнахскія соловарни“, въ которомъ поэтъ говоритъ, что онъ ждетъ „себѣ помоги“ отъ Крейцнахскихъ минеральныхъ водъ [50], въ стихотвореніи „Гастуна“, въ которомъ онъ также выражаетъ надежду на „возстановленіе своихъ упадшихъ силъ“ вслѣдствіе пользованія гастунскими водами и горнымъ воздухомъ“ [51], а также въ посланіяхъ „Н. В. Гоголю“ и „К. К. Павловой“.

Къ стихотвореніямъ, въ которыхъ Языковъ выражаетъ свѣтлое чувство подъ вліяніемъ благотворнаго дѣйствія на него природы, принадлежатъ: „Ницца приморская“, въ которомъ Языковъ восторгается теплымъ климатомъ и нѣжною растительностью этой мѣстности въ зимнее время [52], элегія—„День ненастный, темный“..., въ которомъ онъ признаетъ болѣе благопріятнымъ для своего поэтическаго творчества ненастный лѣтній день, чѣмъ

---

[49] „Стихотворенія Языкова“, II, 172.
[50] Тамъ же, стр. 174.
[51] Тамъ же, стр. 174—175.
[52] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 158—159.

Digitized by Google

жаркій, навсящій на него „томленіе и лѣнь“ [53], „Къ стихамъ моимъ“, въ которомъ онъ предпочитаетъ лѣтней жаркой погодѣ зимнее морозное время, а также многія изъ указанныхъ нами ранѣе другихъ пейзажныхъ стихотвореній, напримѣръ „Морское купанье“, „Весна“, „Къ Рейну“, „9 мая 1839 г.“, „Гора“, „Пловецъ“, „Корабль“, „Пѣсня Балтійскимъ водамъ“.—Въ послѣднемъ стихотвореніи Языковъ съ такимъ свѣтлымъ настроеніемъ обращается къ Балтійскому морю и описываетъ оживленное движеніе, производимое на немъ съ давнихъ поръ до позднаго времени различными народами:

. . . . . Балтійскія воды!
На вольной лазури своей
Носили вы часто въ старинные годы
Станицы норманскихъ людей:
Слыхали вы пѣсни побѣдныя скальда
И буйные крики войны,
И пѣсню любви удалого Гаральда.
Пѣвца непреклонной княжны;
Носили вы древле и грузы богатства
На Русь изъ нѣмецкой земли,
Когда сограждане ганзейскаго братства,
И Псковъ и Новгородъ цвѣли;
И нынѣ вы носите грозные флоты:
Нерѣдко въ строю боевомъ
Гуляютъ на васъ громовые оплоты
Столицы, созданной Петромъ,
И тысячи, тьмы расписныхъ пароходовъ
И всякихъ торговыхъ судовъ
Съ людьми и вещами всѣхъ царствъ и народовъ
Изъ дальнихъ и ближнихъ краевъ [54].

Свѣтлымъ воспоминаніямъ о своей московской, а также дерптской жизни,—„годинѣ свѣтлыхъ думъ, веселыхъ вдохновеній, желаній гордыхъ и надеждъ“, Языковъ предается главнымъ образомъ въ стихотвореніяхъ: „А. А. Елагину“, „К. К. Павловой“ (1841 г.), „Малага“, „9 мая 1839 г.“ и „Гр. Вл. А. Соллогубу“. Послѣднее стихотвореніе обращаетъ на себя вниманіе еще тѣмъ, что въ немъ Языковъ выражаетъ глубокосочувственное отношеніе къ литературной дѣятельности гр. Соллогуба, только что выступившаго во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ на литературное поприще со своими повѣстями, въ которыхъ сразу обнаружилась его горячая симпатія къ началамъ русской націо-

[53] Тамъ же, стр. 212.
[54] Тамъ же, стр. 165.

Digitized by Google

нальной жизни и иронизированіе надъ наивнымъ европеизмомъ интеллигентной среды.

Съ послѣдними стихотвореніями, заключающими въ себѣ воспоминанія Языкова о Московской и дерптской жизни, имѣетъ связь по своему восторженному тону стихотвореніе „Іоганнисбергъ", представляющее собою отзвукъ прежней поэзіи вакхическаго характера; въ немъ поэтъ, по старой привычкѣ видѣть въ винѣ оживляющую силу ума и чувства, съ большимъ воодушевленіемъ изображаетъ эти свойства по отношенію къ рейнвейну[55].

Блѣдные отзвуки прежней игривой эротической поэзіи Языкова слышатся въ трехъ элегіяхъ 1839 г.—„День ненастный, темный", „Толпа ли дѣвочекъ, крикливая, живая"... „Здѣсь горы съ двухъ сторонъ стоятъ"., также въ стихотвореніи—„Ницаркѣ" и въ элегіи 1843 г.—„Опять угрюмая, осенняя погода"... Какъ многія изъ прежнихъ эротическихъ стихотвореній Языкова относятся къ совершенно неизвѣстнымъ женщинамъ, такъ и во всѣхъ указанныхъ стихотвореніяхъ онъ говоритъ о такихъ красавицахъ, съ которыми онъ даже вовсе не былъ знакомъ, но которыхъ ему только случайно приходилось замѣчать изъ своей квартиры во время пребыванія на курортахъ. Такъ, напримѣръ, въ послѣдней элегіи по поводу одной изъ такихъ красавицъ онъ говоритъ слѣдующее:

Передъ моимъ окномъ, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и какъ сюда
Она явилася, не вѣдаю, звѣзда
Съ лазурно свѣтлыми, веселыми глазами,
Съ улыбкой сладостной, съ лилейными плечами;
Но и ея ужъ нѣтъ![56] . . . . . .

Конечно, въ этихъ стихотвореніяхъ Языкова вовсе нѣтъ того, въ собственномъ смыслѣ слова, эротическаго элемента, который присущъ его подобнымъ стихотвореніямъ дерптскаго и московскаго періода.

Пять посланій Языкова, написанныхъ заграницей, направлены преимущественно къ московскимъ друзьямъ: К. К. Павловой (2 посланія), А. А. Елагину, Н. В. Гоголю и Вл. А. Соллогубу. Въ нихъ, какъ мы уже знаемъ, поэтъ выражаетъ главнымъ образомъ свою скуку вдали отъ друзей и непреодолимое желаніе снова жить между ними.

Содержаніемъ живаго и бойкаго по тону и изложенію эпиче-

[55] „Стихотвор. Языкова", 1858 г., II, 160—161.

[56] Тамъ же, стр. 243.

Digitized by Google

ского разсказа „Сержантъ Сурминъ“, написаннаго Языковымъ въ 1839 г., служитъ одинъ изъ тѣхъ характерныхъ, имѣющихъ несомнѣнно реальное основаніе анекдотовъ относительно Потемкина, которыхъ множество сохранилось въ разныхъ воспоминаніяхъ объ этой оригинальной личности; въ разсказѣ Языкова собственно изображается своеобразный способъ, при помощи котораго онъ избавилъ отъ увлеченія азартною карточною игрой молодаго гвардейскаго офицера Сурмина.

Характерно въ разсказѣ признаніе Языкова относительно своей любви къ устнымъ разсказамъ соотечественниковъ про старину, которые обыкновенно разсказывались бывалыми людьми, особенно изъ военныхъ, только для препровожденія времени, но которымъ поэтъ придаетъ немаловажное историческое значеніе, что̀ и оправдалось въ послѣдующее время, когда для сохраненія въ печати частью подобныхъ разсказовъ у насъ создалась спеціальная повременная литература, въ видѣ *Русскаго Архива*, *Русской Старины* и *Историческаго Вѣстника*.

По этому поводу Языковъ говоритъ слѣдующее:

Я вообще выслушиваю жадно
Изустныя преданья, въ нихъ у насъ
Для будущей исторіи запасъ... [57]

Самое отношеніе Языкова къ русской старинѣ, выразившееся въ ходѣ разсказа, его стремленіе отмѣтить въ ней свѣтлыя стороны безъ прикрытія неприглядныхъ ея сторонъ, имѣетъ весьма симпатичный характеръ. Вслѣдствіе этого въ разсказѣ Языкова, съ одной стороны, выражается сочувствіе вообще къ старинѣ и въ частности характеризуется гуманное отношеніе вельможъ времени Императрицы Екатерины II къ мелкимъ чиновникамъ; по этому поводу поэтъ устами сосѣда-помѣщика, военнаго служаки времени царствованія Екатерины II и Павла Петровича, отъ имени котораго ведется и весь разсказъ, говоритъ слѣдующее:

Въ нашъ вѣкъ ни чуть не хуже люди были
И что бы вы объ немъ ни говорили,
А жить не трудно было намъ тогда!
Согласенъ я, чрезчуръ любили
Роскошничать и денегъ не щадили
Тогдашніе большіе господа!
За то они гораздо проще были,
Они добрѣе, мягче были къ намъ,
Неименитымъ, маленькимъ чинамъ.

[57] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 178.

Digitized by Google

Въ нашъ вѣкъ вельможа важный и почтенный
Былъ неприступенъ, крутъ между вельможъ;
А съ прочими былъ тихъ обыкновенно
И миловалъ полезно молодежь,
Уча ее не ради разглашенья
Ея грѣховъ, а ради исправленья! [58]

Съ другой стороны, въ разсказѣ указываются поэтомъ недостатки жизни этого времени; безразсудная роскошь вельможъ, необыкновенная спѣсь во взаимныхъ отношеніяхъ болѣе сильныхъ изъ нихъ къ менѣе сильнымъ, подобострастіе послѣднихъ, а также—страсть къ карточной игрѣ въ средѣ военнаго сословія, что̀ соотвѣтствуетъ изображенію Пушкина въ повѣсти „Капитанская дочка“, въ которой этою страстью надѣляется гусарскій ротмистръ Зуринъ.

Драматическія сцены Языкова — „Встрѣча новаго года“ и „Странный случай“ представляютъ собой попытку поэта охарактеризовать современную ему московскую интеллигентную молодежь, въ средѣ которой онъ самъ вращался во время жизни въ Москвѣ, почему въ этихъ сценахъ на ряду съ общими, типическими чертами, обрисовывающими умственное состояніе молодежи указаннаго круга, мѣстами встрѣчается субъективный элементъ, въ смыслѣ выраженія взглядовъ и наклонностей самаго поэта, указываемыхъ имъ въ поэзіи дерптскаго и московскаго періода.

Въ сценѣ „Встрѣча новаго года“ Языковъ, видимо, имѣлъ намѣреніе обрисовать то идейное броженіе въ средѣ интеллигентной московской молодежи, которое съ началомъ сороковыхъ годовъ, какъ извѣстно, породило горячіе и продолжительные споры между славянофилами и западниками. Молодые люди, герои этой сцены,—Скачковъ, Власьевъ, Хворовъ, Дрянской, Пронскій и Кубенскій, собравшись въ одномъ домѣ, въ Москвѣ, для встрѣчи новаго года, „навеселѣ“ ведутъ разсужденія и споры по разнымъ вопросамъ умозрительнаго и житейскаго характера; въ этихъ разсужденіяхъ и спорахъ ихъ и обнаруживается, съ одной стороны, ихъ непримиримое разногласіе, съ другой—недостаточность опредѣленныхъ умственныхъ устоевъ въ ихъ средѣ.

Первый изъ названныхъ героевъ сцены — Скачковъ изображается эпикурейцемъ съ матеріалистическимъ оттѣнкомъ; онъ беретъ отъ жизни то, что она представляетъ внѣшнепривлекательнаго для молодаго человѣка: любитъ попить въ веселой ком-

[58] Тамъ же.

Digitized by Google

паніи хорошаго вина [59] и поинтриговать съ прекраснымъ поломъ [60]; отличаясь умственною бойкостью, сравнительно съ указанными своими пріятелями, онъ въ то же время — противникъ „сидѣнія за книгами и письменнымъ столомъ“ [61], а также—врагъ чиновничьяго властолюбія [62]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лицѣ Скачкова съ опредѣленностью изображается безпочвенный русскій прогрессистъ; онъ, напр., такъ нестѣсняемо и рѣзко порицаетъ, въ духѣ западниковъ, изученіе русской старины, мѣшающее, по его мнѣнію, умственному прогрессу русскаго человѣка:

Пора же намъ оставить нашу старь,
Какъ ветхій, давнолѣтній календарь,
И перестать напрасно шевыряться
Въ родной пыли; пора идти впередъ
И намъ. [63]

Къ Скачкову, по своимъ воззрѣніямъ, значительно подходятъ Пронскій и Хворовъ. Первый представляетъ собой также типъ прогрессиста на общечеловѣческой подкладкѣ, только съ туманнымъ идеалистическимъ направленіемъ, на подобіе Тургеневскихъ Рудина и Гамлета Щигровскаго уѣзда. Онъ занятъ думами о томъ,

. . . . . какъ въ нашъ вѣкъ
Усовершился, выросъ человѣкъ,
Въ своемъ быту, въ развитіи отважномъ
Своихъ идей, какую бездну силъ
Природы онъ себѣ поработилъ!
И какъ легко и вѣрно правитъ ими
Теперь уже, а что еще впередъ,
Что сдѣлаетъ онъ силами такими,
Когда имъ дастъ повсюдный, полный ходъ? [64]

Пронскій проводитъ время „въ сидѣніи за книгами и письменнымъ столомъ, въ ... бесѣдахъ съ главнѣйшими свѣтилами временъ“ [65]; погруженъ всею душой въ „міръ мечты“ [66], вѣритъ, въ духѣ романтиковъ, въ „таинственную силу любви“ и мечтаетъ въ этомъ направленіи о знакомой красавицѣ, которую подъ носомъ у него влюбляетъ въ себя ловкій и практическій молодой человѣкъ Загорѣцкій [67].

[59] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 187—189.
[60] Тамъ же, стр. 196.
[61] Тамъ же, стр. 194.
[62] Тамъ же, стр. 205.
[63] Тамъ же, стр. 197—198.
[64] Тамъ же, стр. 193.
[65] Тамъ же, стр. 194
[66] Тамъ же, стр. 196.
[67] Тамъ же, стр. 195.

Digitized by Google

Западническія воззрѣнія Хворова характеризуются тѣмъ, что онъ въ бесѣдахъ съ друзьями предпочитаетъ занятіямъ „исторіей Россіи до Петра“ изученіе Гиббона и Нибура [68].

Противоположность этимъ молодымъ людямъ съ западническою окраской во взглядахъ представляютъ собою Власьевъ и Дрянской, изъ которыхъ особенно первый является убѣжденнымъ выразителемъ національныхъ или такъ называемыхъ славянофильскихъ воззрѣній, однако, на романтической подкладкѣ. Онъ совѣтуетъ Пронскому

. . . . . покрѣпче углубиться
Въ исторію Россіи до Петра,
И наконецъ рѣшить вопросъ великой. [69]

Власьевъ также любитъ въ лунную ночь „восхищаться величіемъ Кремля“ [70]; при этомъ онъ признаетъ большимъ наслажденіемъ для души уноситься въ даль вѣковъ путемъ изученія древней исторіи народовъ. [71] Такой взглядъ Власьева указываетъ на тотъ большой интересъ къ изученію вообще исторіи, который въ это время былъ присущъ нѣкоторой части серьезно образованнаго русскаго общества подъ вліяніемъ толчка, даннаго исторіей Карамзина.

Вмѣстѣ съ указанными двойственными умственными вѣяніями, на всѣхъ этихъ молодыхъ людяхъ отражается еще сильное вліяніе германской романтической поэзіи первой формаціи, стремившейся возобновить въ литературѣ средневѣковыя мистическія представленія о духовидѣніяхъ и призракахъ. Это выражается особенно въ наивномъ спорѣ молодыхъ людей о „духовидѣніяхъ“, и хотя большинство присутствующихъ скептически относится къ этому вопросу, [72] тѣмъ не менѣе они охотно сообщаютъ другъ другу наивные разсказы на эту тему изъ семейныхъ преданій, и, въ концѣ концовъ, на всѣхъ нихъ произвело паническій страхъ неожиданное появленіе въ ихъ компанію ошибочно считавшагося умершимъ ихъ общаго друга-поэта Кубенскаго. [73]

Субъективный элементъ, служащій для характеристики самого поэта, въ сценѣ „Встрѣча Новаго года“ представляютъ слѣдующія данныя: сожалѣніе о прошедшей веселой юности, [74] идея

[68] Тамъ же, стр. 197—198.
[69] Стихотв. Языкова“, II, 197.
[70] Тамъ же, стр. 200.
[71] Тамъ же, стр. 198.
[72] Тамъ же, стр 200—201.
[73] Тамъ же, стр. 202—2 4, 206.
[74] Тамъ же, стр. 187

Digitized by Google

равенства и свободы въ товарищеской средѣ [75], взглядъ на вино и любовь, какъ на средство, дающее возможность хотя бы временно отрѣшаться отъ прозы повседневной жизни, [76] воспоминаніе о „звѣздѣ любви, когда-то свѣтившей“ [77] и благотворномъ ея нравственномъ вліяніи, [78] выраженіе любви къ занятію отечественною исторіей и вообще—воззрѣній славянофильскаго характера. [79]

Во второй драматической сценѣ „Странный случай“, написанной въ 1841 г., дѣйствіе происходитъ за-границей, видимо—въ Дрезденѣ. Дѣйствующими лицами являются въ сценѣ два наиболѣе очерченныхъ по своимъ воззрѣніямъ героя первой сцены („Встрѣча Новаго года“)—Скачковъ и Власьевъ. Въ ихъ бесѣдѣ при случайной встрѣчѣ, и особенно устами Скачкова, весьма ярко выражается сильное разочарованіе, въ Байроновскомъ духѣ, своею собственною жизнью и тоска вслѣдствіе сознанія безсодержательности и пустоты своей жизни, происходящей отъ пресыщенія самою жизнью, а также поверхностнаго и безпочвеннаго воспитанія. Дышащія силой чувства признанія Скачкова по этому поводу сильно напоминаютъ собой подобныя же признанія Печорина въ романѣ Лермонтова „Герой нашего времени“, появившемся въ печати всецѣло только на годъ ранѣе созданія Языковымъ своей сцены „Странный случай“, то-есть въ 1840 г.; поэтому трудно предположить, чтобы Языковъ до созданія своей сцены могъ ознакомиться за границей съ романомъ Лермонтова и произвести изъ него заимствованія для характеристики своихъ героевъ.

Вотъ какими мрачными красками Скачковъ выражаетъ предъ Власьевымъ свое душевное состояніе подъ впечатлѣніемъ своего путешествія по Германіи, Англіи, Франціи и Италіи:

Однако же ты не повѣришь, милый!
Что даже тамъ я тосковалъ всегда
По родинѣ, и самъ не понимаю,
Какъ это, отъ чего бы? Полагаю:
Отъ слишкомъ частой перемѣны мѣстъ,
Да отъ ѣзды безъ дѣла и безъ цѣли,
И я жъ таковъ, что все мнѣ надоѣстъ,
И скоро,—такъ-то мнѣ и надоѣли:

[75] Тамъ же, стр. 187—188.
[76] Тамъ же, стр. 189—196.
[77] А. А. Воейковой. Тамъ же, стр. 193.
[78] Тамъ же, стр. 196.
[79] Тамъ же, стр. 197—198, 200.

Digitized by Google

Во-первыхъ, пресловутая страна
Премудрости, науки, вся сполна:
Старинная и новая, пивная
И винная, такая и сякая,
Потомъ и самъ туманный Альбіонъ,
Потомъ Парижъ, хотя его соблазны
Невыразимо какъ разнообразны!
Италія и южный небосклонъ,
И всѣ картины сладостнаго юга,
Все не по мнѣ, все это не мое! [80]

Такое же безотрадное чувство Скачковъ выражаетъ по поводу своей предстоящей безцѣльной жизни на родинѣ, вспоминая, вмѣстѣ съ тѣмъ, о своей прежней безсодержательной жизни тамъ. [81]

Тотъ же герой выражаетъ слѣдующій мрачный взглядъ на всю свою будущую жизнь, характеризуя при этомъ неправильность и поверхностность своего первоначальнаго воспитанія и образованія:

Я истинно сердитъ
Самъ на себя, и мрачными глазами
Гляжу на все, и болѣе всего
На будущность мою, гдѣ ничего
Отраднаго .. несчастная картина!
Въ ней мысли нѣтъ! Что жъ этому причина?
Увидишь ты: все такъ и быть должно
Со мной, какъ есть. Причина: не дано
Мнѣ ровно никакого направленья
Первоначально, и въ душѣ моей
Нѣтъ ничему пріюта, утвержденья
Достойнаго; отъ самыхъ юныхъ дней
Высокія святыя впечатлѣнья
Ей ни почемъ: они блеснутъ на ней—
И прочь и прочь, слѣдовъ не оставляя,
Лишь попусту! Вотъ, милый другъ, какая
Досталася мнѣ доля бытія
Страннѣйшая! Вотъ какъ воспитанъ я
Безсмысленно! Не только не развиты
Хорошія способности во мнѣ
Природныя, онѣ совсѣмъ убиты,
Немилосердно въ самой ихъ веснѣ!
Вся жизнь моя одно большое горе
И я не силенъ горю пособить!
Рѣшительно могу себя сравнить
Теперь съ ладьей на треволненномъ морѣ... [82]

[80] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 226.
[81] Тамъ же, стр. 234—235.
[82] Тамъ же, стр. 235—236.

Digitized by Google

Такому же безплодному и праздному скитанію за границей предается и другой пресыщенный жизнью герой этой сцены Власьевъ; кромѣ того, онъ еще убаюкиваетъ себя наивными мечтами о незнакомой ему вовсе одной русской барышнѣ, также странствующей съ семействомъ за границей. Какъ натура менѣе впечатлительная и энергичная, чѣмъ Скачковъ, Власьевъ выражаетъ, подъ впечатлѣніемъ давленія окружающей жизни, пассивное къ ней отношеніе. Утѣшая Скачкова по поводу его сѣтованій на безотрадность жизни, Власьевъ говоритъ:

Живи на свѣтѣ просто, какъ-нибудь,
Какъ многіе, не занимаясь много
Вопросами о жизни и судьбѣ:
Иначе ты себя лишь раздражаешь,
А пользы нѣтъ! [83]

Къ чертамъ, характеризующимъ личные взгляды Языкова, въ этой сценѣ, принадлежатъ: выраженіе, устами Скачкова, скуки по отечеству вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія за границей, [84] восхищеніе „золотою свободой“, которая присуща во взаимныхъ отношеніяхъ людямъ, съѣзжающимся на курорты изъ разныхъ мѣстъ, [85] признаніе, отъ имени Власьева, что „вино къ водамъ ведетъ“, [86] а также убѣжденіе, что

У насъ талантъ всегда весьма лѣнивъ
И много спитъ. [87]

Наконецъ, въ горячемъ выраженіи Скачковымъ сѣтованія на безпечно проведенную молодость и на то, что ему съ дѣтства „не дано ровно никакого направленія“, нельзя не видѣть замаскированнаго выраженія Языковымъ личной скорби по поводу непривлекательныхъ сторонъ своей прошлой жизни, приведшихъ его къ безотрадному положенію въ теченіе всей жизни зрѣлаго періода. [88]

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Смирновъ.

---

[83] Тамъ же, 236.
[84] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 217, 219, 221, 226.
[85] Тамъ же, стр. 230.
[86] Тамъ же, стр. 230.
[87] Тамъ же, стр 227.
[88] Тамъ же, стр. 234—235.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

БОГОСЛОВІЕ.

Богословскія академическія чтенія преосвященнаго Іоанна епископа смоленскаго. СПб. 1897 г.

Какъ часто бываетъ, что читатели жестоко ошибаются въ книгахъ, пріобрѣтая или не пріобрѣтая ихъ на основаніи однихъ лишь заглавій ихъ! На нашъ взглядъ въ большемъ убыткѣ остаются не тѣ изъ такихъ читателей, которые, очарованные громкимъ заглавіемъ книги, не находятъ въ ней того, чего ждали отъ книги, а тѣ, которые, прочитавъ краткое заглавіе книги, отказываются пріобрѣсти или прочитать самую книгу, не ожидая по этому заглавію встрѣтить въ ней ничего новаго для себя. Особенно это можетъ относиться къ такимъ книгамъ, которыя являются перепечаткой когда-то давно напечатаннаго, или изданіемъ того, что писано было лѣтъ 40 или 50 тому назадъ и назначалось для школьнаго употребленія. А такова именно и есть книга, заглавіе которой мы выписали. Подъ такимъ заглавіемъ С.-Петербургское „Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви“ издало въ концѣ прошедшаго года частію раньше печатавшіяся въ разныхъ духовныхъ журналахъ, частію съ рукописей самого покойнаго автора богословскія лекціи, читанныя преосвященнымъ Іоанномъ, епископомъ смоленскимъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ въ бытность его профессоромъ и ректоромъ ихъ еще въ 40-хъ годахъ. Судя по краткому и сухому заглавію книги и зная о такомъ давнемъ происхожденіи ея и „школьномъ, стало быть не живомъ“ назначеніи, многіе могутъ прямо-таки обойти эту книгу, какъ такую, въ которой едва-ли можно встрѣтить какое-либо живое, новое слово. Могутъ обойти и многое потерять, потому что книга эта даетъ дѣйствительно такое живое и новое слово, которое захватываетъ самыя глубокія струны духовной жизни вѣрующаго человѣка и которое такъ рѣдко приходится слышать. Это, можно сказать, философія христіанства въ лучшемъ смыслѣ этого слова, это вмѣстѣ поэзія христіанскаго словомудрія. Такую книгу мало прочитать; ее нужно чтить;

Digitized by Google

при всей глубинѣ и высотѣ ея богословскаго содержанія, она написана такъ *живо*, близко къ сердцу, что смѣло можетъ быть рекомендуема всякому, кому дорого религіозно-нравственное просвѣщеніе въ духѣ православной церкви—и богослову, и мірянину, и ученому, и даже простецу вѣры... Такія книги нужно всячески и всюду распространять, и можно только дивиться, что о ней такъ мало говорятъ и она такъ мало извѣстна, что въ Москвѣ трудно было даже достать ее. Вотъ почему мы и взялись за перо, чтобы обратить на книгу вниманіе и для этого сказать нѣсколько словъ объ ея содержаніи и изложеніи...

Книга заключаетъ въ себѣ 379 страницъ четкой и убористой печати и раздѣляется на двѣ неравныя части. Въ первой части (стр. 1—122), озаглавленной: *Изъ чтеній по догматическому богословію*, трактуется: о неизмѣняемости и развитіи христіанскихъ догматовъ, о взаимномъ отношеніи разума и откровенія, о христіанскомъ ученіи о Богѣ, о догматѣ, о Пресвятой Троицѣ, о промыслѣ Божіемъ и о лицѣ Іисуса Христа (гл. I—X), во второй—*Изъ чтеній по Богословію дѣятельному или нравственному*—говорится: о вѣрѣ, какъ основаніи истинной нравственности, о надеждѣ христіанской, о силахъ духовныхъ, потребныхъ для подвиговъ христіанскаго благочестія, о нравственномъ состояніи человѣка, благодатію возрожденнаго, о таинствахъ, о покаяніи, о причащеніи, объ елеосвященіи, о молитвѣ, о законѣ евангельскомъ, о благодатномъ возрожденіи и обновленіи человѣка, о воспитаніи и о расположеніяхъ, противныхъ вѣрѣ (стр. 123—379).

Такимъ образомъ книга обнимаетъ своимъ содержаніемъ, какъ явствуетъ то и изъ представленнаго оглавленія ея, и догматическое и нравственное богословіе. Не представляя собою цѣльной системы ни по тому ни по другому богословію, въ ихъ обычномъ, принятомъ у насъ объемѣ, она можетъ быть названа изборникомъ отдѣльныхъ трактатовъ изъ того и другого, касающихся самыхъ существенныхъ пунктовъ собственно-христіанскаго богословія. Конечно, можно жалѣть, что въ книгѣ нѣтъ, напр., тѣхъ бесѣдъ преосвященнаго Іоанна о послѣднихъ дняхъ міра, которыя въ позапрошломъ, кажется, году печатались въ *Православномъ Собесѣдникѣ*; но подходя къ изданнымъ чтеніямъ по предмету своего содержанія, они не могли найти себѣ мѣста въ изданной книгѣ просто потому, что назначались для церковно-богослужебнаго употребленія и писаны были покойнымъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Грустнѣе этого то, что у слушателей или почитателей покойнаго не сохранилось записей академическихъ чтеній его по другимъ вопросамъ, соприкосновеннымъ съ разслѣдованными въ изданной книгѣ. Особенно на нашъ взглядъ можно жалѣть о томъ, что не сохранилось записей чтеній преосвященнаго Іоанна объ истинной Церкви Христовой, какъ сокровищницѣ, спасающей насъ благодатію св. Духа. Но, по русской пословицѣ, на „нѣтъ“ и суда нѣтъ.

Грустнѣе этого то, что въ первый отдѣлъ книги вошли не собственноручныя записки покойнаго Іоанна, каковыми явля-

Digitized by Google

ются всѣ трактаты второго отдѣла, а лишь записи лекцій его, сдѣланныя студентами Казанской и Петербургской академій. „О студенческихъ запискахъ лекцій преосвященнаго Іоанна вообще можно", говорится въ предисловіи книги, „замѣтить, что онѣ не могли быть надлежаще точны и полны, но болѣе обстоятельными изъ нихъ являются трактаты о Богѣ и троичности лицъ, записанныя въ Казанской академіи, также о значеніи догматовъ и объ откровеніи. Менѣе точно и отчетливо записаны лекціи, читанныя въ Петербургской академіи о промыслѣ Божіемъ и о лицѣ Іисуса Христа".

Нѣчто подобное говорятъ издатели и о второмъ отдѣлѣ, заключающемъ въ себѣ собственноручную запись автора. Вотъ что между прочимъ говорится въ предисловіи объ этомъ отдѣлѣ: „Большею частью она (рукопись) имѣетъ видъ черновыхъ записокъ, при чемъ въ ней встрѣчаются повторенія, иногда даже дословныя, которыя при печатаніи пришлось опускать, затѣмъ исправленія и вставки на поляхъ, не всегда сдѣланныя аккуратно и въ законченной формѣ, наконецъ описки и пропуски словъ, или же слова, не вычеркнутыя при поправкахъ: все это требовало исправленія. Тексты св. писанія въ запискахъ не всегда приводятся съ надлежащею точностью и очень часто безъ цитатъ; такъ что приходилось подыскивать эти мѣста, возстановлять ихъ точность и проставлять цитаты. Иныя слова написаны такъ неразборчиво, что не мало требовалось времени, чтобы прочесть ихъ, или догадаться по смыслу, или же навести соотвѣтствующія справки, если слова и выраженія откуда либо заимствованы. Наконецъ, орѳографія и пунктуація у автора не совсѣмъ исправны и требовали, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, исправленія". Правда, большая часть этихъ недостатковъ исправлена издателями; но все же совсѣмъ отрицать ихъ присутствія въ книгѣ нельзя; особенно можно пожалѣть о томъ, что въ обиліи приводимые во второмъ отдѣлѣ ея выдержки изъ свято-отеческихъ твореній и богословскихъ сочиненій митр. Филарета и др. не только не процитованы точно, а и не отмѣчено, изъ какого творенія или сочиненія какого отца или богослова взяты онѣ...

Все это такъ и все это вѣрно; но вѣрнѣе всего этого то, что отмѣченные „недостатки—часто внѣшніе и достоинства не только содержанія, но и самаго изложенія этого содержанія, въ смыслѣ языка книги и ея систематической цѣльности, нисколько не умаляютъ. Даже можно сказать больше. Можно сказать, что вслѣдствіе отсутствія въ книгѣ тяжеловѣсной внѣшне-научной обстоятельности помѣщенныхъ въ ней трактатовъ и благодаря отмѣченной выше отрывочности ихъ и невполнѣ строгой выдержанности въ развитіи и раскрытіи мыслей, основныя мысли чтеній выступаютъ въ книгѣ съ особенною рельефностію во всей ихъ жизненной истинности и богословской глубинѣ; благодаря отмѣченнымъ особенностямъ книги, лежащая въ основѣ ихъ оригинальная и самобытная система богословскаго мышленія преосвященнаго Іоанна съ поразительною ясностію выступаетъ

Digitized by Google

предъ сознаніемъ читателя, возбуждаетъ религіозную мысль, открываетъ для нея новые горизонты и такъ сказать расширяетъ самый кругозоръ ея. Вслѣдствіе этого книга даетъ своимъ содержаніемъ, при всей его внѣшней отрывочности, впечатлѣніе не чего-либо разбросаннаго или неоконченнаго, а цѣльнаго и и даже систематичнаго.

Мы не беремся со всею четкостію опредѣлить и со всею обстоятельностію раскрыть это высокое достоинство книги; но думаемъ, мысль наша будетъ яснѣе, если мы иллюстрируемъ ее отдѣльными, взятыми изъ нея примѣрами. Остановимся на самомъ, по нашему мнѣнію, главномъ.

Въ книгѣ, какъ видятъ читатели изъ ея оглавленія, трактаты о таинствахъ введены не въ отдѣлъ изъ догматическаго богословія, гдѣ они обычно помѣщаются, а въ отдѣлъ по аскетикѣ. Съ внѣшней стороны это есть какъ будто нѣкоторое нарушеніе системы, но только именно съ внѣшней стороны. Въ существѣ дѣла этимъ трактатамъ здѣсь именно и должно быть мѣсто, какъ могущественнѣйшему средству нравственнаго возрожденія человѣка. Въ принятомъ у насъ въ богословіи раздѣленіи догматики отъ нравоученія эта существеннѣйшая сторона таинства совершенно теряется изъ виду и всѣ таинства являются предъ нами съ одной лишь такъ сказать внѣшне-объективной ихъ стороны: со стороны ихъ божественнаго происхожденія и значенія но не со стороны ихъ нравственно психологической, субъективной стороны ихъ дѣйствія на душу человѣческую, ибо толковать объ этомъ нравственно-возрождающемъ значеніи таинствъ въ нравственномъ богословіи, гдѣ бы имъ и было мѣсто, у насъ не принято. Такъ и остается эта существеннѣйшая сторона вопроса о благодатно промыслительномъ дѣйствіи Бога на человѣка въ таинствахъ мало раскрытою. Въ академическихъ же чтеніяхъ преосвященнаго Іоанна она выставлена съ такою глубиной, ясностію и живостію, какую можно встрѣчать только развѣ въ свято-отеческехъ твореніяхъ,—напримѣръ, Ефрема Сирина, Макарія Египетскаго и др. И что особенно важно, ученіе это раскрыто въ чтеніяхъ преосвященнаго не съ одной нравственно-психологической точки зрѣнія, а и съ богословско-догматической; другими словами, вѣроученіе православной Церкви въ этомъ существеннѣйшемъ пунктѣ раскрыто не въ ихъ отдѣльности, а въ томъ ихъ внутреннемъ единствѣ, въ какомъ оно проявляется или должно проявляться въ жизни.

Это-то внутреннее объединеніе вѣроученія и нравоученія христіанскаго въ академическихъ чтеніяхъ преосвященнаго Іоанна и есть, на нашъ взглядъ, та систематичность ихъ въ высшемъ смыслѣ слова, о которой мы говорили выше. Это не та внѣшне-формальная систематичность, которая приводитъ къ сухой безжизненной статистикѣ, это не діалектическая логичность мышленія, а живая логика мысли, которая даетъ видѣть предметъ не въ его отвлеченной односторонности, а во всей его внутренней живости, полнотѣ и цѣлостности, не въ его оторванности

Digitized by Google

отъ живыхъ отношеній къ другимъ предметамъ, а въ той органически-неразрывной связи съ этими предметами, въ какой онъ существуетъ въ живой дѣйствительности. Вотъ почему въ чтеніяхъ преосвященнаго наряду съ ученіемъ о таинствахъ и ихъ возраждающемъ дѣйствіи идетъ рѣчь о молитвѣ христіанской, какъ поклоненіи Богу Духомъ святымъ, о молитвѣ Господней, какъ выраженіи христіанской вѣры, надежды и любви христіанской.

Это объединеніе христіанскаго вѣроученія и нравоученія, полное самой жизненной правды въ его отношеніи къ личной жизни отдѣльнаго человѣка, въ богословскихъ чтеніяхъ преосвященнаго Іоанна простирается шире и глубже, обнимая собой жизнь живаго міра въ его отношеніи къ Богу—все, такъ сказать міровоззрѣніе. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду тѣ страницы въ чтеніяхъ преосвященнаго о возрожденіи человѣка Христовою благодатію, гдѣ онъ это возрожденіе, или, какъ онъ называетъ, возсозданіе человѣка сближаетъ съ исторіей созданія міра и человѣка. Рисуемыя имъ при этомъ картины прямо таки поражаютъ широтой и высотой полета его богословствующей мысли.

Но не подумайте, что это какой-то безжизненный мистицизмъ, безпочвенный аллегоризмъ резонерствующаго раціоналиста; его рѣчь ясная и мысль трезвая. Касаясь своею мыслію самыхъ, такъ сказать, глубинъ христіанскаго богословія, преосвященный не любитъ рядить ее въ риторическія фигуры и загромождать ее аксессуаромъ разсудочной учености; оставляя въ сторонѣ всѣ эти внѣшнія прикрасы, всю эту буквенную скорлупу, онъ беретъ лишь самое зерно мысли и потому у него вы не встрѣтите ни цѣлаго ряда текстовъ писанія, отрывочно понадерганныхъ изъ разныхъ мѣстъ Библіи и связанныхъ между собой лишь механическою буквенною связью, ни какого-либо до педантизма методичнаго изложенія факта или событія; онъ беретъ изъ Писанія факты, а не слова, мысли, а не букву, и съ ними уже имѣетъ дѣло. Подвергая анализу своего тонкаго ума ту или иную мысль Писанія, тотъ или иной фактъ, онъ открываетъ въ нихъ такія стороны и указываетъ такое значеніе, которыя при поверхностномъ взглядѣ на дѣло никогда никому не приходили въ голову. Въ этомъ отношеніи намъ кажутся особенно замѣчательными чтенія о Лицѣ Іисуса Христа; чтенія эти представлены въ книгѣ по студенческимъ записямъ,—слѣдовательно, съ внѣшней стороны, далеко не въ точномъ и полномъ ихъ изложеніи, и при всемъ томъ прямо-таки поражаютъ неожиданностію и глубиной выводовъ и заключеній оратора о смыслѣ и значеніи анализируемыхъ имъ евангельскихъ фактовъ и изреченій.

Все это придаетъ академическимъ чтеніямъ преосвященнаго Іоанна видъ не кабинетной работы ученаго богослова, а живой, импровизованной рѣчи вдохновеннаго оратора: рѣчь его не періодически ровное и спокойное изложеніе мыслей, а отрывистая, сжатая, сильная. Нѣкоторыя страницы его книги дышатъ та-

Digitized by Google

кою поэтическою художественностію, что ихъ нельзя читать безъ наслажденія. Особенно много такихъ страницъ опять въ томъ же отдѣлѣ о возрожденіи человѣка благодатію Христовою, о которой мы говорили выше.

Можно жалѣть, что размѣры журнальной замѣтки не позволяютъ сдѣлать изъ книги выписокъ, по которымъ читатели могли бы сами провѣрить справедливость представленной характеристики богословскихъ академическихъ чтеній преосвященнаго Іоанна. Въ замѣнъ этого позволяемъ себѣ привести то, что говорится о значеніи ихъ въ предисловіи къ книгѣ: „Богословскія чтенія преосвященнаго Іоанна,—читаемъ мы здѣсь,—какъ произведенія глубокой самородной мысли для лицъ, интересующихся духовною ученостію и любящихъ вдумываться въ сущность христіанства, могутъ быть весьма интересны и плодотворны въ виду возбужденія самодѣятельной мысли читателя и развитія его способности къ самостоятельному богословскому мышленію, а также пополненія и расширенія его религіознаго міросозерцанія. Въ своихъ богословскихъ чтеніяхъ преосвященный Іоаннъ является не только какъ догматистъ, дающій такіе интересные по глубинѣ и оригинальности богословско-умозрительнаго мышленія трактаты, какъ о Пресвятой Троицѣ или объ отношеніи разума и откровенія, не только какъ моралистъ, выясняющій столь глубокіе вопросы, какъ недостаточно еще разработанный въ нашихъ богословскихъ системахъ вопросъ о нравственномъ возрожденіи человѣка благодатію, столь важные предметы, какъ содержаніе молитвы Господней, великое значеніе таинства, особенно покаянія и причащенія, или важность христіанскаго воспитанія, но и апологетъ, защищающій христіанство противъ антирелигіозныхъ доктринъ и тѣхъ или другихъ невѣрующихъ мыслителей, хотя онъ касается ихъ только мимоходомъ, останавливаясь болѣе на положительномъ раскрытіи и уясненіи вопросовъ, избѣгая при этомъ повторенія обычныхъ и общеизвѣстныхъ рѣшеній ихъ и стараясь подойти къ предмету новымъ, неизбитымъ путемъ и освѣтить главнымъ образомъ тѣ стороны его, какія оказываются болѣе трудными и неудобопонятными.

Поистинѣ великое дѣло сдѣлало С.-Петербургское Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви, издавши богословскія академическія чтенія преосвященнаго Іоанна, епископа Смоленскаго. Это цѣнный вкладъ въ нашу богословскую литературу; это рѣдкая книга по своимъ достоинствамъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Кожевниковъ. *Философія чувства и вѣры, въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка и къ критической философіи.* Москва, 1897.

Трудъ г. Кожевникова представляетъ явленіе далеко не заурядное въ нашей небогатой философской литературѣ. Строго научный методъ, которому слѣдуетъ авторъ при разсмотрѣніи и

Digitized by Google

критической оцѣнкѣ философскихъ системъ, на которыхъ ему приходится останавливаться, обезпечиваетъ его отъ односторонности и субъективныхъ пристрастій, и способствуетъ этимъ успѣшному достиженію поставленной цѣли. Сама по себѣ тема, избранная г. Кожевниковымъ, представляетъ большой интересъ для всякаго занимающагося философскими вопросами, такъ какъ касается такихъ вопросовъ, которые почти не были затронуты въ нашей научной литературѣ. Между тѣмъ отсутствіе въ ней не только спеціальныхъ монографій по данному вопросу, но даже и сколько нибудь серьезныхъ статей, и почти полное игнорированіе этого философскаго направленія въ имѣющихся у насъ общихъ сочиненіяхъ по исторіи философіи (Куно Фишера, Фалькенберга, Ибервега Гейнце) способствуетъ распространенію у насъ невѣрнаго и несоотвѣтствующаго дѣйствительности представленія о значеніи философіи чувства и вѣры въ общемъ ходѣ развитія философской мысли. Получается важный, ничѣмъ незаполненный пробѣлъ, и г. Кожевникову, ясно сознавшему необходимость восполненія этого пробѣла, принадлежитъ заслуга сдѣлать первый шагъ въ дѣлѣ ознакомленія русской публики съ тѣмъ направленіемъ философіи, которое возникло въ качествѣ законной реакціи противъ односторонняго раціонализма XVII и XVIII вѣковъ. Поставивши себѣ задачей всестороннее изслѣдованіе этого направленія философіи, авторъ въ вышедшей нынѣ первой части своего труда останавливается на отношеніяхъ философіи чувства и вѣры къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка; что касается ея отношеній къ Канту и критической философіи, то изслѣдованіе ихъ составитъ предметъ второй части его труда. Сочиненіе г. Кожевникова распадается на три отдѣла: въ первомъ онъ разсматриваетъ общее культурное значеніе философіи чувства и указываетъ на зачатки ея въ произведеніяхъ Руссо и Дидро, у англійскихъ сентименталистовъ и нѣмецкихъ піэтистовъ (піэтизмъ, какъ реакція противъ раціоналистическаго деизма). Во второмъ отдѣлѣ авторъ останавливается на одномъ изъ представителей философіи чувства, голландскомъ мыслителѣ, Фр. Гемстергюи (Hemsterhuis, род. 1721 г., ум. 1790 г.), въ ученіи котораго переплелись самымъ причудливымъ образомъ элементы сенсуализма, спиритуализма и мистицизма. При всѣхъ несовершенствахъ его теоріи, Гемстергюи принадлежитъ неотъемлемая заслуга въ признаніи за чувствомъ не только нравственнаго и религіознаго, но и познавательнаго значенія; впослѣдствіи Кантъ воспользовался этимъ значеніемъ нравственнаго сознанія человѣка для разрѣшенія послѣднихъ двухъ антиномій чистаго разума. Но недостатокъ послѣдовательности и ученой выдержки заставляютъ Гемстергюи нерѣдко вдаваться въ странныя односторонности: такова, напримѣръ, его попытка установить свое этическое ученіе на реалистической основѣ, для чего онъ прибѣгаетъ къ признанію реальнаго существованія въ человѣкѣ какого-то „нравственнаго органа“, представляющаго органическій субстратъ того, что мы называ-

Digitized by Google

емъ совѣстью, долгомъ и т. п. Что касается до религіозныхъ воззрѣній Гемстергюи, то его вѣрованіе носитъ антично-языческій характеръ, конечно, не въ смыслѣ языческаго политеизма, а въ томъ смыслѣ, въ какомъ опредѣленіе это приложимо, напримѣръ, къ религіознымъ представленіямъ Сократа или Платона. Въ глазахъ Гемстергюи Богопознаніе основывается не на разсужденіи, а на чувствѣ души и на ея стремленіи къ единенію со своимъ первоисточникомъ. Этимъ характеръ его вѣрованія существенно отличается отъ деизма, старавшагося оправдать всякую религіозную истину при помощи разума; но въ то же время они далеки и отъ христіанства, вслѣдствіе отрицанія значенія откровенія и догматовъ грѣхопаденія и искупленія. Въ противоположность этой языческой тенденціи Гемстергюи, современникъ его Гаманнъ, которому посвящена наиболѣе значительная часть книги г. Кожевникова, былъ глубоко проникнутъ чисто христіанскимъ настроеніемъ и являлся убѣжденнымъ защитникомъ историческихъ формъ религіи, оставаясь чуждымъ всякой религіозной нетерпимости.

Гаманнъ, „сѣверный магъ", какъ звали его современники,— одна изъ интереснѣйшихъ личностей эпохи бурныхъ стремленій, эпохи, которая въ свою очередь представляетъ собой любопытную страницу въ исторіи западно-европейскихъ культурныхъ теченій. Въ прекрасномъ очеркѣ, который при всей его обширности нельзя упрекнуть въ многословіи, г. Кожевниковъ даетъ яркую картину того общественно-литературнаго движенія, которое въ срединѣ XVIII в. въ томъ или другомъ видѣ распространилось по всей Западной Европѣ.

Авторъ даетъ цѣлый рядъ блестящихъ характеристикъ отдѣльныхъ представителей этого движенія, возсоздавая такимъ образомъ ту своеобразную, культурную обстановку, среди которой развивался Гаманнъ. Такова его характеристика Руссо (354—381), англійскихъ сентименталистовъ, какъ Ричардсонъ, Гольдсмитъ и Стэрнъ, и непосредственныхъ нѣмецкихъ предшественниковъ Гаманна, какъ Клопштокъ (541—567). Переходя къ характеристикѣ эпохи „бурныхъ стремленій", г. Кожевниковъ, такъ-сказать, входитъ внутрь той лабораторіи, въ которой слагалась личность изучаемаго имъ мыслителя. Крайній индивидуализмъ, культъ личности, составляющій отличительную черту дѣятелей эпохи „бурныхъ стремленій", привелъ ихъ (напримѣръ, Клингера) на границы отчаянія, въ ту нравственную пустыню, въ которой неминуемымъ образомъ должны погибнуть всѣ лучшія стороны нашего существа. Гаманнъ, со своею непоколебимою вѣрой въ Провидѣніе, былъ чуждъ этихъ крайностей, и міросозерцаніе его не получило того мрачнаго пессимистическаго отпечатка, который отличаетъ міросозерцаніе многихъ изъ представителей этой эпохи. Но въ то же время Гаманнъ во многихъ отношеніяхъ былъ вдохновителемъ и передовымъ бордомъ своей эпохи. Его страстная апологія „геніальности" нашла себѣ сочувственный отголосокъ во всей „юной Германіи"; точно также

Digitized by Google

и его ученіе объ интуиціи, которою онъ хотѣлъ замѣнить систематическое мышленіе. Однако, послѣднее обстоятельство вредно отразилось на характерѣ его собственнаго ученія, такъ какъ отсутствіе опредѣленнаго метода изслѣдованія давало слишкомъ большой просторъ субъективнымъ симпатіямъ и настроеніямъ. Съ этой точки зрѣнія совершенно понятна та антипатія, которую питалъ Гаманнъ къ Спинозѣ, наиболѣе полному выразителю догматическаго раціонализма. Центральнымъ звеномъ въ ученіи Гаманна является его взглядъ на значеніе вѣры, какъ основного познавательнаго начала и врожденнаго стремленія нашей души (722—726). Вѣра эта основывается на чувствѣ; она не есть результатъ діалектическаго убѣжденія, она—начало, не зависящее отъ разума, а потому не подлежащее его контролю. Такое возведеніе вѣры въ степень независимаго начала дало многимъ авторамъ поводъ упрекать Гаманна въ склонность къ мистицизму; г. Кожевниковъ старается освободить его отъ этого упрека и доказываетъ, что чисто мистическія тенденціи были совершенно чужды нѣмецкому мыслителю. Чрезвычайно любопытнымъ являются также отношенія Гаманна къ Канту, другомъ котораго онъ былъ. Однимъ изъ первыхъ Гаманнъ оцѣнилъ высокое значеніе „критики чистаго разума“ и этимъ далъ примѣръ своего безпристрастія по отношенію къ мыслителю, съ которымъ онъ расходился въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ своего ученія.

Г. Кожевникову принадлежитъ заслуга воскресить эту почти неизвѣстную у насъ личность, внутренняя жизнь которой полна глубокаго интереса. Въ книгѣ его найдутъ себѣ много новаго и интереснаго какъ спеціалистъ, такъ и большая публика, поэтому мы не можемъ не рекомендовать ее вниманію читателей.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Михаилъ Макаревскій. *Церковная школа на Всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Н.-Новгородѣ.* С.-Пб. 1897 г. Ц. 25 к.

Авторъ имѣетъ цѣлью дать ясное и обстоятельное представленіе о томъ положеніи, въ какомъ церковно-приходская школа явилась на Всероссійской выставкѣ прошлаго года. Указавъ на условія, при которыхъ осуществилась выставка, и то значеніе, которое имѣетъ она, какъ показатель народнаго развитія и преуспѣянія производительныхъ силъ, г. Макаревскій напоминаетъ, что главнѣйшимъ условіемъ развитія благосостоянія народнаго въ самомъ широкомъ его смыслѣ является просвѣщеніе народа, *которое помимо усвоенія всяческихъ полезныхъ знаній, умѣній, навыковъ, должно состоять и въ наученіи истинамъ вѣры*, должно прививать народу правила христіанской жизни и сообщать ему доброе воспитаніе на исконныхъ, незыблемыхъ животворныхъ началахъ, исповѣдуемыхъ православною церковью и завѣщанныхъ нашею

Digitized by Google

тысячелѣтнею исторіей. „На служеніе сему святому дѣлу и призвана народная церковно-приходская школа". Выяснивъ такъ вѣрно и глубоко значеніе церковно-приходской школы, г. Макаревскій припоминаетъ слова почившаго Царя-Миротворца, покровителя ея: *Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ.* Авторъ находитъ по справедливости, что въ значительной степени лица, приставленныя къ руководству церковно-приходскою школой, оправдали возлагавшееся на нихъ довѣріе почившаго Государя. „Представленные на выставку церковными школами со всѣхъ сторонъ Россіи самый разнообразный школьно-педагогическій матеріалъ и интересные образцы сообщаемыхъ церковною школой прикладныхъ знаній и навыковъ, особливо полезныхъ въ крестьянскомъ обиходѣ (напримѣръ, по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, ремесламъ, рукодѣліямъ), воочію засвидѣтельствовали о быстротѣ и могучемъ ростѣ церковно-школьнаго дѣла въ Россіи и о богатыхъ учительныхъ силахъ въ средѣ нашего сельскаго духовенства. Церковно-школьная выставка такимъ образомъ наглядно доказала, что приходское духовенство въ своихъ одушевленныхъ и безкорыстныхъ трудахъ на поприщѣ школьнаго просвѣщенія русскаго народа явило себя достойнымъ своего высокаго призванія". Чтобы дать вѣрное и безпристрастное понятіе о томъ развитіи, котораго достигла церковная школа о результатахъ ея существованія, поскольку эти послѣдніе проявляются въ работахъ ея питомцевъ, г. Макаревскій и написалъ этотъ очеркъ въ надеждѣ, что „правдивое, доброе слово о церковно-приходской школѣ будетъ особливо благовременно теперь, когда и въ періодической печати и въ обществѣ слышатся еще отголоски предвзятыхъ мнѣній о церковной школѣ и ея выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ".

Очеркъ написанъ г. Макаревскимъ очень живо, умѣло и съ преданностью любимому дѣлу. Текстъ книги снабженъ рисунками, дающими наглядно представленіе о современномъ состояніи церковно-приходской школы. Издана книга очень изящно, на прекрасной бумагѣ, четкою печатью, а цѣна назначена за нее такая, которая возможна только при отсутствіи коммерческихъ цѣлей у издателя.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

По вопросу о женскомъ сельскохозяйственномъ образованіи. СПб. 1897 г.

Небольшая брошюрка эта, представляющая собой отдѣльный оттискъ статьи, напечатанной въ *Извѣстіяхъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ*, касается одного изъ наиболѣе крупныхъ вопросовъ, поднятыхъ и разрабатываемыхъ, недавно переорганизованнымъ Министерствомъ.

У насъ до сихъ поръ женское сельскохозяйственное образованіе было развито еще очень слабо какъ въ связи съ общимъ недостаткомъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній, такъ

Digitized by Google

и потому, что вопросъ о женскомъ трудѣ, вслѣдствіе противоположныхъ крайнихъ теченій не могъ долгое время быть поставленъ на правильную почву.

Въ послѣднее время Министерство Земледѣлія опредѣленно намѣтило передъ собой тѣ рамки, въ которыхъ должно развиваться у насъ женское сельскохозяйственное образованіе. Прежде всего, какъ видно изъ настоящей статьи, посвященной этому вопросу, въ Министерствѣ окончательно рѣшено женскія учебныя заведенія организовать отдѣльно отъ мужскихъ и съ преобладаніемъ въ первыхъ преподаванія преимущественно такихъ отраслей сельскаго хозяйства, которыя наиболѣе доступны женщинѣ: молочное хозяйство, сыроваренie, плодоводство, усадебное хозяйство, огородничество и наконецъ домоводство въ тѣсномъ смыслѣ слова, куда должны входить содержаніе жилищъ, одежды, уходъ за дѣтьми и т. п. Далѣе имѣется въ виду ввести преподаваніе сельскохозяйственныхъ знаній въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ дополнительномъ курсѣ институтовъ, гимназій, епархіальныхъ училищъ. Наконецъ, правительствомъ предпринимается рядъ мѣръ къ распространенію сельскохозяйственныхъ знаній среди той части сельскаго населенія, которая лишена возможности получить эти знанія въ спеціальныхъ школахъ въ качествѣ постоянныхъ учениковъ. Съ этою цѣлью предположено устраивать курсы и чтенія на подобіе курсовъ для народныхъ учителей и учительницъ.

СПРАВОЧНИКИ.

Путеводитель по Волгѣ на 1897 годъ. Изданіе Ив. Ив. Иванова. Годъ третій. Цѣна 60 коп., съ пересылкой 75 к. Казань, 1897 г.

Съ необычайно быстрымъ ростомъ путей сообщенія, съ развитіемъ паровой двигательной силы, современная дешевизна тарифовъ даетъ возможность совершать любительскую поѣздку такимъ лицамъ, которыя раньше объ этой роскоши и помышлять не смѣли. Съ другой стороны при чрезвычайномъ развитіи городской жизни, когда въ громадные центры стягивается многотысячное населеніе, принужденное благодаря этому жить въ самыхъ негигіеническихъ условіяхъ, при томъ среди особенной сутолоки и нервозности современной дѣятельности, туристскія поѣздки, съ цѣлью освѣжиться немного, отдохнуть и запастись силами, посмотрѣть, наконецъ, на свѣтъ Божій,—такъ какъ жителю крупнаго центра изъ-за трубнаго дыма и каменныхъ громадъ видѣть его не приходится,—такія поѣздки дѣлаются все болѣе и болѣе частыми и, кромѣ того, положительно необходимыми.

На ряду съ этимъ въ публикѣ ощущается большая нужда и спросъ на путеводители и другія справочныя изданія, которыя давали бы во-первыхъ чисто практическія свѣдѣнія относительно способовъ, стоимости, времени путешествія, а затѣмъ представляли бы путешественнику возможность въ легкомъ занимательномъ чтеніи ознакомиться съ характеромъ, достопримѣчатель-

Digitized by Google

ностями и историческимъ прошлымъ тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя ему приходится проѣзжать.

За границей подобнаго рода путеводители встрѣчаются во множествѣ, соперничая другъ съ другомъ прекраснымъ исполненіемъ, текстомъ, написаннымъ иногда положительно художественно, и превосходными иллюстраціями. Безъ нихъ не обходится ни одинъ, даже самый скромный путешественникъ. И неудивительно: прежде всего есть для чего ихъ пріобрѣтать и затѣмъ стоятъ они сравнительно очень недорого, благодаря обширности распространенія и главнымъ образомъ еще широкораспространенному въ наше время обычаю прилагать къ такого рода изданіямъ платныя объявленія торговыхъ и промышленныхъ фирмъ. Несомнѣнно, что и нашъ русскій путешественникъ нуждается, не менѣе заграничныхъ, въ подобнаго рода изданіяхъ вслѣдствіе обширности нашихъ разстояній и громадности масштабовъ; однако; до сихъ поръ эта потребность, можно сказать, остается совсѣмъ неудовлетворенною.

Мало, очень мало такихъ путеводителей можно насчитать у насъ, да и тѣ, которые имѣются, какое жалкое явленіе представляютъ они! Вотъ, напримѣръ, передъ нами типичнѣйшій образчикъ такого изданія, конечно, въ худшемъ сортѣ. Обычай прилагать объявленія къ изданію составитель понялъ отень своеобразно: за нихъ торговыя фирмы платятъ деньги, стало быть это главная часть изданія, а остальное какъ придется. Такъ оно и вышло. Вышло, что не объявленія при путеводителѣ, а нѣсколько тощихъ страничекъ путеводителя, потонувшихъ въ безднѣ объявленій. Да и эти немногія странички, что онѣ изъ себя являютъ? Глядя на нихъ, такъ ясно представляешь себѣ способъ составленія подобныхъ изданій. Задумалъ г. Ив. Ив. Ивановъ начать предпріятіе—издать путеводитель по Волгѣ и сталъ собирать объявленія, а когда ихъ набралось достаточно, то приказалъ печатать и тутъ только вспомнилъ, что какъ ни говори, а все таки это не путеводитель по магазинамъ и складамъ, а путеводитель по Волгѣ, ну и приказалъ прибавить кой-чего, что̀ носитъ характеръ путевыхъ описаній. Не знаю, выгадываютъ ли торговыя фирмы, посылающія въ подобныя изданія объявленія, но смѣло можно сказать, что публика изъ этого путеводителя не много извлечетъ интереснаго. Одинъ только г. Ив. Ив. Ивановъ въ предисловіи къ своему путеводителю не унываетъ и „льститъ себя надеждой, что и на будущее время торговыя фирмы, помѣстившія свои объявленія въ настоящемъ году, не оставятъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ возобновить ихъ и на 1898 годъ“. За это обѣщается „благосклоннымъ“ фирмамъ принять всѣ мѣры къ распространенію рекламы. Для „распространенія рекламы“ и приманки публики г. Ив. Ив. Ивановъ не нашелъ ничего болѣе интереснаго и подходящаго, какъ помѣстить подъ объявленіями своего путеводителя разсказы и анекдоты положительно неприличнаго содержанія. Нечего сказать, понята цѣль путеводителя.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Необходимость объединенія дѣятельности земскихъ учрежденій.—Изданіе печатнаго органа, посвященнаго интересамъ внутренняго управленія.—Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.—Проекты общеземскихъ изданій.—Предусматриваемое возраженіе.—Вопросъ подвѣдомственности.

Въ началѣ прошлаго 1897 года, по поводу слуховъ о періодическихъ съѣздахъ предсѣдателей губернскихъ управъ, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ—если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ [1]—было сообщено кому слѣдуетъ, что никакіе съѣзды, а тѣмъ болѣе съѣзды должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, не могутъ имѣть мѣста безъ особаго каждый разъ разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ, и что объединеніе дѣятельности земскихъ учрежденій и установленіе общихъ руководящихъ началъ для этой дѣятельности принадлежитъ исключительно вѣдѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Такое компетентное разъясненіе, устраняя на будущее время многія недоразумѣнія, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то направленіе, котораго намѣрено держаться Министерство въ его практической дѣятельности по надзору за мѣстнымъ хозяйственнымъ управленіемъ.

Пишущему эти строки неоднократно приходилось высказывать въ печати мнѣніе именно о крайне важномъ значеніи, какое могли бы пріобрѣсти центральныя правительственныя установленія въ дѣлѣ объединенія нынѣ разрозненныхъ трудовъ различныхъ общественно-хозяйственныхъ органовъ. Многочисленныя городскія и земскія учрежденія живутъ у насъ совершенно отдѣльною, изолированною другъ отъ друга жизнью. Каждая общественно-хозяйственная единица, за рѣдкими исключеніями, даже въ главнѣйшихъ отрасляхъ своей дѣятельности идетъ своею дорогой, живетъ своимъ умомъ и своимъ опытомъ, какъ будто бы вокругъ и рядомъ не существуетъ учрежденій совершенно подобныхъ ей не только по компетенціи и организаціи, но въ значительной мѣрѣ даже и по бытовымъ и природнымъ условіямъ. Отсюда выходитъ, что всякое учрежденіе повторяетъ опыты, промахи и ошибки, только что произведенные другимъ

[1] См. № 27 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1897 г.

Digitized by Google

учрежденіемъ, въ прямой ущербъ интересамъ мѣстнаго населенія. Помимо этого, такое положеніе дѣла порождаетъ чрезвычайную пестроту пріемовъ и способовъ мѣстнаго управленія, что затрудняетъ правительственный надзоръ надъ нимъ и дѣлаетъ крайне неудобнымъ собираніе надлежащихъ свѣдѣній о направленіи многихъ отраслей земскаго дѣла, почему правительство и не можетъ принять надлежащихъ мѣръ въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовала бы дѣятельность мѣстныхъ хозяйственныхъ органовъ.

Нельзя сказать, чтобы такое положеніе дѣлъ въ мѣстномъ управленіи не обращало на себя вниманія. Наоборотъ, въ печати весьма часто обсуждались вопросы о объединеніи земскихъ учрежденій посредствомъ различныхъ областныхъ или общеимперскихъ съѣздовъ, о солидарности интересовъ отдѣльныхъ земствъ и городовъ и т. п. Но изъ всѣхъ толковъ на эту тему обыкновенно ничего не выходило, такъ какъ чаще всего за всѣми благими пожеланіями, по виду невиннаго дѣлового характера, скрывались ясно выступавшія чисто политическія тенденціи о расширеніи правъ и предѣловъ дѣятельности мѣстныхъ хозяйственныхъ учрежденій и т. п. Въ виду этихъ причинъ подобныя попытки встрѣчали неблагопріятную почву въ правительственныхъ сферахъ, знавшихъ по горькому опыту политическую невоспитанность нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, далеко не всегда имѣющихъ необходимый тактъ и недостаточно сообразующихся съ требованіями закона.

Но если эта цѣль объединенія, *насколько она вызывается практическими нуждами общественно-хозяйственныхъ учрежденій*, неудободостижима путемъ земскихъ съѣздовъ и т. п., то тѣмъ болѣе должно быть обращено на нее вниманіе органовъ центральнаго правительства, располагающихъ къ тому же и всѣми необходимыми для этой цѣли средствами. Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ сосредоточены и постоянно пополняются въ высшей степени цѣнные и важные матеріалы, касающіеся всѣхъ сторонъ земской и городской общественной дѣятельности. Но матеріалы эти остаются почти неразработанными и лишь безполезно обременяютъ собой архивы Министерства. Если исключить нѣсколько болѣе или менѣе правильно появляющихся изданій въ родѣ „*Свода земскихъ доходовъ и расходовъ*“, то по остальнымъ многочисленнымъ отдѣламъ городского и земскаго хозяйства матеріалы разрабатываются лишь въ видѣ исключенія, на спѣхъ, при разсмотрѣніи въ правительственныхъ сферахъ тѣхъ или другихъ законопроектовъ и т. п. Издается какой-нибудь сводъ или сборникъ и затѣмъ опять попрежнему начинается непроизводительное и безцѣльное копленіе отчетовъ и докладовъ отдѣльныхъ земствъ и городовъ, всякихъ вѣдомостей, донесеній и т. п.

Чтобы иллюстрировать нашу мысль наглядным примѣромъ, остановимся хотя бы на земскомъ больничномъ дѣлѣ. Несмотря на большое однообразіе климатическихъ и экономическихъ усло-

Digitized by Google

вій большинства губерній Европейской Россіи, несмотря на однаковость источниковъ средствъ, какъ расходъ на каждаго больного по губерніямъ, такъ и условія довольствія больныхъ и медицинскаго о нихъ попеченія поражаютъ своимъ разнообразіемъ: что въ одной губерніи считается возможнымъ и удовлетворительнымъ, то въ сосѣдней — не допускается и бракуется какъ несовершенное и непригодное. Конечно, такое разнообразіе, ничѣмъ не вызываемое и не оправдываемое, въ значительной мѣрѣ зависитъ, между прочимъ, и отъ неизвѣстности однихъ земствъ о дѣятельности другихъ, отъ отсутствія сравнительныхъ изслѣдованій, сводовъ и т. п. Правда, въ силу обычая земства обмѣниваются другъ съ другомъ своими изданіями, но, не говоря уже о томъ, что обычай этотъ выполняется управами далеко не всегда, крайнее разнообразіе формъ земскихъ отчетовъ, таблицъ и т. п. дѣлаетъ всякія сравненія и сводки крайне затруднительными, если не вовсе невыполнимыми. Да и кромѣ того выборка изъ груды изданій тѣхъ или другихъ свѣдѣній, дѣлаемая безъ опредѣленной системы, а лишь по встрѣтившемуся на практикѣ вопросу, настолько сложна и требуетъ такого большого труда, что совершенно недоступна даже для наиболѣе энергическихъ земскихъ учрежденій и дѣятелей. Такимъ образомъ, громадный хозяйственный опытъ общественныхъ учрежденій, оставаясь достояніемъ отдѣльныхъ административныхъ единицъ, не приноситъ ни малѣйшей пользы остальнымъ, такъ какъ остается имъ неизвѣстнымъ. Десятки и сотни земствъ и городовъ ведутъ свое дѣло совершенно изолированно, не имѣя возможности заимствовать другъ у друга удачныя нововведенія и пользоваться взаимною помощью и поддержкой.

Предсѣдатель Касимовской земской управы, г. Оленинъ, совершенно справедливо характеризуетъ эту сторону земской дѣятельности слѣдующими словами:

„Земскія учрежденія дѣйствуютъ порознь, каждое на свой образецъ, безъ достаточной связи между собою; мѣропріятія, удавшіяся въ одномъ земствѣ, нерѣдко неизвѣстны въ другомъ... Эта разрозненность земствъ отражается на самой плодовитости земской работы. Вслѣдствіе такого отсутствія единства, одни земства идутъ впередъ, въ то время какъ другія еще только ступаютъ на пройденный уже ими путь и лишь случайно имѣютъ возможность пользоваться чужимъ опытомъ“ [1].

По всякой отрасли мѣстнаго управленія—будь то хозяйственная часть народнаго образованія, продовольственная или медицинская часть, пути сообщенія, взаимное страхованіе и пр. и пр.— существуетъ цѣлая спеціальная литература, постоянно пополняемая отдѣльными изслѣдованіями, брошюрами и статьями въ

[1] См. *Недѣля* № 51 за 1897 г. ст. А. Пругавина „Ходатайство о земской печати“.

Digitized by Google

общей печати. Но весь этотъ матеріалъ до такой степени разбросанъ и появляется въ такомъ необработанномъ видѣ, что доступенъ для пользованія лишь лицамъ спеціально посвятившимъ себя изученію теоретической стороны дѣла, а не рядовому служебному персоналу общественныхъ учрежденій, который не обладаетъ досугомъ для кропотливаго собиранія и систематизаціи отдѣльныхъ наблюденій и частныхъ фактовъ. При всякомъ сколько нибудь серьезномъ предпріятіи по общественному хозяйству, исполнительнымъ земскимъ и городскимъ органамъ приходится искать справокъ чуть не по всей Россіи и въ концѣ концовъ все-таки довольствоваться лишь кое-какими свѣдѣніями,— не говоримъ уже про массу труда, непроизводительно затрачиваемаго для каждаго такого собиранія. Все, начиная съ установленія возможно полнаго однообразія въ формахъ отчетовъ, счетоводства и т. п. и кончая систематическими обзорами и сравнительными этюдами дѣятельности земствъ по различнымъ отраслямъ ихъ вѣдѣнія, все это совершенно недоступно отдѣльнымъ областнымъ учрежденіямъ и, наоборотъ, легко осуществимо распоряженіемъ центральнаго правительства.

Форма, въ которой могла бы, напримѣръ, проявиться дѣятельность высшаго правительства въ указанномъ нами отношеніи— это ежегодные отчеты, періодическіе обзоры и т. п. Если необходимость годичнаго отчета по губернскому земскому страхованію не возбуждаетъ никакого сомнѣнія съ точки зрѣнія интересовъ земства данной губерніи, то съ точки зрѣнія интересовъ государственныхъ нельзя не признать безусловной полезности такихъ же ежегодныхъ отчетовъ о ходѣ этой отрасли мѣстнаго управленія во всей Имперіи. То же можно, конечно, сказать и о другихъ сторонахъ земской дѣятельности.

Большое значеніе для достиженія указанной цѣли могло бы имѣть изданіе періодическаго органа, посвященнаго серьезнымъ практическимъ нуждамъ мѣстнаго управленія всей вообще Имперіи. Въ матеріалахъ для такого изданія по вышеприведеннымъ соображеніямъ не было бы недостатка. То же самое можно сказать о рабочихъ силахъ и средствахъ. Въ послѣднее время обзавелись своими органами печати вѣдомства, не имѣвшія ихъ въ позапрошлое царствованіе. Такъ, Министерство Финансовъ основало *Вѣстникъ Финансовъ и Русское Экономическое Обозрѣніе*, Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ,—свои *Извѣстія*, *Земледѣльческую Газету и Журналъ Семскаго Хозяйства и Лѣсоводства* [1], Министерства Юстиціи и Путей Сообщенія—свои *Журналы*. Даже для содѣйствія промышленности и торговли, которымъ начало частной иниціативы, казалось бы, должно быть наиболѣе свойственно, пять лѣтъ тому назадъ была основана Министерствомъ Финансовъ *Торгово-Промышленная Газета* [2].

[1] Хотя и существуетъ довольно много частныхъ изданій, посвященныхъ сельскому хозяйству и лѣсоводству.

[2] Такимъ образомъ Министерство Финансовъ располагаетъ *тремя* органами: ежедневнымъ, еженедѣльнымъ и ежемѣсячнымъ.

Digitized by Google

Многія вѣдомства, кромѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и ранѣе имѣли свои органы.—Такъ, Военное Министерство имѣетъ цѣлый рядъ изданій: *Русскій Инвалидъ*, *Военный Сборникъ*, *Инженерный Журналъ* и т. п; Морское Министерство—*Морской Сборникъ*; Вѣдомство Св. Синода—*Церковныя Вѣдомости*; Министерство Иностранныхъ Дѣлъ—*Journal de St.-Pétersbourg*, Тюремное Вѣдомство—*Тюремный Вѣстникъ*; Почтово-Телеграфное управленіе, Министерство Народнаго Просвѣщенія и Государственное Коннозаводство—свои *Журналы* и т. д.

Правда, *Правительственный Вѣстникъ* издается Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но это офиціальное изданіе скорѣе принадлежитъ всему высшему правительству, всѣмъ его вѣдомствамъ, чѣмъ одному Министерству. Наконецъ, форма ежедневной газеты не представляется удобною для обстоятельныхъ изслѣдованій и спеціальныхъ обзоровъ. Поэтому пишущій эти строки полагалъ бы, что предпринятіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ особаго періодическаго изданія, посвященнаго мѣстному управленію и по своей внѣшней формѣ приспособленнаго именно къ этой цѣли, было бы вполнѣ своевременнымъ.

Вообще едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что мѣстное управленіе какъ городское, такъ и земское нуждаются въ печатномъ органѣ, спеціально посвященномъ ихъ интересамъ. Сосредоточіе же громадной массы матеріаловъ по мѣстному управленію, юридическая опытность въ спеціальныхъ частяхъ права, наконецъ, интересы надзора, попечительности и объединенія дѣятельности мѣстныхъ учрежденій—все это указываетъ, что такой органъ долженъ быть осуществленъ и распространенъ распоряженіемъ и средствами правительства, т.-е. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ пользу необходимости изданія особаго органа, посвященнаго дѣламъ внутренняго управленія, возможно привести и нѣкоторыя данныя изъ прошлаго нашей государственной практики. Такъ, не только наука и народное образованіе, но книгоиздательство и повременная печать появились у насъ подъ покровительствомъ правительства и даже прямо по административнымъ распоряженіямъ. Преобладающее большинство повременныхъ изданій еще недавно, по крайней мѣрѣ, принадлежало правительству и редижировалось государственными чиновниками. Не говоримъ уже объ изданіяхъ справочнаго характера, но даже всѣ лучшіе печатные органы по спеціальнымъ отраслямъ знанія въ царствованіе Николая Павловича издавались правительствомъ: таковы журналы: *Министерства Юстиціи*, *Горный*, *Сельскаго Хозяйства*, *Морской Сборникъ*, *Военный Сборникъ* и т. д....

Былъ тогда и печатный органъ внутренняго управленія—*Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, издававшійся ежемѣсячно съ 1829 по 1861 г.

Первымъ редакторомъ его былъ Н. И. Гречъ. Затѣмъ въ составѣ редакціи были имена извѣстныхъ литераторовъ, какъ, на-

Digitized by Google

примѣръ: Заблоцкаго-Десятовскаго, кн. Одоевскаго, Веневитинова, Крылова, Надеждина, Н. А. Милютина, В. Ѳ. Корша и др. Въ первый годъ у журнала было 2500 подписчиковъ, а къ 1861 г. число это возросло до 5300. Прекращеніе изданія связано съ возникновеніемъ ежедневнаго органа Министерства *„Сѣверной Почты“*.

Всѣ эти изданія, хотя и отличаются нѣкоторою офиціальною сухостью, все же представляютъ драгоцѣнное собраніе матеріаловъ для всякаго спеціалиста и въ свое время были почти единственными свѣточами знанія. Но такая попечительная забота правительства въ шестидесятыхъ годахъ, къ сожалѣнію, была оставлена подъ вліяніемъ оптимистической мысли, что стоитъ только дать просторъ частной инціативѣ, какъ повременная печать, не только общая, но и спеціальная, достигнетъ такого развитія и успѣха, какого не въ состояніи дать имъ правительственное участіе. Вслѣдствіе господства такого мнѣнія въ правительственныхъ сферахъ не только пріостановлено было дальнѣйшее предпріятіе изданій по спеціальнымъ отраслямъ знанія, но были прекращены и нѣкоторыя изъ прежнихъ, успѣвшихъ доказать свою полезность, журналовъ и сборниковъ.

Между тѣмъ развитіе государственной жизни и производительныхъ силъ страны болѣе чѣмъ когда-нибудь вызывало необходимость изданій, посвященныхъ текущей разработкѣ множества возникающихъ вопросовъ по разнымъ отраслямъ научныхъ и прикладныхъ знаній.

Извѣстно, что частное издательство, разсчитанное на обычную коммерческую прибыль, не въ состояніи у насъ справиться съ этою задачей. Такъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ изданія серьезнаго частнаго юридическаго журнала, въ 1895 году Министерство Юстиціи должно было вновь возвратиться къ мысли о возстановленіи стараго своего журнала, хотя нельзя сказать, чтобы частныя юридическія изданія у насъ совершенно отсутствовали: такъ у насъ имѣются: ежемѣсячный *Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества*, *Сборникъ Правовѣдѣнія Московскаго Юридическаго Общества* и двѣ юридическія газеты.

Мотивами къ этому рѣшенію Министерства явились слѣдующія соображенія: „пріостанавливая дѣятельность своихъ изданій въ шестидесятыхъ годахъ, Министерство разсчитывало въ то время на появленіе частныхъ юридическихъ газетъ и журналовъ, которые примутъ на себя задачу поддерживать интересъ къ юридическому знанію въ обществѣ и въ средѣ судебнаго вѣдомства, и тѣмъ самымъ съ успѣхомъ замѣнять собою существованіе офиціальныхъ органовъ. Этимъ надеждамъ, однако, не суждено было оправдаться. Какъ показалъ опытъ послѣдующаго времени, всѣ попытки частныхъ предпринимателей юридическихъ изданій оканчивались, вслѣдствіе разныхъ причинъ, неудачей и матеріальными потерями“. [1]

[1] См. *Русскія Вѣдомости* № 132, 1894 г.

Digitized by Google

Другими словами и въ этой области науки и знанія, точно такъ же, какъ и во многихъ другихъ областяхъ, намъ довелось придти къ вполнѣ отчетливому сознанію, какъ ошибочны были упованія, возлагавшіяся въ шестидесятыхъ годахъ на частную инціативу, на „самостоятельность общества“ и т. п. Все это были прекрасныя слова, изъ которыхъ вышло весьма немногое.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что фактически правительство давно уже оставило надежду на частную предпріимчивость въ дѣлѣ изданія по многимъ спеціальнымъ отраслямъ знанія и государственнаго управленія; но, какъ мы уже упомянули объ этомъ выше, есть еще одна отрасль, ожидающая правительственной инціативы въ этомъ отношеніи—это областное и мѣстное управленіе. Частныя попытки изданій, посвященныхъ этому предмету, не имѣли успѣха. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ существовала одна газета съ программой, въ основѣ которой лежало содѣйствіе земскимъ учрежденіямъ и объединенію ихъ, но главною цѣлью ея была, повидимому, пропаганда конституціонныхъ идей, а отнюдь не служеніе интересамъ мѣстнаго управленія, почему изданіе это и было запрещено правительствомъ. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время нѣтъ ни одного органа печати, программу котораго составляли бы многочисленные, чисто дѣловые и практическіе вопросы земскаго и городскаго благоустройства

До сихъ поръ мы упоминали преимущественно о земскомъ и городскомъ хозяйствѣ. Но въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ имѣется весьма обширная отрасль управленія—учрежденія, созданныя мѣстною реформой 1889 г. Дѣятельность ихъ нуждается въ неменьшемъ освѣщеніи путемъ печатнаго слова и порождаетъ множество темъ для обсужденія и обмѣна мыслей. То же можно сказать и про обширную область полиціи безопасности—конечно, въ тѣхъ предѣлахъ гласности, который допускается особенностями этой области. Принимая же въ уваженіе, что учрежденіе отдѣльныхъ повременныхъ изданій по каждой изъ этихъ отраслей едва ли вызывалось бы необходимостью, мы придемъ къ заключенію, что наиболѣе соотвѣтствующею практическимъ нуждамъ внутренняго управленія была бы форма органа, обнимающаго въ своей программѣ всю подвѣдомственность Министерства и выходящаго въ видѣ книжекъ извѣстное число разъ въ годъ. Примѣнительно къ существующимъ уже правительственнымъ органамъ такое изданіе могло бы быть названо *Журналомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* и могло бы выходить ежемѣсячно.

Въ такомъ органѣ должны найти себѣ выраженіе разносторонніе взгляды и указанія практическихъ дѣятелей областной администраціи по тѣмъ или другимъ частнымъ вопросамъ общественнаго хозяйства, а также разсужденія о проектахъ и мѣропріятіяхъ, касающихся мѣстнаго управленія и его отдѣльныхъ отраслей.

Въ послѣднее время въ государственный обычай вошли совѣ-

Digitized by Google

щанія съ представителями науки и практики едва ли не по всѣмъ наиболѣе вижнымъ законопроектамъ. Предположенный *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, представляя средство къ широкому обмѣну мыслей частныхъ лицъ и государственныхъ дѣятелей, далъ бы, быть можетъ, возможность не прибѣгать къ подобнымъ совѣщаніямъ—по крайней мѣрѣ по второстепеннымъ вопросамъ.

Немаловажною побудительною причиной къ изданію правительственнаго органа, посвященнаго преимущественно интересамъ областнаго и мѣстнаго управленія, должно признать также давно уже существующее въ средѣ земскихъ дѣятелей стремленіе къ предпринятію подобнаго изданія какимъ-либо отдѣльнымъ земствомъ или соединенными земствами нѣсколькихъ губерній. Мысль объ этомъ проводится давно, въ послѣднее же время она высказывается все чаще и чаще. Такъ въ № 238 *Русскихъ Вѣдомостей* отъ 29 августа 1896 г. мы читаемъ: „Въ земскихъ кругахъ давно сознается важность освѣщенія, подготовки и разработки текущихъ вопросовъ земской жизни, именно при помощи обсужденія ихъ въ печати. Если, однако, мѣстныя изданія этого рода желательны, то еще болѣе важнымъ, какъ не разъ заявлялось земскими дѣятелями при обсужденіи этого вопроса, было бы возникновеніе такого мѣстнаго журнала, который избралъ бы спеціальною задачей обсужденіе широкаго круга дѣлъ, входящихъ въ область мѣстнаго управленія и хозяйства. Подобное изданіе, дѣйствительно, могло бы принести пользу земскимъ учрежденіямъ, такъ какъ въ общей прессѣ интересующіе ихъ вопросы по необходимости разрабатываются не съ достаточною полнотой, а журналы, служащіе органами отдѣльныхъ земствъ, даже въ томъ случаѣ, если ихъ будетъ много, имѣя сравнительно небольшой кругъ читателей, каждый въ предѣлахъ одной губерніи,—не могутъ замѣнить изданія, не связаннаго съ интересами какой-либо отдѣльной мѣстности, хотя и посвященнаго спеціально дѣлу мѣстнаго самоуправленія“.

Происходившее въ концѣ прошлаго 1897 г. очередное костромское губернское земское собраніе, между прочимъ, постановило: „признавая полезнымъ для всякаго губернскаго земства пользоваться опытомъ другихъ земствъ, собраніе поручило управѣ снестись съ другими земствами по вопросу о созданіи общеземскаго печатнаго органа“.

Но кто же могъ бы предпринять такое изданіе? Земскіе органы одной изъ губерній не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ это превышало бы ихъ компетенцію, а нѣсколько губерній или даже всѣ губерніи, въ которыхъ введены земскія учрежденія, не имѣютъ общихъ органовъ. Остаются лишь центральныя учрежденія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, коимъ ввѣренъ надзоръ и попечительство надъ земскими установленіями и *объединеніе ихъ дѣятельности*, т. е. мы неизбѣжно приходимъ къ тому выводу, который составляетъ главное содержаніе настоящей статьи.

Digitized by Google

Но еслибы даже земскія учрежденія и нашли какой нибудь способъ къ осуществленію упомянутаго изданія, съ политической точки зрѣнія нельзя не отдать предпочтенія органу правительственному, такъ какъ извѣстно постоянное стремленіе земскихъ учрежденій и дѣятелей расширить предѣлы своей компетенціи и такъ какъ трудно ожидать, чтобы это стремленіе, въ той или другой формѣ, не стало бы проявляться въ упомянутомъ изданіи, вызывая необходимость со стороны правительства репрессивныхъ мѣръ, примѣненіе которыхъ всегда сопряжено съ большими неудобствами.

Въ заключеніе предусматриваемъ одно возраженіе. Говорятъ: „земскія учрежденія дѣйствуютъ разрозненно, но ни въ какомъ объединеніи ихъ нѣтъ и надобности. Если одни дѣятели дѣлаютъ ошибки, ведутъ хозяйство неуспѣшно, пусть ихъ смѣнятъ другіе—вотъ и всё".

Но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что обнаружить и эти ошибки, и эту неуспѣшность въ извѣстныхъ случаяхъ только и возможно путемъ сравненія между собой мѣстныхъ хозяйствъ, что и должно составлять одинъ изъ пунктовъ программы проектируемаго органа. Затѣмъ, можно ли винить дѣятелей за невольныя ошибки, совершаемыя только потому, что имъ неизвѣстенъ горькій опытъ сосѣдей?

Конечно, объединеніе дѣятельности мѣстныхъ общественно-хозяйственныхъ органовъ, о которомъ мы говоримъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ „объединеніемъ", которое грезится нашимъ земскимъ конституціоналистамъ, „объединеніемъ" какой-то „земской силы", противопоставляемой силѣ государственной. Но отрицательное отношеніе ко всякимъ попыткамъ „объединенія" послѣдняго рода едва ли помѣшаетъ объединенію, составляющему предметъ настоящей статьи,—объединенію дѣловому, долженствующему возникнуть на почвѣ дѣйствительныхъ практическихъ нуждъ и въ предѣлахъ законной компетенціи земскихъ учрежденій.

Конечно, всѣ истинные ревнители просвѣщенія искренне радуются учрежденію въ Кіевѣ политехническаго института, а еще болѣе тому, какъ, какими средствами, учреждается это высшее учебное заведеніе. Отрадная черта въ этомъ дѣлѣ заключается въ томъ, что институтъ въ нѣкоторой долѣ будетъ обязанъ своимъ существованіемъ частной иниціативѣ и частнымъ средствамъ. Исключительно на казенныя деньги, источникомъ которыхъ служатъ налоги, не трудно завести какія угодно учебныя заведенія; но можетъ случиться, что такое заведеніе не будетъ соотвѣтствовать ни состоянію народныхъ средствъ, ни дѣйствительной потребности. Совсѣмъ другое частная иниціатива: если находится болѣе или менѣе значительное число людей, добровольно жертвующихъ свои средства на извѣстное дѣло, то можно быть

Digitized by Google

увѣреннымъ, что дѣло это необходимо и что на него имѣются у населенія достаточныя средства.

Но въ частностяхъ возникновенія Кіевскаго Политехническаго института есть одна черта, способная заставить задуматься: мы говоримъ о подвѣдомственности института. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ онъ будетъ находиться въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ.

Извѣстно, что въ семидесятыхъ годахъ Петербургскій Технологическій Институтъ былъ въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ, а Московское Техническое Училище въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи. Но учебныя заведенія эти съ тѣхъ поръ давно уже перешли въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Въ вѣдѣніи этого же Министерства нынѣ состоитъ и Рижскій Политехникумъ, и Харьковскій Технологическій Институтъ, и, наконецъ, всѣ вновь учреждаемыя разнородныя промышленныя училища. Конечно, такое сосредоточеніе разбросанныхъ по разнымъ вѣдомствамъ техническихъ училищъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія было дѣломъ строго обдуманнаго плана, для осуществленія котораго приходилось преодолѣть не мало затрудненій административнаго свойства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія сформировалась и высшая спеціальная администрація по завѣдыванію высшими техническими учебными заведеніями,— администрація, содержаніе которой, конечно, стоитъ казнѣ извѣстныхъ средствъ.

И вотъ, когда планъ этого сосредоточенія техническихъ учебныхъ заведеній въ одномъ вѣдомствѣ можно было считать получившимъ твердое основаніе, мы узнаемъ, что вновь открываемое обширное высшее техническое учебное заведеніе будетъ не въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ.

Для высшаго надзора и управленія за Кіевскимъ Политехникумомъ въ Министерствѣ Финансовъ нѣтъ спеціальнаго, компетентнаго органа, а потому, надо думать, таковой органъ будетъ созданъ. Такимъ образомъ у насъ будетъ уже два высшихъ органа по завѣдыванію высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній: одинъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, другой въ Министерствѣ Финансовъ. Какимъ образомъ подѣлятъ они между собой свою тожественную компетенцію — территоріально или инымъ какимъ-нибудь путемъ — это трудно себѣ даже и представить. Во всякомъ случаѣ одновременное существованіе такихъ органовъ имѣетъ всѣ признаки едвали полезнаго въ государствѣ двоевластія.

Можетъ быть, скажутъ, что никакого особаго органа для надзора за высшими техническими учебными заведеніями въ средѣ Министерства Финансовъ и не будетъ учреждено. Но такое предположеніе кажется намъ еще менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ только что изложенное. Какъ, неужели можно признать нормальнымъ, что, тогда какъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія существуетъ особый, вполнѣ компетентный и пріобрѣтшій достаточ-

Digitized by Google

ную опытность спеціальный органъ по надзору за техническими учебными заведеніями,—одно высшее техническое учебное заведеніе ставится въ особыя условія, и высшій надзоръ и наблюденія за нимъ поручаются какому либо изъ органовъ другого Министерства, въ основныя задачи котораго управленіе техническимъ образованіемъ отнюдь не входитъ.

Учрежденіе Кіевскаго Политехникума въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ мотивируется въ печати исключительно однимъ обстоятельствомъ, а именно: частныя лица пожертвовали на устройство политехническаго института милліонъ рублей, поставивъ при этомъ только одно условіе—чтобы институтъ состоялъ въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ. Какіе мотивы руководили жертвователями при постановкѣ этого условія—въ печати не сообщалось. Но, каковы бы они ни были, мы сомнѣваемся въ ихъ убѣдительности.

Техническое образованіе есть не болѣе какъ отрасль народнаго образованія въ его цѣломъ, а потому и не можетъ выдѣляться изъ управленія народнымъ образованіемъ вообще. Во всякомъ случаѣ для такого выдѣленія, для того чтобъ измѣнять существующій порядокъ, нужны вѣскіе доводы, вмѣсто которыхъ мы только и имѣемъ что пожеланіе жертвователей. Но съ волей жертвователя слѣдуетъ и можно считаться лишь постольку, поскольку она не нарушаетъ другихъ существенныхъ интересовъ. Между тѣмъ едва ли можно это утверждать въ данномъ случаѣ: двоевластіе и смѣшеніе предметовъ вѣдомства министерствъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть желательными.

Представьте себѣ, что кто нибудь пожертвовалъ нѣкоторую сумму на устройство классической гимназіи съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ эта гимназія находилась... ну хоть въ вѣдѣніи почтово-телеграфнаго управленія. Правильно ли было принять такое условіе жертвователя?

Но при этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что кіевскіе жертвователи только и даютъ что одинъ милліонъ единовременно. Такая жертва значительна лишь относительно, такъ какъ содержаніе института будетъ на счетъ казны, да кромѣ того казнѣ же придется, вѣроятно, добавить крупную сумму и на первоначальное устройство заведенія. А вѣдь содержаніе политехникума едва ли можетъ обойтись менѣе чѣмъ въ 250 тысячъ *ежегодно*. Что же въ сравненіи съ этимъ одинъ милліонъ единовременно? И тѣмъ не менѣе выходитъ, что рѣшающее значеніе въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ подвѣдомственность заведенія, какъ бы принадлежитъ не правительству, а жертвователямъ...

А. Елишевъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ.

1) ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Истекшее съ послѣдняго нашего обозрѣнія время чреваго выдающимися по своей важности событіями. Прежде всего, конечно, наше вниманіе привлекаютъ пушечные выстрѣлы, раздающіеся на двухъ океанахъ, причемъ до насъ доносятся стоны раненыхъ и умирающихъ, причемъ нашъ взоръ ослѣпляетъ видъ пылающихъ зданій, взрываемыхъ судовъ и морской воды, окрашиваемой человѣческою кровью.

Дикое, ужасное, страшное и кровь леденящее зрѣлище, зрѣлище войны, войны морской, слѣдовательно тѣмъ болѣе безпощадной и безсмысленной!...

Да, канунъ XX вѣка ознаменовывается войнами. Не успѣла кончиться греко-турецкая война, едва замолкли послѣдніе отголоски выстрѣловъ съ Балканскаго полуострова, какъ міръ былъ пораженъ извѣстіемъ о серьезной размолвкѣ между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Испаніей.

Несмотря на попытки къ примиренію, исходившія съ одной стороны отъ представителей европейскихъ державъ, съ другой отъ Римскаго первосвященника, война все-таки вспыхнула и за короткое время успѣла положить уже не мало жертвъ. Сперва казалось, что счастье войны было на сторонѣ Соединенныхъ Штатовъ, по крайней мѣрѣ на Филиппинскихъ островахъ у Манилльскаго порта американскій флотъ одержалъ большую побѣду надъ испанскимъ, почти всѣ суда коего были уничтожены...

Но этимъ и ограничились побѣдоносныя дѣйствія Американскаго флота, и даже на Филиппинскихъ островахъ онъ долженъ былъ ограничиться разгромомъ испанскаго флота... и затѣмъ спокойно и въ полномъ бездѣйствіи ждать прибытія изъ Америки подкрѣпленій, на досугѣ занимаясь вылавливаніемъ ружей и другихъ военныхъ припасовъ съ затонувшихъ испанскихъ судовъ.

Но подкрѣпленія врядъ ли скоро подоспѣютъ къ Филиппинскимъ островамъ: во-первыхъ, въ виду дальности разстоянія, а

Digitized by Google

во-вторыхъ въ виду того, что у Кубы, изъ-за которой-то и загорѣлся весь сыръ-боръ, американцамъ сразу не повезло. Да если бы помощь и подоспѣла, то особой пользы американскому побѣдоносному флоту, стоящему подъ Маниллой она бы не принесла. Еще морскія силы Соединенныхъ Штатовъ хоть куда нибудь да годятся, но ихъ сухопутныя войска могутъ вызвать только улыбку и смѣхъ у каждаго мало-мальски знакомаго съ положеніемъ военнаго дѣла у насъ въ Европѣ. Американскія сухопутныя войска — это какія-то опереточныя. Въ самомъ дѣлѣ въ газетахъ разсказывались про нихъ прямо таки невѣроятныя вещи: одинъ изъ полковъ весь за исключеніемъ одного человѣка—отказался идти на войну. Въ другихъ полкахъ скандалы происходятъ за скандалами. Солдаты занимаются кражами и мародерствомъ, при чемъ ихъ начальники явно покровительствуютъ имъ. Дисциплины въ войскахъ никакой.

Командиръ 14 полка, полковникъ Грантъ, отказалъ въ отпускѣ одному изъ солдатъ, у котораго въ семьѣ кто-то заболѣлъ. Солдатъ передъ фронтомъ съ озлобленіемъ объявилъ полковнику, что онъ все равно уйдетъ. Полковникъ приказалъ капитану снять съ солдата форму и съ позоромъ изгнать его изъ лагеря. Когда начали приводить въ исполненіе приказъ полковника, солдаты вмѣшались, произошла свалка, и въ результатѣ солдатъ сохранилъ форму и получилъ отпускъ.

Разумѣется, съ такою арміей и съ такими солдатами ничего не подѣлаешь, несмотря на милліоны и милліарды долларовъ, которые янки такъ щедро тратятъ на настоящую войну. Доллары уйдутъ отъ нихъ, но побѣды они имъ не принесутъ, ибо побѣды не покупаются, а пріобрѣтаются цѣной крови, цѣной патріотическихъ жертвъ и усилій.

У испанцевъ много патріотизма, но мало средствъ, и все это вмѣстѣ взятое можетъ затянуть испано-американскую войну до безконечности.

Война войнѣ рознь. Мы вовсе не противники законной и справедливой войны. Бываютъ положенія, когда каждое государство, сколько нибудь себя уважающее, бываетъ вынуждено вести войну. „Война есть учрежденіе божественное“, часто говаривалъ покойный К. Н. Леонтьевъ, этотъ славный русскій мыслитель и публицистъ, столь мало еще нами оцѣненный. Проповѣдь мира ради мира, раздающаяся за послѣднее время въ Европѣ съ легкой руки истеричной г жи Суттнеръ, намъ лично менѣе всего симпатична, такъ какъ она слишкомъ отзывается болѣзненнымъ декадентствомъ „конца вѣка“.

Другое дѣло—то стойкое, полное достоинства и мужества миролюбіе, провозвѣстникомъ котораго явился Великій Царь-Миротворецъ. Здѣсь миръ является не цѣлью самъ для себя. Россія утверждаетъ миръ не потому, что она противъ войны вообще, а потому что она противъ войны безцѣльной и несправедливой, потому что она понимаетъ, что насколько война, начатая за святое дѣло, является хорошимъ дѣломъ, настолько

Digitized by Google

же война, начатая по корыстнымъ побужденіямъ является дѣломъ гадкимъ и беззаконнымъ.

Между тѣмъ Испано-Американская война именно и является вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ беззаконною и несправедливою. Испанцы уже апеллировали къ общему чувству справедливости, жалуясь на нарушеніе Соединенными Штатами международнаго права, и въ этомъ отношеніе трудно не стать на сторону Испаніи. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ вызвана Испано-Американская война? Кубскимъ вопросомъ? Но, что это за вопросъ, и въ чемъ его значеніе? Какъ знаютъ наши читатели, островъ Куба издавна принадлежитъ Испаніи, которая, худо-ли хорошо-ли, поддерживала на немъ порядокъ и заботилась о процвѣтаніи острова; таковыя заботы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и дали вполнѣ хорошіе результаты. Что же мы видимъ далѣе? Шайка людей, состоящая изъ подонковъ общества и разныхъ авантюристовъ самаго низшаго разбора, для которыхъ нѣтъ уже и не можетъ быть ничего святого въ жизни, затѣяла безсмысленное и дикое возстаніе противъ метрополіи съ цѣлью обращенія острова въ самостоятельную единицу, конечно, съ республиканскимъ образомъ правленія, какъ такимъ, который наиболѣе обезпечиваетъ безнаказанность всякимъ проходимцамъ и охотникамъ пожить широко за чужой счетъ и безъ всякаго труда. Испанское правительство, вполнѣ естественно, хотѣло подавить это возмущеніе небольшой части своихъ подданныхъ, но, увы, его желанія разбились о противодѣйствіе испанскихъ либераловъ, случайно очутившихся у власти.

Испанія тоже вкусила отъ плодовъ парламентаризма, и въ ней, какъ и въ другихъ странахъ съ правовымъ порядкомъ, истина, право и справедливость дѣлаются игрушками раздраженныхъ страстей или обращаются въ какія-то лотерейныя фишки, подчиненныя вполнѣ слѣпой случайности.

Во имя отвлеченной гуманности былъ положенъ конецъ строгимъ мѣрамъ противъ кубскихъ инсургентовъ, а тѣ, почуя подъ собой болѣе твердую почву, конечно, не стали разыгрывать сентиментальной исторіи, а стали все болѣе и болѣе навербовывать себѣ сторонниковъ.

Тогда Соединенные Штаты стали какъ бы интересоваться судьбой острова Кубы, и американскія газеты, отличающіяся, какъ извѣстно, не только своими размѣрами, но и своею продажностью, стали кричать на всѣ голоса о необходимости для Соединенныхъ Штатовъ вмѣшаться въ распрю о. Кубы съ его метрополіей и помочь кубскимъ инсургентамъ свергнуть съ себя ненавистное дѣло.

Конечно, мнимыя заботы Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ о свободѣ острова Кубы никого не могли обмануть, ибо для всѣхъ, какъ дважды два четыре, стало яснымъ, что дѣятели повседневной печати Соединенныхъ Штатовъ имѣли при этомъ въ виду вовсе не интересы кубскихъ инсургентовъ, а просто-на-просто коммерческіе интересы Соединенныхъ Шта-

Digitized by Google

товъ, которые, конечно, сумѣли бы быстро извлечь всѣ соки изъ обильнаго всякими природными богатствами острова.

Это быстро было понято въ Европѣ, симпатіи которой съ удивительнымъ единодушіемъ обратились на Испанію; это понятно еще и по другимъ причинамъ: Испанія—коренная европейская страна, воспитанная и взросшая на европейской культурѣ. Это страна своеобразная и оригинальная,—словомъ, страна культурная. Другое дѣло—Соединенные Штаты, представляющіе собой какой-то хаотическій конгломератъ всевозможныхъ расъ, національностей и культуръ, давнымъ давно уже нивеллированныхъ въ одномъ общемъ безотрадномъ космополитизмѣ.

Испанія родственна по духу всей Европѣ, а въ томъ числѣ и намъ, ибо и мы привнесли въ свою національную культуру все, что было выработано лучшаго западно-европейскою цивилизаціей.

А между тѣмъ война все затягивается и затягивается, а, несомнѣнно, что, чѣмъ дольше затянется война, тѣмъ положеніе какъ воюющихъ сторонъ, такъ и нейтральныхъ державъ будетъ становиться все болѣе и болѣе щекотливымъ, и трудно, даже гадательно, предположить, чѣмъ можетъ окончиться нынѣшняя испано-американская война.

Допустимъ, что американцы завладѣютъ Филиппинскими островами окончательно,—такъ что возникаетъ вопросъ о судьбѣ этихъ острововъ.

На нихъ точатъ свои зубы и Англія, и Японія, и въ особенности первая не прочь завладѣть ими или, по крайней мѣрѣ, хотя частью ихъ.

Наврядъ ли, однако, это понравится державамъ, имѣющимъ интересы на дальнемъ Востокѣ, и, дѣйствительно, уже теперь германская печать высказывается въ томъ духѣ, что присоединеніе Филиппинскихъ острововъ въ ихъ цѣломъ или частью къ Англіи можетъ послужить для Германіи своего рода casus'омъ belli въ виду крупныхъ торговыхъ интересовъ Германіи на этихъ островахъ.

Съ другой стороны все сильнѣе и сильнѣе начинаютъ проявляться симпатіи южно и средне-американскихъ республикъ къ единокровной и единовѣрной Испаніи, и, въ концѣ-концовъ, эти симпатіи могутъ побудить эти республики вступиться за Испанію открыто, такъ что тогда вся Америка обратится въ громадный очагъ войны, въ которую невольно будутъ втянуты и тѣ европейскія державы, которыя имѣютъ тамъ какіе бы то ни было коммерческіе интересы.

Соображая все это, невольно начинаешь думать: не пора ли европейскимъ державамъ вмѣшаться, съ цѣлью прекращенія войны между Соединенными Штатами и Испаніей, пока еще не поздно.

Дважды уже такое вмѣшательство европейскихъ державъ принесло благіе результаты; отчего бы не попробовать и въ третій разъ?

Digitized by Google

Второе крупное событіе за истекшій періодъ времени это кончина Гладстона. *Русское Слово*, посвящая передовую статью памяти почившаго, писало:

„Умеръ великій старецъ. Стоитъ произнести эти слова, чтобы каждый понялъ, что рѣчь идетъ о В. Гладстонѣ, этомъ выдающемся государственномъ дѣятелѣ Англіи, передъ умомъ и благородствомъ характера котораго давно уже преклонился весь просвѣщенный міръ.

„Судьба Гладстона особенно замѣчательна.

„Хотя карьера его была и блестящею, но не въ этомъ заключается сущность того обаянія, которымъ всегда было окружено его имя, такъ какъ въ міровой исторіи извѣстно много примѣровъ еще болѣе блестящихъ и славныхъ карьеръ.

„Быть можетъ даже, какъ указываютъ многіе, дѣятельность Гладстона на политическомъ поприщѣ была ошибочна и вредна, но это уже дѣло исторіи, и не въ этомъ сущность вопроса.

„Свою всемірную популярность и глубокое уваженіе къ себѣ всѣхъ дѣятелей, безъ различія направленій, В. Гладстонъ пріобрѣлъ дивнымъ обаяніемъ своей свѣтлой и чистой личности.

„Это была личность цѣлостная, съ убѣжденіями честными, ясными и непоколебимыми,—личность, для которой всякая сдѣлка съ совѣстью была невозможна.

„Прибавьте къ этому высокое индивидуальное развитіе, самое широкое и основательное образованіе, и вы поймете, почему въ Англіи народъ боготворилъ В. Гладстона, и онъ могъ увлекать его за собой куда угодно.

„Въ этомъ заключается великій урокъ для всѣхъ насъ,—урокъ, показывающій, что и теперь, и въ настоящее время, честность и непоколебимая твердость въ исповѣдываніи своихъ завѣтныхъ идеаловъ, въ концѣ-концовъ, всегда побѣждаетъ, заставляетъ все мыслящее человѣчество преклоняться предъ собой въ величайшемъ почтеніи.

„Самою лучшей эпитафіей для В. Гладстона являются слѣдующія слова, сказанныя о немъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкіимъ г. Вильсономъ, который вообще никогда не былъ другомъ и сторонникомъ В. Гладстона.

„„Что особенно бросается въ глаза во всей карьерѣ В. Гладстона, это его скрупулезное уклоненіе отъ всего нечестнаго.

„Не только онъ ни разу не бралъ для себя пенсіи изъ государственныхъ суммъ, но даже и будучи у власти не пользовался никогда своимъ именемъ для сомнительной наживы. Онъ никогда не путался съ биржей, ни одна акціонерная компанія не смогла привлечь его къ себѣ въ директоры, и ни одинъ финансистъ не имѣлъ возможности воспользоваться его именемъ для привлеченія публики““.

Лучшей похвалы нельзя было найти для В. Гладстона, и вотъ теперь, преклоняясь предъ его свѣжею могилой, намъ, русскимъ, среди всѣхъ народовъ просвѣщеннаго міра остается

Digitized by Google

только сказать: „вѣчная память великому старцу-идеалисту, вѣрившему еще въ то, что и въ политикѣ можно сохранить честность и благородство".

Франція была занята выборами въ палату депутатовъ. Въ нынѣшнемъ году эти выборы представляли, по крайней мѣрѣ для наблюдателей со стороны, особенный интересъ, ибо они показали, что и на западѣ парламентская идея потерпѣла почти полное крушеніе.

Давно ли было то время, когда энтузіасты всего міра видѣли въ парламентаризмѣ всеобщую панацею отъ всѣхъ золъ міра, долженствующую водворить всюду право и справедливость и низвести на землю блаженныя райскія времена, когда всѣ будутъ довольны и никто никого обижать не будетъ... И вотъ, чтобы ускорить наступленіе этого золотого вѣка, „парламентаризмъ" насаждался щедрою рукой вездѣ, гдѣ онъ былъ нуженъ и ненуженъ, начиная отъ великихъ европейскихъ державъ и кончая такими, только что вступавшими на путь самостоятельнаго существованія государственными единицами, какъ Болгарія и т. п.

Радостно вездѣ привѣтствовалась идея „парламентаризма", всюду возбуждала она самыя радужныя упованія, и всѣ съ какимъ-то восторгомъ и упоеніемъ отъ всей души и всего сердца отдавались служенію ей.

Но шли года, и ожидаемое царство мира и правды на землѣ не наступало. „Парламентаризмъ" не сдержалъ своихъ обѣщаній, и всеобщій восторгъ, вызванный было имъ вначалѣ, сталъ постепенно ослабѣвать и ослабѣвать.

Особенно рѣзко это ослабленіе энтузіазма къ идеѣ „парламентаризма" сказывается теперь на начавшихся выборахъ во французскую палату депутатовъ.

„Въ былое время, разсказываетъ парижскій корреспондентъ *Новаго Время*, это была самая горячечная пора въ жизни Парижа, все ступевывалось передъ ожесточенною борьбой партій или личностей, братъ, можно сказать, шелъ на брата, отецъ на сына. Сходки, на которыхъ говорили видные кандидаты, привлекали тысячи избирателей, гремѣли рѣчи, раздавались пощечины, потасовки переносились даже изъ стѣнъ залъ собраній на улицу. Саженныя афиши съ буквами, въ ладонь величиной, сверкали яркими цвѣтами на стѣнахъ города, наносили смертельныя оскорбленія, укоряли, клеветали, обѣщали, умоляли. И чувствовалось во всемъ этомъ кипѣніе жизни. Раскаленные до бѣлаго каленія тщеславія и честолюбія свидѣтельствовали по крайней мѣрѣ о томъ, что честь, которой добивались кандидаты, была близка ихъ сердцу, затрогивала ихъ за живое, что они ею дорожили пуще всего на свѣтѣ. Я помню, напримѣръ, фактъ, что кандидата-рабочаго Жафрена, съ наполовину изъѣденнымъ отъ рака лицомъ, почти умирающаго, приносили на сходку, и онъ находилъ въ себѣ энергію стать на ноги и говорить часами,

Digitized by Google

нападая на противниковъ, защищая свою программу. Со сходки его уносили прямо въ постель, гдѣ съ нимъ дѣлался бредъ".

Теперь уже не то, „теперь все это удивительно какъ выродилось. Агитація есть, но она какая-то сонная, никого она не интересуетъ. Даже кандидаты, при видѣ всеобщаго равнодушія, орудуютъ, спустя рукава, точно для очистки совѣсти".

Это, очевидно, начало конца. Обыватели разочаровались въ ожиданіяхъ, возлагавшихся на „парламентаризмъ", и ихъ энтузіазмъ къ нему наполовину остылъ. Теперь это уже не всеобщая панацея, не якорь спасенія, не величайшая идея XIX вѣка. Теперь это просто одна изъ государственныхъ повинностей, которую всѣ отбываютъ пока еще равнодушно, въ ожиданіи того времени, быть можетъ, отъ насъ уже и недалекаго, когда ею начнутъ и тяготиться, какъ лишнею и дорого-стоющею обузой.

Sic transit...

Но какъ бы то ни было, а въ концѣ-концовъ выборы состоялись и на нихъ одержало значительную побѣду именно министерство Мелина, заручившееся громаднымъ числомъ депутатовъ, симпатіи которыхъ будутъ несомнѣнно на его сторонѣ. Какъ оказывается, громовыя рѣчи вождя радикальной партіи Леона Буржуа, произнесенныя имъ на банкетѣ въ Больфорѣ и другихъ мѣстахъ во время избирательной агитаціи противъ умѣренно-республиканскаго кабинета Мелина, котораго онъ упрекалъ въ безпринципности его политики, не имѣющей никакой положительной программы,—не могли ничего сдѣлать, и радикалы остались въ значительномъ меньшинствѣ. То же самое можно сказать и про вождей консерваторовъ—Кошена, оппортюнистовъ—Пуанкарэ и соціалистовъ – Жореса, даже не попавшаго въ списокъ избранныхъ депутатовъ.

Орлеанисты или монархисты, офиціальнымъ политическимъ вождемъ которыхъ считается герцогъ де-Люинъ, личный другъ принца Орлеанскаго, непосредственно руководящій всею орлеанитскою пропагандой, получили очень небольшое число избирателей, но и тѣ будутъ на сторонѣ умѣренной республики, которую они условно уже признали. Преемники Луи-Филиппа такимъ образомъ объявляютъ войну только крайней радикальной республикѣ, сближаясь съ умѣренными-республиканцами, въ рукахъ которыхъ теперь находятся бразды правленія. О малочисленномъ остаткѣ легитимостовъ, приверженцевъ бурбоновъ, не желающихъ идти ни на какіе компромиссы и вмѣстѣ съ покойнымъ графомъ Шамборомъ доблестно предпочитающихъ переносить всякія невзгоды, чѣмъ поступиться хотя бы однимъ лепесткомъ бурбонскихъ „трехъ бѣлыхъ лилій", не приходится и говорить, такъ какъ они въ громадномъ большинствѣ умѣренныхъ-республиканцевъ совершенно и не замѣчаются и даютъ о себѣ знать только путемъ печати въ ихъ органахъ.

Несомнѣнно, что самую серьезную оппозицію кабинету Мелина въ предстоящемъ парламентѣ составятъ крайніе радикалы во главѣ съ ихъ вождемъ Леономъ Буржуа, уже вновь выбраннымъ

Digitized by Google

въ Шалонѣ-на-Марнѣ. Они поведутъ борьбу съ болѣе умѣренными элементами на почвѣ антиклерикальной и антиреставраціонной агитаціи, такъ какъ Буржуа уже разъ какъ-то заявилъ, что имъ „придется помѣшать тому, чтобы власть папы и короля не замѣнила власти народной".

Въ желаніи возстановить власть папы и короля подозрѣвать министерство Мелина, конечно, не приходится. Это министерство—чисто республиканское, и если мы, русскіе, и можемъ радоваться его побѣдѣ, такъ только потому, что изъ нѣсколькихъ золъ всегда надо выбирать меньшее, а министерство Мелина, какъ то доказывается и его долговѣчностью, является наиболѣе порядочнымъ и устойчивымъ изъ цѣлаго ряда министерствъ, управлявшихъ дружественною намъ страной.

Остается сказать нѣсколько словъ о положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, и прежде всего въ наиболѣе близкой и дорогой намъ Сербіи.

О какихъ бы сербскихъ дѣлахъ не писали газеты, непремѣнно главнымъ дѣйствующимъ лицомъ долженъ явиться Миланъ, этотъ злой геній Сербіи, играющій въ послѣднее время совсѣмъ незавидную роль. Впрочемъ, Миланъ никогда и не игралъ хорошей роли въ сербской государственной жизни, чѣмъ и объясняется полученная имъ кличка. На страницахъ сербской исторіи будетъ записано множество темныхъ и печальныхъ событій, въ которыхъ Миланъ, какъ вѣнценосный король Сербіи, будетъ оцѣненъ по заслугамъ вмѣстѣ съ его государственными сподвижниками, не разъ отдававшими Сербію въ руки нѣмецко-жидовскихъ гешефтмахеровъ. Здѣсь будетъ фигурировать вѣнскій Лелербанкъ, Бонту и Сливница, омрачившая прежнюю славу сербскаго оружія.

Въ послѣднее время разнесся слухъ о столкновеніи Милана съ самою популярною личностью въ Сербіи, вождемъ радикальной партіи Николой Пашичемъ, обвинявшимся въ оскорбленіи личности Милана, какъ члена королевскаго дома. Бѣлградскій первостепенный судъ, разобравъ это дѣло, оправдалъ Пашича при громкихъ кликахъ переполнившей залъ публики: „Слава сулу!". Но главная помѣха Милана—Пашичъ, приговоренный имъ уже разъ, въ 1883 году, къ смертной казни, которой онъ избѣжалъ только благодаря бѣгству въ Болгарію, а потомъ въ Румынію. Теперь Миланъ опять во что бы то ни стало хочетъ освободиться отъ Пашича и, не удовлетворившись оправданіемъ Пашича, заставилъ бѣлградскій кассаціонный судъ не признать этого рѣшенія, вслѣдствіе чего дѣло вновь должно было разбираться въ новомъ составѣ судей, преданныхъ Милану и нынѣшнему quasi-сербскому правительству Владана Георгіевича. И ликовавшія послѣ оправданія Пашича газеты о неподкупности сербскихъ судей и ихъ самостоятельности, должны были вскорѣ разочароваться, такъ какъ, къ сожалѣнію, нашлись въ Сербіи такіе люди, которые все-таки по требованію Милана приговорили Пашича къ девятимѣсячному тюремному заключенію. Те-

Digitized by Google

перь въ Сербіи не на шутку могутъ опасаться за дальнѣйшую судьбу Пашича, котораго можетъ постичь судьба Кничанки, задушенной въ 1884 году въ тюрьмѣ по чьему-то приказанію. Дѣло это и до сихъ поръ не разслѣдовано, но о немъ прекрасно знаютъ всѣ въ Сербіи.

Итакъ, уходя въ тюрьму, Пашичъ лишается возможности попасть въ предстоящую скупщину, а между тѣмъ онъ и Коста Таушановичъ выставлены были главными кандидатами въ Бѣлградѣ. Этого собственно Миланъ и хотѣлъ достигнуть, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, будетъ меньше однимъ оппозиціонистомъ, которыхъ, въ особенности теперь, не долюбливаютъ въ Сербіи.

Не-дипломатъ.

---

2) О КАПЕРАХЪ.

Съ XII вѣка начинается выдача различными европейскими правительствами такъ-называемыхъ грамотъ или свидѣтельствъ, или патентовъ на репрессаліи и на каперство (lettres de représailles и lettres de marque), при чемъ разница между тѣми и другими заключалась въ томъ, что дѣйствіе первыхъ ограничивалось предѣлами государственной территоріи того государя, который ихъ выдавалъ, а дѣйствіе послѣднихъ простиралось и внѣ предѣловъ данной территоріи, при чемъ первые выдавались только въ мирное время. Къ концу XV вѣка выдача свидѣтельствъ на репрессаліи прекращается, выдача же каперскихъ свидѣтельствъ не только не прекращается, но получаетъ даже все бо́льшее и бо́льшее развитіе. Первый законодательный актъ, регулирующій каперство, относится къ 1288 году: Альфонсъ III, король аррагонскій, издаетъ уставъ, въ которомъ предписывается приморскимъ городамъ Аррагоніи слѣдить за тѣмъ, чтобы корсары или каперы (владѣльцы каперскихъ свидѣтельствъ) не грабили своихъ согражданъ, не нападали на непріятеля во время перемирія или въ нейтральныхъ гаваняхъ и приводили призы въ портъ, изъ котораго вышелъ каперъ и гдѣ онъ получилъ каперское свидѣтельство. Въ случаѣ незаконныхъ призовъ король повелѣваетъ возвратить судно или грузъ законному владѣльцу. Въ XIV вѣкѣ въ Аррагоніи и Кастиліи образуются уже товарищества для производства каперства. Указъ Петра III Аррагонскаго (1354 г.) предписываетъ взиманіе залога съ каперовъ и требуетъ отъ каперовъ присяги въ исполненіи ими закона Альфонса III. Подобная же регламентація каперства введена и въ итальянскихъ приморскихъ городахъ: въ Пизѣ, въ 1298 году, въ Генуѣ въ 1313 и 1316 гг., а также въ болѣе сѣверныхъ государствахъ. Укажемъ, между прочимъ, на подобное же узаконеніе каперства, обнародованное во время войнъ фламанд-

Digitized by Google

цевъ съ фризами (1327—1397). 7 декабря 1400 года король французскій Карлъ VI издаетъ указъ о каперахъ, подобный указамъ королей аррагонскихъ и законамъ итальянскихъ приморскихъ городовъ. Въ 1414 году, въ царствованіе короля Генриха V, актомъ англійскаго парламента постановляется, что каперъ обязанъ объявлять о каждомъ захваченномъ призѣ судьямъ или охранителямъ мира (Conservatores pacis, Conservatorsofthe Kings Peace). Этотъ парламентскій актъ положилъ основаніе учрежденію такъ-называемыхъ призовыхъ судовъ.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ, съ открытіемъ Америки и учрежденіемъ колоній, развились торговыя сношенія и началось усиленное торговое соперничество. Каперство явилось тогда весьма удобнымъ орудіемъ морской войны, помощью котораго можно было разорять торговлю торговыхъ соперниковъ. Начиная съ 1569 года и во все время войны Голландцевъ съ Испаніей за независимость дѣйствовали, или, вѣрнѣе, свирѣпствовали, неистовствовали голландскіе каперы или такъ-называемые морскіе гёзы (gueux de mer), которые своею междуна-одно-морскою грабительскою дѣятельностью заслужили полное приравненіе къ пиратамъ или морскимъ разбойникамъ со стороны даже судовъ нейтральныхъ государствъ. Каперскіе разбои должны были, казалось, вызвать усиленную репрессивную законодательную дѣятельность. А между тѣмъ тогдашніе законодательные акты относятся, напротивъ, весьма снисходительно къ каперамъ. Такъ, напримѣръ, эдиктъ французскаго короля Генриха III 1584 года постановляетъ, что отвѣтственность за каперскія злоупотребленія падаетъ на владѣльца каперскаго судна только въ томъ случаѣ, если онъ лично въ нихъ участвовалъ (participants du délit), при чемъ такое отношеніе къ судовладѣльцамъ (арматорамъ) мотивируется пользою каперской дѣятельности для французскаго королевства. Въ эдиктѣ сказано, что болѣе строгое отношеніе къ каперамъ причинило бы вредъ королевству въ виду того, что каперы перестали бы тогда оказывать королю услуги въ военное время (seroit grandement dommageable á Nous et nostredict royaume parceque ce seroit oster le coeur á nosdicts sujects de nous faire service en temps de guerre). Наконецъ, тотъ же эдиктъ признаетъ начало: „confiscantur ex rebus naves, ex navibus res“, то-есть допускаетъ конфискацію нейтральныхъ кораблей, на которыхъ находились товары, принадлежащіе непріятелю, а также конфискацію нейтральнаго груза, находящагося на непріятельскомъ суднѣ. Признавая данный принципъ, французскій эдиктъ нарушилъ коренное начало, принятое важнѣйшимъ изъ средневѣковыхъ морскихъ сборниковъ: морскимъ консулатомъ (Consolato del mare), постановленіями котораго руководились приморскіе города Италіи, Франціи, Испаніи и Англіи. Въ ст. 276 этого сборника сказано, что нейтральный грузъ, находящійся на непріятельскомъ кораблѣ, конфискаціи не подвергается. Постановленія, содержащіяся во французскомъ эдиктѣ 1589 года, подтвер-

Digitized by Google

ждаются морскимъ ордонансомъ Людовика XIV (Ordonnance de la marine, 1681 года). Но этотъ ордонансъ требуетъ отъ каперовъ залога наличными деньгами (en numéraire). Въ Голландіи законы о каперахъ изданы въ 1597, 1622 и 1705 гг.; въ Испаніи въ 1611 и 1621 гг., въ Англіи, въ 1707 году, при королевѣ Аннѣ. Во всѣхъ этихъ законодательныхъ актахъ содержатся постановленія о каперахъ, заключающіяся во французскомъ ордонансѣ 1589 г. То же должно сказать и о международныхъ договорахъ, касавшихся каперства. Весьма рѣдки были тогда случаи отказа отъ каперства. Такъ, напримѣръ, Швеція и Голландія, воюя другъ съ другомъ, внезапно обязались не прибѣгать къ каперамъ (1678 г.) Но при заключеніи между ними мира (1679 г.) была признана обѣими державами невозможность исполненія даннаго обязательства.—Въ войнѣ съ Турціей (1767—1774) Россія отказалась отъ употребленія каперовъ. — Въ 1778 году (6 февраля) Франція заключаетъ съ Сѣв. Амер. Соед. Штатами торговый договоръ, ст. 21 котораго запрещаетъ подданнымъ государствъ-контрагентовъ принимать каперскія свидѣтельства отъ правительства того государства, съ которымъ ведетъ войну Франція или Соед. Штаты.—Въ 1785 году (10-го сентября) между Пруссіей и Соед. Штатами заключенъ торговый договоръ, ст. 23 я котораго гласитъ: „Въ случаѣ возникновенія войны между договаривающимися сторонами... частная собственность мирныхъ жителей будетъ пользоваться полною неприкосновенностью какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Договаривающіяся стороны отказываются отъ выдачи каперскихъ свидѣтельствъ (онѣ обязуются: „à n'accorder aucune commission à des vaisseaux armés en course qui les autorisat à prendre au à détruire ces sortes de vaisseaux marchands au à interrompre le commerce). Въ прусско-американскихъ торговыхъ договорахъ 1799 и 1828 гг. отмѣны каперства не содержится.—Въ засѣданіи французскаго законодательнаго собранія (Assemblée Législative) отъ 30-го мая 1792 г. депутатъ Кэрсенъ (Kersaint) предлагаетъ отмѣнить каперство и подвергать смертной казни, какъ пирата или морскаго разбойника, каждаго Француза, найденнаго на каперскомъ суднѣ. Въ законопроектѣ Керсэна предлагалось также просить короля вступить въ переговоры съ другими державами объ отмѣнѣ каперства. Собраніе приняло, почти единогласно, послѣднюю часть предложенія Кэрсена („Le pouvoir exécutif est invité à négocier avec les puissances étrangères pour faire supprimer, dans les guerres qui pourraient avoir lieu sur mer, les armements en course, et pour assurer la libre navigation du commerce"). Англія вовсе не отвѣтила на французское предложеніе, Испанія же и Соед. Штаты сдѣлали оговорки, возраженія. Только Ганзейскіе города приняли его, въ виду чего декретомъ французскаго Законодательнаго Собранія отъ 29-го марта 1793 года каперство отмѣняется въ отношеніи судовъ, принадлежащихъ Ганзейскому Союзу.—Во время войнъ французской революціи и Имперіи, вплоть до 1815 года, каперство усиливается и превращается

фактически почти въ пиратство или морской разбой. Особенною дикостью отличались тогда англійскіе каперы. Но зато и Англичанамъ сильно досталось отъ американскихъ каперовъ во время англо-американской войны 1812—1814 гг. — Послѣ 1815 года употребленіе каперовъ все болѣе и болѣе уменьшается. Въ 1823 г., во время войны франко-испанской, Франція отказывается отъ каперства. Въ циркулярной нотѣ Шатобріана къ иностраннымъ державамъ объявляется объ этомъ отказѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шатобріанъ обращается къ иностраннымъ державамъ съ просьбой не дозволять своимъ подданнымъ принятіе отъ испанскаго правительства каперскихъ свидѣтельствъ и запретить испанскимъ каперамъ входъ въ свои порты. — Кэннитъ, отъ имени англійскаго правительства, отвѣтилъ, что онъ согласенъ воспретить англійскимъ подданнымъ принимать каперскія свидѣтельства отъ англійскаго правительства, но что онъ не можетъ запретить каперамъ одной изъ воюющихъ державъ входъ въ англійскіе порты, въ виду того, что это было бы противно международно-морскому обычному праву.—Въ томъ же 1823 году Монро, президентъ Сѣв. Амер. Соед. Штатовъ, черезъ американскаго статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, Эдэмса (Adams) вступилъ въ переговоры съ Англіей, Россіей и Франціей объ отмѣнѣ каперства. Переговоры эти ни къ чему не привели изъ-за опозиціи Англіи. — Во время Крымской кампаніи воюющія державы отказываются отъ употребленія каперовъ, а по окончаніи войны 16-го апрѣля (н. ст.) уполномоченные державъ участвовавшихъ на Парижскомъ Конгрессѣ, и подписавшіе Парижскій трактатъ 30-го марта 1856 года, собрались на конференцію, которая привела къ принятію парижской декларації, первая статья которой провозглашаетъ окончательное уничтоженіе каперства („La course est et demeure abolie"). — Парижская морская декларація признана всѣми европейскими державами кромѣ Испаніи. Изъ неевропейскихъ державъ отказались приступить къ декларації Сѣв. Амер. Соед. Штатовъ Мексика, Боливія, Венецуэла, Новая Гранада и Уругвай.—Марси, американскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, въ своей депешѣ отъ 28 го іюля 1856 г. соглашается на отмѣну каперства только подъ условіемъ признанія другими державами начала полной неприкосновенности частной непріятельской собственности на морѣ, то же мнѣніе выражено президентомъ Сѣв. Амер. Соед. Штатовъ Пирсомъ (Franklin Pierce) въ президентскомъ посланіи отъ 4-го декабря 1859 года. Оба отказа вызваны тѣмъ соображеніемъ, что отмѣна каперства настолько же выгодна для державъ, обладающихъ сильнымъ флотомъ, насколько она невыгодна для державъ, обладающихъ небольшими военно-морскими силами, но за то значительнымъ торговымъ флотомъ Въ данномъ случаѣ вооруженныя торговыя суда являются и каперами, и охранителями американской торговли.—Въ 1860 г. началась въ Сѣв Амер. Соед. Штатахъ междоусобная война, 29-го апрѣля 1861 г. президентъ мятежныхъ Штатовъ Джефферсонъ Дэвисъ обратился съ посланіемъ къ Монтеомерій-

Digitized by Google

скому конгрессу. Въ своемъ посланіи инсуррекціонный президентъ сообщаетъ конгрессу о мѣрахъ, принятыхъ имъ въ защиту страны. Къ этимъ мѣрамъ относится президентская прокламація, въ которой предлагается частнымъ лицамъ принять участіе въ національной оборонѣ путемъ дѣйствій на частныхъ вооруженныхъ судахъ въ открытомъ морѣ (J dumed it propir... to issue proclamation, inviting appli cation from persons disposed to aid our defence in private armed vessels on the high seas). Но въ силу конституціи, выработанной Южными Штатами только Конгрессъ имѣлъ право разрѣшить выдачу каперскихъ свидѣтельствъ, въ виду чего президентъ и обращается къ конгрессу за такимъ разрѣшеніемъ, мотивируя свое обращеніе тѣмъ, что, въ виду отсутствія военнаго флота, будетъ въ высшей степени полезнымъ замѣнить его частными вооруженными судами, столь удачно прозванными сѣверо-американскими публицистами „морскою милиціей“ (*private armed vessels*, so happily styled by the publicists of the Pnited States „the Militia of the sed“). Предложеніе Джефферсона Дэвиса было въ тотъ же день принято Монтеомерійскимъ конгрессомъ. Совершенно инымъ былъ образъ дѣйствій вашингтонскаго правительства. Оно обратилось къ Англіи и Франціи, выражая свое согласіе подписать парижскую декларацію. Лордъ Рёссель (Russell) отвѣтилъ американскому посланнику Эдемсу (Adams), что, въ виду признанія Великобританіею за конфедераціей (the Confederacy, то-есть союзъ южныхъ, мятежныхъ штатовъ) правъ воюющей стороны и въ виду того, что конфедерація не участвовала въ парижской декларации, Великобританія должна считать конфедераціонныхъ каперовъ правильно воюющею стороной или законнымъ непріятелемъ (Great Britain must... regard the Confederate privaturs as lawful belli gerents). Но Соединенные Штаты приписываютъ себѣ суверенныя права надъ конфедераціей и утверждаютъ, что всѣ жители конфедерации должны подчиняться законамъ и международнымъ договорамъ Соединенныхъ Штатовъ, въ виду чего вашингтонское правительство, приступивъ къ парижской декларации, могло бы держаться того мнѣнія, что другія державы, подписавшія декларацію, обязаны обращаться съ каперами такъ-называемыхъ конфедераціонныхъ штатовъ какъ съ пиратами (while the Hnited States... might argue that the parties to the declaration would be bound, after the accession of the Mnied States, to treat the privateers of the so-called Confederate States as pirates). Подобный же отвѣтъ данъ и французскимъ правительствомъ. Получивъ эти отвѣты, вашингтонское правительство отказалось приступить къ парижской декларации, а вашингтонскій конгрессъ уполномочилъ президента Линкольна выдавать каперскія свидѣтельства, но правомъ этимъ Линкольнъ не воспользовался. Но выдача каперскихъ свидѣтельствъ имѣла мѣсто со стороны Ричмондскаго (конфедераціоннаго, мятежнаго) правительства. Каперы южанъ нанесли громадный вредъ торговлѣ сѣверянъ. Въ дѣятельности этихъ каперовъ Англія играла са-

Digitized by Google

мую выдающуюся роль. Она дозволяла покупку въ своихъ территоріальныхъ предѣлахъ судовъ, которыя на той же англійской государственной территоріи вооружались и вообще снаряжались въ путь. Изъ каперовъ южанъ особенно отличились своею разорительною для сѣверо-американской торговли дѣятельностью слѣдующіе: Алабама, Флорида и Шенандоа. По усмиреніи мятежа, сѣверо-американскіе Соединенные Штаты потребовали отъ Англіи за подвиги Алабамы возмѣщенія прямыхъ и косвенныхъ убытковъ, причиненныхъ какъ сѣверо-американской торговлѣ вообще, такъ и частнымъ лицамъ—сѣверо американскимъ гражданамъ. Сѣверо-американскія требованія или такъ называемыя „Алабамскія требованія“ (Alabama claims) вызвали между вашингтонскимъ и англійскимъ правительствами дипломатическую переписку, продолжавшуюся съ 1865 года по 8 мая 1871 года, когда состоялся вашингтонскій договоръ, въ которомъ Англія и Соединенные Штаты объявили о своемъ рѣшеніи передать дѣло третейскому суду, въ составъ котораго должны были входить пять третейскихъ судей, назначенныхъ президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, англійскою королевой, королемъ итальянскимъ, президентомъ швейцарской конфедераціи и бразильскимъ императоромъ. Третейскій судъ собрался въ Женевѣ 15 декабря того же года, а рѣшеніе его обнародовано 14 сентября 1872 года. Въ силу этого рѣшенія Англія присуждена къ уплатѣ Соединеннымъ Штатамъ пятнадцати съ половиной милліоновъ долларовъ золотомъ. Требованіе Соединенныхъ Штатовъ о возмѣщеніи косвенныхъ убытковъ отклонено. 24 іюля 1870 года Вильгельмъ I, въ качествѣ главнокомандующаго германскихъ союзныхъ войскъ, издаетъ воззваніе, въ которомъ приглашаетъ германскихъ моряковъ и судохозяевъ и вообще всѣхъ подданныхъ союзныхъ государствъ оказать содѣйствіе по предмету нападенія на французскія военныя суда и ихъ уничтоженія, при чемъ за услуги по этому дѣлу обѣщаны вознагражденія въ десять тысячъ и до пятидесяти тысячъ талеровъ, соотвѣтственно значенію захваченнаго или уничтоженнаго судна. Суда этого „добровольнаго морскаго ополченія“ (собственно „обороны“: Freiwiellege Seewehr) должны были пребывать во владѣніи частныхъ лицъ—своихъ прежнихъ судохозяевъ. Данное условіе и обѣщанныя преміи наводятъ на раздумье, не было ли это прусско-нѣмецкое ополченіе прикрытымъ, замаскированнымъ каперствомъ? Данный вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ въ виду слѣдующихъ соображеній: офицеры и экипажъ судовъ добровольнаго морскаго ополченія должны были состоять изъ лицъ, завербованныхъ судовладѣльцами, а не изъ матросовъ и офицеровъ германскаго союзнаго флота. Имъ предоставлялось только право вступить впослѣдствіи въ составъ германскаго союзнаго флота, но только за особыя заслуги. У нѣкоторыхъ изъ этихъ судовъ большинство экипажа и даже офицеры могли быть иностранцами; ибо законы Сѣверо-Германскаго союза (Norddeutscher Band) не ограничивали по данному вопросу сво-

Digitized by Google

боды судовладѣльцевъ. Наконецъ преміи, установленныя декретомъ 24 іюля, должны были выдаваться судовладѣльцамъ, которые имѣли право, по своему усмотрѣнію, распредѣлять ихъ по частямъ среди людей, которые войдутъ въ составъ экипажа судовъ „добровольнаго морскаго ополченія.“ 20 августа 1870 г. французское правительство объявило, что, въ виду учрежденія сѣверо-германскимъ союзнымъ правительствомъ добровольнаго морского ополченія, оно не признаетъ для себя обязательнымъ соблюденіе парижской морской декларації въ отношеніи къ нѣмецкимъ купеческимъ кораблямъ. 19 января 1871 года послѣдовалъ декретъ германскаго правительства, въ которомъ объявляется о рѣшеніи захватывать французскія торговыя суда, въ видѣ репрессалій, въ отвѣтъ на французское рѣшеніе отъ 20 августа. Но Нѣмцы не успѣли привести въ исполненіе своихъ намѣреній въ виду заключенія перемирія и франкфуртскаго мирнаго договора, да и „добровольное морское ополченіе“ просуществовало только на бумагѣ. Въ 1878 году, когда война Россіи съ Англіей казалась неизбѣжною, Императорскимъ Обществомъ для содѣйствія русскому торговому мореходству возбуждено ходатайство объ открытіи подписки по всей Имперіи на предметъ пріобрѣтенія быстроходныхъ пароходовъ, которые должны были дѣйствовать противъ англійскихъ торговыхъ судовъ. Ходатайство это уважено. 11 апрѣля учрежденъ комитетъ по устройству добровольнаго флота. Начавшіяся вслѣдъ затѣмъ пожертвованія достигли уже къ 20 сентября крупной цифры—слишкомъ трехъ милліоновъ рублей. На эти деньги пріобрѣтены въ Гамбургѣ, у гамбургско-американскаго акціонернаго общества три океанскихъ парохода: *Россія*, *Москва* и *Петербургъ*. Суда эти включены въ составъ русскаго военнаго флота и получили офицеровъ и матросовъ по назначенію и изъ чиновъ морскаго министерства. Въ виду того, что ожидавшаяся англо-русская война не началась, суда эти были употреблены на перевозку нашихъ войскъ изъ Турціи въ Россію. Въ 1880—1881 году пароходы добровольнаго флота *Москва*, *Петербургъ* и *Владивостокъ* включены были въ составъ тихоокеанской эскадры адмирала Лисовскаго. Мѣра эта была принята въ виду тогдашнихъ натянутыхъ русско-китайскихъ отношеній. 24 февраля 1886 года обнародовано „Временное положеніе о добровольномъ флотѣ.“ Въ мирное время цѣль и задачи добровольнаго флота, въ силу даннаго положенія, заключаются въ слѣдующемъ: содержать срочное почтовое товаро-пассажирское сообщеніе между Одессой и портами Восточнаго океана и вообще содѣйствовать развитію отечественной торговли. Управленіе дѣлами добровольнаго флота поручено комитету, въ составъ котораго вошли: предсѣдатель, два члена отъ морскаго вѣдомства, одинъ членъ—представитель Министерства Финансовъ и одинъ членъ—представитель Государственнаго Контроля. Комитетъ подчиненъ управляющему Морскимъ Министерствомъ. Съ 1885 года добровольный флотъ получаетъ ежегодное пособіе изъ государствен-

Digitized by Google

наго казначейства. Съ 1891 года добровольный флотъ содержитъ также срочное пароходное сообщеніе между Одессой и Петербургомъ. Кромѣ того, онъ перевозитъ ссыльныхъ на Сахалинъ, а также торговые и военные грузы и войска во Владивостокъ, а теперь и въ Портъ-Артуръ. Нашъ учитель, недавно скончавшійся харьковскій профессоръ, Всеволодъ Піевичъ Даневскій, въ своемъ трудѣ о нейтралитетѣ и парижской декларації [1], выражаетъ мнѣніе, что „парижскій конгрессъ, отмѣняя каперство, стремился смягчить бѣдствія морской войны. Мысль эта высказана французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Тувенелемъ и затѣмъ и его замѣстителемъ Друэнъ де-Люисемъ въ его рапортѣ Наполеону III передъ началомъ Крымской кампаніи. Въ данномъ рапортѣ говорится о необходимости уменьшить насколько возможно бѣдствія войны (diminuer autant que possible les maux de la guerre). Этими же мыслями руководились и дипломаты, засѣдавшіе на парижскомъ конгрессѣ, что̀ видно изъ протоколовъ засѣданій парижскаго конгресса... Слѣдовательно, *духъ* и *цѣль*, которые имѣлись въ виду парижскимъ конгрессомъ, противятся введенію учрежденія, *исключительно направленнаго противъ частной непріятельской собственности на морѣ*... Военный флотъ своею главною задачей имѣетъ преслѣдованіе чисто военныхъ цѣлей, занятъ военными операціями. Захватъ частной собственности практикуется имъ только между прочимъ. Онъ на практикѣ почти не пользуется этимъ правомъ. Ему не до того, не до преслѣдованія купеческихъ кораблей...“ Съ мнѣніемъ Даневскаго мы не можемъ согласиться. Дѣйствительно, центръ тяжести въ данномъ вопросѣ лежитъ въ способѣ организаціи морскихъ боевыхъ силъ, а не въ цѣляхъ ими преслѣдуемыхъ. Цѣль каждой войны есть возстановленіе нарушеннаго права или полученіе удовлетворенія за поруганную честь субъекта международнаго права, члена международнаго правоваго общенія, международнаго союза—государства. Для достиженія этихъ цѣлей допускаются извѣстныя военно-враждебныя дѣйствія, но въ предѣлахъ, установленныхъ законами и правилами войны. Сюда относится и захватъ частной непріятельской собственности на морѣ. Суда добровольнаго флота суть *крейсеры*, т. е. военныя, быстроходныя суда, предназначенныя въ военное время крейсировать или крестить по морю для совершенія военныхъ дѣйствій противъ непріятеля. Крейсеры, отличаясь чрезвычайною быстротой движеній, сравнительно съ другими военными судами, приспособлены также и къ вмѣщенію весьма значительныхъ запасовъ угля. Въ виду этого крейсеры могутъ долго плыть безпрерывно, не заходя въ портъ, а это въ свою очередь, дѣлаетъ ихъ годными къ морскимъ разъѣздамъ для наблюденія за непріятельскими движеніями и для захвата непріятельскихъ тор-

[1] См. „Историческій очеркъ нейтралитета и критика парижской морской декларації“ 16 апрѣля 1856 года, соч. Всеволода Даневскаго. Москва, 1879 г., стр. 445—448.

Digitized by Google

говыхъ судовъ. Крейсеры бываютъ разныхъ категорій: крейсера панцырные и не панцырные; по размѣрамъ судна, различаютъ крейсерные фрегаты и крейсерные корветы. Затѣмъ существуютъ минные крейсера. Наконецъ, къ крейсерамъ причисляются въ военное время и тѣ суда, которыя въ мирное время служатъ главнымъ образомъ цѣлямъ торговымъ, но приспособлены, въ случаѣ военноморской мобилизаціи, къ быстрому превращенію въ суда военныя (вспомогательные крейсера). Вотъ къ этой-то послѣдней категоріи и относятся суда нашего добровольнаго флота. Они, принося государству большую пользу въ мирное время, приносятъ не меньшую пользу и во время войны. Они охраняютъ тогда отечественную морскую торговлю, наносятъ самые чувствительные, сильнѣйшіе удары торговлѣ непріятельской, исполняютъ сторожевую и развѣдочную службы, а также имѣютъ военно-почтовое значеніе въ смыслѣ передачи депешъ, т. е. оффиціальной корреспонденціи своего правительства.— Итакъ захватъ непріятельской частной собственности далеко не является единственною исключительною цѣлью судовъ добровольнаго флота, какъ ошибочно утверждаетъ Даневскій.—Наконецъ, и то невѣрно, что очень рѣдко, только въ видѣ исключенія, захватываютъ купеческія суда. Все зависитъ отъ отношеній между военно-морскими силами воюющихъ сторонъ. Да и вообще, еслибы роль чисто-военнаго флота, въ захватѣ непріятельскихъ торговыхъ судовъ была столь ничтожна, то Англія, безъ всякаго сомнѣнія, не настаивала бы такъ энергично во время парижскаго конгресса на сохраненіи за военнымъ флотомъ, а слѣдовательно и за крейсерами и становящимися крейсерами торговыми судами, права захвата частной непріятельской собственности. Важно также и то, что организація нашего добровольнаго флота въ военное время чисто военная: онъ составляетъ часть нашихъ военно-морскихъ силъ. Экипажъ его—офицеры и матросы нашего военнаго флота, назначаемые морскимъ вѣдомствомъ. Очевидно, что въ этомъ флотѣ, какъ и въ остальныхъ составныхъ частяхъ нашего флота будетъ господствовать въ случаѣ войны та образцовая дисциплина, которою всегда отличались наши сухопутныя войска и нашъ флотъ. Не изъ за корысти будутъ они воевать, не для наживы, не ради набиванія кармана чужимъ добромъ, а побуждаемые самыми высоконравственными мотивами, руководимые самыми идеальными соображеніями. „За вѣру, Царя и отечество“, или, какъ мы, славянофилы, говоримъ, за православіе, самодержавіе и народность, вотъ за что воины нашего добровольнаго флота, какъ и всѣ наши воины, и сухопутные и морскіе, всегда готовы животъ свой положить. Во время войны 1879 года между Перу, Боливіей и Чили, первыя двѣ республики выдавали каперскія свидѣтельства для дѣйствій противъ торговыхъ судовъ чилійской республики. — Въ 1882 году институтъ международнаго права въ своей туринской сессіи принялъ по вопросу о каперствѣ слѣдующее рѣшеніе: Каперство воспрещается. Выдача каперскихъ

Digitized by Google

свидѣтельствъ дозволяется въ видѣ реторсіонной мѣры, направленной противъ тѣхъ воюющихъ, которые нарушаютъ провозглашенныя институтомъ начала отмѣны каперства. Выдача каперскихъ свидѣтельствъ иностранцамъ воспрещается. Въ только что начавшейся испанско-американской войнѣ Испанія имѣетъ право выдавать каперскія свидѣтельства, какъ держава, не подписавшая парижской морской декларації, да еслибы она ее и подписала, то, въ виду неподписанія той-же декларації Сѣверно-Американскими Соединенными Штатами, она и тогда не была бы связана по отношенію къ нимъ. Испанія уже объявила, что будетъ пользоваться принадлежащимъ ей правомъ, но это рѣшеніе напоминаетъ намъ испанскаго быка, лѣзущаго на шпагу тореадора. Къ чему поведетъ этотъ образъ дѣйствій Испаніи? Вѣдь въ концѣ концовъ, пожалуй, Испаніи же самой и придется уплатить за всѣ убытки, которые потерпятъ Соединенные Штаты отъ испанскихъ каперовъ.

А. Штиглицъ.

С.-Петербургъ
14 апрѣля, 1898 года.

---

3) АНГЛІЯ И РУССКАЯ ПЕЧАТЬ.

Овцеводамъ хорошо извѣстна заразительная овечья болѣзнь, называемая „вертежомъ“, и состоящая въ томъ, что на пастбищѣ сначала одна овца начинаетъ вертѣться сама вокругъ себя, за нею—другая, третья, и наконецъ заражается вертежомъ цѣлое стадо. Причиной такой болѣзни полагаютъ то, что овцы на пастбищахъ вмѣстѣ съ травой проглатываютъ какихъ-то ползающихъ животныхъ (reptilia). Нѣчто подобное „овечьему вертежу“ въ настоящее время представляетъ собою наша печать, пораженная заразительною болѣзнью, называемою „англомизіей“ (англоненавистничествомъ).

Раньше всѣхъ эта болѣзнь оказалась на газетѣ кн. Ухтомскаго, *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* проглотившей, рептилію въ лицѣ своего сотрудника, по иностранному отдѣлу. Отъ газеты кн. Ухтомскаго заразилась другая русская петербургская газета, издаваемая евреемъ изъ Австріи; вмѣстѣ съ ними заразились англомизіей *Новое Время*, *Свѣтъ* и другія; изъ Петербурга зараза перешла въ Москву и въ провинціи; такъ что въ настоящее время безъ преувеличенія можно сказать, что вся русская печать заражена этимъ духовнымъ „овечьимъ вертежомъ“,—англоненавистничествомъ.

Я воздержусь приводить здѣсь пространныя выписки изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* и другихъ газетъ, наполненныхъ гнусными ругательствами противъ англичанъ, которыхъ они на-

Digitized by Google

зываютъ „шейлоками“, „кровопійцами“, „морскими разбойниками“, „грабителями чужихъ странъ“, „душителями народовъ“, „исконными врагами Россіи“ и т. п. Сотрудникъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* чуть ли не каждодневно произноситъ въ своей редакціи предъ своими коллегами: „Caeterum censeo Britaniam delendam esse“. Газета кн. Ухтомскаго стоитъ на необходимости союза Россіи съ Германіей, чтобы „стереть Англію съ лица земли“. По поводу занятія англичанами Вей-Хай-Вея она угрожала „послать сто тысячъ русскаго войска на помощь афридіямъ или авганцамъ“. И газета, издаваемая австрійскимъ евреемъ, недавно проре-кала, что „наша вражда съ Англіей наконецъ приведетъ къ кровавой развязкѣ“. Въ настоящее время въ окнахъ петербургскихъ книжныхъ магазинахъ выставлена книга, озаглавленная: „Въ Индію“.

Какой будетъ результатъ всѣхъ этихъ ругательствъ русской печати противъ Англіи? Ненависть, стимулирующая эту печать, будетъ привита и къ русскому обществу. И дѣйствительно, въ настоящее время всюду въ русскомъ обществѣ вы встрѣчаете людей, клянущихъ англичанъ, и никакими доводами не разубѣдите вы ихъ въ несправедливости ихъ мнѣній, которыя сами они не подкрѣпляютъ ничѣмъ, кромѣ вышеприведенныхъ банальныхъ отзывовъ нашихъ газетъ. Потому я здѣсь приглашаю всѣхъ англоненавистниковъ отвѣтить: гдѣ и чѣмъ англичане вредятъ Россіи?

Въ настоящее время Британская имперія состоитъ изъ метрополіи и многочисленныхъ громадныхъ колоній, изъ которыхъ многія сами могутъ составить большія государства, каковы: Канада, Вестъ-Индія, Гвіана, Капская колонія, Западные и Восточные берега Африки, Египетъ съ Суданомъ, Индія, Новая Зеландія, Новая Голландія и Австралійскіе острова. Скажите: какое касательство мы имѣемъ ко всѣмъ этимъ странамъ? Никакого. Ни одной пяди земли въ этихъ странахъ англичане у насъ не отняли, у насъ не перебили; да и колонизовать-то ихъ у насъ нечѣмъ,—наши собственныя области многія остаются еще въ дикомъ пустынномъ состояніи. У насъ были владѣнія въ Сѣверной Америкѣ, оказавшіяся богатѣйшими; но мы не нашли въ нихъ богатствъ, нашли ихъ для себя обременительными и продали американцамъ за ничтожную плату. Ничего не перебиваютъ у насъ англичане и своею „всемірною торговлей“: мы даже въ ближайшихъ къ намъ странахъ, обязанныхъ намъ своимъ существованіемъ, Румыніи, Сербіи, Болгаріи, Греціи, не имѣемъ никакой торговли; не имѣемъ никакой торговли и въ находящемся у насъ подъ бокомъ Константинополѣ,—этомъ всемірномъ рынкѣ. Даже въ Петербургѣ мы покупаемъ отъ англичанъ множество предметовъ, которые мы могли бы въ громадномъ количествѣ производить сами изъ собственныхъ находящихся въ огромномъ количествѣ необработанныхъ матеріаловъ, если бы только не наша косность и наше невѣжество.

Digitized by Google

Особенно нашимъ англоненавистникамъ мозолятъ глаза Египетъ и Индія. Но почему? Страна фараоновъ давно уже потеряла свою независимость. Сначала владѣли ею греки, потомъ римляне, потомъ арабы, потомъ турки и мамелюки; пробовали захватить Египетъ и французы, но не имѣли силы удержать его за собою; наконецъ завладѣли имъ англичане. Теперь я спрашиваю: лучше ли было феллаху подъ властію турокъ, чѣмъ англичанъ? Конечно, нѣтъ. За что же мы клянемъ англичанъ, водворившихся въ Египтѣ и Суданѣ? Отбили ли они ихъ у насъ? Нѣтъ. Думали ли мы когда-нибудь ихъ завоевать? Никогда. Но, скажутъ, англичане выжили изъ Египта нашихъ друзей французовъ. А зачѣмъ французы допустили выжить себя?

Также наши англоненавистники клянутъ Англію за то, что она захватила Индію, въ которой какіе-нибудь сто тысячъ англичанъ владѣютъ двумя стами милліоновъ индусовъ. Это дѣлаетъ только честь англичанамъ. Есть царственные народы и есть рабственные народы. Къ первымъ относятся англичане, ко вторымъ индусы. Индусы не могутъ не быть порабощенными: сначала были порабощены своимъ жрецамъ, раджамъ и магараджамъ, потомъ великому моголу, а теперь—англичанамъ. И господство англичанъ въ Индіи благодѣтельно для индусовъ, которымъ теперь живется безъ всякаго сравненія лучше, чѣмъ жилось при великомъ моголѣ, раджахъ и магараджахъ. М. Н. Катковъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* перваго года своего издательсказалъ: „Англія есть яркая лампада всему міру“. Такова она и для Индіи. Объ этомъ вы можете прочитать въ книгѣ „Индія“ Е. И. Ламанскаго (1893 г.).

Затѣмъ наши англоненавистники, тычущіе пальцемъ въ англійскіе „захваты“, забываютъ про наши собственные. И мы дѣлали и дѣлаемъ то же самое, въ чемъ обвиняемъ англичанъ: мы захватили царства Казанское, Астраханское, Сибирское, Кавказъ, Крымъ и Новороссію, Туркестанъ, Привислинскій край и Балтійскія провинціи. И наши друзья французы не положили на свою руку охулки: захватили было Канаду, Флориду и часть Индіи,—но не удержали ихъ; зато крѣпко держатъ области древняго Карѳагена, Алжиръ и Тунисъ, Сенегамбію и земли по Нигеру, громадный островъ Мадагаскаръ и значительныя области въ Индо-Китаѣ и Китаѣ. И наши Катоны, поражая „безнравственные“ англійскіе захваты, помалчиваютъ о своихъ собственныхъ и нашихъ друзей. Но дѣло въ томъ, что нравственныя правила, руководящія дѣйствіями частныхъ лицъ, не могутъ быть прилагаемы къ жизни государствъ. Послѣднія какою-то непостижимою силой безсознательно побуждаются идти по тому или другому пути. Потому небольшое королевство Британія ни малѣйше не виновато въ томъ, что оно превратилось въ громадную могущественную имперію, во владѣніяхъ которой никогда не заходитъ солнце, точно такъ, какъ небольшое княжество Москва ни малѣйше не виновато въ томъ, что оно разрослось въ громадную могущественную имперію, во

Digitized by Google

владѣніяхъ которой также никогда не заходитъ солнце. Эти непостижимые пути образованія на свѣтѣ великихъ государствъ называются путями Провидѣнія,—и горе тѣмъ, которые возстанутъ противъ этихъ „избранныхъ!“ Наши шовинисты настойчиво толкаютъ Россію въ войну съ Англіей; но понимаютъ-ли они всю преступность своего дѣйствія? Война Россіи съ Англіей приведетъ Россію къ погибели и разоренію. Одна идея о ней принуждаетъ Россію дѣлать громадныя издержки, которыя могли-бы быть употреблены на просвѣщеніе русскаго народа, въ которомъ онъ такъ скорбно нуждается. Авганцы, афридіи и другіе азіаты на нашемъ пути въ Индію прежде всего за свою дружбу потребуютъ золота, котораго у насъ необильно и на домашнія нужды, и во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ у англичанъ. А самый походъ русскихъ „въ Индію“ есть плодъ больнаго мозга. Мы не дойдемъ до него; а если дойдемъ и даже „изгонимъ англичанъ изъ Индіи“ (кульминаціонный пунктъ русскаго шовинизма), то *что* мы будемъ дѣлать съ Индіей? Мы не можемъ управиться у себя съ поляками, нѣмцами, финнами, армянами: можемъ-ли что-нибудь сдѣлать въ Индіи? За собою мы ее не оставимъ: слѣдовательно, или возстановимъ опять великаго могола, раджей и магараджей, или повергнемъ всю страну въ анархію,—не правда-ли, благородное дѣло, достойное „великаго народа“? Но это—въ случаѣ нашего успѣха. А если постигнетъ насъ неуспѣхъ? Джонъ-Буль дерется больно. И мстителенъ. Наполеонъ былъ не редакціи *Петербургскихъ Вѣдомостей* чета: и онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ русскими пройти въ Индію, чтобы оттуда выгнать англичанъ, но попалъ на пустынную скалу среди океана, гдѣ и былъ водворенъ на жительство англичанами.

Такимъ образомъ, какъ ни поверните дѣло нашихъ англоненавистниковъ, возбуждающихъ Россію ко враждѣ противъ англичанъ, оно является *чушью*, постыдною для русской печати и общества, опасною для русскаго государства, и долженствующею рѣшительно отталкивать отъ себя людей здраваго смысла, честныхъ и просвѣщенныхъ. Но откуда эта „чушь“ въ русской печати и обществѣ? Русскій народъ издавна имѣетъ высокое мнѣніе объ англичанахъ; столь же высокое мнѣніе объ англичанахъ имѣетъ и русское общество, заимствуя для себя многое изъ англійской культуры; припомните отзывъ объ Англіи М. Н. Каткова, несомнѣнно одного изъ нашихъ именитыхъ публицистовъ: какъ же согласить съ такимъ взглядомъ на англичанъ нашего общества его яростную вражду къ нимъ? Очень просто: она не вышла изъ русскаго народнаго духа, а привита къ нему извнѣ вползшими въ русскую печать и общество нѣмецкими наймитами-рептиліями. Нѣмецъ есть врагъ всѣхъ. Онъ имѣетъ „drang nach Osten“, надѣясь обратить Россію въ нѣмецкую Индію; онъ давитъ и грабитъ славянъ; онъ ограбилъ Данію и Францію, старается выжить англичанъ изъ Турціи, недавно выхвативъ у нихъ изъ рукъ концессію на желѣзную дорогу въ

Digitized by Google

Малой Азіи, дѣлаетъ ей пакости въ Африкѣ, интригуетъ въ Китаѣ и старается подрывать ея торговлю повсюду. Конечно, нѣмцы знаютъ хорошо, что англичане понимаютъ всѣ ихъ злоухищренія; потому, чтобы успѣшнѣе вести ихъ, они пользуются іезуитскимъ правиломъ: „divide et impera“, вооружая русскихъ противъ англичанъ и англичанъ противъ русскихъ. Съ этою цѣлью они содержатъ въ Россіи и Англіи своихъ наймитовъ-рептилій, которые проводятъ нѣмецкія махинаціи въ русскую и англійскую печать и общество,—и проводятъ съ великимъ успѣхомъ. Какъ русская печать, такъ и англійская сильно одурманены этимъ нѣмецкимъ дурманомъ.

Но не безнадежно для здраваго смысла. Въ послѣднее время въ Россіи и Англіи начинаютъ появляться люди, трезво смотрящіе на взаимныя отношенія Англіи и Россіи и старающіеся проводить свои идеи въ общество и печать. Такъ въ Петербургѣ славянофилъ и солидный писатель по международному праву А. Н. Штиглицъ на обѣдѣ, даннomъ имъ членамъ славянскаго общества и гостямъ славянамъ 8 января сего года, въ своей застольной рѣчи между прочимъ сказалъ: „Нѣмцы всячески стараются поддерживать и насколько возможно обострять русско-англійскую политическую вражду; и между тѣмъ, изъ-за чего намъ въ сущности съ англичанами враждовать? Русскій народъ глубоко уважаетъ народъ англійскій за его выдающійся здравый, практическій, трезвый умъ и питаетъ инстинктивное отвращеніе ко всему нѣмецкому. Онъ чувствуетъ, что англичане гораздо ближе стоятъ къ нему, чѣмъ нѣмцы“. Въ заключеніе Штиглицъ сказалъ: „Въ неминуемой рано или поздно войнѣ Россіи съ Германіей, Англія силой вещей должна будетъ примкнуть либо къ Россіи и Франціи, либо къ Германіи и ея союзникамъ; такъ не долженъ-ли каждый истинно русскій человѣкъ желать всѣмъ сердцемъ, чтобы Великобританія, столь сильная своими исполинскими матеріальными средствами, своимъ умомъ, своею примѣрною стойкостью и выдержкой, была съ нами, а не съ нѣмцами?“ Рѣчь эта была напечатана въ *Русскомъ Обозрѣніи* за февраль сего года.

И въ Англіи лучшіе люди идутъ навстрѣчу русскимъ съ желаніями англо-русскаго союза. Въ недавнее время въ Лондонѣ образовалось „Литературное Англо-Русское Общество“ изъ англичанъ и русскихъ. Но нѣмцы не дремлютъ. Въ общество уже вползли нѣмецкія рептиліи, которыя своими подвохами и махинаціями стараются разрушить это общество, могущее сдѣлаться великою силой единенія русскихъ и англичанъ.

Англійское здравомысліе по отношенію къ Россіи выражается и иными путями. Такъ недавно на открытіи „Century Club“, въ Бирмингемѣ, сэръ Робертъ Ридъ произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: „Должно признать, что успѣхи Россіи въ сѣверномъ Китаѣ не только неизбѣжны, но и желательны. Въ Азіи мѣста съ избыткомъ и для Россіи и для Англіи. Не наше дѣло враждовать со всякою страной, которая

Digitized by Google

пожелаетъ тамъ расширить свои предѣлы, какъ мы расширили свои. Еслибы правительство наше не старалось препятствовать тамъ успѣхамъ русскихъ, но напротивъ держалось бы политики обратной, то какой смыслъ былъ бы теперь въ рѣчахъ объ „отворенныхъ дверяхъ“, произносимыхъ подъ рискомъ войны? Наша политика за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ была несправедлива и неумна по отношенію къ Россіи; и мы не должны воспитывать нашихъ дѣтей изъ поколѣнія въ поколѣніе во враждѣ къ Россіи, что она есть нашъ естественный врагъ. Существуетъ полнѣйшая возможность придти къ соглашенію съ Россіей по всѣмъ вопросамъ политики“.

И да осуществится эта возможность къ великому благу Россіи, Англіи и всего міра! Всѣ мы желаемъ мира. Съ этою цѣлію нашъ Царь-Миротворецъ вступилъ въ союзъ съ Франціей; чрезъ присоединеніе же къ этому союзу Англіи образуется *великая тройственная лига*, подъ эгидой которой вздохнетъ Европа свободно подъ тяжестью своей военной аммуниціи, и исчезнутъ, какъ ночныя привидѣнія, „рыцари крови и желѣза“...

А. Владиміровъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ пятидесятый.

МАРТЪ

Стр.

Переписка И. С. Тургенева съ П. В. Анненковымъ (1871—1883). Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Л. Н. Майкова,..... 5

Невинная игра. Повѣсть. Гл. XIV—XXI. А. В. Стернъ... 20

Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ. 1859 годъ. Гл. VI. Князя Н. В. Шаховскаго..... 52

Подъ разными флагами. Романъ. Часть первая. Гл. VII. Ѳ. Э. Ромера..... 70

Статскій армейцу. Н. Ф. Павлова. Съ предисловіемъ и письмомъ къ академику Я. К. Гроту. П. Шейна..... 81

Изъ далекаго прошлаго. VI. Изъ тревожной эпохи. Гл. II. Сельцо Дарьино. П. П. Суворова..... 104

Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія. Часть вторая. Историческій очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи. Гл. V—VI. Графа П. А. Каппистъ..... 120

„Какое счастье! милый, это былъ лишь сонъ“.. Стихотвореніе. Н. Ѳ. Плахово..... 154

Книга особенно замѣчательной судьбы. Гл. I—III. В. В. Розанова..... 155

Путешествіе по Россіи Великаго Царя-Миротворца Александра III Александровича. А. А. Шевелева..... 180

Мечта. Стихотвореніе. Ѳедора Сологуба..... 192

Сотрудники князя А. Чарторыйскаго въ дѣлѣ устройства народнаго просвѣщенія въ виленскомъ учебномъ округѣ Ю. Ѳ. Крачковскаго..... 193

Неравный бракъ. Повѣсть. Ф. Эвартъ. (Переводъ съ нѣмецкаго О. И. Прибытковой)..... 216

Воспоминанія объ Альфонсѣ Додэ. Леона Додэ. (Переводъ съ французскаго А. И. Ч.)..... 234

Изъ Гете. Стихотвореніе А. Эмге..... 245

Нессесеръ. Пасхальный разсказъ. Жипа. (Переводъ съ французскаго). О. И. П..... 245

Изъ „Нигяристана“ Кемаль-паши. Стихотворенія. Ѳ. И. Уманца..... 250

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. Изъ воспоминаній объ И. А Гончаровѣ. И. К..... 253

Критика: Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Гл. III. В. Смирнова. 262

Библіографія:

1) Философія исторіи..... 297

2) Исторія..... 297

3) Воспоминанія..... 299

Digitized by Google

Стр.

4) Этнографія 301
5) Этика 303
6) Справочники 304
7) Статистика 505

Изъ вопросовъ вѣры и жизни. Логическій конецъ сектантства **Свящ. І. И. Фудель** 307

Внутреннее обозрѣніе: Законъ введенія суда присяжныхъ въ четырехъ губерніяхъ.—Два мнѣнія объ этой формѣ суда.—Отношеніе присяжныхъ къ преступленіямъ противъ собственности и личной безопасности и дѣтоубійствамъ.—Непонятная снисходительность.—Мнѣніе объ институтѣ нѣмецкаго ученаго. Подрывъ чувства законности.—Отсутствіе практической необходимости преобразованія. **А. И. Елишева** 316

Иностранное обозрѣніе. **Не-дипломата** 335

О кремлевскихъ соборахъ и колокольняхъ и объ отливкѣ колокола въ 12.000 пудовъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ **Проф. Г. А. Муркоса** 339

Книги, поступившія въ редакцію.

Объявленія.

Приложеніе: Крестоносцы. Историческій романъ Генрика Сенкевича. (Переводъ съ польскаго **А. І. Чичаговой**) ..... 225—240

АПРѢЛЬ.

Переписка И. С. Тургенева съ П. В. Анненковымъ (1871—1883). Съ предисловіемъ и примѣчаніями. **Л. Н. Майкова** 365

Невинная игра. Повѣсть. Гл. XXIII—XXVIII. (Окончаніе.) **А. В Стернъ** 380

Учителя и учительницы. **Проф. С. А. Рачинскаго** 422

Подъ разными флагами. Романъ. Часть вторая. Гл. I—IV. **Ѳ. Э. Ромера** 437

Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія. Часть вторая. Историческій очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи. Гл. VI. **Графа П. А. Капниста** 480

Двѣ легенды. Стихотвореніе. **Ѳедора Сологуба** 524

Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ. 1859 г. Гл VI. **Князя Н. В. Шаховскаго** 526

Изъ далекаго прошлаго: VI. Изъ тревожной эпохи. Гл. III. Заговоръ. **П П. Суворова** 540

Книга особенно замѣчательной судьбы. Гл. IV. **В. В. Розанова** 557

Въ дворянскомъ гнѣздѣ. (Изъ записокъ судебнаго пристава). Разсказъ. **Б. А. Добротворскаго-Зассъ** 575

Digitized by Google

Стр.

Польскій вопросъ и старо-католицизмъ. (Рѣчь въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ). А. А. Кирѣева. 593

Неравный бракъ Повѣсть. (Окончаніе). Ф. Эварта. (Переводъ съ нѣмецкаго О. И. Прибытковой)..... 606

Сотрудники князя Адама Чарторыйскаго въ дѣлѣ устройства народнаго просвѣщенія въ Виленскомъ учебномъ округѣ. (Продолженіе). Ю. Ѳ. Крачковскаго 623

„Пусть мимо вся печаль скользитъ земная!“... Стихотвореніе. Н. Ѳ. Плаково..... 638

Путешествіе въ Россію въ XVII в. антіохійскаго патріарха Макарія, описанное сыномъ его архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. (Переводъ съ арабской рукописи. Проф. Г. А. Муркоса)..... 639

Вахтангъ. Грузинская легенда. А. Эмге..... 653

Воспоминанія объ Альфонсѣ Додэ. Леона Додэ. (Переводъ съ французскаго А. Ч.).. 685

Семейство Кни. Разсказъ. Эдуарда Рода. (Переводъ съ французскаго О. П.)..... 706

„Словно гость изъ надзвѣзднаго края“.... Стихотвореніе. В. Ѳ Саводника..... 719

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: И. С. Тургеневъ и графъ Л. Н. Толстой въ первый періодъ ихъ знакомства. Н. Гутьяра..... 720

Критика: Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Гл. IV. В. Смирнова..... 731

Библіографія:

1) Богословіе 760
2) Философія 765
3) Народное образованіе.... 768
4) Сельское хозяйство..... 769
5) Справочники 770

Внутреннее обозрѣніе: Необходимость объединенія дѣятельности земскихъ учрежденій.—Изданіе печатнаго органа, посвященнаго интересамъ внутренняго управленія.—Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.—Проекты общеземскихъ изданій.—Предусматриваемое возраженіе. — Вопросъ подвѣдомственности. А. И. Елишева..... 772

Иностранный отдѣлъ:

1) Политическое обозрѣніе. Не-дипломата..... 783
2) О каперахъ. А. Н. Штиглица..... 791
3) Англія и русская печать. А. П. Владимірова 800

Книги, поступившія въ редакцію.

Объявленія.

Приложеніе: Крестоносцы. Историческій романъ. Генрика Сенкевича. (Переводъ съ польскаго А. І. Чичаговой)..... 241—256

Digitized by Google

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію «Русскаго Обозрѣнія» для отзыва въ теченіе марта мѣсяца 1898 г.

Колышко У. Маленькія мысли „Сѣренькаго“ Спб., 1898 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Муратовъ Н. А. Очерки грамматики старословенскаго языка. Изданіе второе, значительно дополненное. Москва, 1897 г. Цѣна 1 рубль.

Отчетъ по комитету **Сибирской** желѣзной дороги за 1893-1897 гг

Балталона Ц. Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго. Г. Москва, 1898 г. Цѣна 20 коп.

Янковскій Д. П. Къ вопросу о преподаваніи ц.-славянскаго, русскаго и польскаго языковъ. Г. Варшава. 1898 г. Цѣна 25 к

Гусевъ А. Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное по указаніямъ ученаго комитета Мин. Нар. Просвѣщенія. Москва 1897 г. Цѣна 25 к.

Поповъ И. В. Самоубійство. Этико-психологическій очеркъ. Сергіевъ посадъ 1898 г. Цѣна 25 коп.

Шлаковскій Б. А. На судъ общественный. Правда объ Одесской психіатрической эпопеѣ. Одесса 1898 г.

Герасимовъ Н. Философія сознанія бытія безконечнаго. Москва, 1898 года. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Алоизъ Риль, Г. Зиммель, Фридрихъ Ницше. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Южина. Одесса, 1898 г. Цѣна 60 к.

Изданія южно русскаго книгоиздательства Ф. А. Іогансона. Кіевъ-Харьковъ:

1) **Г. Фр. Кольбъ.** Исторія человѣческой культуры съ очеркомъ формъ государственнаго правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Переводъ съ 3-го, переработаннаго и значительно дополненнаго, нѣмецкаго изданія подъ редакціей **А. А. Рейнгольдта.** Выпускъ VI. Все изданіе выйдетъ въ 8-ми выпускахъ. Подписная цѣна 3 р. 50 к.

2) **Дж. Ст. Милль.** Основанія политической экономіи. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія **Е. И. Остроградской.** Выпускъ IV. Все изданіе выйдетъ въ 5-то выпускахъ Подписная цѣна 2 р. 50 коп

3) **Рибо Т.** Д-ръ. Эволюція общихъ идей. Переводъ съ французскаго. Цѣна 60 коп.

4) **Максъ Нордау.** Психо-физіологія генія и таланта. Переводъ **М. А. Б.** Цѣна 60 коп.

5) **Андрэ.** Къ сѣверному полюсу на аэростатѣ. Съ 50-ю фототипіями. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 руб. 50 коп.

6) **Эсмархъ Эрвинъ** проф. Въ поискахъ за квартирою. Гигіеническія указанія для лицъ, пріискивающихъ квартиры. Переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 25 коп.

7) **Женщина преступница** и проститутка. Переводъ д-ра **Г. И. Гордона.** Съ 13 таблицами внѣ текста. Часть I.

8) **Половое влеченіе.** Соціально-медицинскій очеркъ. Перевелъ врачъ **Н. П. М.** Цѣна 60 коп.

9) **Эдуардъ Родъ.** Нравственныя идеи нашего времени. Бурже, Зола, Дюма, Толстой, Ренаръ и Шопенгауеръ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 30 коп.

Digitized by Google

10) **Ложель.** „Что такое жизнь?“ Популярно-научные очерки возникновенія и развитія на землѣ жизни. Переводъ съ французскаго **Гончаровой и Орлова.** Ц. 30 коп.

11) **Крепелинъ Э.** Умственный трудъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 15 коп.

12) **Спенсеръ Гербертъ.** Цѣломудріе, бракъ, родительство. Переводъ **Самойлова.** Ц. 15 к.

Отчетъ **Кишиневской** городской общественной библіотеки за 1897 г.

Годовой отчетъ **Юрьевской Русской** Публичной библіотеки за 1898 г. и краткій историческій очеркъ библіотеки (1872—1897 г.) составленный **М. Н. Столяровымъ.**

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ (основано 4 октяб. 78 г.). Отчетъ за 1896 и 1897 годы.

Извѣстія **Калужской** ученой архивной коммиссіи 1898 г. Выпускъ III. Издано подъ редакціей **И. Д. Четыркина** и **В. М. Кашкарова.**

Додэ А. Опора семьи. Романъ. Переводъ съ французскаго **С. Леонтьевой.** Изданіе Суворина. С.-Петербургъ. Цѣна 1 рубль.

Головинская Е. Н. Въ селѣ Спасскомъ. Бытовой очеркъ. Г. Москва, 1898 года. Цѣна 60 коп.

Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній **Фабра.** Съ 213 рисунк. Переводъ съ французскаго **Е. И. Шевыревой.** Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Петербургъ, 1898 г. Цѣна 3 рубля, съ пересылкой 3 руб. 75 к.

Digitized by Google

домъ, который неожиданно выскочилъ изъ зарослп, невдалекѣ отъ стрѣлковъ. Князь выстрѣлилъ въ него изъ арбалета, потомъ бросился на него съ копьемъ, и когда звѣрь съ ужаснымъ рычаніемъ поднялся на заднія лапы, онъ на глазахъ всего двора закололъ его такъ ловко и быстро, что никому изъ защитниковъ не пришлось прибѣгнуть къ топору.

И молодой лотарингецъ подумалъ, что немногіе изъ владѣтелей, при дворахъ которыхъ ему приходилось бывать, рѣшились бы на такую забаву и что съ такими князьями и съ такимъ народомъ Ордену когда-нибудь придется вести тяжелую борьбу и пережить тяжелые часы. Но затѣмъ де-Лершъ увидалъ, что другіе охотники такимъ же способомъ закалывали свирѣпыхъ кабановъ, вооруженныхъ бѣлыми клыками, гигантскихъ, несравненно большихъ ростомъ и болѣе ожесточенныхъ, нежели тѣ, на которыхъ охотились въ лѣсахъ Нижней Лотарингіи и нѣмецкихъ пущахъ. Де-Лершъ нигдѣ не видалъ такихъ ловкихъ и увѣренныхъ въ силѣ своего удара охотниковъ, нигдѣ не видалъ такихъ ударовъ копьемъ, и, какъ человѣкъ бывалый, объяснялъ это тѣмъ, что всѣ эти люди, находящіеся въ этихъ неизмѣримыхъ лѣсахъ съ дѣтства, привыкая къ арбалету и копью, владѣютъ ими въ совершенствѣ и превосходятъ другихъ въ этомъ отношеніи.

Наконецъ, поляна была густо устлана трупами звѣрей всякаго рода, но до конца охоты еще было далеко. Напротивъ, самая интересная и самая опасная минута еще не наступила: только теперь загонщики выгнали нѣсколько туровъ и зубровъ. Хотя они въ лѣсахъ обыкновенно держались по одиночкѣ, но теперь шли вмѣстѣ, нисколько не смущенные тревогой и скорѣе грозные, чѣмъ испуганные. Они шли не очень быстро, какъ будто увѣренные, что ихъ сила преодолѣетъ всѣ препятствія. Земля дрожала подъ ихъ тяжестью. Бородатые быки, идущіе впереди всей этой движущейся массы, съ низко опущенными головами, по временамъ останавливались, какъ будто обдумывая, въ какую сторону ударить. Эти чудовища издавали глухія рычанія, похожія на раскаты подземнаго грома, изъ ноздрей ихъ вырывались клубы пара. Они взрывали передними ногами снѣгъ и, казалось, своими налитыми кровью глазами высматривали непріятеля.

Между тѣмъ загонщики подняли страшный крикъ, которому завторили съ главной и боковыхъ сторонъ сотни громкихъ голосовъ; загремѣли рожки и пищали; содрогнулась пуща до самыхъ отдаленныхъ окраинъ. Въ то же время со страш-

Digitized by Google

нымъ гамомъ высыпали на поляну несущіяся по ихъ слѣдамъ курпесскія собаки. Ихъ видъ привелъ въ ярость самокъ, у которыхъ были дѣтеныши. Стадо, до сихъ поръ шедшее медленно, съ бѣшенствомъ заметалось по полянѣ. Одинъ изъ туровъ, изжелта-бѣлый, гигантскій, чудовищный быкъ, превышающій размѣрами зубра, тяжеловѣсными прыжками устремился на стрѣлковъ; онъ завернулъ на правую сторону поляны, потомъ, увидавъ въ нѣсколькихъ шагахъ между деревьями лошадей, остановился и рыча началъ рогами взрывать землю, какъ бы подстрекая себя къ борьбѣ. Увидавъ это, загонщики подняли еще большій шумъ, а въ ряду охотниковъ раздались полные ужаса крики:

— Княгиня! княгиня! спасайте нашу госпожу. Збышко схватилъ воткнутое въ снѣгъ копье и бросился на опушку лѣса, за нимъ помчалось нѣсколько литовцевъ, готовыхъ погибнуть при защитѣ дочери Кейстута, а тѣмъ временемъ въ рукахъ княгини скрипнулъ арбалетъ, — засвистѣла пуля и, пролетѣвъ надъ наклоненною головой звѣря, засѣла въ его загривокъ.

— Досталось ему!—сказала княгиня,—не пойдетъ...

Но ея дальнѣйшія слова были заглушены такимъ страшнымъ рычаніемъ, что даже лошади осѣли на заднія ноги. Туръ, какъ ураганъ, бросился на княгиню, но вдругъ изъ-за деревьевъ съ неменьшею быстротой, съ вытянутымъ какъ на рыцарскомъ турнирѣ копьемъ, перегнувшись на лошади, мужественный де-Лершъ кинулся прямо на звѣря.

Присутствующіе въ одно мгновеніе увидали, какъ копье вонзилось въ загривокъ быка, какъ оно тотчасъ же дугой согнулось и разлетѣлось въ мелкіе куски, послѣ чего гигантская рогатая голова тура совершенно исчезла подъ брюхомъ лошади де Лерша; никто не успѣлъ и опомниться, какъ лошадь и всадникъ мгновенно взвились на воздухъ.

Лошадь упала на бокъ и начала биться въ предсмертныхъ судорогахъ, зацѣпляя ногами свои истерзанныя внутренности; де-Лершъ лежалъ вблизи на снѣгу безъ движенія, напоминая собою желѣзный клинъ; туръ, казалось, съ минуту колебался, не оставить ли ихъ въ покоѣ и не броситься ли на другихъ лошадей, но, имѣя передъ собой двѣ первыя жертвы, онъ опять обратился къ нимъ и началъ свирѣпствовать надъ несчастною лошадью, мялъ ее головой и рогами, съ бѣшенствомъ терзалъ ея распоротое брюхо.

Между тѣмъ изъ лѣсу появились люди на защиту иноземнаго рыцаря. Збышко, который больше всего безпокоился за

Digitized by Google

княгиню и Данусю, добѣжалъ первый и вонзилъ остріе копья подъ лопатку звѣря. Но онъ ударилъ съ такою силой, что, при неожиданномъ поворотѣ тура, копье сломалось у него въ рукѣ, а самъ онъ упалъ лицомъ въ снѣгъ.

— Погибъ, погибъ! раздались голоса бѣгущихъ на помощь мазуровъ. Между тѣмъ голова тура покрыла Збышко и прижала его къ землѣ. Со стороны князя уже приближались два могучихъ защитника, но они явились бы слишкомъ поздно, если бы къ счастью ихъ не предупредилъ подаренный Збышко Ягенкой чехъ Глява. Онъ подоспѣлъ раньше ихъ и, поднявъ обѣими руками широкій топоръ, ударилъ по наклоненной головѣ тура. Ударъ былъ такъ силенъ, что звѣрь рухнулъ какъ пораженный громомъ съ разрубленною пополамъ головой, но падая онъ придавилъ Збышко. Оба защитника въ одно мгновеніе оттащили отъ Збышко чудовищную гигантскую массу, а княгиня и Дануся тѣмъ временемъ, соскочивъ съ лошадей, онѣмѣвшія отъ ужаса, подбѣжали къ раненому юношѣ. Онъ же, блѣдный, весь облитый кровью тура и своею собственною, нѣсколько приподнялся, но зашатался, упалъ на колѣни и смогъ сказать только одно слово: „Дануся!“.. Потомъ у него пошла кровь изо рта, и онъ потерялъ сознаніе. Дануся схватила было его за плечи, но, не будучи въ состояніи удержать его, начала кричать о помощи. Его окружили со всѣхъ сторонъ, растирали его снѣгомъ, вливали ему вино въ ротъ, наконецъ Мрокота изъ Моцажева приказалъ положить его на плащъ, и они стали принимать всѣ мѣры, чтобы пріостановить кровь.

— Онъ будетъ живъ, если у него поломаны ребра, а не спинной хребетъ,—сказалъ Мрокота, обращаясь къ княгинѣ.

Другіе придворные занялись съ помощью охотниковъ рыцаремъ де-Лершъ. Его повертывали на всѣ стороны, ища на латахъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь дыръ или углубленій, сдѣланныхъ рогами быка, но, кромѣ слѣдовъ снѣга, который набился въ промежутки между желѣзною сѣткой, ничего не было видно. Туръ свирѣпствовалъ надъ лошадью, которая тутъ же лежала мертвая съ растерзанными внутренностями, а де-Лершъ не получилъ никакого поврежденія. Онъ только лишился чувствъ при паденіи и, какъ впослѣдствіи оказалось, вывихнулъ правую руку. Когда ему сняли шлемъ и въ ротъ налили вина, онъ тотчасъ же открылъ глаза и пришелъ въ себя и, видя надъ собою склоненныя и обезпокоенныя лица двухъ молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ, сказалъ по-нѣмецки:

Digitized by Google

— Я вѣроятно уже въ раю, а это ангелы стоятъ надо мною. Хотя придворные не поняли того, что онъ сказалъ, но они рады были, что онъ пришелъ въ себя и заговорилъ, и начали ему улыбаться и съ помощью охотниковъ подняли его съ земли. Тогда онъ застоналъ, почувствовавъ боль въ правой рукѣ, лѣвою-же онъ оперся на плечо одного изъ „ангеловъ"—и съ минуту стоялъ неподвижно, боясь сдѣлать шагъ впередъ,—такъ у него ослабѣли ноги. Потомъ онъ мутнымъ взглядомъ обвелъ всю поляну, увидалъ изжелта-бѣлое тѣло тура, которое вблизи казалось чудовищно громаднымъ, увидалъ Данусю, отчаянно ломающую руки надъ Збышко, и самого Збышко, распростертаго на плащѣ.

— Это тотъ рыцарь, который оказалъ мнѣ помощь?—спросилъ онъ.—Живъ ли онъ?

— Тяжело раненъ,—отвѣчалъ одинъ изъ придворныхъ, знающій по нѣмецки.

— Отнынѣ я буду бороться не съ нимъ, а за него!—отвѣчалъ лотарингецъ.

Но въ эту минуту князь, который прежде стоялъ надъ Збышко, приблизился къ нему и сталъ его восхвалять за то, что онъ своимъ смѣлымъ поступкомъ отстранилъ отъ княгини грозившую ей и ея придворнымъ опасность, а быть можетъ спасъ имъ даже жизнь — за это, кромѣ рыцарскихъ наградъ, его ждетъ слава у современныхъ людей и у потомства.

— Въ нынѣшнее изнѣженное время,—сказалъ князь, — все рѣже и рѣже встрѣчаются храбрые рыцари: погостите у меня подольше, а то и совсѣмъ останьтесь въ Мазовіи. Мое расположеніе вы уже пріобрѣли, а доблестными дѣлами вы заслужите и любовь другихъ.

Жаждущее славы сердце де-Лерша растаяло отъ этихъ словъ. Когда же онъ подумалъ, что совершилъ такой рыцарскій подвигъ и заслужилъ такія похвалы въ земляхъ польскихъ, про которыя ему разсказывали такъ много чудесъ на Западѣ, то отъ радости онъ почти не чувствовалъ боли въ вывихнутомъ плечѣ. Онъ понялъ, что рыцарь, который будетъ имѣть возможность разсказать при дворѣ брабантскомъ или бургундскомъ, что на охотѣ спасъ жизнь княгини Мазовецкой, достигнетъ особой славы. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, онъ хотѣлъ даже идти къ княгинѣ и на колѣняхъ предложить ей свою службу, но она и Дануся были заняты Збышко, который на минуту пришелъ въ себя, улыбнулся Данусѣ, провелъ рукой по лбу, покрытому

Digitized by Google

холоднымъ потомъ, и опять лишился сознанія. Опытные охотники, видя, какъ при этомъ сплелись его руки, а ротъ остался открытымъ, говорили другъ другу, что онъ не останется въ живыхъ, но еще болѣе опытные курпы, изъ которыхъ многіе носили на себѣ слѣды медвѣжьихъ когтей, кабаньихъ клыковъ или зубровыхъ роговъ, подавали надежду: они утверждали, что рога тура только задѣли ребра молодого рыцаря, быть можетъ, одно или два изъ нихъ и сломаны, но спинной хребетъ цѣлъ, иначе молодой рыцарь не могъ бы ни на минуту приподняться. Они указывали тоже, что Збышко упалъ на снѣжный сугробъ и это спасло его—звѣрь, прижавъ его къ мягкому снѣгу, не могъ раздробить ему грудь и спину. Къ несчастью, княжескаго врача, ксендза Вышенека изъ Дзеванны, не оказалось на лицо. Онъ, обыкновенно, присутствовалъ на охотѣ, но на этотъ разъ былъ занятъ приготовленіемъ облатокъ. Чехъ, узнавъ объ этомъ, помчался за нимъ, а тѣмъ временемъ курпы понесли Збышко на плащѣ на княжескій дворъ. Дануся хотѣла идти за нимъ пѣшкомъ, но княгиня воспротивилась этому — дорога была дальняя, лѣсныя ложбины были наполнены снѣгомъ, а дѣло было спѣшное. Староста изъ Щитна Гуго-де-Данфельдъ помогъ дѣвушкѣ сѣсть на лошадь, а затѣмъ, ѣдучи съ ней рядомъ вслѣдъ за людьми, которые несли Збышко, сказалъ по-польски тихимъ голосомъ, такъ чтобы только она одна могла его слышать.

— У меня въ Щитнѣ есть чудодѣйственный бальзамъ, который я получилъ отъ одного пустынника въ Герцинскомъ лѣсу и который я могъ бы выписать черезъ три дня.

— Да наградитъ васъ Богъ,—отвѣчала Дануся.

— Богъ не забываетъ ни одного добраго дѣла, но могу ли я и отъ васъ ожидать награды?

— Какимъ же образомъ я могу вознаградить васъ?

Крестоносецъ еще болѣе приблизился къ ней, очевидно, желая ей что-то сказать, но раздумалъ и минуту спустя сказалъ:

— Въ Орденѣ, кромѣ братьевъ, есть и сестры... Одна изъ нихъ привезетъ цѣлебный бальзамъ, тогда я скажу вамъ и насчетъ вознагражденія.

V.

Ксендзъ Вышенекъ, осмотрѣвъ раны Збышко, нашелъ, что у него сломано только одно ребро, но въ первый день онъ не ручался за его выздоровленіе—онъ не былъ увѣренъ, не перевернулось ли въ больномъ сердце и не оборвалась ли почка.

Digitized by Google

Де-Лершу тоже пришлось лечь: къ вечеру онъ такъ ослабѣлъ, что отъ всякаго движенія рукой или ногой ощущалъ сильную боль. Княгиня, Дануся и другіе придворные ухаживали за больными и приготовляли для нихъ, по рецепту ксендза Вышенека, различныя мази и травы. Збышко былъ сильно помятъ и время отъ времени харкалъ кровью, что очень безпокоило ксендза. Молодой рыцарь былъ, однако, въ полномъ сознаніи и, хотя онъ еще былъ очень слабъ, но, узнавъ отъ Дануси, кому онъ обязанъ жизнью, призвалъ къ себѣ чеха, чтобы поблагодарить и вознаградить его. Ему при этомъ пришло въ голову, что чехъ былъ ему подаренъ Ягенкой и что, еслибы не ея доброе сердце, онъ навѣрное погибъ бы. Мысль эта была для него очень тяжела; онъ чувствовалъ, что никогда не сможетъ отблагодарить эту добрую дѣвушку и что вѣчно будетъ причиной ея слезъ и горя. Правда, онъ тотчасъ же подумалъ: „вѣдь не могу же я разорваться на двое“, но въ глубинѣ души у него осталось что-то вродѣ упрека совѣсти, а чехъ еще усилилъ его внутреннюю тревогу.

— Я клялся паненкѣ,—сказалъ онъ,—моею честью, что буду охранять васъ, и поэтому мнѣ не нужно никакой награды. Ей, а не мнѣ вы обязаны своимъ спасеньемъ.

Збышко ничего не отвѣчалъ, но началъ тяжело дышать.

Чехъ съ минуту помолчалъ и затѣмъ сказалъ опять:

— Не прикажете ли вы мнѣ поѣхать въ Богданецъ за старымъ бариномъ: одному Богу извѣстно, что будетъ съ вами.

— А что говоритъ ксендзъ Вышенекъ?—спросилъ Збышко.

— Ксендзъ Вышенекъ говоритъ, что это выяснится къ полнолунію, а до полнолунія еще четыре дня.

— Эхъ! Не къ чему тебѣ ѣхать въ Богданецъ. Или умру прежде чѣмъ дядя подоспѣетъ, или выздоровѣю.

— Вы послали бы хоть письмо въ Богданецъ. Сандерусъ все прекрасно напишетъ. По крайней мѣрѣ, будутъ знать про васъ и закажутъ обѣдню.

— Оставь меня теперь въ покоѣ, я слабъ. Если я умру, ты вернешься въ Згожелицы и разскажешь все какъ было—тогда и заупокойную обѣдню закажутъ. А меня похоронятъ или здѣсь, или въ Цехановѣ.

— Развѣ что въ Цехановѣ или въ Пшаснышѣ, въ лѣсу хоронятъ только курповъ, и надъ ними волки воютъ. Я слышалъ отъ слугъ, что князь черезъ два дня со всѣмъ дворомъ отправится въ Цехановъ, а потомъ въ Варшаву.

Digitized by Google

— Не оставятъ же меня здѣсь,—отвѣчалъ на это Збышко.

И онъ угадалъ—княгиня въ этотъ же день отправилась къ князю съ просьбой, чтобы онъ позволилъ ей остаться съ Данусей, съ другими придворными и съ ксендзомъ Вышенскомъ, по мнѣнію котораго Збышко слѣдовало бы оставить на нѣкоторое время въ Пшаснышѣ.

По прошествіи двухъ дней де-Лёршъ чувствовалъ себя гораздо лучше, онъ уже могъ вставать съ постели, но, узнавъ, что дамы остаются, и онъ изъявилъ желаніе остаться, чтобы сопровождать ихъ на обратномъ пути и въ случаѣ нападенія „сарациновъ“ защищать ихъ. Откуда могутъ взяться эти „сарацины“, въ этомъ храбрый лотарингецъ не отдавалъ себѣ отчета. Правда, на далекомъ Западѣ такъ называли литовцевъ,—но отъ нихъ не грозило никакой опасности дочери Кейстута, родной сестрѣ Витольда и двоюродной сестрѣ могущественнаго краковскаго короля Ягелло. Де-Лёршъ, несмотря на то, что слышалъ въ Мазовіи и о крещеніи Литвы и о соединеніи двухъ королей въ лицѣ одного владыки, слишкомъ долго гостилъ у крестоносцевъ, чтобы могъ сразу перемѣнить свое мнѣніе о литовцахъ, о которыхъ онъ до сего времени слышалъ только одно дурное. По крайней мѣрѣ, такъ ему говорили крестоносцы, а онъ еще не совсѣмъ утратилъ вѣру въ ихъ слова.

Тѣмъ временемъ случилось одно происшествіе, которое легло тѣнью между княземъ и его гостями-крестоносцами. За день до отъѣзда двора прибыли братья Готфридъ и Ротзеръ, которые до этого оставались въ Цехановѣ; вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ и нѣкій де-Фурси и привезъ неблагополучную вѣсть для крестоносцевъ. Случилось такъ, что заграничные гости: де-Фурси, де-Берговъ и Майгенеръ (послѣдніе имѣли свои заслуги передъ Орденомъ), гостя у крестоносцевъ у старосты въ Любовѣ, много наслышались о Юрандѣ изъ Спыхова и не только его не испугались, но рѣшили вызвать этого знаменитаго спыховскаго воина, втобы воочію убѣдиться, дѣйствительно ли онъ такъ страшенъ, какъ о немъ говорятъ. Староста сначала не соглашался, ссылаясь на мирное отношеніе между Орденомъ и мазовецкимъ княжествомъ, но въ концѣ-концовъ, быть-можетъ въ надеждѣ избавиться отъ грознаго сосѣда, онъ не только согласился смотрѣть сквозь пальцы на ихъ затѣи, но даже снабдилъ ихъ вооруженными кнехтами. Рыцари послали Юранду вызовъ; послѣдній охотно согласился, но съ условіемъ, что они отошлютъ людей, а всѣ трое будутъ драться съ нимъ и съ его двумя това-

Digitized by Google

рищами на границѣ Пруссіи и Спыхова. Но когда они не захотѣли ни отпустить кнехтовъ, ни оставить спыховскія земли, онъ напалъ на нихъ, кнехтовъ перебилъ, Майнегера тяжело ранилъ копьемъ, а де-Бергова взялъ въ плѣнъ и посадилъ въ спыховскія подземелья. Одному де-Фурси удалось спастись, и послѣ трехдневнаго блужданія по мазовецкимъ лѣсамъ, узнавъ отъ смоляровъ, что въ Цехановѣ гостятъ крестоносцы, онъ пробрался къ нимъ, чтобы вмѣстѣ съ ними принести жалобу князю, просить его о возмездіи и о приказѣ освободить де-Бергова.

Вѣсти эти тотчасъ же нарушили хорошія отношенія между княземъ и его гостями, потому что не только вновь прибывшіе братья, но и Гуго де-Данфельдъ и Зигфридъ де-Леве начали настойчиво требовать отъ князя, чтобы онъ наконецъ оказалъ справедливость Ордену, освободилъ границы отъ хищника и сразу наказалъ его за всѣ его проступки. Въ особенности грозно настаивалъ на мщеніи Гуго де-Данфельдъ, у котораго были прежніе личные счеты съ Юрандомъ, и, вспоминая о нихъ, онъ терзался отъ гнѣва и стыда.

— Если ваша княжеская милость не накажетъ его, какъ онъ того заслуживаетъ, то мы обратимся къ велпкому магистру, а онъ сумѣетъ оказать справедливость, если бы сторону этого разбойника приняла даже вся Мазовія.

Князь, мягкій по натурѣ, сильно разгнѣвался и сказалъ:

— Какой еще справедливости вы требуете? Еслибы Юрандъ первый напалъ на васъ, сжегъ деревни, захватилъ ваши стада, убилъ людей, я, конечно, вызвалъ бы его на судъ и онъ не избѣгнулъ бы наказанія. Но вы сами напали на него. Вамъ староста далъ своихъ кнехтовъ—причемъ же здѣсь Юрандъ? Онъ принялъ вызовъ, и требовалъ только удаленія кнехтовъ. Какъ же мнѣ его за это наказывать или призывать къ суду? Вы задѣли страшнаго рыцаря, котораго всѣ боятся, и добровольно навлекли бѣду на свои головы—чего же вамъ еще нужно? Долженъ ли я ему запретить защищаться, когда вамъ вздумается напасть на него?

— Не Орденъ напалъ на него, а его гости, чужеземные рыцари,—сказалъ Гуго.

— Орденъ отвѣчаетъ за своихъ гостей и кромѣ того съ ними были кнехты изъ любовскаго гарнизона.

— Долженъ ли былъ староста отдать своихъ гостей на закланіе?

На это князь обратился къ Зигфриду и сказалъ:

Digitized by Google

— Смотрите, во что обращается справедливость въ вашихъ устахъ, и неужели ваши уловки не оскорбляютъ Бога?

Но суровый Зигфридъ отвѣтилъ:

— Де-Берговъ долженъ быть выпущенъ изъ плѣна, его предки были старѣйшинами въ Орденѣ и оказали крестоносцамъ великія услуги.

— А смерть Майнегера должна быть отмщена,—прибавилъ Гуго де-Данфельдъ.

Князь, услыхавъ это, откинулъ волосы на обѣ стороны и, вставъ со скамьи, со зловѣщимъ лицомъ подошелъ къ нѣмцамъ, но, очевидно, тутъ же вспомнивъ, что они его гости, онъ опять сдержалъ себя, положилъ руку на плечо Зигфрида и сказалъ:

— Слушайте, староста, вы носите крестъ на плащѣ и во имя этого креста, во имя вашей совѣсти отвѣтьте: правъ ли былъ Юрандъ или не правъ?

— Де-Берговъ долженъ быть выпущенъ изъ неволи,—отвѣтилъ Зигфридъ де-Леве.

Наступила минута молчанія, послѣ чего князь сказалъ:

— Пошли мнѣ, Господи, терпѣнія!

Зигфридъ продолжалъ рѣзкимъ голосомъ, напоминающимъ острые удары меча:

— Оскорбленіе, которое нанесено намъ въ лицѣ нашихъ гостей—это только новый поводъ къ жалобамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Орденъ, никогда ни въ Палестинѣ, ни въ Седмиградіи, ни въ языческой до сихъ поръ Литвѣ, никто намъ не причинялъ столько зла, сколько этотъ разбойникъ изъ Спыхова... Ваша княжеская милость! Мы требуемъ справедливости и наказанія не за одну обиду, но за цѣлыя сотни, не за одну битву, но за пятьдесятъ; не за кровь пролитую однажды, но за цѣлые годы такихъ преступленій, за которыя небесный огонь долженъ былъ бы поглотить это неблагочестивое гнѣздо злобы и жестокости! Чьи стоны взываютъ къ Богу о мщеніи? Наши! Чьи слезы? Наши! Тщетно мы заявляли наши жалобы, тщетно просили суда. Намъ никогда не давали удовлетворенія!

Услыхавъ это, князь грустно покачалъ головой и сказалъ:

— Эхъ! Прежде крестоносцы неоднократно гостили въ Спыховѣ и Юрандъ не былъ вашимъ врагомъ, пока любимая имъ женщина не умерла на вашей веревкѣ. А сколько разъ вы сами нападали на него, желая его погибели, какъ желаете и теперь

Digitized by Google

за то, что онъ васъ вызывалъ и побѣждалъ вашихъ рыцарей? Сколько разъ вы подсылали убійцъ, сколько разъ въ лѣсу стрѣляли въ него изъ арбалета? Правда, что, томимый жаждой мести и онъ нападалъ на васъ, но развѣ вы или рыцари, которые сидятъ на вашихъ земляхъ, не нападали на мирныхъ поселянъ Мазовіи, не захватывали ихъ стадъ, не жгли ихъ деревень, не убивали мужчинъ, женщинъ и дѣтей? А когда я жаловался магистру, то онъ отвѣчалъ изъ Мальбурга: „обыкновенные пограничные безпорядки!".. Оставьте же меня въ покоѣ! Вамъ ли жаловаться, когда вы сами схватили и меня въ мирное время, обезоруженнаго, на моей собственной землѣ, и если бы не страхъ передъ гнѣвомъ краковскаго короля, то можетъ быть я до сихъ поръ стоналъ бы въ вашихъ подземельяхъ. Такъ-то вы отплатили мнѣ, принадлежащему къ роду вашихъ благодѣтелей. Оставьте меня въ покоѣ—не вамъ говорить о справедливости!

Услыхавъ это, крестоносцы переглянулись: имъ непріятно и стыдно было, что князь вспомнилъ о происшествіи подъ Злоторьей въ присутствіи де-Фурси, а потому Гуго-де-Данфельдъ, желая положить конецъ дальнѣйшему разговору, сказалъ:

— По отношенію вашей княжеской милости случилось недоразумѣніе, которое мы исправили не изъ страха передъ краковскимъ королемъ, а во имя справедливости. А за пограничные безпорядки нашъ магистръ отвѣчать не можетъ, потому что во всѣхъ государствахъ на границахъ всюду замѣчается духъ своеволія.

— Ты самъ говоришь это, а между тѣмъ требуешь суда надъ Юрандомъ. Чего же вамъ нужно?

— Справедливости и наказанія.

Князь сжалъ свои костлявыя руки и повторилъ:

— Пошли мнѣ Богъ терпѣнія!

— Ваша княжеская милость не можетъ не признать,—продолжалъ Данфельдъ,—что наши проказники обижаютъ только свѣтскихъ людей, не принадлежащихъ къ нѣмецкому племени, ваши же поднимаютъ руку противъ нѣмецкаго Ордена и этимъ оскорбляютъ самого Спасителя. Нѣтъ достаточныхъ мукъ и наказаній для поругателей креста.

— Слушай,—сказалъ князь,—Бога ты не обманешь!

И положивъ руки на плечи крестоносца, онъ его сильно встряхнулъ, а тотъ смутился и началъ уже болѣе мягкимъ голосомъ:

— Если правда, что гости первые вызвали Юранда и не ото-

Digitized by Google

слали людей, я ихъ за это не похвалю. Но дѣйствительно ли Юрандъ принялъ вызовъ?

Сказавъ это, онъ пристально поглядѣлъ на де-Фурси, незамѣтно подмигнувъ ему, какъ бы желая дать ему понять, что онъ долженъ опровергнуть—но тотъ не могъ или не хотѣлъ сдѣлать этого и сказалъ:

— Онъ хотѣлъ, чтобы мы, отославъ людей, всѣ трое съ ними дрались.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Клянусь честью! Я и де-Берновъ согласились, но Майнегеръ отказался...

Тутъ князь перебилъ:

— Староста изъ Щитны, вамъ лучше другихъ извѣстно, что Юрандъ не откажется отъ вызова.

Тутъ онъ обратился ко всѣмъ и сказалъ:

— Кто бы изъ васъ хотѣлъ вызвать Юранда на пѣшее или конное единоборство, я на это даю мое разрѣшеніе. Если Юрандъ будетъ убитъ или схваченъ, де-Берновъ выйдетъ изъ неволи безъ выкупа. Больше этого вы отъ меня не требуйте,—ничего не получите.

Послѣ этихъ словъ наступила глубокая тишина. И Гуго-де-Данфельдъ и Зигфридъ-де-Лёве и братъ Ротгеръ и братъ Готфридъ, хотя и были храбрые рыцари, но слишкомъ хорошо знали страшнаго владѣтеля Спыхова, чтобы кто-нибудь изъ нихъ рѣшился вступить съ нимъ въ борьбу на жизнь и на смерть. Это могъ сдѣлать развѣ какой-нибудь чужеземецъ, пріѣхавшій изъ далекихъ странъ, какъ де-Лершъ или де-Фурси, но де-Лерша не было при этомъ разговорѣ, а что касается де-Фурси, то онъ все еще находился подъ вліяніемъ недавно испытаннаго ужаса.

— Я видѣлъ его одинъ разъ—прошепталъ онъ—и больше видѣть не желаю.

А Зигфридъ де-Лёве сказалъ:

— Крестоносцамъ не дозволяется вступать въ единоборство безъ особаго разрѣшенія магистра и великаго маршала, но мы не требуемъ разрѣшенія на единоборство, а лишь желаемъ того, чтобы де-Берговъ былъ выпущенъ изъ плѣна, а Юрандъ присужденъ къ смертной казни

— Не вамъ предписывать законы въ этой странѣ.

— Потому что мы до сихъ поръ терпѣливо сносили это тяжелое сосѣдство. Но нашъ магистръ сумѣетъ показать справедливость.

Digitized by Google

— Что̀ вамъ и магистру до Мазовіи!..

— За магистромъ стоятъ нѣмцы и римскій императоръ.

— А за мной король польскій, которому подвластно еще болѣе земель и народовъ.

— Ваша княжеская милость желаетъ войны съ Орденомъ?

— Если бы я желалъ войны, я бы васъ не ждалъ въ Мазовіи, а пошелъ бы на васъ, но ты мнѣ не угрожай войной, потому что я нисколько ея не боюсь.

— Что̀ я долженъ доложить магистру?

— Вашъ магистръ ни о чемъ меня не спрашивалъ, говори ему что тебѣ угодно.

— Итакъ, мы сами отомстимъ и придумаемъ наказаніе.

Въ отвѣтъ на это князь протянулъ руку и началъ строго грозить пальцемъ передъ самымъ лицомъ крестоносца.

— Берегись! — говорилъ онъ сдавленнымъ отъ гнѣва голосомъ — берегись! Я тебѣ позволилъ вызвать Юранда, но если бы ты ворвался съ войскомъ въ мою землю, тогда бы я ударилъ на тебя, и плѣнникомъ, а не гостемъ былъ бы ты на моей землѣ.

Очевидно, онъ окончательно потерялъ терпѣніе: съ гнѣвомъ бросилъ шапку на столъ и ушелъ изъ комнаты, захлопнувъ за собою дверь. Крестоносцы поблѣднѣли отъ ярости, а де-Фурси смотрѣлъ на нихъ съ недоумѣніемъ.

— Что̀ теперь будетъ? первый спросилъ братъ Ротгеръ.

А Гуго де-Данфельдъ подскочилъ чуть не съ кулаками къ де-Фурси.

— Зачѣмъ ты сказалъ, что вы первые напали на Юранда?

— Потому, что это правда.

— Тебѣ слѣдовало солгать.

— Я сюда пріѣхалъ драться, а не лгать.

— Хорошо ты дрался—нечего сказать!

— А ты не бѣжалъ отъ Юранда вплоть до Щитна?

— Рах!—сказалъ де-Лёве.—Этотъ рыцарь гость Ордена.

— И все равно, что бы онъ ни сказалъ,—вступился братъ Готфридъ.—Безъ суда не приговорили бы Юранда къ наказанію, а на судѣ все выяснилось бы.

— Что̀ же тогда будетъ?—повторилъ братъ Ротгеръ.

Наступила минута молчанія, послѣ чего началъ говорить суровымъ голосомъ ожесточенный Зигфридъ де-Лёве.

— Нужно съ этою хищною собакой покончить разъ навсегда,— говорилъ онъ.—Де-Берговъ долженъ быть освобожденъ. Созо-

Digitized by Google

немъ войско изъ Щитна, изъ Инсбурга, изъ Любовы, призовемъ Хелминскихъ шляхтичей и ударимъ на Юранда. Пора покончить съ нимъ!

Но хитрый Данфельдъ, который умѣлъ разсмотрѣть дѣло съ двухъ сторонъ, схватился за голову, нахмурилъ брови, и, подумавъ немного, сказалъ:

— Безъ позволенія магистра нельзя....

— Если намъ удастся, то и магистръ насъ одобритъ!—сказалъ братъ Готфридъ.

— Ну, а если не удастся? Если князь пойдетъ на насъ съ копьеносцами?

— Не пойдетъ!—Между нимъ и Орденомъ миръ.

— Ба, теперь миръ, но мы первые нарушимъ его. Наши силы будутъ слишкомъ слабы, чтобы ударить на Мазуровъ.

— Нашъ магистръ вступится за насъ и будетъ война.

Данфельдъ опять нахмурилъ брови и задумался.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ минуту спустя.—Если только удастся, магистръ въ глубинѣ души будетъ радъ. Пошлите пословъ къ князю, будутъ переговоры, и мы вывернемся безнаказанно. Но въ случаѣ пораженія Орденъ не вступится за насъ и не объявитъ войны князю... Для этого нужно другого магистра. За княземъ стоитъ король польскій, а съ нимъ магистръ не начнетъ воевать.

— Все-таки мы захватили землю Добржимскую, а это значитъ, что мы не боимся Кракова.

— Такъ казалось... Опольчикъ... мы взяли какъ залогъ, а и то...

Тутъ онъ оглянулся вокругъ и тихимъ голосомъ присовокупилъ:

— Я слышалъ въ Мальбургѣ, что если бы намъ угрожали войной, то лишь бы только намъ вернули залогъ—мы бы отдали землю.

— Ахъ!—сказалъ братъ Ротгеръ,—если бы тутъ съ нами былъ братъ Марквардъ Зальцбахъ или Шомберъ, который придушилъ Витольдовыхъ щенятъ—они бы знали, какъ поступить съ Юрандомъ. Что же Витольдъ! Намѣстникъ Ягелла! Великій князь, а несмотря на это, Шомбергу все съ рукъ сошло. Убилъ Витольдовыхъ дѣтей—ему все ничего.... Намъ не хватаетъ такихъ людей, которые вездѣ сумѣли бы найтись...

Услыхавъ это, Гуго Данфельдъ оперся локтями на столъ, подперъ голову руками и на нѣкоторое время углубился въ свои думы. Вдругъ его точно озарила какая-то мысль, онъ обтеръ, по обыкновенію, рукой свои мокрыя, толстыя губы и сказалъ:

Digitized by Google

— Да будетъ благословенна та минута, въ которую вы, благочестивый братъ, вспомнили имя храбраго Штомберга.

— Почему такъ? Придумали вы что-нибудь? — спросилъ Зигфридъ де-Лёве.

— Слушайте, — сказалъ Гуго.—У Юранда есть дочь, единственное дитя, которую онъ любитъ больше всего на свѣтѣ.

— Да, есть у него! Мы знаемъ. Любитъ ее и княгиня Анна Данута.

— Да. Такъ слушайте же!—Если бы вы похитили дѣвушку, Юрандъ отдалъ бы за нее не только Бергова, но и всѣхъ плѣнниковъ, самого себя и въ придачу Спыховъ!

— Клянусь кровью св. Бонифація, пролитою въ Дохумѣ!— воскликнулъ братъ Готфридъ.—Истина гласитъ вашими устами!

Послѣ этого они замолкли, какъ бы испугавшись смѣлости задуманнаго предпріятія. Спустя немного времени братъ Ротгеръ обратился къ Зигфриду де-Лёве:

— Умъ вашъ и опытность,—говорилъ онъ,—равняется вашему мужеству: какъ вы объ этомъ думаете?

— Я полагаю, что нужно обдумать это дѣло.

— Потому что, — продолжалъ Ротгеръ,— дѣвушка состоитъ при дворѣ княгини, ба! больше того, она почти что ея любимая дочь. Подумайте, благочестивые братья, какой поднимется крикъ.

А Гуго де-Данфельдъ началъ смѣяться.

— Вы сами говорили,—сказалъ онъ,—что Шомберъ отравилъ или передушилъ Витольдовыхъ щенятъ, — а ему что же за это? Они поднимаютъ шумъ изъ-за пустяковъ, но если бы мы послали магистру Юранда на цѣпи, мы скорѣе получили бы награду, чѣмъ наказаніе.

— Да,—сказалъ де-Лёве.—Есть возможность сдѣлать нападеніе. Князь уѣзжаетъ, Анна Данута остается здѣсь съ придворными дѣвушками. Однако же, нападеніе на княжескій дворъ въ мирное время—не легкое дѣло. Княжескій дворъ не Спыховъ. Будетъ опять такъ, какъ въ Злоторіи! Опять пойдутъ жалобы во всѣ королевства, дойдутъ до самаго папы на насилія Ордена; опять начнетъ угрожать проклятый Ягелло, а магистръ—вѣдь вы его знаете: онъ готовъ брать, что легко дается, но войны съ Ягелло онъ не желаетъ... Да, поднимется крикъ во всѣхъ земляхъ Моравіи и Польши.

— А между тѣмъ кости Юранда побѣлѣютъ на висѣлицѣ,— возразилъ братъ Гуго.—Кто впрочемъ вамъ говоритъ, чтобъ ее похитить отсюда, изъ дворца, отъ княгини? Вѣдь не изъ Цеха-

Digitized by Google

нова же, гдѣ, кромѣ шляхтичей, есть триста человѣкъ стрѣлковъ? Нѣтъ. Но развѣ Юрандъ не можетъ заболѣть и прислать людей за дѣвушкой? Тогда княгиня не запретитъ ей ѣхать, а если дѣвушка пропадетъ въ дорогѣ, кто можетъ сказать вамъ или мнѣ: „Ты ее похитилъ“!

— Ба, — отвѣтилъ нетерпѣливо де-Лёве. — Сдѣлайте такъ, чтобы Юрандъ заболѣлъ и позвалъ дѣвушку...

На это Гуго улыбнулся и торжествуя сказалъ:

— У меня есть золотыхъ дѣлъ мастеръ, который былъ изгнанъ изъ Мальцбурга за кражу, онъ теперь живетъ въ Щитнѣ, онъ сумѣетъ вырѣзать какую угодно печать; у меня есть люди, хотя и мазовецкаго происхожденія, но наши подданные... Развѣ вы еще меня не понимаете?...

— Понимаю!—воскликнулъ горячо братъ Готфридъ, а Ротгеръ поднялъ руки кверху и сказалъ:

— Да благословитъ тебя Богъ, благочестивый братъ, ни Маркварть Зальцбахъ, ни Шомбергъ не нашли бы лучшаго способа.

Послѣ чего онъ прищурилъ глаза, какъ будто хотѣлъ разсмотрѣть что-то далекое!

— Я вижу Юранда,—сказалъ онъ,—какъ онъ съ веревкой на шеѣ стоитъ у Гданскихъ воротъ Мальборга, какъ ему даютъ пинки наши кнехты.

— А дѣвушка будетъ послушницей нашего Ордена,—прибавилъ Гуго де-Данфельдъ.

Услыхавъ это, де-Лёве строго взглянулъ на Данфельда, а тотъ опять обтеръ рукой губы и сказалъ:

— А теперь намъ нужно ѣхать въ Щитну какъ можно скорѣй.

VI.

Однако, передъ отъѣздомъ въ Щитну четыре крестоносца и де-Фурси пришли еще проститься съ княземъ и съ княгиней. Это прощаніе имѣло не слишкомъ дружескій характеръ, но князь, не желая, согласно старо-польскому обычаю, выпускать гостей съ пустыми руками, подарилъ каждому изъ братій по прекрасному куньему мѣху и по серебряной гривнѣ; они съ радостью приняли подарки, увѣряя въ то же время, что, чтобы не нарушать даннаго ими обѣта убожества, они не оставятъ эти деньги для себя, но раздадутъ ихъ нищимъ, которымъ они поручатъ молиться за здоровье, успѣхъ и спасеніе души князя.

Digitized by Google

Слушая эти увѣренія, мазуры улыбались себѣ въ бороду: имъ хорошо была извѣстна жадность Ордена, а еще болѣе лживость крестоносцевъ. Въ Мазовіи сложилась поговорка: „Хорю такъ же присущъ дурной занахъ, какъ крестоносцу ложь. На эту благодарность князь только махнулъ рукой, а послѣ ихъ ухода онъ сказалъ: „при помощи молитвъ крестоносцевъ я доползъ бы до неба развѣ съ такою-же скоростью, какъ раки". Но еще раньше этого при прощаніи съ княгиней, въ ту минуту, когда Зигфридъ де-Лове цѣловалъ у нея руку, Гуго-фонъ-Данфельдъ подошелъ къ Данусѣ, положилъ руку на ея голову и, погладивъ ее, сказалъ:

— Намъ повелѣваютъ платить добромъ за зло и любить даже нашихъ враговъ, и потому сюда пріѣдетъ сестра ордена и привезетъ вамъ цѣлебный гежинскій бальзамъ.

— Какъ я должна отблагодарить васъ за это? отвѣчала Дануся.

— Будьте другомъ ордена и орденскихъ братій.

Де-Фурси обратилъ вниманіе и на этотъ разговоръ и на красоту дѣвушки, а потому, когда они двинулись къ Щитну, онъ спросилъ:

— Кто эта прекрасная придворная, съ которою вы разговаривали передъ отъѣздомъ?

— Дочь Юранда!—отвѣчалъ крестоносецъ.

А де-Фурси, удивившись, сказалъ:

— Та, которую вы собираетесь похитить?

— Та самая. И когда мы ее похитимъ, Юрандъ будетъ нашъ.

— Значитъ, не все то дурно, что происходитъ отъ Юранда. Недурно имѣть подъ своею стражей такого плѣнника.

— Вы думаете, что лучше было бы бороться съ нею, чѣмъ съ Юрандомъ?

— Я думаю такъ же, какъ и вы. Одинъ врагъ ордена, а дочери вы говорили медовыя слова и вдобавокъ обѣщали ей цѣлебный бальзамъ.

Гуго де-Данфельдъ, очевидно, почувствовалъ необходимость нѣсколькими словами оправдаться предъ Зигфридомъ-де-Лёве, который хотя и не былъ лучше другихъ, но все-таки оберегалъ чистоту нравовъ и неоднократно по этому поводу нападалъ на другую братію.

— Я обѣщалъ ей бальзамъ,—сказалъ онъ,—для того молодого рыцаря, котораго помялъ туръ и съ которымъ, какъ вы знаете, она помолвлена. Если послѣ похищенія дѣвушки под-

Digitized by Google

Стр.

XX МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ: И. С. Тургеневъ и графъ Л. Н. Толстой въ первый періодъ ихъ знакомства. **Н. Гутьяра**..... 720

XXI. КРИТИКА: Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Гл. IV. **В. Смирнова**..... 731

XXII. БИБЛІОГРАФІЯ:

1) Богословіе..... 760
2) Философія..... 765
3) Народное образованіе..... 768
4) Сельское хозяйство..... 769
5) Справочники..... 770

XXIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Необходимость объединенія дѣятельности земскихъ учрежденій.—Изданіе печатнаго органа, посвященнаго интересамъ внутренняго управленія. — Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.—Проекты общеземскихъ изданій.—Предусматриваемое возраженіе. — Вопросъ подвѣдомственности. **А. И. Елишева**..... 772

XXIV. ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ:

1) Политическое обозрѣніе. **Не-дипломата**..... 783
2) О каперахъ. **А. Н. Штиглица**..... 791
3) Англія и русская печать. **А. П. Владимірова**..... 800

XXV. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

XXVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

XXVII. ПРИЛОЖЕНІЕ: КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ. **Генрика Сенкевича**. (Переводъ съ польскаго **А. І. Чичаговой**)..... 241—256

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1898 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Выходитъ ежемѣсячно безъ **предварительной цензуры** по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Условія подписки смотри на 4-й стран. обертки.

Digitized by Google

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ составъ каждой книги журнала входятъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) **Изящная словесность** (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д.) 2) **Наука** (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) **Критика.** 4) **Вопросы церковной жизни.** 5) **Современная лѣтопись.** 6) **Иностранныя корреспонденціи.** 7) **Лѣтопись печати.** 8) **Искусство** (обозрѣнія музыкальныя, театральныя, художественныя и др.) 9) **Библіографія** (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ науки и искусства, новости иностранной журналистики и обозрѣніе духовныхъ журналовъ.) 10) **Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей.** 11) **Областной отдѣлъ** (письма и сообщенія изъ провинціи.) 12) **Экономическія замѣтки.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 2 мѣсяца—2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 2 мѣсяца—2 рубля, 1 мѣс.—1 руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

Съ пересылкой **за границу** 18 рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ отдѣл. конт. журнала—при книжн. магаз. Н. Фену и К°, Екатерининская, № 4 и въ библіот. Семенникова, Васильевскій Остр., 6 линія, д. № 25. Здѣсь же производится продажа отдѣльн. №№ журнала.

Подписка принимается и въ другихъ городахъ во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. *Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакціи.*

Книги журнала за всѣ 8 лѣтъ съ его основанія (1890—1897 гг.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 руб. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ семь лѣтъ — пересылка на счетъ редакціи.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: *Москва, редакція Русскаго Обозрѣнія.* (Ильинскія ворота, д. Титова, Ильинское подворье, № 16).

Редакторъ-издатель: **АНАТОЛІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.**

Жалобы на несвоевременную доставку журнала редакція проситъ заявлять позднѣе перваго числа слѣдующаго мѣсяца по выходѣ книги.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

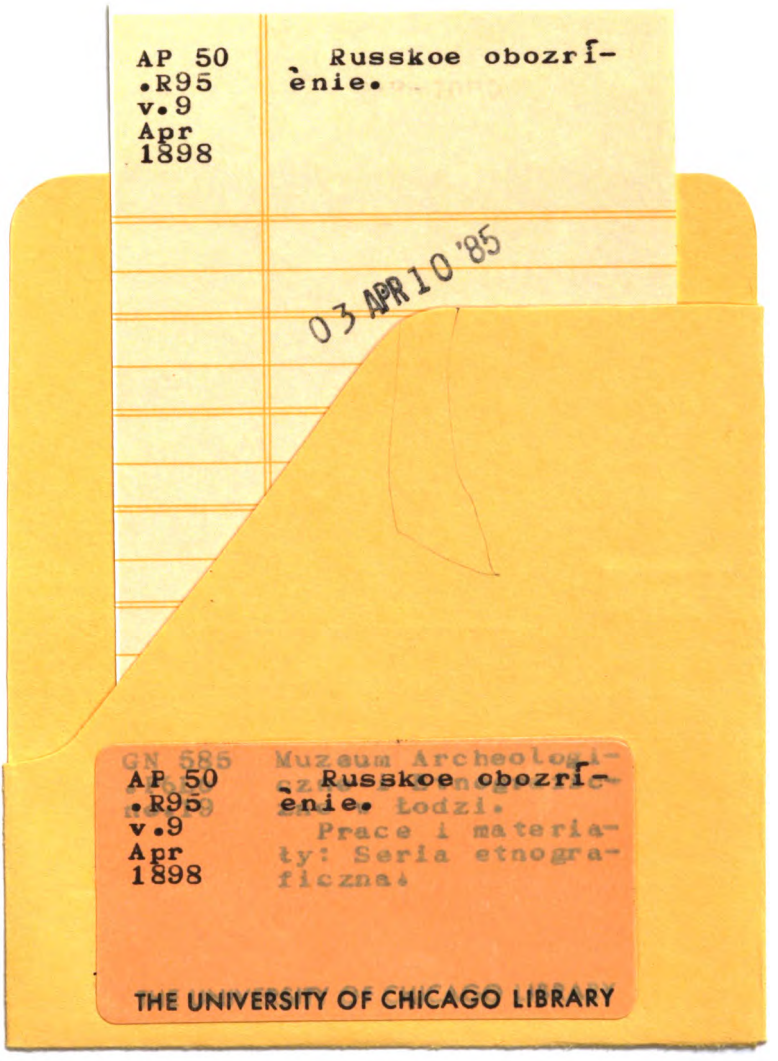
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF CHICAGO
23 687 178



BOUND BY HNM
Digitized by Google

U of Chicago
23687178

Digitized by Google